МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

На правах рукописи

Шульц Эдуард Эдуардович

РЕГУЛИРОВАНИЕ МАССОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА В КОНТЕКСТЕ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Диссертация на соискание ученой степени
доктора политических наук

Научный консультант:
доктор политических наук, профессор, профессор кафедры коммуникационных технологий Института международных отношений и социально-политических наук ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»
Чумиков А.Н.

Москва – 2025.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МАССОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА 43
1.1. Особенности медиакоммуникаций в условиях глобализации, модернизации и медиатизации 44
1.2. Политический протест как исследовательская категория 63
1.3. Теоретические основы изучения массовых форм политического протеста 85
Выводы по главе. 108
Глава 2. ПРИЧИНЫ РАДИКАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕДИАКОММУНИКАЦИОННЫМИ СРЕДСТВАМИ 112
2.1. Протест в радикальных и массовых формах как политическое явление 112
2.2. Причины возникновения и радикализации политического протеста 139
2.3. Особенности регулирования радикальных форм массового политического протеста средствами медиакоммуникаций 155
Выводы по главе 188
Глава 3. ТРАДИЦИОННЫЕ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И МАССОВЫХ ПРОТЕСТОВ XX ВЕКА 194
3.1. Политические протесты и дискуссия о свободе журналистики в России 1905–1917 гг. 194
3.2. Политические протесты и средства медиакоммуникаций в Германии 1918–1933 гг. 240
3.3. Политические протесты и критика концепции беспристрастной журналистики в Кубинской революции 1953–1959 гг. 271
Выводы по главе 280
Глава 4. НОВЫЕ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И МАССОВЫЙ РАДИКАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ В XXI ВЕКЕ: ТЕХНОЛОГИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДИНАМИКИ ПРОТЕСТА 286
4.1. Рост влияния сетевых медиакоммуникаций в «цветных революциях» 2000–2020 гг. 286
4.2 Централизация и десинхронизация медиакоммуникационного влияния в России 2011–2021 гг. 307
4.3. Новые медиакоммуникации в массовом политическом протесте в Белоруссии 2020–2021 гг. 344
Выводы по главе 356
Заключение 362
Список источников и литературы 371

Введение

Научная проблема, на решение которой направлено исследование, заключается в развитии информационно-коммуникационных составляющих в теориях социального конфликта в эпоху глобальных трансформаций и всеохватывающей медиатизации; в разработке теоретико-методологической основы формирования и развития массового политического протеста и роли медиакоммуникаций в его регулировании.

Актуальность темы исследования определяется важностью для социума и государства выявления возможностей управления социально-политическим конфликтом с помощью медиакоммуникаций, особенно радикальными массовыми формами протеста, представляющими наибольшую опасность для любой государственной системы.

Особую актуальность данная проблематика приобретает на современном этапе исторического развития, связанного с процессами глобализации, медиатизации и социальных трансформаций, в связи с формированием в последние три десятилетия феноменологии «цветных революций», а также в связи с современными проявлениями радикальных массовых форм политического протеста в развитых и благополучных странах, с высоким уровнем благосостояния и развитыми демократическими институтами, где подобные проявления считаются невозможными или крайне редкими.

Теории социального конфликта, включая социально-политический конфликт, формировались главным образом в XX веке. Положения данной теории требуют обновления в связи с теми изменениями, которые произошли в современных обществах в целом и их информационно-коммуникационных составляющих, в частности.

Эффективное воздействие на социальные конфликты в процессе генезиса радикальных массовых форм протеста возможно только с пониманием особенностей современного социального конфликта, причин трансформации его в политический протест и возникновения радикальных и массовых форм этого

протеста, с пониманием закономерностей развития этого явления, роли коммуникаций в целом и медиакоммуникаций в регулировании массового политического протеста, особенностей этих процессов на современном этапе.

Современные примеры радикальных массовых форм политического протеста в виде «цветных революций» и массовых акций в США, Англии, Франции и Германии сложно воспринимать и как «революционное движение» (Маркс), и как «выпуск пара» или творческую силу, способную на основе так называемых объективных процессов развивать общество и государство (Зиммель, Козер, Дарендорф). Высокая медиакоммуникационная технологичность в организации современных радикальных массовых форм протеста и использование этих технологий внешними силами еще больше ставит под сомнение позитивные возможности такого развития социального конфликта. Тем более, что современные проявления политического протеста возможны, при определенном воздействии медиатехнологий, даже там, где они не прогнозировались.

В этой связи чрезвычайно актуальной представляется сама проблема понимания и описания исследовательской концепции понятия «медиакоммуникации». Безусловно то, что она должна носить глобально-фундаментальный и многоаспектный характер. В то же время требуются прикладные фокусированные исследования системы современных медиакоммуникаций, где наше внимание сосредоточено на их управленческом аспекте в интересах политической власти и общественной стабильности.

Рассматриваемые в исследовании периоды социально-политического конфликта в виде радикальных массовых форм протеста с их медиакоммуникационной составляющей связаны с двумя системообразующими явлениями: модернизацией и глобализацией. Эти процессы привели к структурным социально-политическим, экономическим, культурным, технологическим изменениям, оказавшим влияние на формирование и развитие политического протеста, к изменениям в средствах медиакоммуникаций и их возможностях. Эти изменения определяют актуальность продолжения разработки теории социального конфликта и поиска закономерностей явления политического протеста в

радикальных и массовых формах; совершенствования гуманитарных технологий, анализа медиакоммуникационных средств в регулировании массового политического протеста.

Степень разработанности научной проблемы

Особенности протестного поведения толпы и управления этим поведением заложены в теоретических построениях таких социальных философов прошлых веков, как Никколо Макиавелли, Гюстав Лебон, Эрнст Никиш, Жан Бодрийяр, психологов Карла Юнга, Карла Ясперса, Сержа Московичи и Мишеля-Луи Рукетта, русского невропатолога Владимира Михайловича Бехтерева, криминологов Габриеля Тарда и Сципиона Сигеле[1].

Механизмам управления коммуникациями, включая медиакоммуникации, посвящены работы У. Липпмана[2], Э. Бернейса[3], Г. Лассуэлла[4], Ю. Хабермаса[5], Дж. Цаллера (John R. Zaller)[6].

Среди современных отечественных авторов, исследующих теоретические концепты и прикладные методы управления коммуникациями и их медийной

---

[1] См. напр.: Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М., 1994. С. 20, 31, 37, 41,71, 73-76, 354-355; Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. С. 195; Лебон Г. Психология толп // Лебон Г., Тард Г. Психология толп. М.: Институт психологии РАН, КСП+, 1998. С. 136-137, 139-140, 193; Макьявелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макьявелли Н. Государь. М., 2012. С. 224; Московичи С. Век толп. М., 1998. С. 20, 23, 34, 57-58; Он же. Машина, творящая богов. М., 1998. С. 22, 86 и др.; Никиш Э. Политические сочинения. СПб., 2011. С. 363, 365; Рукетт М.-Л. Познание масс. М., 2010. С. 54; Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. СПб., 1896. С. 25, 46; Сорокин П.А. Социология революции. М., 2005. С. 174-175; Тард Г. Мнение и толпа // Лебон Г., Тард Г. Психология толп. М., 1998. С. 367; Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991. С. 139; Ясперс К. Власть массы // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М., 2007. С. 45.

[2] Липпман У. Общественное мнение. М., 2004. (Walter Lippmann, Public Opinion).

[3] Бернейс Э. Кристаллизация общественного мнения. СПб., 2021; Бернейс Э. Пропаганда. СПб., 2021. (Edward L. Bernays; «Crystallizing Public Opinion»; «Propaganda»).

[4] Lasswell H. Propaganda Technique in the World War. The MIT Press, 1971; Lasswell P. The Analysis of Political Behavior. Routledge, 2002; Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society // The Process and Effects of Mass Communication. University of Illinois Press, 1971. P. 84-99; Lasswell H.D., Blumenstock D. World Revolutionary Propaganda. A Chicago Study. Knopf, 1939.

[5] Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. (Jürgen Habermas).

[6] Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. М., 2004.

составляющей, отметим В.А. Ачкасову[7], И.А. Быкова[8], Д.П. Гавру[9], А.В. Глухову[10], М.Н. Грачева[11], О.Н. Савинову[12], В.В. Силкина[13], Л.Н. Тимофееву[14], А.Н. Чумикова[15], Ф.И. Шаркова[16].

---

[7] Ачкасова В.А. Коммуникативные стратегии в условиях протестных выступлений населения // Российская школа связей с общественностью. 2019. № 13. С. 11-25; Ачкасова В.А. Мобилизационная модель коммуникации власти и общества // Век информации. 2015. № 3. С. 246-248; Ачкасова В.А. Особенности современных пропагандистских методов в мобилизационных процессах // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. 2015. № 1. С. 77-102; Ачкасова В.А. Новые форматы политических коммуникаций в условиях турбулентности // Реклама, PR и дизайн в бренд-коммуникациях. М., 2022. С. 11-14.

[8] Быков И.А. Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования. СПб., 2013. С. 697; Быков И.А., Гладченко, И.А. К вопросу об исследованиях мобилизационного контента в социальных медиа // Стратегические коммуникации в современном мире. Сб. матер. по результатам научно-практических конференций. Выпуск 2. Саратов, 2019. С. 214-222.

[9] Гавра Д. Основы теории коммуникации: Учебное пособие. Стандарт третьего поколения. СПб., 2011; Гавра Д.П. Понятие и характеристики коммуникационной стратегии // Российская школа связей с общественностью. 2019. №15. С. 64-78.

[10] Глухова А.В. Популизм как политический феномен: вызов современной демократии // Полис. 2017. № 4. С. 49-68; Глухова А.В. Российское общество перед модернизационным вызовом (конфликтологический анализ) // Полис. 2009. № 6. С. 105-118.

[11] Грачев М.Н. О соотношении концепций установления повестки дня и фрейминга // Век информации. 2018. № 2-2. С. 94-96; Грачев М.Н. Средства коммуникации как инструмент преобразования социально-политической действительности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2001. № 3. С. 88-103; Грачев М.Н. Трансформация моделей мобилизующего и десоциализирующего воздействия коммуникативных технологий на аудиторию // Век информации. 2017. № 2-1. С. 100-101.

[12] Савинова О.Н. Традиционная журналистика в условиях формирования новой медиасреды // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 8 (404). С. 48-52.

[13] Силкин В.В. Имидж государственной власти в контексте взаимодействия «общество-власть» // Социология власти. 2006. № 1. С. 104-111; Силкин В.В. Информационно-коммуникативные управленческие процессы в политическом пространстве общества // Коммуникология. 2017. № 6. С. 15-30; Силкин В.В., Шарков Ф.И. Наступление эры медиакоммуникаций: унаследование права четвертой власти цифровой медиасферой // Коммуникология: электронный научный журнал. 2021. Том 6. № 3. С. 22-34; Силкин В.В., Шарков Ф.И. Наступление эры медиакоммуникаций: унаследование права четвертой власти цифровой медиасферой // Коммуникология: электронный научный журнал. 2021. Том 6. № 3. С. 22-34.

[14] Тимофеева Л.Н. Новая социальность в информационной повестке дня: роль старых и новых медиа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 2. С. 64-69; Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика в России: проблемы становления // Коммуникология. 2014. Т. 5. № 3. С. 47-62; Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: мировая и российская проекции // Политическая наука. 2016. № 2. С. 74-100; Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. 2009. № 5. С. 41-54.

[15] Чумиков А.Н. Коммуникации государства и граждан в цифровой среде как факторы управления восприятием актуального политического контекста // Politbook. 2023. № 4. С. 136-158; Чумиков А.Н. Трансформация форм медийных ресурсов и динамика жанров журналистских текстов в российском информационном пространстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2023. Т. 23. № 3.

Специальным направлением исследований в отечественной науке стали разработки комплекса оценки влияния медиа на развитие протестных коммуникаций, связывающие власть и общество[17].

Отдельно следует акцентировать внимание на теоретических и методологических разработках последних десятилетий в сфере политических

С. 100-109; Чумиков А.Н. Факты, смыслы и стереотипы как слагаемые продукта информационной войны // Журналист. Социальные коммуникации. 2022. № 2 (46). С. 19-30; Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Управление коммуникациями. 2-е изд. М.: «Дашков и Ко», 2023.

[16] Шарков Ф.И., Горохов А.М. Применение социальных технологий в исследовании информационных императивов коммуникации (на примере информационного противоборства) // Коммуникология. 2018. Том 6. №2. С. 105-115; Шарков Ф.И. Коммуникология: основы теории коммуникации. М.: «Дашков и К°», 2014; Шарков Ф.И. Политическая коммуникация в современном информационном обществе // PolitBook. 2012. № 2. С. 121-130; Шарков Ф.И., Силкин В.В. Теория и практика массовой информации как фундаментальное направление коммуникологии. 6-е изд. М.: «Дашков и Ко», 2023.

[17] Быкова Е.В., Гавра Д.П. Коммуникативные стратегии в оппозиционном дискурсе // Успехи современной науки и образования. 2016. № 1. С. 122-128; Воронцов С.А., Шарков Ф.И., Понеделков А.В. Проблемы коммуникации между властью, обществом и СМИ в сфере профилактики экстремизма // Коммуникология. 2021. Т. 9. № 1. С. 99-111; Глухова А.В. Политическая конфликтология перед вызовами глобализации // Социологические исследования. 2005. № 8 (256). С. 100-106; Глухова А.В. Политические конфликты в глобальную эпоху (к проблеме теоретической идентификации) // Политическая наука. 2020. № 3. С. 13-33; Глухова А.В. Рост гражданской активности и новая предметность городских конфликтов (мировые тенденции и российские реалии) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 4. С. 5-11; Глухова А.В. Теоретико-методологические проблемы политической конфликтологии: классический и современный дискурс // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1(44). С. 327-333; Глухова А.В., Тимофеева Л.Н. Российская политическая конфликтология: состояние и проблемы // Политическая наука. 2016. № 2. С. 13-37; Грачев, М.Н. Природа российской конфликтности: внешний контекст и внутренние предпосылки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия История. Политология. Социология. 2012. № 1. С. 88-92; Тимофеева Л.Н. Современное протестное движение в мире и в России: его состояние и особенности // Конфликтология. 2012. №3. С. 53-72; Чумиков А.Н. Конфликтные коммуникации в медийном поле // Коммуникология. 2021. Том 9. № 2. С. 125-142; Чумиков А.Н. Медиа как инструмент захвата и удержания власти: ленинская теория и современность // Российская пиарология: тренды и драйверы. Сборник научных трудов в честь профессора В.А. Ачкасовой. Выпуск 11 /Под редакцией А.Д. Кривоносова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского гос. экономического ун-та, 2021. С. 87-96.

коммуникаций[18], массовой коммуникации, массмедиа и медиатизации общества[19], новых медиа и социальных сетей и их роли в политических коммуникациях[20],

[18] Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований // Актуальные проблемы теории коммуникации. Сборник научных трудов. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 98-107; Гаврa Д.П. Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 4. С. 53-77; Грачев М.Н. К вопросу об определении понятий “политическая коммуникация” и “политическая информация” // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2003. № 4. С.34-42; Грачев М.Н. Политика: коммуникационное измерение. Тула, 2011; Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей, 2004; Мельник Г.С. Журналистика в политических технологиях. СПб.: СПбГУ, 2012; Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М.: Едиториал УРСС, 2002; Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика /Под ред. Л.Н. Тимофеевой. М.: РОССПЭН, 2012; Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. 2002. № 3. С. 5-18; Шарков Ф.И. Политическая коммуникация в современном информационном обществе // PolitBook. 2012. № 2. С. 121-130.

[19] Аронсон Э., Пратканис Э.Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения повседневное использование и злоупотребление. СПб., 2002; Бакулев Г.П. Массовая коммуникация. Западные теории и концепции. М., 2005; Березин В.М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М., 2003; Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М.: Вильямс, 2004; Бузин В.Н. Уровни управления российским медиапространством // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 1. С. 121-125; Вартанова Е.Л. Медиа в постсоветской России: их структура и влияние // Pro et Contra. Том 5. 2000. № 4. С. 61-81; Вартанова Е.Л. Современная медиаструктура // Средства массовой информации постсоветской России /Под ред. Я.Н. Засурского. М.: Аспект-Пресс, 2002. С. 10-85; Вартанова Е.Л. Цифровое телевидение и трансформация медиасистем. О необходимости междисциплинарных подходов к изучению современного ТВ // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2011. № 4. С. 6-26; Дзялошинский И.М. Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. М., 2012; Дзялошинский И.М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. М., 2013; Дзялошинский И.М. Современное медиапространство России. М.: Аспект-Пресс, 2015; Засурский И.И. Масс-медиа второй республики. М., 1999; Средства массовой информации России /Под ред. Я. Н. Засурского. М., 2011; Стариков А.Г. Масс-медиа современной России. Ростов-на-Дону: Феникс, 2013; Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб.: Прайм-Еврознак; М., 2001; Шомова С.А. Социокультурные механизмы современной политической коммуникации // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 3. С. 138-143; Hjarvard S. The Mediatization of Culture and Society. Oxon: Routledge, 2013; Mediatization: Concepts, changes, consequences /Ed. by Knut Lundby. New York: Peter Lang, 2009; Mazzoleni G., Schulz W. «Mediatization» of Politics: A Challenge for Democracy? // Political Communication. 1999. Vol. 16. Issue 3. P. 247-261; Norris P. Global Political Communication: Good Governance. Human Development and Mass Communication // Comparing Political Communication: Theories, cases, and challenges /Ed. by F. Esser. B. Pfetsch. Cambridge, 2004. P. 115-150; Strömbäck J. Four Phases of Mediatization: An Analysis of the Mediatization of Politics // The International Journal of Press/Politics. 2008. Vol. 13, Issue 3. P. 228-246; Strömbäck J. Mediatization of Politics. Towards a Conceptual Framework for Comparative Research // The Sourcebook for Political Communication Research: Methods. Measures, and Analytical Techniques /Ed. by E.P. Bucy, R.L. Holbert. New York: Routledge, 2011. P. 367-382; Thompson J.B. Media and Modernity: A Social Theory of the Media. Stanford University Press, 1995; Ward K. Mass Communications and the Modern World. The Macmillan Press, 1994.

технологий направленного коммуникационного воздействия в медиа, в частности, таких как «прайминг», «фрейминг»[21], «формирование повестки дня»[22].

---

[20] Брекендридж Д. PR 2.0: Новые медиа, новые аудитории, новые инструменты. М., 2009; Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М., 2015; Володенков С.В. Новые формы политической коммуникации в современном политическом управлении: угрозы и вызовы // Государственное управление. Электронный вестник. 2011. № 27. URL: http://ee-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2011/vipusk_27._ijun_2011_g./pravovie_i_polititcheskie_aspekti_upravlenija/volodenkov.pdf (дата обращения: 27.03.2024); Зуев А.С., Федянин Д. Н. Модели управления мнениями агентов в социальных сетях // Проблемы управления. 2011. № 2. С. 37-45; Каминченко Д. И. Понимание «новых» СМИ: от технологий Веб 2.0 к политическому значению // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2013. № 4. С. 127-135; Ackland R., Gwynn K. Truth and the dynamics of news diffusion on Twitter // The Psychology of Fake News: Accepting, Sharing, and Correcting Misinformation /Ed. by Rainer Greifeneder, Mariela E. Jaffé, Eryn J. Newman, and Norbert Schwarz. Routledge, 2021. P. 27-46; Deepak P, Chakraborty T., Long C., Kumar S. Data Science for Fake News: Surveys and Perspectives. Springer, 2021; Disinformation, Misinformation, and Fake News in Social Media. Emerging Research Challenges and Opportunities /Ed. by Shu K., Wang S., Lee D., Liu H. Springer, 2020; The Psychology of Fake News: Accepting, Sharing, and Correcting Misinformation. Routledge, 2021.

[21] Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ /Пер. с англ. М.: Издательский дом "Вильямс", 2004. С. 106-107; Исаев Л.М., Еремеева К.С., Шишкина А.Р. Фреймирование сирийского конфликта в российских федеральных СМИ // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2021. № 2 (101). С. 97-120; Казаков А.А. Фрейминг медиа-текстов как инструмент воздействия на аудиторию // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14. №4. С. 85-90; Кушнерук С.Л. Стратегическое фреймирование как объект зарубежной коммуникативистики: истоки, проблемы, перспективы // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 2. С. 243-259; Лакофф Д. Фрейминг демократов // Политическая лингвистика. 2014. №4 (50). С. 313-318; Лопатин С.В. Политический фрейминг как стратегия манипулирования политическим сознанием // Дискурс-Пи. 2019. № 1 (34). С. 68-75; Самкова, М.А. Фреймирование в опыте медийного конструирования образа города // Политическая лингвистика. 2021. №5 (89). С. 157-167; Cacciatore, M., Scheufele, D., Iyengar, S. The End of Framing as We Know It... and the Future of Media Effects // Mass Communication and Society. 2016. Vol. 19, iss. 1. P. 7-23; De Vreese, C. News framing: Theory and typology // Information Design Journal. 2005. № 13 (1). P. 51-62; Godefroidt, A., Berbers, A., d'Haenens, A. What's in a frame? A comparative content analysis of American, British, French, and Russian news articles // The International Communication Gazette. 2016. № 78 (8). P. 777-801; Ndinojuo, B.-C.E., Ihejirika, W.C., Okon, G.B. Reinvigorating the Framing Theory: Appraising Reports on Nigerian Military and Boko Haram Insurgency // International Journal of Media, Journalism and Mass Communications. 2018. Vol. 4, iss. 4. P. 10-19.

[22] Ачкасова В.А. Принцип «повестки дня» как доминанта медийного пространства // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 7-9; Вандышева Е. Эволюция концепта "политическая повестка" в зарубежных политологических исследованиях // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 4. С. 91-99; Данилов М.В. Властные механизмы политизации социальной повестки дня в России // Актуальные проблемы политологии. 2011. №19. С. 209-213; Дьякова Е.Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу // Полис. 2003. № 3. С. 109-120; Казаков А.А. Взаимодействие информационной и политической "повесток дня": к постановке проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2011. Т. 11. № 3. С. 70-73; Казаков А.А. Западная коммуникативистика об установлении

М.Н. Грачев определяет понятие «политическая коммуникация» как «смысловой аспект взаимодействия политических акторов путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее осуществление»[23], и этот процесс является подчиненным по отношению к универсальному понятию «коммуникация»[24].

Под «коммуникацией» отечественные исследователи понимают процесс передачи информации от человека к человеку (от группы к группе) и обмена информацией в обществе с целью воздействия на социальные процессы[25].

информационной повестки дня: Анализ основных подходов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 3. С. 55-61; Каминченко Д.И. Взаимодействие средств массовой информации и общества: анализ информационных повесток дня // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. Т. 39. № 4. С. 533-544; Каминченко Д.И. Информационные повестки дня общества и СМИ: сравнительный анализ // Медиаскоп. 2020. Вып. 4. URL: http://www.mediascope.ru/node/2663/; Колесников В.Н. Актуальная повестка дня в современной России: Факторы формирования // Управленческое консультирование. 2017. № 9 (105). С. 8-17; Лушанкин С.С. Категория «повестка дня» в структуре политического процесса: Понятие «политической повестки дня» и модели её формирования // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. № 1 (4). С. 456-465; Миронова М.А. Новости в Интернет-СМИ: особенности формирования повестки дня // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 2. С. 115-118; Пономарев Н.Ф. Фрейминг медиаповестки дня и типология медиафреймов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 3 (9). С. 62-69; Руденко К.Н. Феномен повестки дня в СМИ, ее функции и инструменты конструирования // Язык. Текст. Дискурс. 2019. № 17. С. 197-202; Сизоненко А.Ю., Гнедаш А.А., Катермина В.В. Сетевой дискурс и российский мэр: Формирование цифровой социально-политической повестки дня в социальных сетях (опыт сетевого и лингводискурсивного анализа) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2021. № 3 (112). С. 100-111; Alkazemi M.F., Wanta W. The Effect of Oil Prices on the Media Agenda: A Model of Agenda Building. Newspaper Research Journal. 2018. № 39 (2). P. 232-244; John P., Bevan Sh., Jennings W. Party politics and policy agenda: The case of the United Kingdom // Green-Pedersen Ch. and Walgrave S.(ed.) Agenda setting, policies and political systems: A comparative approach. The University of Chicago Press, 2014. P. 19-35; McCombs M.E., Shaw D.L. Structuring the “Unseen Environment” // Journal of Communication. 1976. Vol. 26. № 2. P. 18-22; McCombs M.E., Shaw D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // The Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36. No. 2. P. 176-187; McCombs M., Bell T. The agenda-setting role of mass communications // An Integrated Approach to Communication Theory and Research /Ed. by M.B. Salwen, D.W. Stacks. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1996. P. 93-110; Timmermans A., Breeman G. The policy agenda in multiparty government: Coalition agreements and legislative activity in the Netherlands // Agenda setting, policies and political systems: A comparative approach. The University of Chicago Press, 2014. P. 86-104.

[23] Грачев М.Н. К вопросу об определении понятий «политическая коммуникация» и «политическая информация» // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия «Политология». 2003. № 4. С. 37.

[24] Там же. С. 41.

[25] Шарков Ф.И. Коммуникология: основы теории коммуникации. М., 2014. С. 9, 10.

Несмотря на некоторые различия в определениях, под «медиакоммуникациями» подразумевается передача и получение информации, для которой характерны целенаправленность создания, вкладывание смыслов и социальная значимость, с помощью определенных технических средств (печать, радио, телевидение, Интернет)[26].

Понятие глобализации, появившееся в 1960-х гг., становится в 1990-х гг. одним из ключевых концептов в общественных науках[27]. При различии взглядов на процессы, механизмы и перспективы глобализации, можно вести речь о совокупности теорий глобализации и сформированной серьезной научной базе для изучения глобализации как явления и различных трансформационных процессов, связанных с данным явлением[28].

---

[26] См.: Богдановская И.М. Медиа-коммуникация // Universum: Вестник Герценовского ун-та. 2011. №8. С. 78; Венидиктов С. Медиакоммуникация как тип информационного и социального взаимодействия // THESAURUS: зборнік навуковых прац. Заснаваны ў 2015 годзе. Выпуск VII. Магілёў: Установа адукацыі «Магілёўскі інстытут Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь», 2020. С. 44; Войтик Е.А. К вопросу об определении медиакоммуникации как понятия // Открытое и дистанционное образование. 2013. № 1. С. 29; Коломиец В.П. Концептуализация медиакоммуникации // Медиаскоп. 2019. Вып. 4. URL: http://www.mediascope.ru/2575 (дата обращения: 11.02.2024); Таюпова О.И. Медиакоммуникация с позиции социальной коммуникации // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. С. 468; Шилина М. Г. Медиакоммуникация: тенденции трансформации. Новые парадигмы исследований массовых коммуникаций [Электронный ресурс] // Медиаскоп: Электронный научный журнал ф-та журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. 2009. № 3. URL: http://www.mediascope.ru/?q=node/404 (дата обращения: 11.02.2024).

[27] Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. 2 изд., пер. и доп. М., 2004. С. 81; Атлас глобализации. Попытка осмысления современного мирового пространства. М., 2014. С. 9; Бабурин С.Н., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2011. С. 23.

[28] Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма ответы на глобализацию. М., 2001; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М., 2004; Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004; Линдси Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. М., 2006; Тоффлер Э. Третья волна. М., 2009; Хантингтон С. Третья волна: Демократизация в конце XX века. М., 2003; Шабров О.Ф. Модернизация в условиях глобализации: подходы, барьеры, потенциал // POLITBOOK. 2014. № 4. С. 178-189; Appadurai A. Modernity at large: Cultural dimensions of globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996; Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. London: Heinemann, 1974; Featherstone M. Global Culture: an Introduction // Theory, Culture and Societies. 1990. V. 7 (2-3). P. 1-14; Friedman Th.L. The Lexus and Olive Tree. Understanding Globalization. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2000; Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge University Press, 1990; Therbom G. Globalizations: Dimensions, Historical Waves, Regional Effects, Normative Governance // International Sociology. 2000. № 15 (2). P. 151-

Отдельно необходимо отметить исследовательскую базу формирования и трансформации современного информационного общества в условиях медиатизации пространства политических коммуникаций[29], развития сетевого общества как продолжения информационного и цифрового социума[30].

179; Wallerstein I. Globalization or the age of transition? A long-term view of the trajectory of the world system // Globalization: Critical Perspectives. N.Y.: Nova Publishers, 2003. P. 17-28.

[29] Володенков С.В. Особенности Интернета как современного пространства политических коммуникаций // Вестник Московскою государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 4. С. 1-13; Володенков С.В., Ромашкина А.Б Технологии интернет-коммуникации как инструмент влияния на функционирование современных институтов власти: актуальные вызовы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 33-40; Грачев М.Н. Трансформация моделей эффективного информационного воздействия на массовую аудиторию (первая половина XX – начало XXI вв.) // Российская школа связей с общественностью. 2018. № 11. С. 25-40; Грачев М.Н. Трансформация политико-коммуникационных процессов в информационном обществе: от медиации к медиатизации // Российская школа связей с общественностью. 2020. № 18-19. С. 14-27; Гуров Ф.Н. Информатизация общества и трансформация субъекта коммуникативных практик // Гуманитарный вестник. 2019. № 4(78). С. 7; Засурский Я.Н. Информационное общество и средства массовой информации // Развитие информационного общества в России. Том 1: Теория и практика: Сб. статей / Под ред. Н.В. Борисова, Ю.Е. Хохлова. СПб., 2001. С. 148-156; Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000; Михайлова О.В. Сети в современном государственном управлении: конфигурации и механизмы координации // Политическая наука. 2021. № 4. С. 14-30; Михайлова О.В. Современное государственное управление в условиях виртуализации и расширения сетевого ландшафта публичной политики // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2019. № 4. С. 23-39; Михайлова О.В. Современные тенденции развития политической онлайн-коммуникации // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 69. С. 8-25; Пономарев Н.Ф. Постмодернистские стратегические коммуникации. Постправда, мемы, трансмедиа. М., 2020; Савинова О.Н. Медиатизация общества как исследовательская проблема // Журналістыка – 2021: Стан, Праблемы і перспективы. Минск: Изд-во Белорусского государственного университета, 2021. С. 219-222; Тимофеева Л.Н., Рябченко, Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Цифровая социально-политическая повестка дня: апробация новой модели исследования на российском кейсе «Коронавирус-2020» // Полис. 2022. № 5. С. 23-39; Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2008; Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004; Communication technology update and fundamentals /Ed. by August Grant, Jennifer H. Meadows. Technology Futures, Incorporated, 2022; McCombs M. E., Shaw D. L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36. P. 176-187; McCombs M. E., Llamas, J. P., Lopez-Escobar E., Rey F. Candidate images in Spanish elections: Second-level agenda-setting effects // Journalism and Mass Communication Quarterly. 1997. Vol. 74. № 4. P. 703-716; Takeshita T. Exploring the Media's Roles in Defining Reality: From Issue-Agenda Setting to Attribute Agenda Setting // Communication and democracy / Eds. M. McCombs, D. L. Shaw, D. Weaver. Mahwah, NJ, 1997. P. 15-28; Thompson J.B. The Media and Modernity. A Social Theory of the Media. Stanford: Stanford University Press, 1995.

[30] Быков И.А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества: дисс. на соиск. уч. ст. д-ра полит. н. СПб., 2016; Быков И.А. Сетевая политическая коммуникация: Теория, практика и методы исследования: монография. СПб., 2013; Володенков С.В. Социальные

Получили свое теоретическое осмысление современные процессы социальной трансформации, которые становятся неизбежным последствием глобализации и динамических процессов постиндустриального общества[31].

Исследование проблем социального конфликта, частью которого является политический протест, базируется на теоретической основе, заложенной трудами

медиа как инструмент современной публичной политики: особенности и перспективы применения // Политическая наука. 2017. Специальный выпуск. С. 290-305; Дзялошинский, И.М. Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакоммуникаций: монография. Челябинск, 2020; Ильин А.А. Интернет-реальность как социальная актуальная и виртуальная реальности // Социальная политика и социология. 2009. № 2. С. 304-310; Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология /Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 494-505; Тоффлер Э. Третья волна. М., 2009; Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004; Шмидт Э., Коэн Д. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. М., 2013; Bennett W.L., Segerberg A. The Logic of Connective Action. Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. Cambridge University Press, 2013; Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.

[31] Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996; Abercrombie N., Erry J. Capital, Labour and the Middle Classes. L.: Allen & Unwin, 1983; Giddens A. The Class Structure of the Advanced Societies. 2-nd ed. L.: Hutchinson, 1981; Marshall G., Rose D., Newby H., Vogler C. Social Class in Modern Britain. L.: Routledge, 2005; Marshall G. Repositioning Class. Social Inequality in Industrial societies. L.: SAGE Publication, 1997; The Handbook of Political, Social, and Economic Transformation /Ed. by Wolfgang Merkel, Raj Kollmorgen, and Hans-Jürgen Wagner. Oxford University Press, 2019. По социальным трансформациям российского общества см.: Голенкова З.Т. Основные тенденции трансформации социальной структуры современного Российского общества // Вестник РУДН, серия Социология, 2001. № 1. С. 28-43; Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5-23; Заславская Т.И. Структура современного Российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. № 6. С. 7-13; Руткевич М.Н. Трансформация социальной структуры Российского общества // Социологические исследования. 2004. № 12 (248). С. 41-46.

Карла Маркса[32], Георга Зиммеля[33], Льюиса Козера[34], Ральфа Дарендорфа[35], Кеннета Боулдинга[36], Льюиса Крисберга[37], Рэндалла Коллинза[38]. Проблемы изучения социального конфликта получили серьезную теоретическую разработку и среди отечественных исследователей[39].

Проявление социального конфликта в радикальных массовых формах политического протеста стало предметом теоретического осмысления таких выдающихся исследователей, как Питирим Сорокин[40], Тед Гарр[41], Чарльз Тилли[42], Шмуэль Эйзенштадт[43], и целого ряда других представителей политических наук[44].

---

[32] Маркс К. Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 17. М., 1960. С. 317-370; Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое. Т. 13. М., 1959. С. 6-7; Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое. Т. 7. М., 1956. С. 5-110; Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое. Т. 4. М., 1955. С. 424, 435; Маркс К. Монтескьё LVI // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое. Т. 6. М., 1957. С. 192-207; Маркс К. Процесс против рейнского окружного комитета демократов. Речь Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 6. М., 1957. С. 254-272; Маркс К. Революционная Испания // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд.2-ое. Т. 10. М., 1958. С. 423-480.

[33] Simmel G. The Sociology of Conflict // American Journal of Sociology. 1904. Vol. 9, Is. 4. P. 490-525.

[34] Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000; Coser L.A. The Functions of Social Conflict. Glencoe, Ill.: Free Press, 1956; Coser L.A. The Termination of Conflict // Readings in Social Evolution and Development. N.-Y., 1970. P. 141-151.

[35] Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социс. 1994. № 5. С. 142-147; Dahrendorf R. Class and class conflict in industrial society. Stanford University Press, 1973; Dahrendorf R. Der moderne soziale Konflikt. Stuttgart: DVA, 1992; Dahrendorf R. Soziale Klassen und Klassenkonflikt in des industriellen Gesellschaft. Stutt, 1957.

[36] Boulding K. Conflict and Defence: A General Theory. Harper & Row,1962.

[37] Kriesberg L. Sociology of Social Conflict. N.Y., 1973.

[38] Collins R. Conflict Sociology: Toward an Explanatory Science. N.Y.: Academic Press, 1975.

[39] Дмитриев А.В. Социальный конфликт: общее и особенное. М.: Гардарики, 2002; Зайцев А.К. Социальный конфликт. Изд. 2-е. М.: Academia, 2001; Здравомыслов А.Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 12-21; Чумиков А.Н. Конфликтология социальных отношений как комплексная научная дисциплина и практическая специализация // Социологические исследования. 1997. № 7. С. 118-124.

[40] Сорокин П.А. Социология революции. М.: РОССПЭН, 2005.

[41] Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб., 2005.

[42] Tilly C. From Mobilization to Revolution. University of Michigan, 1977.

[43] Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. М., 1999; Eisenstadt S.N. Fundamentalism, Sectarianism, and Revolution. Cambridge University Press, 1999.

[44] Johnson Ch. Revolution and the Social System. The Hoover Institute of War, Revolution and Peace, Stanford University Press, 1964; Kimmel M.S. Revolution. A sociological Interpretation. Temple University Press, Philadelphia, 1990.

Следует также отметить, что революции, как проявление радикальных массовых форм политического протеста, привлекли пристальное внимание исследователей, начиная с XIX в.[45], а в XX в. сложилось целое научное направление, получившее название «теории революции»[46].

---

[45] Блос В. Французская революция. Изд. 3-е. СПб., 1906; Гео Йиман. О революции / Пер. с англ. и прим. Э.Э. Шульца // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 2. С. 61–70; Гизо Ф. История Английской революции. Т.1–2. Ростов-на-Дону, 1996; Джозеф Кларк об истории и теории революций / Пер. с англ., вступ. статья и прим. Э.Э. Шульца // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 214–223; Карлейль Т. История Французской революции. М., 1991; Матьез А. Французская революция. Ростов-на-Дону, 1995; Местр Ж., де. Рассуждения о Франции. М., 1997; Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. М., 2006; Мишле Ж. История XIX века. Т. 1–2. СПб., 1883; Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб., 2008; Тэн И. Происхождение современной Франции. Т. I–V. СПб., 1907; Томас Бэйли о причинах политических революций / Пер. с англ., вступ. статья и прим. Э.Э. Шульца // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 52-61; Arendt H. On Revolution. N. Y., 1963; Bailey T. A Discourse on the Causes of Political Revolutions. London: Published by W. Strange and B. Steill, 1830; Brinton C. The Anatomy of Revolution. N.Y., 1938; Calvert P. Revolution and Counter-Revolution Concepts in the Social Sciences. Milton Keynes, Open University Press. 1990; Clark J. The History and Theory of Revolutions. From the Princeton Review for April 1862. Philadelphia: William S. & Alfred Martien, 1862; Eisenstadt S.N. Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations. N.Y., 1978; Ellul J. Autopsy of Revolution. N.Y., 1971; Goldstone J.A. Revolution and rebellion in the early modern world. Berkeley: University of California Press, 1991; Huntington S.P Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968; Mayer A.J. The Furies. Violence and Terror in the French and Russian Revolutions. Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 2000; Meisel J.H. Counterrevolution: how revolution die. N.Y.: Atherton Press, 1966; Pettee G.S. The Process of Revolution. N.Y: Harper & Brothers, 1938; Revolution: Yearbook of the American Society for Political and Legal Philosophy /Ed. by C.J. Friedrich. N.Y.: Atherton Press, 1966; Revolution in History /Ed. by Roy Porter and Mikuláš Teich. Cambridge University Press, 1986; Revolutions of the Late Twentieth Century /Ed. by Goldstone, Jack A., Ted Robert Gurr, and Farrokh Moshir. Boulder: Westview, 1991; Russel D.E.H. Rebellion, revolution, and armed force: a comparative study of fifteen countries with special emphasis on Cuba and South Africa. Academic Press, 1974; Sanderson S. Revolutions: a worldwide introduction to political and social change. Studies in comparative social sciences. Paradigm Publishers, 2005; Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge University Press, 1979; Theorizing Revolutions /Ed.by John Foran. Routledge, New York, 1997.

[46] См.: Шульц Э.Э. Теория революции: революции и современные цивилизации. М., 2016. С. 11-23. Анализ концепций см.: Шульц Э.Э. Теория революции в истории исследований. М., 2020; Шульц Э.Э. «Социология революции» П. Сорокина: истоки и влияние // Общество. Среда. Развитие. 2014. № 1 (30). С. 55-59; Шульц Э.Э. Социология революции Шмуэля Эйзенштадта // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 146-156; Шульц Э.Э. Теория революции Джека Голдстоуна // Вестник Моск. Гос. обл. ун-та. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 171-182; Шульц Э.Э. Теория революции Лайфорда Эдвардса в контексте научной мысли XIX – начала XX веков // Вестник Моск. Гос. обл. ун-та (Электронный журнал). 2019. № 4; Шульц Э.Э. Теория революции Ленина // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 137-144; Шульц Э.Э. Теория революции Маркса в контексте общественной

Последние три десятилетия в отечественных общественных науках тема революций получила серьезное развитие в диссертационных исследованиях. Значительный массив диссертаций дали работы историографического характера: обзор, систематизация, анализ и критика существующих концепций[47]. Вторая большая группа работ – история национальных революций[48]. Среди докторских

мысли XIX в. в Европе // Вопросы управления. 2014. № 2. С. 39-42; Шульц Э.Э. Теория революции Теды Скокпол // Вестник РУДН. Серия "Политология". 2019. № 3. С. 503-512.

[47] Андреев О.Е. История революции и гражданской войны в России в трудах П.А. Сорокина: дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. н. Нижний Новгород, 2006; Грязнова О.С. Теоретические подходы в социологии революции: сравнительный анализ концепций П. Сорокина, Л. Эдвардса и Т. Скокпол: дисс. на соиск. уч. ст. канд. соц. н. М., 2009; Гаман Л.А. Революция 1917 г. и советская история в освещении русской религиозной эмигрантской мысли: дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. н. Томск, 2008; Воронин А.П. Проблема социальной революции в философии П. Сорокина: дисс. на соиск. уч. ст. канд. филос. н. М., 1996; Голетиани И.С. Марксистская теория «социальной революции»: Генезис и исторические реалии: дисс. на соиск. уч. ст. канд. филос. н. СПб., 1993; Евланников В.П. Теория революции в социологии В.В. Берви-Флеровского: дисс. на соиск. уч. ст. канд. филос. н. СПб., 1992; Кудинова Н.Т. Отечественная историография революции 1917 г. в России, 1917–1995 гг: дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. М., 1998; Креленко Н.С. Осмысление опыта английской революции XVII в. в общественной мысли Великобритании XVII–XIX вв.: дисс. на соиск. уч. ст. докт. истор. наук. Саратов, 1993; Зенков Р.В. Феномен социальной революции как объект политико-философского анализа: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. н. Пермь, 2012; Карасев Д.Ю. Современные зарубежные теории социальных революций: социологический анализ: дисс. на соиск. уч. ст. канд. соц. н. М., 2015; Ланцов С.А. Политические революции и социальный прогресс. (Критический анализ марксистской концепции): дисс. на соиск. уч. ст. докт. полит. н. СПб., 1991; Ломоносова М.В. Социология революции П.А. Сорокина: дисс. на соиск. уч. степени канд. соц. н. СПб., 2006; Лобза Е.В. Концепция мировой пролетарской революции; Соц.-психол. аспект: дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Саратов, 1995; Михалёв А.В. Монгольская революция 1921 года в советской и российской историографии: дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Улан-Удэ, 2005; Норден Л.Л. Английская революция в западноевропейской и русской либеральной историографии XIX века: дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. н. Казань, 1994; Придорожный А.В. Проблема альтернатив общественного развития периода революции 1917 года в отечественной историографии: дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. н. Тюмень, 2001; Сидненко Т.И. Концепция русской революции 1917 года в творчестве Н. А. Бердяева: дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. н. СПб., 1998; Тучков А.Г. Социально-психологическая концепция Великой французской революции 1789-1794 гг. Ипполита Тэна: дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Томск, 1998; Стрелков А.В. Освещение в современной западногерманской историографии проблем Октябрьской революции 1917 г. в России: дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М., 1997; Якубовская Е.В. Февральская революция 1917 г. в оценке советской и русской зарубежной историографии 1920–30-х гг.: дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. н. М., 2011; Якименко М.В. Буржуазные революции в Европе XVII – первой половины XIX вв. и их изучение в советской историографии довоенного периода; 1917–1941 гг.: дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. н. М., 2011.

[48] Гибадуллин И.Р. Аятолла Мортаза Мотаххари и идеология Исламской революции 1978 – 1979 годов в Иране: дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Казань, 2012; Гильермо Г. Апрельская революция 1974 г. и демократические преобразования в Португалии; 1974–1976 гг.: дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М., 2004; Земцов Б.Н. Социально-психологические предпосылки революции 1917 г. в России: дисс. на соиск. уч. ст. д-ра. ист. наук. М., 1999; Кучукова Ж.М.

диссертаций необходимо упомянуть работы Г.А. Завалько (философские науки), В.П. Булдакова и В.Э. Молодякова (исторические науки), в которых представлены авторские подходы и авторские общетеоретические выводы о явлении «революция»[49]. В связи с направлениями исследований социальный протест здесь рассматривается в контексте национальной революции, при этом теоретические обобщения касаются явления революции, а не составляющего ее социального протеста.

Современные значимые примеры политического протеста в радикальных и массовых формах также нашли отклик в исследовательском поле. Наиболее пристальное внимание получили т.н. «цветные революции» с наибольшим присутствием медиакоммуникационного фактора, которые анализируются как с точки зрения отдельных примеров и проявлений, так и с позиций теоретических обобщений[50].

Культура революционной эпохи; на материалах Великой Французской революции: дисс. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2002; Тестов О.В. Гренада: Революция и контрреволюция; 1979-1983 гг.: дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. н. М., 2005; Чернова А.В. Гаитянская революция конца XVIII – начала XIX вв.: дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. н. М., 2003.

[49] Булдаков В.П. Октябрьская революция; Социокультурное измерение: дисс. на соиск. уч. степени докт. истор. наук в форме науч. докл. М., 1998; Завалько Г.А. Социальная революция как явление мировой истории; социально-философский анализ идей и концепций: дисс. на соиск. уч. ст. д-ра. филос. наук. М., 2006; Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии: политика и идеология: дисс. на соиск. уч. ст. д-ра. полит. наук. М., 2004.

[50] Арабский мир после арабской весны /Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М., 2013; Бажанов Е.П., Карпович О.Г., Литвинов В.О. «Революция зонтиков» в Гонконге: новая страница «цветных революций» // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 1 (23). С. 191-203; Грачев М.Н. Арабские революции как фактор влияния на внутрироссийскую политику // Россия и мусульманский мир. 2012. № 3. С. 49-56; Данюк Н.С. «Цветные революции». От теории к практике. М., 2018; Киргизский переворот: март-апрель 2005. Сборник. М., 2005; Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили… М., 2005; Карпович О.Г., Ногмова А.Ш., Литвинов В.О. Феномен движения «желтых жилетов» во Франции и «цветные революции» // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 3 (25). С. 72-87; Карпович О.Г., Манойло А.В. Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. М., 2015; Лэйн Д. Оранжевая революция: «Народная революция» или Революционный переворот? // Полис. 2010. № 2. С. 31-53; Мамзелев И. А. Обзор технологического подхода к изучению «цветных революций» в отечественной политической науке // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 3. С. 240-255; Манойло А.В. Технологии управления политическими конфликтами в революциях на Ближнем Востоке и в Северной Африке // Политэкс. 2012. Том 8. № 1. С. 131-154; Манойло А.В. Украинский кризис и «управляемый хаос»: след «цветных революций» Арабской весны // Власть. 2014. № 2. С. 24-28; Наумов А.О. Зарубежная историография «цветных революций»: страновой аспект // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество).

Основное внимание диссертационных исследований в данном направлении посвящено внешнеполитическим стратегиям, трансформациям политических систем[51], особенностям регионального контекста политического протеста[52]. Однако массовый политический протест и его радикальные формы не рассматриваются как отдельное явление, отличающееся в своих проявлениях и закономерностях от других видов протеста[53].

2021. № 3. С. 87-101; Наумов А.О., Демин Д.В. «Цветные революции»: отечественная историография проблемы // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2022. № 1-1. С. 106-120; Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М., 2012; Степаненко В. «Оранжевая революция» – природа событий и особенности национальной гражданской активности // Вестник общественного мнения. 2005. № 5 (80). С. 25-38; Труевцев К.М. «Арабская весна» – ход, акторы, технология и промежуточные итоги // Полития. 2012. № 1. С. 21; Фисун А.А. Политическая экономия «цветных» революций: неопатримониальная интерпретация // Прогнозис. № 3. С. 211–244; The Arab Spring: New Patterns for Democracy and International Law /Ed. by Carlo Panara, Gary Wilson. Leiden-Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2013; The Arab Spring: Will It Lead to Democratic Transitions? /Ed. by Clement Henry, etc. Palgrave Macmillan, 2013.

[51] См.: Арямова А.Д. Роль технологий цветных революций в трансформации современных политических режимов: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. н. М., 2016; Ашрафи М.М. Проблемы и перспективы развития бархатной революции в процессе изменяющегося мира: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. н. Душанбе, 2014; Бочанов М.А. «Цветные революции» как фактор трансформации внешнеполитических стратегий государств на постсоветском пространстве: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. н. Орел, 2011; Наумов, А.О. «Цветные революции»: использование технологий «мягкой силы» для смены политических режимов в конце XX – начале XXI веков: дисс. на соиск. уч. ст. д-ра ист. н. М., 2022; Шитова, А.В. Роль международных неправительственных организаций (МНПО) в событиях «Арабской весны» и последующих трансформационных процессах в Тунисе и Египте: 2011–2017 гг.: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. н. М., 2018.

[52] См.: Дубровский К.Г. Политический аспект массовых протестных акций в современной России: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. н. Ростов-на-Дону, 2007; Лебедева И.Л. Концепт социальный протест в языковой картине мира США (на материале периодики и интернет-ресурсов): дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. н. Владивосток, 2005; Люлька О.Ф. Протестная активность населения: факторы, динамика и потенциал в общероссийском и региональном измерении: дисс. на соиск. уч. ст. канд. соц. н. Ростов-на-Дону, 2016; Нагайцев В.В. Специфика и тенденции развития социального протеста населения провинциального региона России: По материалам социологических исследований в Алтайском крае в 1990-х годах: дисс. на соиск. уч. ст. канд. соц. н. Барнаул, 2000; Мотайло А.С. Эволюция политического протеста в современном Китае: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. н. СПб., 2012; Пустошинская О.С. Студенческий политический протест в Уральском федеральном округе: особенности и перспективы: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. н. Екатеринбург, 2012; Ташкулова Ш.Б. Философский анализ феномена «Арабской весны»: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. н. Бишкек, 2014.

[53] См.: Гребенщиков В.Э. Политические аспекты протестного потенциала глобального развития: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. М., 2003; Кутыгина Е.Н. Культура политического протеста: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2005; Поздняков С.В. Политический протест: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2002;

Диссертационные исследования концентрируют внимание на вопросах медиатизации и политической коммуникации в трансформирующихся условиях[54], лингвистической составляющей текстов как средства конфликтного моделирования[55], протестных проявлениях в России[56].

Студницына Б.Я. «Культура протеста» и ее роль в социокультурной динамике: дисс. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. М., 2000.

[54] Абдуллаев Р.А. Влияние Интернет технологий на современные политические процессы в рамках демократических режимов: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. н. Н. Новгород, 2014; Акопов, Г.Л. Политические интернет-коммуникации как инновационный фактор общественного развития: дисс. на соиск. уч. ст. д-ра полит. н. СПб., 2013; Башкарев А.А. Роль сети Интернет в процессе политической социализации молодежи: дисс. на соиск. уч. ст. к. полит. н. СПб., 2009; Бодрунова С.С. Медиакратия: СМИ и власть в современных демократических обществах: дисс. на соиск. уч. ст. д-ра полит. н. СПб., 2015; Бондарев Н.С. Социальные медиа в современных политических процессах: технологии и ресурсы влияния: дисс. на соиск. уч. ст. к. полит. н. М., 2014; Быков И.А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества: дисс. на соиск. уч. ст. д-ра полит. н. СП., 2016; Войнов Д.А. Становление интернет-диалога как формы участия граждан в политической науке России: дисс. на соиск. уч. ст. к. полит. н. М., 2007; Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ: дисс. на соиск. уч. ст. доктора политических наук. М., 2005; Грибовод, Е.Г. Медиатизация политики как институционально-коммуникативный процесс и информационно-стратегический ресурс: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. Екатеринбург, 2017; Данилов М.В. Институты, механизмы и технологии политизации общества в постсоветской России (1990-е – 2000-е годы): дисс. на соиск. уч. ст. д-ра полит. н. Саратов, 2015; Есиев, Э.Т. Роль виртуальных технологий конфликтной мобилизации в противодействии политическому протесту: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. М., 2023; Иванов Д.Д. Политическая коммуникация в современной России: особенности функционирования и тенденции развития: дисс. на соиск. уч. ст. к. полит. н. М., 2014; Каминченко Д.И. «Новые» средства массовой информации и социальные медиа как субъект политического процесса: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. н. Нижний Новгород, 2015; Курочкин А.В. Государственное управление и инновационная политика в условиях сетевого общества: дисс. на соиск. уч. ст. д-ра полит. н. СПб., 2014; Лаврикова, А.А. Конфликт и согласование интересов в процессе политического участия граждан: дисс. на соиск. уч. ст. д-ра полит. наук. Тула, 2020; Маринович А.Н. Специфика медийного освещения современных политических процессов (на примере сирийского вооруженного конфликта): дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. Екатеринбург, 2018; Мирошниченко И.В. Социальные сети в российской публичной политике: дисс. на соиск. уч. ст. д-ра полит. н. М., 2013; Михайлова О.В. Сетевая архитектура государственного управления: проблемы концептуализации и практики: дисс. на соиск. уч. ст. д-ра полит. наук. М., 2015; Сурсанова Ю.В. Технологии фреймирования национально государственной идентичности в телемедийном пространстве современной России: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. Пермь, 2023; Шомова С.А. Политическая коммуникация: социокультурные тенденции и механизмы. Диссертация на соиск. уч. ст. д-ра полит. н. М., 2004.

[55] Антонова Т.Г. Метафорическое моделирование социального конфликта в медиадискурсе: факторы и аспекты вариативности. Диссертация на соиск. уч. ст. кандидата филологических наук. Томск, 2018; Никитин, М.Ю. Лингвосемиотические особенности конфликтогенного массмедийного дискурса. Диссертация на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Воронеж, 2022.

[56] Гаранин О.Ю. Протестная активность молодежи в условиях политической модернизации современной России: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. Волгоград, 2009; Касович А.А. Технологические аспекты управления политическим протестом в современной России: дисс. на

Роль массмедиа, новых медиа и интернет-коммуникаций в «цветных революциях» и организации политического протеста стали предметом отдельного исследования в первые десятилетия XXI в.[57]; эта тенденция в полной мере находит отражение в диссертационных трудах[58].

Актуализировались исследования в аспекте управления коммуникациями – это медиакоммуникационное сопровождение протестов, их освещение в СМИ, протесты в социальных сетях, технологии направленного влияния через эти каналы коммуникаций[59].

соиск. уч. ст. канд. полит. наук. Саратов, 2015; Лалетин Н.П. Гражданские протесты в российском обществе в условиях трансформации: формирование и социальная динамика: дисс. на соиск. уч. ст. канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2013; Палагичева А.В. Политическая демобилизация протестной активности граждан в современной России: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. М., 2021; Ротмистров А.Н. Социальные факторы протестного поведения российской молодежи: сравнительный анализ ситуаций начала XX и начала XXI веков: дисс. на соиск. уч. ст. канд. соц. наук. Москва, 2009; Сабитов М.Р. Современные детерминанты массовой протестной активности в России: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. Уфа, 2013; Соина Е.С. Политическое протестное поведение в современной России: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. Ставрополь, 2008; Соколов, А.В. Сетевой политический протест в России: субъекты, тенденции и технологии: дисс. на соиск. уч. ст. д-ра полит. наук. М., 2018; Фролов А.А. Сетевые формы организации гражданской активности в современной России: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. МНИТ, 2015; Челпанова Д.Д. Характер и динамика протестной активности на Юге России: дисс. на соиск. уч. ст. канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2011.

[57] Артамонова И.М., Гречук В.В. Стратегии и тактики противодействия цветным революциям в реалиях новых медиа // Культура в фокусе научных парадигм. 2021. № 12-13. С. 299-304; Козлов С.В. Роль средств массовой коммуникации в установлении повестки дня «оранжевой революции» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. № 6. С. 71-77; Наумов А.О. Традиционные и новые медиа как акторы «цветных революций» // Дискурс-Пи. 2018. № 3-4. С. 79-87.

[58] См.: Васильченко В.В. Влияние интернет-коммуникаций на активизацию протестных движений молодежи в современной России: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. М., 2017; Громова А.В. Роль и место масс-медиа в подготовке и проведении «цветных революций»: дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. М., 2009; Кинаш, Ю.С. Роль СМИ и «новых медиа» в современных политических конфликтах : на примере «Арабской весны» и Ливии. Диссертация на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. М., 2017; Смирнов Д.Н. Манипулятивные технологии и их применение в условиях смены политического режима: опыт оранжевой революции на Украине: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. Нижний Новгород, 2009; Федоров А.П. Политическое манипулирование в социальных сетях Интернета в современных условиях: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. М., 2018; Юсупова-Фарзалиева Д.М. Информационно-коммуникативные технологии как основа «цветных революций» в современных политиях: дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. Пятигорск, 2012.

[59] Кроме указанных см. также: Будаев Э.В., Кушнерук С.Л., Курочкина М.А. Коммуникативное сопровождение массовых протестов в СМИ. СПб., 2022.

Исследование медиапотребления, анализ процессов медиапотребления становятся популярной областью исследований[60]. В данном исследовании эти вопросы рассматриваются в контексте российских политических протестов 2011–2012, 2017–2021 гг. и протестов в Белоруссии 2020–2021 гг.

---

[60] Васильев Н.А., Дубровин В.Л. Изменения в медиапотреблении в современной России // Знание. Понимание. Умение. 2023. № 3. С. 107-129; Володенков С.В., Белоконев С.Ю., Суслова А.А. Особенности структуры информационного потребления современной российской молодежи: на материалах исследования среди студентов-политологов Финансового университета // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 31-46; Гурина Р.Р. Актуальные количественные и качественные показатели медиапотребления российской аудитории // Инициативы XXI века. 2018. № 3-4. С. 69-71; Дунас Д.В., Вартанов С.А., Кульчицкая Д.Ю., Салихова Е.А., Толоконникова А.В. Мотивационные факторы медиапотребления «цифровой молодежи» в России: результаты пилотного исследования // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2020. № 2. С. 3-27; Дунас Д.В., Толоконникова А.В., Гуреева А.Н., Вартанов С.А. Мотивация использования медиакоммуникационных каналов российскими студентами // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 2. С. 285-301; Зеленцов М.В. Культура новостного медиапотребления в Рунете: точки входа // Информационное общество. 2022. № 1. С. 38-49; Каминченко Д.И. Медиапотребление современной студенческой молодежи: политический аспект // Медиаскоп. 2022. Вып. 3-4. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/2783 (дата обращения: 7.11.2025); Колобова Е.Ю. Динамика развития цифровых медиа и практика медиапотребления // Журнал правовых и экономических исследований. 2025. № 3. С. 345-358; Конькова В.С. Медиакультура и медиапотребление в современном российском обществе // Комму микология: электронный научный журнал. 2022. Том 7. №4. С.21-32; Липатова А.В. Медиапотребление молодежи в социальных сетях: обзор мировых и российских практик // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 2 (59). С. 20-24; Лучинкина А.И., Жихарева Л.В., Андреев А.С. Гендерные особенности медиа потребления современной молодежи // Гуманитарные науки. – 2022. – №1. – С. 114-121; Медиапотребление «цифровой молодежи» в России: монография / под ред. Д. В. Дунаса. М.: Изд-во Московского университета, 2021; Мурзина Е.В. Медиапотребление в условиях неопределенности современного общества // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5 (80). С. 122-131; Назаров М.М. Закономерности структурирования медиапотребления в современной информационной среде // Коммуникология. 2019. Т. 7. № 2. С. 98-108; Назаров М.М., Юркин Д.Н. Структура российского медиапотребления: результаты типологического анализа // Коммуникология. 2025. Т. 13. №3. С. 43-60; Толоконникова А.В. Кросс-платформенное телевидение как форма адаптации традиционного телевещания к цифровым реалиям// Век информации. 2018. № 2-1. С. 232-234; Толоконникова А.В. Потребление новостей на мобильных платформах// Век информации. 2017. № 2-2. С. 166-168; Черевко Т.С., Дунас Д.В., Толоконникова А.В. Новости в условиях Интернетизации: анализ новостного потребления студентов // Вести. Моск, ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2018. № 1. С. 3-25; Шульц Э.Э. Информационные ресурсы в современном российском политическом протесте // Казанская наука. 2025. № 5. С. 541-544; Шульц Э.Э. Какими медиаканалами пользуются россияне для получения информации // Журналист. Социальные коммуникации. 2023. № 2. С. 36-41; Шульц Э.Э. Современные медиакоммуникации: управление доверием к информации // Журналист. Социальные коммуникации. 2025. № 2. С. 65-68.

Проблема информационной безопасности в контексте проявления деструктивных действий через медиасреду становится одной из приоритетных среди экспертов[61]. Отдельным новым направлением исследований следует отметить изучение медиаконфликтов, репрезентации конфликтов в медиа[62]. Несмотря на то, что данная проблематика находится вне рамок данного исследования, принципы и подходы учитывались.

---

[61] Вартанова Е.Л., Пую А.С. Исследования цифровых медиа: от информационной безопасности общества – к защите человека // Медиа в современном мире. 63-и Петербургские чтения. Сборник материалов Международного научного форума. В 2-х томах. СПб., 2024. С. 145-146; Мельник Г.С., Никонов С. Б. Медийный компонент в доктрине информационной безопасности // Управленческое консультирование. 2014. № 1 (61). С. 18-28; Никонов С.Б. Смена парадигмы в информационной сфере: от информационной войны к концепту ноополитики // Культура в фокусе научных парадигм. 2023. № 16. С. 357-362; Шульц Э.Э. «Окно Овертона» как технология трансформации исторической памяти // Коммуникология. 2025. Том 13. № 2. С. 13-25; Шульц Э.Э. Фейковые новости в современных коммуникационных процессах // Вестник Российского государственного университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2022. Т. 9. № 3. С. 262-273; Шульц Э.Э. Сетевые инфлюенсеры в бизнесе и политике как гейткиперы медиакоммуникационного поля // Чумиков А.Н., Балелин Е.В., Шульц Э.Э. // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2025. № 2 (56). С. 36–45.

[62] Байчик А.В. Массмедиа. Ценности. Конфликт. СПб., 2020; Вартанова Е.Л. Репрезентация конфликта в условиях новой субъектности медиасреды //Социальная коммуникация в современном российском обществе: сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 20 октября 2022 г.) / Отв. ред. В. А. Мансуров, Т. 3. Адамьянц. М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2023. С. 18-32; Вартанова Е.Л., Вырковский А.В. Медиа и социальные конфликты: теоретико-методологические вызовы междисциплинарного подхода // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 321-338; Вартанова Е.Л., Дунас Д.В., Гладкова А.А. Медиаконфликтология как поле междисциплинарного анализа социальных конфликтов // Вопросы теории и практики журналистики. 2023. Т. 12. № 4. С. 601-618; Вартанова Е.Л., Шилина М.Г. Конфликты и медиа: реверсивные парадигмы в новой реальности? Открывая новые междисциплинарные подходы к исследованиям // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 635-648; Заставенко В.А. Коммуникативное пространство конфликта: теоретический анализ // Конфликтология / nota bene. 2021. № 4. С. 81-95; Лабуш Н.С., Пую А.С. Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, терроризм. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2019; Социальный конфликт в отечественных медиаисследованиях: эмпирический анализ дискурса научных журналов (2014–2021) / Е.Л. Вартанова, И.А. Асланов, А.А. Гладкова. Д.В. Дунас // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 3. С. 429-452; Чумиков А.Н. Конфликтные коммуникации в медийном поле // Коммуникология. 2021. Т. 9, № 2. С. 125-142; Якова Т.С. Массмедиа и конфликты: медиагеографические исследования // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10, № 4. С. 680-697; Theorising Media and Conflict / eds. P. Budka, B. Brauchler. New York: Berghahn, 2020; Vartanova E.L., Dunas D.V. Media conflictology as a field of research: working out theoretical approaches // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 724-733; Vartanova E.L., Dunas D. V. Gladkova A. A Media representation of social conflict: approaches to the formation of a theoretical model // Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities. 2024. No. 17(10). pp. 2015-2026.

Таким образом, на сегодняшний день наука накопила существенный объем теоретических разработок в области формирования и регулирования социального конфликта и политического протеста как его части, однако эти теории, особенно их медиакоммуникационная составляющая, требуют дополнения и развития с учетом современных обстоятельств. Исследование политического протеста в радикальных и массовых формах как вида социального конфликта, развивающегося под влиянием медиакоммуникационного воздействия, несет в себе научную и практическую деятельность по определению закономерностей явления и влияния на него через управление медиакоммуникациями.

Объект исследования: медиакоммуникационная составляющая массового политического протеста. **Предмет исследования**: регулирование массового политического протеста средствами медиакоммуникаций.

Цель исследования: разработка теоретико-методологических основ медиакоммуникационных факторов формирования и развития массового политического протеста с определением их роли в его регулировании.

Эта цель включает следующие **задачи**:

- выделить ключевые характеристики медиакоммуникаций современного политического протеста (1.1);

- классифицировать политический протест как исследовательскую категорию (1.2);

- проанализировать подходы к изучению массовых форм политического протеста (1.3);

- дать характеристику протесту в радикальных и массовых формах как социально-политическому явлению (2.1);

- сформулировать причины перехода политического протеста в радикальные массовые формы (2.2);

- выявить особенности медиакоммуникационного регулирования радикальных форм массового политического протеста в направлениях его развития или нейтрализации (2.3);

- провести анализ традиционных медиакоммуникаций в контексте общественного развития и массовых политических протестов XX века: революций в России 1905–1917 гг. (3.1), политических процессов в Германии 1918–1933 гг. (3.2), революции на Кубе 1953–1959 гг. (3.3);

- оценить сущность и потенциал влияния новых медиакоммуникаций в радикальных массовых политических протестах XXI в.: «цветных революциях» 2000–2021 гг. (4.1), протестных движениях в России 2011–2021 гг. (4.2) и Белоруссии 2020–2021 гг. (4.3).

Рабочая гипотеза.

Политический протест в массовых и радикальных формах представляет собой самостоятельное явление, отличное от других видов и типов протеста, имеющее собственные закономерности возникновения и развития.

В генезисе массового политического протеста доминирующую роль играют представления субъектов социума о своем социально-экономическом положении, но не фактическое положение вещей. Это делает общественное сознание протестующих максимально восприимчивым к направленному коммуникационному воздействию и возможностям его регулирования средствами медиакоммуникаций.

Медиакоммуникационное воздействие на протест формирует стереотипизированные социальные представления, влияющие как на возникновение протестных настроений и переход их в радикальные массовые формы протеста, так и на сдерживающие факторы.

Создание всё более развитых демократических механизмов внутри медиакоммуникационной системы является идеальной задачей, но не самоцелью ведущего политического субъекта, каким является государство. Данные механизмы должны работать в интересах государства, поддаваться управлению и продвигать установки, соответствующие актуальным задачам конкретного периода.

Это означает, что отношение к дилемме «свобода слова – регулирование медиа» должно изменяться на разных этапах развития общества и связываться с уровнем угроз для власти и оппозиционных структур, их намерениями стимулировать или нейтрализовывать радикальные массовые формы политического протеста. На современном этапе общественного развития проблема регулирования медиакоммуникаций снова становится актуальной, что вызвано фактором «цветных революций» и нарастанием геополитической напряженности.

Методология и методы исследования базируются на общенаучных методах: анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и моделирование, структурно-функциональный метод и системный подход – и на комплексе современных общетеоретических и эмпирических методов политологии, социологии, конфликтологии, коммуникационных и медиакоммуникационных дисциплин. В исследовании применялись теоретические (аксиоматический, гипотетико-дедуктивный и т.д.) и эмпирические (наблюдение, анализ документов и т.д.) методы.

В работе использовались сложившиеся в общественных науках методы качественного анализа: системный анализ, генетический (или исторический анализ), типологизация и смысловая интерпретация данных[63].

В анализе социальных конфликтов исследователи применяют системный, деятельностный и исторический подходы. Те же подходы валидны и для исследования массового политического протеста, усиливающегося и переходящего в радикальные формы под воздействием медиакоммуникаций. Системный подход позволяет рассматривать массовый политический протест как систему, обладающую структурой с определенными связями, функциями, коммуникациями и иерархией отношений. Деятельностный подход позволяет учитывать как

---

[63] В политологии принято постулировать каузальные отношения при выполнении четырех условий: 1) причина должна предшествовать следствию, 2) причина и следствие должны изменяться вместе, 3) возможность идентифицировать процесс, в следствие которого вызываются изменения, 4) замещение каузации ковариацией: когда А и В изменяются вместе в зависимости от третьего фактора, а не от друг друга. (Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология: Методы исследования. М.: Издательство «Весь Мир», 1997. С. 54-55).

объективные условия генезиса и развития радикальных массовых форм политического протеста, так и субъективные составляющие, формируемые с помощью медиакоммуникаций (потребности, ценности, интересы и ожидания).

В рамках теории социального конфликта радикальные массовые формы политического протеста рассматриваются как целостная система со своими структурными элементами, их взаимосвязью и динамикой, которые изучаются в процессе возникновения, перехода из одной фазы в другую; формах поведения, результатах противостояния.

Сравнительный метод в той или иной форме используется во всех общественных науках. В данном исследовании он применяется к явлению политического протеста в радикальных и массовых формах, где сопоставляются представленные в медиакоммуникационной сфере идеологии, представительства различных социальных групп, последствия протеста.

В исследовании использовалось субстанциальное сравнение – сопоставление не только протестных форм как таковых, но и их содержательного наполнения, транслируемого с помощью медиакоммуникаций. Важными составляющими сравнительного анализа стали следующие: подтверждение в сравнении, отрицательное сравнение с противопоставлением одного события или явления другому, контрастное сравнение изначально непохожих явлений и событий одного явления.

Сравнительно-исторический метод (компаративный) позволил проследить неоднократно повторяющиеся явления: процессы зарождения, проявления и исчезновения радикальных массовых форм политического протеста и технологии управления этими процессами с помощью медиакоммуникаций в контексте исторической обстановки.

Метод аналогий позволяет переносить знания, наблюдения, выводы, методику исследователя, сформированные на одном проявлении массового политического протеста в радикальных формах, на анализ другого проявления. Аналогия может восприниматься как способ восприятия сложной реальности на привычных основах (метафора, фрейм сознания), но не как объективно

работающая модель. Если эти аналогии устанавливают нормативы, которые работают как историческая память, и «правильную тропу следования», то эти аналогии в любом случае создают работающую модель. В нашем случае мы можем говорить о том, что если принцип аналогий срабатывает на нескольких десятках случаев политического протеста в радикальных и массовых формах, то можно утверждать о работающей модели и возможности использовать метод аналогий для других предполагаемых примеров.

Структурно-функциональный метод применялся для анализа составных частей такого сложного политического явления, как радикальные массовые формы политического протеста, что дало возможность определить закономерности этапов, стадий, определенных технологий и их использования в разном контексте. Структурно-функциональный анализ позволил также проанализировать социальные изменения в преддверии и в результате выплеска политического протеста в радикальных и массовых формах.

Каждый прецедент радикальных массовых форм политического протеста рассматривается как многостороннее и противоречивое явление в системе и сумме положительных и отрицательных фактов, что позволяет соблюдать принцип объективности. В соответствии с принципом историзма политический протест в радикальных и массовых формах анализируется в возникновении, становлении и развитии в конкретных исторических ситуациях. Такой подход позволяет не только исследовать внутреннюю динамику, но и объяснить особенности каждого проявления радикальных массовых форм политического протеста, проследить историческую связь с другими явлениями и процессами, определить в каждом случае роль медиакоммуникационного воздействия. Системный подход позволяет разбирать отдельные части данного явления в неразрывном единстве с целым.

В формулировании рабочей гипотезы и подходов к исследованию радикальных массовых форм политического протеста как вида социального протеста за основу было взято несколько теоретических моделей.

Принимаются во внимание принципы, описанные Уолтером Липпманом, а именно:

- массмедиа становятся псевдосредой, а поведение человека является реакцией на эту псевдосреду[64];

- поведение человека основано на отборе, реорганизации, отслеживании моделей (patterns)[65], а сообщения, «сложившиеся в стереотипные модели поведения (patterns), идентифицируются у отдельного человека (по мере того как он их переживает и понимает) с его собственными интересами»[66].

Данные позиции развиваются в концепции «симулякра» Жана Бодрийяра[67].

Важны положения Р. Дарендорфа о том, что в социальном конфликте существуют такие переменные, как интенсивность и степень насильственности. Регулирование конфликта не приводит к его исчезновению, но может повлиять на степень его интенсивности, снизить проявления открытого протеста, в том числе в радикальных и массовых формах. Для социального конфликта в постиндустриальном обществе характерна особая роль общественных движений[68].

Современные конфликты имеют более сложную социальную структуру по сравнению с классовой (П. Сорокин, Ш. Эйзенштадт, С. Хантингтон[69]).

Концепция Л. Крисберга постулирует социальный конфликт, с одной стороны, как рациональную деятельность. Но с другой – предлагает учитывать его иррациональные составляющие. Социальный конфликт – это система, открытая для внешнего влияния. Завершение конфликта не означает исчезновение условий его происхождения, что ведет к новому возникновению конфликта[70].

Существенное значение для формулирования рабочей гипотезы и методов исследования имел ряд теоретических заключений и других авторов.

---

[64] Липпман У. Общественное мнение. М., 2004. С. 38.
[65] Там же. С. 38.
[66] Там же. С. 51.
[67] Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. С. 5-12.
[68] Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142-147.
[69] Сорокин П.А. Социология революции. М., 2005. С. 211-212; Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С. 293; Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 31, 246.
[70] Krisberg L. Sociology of Social Conflict. N.Y., 1973. P. 18-19, 153-191, 246, 273-276.

Так, Л. Крисберг, Р. Раммель, П. Вер, Дж. Фолгер, М. Пуул отмечали, что в эскалации конфликта существуют определенные фазы, где конфликт переходит в открытые формы из латентного состояния. Причем, кроме наличия определенных фаз, следует учитывать, что социальный конфликт может развиваться циклично (П. Вер). Возникновение и развитие социального конфликта могут выглядеть хаотичными, но на самом деле они имеют закономерности, причем взаимодействие определяется движениями и противодвижениями в одном социальном конфликте и их силой (Дж. Фолгер). Измерение социальной напряженности не дает ответов на вопросы о времени возникновения протеста и его интенсивности (Дж. Хаймс)[71].

В анализе примеров социально-политического протеста в радикальных и массовых формах как явления ключевую роль сыграла группа близких методов общественных наук: типологизации, аналитической индукции, аналитического сравнения и обоснованной теории[72].

Эмпирическая база исследования включила в себя труды теоретиков и практиков политического протеста, данные официальных органов статистики, материалы СМИ, агитационные и пропагандистские материалы, экспертные оценки, данные социологических опросов (вторичная обработка и собственные исследования), свидетельства очевидцев событий[73].

---

[71] Folger J.P., Poole M.S. Working through conflict: a communication perspective. Glenview, 111.: Scott. Foresman, 1984. P. 77, 441; Himes J.S. Conflict and conflict management. Athens: University of Georgia Press, 1980. P. 29-30; Krisberg L. Sociology of Social Conflict. N.Y., 1973. P. 18-19, 153-191, 246; Rummel R.J. Understanding Conflict and War. V. 3. Conflict in Perspective. Beverly Hills: Sage Publications. 1977. P. 20; Wehr P.E. Conflict regulation. Boulder. Colo.: Westview Press, 1979. P. 9-13.

[72] Клюшкина О.Б. Построение теории на основе качественных данных (из истории развития методологического направления) // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 92-101; Процедуры и методы социологического исследования. Кн. 2. Классическое социологическое исследование: практикум /Сост. А.С. Готлиб, И.Е. Столярова, С.Н. Фазульянова. Я.Н. Крупец. А.М. Алмакаева, М.В. Смирнова; под общ. ред. А.С. Готлиб. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2014. С. 157-159, 171-172, 185, 273; Glaser B., Strauss A. The Discovery of Grounded Theory. Chicago: Aldine Publishing, 1967; Manning P.K. Analytic induction // Qualitative Methods. A Handbook of Social Science Methods /Ed. by R.B. Smith, P.K. Manning. Vol. 2. Cambridge, MA: Ballinger, 1982. P. 273-302; Robinson W.S. The Logical Structure of analytic induction // American Sociological Review. 1951. Vol. 16. № 6. P. 812-818; Strauss A. Qualitative Analysis for Social Scientists. Cambridge University Press, 1987. P. 12.

[73] Источниковая база исследования, в связи с большим количеством исторических примеров, выбранных для исследования, а также длительным историческим промежутком, достаточно

В качестве базовых исторических примеров были взяты проявления политического протеста в радикальных и массовых формах в революциях в России 1905 г. и 1917 г., когда проявилась существенная, а в ряде случаев доминирующая роль медиакоммуникационного воздействия. Выявленные закономерности и модели управления коммуникациями сопоставлены с комплексом проявлений радикальных массовых форм политического протеста в Германии 1918–1933 гг. Обоснование такого выбора связано с тем, что Ноябрьская революция 1918 г. в Германии проходила под влиянием российской революции. Динамика протеста и влияния на него медиакоммуникаци прослеживается и далее, до 1933 гг., времени прихода нацистов к власти.

Что касается Кубинской революции 1953–1959 гг., то ее выбор обосновывается методом эксперимента, когда, с целью проверки глобальной гипотезы, ситуации протестов в России и Германии с их медиакоммуникационными составляющими транслируются на другой континент и другие политические и социально-экономические условия. То есть население Кубы выступает в качестве референтной группы, поведение которой сопоставляется с российскими и германскими паттернами, причем разделенными по времени в несколько десятилетий.

Выбранные прецеденты позволяют проверить закономерности регулирования радикальных массовых форм политического протеста как

обширна и включает разнообразные документы. Главное значение имели: 1) статистические данные (преимущественно в проблематике результатов выборов в России в 1917 г. и в Германии за период 1919–1933 гг., социального состава партий, делегатов и т.п., социально-демографического состояния российского общества); 2) законодательные акты России 1917–1922 гг. и Германии 1918–1936 гг.; 3) результаты социологических исследований; 4) мемуары, воспоминания и интервью участников событий; 5) труды теоретиков и практиков социального протеста: К. Маркса, Ф. Энгельса, К. Каутского, В. Ленина, Л. Троцкого, А. Грамши, Э. Че Гевары, Ф. Кастро и др.; 6) периодическая печать (традиционные СМИ и интернет-издания); 7) экспертные оценки исследователей; 8) собственные эмпирические исследования; 9) пропагандистские и агитационные материалы; 10) материалы СМИ.

Социологический инструментарий в исследованиях медиакоммуникаций и коммуникационных технологий см.: Чумиков А.Н. Социологический инструментарий в измерениях медийного контента // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 1 (47). С. 89-98; Шарков Ф.И., Силкин В.В. Генезис социологии медиапространства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. № 3. С. 557-566.

общеполитического и медиакоммуникационного явления в разных политических, экономических, культурных и географических условиях, выявить сходные параметры, а также определенные различия медиакоммуникационного воздействия между всеми случаями.

Кроме того, революции в России, Германии и на Кубе считаются одними из самых ярких примеров технологий управления коммуникациями в целом и медиакоммуникацимия, в частности, в политической борьбе. Хотя, безусловно, каждая из них отличается историческими условиями зарождения и развития; результатами произошедших событий, социальной структурой[74]; идеологией и масштабностью трансформаций.

Выбор для анализа протестов в России 2011–2021 гг. и Белоруссии в 2020–2021 гг. обоснована той же логикой преемственности, что приводилась выше по отношению к России и Германии первой трети XX века. В качестве экспериментальных (референтных) современных групп, выходящих за рамки территориальной и политической преемственности, представлены массовые политические радикальные протесты, получившие названия «цветных революций» и «арабской весны».

Таким образом, в исследовании представлены исторические примеры и прецеденты современного протеста в радикальных и массовых формах, обеспеченные медиакоммуникационным инициированием и последующей поддержкой и состоявшиеся в различных политических и социальных условиях, а также на разных уровнях развития и различных уровнях использования медиасистем. Эти протесты обладают несходными внешними признаками и одновременно содержат общие сущностные черты, равно как и методы

---

[74] О понятии «Социальная структура» см.: Левада Ю.А. Структура социальная // Философская энциклопедия. В 5 т. /Под ред. Ф. В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. С. 142-144; Мертон Р. Социальная структура и аномия // Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: Хранитель, 2006. С.243-281; Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 3-13; Merton R. Social Structure and Anomie // American Sociological Review. 1938. Vol. 3. № 5. P. 672–682; Tönnies F. The Present Problems of Social Structure // The American Journal of Sociology. 1905. Vol. 10. № 5. P. 569-688.

медиакоммуникационного воздействия на них, что позволяет говорить о верификации выдвинутой научной гипотезы, универсальности закономерностей радикальных массовых форм политического протеста и технологий управления им с помощью медиакоммуникаций.

Используемые методы и подходы позволили собрать, проанализировать и обобщить информацию о системных проявлениях политического протеста в радикальных и массовых формах, сформулировать закономерности данного явления, определить принципы его регулирования средствами медиакоммуникаций. Таким образом, исследование дало результаты в двух направлениях развития науки: фундаментальном и прикладном.

Научная новизна заключается в следующем:

- ✓ доказано, что массовый политический протест в радикальных формах и его медиакоммуникационная составляющая выступают самостоятельными явлениями, которые отличаются от других форм социального протеста и обладают определенными закономерностями в генезисе, сценариях развития, социальной базе, идеологии и мотивационных принципах;
- ✓ предложена исследовательская модель, в соответствии с которой оценка роли медиакоммуникаций смещается с преобладающего рассмотрения их гармонизирующей функции и механизмов этического регулирования на изучение возможностей актуальных механизмов медиавоздействия на целевые группы в государственных интересах;
- ✓ определены закономерности возникновения и протекания массового политического протеста в радикальных формах, а также применяемых к ним методов медиавоздействия как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе развития общества;
- ✓ предложена модель параметров, определяющих сущность и динамику процессов формирования и развития массового политического протеста, а также роль медиакоммуникаций в его радикализации и элиминации;

- ✓ сформулированы основные идеологические принципы радикальных массовых форм политического протеста и мотивационных медиакоммуникационных рычагов для участия в нем;
- ✓ выявлена тенденция к замещению харизматических лидеров протеста в исторических примерах на медиаменеджеров протестных акций и медиаресурсы, формирующие в информационном поле коллективный образ руководства протестом в современных ситуациях;
- ✓ воспроизведена технология замены организационного центра массового политического протеста медиакоммуникационными структурами для политических процессов XXI века;
- ✓ сформулированы актуальные для текущего периода особенности массового политического протеста в радикальных формах и методов медиакоммуникационного регулирования протестных настроений.

Основные научные положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Радикальные массовые формы политического протеста вместе с их медиакоммуникационными составляющими отличаются от иных форм социального протеста, представляют собой самостоятельное явление, обладающее характерными закономерностями. В генезисе массового политического протеста играет роль не столько фактическое положение вещей, сколько общественные представления о таком положении, которые формируются и превращаются в стереотипы сознания с помощью медиакоммуникационного воздействия. Данный протест максимально восприимчив к направленному коммуникационному воздействию и возможностям его регулирования средствами медиакоммуникаций.

2. Протест становится действительно массовым, если большие социальные группы начинают считать несправедливым существующий порядок вещей в государстве, переносят ответственность за такое положение дел на власть, утрачивают надежду на способность власти к изменениям, в результате чего она теряет легитимность. Как сформировать, так и нейтрализовать такие настроения у большинства общества может формируемая средствами медиакоммуникаций вера

в способность власти произвести актуальные изменения. Степень устойчивости власти зависит от ее способности противостоять протестным выступлениям с помощью продвижения через медиа актуальных ценностей и моделей поведения; организации социальной поддержки данной власти в элиминации протестных настроений, в том числе с помощью его силового подавления.

3. Радикальные массовые формы политического протеста сходят на нет с потерей «массы протеста», которая идет на убыль в результате удовлетворения требований (ожиданий) протестующих и уменьшения потенциальной питательной базы протеста, либо нейтрализации лидеров и участников протестных акций, или психологической усталости больших социальных групп от противостояния и социальных неурядиц. Эти факторы обеспечиваются, в первую очередь, медиакоммуникационным управлением – созданием представлений в обществе о реальности указанных пунктов. Целенаправленное воздействие медиакоммуникаций в рамках массовых радикальных политических протестов заключается в воспроизводстве виртуальных смыслов, которые с течением времени всё в большей степени заменяют социально-экономическую реальность и способствуют возникновению и развитию протестов. Но таким же образом они способны эти протесты нейтрализовать.

4. Закономерности генезиса массового политического протеста в радикальных формах заключаются в том, что:

- существуют такие непреложные условия развития протеста, как транслируемые с помощью медиа общие идеи и лозунги, релевантные для больших социальных групп (идеология) и оппозиционных действующей власти организационных структур, стремящихся использовать данный протест в достижении политических целей (организация);

- управление протестом построено на продвижение средствами медиакоммуникаций актуальных шаблонов (фреймов) протестного/антипротестного поведения, стимулирующих, со стороны оппозиционных структур, его развитие; а со стороны власти – снижающих риски массового развития;

- продуцируется поток информации об успешности/неуспешности протестных действий и давления на власть;

- после первого заметного проявления политического протеста, реакции на него органов власти и медиапрезентации этих действий срабатывает принцип «цепной реакции»: прецедент становится примером/антипримером для подражания.

5. Анализ моделей управления политическим протестом в радикальных и массовых формах показывает, с учетом непрерывного развития информационных технологий, их универсальность и преемственность на протяжении более чем столетнего периода: с революций в России 1905 и 1917 гг. к «цветным революциям», включающим события «арабской весны» начала XXI в. и массовые политические протесты в России 2011–2012 гг., 2017–2021 гг. и Белоруссии 2020–2021 гг.

Модель диагностики политического протеста в радикальных и массовых формах предполагает анализ:

- состояния легитимности власти и поддерживающих ее медиаресурсов,

- социальной базы протеста, источников и уровня ее медиапотребления,

- идеологии протеста, транслируемой через доминирующие медиаресурсы

- сценариев медиараспространения протестных акций,

- факторов «столичности», «армии», «внешнего воздействия» в организации и развитии протеста и их медийной поддержки;

- иерархии медиаресурсов на основе критерия их информационно-регулятивных возможностей.

6. Протестующие легитимизируют свои притязания через утверждения о несправедливости власти и ее антинародной политики, но вынужденно опираются и на другие легитимизирующие обстоятельства: действующие политические институты, исторические примеры и др. Большую роль в легитимизации и мобилизации сторонников играют эвгемеры («сакрализованные образы»), внедряемые в сознание с помощью медиакоммуникаций. Наиболее сильные установки в генезисе и легитимизации политического протеста в радикальных и

массовых формах связаны с социальными представлениями о построении более совершенного общества, с понятиями «справедливость», «свобода», «национализм» и «интернационализм». Современные протесты вновь, как и в предыдущие периоды, демонстрируют продвижение упрощенных идеологических принципов и лозунгов. Это позволяет, с одной стороны, быстро и мотивированно обеспечивать их восприятие целевыми аудиториями; а с другой – делать протест более кратковременным и неспособным к серьезному кумулятивному эффекту за счет вбрасывания альтернативных установок с доминированием в информационном пространстве.

7. Ядро протестного движения формируют представители средних классов, интеллигенции и молодых поколений. В случае перехода противостояния в обществе в гражданскую войну, в этот процесс вовлекаются все слои, а большинство начинает принадлежать самому многочисленному классу в данном обществе. Важной является доля апатичных, тех, кто нейтрально относится к протесту и власти, а не только численность готовых к протесту и положительно настроенных к нему граждан. Большая доля молодых поколений во многих проявлениях политического протеста в радикальных и массовых формах не зависит от демографического состояния общества. Это сказывается на принципах медиакоммуникаций.

8. Управление массовым политическим протестом может быть полностью централизованным или иметь несколько центров, в том числе с отличающимися целями и задачами. В условиях развития сетевых (онлайн) коммуникаций возможно отсутствие офлайн центров с их заменой медиакоммуникационными структурами. Средства медиакоммуникаций используются с учетом закономерностей формирования и развития массового политического протеста и осуществляют направленное коммуникационное воздействие с целью активизации, транквилизации или нейтрализации радикальных протестных настроений.

9. Современные проявления политического протеста в радикальных и массовых формах отличает интенсификация его развития, что связано с общей тенденцией ускоренного распространения информации с помощью интернет-

технологий. Это ведет к более эффективному использованию мобилизационных медиаресурсов, но и большей скоротечности активной поддержки. Наблюдается неудовлетворенность любым результатом давления массового политического протеста на власть в средних и больших временных периодах, если они не обеспечены массовой медиаподдержкой.

10. Харизма лидеров считается залогом успеха массового движения, однако в современных событиях «цветных революций» харизма в ряде случаев не являлась свойством определенного индивида, но переносилась на него в массовых представлениях с помощью медиакоммуникаций.

11. Позитивизация обществом модерна революций, протестов различных видов и их участников привела к практике использования понятия «революция» и положений «теории революции» в политико-пропагандистских целях и для мобилизации сторонников.

12. В регулировании медиакоммуникаций срабатывают сходные паттерны. В период угрозы массовых политических протестов власть усиливает регулирование СМИ и медиакоммуникаций в целом. Политическая сила, ведущая борьбу за власть на основе аккумулирования протестных настроений и стремления перевода их в массовые и радикальные формы, выступает за полную либерализацию СМИ. После прихода к власти прежняя оппозиция выстраивает систему регулирования медиакоммуникаций. На современном этапе стремление к усилению политико-идеологической монополизация медиа становится мировым трендом.

13. Телевидение и традиционные СМИ сохраняют доминирующее влияние на аудиторию, формируя конвергентные механизмы продвижения своего контента. Высокий уровень централизации и синхронизации информации позволяет с высокой эффективностью использовать эти СМИ в работе с протестными настроениями. Социальные медиа, с одной стороны, способны быстро становиться организационной и контентной опорой оппозиционных сил в разжигании протестных настроений. С другой стороны, они же препятствуют их объединению за счет неизбежной десинхронизации и децентрализации информационного потока. В такой ситуации внедрение провластных медийных ресурсов в систему

социальных медиа увеличивает эффективность собственного информационного сигнала, а ограничение деятельности оппозиционных ресурсов в социальных сетях еще в большей степени ослабляет их влияние.

14. В современных условиях репрессивные меры против протестующих перестают работать без медийной составляющей, причем с необходимым условием господствующего положения в медиаполе. В отличие от ситуаций XX в., когда решающим инструментом борьбы с протестом могло стать закрытие медиаресурса, в условиях медиатизации таких действий со стороны власти будет недостаточно. Необходима активная работа по созданию прогосударственных и провластных каналов в новых медиа и завоевание ими лидирующих позиций в направленном коммуникационном воздействии.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в разработке теоретико-методологических основ формирования и развития массового политического протеста и определения роли медиакоммуникаций в его регулировании.

В результате исследования:

1. Осуществлено развитие теорий социального конфликта в эпоху глобальных трансформаций и всеохватывающей медиатизации. Разработаны теоретико-методологические основы формирования и развития массового политического протеста с определением роли медиакоммуникаций в его регулировании.

2. Произведена систематизация и развитие для современных условий ключевых концепций теории социального протеста с его медиакоммуникационной составляющей в контексте массовых радикальных форм политического протеста.

3. Выявлены закономерности массового политического протеста в радикальных формах для исторических примеров и современных прецедентов, сформулированы особенности медиакоммуникаций и технологии их воздействия и в текущих условиях.

4. Определены закономерности возникновения и протекания массового политического протеста в радикальных формах в генезисе, сценариях развития, социальной базе, идеологии и мотивационных принципах, а также применяемых к ним методов медиавоздействия как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе развития общества.

5. Выявлены закономерности технологий сформировавшегося явления, получившего название цветные революции, эволюция технологий и их максимизация с точки зрения развития медиакоммуникаций.

Полученные в исследовании результаты представляют концептуальную основу для дальнейших общих и частных исследований проблем политического протеста, особенно в массовых и радикальных формах, а также вопросов функционирования современных медиакоммуникаций. Выводы диссертационного исследования могут быть использованы органами государственной власти России и субъектов Российской Федерации при прогнозировании острых протестных проявлений, организации работы в медиаполе по их регулированию. Материалы диссертации содержат потенциально значимый контент для учебной и учебно-методической литературы, семинарских занятий, общих и специальных курсов лекций по политическим технологиям, журналистике и медиакоммуникациям, управлению социальным конфликтом для профильных факультетов гражданских вузов и специализированных ведомственных учебных заведений Министерства обороны, ФСБ, МВД.

Степень достоверности определена методологической базой исследования, методами научного исследования, системным подходом, репрезентативностью выборок материала, большим объемом источников и примеров, на которых продемонстрирована работа закономерностей и одних и тех же моделей, а также многолетней апробацией результатов и большим количеством публикаций по данной проблематике.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена на кафедре Коммуникационных технологий Института международных отношений и социально-политических наук ФГБОУ «Московский государственный

лингвистический университет». Положения диссертации, ряд тезисов и выводов диссертационного исследования были использованы для выступлений на международных научных конференциях: «Гуманитарные науки и современность» (29 августа 2013 г., Москва), «Капитал революций» (4-6 октября 2017 г., Москва), «Революция в России: есть ли предпосылки, реальны ли угрозы» (февраль 2017 г., Москва), «Мировой политический процесс: информационные войны и “цветные революции”» (27-29 октября 2021 г., Москва), «Современная наука, человек и цивилизация» (27 февраля 2022 г., Грозный). Проблематика диссертации вынесена на обсуждение, отражена в выступлениях и публикациях материалов шести международных и общероссийских конференций «Управление коммуникациями» и «Коммуникационный вектор», организованных при участии автора на площадках МГЛУ в 2021–2024 гг.

Основные положения диссертационного исследования отражены в публикациях автора общим объемом в 125,01 п.л., в том числе в 7 монографиях объемом 84,2 п.л.; 28 статьях в ведущих рецензируемых научных журналах из перечня, утвержденного ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации, по специальности 5.9.9. «Медиакоммуникации и журналистика» и в базах данных Scopus и Web of Science Core Collection объемом 22,73 п.л.; 27 статьях в журналах, включенных в список ВАК по другим смежным специальностям объемом 18,08 п.л. Выводы и материалы исследования были использованы для составления аналитических записок в органы исполнительной и законодательной власти РФ, СМИ и общественные организации по перспективам развития ситуации в Ливии, Сирии, на Украине и в России.

Структура диссертации построена по принципу формулирования общих принципов и проверки их на частных случаях. Логика диссертации строится следующим образом. Существует социальный конфликт, способный выливаться в радикальный протест под влиянием медиакоммуникационного воздействия. Такой протест является составной частью, стадией, формой проявления социального конфликта. Если протест содержит требования к власти, он становится политическим. Определенные условия, включающие уровень развития и

применения информационно-коммуникационных инструментов, трансформируют политический протест в массовые и радикальные формы. Основной вектор работы с протестом в целом и в области его медиакоммуникационного сопровождения – виртуальное управление протестом в рамках ступенчатой шкалы: управление конфликтом – управление социальным протестом – управление массовым политическим протестом в радикальных формах. В нашем случае управление производится средствами коммуникаций, где медиакоммуникации начинают играть значительную роль в XX в. и определяющую – в XXI в.

Говоря о медиакоммуникациях, нельзя обойти стороной проблемы регулирования самих медиакоммуникаций – это свобода и ответственность СМИ перед государством и обществом, объективность и независимость журналистики, позиции субъектов системы управления массовым политическим протестом.

Таким образом, каждая часть работы имеет четыре составляющие:

1) закономерности массового политического протеста в радикальных формах,

2) коммуникационное управление этим протестом,

3) регулирование массового политического протеста средствами медиакоммуникаций,

4) регулирование самих медиакоммуникаций.

Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключения и Списка литературы.

Глава 1 представляет анализ накопленной в науке теоретической базы для исследования массового политического протеста и регулирования данного вида протеста средствами медиакоммуникаций, который распределен по трем направлениям: 1). особенности коммуникационного пространства современного политического протеста; 2) политический протест как исследовательская категория; 3). теоретические основы изучения массовых форм политического протеста. Глава 2 анализирует протест в радикальных и массовых формах как политическое явление. Выявляются причины радикализации политического

протеста и возможности его регулирования средствами медиакоммуникаций. Главы 3 и 4 посвящены примерам, которые демонстрируют состоятельность теоретического концепта.

В главе 3 исследуются исторические примеры традиционных медиакоммуникаций в контексте общественного развития и массовых протестов XX в., дается анализ политических протестов и роли в них средств медиакоммуникаций в России 1905–1917 гг., Германии 1918–1933 гг. и на Кубе 1953–1959 гг.

В главе 4 рассматриваются современные проявления массового политического протеста в условиях развития новых средств медиакоммуникаций на примерах «цветных революций» (и включенных в это явление событий «арабской весны»), российского политического протеста 2011–2021 гг., политических протестов в Белоруссии 2020–2021 гг.; проблемы медиакоммуникационного воздействия в формировании, развитии и нейтрализации массового политического протеста. Основные выводы исследования приведены в Заключении. Таким образом, диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка источников и литературы.

Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МАССОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

Глава 1 представляет анализ накопленной в науке теоретической базы для исследования массового политического протеста и регулирования данного вида протеста средствами медиакоммуникаций.

В параграфе 1 определяется подход к понятию «медиакоммуникации», формулируются особенности медиакоммуникаций современного политического протеста. Они рассматриваются в контексте концепций обществ модерна и постмодерна и с точки зрения влияния процессов глобализации и медиатизации.

Параграф 2 посвящен политическому протесту как исследовательской категории. Исследуются подходы к изучению социального конфликта, социальной напряженности, социального протеста, политического протеста, как составной части социального конфликта. Выдвигается категория «массовый политический протест в радикальных формах», как самостоятельное явление, которое отличается от других видов и типов протеста.

В параграфе 3 анализируются теоретические основы изучения массовых форм политического протеста в радикальных формах, заложенные в трудах теоретиков и практиков политического протеста XIX и XX вв., а также накопленная современная исследовательская база. Этот анализ позволяет выделить ключевые критерии причин возникновения такого протеста и его развития, факторов, оказывающих влияние на генезис протестных активностей, принципов успешности сторонников протеста и власти в борьбе с протестом.

1.1. Особенности медиакоммуникаций в условиях глобализации, модернизации и медиатизации

Модерн (modernity), постмодерн и сопровождающая их глобализация стали причиной в XX в. и начале XXI в. больших социальных и политических трансформаций. На эти изменения наложился серьезный технологический скачок. Эти эволюционные и революционные изменения привели к изменениям политического поведения и коммуникационного пространства, сказались на характере политического протеста и возможностях управления его коммуникациями.

Теория модернизации уходит своими основаниями в период Просвещения XVIII в.[75], полноценное развитие получила в XIX – начале XX вв., где главными теоретиками выступили К. Маркс, Э. Дюркгейм и М. Вебер[76]. После Второй мировой войны разработка теории модернизации получила новый всплеск, что было связано с изучением и обоснованием различных маршрутов модернизации в Западном мире и альтернативы в социалистическом лагере, что сделало теорию модернизации в Западном мире в 50–60-х гг. одной из самых востребованных (Т. Парсонс, Э. Шилз, У. Ростоу и др.)[77].

Под модернизацией понимают переход от аграрных обществ к современным промышленным и постиндустриальным сообществам, преимущественно расположенным в городах[78]. Модернизация включает в себя группу связанных процессов: урбанизацию, индустриализацию, увеличение уровня грамотности и

---

[75] Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence /Ronald Inglehart and Christian Welzel. Cambridge University Press, 2005. P. 15.
[76] Gilman N. Mandarins of the future: modernization theory in Cold War America. Baltimore-London: The Johns Hopkins University Press, 2003. P. 5; Inglehart R., Welzel C. Op. cit. P. 1, 16.
[77] Gilman N. Op. cit. P. 3.
[78] Vishnevsky A. Modernization and Counter-Modernization in Russia // Russia in Global Affairs. 2006. Vol. 4. № 2. P. 8-9.

уровня образования в целом, рост доходов населения, увеличение средств массовой информации, демократизацию общества[79].

Кроме того, в понятие модернизации вкладывается и иной смысл – «догоняющей модернизации»: приведение общества к образцу государств-лидеров. Так, например, Петр Штомпка определял модернизацию как приведение общества к признанной модели современности, как правило, к образцу определенного существующего общества[80].

В любом случае эта вторая форма неразрывно связана с первой, так как при достижении уровня государства-лидера общество перенимает те же изменения, которые произошли в результате модернизационных процессов с этим государством.

Шмуэль Эйзенштадт представил идею «множественной модернизации»: вестернизация для Эйзенштадта не является синонимом модернизации, этот образец стал первым проявлением и сохраняет роль ориентира, но не является единственным и тем более обязательным путем модернизации[81], и этот подход сегодня можно признать доминирующим в науке[82].

---

[79] Gilman N. Op. cit. P. 5; Inglehart R. Modernization and postmodemization: cultural, economic, and political change in 43 societies. Princeton University Press, 1997. P. 7; Inglehart R., Welzel C. Op. cit. P. 5-6.

[80] Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2005. С. 528.

[81] Eisenstadt S.N. Some Observations on Multiple Modernities // Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations /Ed. by Dominic Sachsenmaier, Shmuel Noah Eisenstadt, Jens Riedel. BRILL, 2002. P. 27-41. P. 27.

[82] Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социологические исследования. 1998. №8. С.14-26; Шульц Э.Э. Революции и теория модернизации // Вопросы управления. 2015. № 6 (37). С. 18-26; Wehler H.-U. Aus der Geschichte lernen? Essays. München: Verlag C. H. Beck, 1988. S. 240; Zitelmann R. Historiografische Vergangenheitsbewältigung und Modernisierungstheorie. Nationalsozialismus; Faschismus, Stalinismus // Diktatur und Emanzipation. Zur russischen und deutschen Entwicklung 1917–1991 /B. Faulenbach und M. Stadelmaier (Hg.). Essen: Klartext, 1993. S. 111-135.

Следует отметить, что С. Хантингтон указывал на связь демократии с западной культурой (Хантингтон С. Третья волна: Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. С. 320), а Ф. Уэбстер указывал на исследовательскую ошибку выстраивания развития в одном направлении – в том, «в каком развиваются Западная Европа, Япония и в особенности Соединенные Штаты» (Уэбстер, Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С. 48).

Исследователи отмечают, что XX в. стал веком серьезных изменений социальной структуры[83] большинства стран, которые заставили пересмотреть границы социального деления и критерии оценки[84]. Социальная трансформация повысила социальную мобильность, несколько изменила ее принципы и социальную конфигурацию, в частности, в сторону расширения средних слоев и увеличения дробности социальной стратификации[85].

Р. Дарендорф считал, что модернизация включает два структурных элемента: уравнивание статуса всех членов общества и мобилизацию людей, их нужд и требований[86].

С развитием демократии, с уравнением статуса гражданина (которое происходит с эпохой Великой французской революции) народные массы стали определенной «политической ставкой»[87], получили новое значение в социальной, политической, экономической и культурной жизни общества.

Первым на новую роль массы обратил внимание Гюстав Лебон в конце XIX в.[88], но отдельное развитие взгляды на расширение роли масс, под которыми понимались большие социальные группы, большинство общества, низы общества, получили в 1930–1950-х гг. Ортега-и-Гассет (1883–1955 гг.) отметил, что в современных ему реалиях происходит новое явление в социально-политической жизни (*восстание масс*), которое начинает определять европейскую жизнь – «полный захват массами общественной власти», стремление получить те блага,

---

[83] О понятии социальной структуры, социальной стратификации см.: Мантуров О.С. Деконструкция понятия «социальная структура» // Известия Уральского фед. ун-та. Серия 3: Общественные науки. 2014. № 3 (131). С. 22-32; Попова И.В. Актуальные проблемы развития социальной структуры Российского общества // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2011. Т. 17. № 4. С. 214-217; Руткевич М.Н. Социальная структура. М.: Альфа-М, 2004. С. 13-108; Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социс. 2001. № 9. С. 3-13.

[84] Голенкова З.Т. Основные тенденции трансформации социальной структуры современного Российского общества // Вестник РУДН, серия Социология, 2001. № 1. С. 29.

[85] Голенкова З.Т. Основные тенденции трансформации социальной структуры современного Российского общества // Вестник РУДН, серия Социология, 2001. № 1. С. 29; Руткевич М.Н. Социальная структура. М.: Альфа-М, 2004. С. 190-229.

[86] Dahrendorf R. Democracy and Modernity. P. 16.

[87] Рукетт М.-Л. Познание масс. Очерки политической психологии. М., 2010. С. 17.

[88] Лебон Г. Психология толп // Лебон Г., Тард Г. Психология толп. М., 1998. С. 216, 225.

которые были доступны немногим[89]. Карл Манхейм (1893–1947 гг.) писал, что демократия, активизировавшая все слои общества, становится «демократией настроения» и часто выражает не действующие реальные интересы социальных групп, «а внезапные взрывы настроения масс, ставших объектом различных манипуляций»[90]. Немецкий политический деятель и социальный философ Эрнст Никиш (1889–1967 гг.) называл новое состояние государства «массовым государством», в котором приходится считаться с массовыми потребностями и интересами, уметь привлекать массы и завоевывать их согласие, внушать представления о том, что они – не объекты политики, субъекты[91].

Жан Бодрийяр называл это «революцией благосостояния» и считал ее наследницей *буржуазной революции*[92]. У этой «революции», по мнению Бодрийяра, те же принципы, что и у всех революций: равенство людей и демократия, только, как и после всех революций, это равенство и демократия неполноценные и условные. Демократический принцип, с точки зрения Бодрийяра, стал переноситься с равенства способностей, ответственности и социальных возможностей на равенство к знакам социального успеха и счастья, формируя *демократию уровня жизни*[93]. Идея потребления, по мысли Бодрийяра, заменяет собой идеологию[94].

Ральф Дарендорф отмечал, что современная социальная трансформация изменила формы неравенства, а с ними и конфликты, и произошло это в два этапа: в результате революции модерна, а затем – с изменениями внутри современного мира[95].

---

[89] Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002. С. 15.
[90] Манхейм К. Возрастание иррациональных элементов в общественном сознании. Атмосфера ожидания насилия // Кризис сознания. М., 2009. С. 14.
[91] Никиш Э. Политические сочинения. СПб., 2011. С. 362.
[92] Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. С. 74.
[93] Там же.
[94] Там же. С. 127.
[95] Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М., 2002. С. 54.

Дискуссии о постмодерне, так или иначе, в его интерпретациях уходят к интерпретации модерна[96]. (Дискуссии на предмет определения, является ли постмодерн новой стадией после модерна или фазой развития модерна, последней и завершающей, активно идут в науке[97]).

Глобализация рассматривается как продолжение модернизации[98]. И то, что глобальная экономика – это «клуб» уже модернизированных государств[99], никак не противоречит такому подходу.

Глобализации как понятию и всемирно-историческому процессу посвящено огромное количество работ[100]. Многие проблемы глобализации являются дискуссионными в общественных науках (в частности, проблемы причин,

---

[96] См.: Андерсон П. Истоки постмодерна /Пер. с англ. А Апполонова под ред. М. Маяцкого. М., 2011. С. 53; Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л. Постмодерн или постмодернизация? (Опыты концептуализации ценностных изменений) // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2003. № 2. С. 149-150; Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика /сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М., 1994. С. 496-497; Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть /пер. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Добросвет, 2000. С. 259, 273, 313; Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995. С. 78-83, 126-127; Борисов Б.П. Постмодернизм: монография. М.- Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 6-7, 116-117, 120; Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6-32; Лиотар Ж.-Фр. Состояние постмодерна. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. С. 11; Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. С. 11-12. См. также: Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество, природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000; Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998; Якунин В. И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Кара-Мурза С.Г., Деева М.В., Сафонова Ю.А. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. Монография. М.: Научный эксперт, 2012; Шабров О.Ф. Модернизация в эпоху постмодерна // Власть. 2017. Т. 25. № 11. С. 13-21.

[97] Delanty G. Modernity and Postmodernity. Knowledge, Power and the Self. SAGE Publications, 2000. P. 131.

[98] Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1990. P. 175.

[99] Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке. М., 2002. С. 10.

[100] Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма ответы на глобализацию /Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. М.: Прогресс-традиция, 2001; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования /Пер. с англ. М.: Academia, 2004; Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2004; Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004; Линдси Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. М.: Альпина Бизнес-Букс, 2006; Тоффлер Э. Третья волна. М., 2009; Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. London: Heinemann, 1974; Castells M. The Rise of the Network Society. 2nd ed. John Wiley & Sons, 2010; Friedman Th.L. The Lexus and Olive Tree. Understanding Globalization. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2000; Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1990; Wallerstein I. Globalization or the age of transition? A long-term view of the trajectory of the world system // Globalization: Critical Perspectives /Ed. by Gernot Kohler, Emilio José Chaves. N.Y.: Nova Publishers, 2003. P. 17-28.

последствий, степени глобализации)[101], однако, несмотря на различные мнения и подходы, можно вести речь об определенной научной парадигме и о том, что исследование процессов глобализации и трансформационных процессов современного общества имеет серьезную теоретическую базу.

Глобализация рассматривается как процесс постиндустриального, информационного общества и новый цивилизационный этап развития.

Под глобализацией понимается целый комплекс сложных процессов в экономике, политике и культуре[102]. При этом очевидно, что эти процессы оказывают определенное влияние на социальную структуру всех обществ и приводят к определенным социально-политическим изменениям.

Ключевая характеристика глобализации – стирание границ, по крайней мере, в привычном территориально-географическом и пространственном понимании (свободное перемещение людей, товаров, идей)[103]. Это приводит к выводам: что суверенитет утрачивает свои формы и значение[104]. При этом мы наблюдаем и

---

[101] Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. 2 изд., пер. и доп. /Пер. с англ. М.: Экономика, 2004. С. 83; Бабурин С.Н., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2011. С. 38-44, 60-61; Болдуин Р. Великая конвергенция: информационные технологии и новая глобализация. М.: Дело, 2018; Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Этнос и глобализация: этнокультурные механизмы распада современных наций. СПб., 2017. С. 15-19, 29.

[102] Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. 2 изд., пер. и доп. /Пер. с англ. М.: Экономика, 2004. С. 81; Бабурин С.Н., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2011. С. 38-44, 60-61; Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма ответы на глобализацию /Пер. с нем. М.: Прогресс-традиция, 2001. С. 26; Гилинский Я.И. Глобализация и девиантность поведения в России // Глобализация в российском обществе: сб. науч, трудов /Отв. ред. И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 399-506; Гольберт В.В. Глобализация: продукт и/или предмет дискурсивного процесса // Глобализация в российском обществе: сб. науч, трудов /Отв. ред. И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 521; Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge University Press, 1990. P.64.

[103] Атлас глобализации. Попытка осмысления современного мирового пространства /Пер. с фр. М.: Прогресс-Традиция, 2014. С. 6; Бабурин С.Н., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2011. С. 60-61; Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма ответы на глобализацию /Пер. с нем. М.: Прогресс-традиция, 2001. С. 26; Гольберт В.В. Глобализация: продукт и/или предмет дискурсивного процесса // Глобализация в российском обществе: сб. науч, трудов /Отв. ред. И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 521; Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge, 1990. P.64; Sassen S. A Sociology of Globalization. W.W. Norton & Company, 2007. P. 214.

[104] Атлас глобализации. Попытка осмысления современного мирового пространства. М., 2014. С. 6; Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2004; Бек У.

прямо противоположный процесс – отстаивание собственной идентичности[105] (на фоне размывания границ, территорий, культур и идентичностей). Глобализация противостоит локальным культурам, их целостности и аутентичности, и напряженность поля глобальное-локальное получила свой специальный термин – «глокализация»[106].

Кризис национального государства, усиление фрагментации локальных социумов справедливо рассматриваются исследователями как фактор роста межгрупповой конфликтности[107].

Глобализация, с точки зрения многих авторов, ведет к изменению функций национального государства[108], и это ощущается в контексте больших объединений, таких как ЕС, ВТО, определенных другими различными договорами. Однако последние годы показывают и здесь рост национального суверенитета: BREXIT, торговые войны, отстаивание национальных интересов в рамках ЕС и т.д.

Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007; Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: «Весь Мир», 2004; Stryker R. Globalization and welfare state // International journal of sociology and social policy. 1998. Vol. 18, № 2-4. P. 1-49.

[105] Атлас глобализации. Попытка осмысления современного мирового пространства. М., 2014. С. 6; Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Этнос и глобализация: этнокультурные механизмы распада современных наций. СПб., 2017. С. 5, 280, 283; Appadurai A. Modernity at large: Cultural dimensions of globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996; Featherstone M. Global Culture: an Introduction // Theory, Culture and Societies. 1990. V. 7 (2-3). P. 1-14

[106] Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. 2 изд., пер. и доп. /Пер. с англ. М.: Экономика, 2004. С. 82; Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. С. 329; Гилинский Я.И. Глобализация и девиантность поведения в России // Глобализация в российском обществе: сб. науч, трудов /Отв. ред. И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 409; Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке. М.: Институт философии РАН, 2002. С. 14-16; Проблемы конфликта глобализации и идентичности см. также: Симеунович Д. Нация и глобализация. М.: РИСИ, 2013; Friedman Th.L. The Lexus and Olive Tree. Understanding Globalization. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2000; Identity and Social Change /Ed. by J.E. Davis. New Brunswick and London: Transaction Books, 2000; Religion in the Context of Globalization. Essays on Concept, Form, and Political Implication /Ed. By Peter Beyer. London: Routledge, 2013; Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities /Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. SAGE Publications Ltd., 1995. P. 25-44.

[107] Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Этнос и глобализация: этнокультурные механизмы распада современных наций. СПб., 2017. С. 280.

[108] Бабурин С.Н., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2011. С. 42; Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма ответы на глобализацию /Пер. с нем. М.: Прогресс-традиция, 2001. С. 26; Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge, 1990. P.64.

Глобализация ведет к формированию глобальных институтов и процессов[109], и если глобальные институты лишь опосредованно могут влиять на проблемы социальной напряженности и выплеска этой напряженности в социально-политический конфликт и протест, то выделяемые глобальные процессы, такие как новый космополитизм[110] и интернационализация (СМИ, идеологий, социальных представлений и т.д.), оказывают самое существенное влияние на генезис социально-политического конфликта.

С точки зрения рассматриваемой проблематики следует обратить внимание на выводы исследователей о «глобализации роли этнических диаспор, религиозных движений, формирования мировых сетей международной организованной преступности и т.п.»[111], и тот факт, что глобализация ведет к интернационализации различных форм девиантности (deviance), в том числе терроризма[112], что создает новые факторы в условиях этнических и религиозных конфликтов, а также экспорта и внешней подпитки социальных конфликтов. Новые коммуникационные условия становятся одними из ключевых факторов формирования и развития социально-политических конфликтов и радикальных массовых форм протеста.

Как и проблема модернизации обществ Нового и Новейшего времени, глобализация рассматривается с точки зрения вестернизации мира: с позиций экономических, политических, культурных и социальных моделей[113]. Однако такой подход имеет и серьезных оппонентов[114].

Символ глобализации Интернет (единая система коммуникаций) оказывается часто совершенно национальным инструментом: передвижение информации через

---

[109] Sassen S. A Sociology of Globalization. W.W. Norton & Company, 2007. P. 5-6.
[110] Ibidem.
[111] Бабурин С.Н., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2011. С. 42.
[112] Гилинский Я.И. Глобализация и девиантность поведения в России // Глобализация в российском обществе: сб. науч, трудов /Отв. ред. И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 405.
[113] См.: Бабурин С.Н., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. М.: Магистр : ИНФРА-М, 2011. С. 38-44.
[114] Appadurai A. Modernity at large: Cultural dimensions of globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996; Featherstone M. Global Culture: an Introduction // Theory, Culture and Societies. 1990. V. 7 (2-3). P. 1-14.

Интернет блокируется не только странами, причисляемыми к т.н. «недемократическим», но и в самых развитых, в первую очередь, США. Недаром исследователи начинают выделять в понятии «глобализация» понятие камуфляжной формы идеологии глобализма, которая использует «тенденции мирового развития для обоснования приоритетов эгоистических национальных интересов “грандов” современных международных отношений, оправдания политики гегемонизма в мировых делах»[115].

Вышесказанное имеет значение не только с точки зрения оценки процессов глобализации и их изменения в последнее десятилетие, но и с точки зрения потенциальных изменений воздействия как реальных процессов глобализации, так и представлений о них на социальные представления и на идеологию, которая будет оказывать влияние как на возникновение протестных настроений и выплеска их в радикальные массовые формы, так и на сдерживающие факторы.

Одной из ключевых характеристик глобализации становится информационная глобализация. Причем информационно-коммуникационные технологии все чаще рассматриваются исследователями как ключевой фактор глобализации[116].

С точки зрения рассматриваемых вопросов речь идет о трех принципиальных воздействующих факторах. Во-первых, о появлении транснациональных или глобальных медиа, которые, как и транснациональные корпорации, имеют формы глобальных и транснациональных структур, но продвигают идеологию, модели поведения и информационную повестку страны «национальной принадлежности». Во-вторых – принципиально новых систем коммуникаций, получивших название социальных медиа, с широким охватом и низким входным порогом, что создает массовость участия и массовость распространения почти любого

---

[115] Бабурин С.Н., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2011. С. 61.

[116] См.: Гольберт В.В. Глобализация: продукт и/или предмет дискурсивного процесса // Глобализация в российском обществе: сб. науч, трудов /Отв. ред. И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 507-536; Смирнов А.И. Информационная глобализация и Россия: вызовы и возможности. М.: Издательский дом «Парад», 2005.

информационного сообщения. Затем произошла трансформация мессенджеров в новые медиа, что меняет ситуацию на наших глазах.

В-третьих, формируются новые условия коммуникационного воздействия на индивидов и социальные группы как внутри социума, так и со стороны внешних сил. Особое значение это имеет в отношении молодежи[117], как особой социально-демографической группы, наиболее склонной к протестному поведению и протестным акциям.

В развитие идеи общества постмодерна и информационного общества исследователи предлагают рассматривать особенности современного общества, как сетевого и сетевых структур[118], выдвигается концепт перехода от информационного общества к коммуникационному[119].

С точки зрения управления медиакоммуникациями здесь возникает определенный парадокс. Информационное общество и сетевое должны вести к увеличению количества СМИ и свободе распространения информации, при этом исследователи говорят о монополизации СМИ на современном этапе[120]. Н. Хомски рассуждает о mainstream media (MSM) – информационных конгломератах, которые формируют новостную повестку, – как о главной характеристике медиа на

---

[117] Елишев С.О. Социальное манипулирование современной молодежью. Диссертация на соискание учёной степени доктора социол. наук. М., 2018.

[118] Волкова А.В. Сети в публичной политике: формирование сетевой культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1. С. 52-55; Володенков С.В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2015. С. 3-6; Володенков С.В. Социальные медиа как инструмент современной публичной политики: особенности и перспективы применения // Политическая наука. 2017. Специальный выпуск. С. 290-305; Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 494-505; Колесников В.Н. Сетевые структуры политической активности в современном российском обществе // Управленческое консультирование. № 1. 2013. С. 99-108.

[119] Володенков С.В. Социальные медиа как инструмент современной публичной политики: особенности и перспективы применения // Политическая наука. 2017. Специальный выпуск. С. 290-305.

[120] Быков И.А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества: дисс. на соиск. уч. ст. д-ра полит. н. СПб., 2016. С. 73-74; Виноградова С.М., Мельник Г.С. Монополизация СМИ в современном информационном пространстве // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2005. Т. 1. № 2. С. 95-110; Rossides D.W. Communication, Media, and American Society: A Critical Introduction. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. P. 89.

современном этапе[121]. Эти конгломераты сегодня интегрированы в новые медиа[122], подобные конгломераты создаются и в социальных сетях (все крупные социальные сети поделены между несколькими собственниками).

СМИ, которым уже предрекли уход в прошлое, «абсорбировали глобальную компьютерную сеть Интернет»[123] и реализовали конвергенцию на основе цифровых технологий, как техническую, так и конвергенцию контента[124], так что во многом «подчинили» себе социальные медиа. Социальные сети становятся системой распространения материалов телевидения и прессы. Ведение социальных сетей политиками, общественными фигурами и журналистами делает их источниками информации, на которые ссылаются СМИ, источниками высказываний, экспертной оценки и интервью. Социальные сети стали частью системы формирования повестки дня, причем одновременно политической, медийной и общественной[125]. Современные реалии демонстрируют, что эти

---

[121] Chomsky N. What makes mainstream media mainstream // Z Magazine. 1997, October. P. 17-23.

[122] Володенков С.В. Политический менеджмент и управление современными политическими кампаниями: учебник. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 331.

[123] Быков И.А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества: дисс. на соиск. уч. ст. д-ра полит. н. СПб., 2016. С. 73.

[124] Там же. С. 73.

[125] Подход 3-х повесток дня см.: Вандышева Е. Эволюция концепта “политическая повестка” в зарубежных политологических исследованиях // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 4. С. 91-99; Данилов М.В. Властные механизмы политизации социальной повестки дня в России // Актуальные проблемы политологии. 2011. №19. С. 209-213; Дьякова Е. Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу // Полис. 2003. № 3. С. 109-120; Казаков А.А. Взаимодействие информационной и политической "повесток дня": к постановке проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2011 Т. 11 № 3 С. 70-73; Казаков А.А. Западная коммуникативистика об установлении информационной повестки дня: Анализ основных подходов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013 Т. 9 № 3 С. 55-61; Колесников В.Н. Актуальная повестка дня в современной России: Факторы формирования // Управленческое консультирование. 2017 № 9 (105). С. 8-17; Лушанкин С.С. Категория «повестка дня» в структуре политического процесса: Понятие «политической повестки дня» и модели её формирования // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. № 1 (4). С. 456, 458; Пономарев Н.Ф. Фрейминг медиаповестки дня и типология медиафреймов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 3 (9). С. 62; Руденко К.Н. Феномен повестки дня в СМИ, ее функции и инструменты конструирования // Язык. Текст. Дискурс. 2019. № 17. С. 197-202; John P., Bevan Sh., Jennings W. Party politics and policy agenda: The case of the United Kingdom // Green-Pedersen Ch. and Walgrave S.(ed.) Agenda setting, policies and political systems: A comparative approach, The University of Chicago Press, 2014. P. 19-35; Timmermans A., Breeman G. The policy agenda in multiparty government: Coalition agreements and legislative activity in the Netherlands //

повестки формируются на тех же принципах, что и раньше с традиционными СМИ, а государство стремится монополизировать эти возможности, что ярко стало проявляться в США, странах Европы и России с начала 2020-х гг. как реакция на роль социальных сетей в «цветных революциях» и т.н. «вмешательстве в выборы в США» в 2016 г.[126]

Социальные сети позволяют масштабно и быстро осуществлять связи между людьми, передавать информацию и координировать деятельность[127]. При этом сетевое общество ведет к демассовизации и фрагментации аудитории[128]. Исследователи отмечают, что при высоком уровне информационного охвата социальных сетей и возможностях мобилизации, существует и противоположная особенность – разрозненность и неспособность сетевых групп поддерживать мобилизацию[129]. Более того, платой за быстроту мобилизации через социальные сети становится быстрая апатия и индифферентность к происходящим событиям[130].

Agenda setting, policies and political systems: A comparative approach /Ed. by Green-Pedersen Ch. and Walgrave S. The University of Chicago Press, 2014. P. 86-104.

[126] См.: Шульц Э.Э. Фейковые новости в современных коммуникационных процессах // Вестник Российского государственного университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2022. Т. 9. № 3. С. 262-273; Barclay D.A. Fake News, Propaganda, and Plain Old Lies. How to Find Trustworthy Information in the Digital Age. The Rowman & Littlefield Publishing Group, Inc., 2018. P. 1; Dale T. The Fundamental Roles of Technology in the Spread of Fake News // Handbook of Research on Deception, Fake News, and Misinformation Online /Ed. by Innocent E. Chiluwa, Sergei A. Samoilenko. IGI Global, 2019. P. 122; Grazulis A., Rogers R. "Ridiculous and Untrue – FAKE NEWS!": The Impact of Labeling Fake News // Handbook of Research on Deception, Fake News, and Misinformation Online /Ed. by Innocent E. Chiluwa, Sergei A. Samoilenko. IGI Global, 2019. P. 138; Guadagno R.E., Guttieri K. Fake News and Information Warfare: An Examination of the Political and Psychological Processes From the Digital Sphere to the Real World // Handbook of Research on Deception, Fake News, and Misinformation Online /Ed. by Innocent E. Chiluwa, Sergei A. Samoilenko. IGI Global, 2019. P. 167-191; Sylvia J. J., Moody K. False Information Narratives: The IRA's 2016 Presidential Election Facebook Campaign // Handbook of Research on Deception, Fake News, and Misinformation Online /Ed. by Innocent E. Chiluwa, Sergei A. Samoilenko. IGI Global, 2019. P. 327.

[127] Bennett W.L., Segerberg A. The Logic of Connective Action. Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. Cambridge University Press, 2013. P. 198.

[128] Быков И.А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества: дисс. на соиск. уч. ст. д-ра полит. н. СПб., 2016. С. 18; Тоффлер Э. Третья волна. М., 2009. С. 226.

[129] Bennett W.L., Segerberg A. The Logic of Connective Action. Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. Cambridge University Press, 2013. P. 202.

[130] Быков И.А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества: дисс. на соиск. уч. ст. д-ра полит. н. СПб., 2016. С. 262; Шульц Э.Э. Технологии бунта. М., 2014. С. 421.

Роль социальных сетей в информировании и организации современных протестов справедливо отмечается исследователями. Однако следует учитывать, что массовый политический протест в радикальных формах отличается от других видов и форм протеста серьезным противостоянием с силовыми структурами, что ведет к рискам для жизни и здоровья, а также уголовного наказания, поэтому используемые преимущества мобилизации через социальные сети во многом нивелируются. Данные особенности представляют важность с точки зрения рассматриваемых вопросов.

Процессы медиатизации сказываются на современных проявлениях социального конфликта. Явление «медиатизированного конфликта», с точки зрения исследователей, проявляется в двух направлениях:

- возможность перехода конфликта из медиа пространства в реальные протестные акции[131];

- возможность массовых протестов как следствие медиатизации локального инцидента[132].

Возможность создавать протест и направлять его делает управление коммуникациями важнейшим фактором в развитии или нейтрализации политического протеста в радикальных и массовых формах.

Принцип У. Липпмана о создании человеком в процессе коммуникации представлений о мире, картин мира и отбор образов и моделей через призму этих представлений, мы бы перефразировали следующим образом: человеку создают в

---

[131] Ачкасова В. А. Медиатизированный конфликт: концепт и факторы актуализации // Медиа в современном мире. 59-е Петербургские чтения: сб. матер. Междунар. научн. форума (9–12 ноября 2020 г.): в 2-х т. / отв. ред. В. В. Васильева. Т. 2. СПб.: СПбГУ, 2020. С. 33-34; Гаврa Д. П. Медиатизация локальных инцидентов как новый механизм политической мобилизации в сетевом обществе: к программе исследования // Медиа в современном мире. 59-е Петербургские чтения: сб. матер. Междунар. научн. форума (9–12 ноября 2020 г.): в 2-х т. / отв. ред. В. В. Васильева. СПб.: СПбГУ, 2020. Т 2. С. 39-41.

[132] Gavra D. P., Bykova E. V., Savitskaya A. S., Dekalov V. V., Taranova Y. V. Mediatization of a Local Incident in a Digital Network Space: Interpretation of the Concept and Research Program // 2020 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS 2020) /Ed. by B S. Shaposhnikov, L. Sharakhina. Institute of Electrical and Electronics Engineers, Curran Associates, Inc., 2020. P. 99-103.

процессе коммуникаций стереотипы восприятия, поощряемые и негативизируемые образы и модели поведения, через которые он пропускает всю поступающую ему информацию. Интерпретация концепции Ж. Бодрийяра позволяет заключить, что в современном обществе в основе коммуникаций находятся симулякры – т.е. созданная реальность, которая выросла в массовости и в силе воздействия за счет развития массовой культуры и медиатизации общества.

В современных подходах к коммуникациям все чаще отдельные процессы и направления, которые обеспечивались различными коммуникациями, начинают сами выстраиваться как коммуникационная система или коммуникационная технология[133]. Так, например, М.Н. Грачев называет власть одной из форм социальной коммуникации[134]. Более того, М.Н. Грачев в исследовании политической коммуникации с точки зрения теоретико-методологического анализа пришел к выводу, что политику можно рассматривать как своеобразную форму «коммуникации между людьми, связанную с проблемой завоевания, удержания и использования власти»[135]. В этом контексте понятно стремление исследователей рассматривать современный протест как коммуникационную систему[136].

Современные подходы рассматривают коммуникации как весь комплекс средств и возможностей передачи информации, которая может осуществляться

---

[133] Напр., именно так рассматривается брендинг – см.: Брендинг как коммуникационная технология XXI века. Материалы VIII Международной научно-практической конференции /Под редакцией А.Д. Кривоносова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022.

[134] Грачев М.Н. Власть как форма социальной коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2011. № 1. С. 106.

[135] Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. доктора политических наук. М., 2005. С. 25-26.

[136] См. напр.: Современный протест как новая коммуникативная система. Материалы круглого стола с международным участием «Современный протест как новая коммуникативная система», г. Волгоград, 28-30 октября 2019 г.: Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет», Институт филологии и межкультурной коммуникации, Филиал зарегистрированного объединения «Фонд Розы Люксембург – анализ общественного развития и гражданское просвещение» (Федеративная Республика Германия) в Российской Федерации /Под редакцией д-ра филол. наук, проф. Н.Л. Шамне, д-ра филол. наук, доцента Л.Н. Ребриной. Волгоград: Изд-во ВолГу, 2019.

через СМИ, различные формы визуальных и аудио сообщений на различных носителях, через институты и организации, персональные контакты[137].

Основные методологические подходы к анализу коммуникаций включают социологический подход (Д. Шульц, С. Танненбаум и Р. Лаутерборн), институциональный подход (Д. Этткинс, Ф. Котлер, Д. Грунди, Д. Куттлер), ситуационный подход (Х. Лассуэлл, Д. Дьюи, Р. Хант, Л. Гуртинг), психоаналитический подход (З. Фрейд, К.Г. Юнг, И. Гоффман) и социально-психологический подход (Л. Берк, Р. Чалдини, Д.Х. Мид, Д. Бергер), управленческий подход (А.Н. Чумиков, Э.Э. Шульц).

В данном исследовании мы опираемся на управленческий подход к коммуникациям, который заключается в определении понятий «контент» и «контекст» коммуникаций[138]. Весь коммуникационный инструментарий может быть описан в виде шести блоков под общим названием «Универсальные коммуникационные компетенции», или «Коммуникационный контент»: I. Исследования и аналитика; II. Планирование коммуникаций; III. Коммуникационные каналы; IV. Производство контента; V. Продвижение коммуникационных продуктов; VI. Структуры и специалисты. Однако текущий этап мирового развития показывает, что успех использования данных компетенций

---

[137] См.: Гавра Д. Основы теории коммуникации: Учебное пособие. Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2011. С. 10-32; Кафтан В.В. Концепции, практики и технологии современных медиа. Учебник. М.: Кнорус, 2022; Силкин В.В. Информационно-коммуникативные управленческие процессы в политическом пространстве общества // Коммуникология. 2017. № 6. С. 15-30; Шарков Ф.И. Генезис зарубежной и отечественной коммуникологии: темы и парадигмы // Коммуникология: электронный научный журнал. 2017. Том 2. № 2. С. 7-26; Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Управление коммуникациями. Учебник. 2-е изд. М.: «Дашков и Ко», 2023; Шарков Ф.И. Коммуникология: основы теории коммуникации: Учебник для бакалавров / 4-е изд., перераб. М.: «Дашков и К°», 2014; Чумиков А.Н., Шульц Э.Э. Новая информационная культура как результат глобальной смены научно-прикладной парадигмы в коммуникационной сфере // Журналист. Социальные коммуникации. 2024. № 1 (53). С. 29-37; Чумиков А.Н., Шульц Э.Э. Управление коммуникациями в современных условиях // Управление коммуникациями. Сборник статей Первой международной научно-практической конференции /Под ред. А.Н. Чумикова, Э.Э. Шульца. М.: Изд-во МГЛУ, 2022. С. 9-11.

[138] Чумиков А.Н., Шульц Э.Э. Коммуникационное и социологическое обеспечение имиджа российских регионов в контексте стратегий их развития // Коммуникология. 2022. Т. 10. № 1. С. 17; Шульц Э.Э. Технологические и регулятивные тренды развития и позиционирования коммуникационного контента /Чумиков А.Н., Шульц Э.Э. // Российская школа связей с общественностью. Электронный научный журнал. 2025. Вып. 37. С. 161-183.

всё больше зависит от адекватного понимания условий, в которых они применяются, или «коммуникационного контекста». В каждой стране, регионе, организации такие контексты заключаются в особенностях взаимодействия ключевых субъектов социума: государства (G – government), бизнеса (B – business) и неправительственных организаций, включая отдельных граждан (C – citizen)[139].

Переход к широкому и емкому понятию «управление коммуникациями» является реакцией на современные трансформации и технологические изменения[140].

Под управлением коммуникациями[141] мы понимаем целенаправленное воздействие всеми видами коммуникаций (вербальными и невербальными, медийными и немедийными) для достижения определенного результата.

В контексте выбранной темы – это формирование определенных установок и моделей поведения (вплоть до шаблонов рутинного поведения), создание информационной повестки, передача информации для организации и управления радикальными массовыми формами социального протеста. Коммуникационные технологии – это набор методов и инструментов для управления коммуникациями.

Существует множество определений медиакоммуникации, большинство из которых посвящены ее отдельным аспектам.

Например, Е.А Войтик трактует медиакоммуникацию как информационное взаимодействие между социальными субъектами (личностями, группами,

---

[139] Чумиков А.Н., Бочаров М.П., Самойленко С.А. Реклама и связи с общественностью: профессиональные компетенции. М.: Дело, 2016. С. 11-12; Чумиков А.Н. Концептуальные ориентиры для преподавания коммуникационных дисциплин // Управление коммуникациями. Сборник статей Первой международной научно-практической конференции /Под ред А.Н. Чумикова, Э.Э. Шульца. М.: МГЛУ, 2022. С. 244-249.

[140] Чумиков А.Н., Шульц Э.Э. Управление коммуникациями в современных условиях // Управление коммуникациями: Сборник статей Первой международной научно-практической конференции, Москва, 14–15 декабря 2021 года /Под ред. А.Н. Чумикова, Э.Э. Шульца. М.: МГЛУ, 2022. С. 10.

[141] Различное использование «коммуникационные» и «коммуникативные» мы полагаем переходом в русский язык одинаковых понятий на английском языке, но в различных морфологических формах: «communication» и «communicative», – и их использование, то с одинаковой семантикой, то с различной. При этом перевод «communication technologies» и «communicative technologies» с английского на русский не отличается. Сложившаяся российская практика то противопоставляет эти формы, то признает равнозначными в своем значении.

организациями и т.д.), основанное на производстве, распространении и потреблении массовой информации[142]. И.М. Богдановская понимает под «медиакоммуникациями» процесс, связанный «с распространением с помощью технических средств между различными группами и индивидуумами специально подготовленных сообщений, представляющих социальную и личную значимость»[143]. М.Г. Шилина определяет медиакоммуникацию как процесс создания, трансляции, обмена информацией медиа в индивидуальном, групповом, массовом формате по различным каналам при помощи различных коммуникативных средств (вербальных, невербальных, аудиальных, визуальных, проч.)[144]. В.П. Коломиец считает, что медиакоммуникация – «это выстраивание отношений путем передачи смыслов с помощью специальным образом организованных посредников»[145].

Соглашаясь с этими и подобными определениями как с функциональными, представляется необходимым добавить к ним сущностный аспект: медиакоммуникация, как часть управления коммуникациями, – это взаимодействие субъектов с трансляцией и получением информации с помощью определенных технических средств, предполагающее их целенаправленное воздействие друг на друга.

Необходимо отметить, что в исследованиях медиакоммуникаций XX в. доминировал, а в XXI в. продолжает преобладать, с одной стороны, функционально-описательный подход, с другой – позитивистская парадигма. В ее рамках приоритетное внимание уделяется положениям о тренде развития

---

[142] Войтик Е.А. К вопросу об определении медиакоммуникации как понятия // Открытое и дистанционное образование. 2013. N 1. С. 29.

[143] Богдановская И.М. Медиа-коммуникация // Universum: Вестник Герценовского университета. 2011. №8. С. 78.

[144] Шилина М.Г. Медиакоммуникация: тенденции трансформации. Новые парадигмы исследований массовых коммуникаций [Электронный ресурс] // Медиаскоп: Электронный научный журнал Факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. 2009. № 3. URL: http://www.mediascope.ru/?q=node/404 (дата обращения: 11.02.2024.

[145] Коломиец В.П. Концептуализация медиакоммуникации // Медиаскоп. 2019. Вып. 4. URL: http://www.mediascope.ru/2575 (дата обращения: 11.02.2024)

медиакоммуникаций как всё более демократичной и объективной системы с высокими этическими стандартами.

Так, применительно к политической медиакоммуникации характерно утверждение о том, что если традиционная модель политического взаимодействия носила преимущественно монологичный и вертикальный характер, при котором представители власти общались с народом языком законов, указов и других политических актов, то современные возможности интернет-коммуникации трансформируют эту модель, способствуя развитию горизонтальных взаимосвязей, обеспечивая открытость и доступность политической информации, оперативную обратную связь между властью и обществом[146].

Данное и подобные ему утверждения представляются, как минимум, неочевидными, поскольку демонстрируют лишь идеалистическую картину желаемой действительности в оторванности от реально происходящих процессов.

Итак, общество модерна и постмодерна и сопровождающая их глобализация, установление принципов информационного общества и их развитие (которое часто определяется как «сетевое общество») привели к социальным и политическим трансформациям, изменениям политического поведения и коммуникационного пространства, что сказалось на характере политического протеста и возможностях управления коммуникациями. Новые особенности требуют дополнений к теориям социального конфликта на современном этапе. Кроме того, возможность создавать протест и направлять его делают управление коммуникациями важнейшим фактором в развитии или нейтрализации политического протеста в радикальных и массовых формах.

Медиакоммуникации, под которыми мы понимаем взаимодействие субъектов с трансляцией и получением информации с помощью определенных

---

[146] См.: Гуреева А.Н. Трансформация медиакоммуникационного взаимодействия государства и молодежи в России в контексте медиатизации политики // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2020. № 6. С. 171; Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2020. С. 9; Шилина М.Г. Медиакоммуникация: тенденции трансформации. Новые парадигмы исследований массовых коммуникаций [Электронный ресурс] // Медиаскоп: Электронный научный журнал ф-та журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. 2009. № 3. URL: http://www.mediascope.ru/?q=node/404 (дата обращения: 11.02.2024).

технических средств и предполагающее целенаправленное воздействие субъектов друг на друга, становятся основной частью всех коммуникаций. Процессы медиатизации сказываются на современных проявлениях социального конфликта, делая возможным переход конфликта из медиапространства в реальные протестные акции; возникновение массового политического протеста из медиатизации локального инцидента или определенной темы. При этом прогноз утраты влияния традиционными СМИ не оправдался: за счет технической и контентной конвергенции они сохранили доминирующую функцию и сумели интегрироваться с социальными медиа. Социальные сети стали частью системы формирования повестки дня, причем реализуется это на тех же принципах, что и раньше с традиционными СМИ, а государство стремится монополизировать эти возможности.

1.2. Политический протест как исследовательская категория

На современном этапе развития науки существует множество определений социального конфликта.

Конфликт рассматривается как открытая борьба между индивидуумами или группами в обществе (социальными движениями, группами интересов, классами, политическими партиями, этническими, расовыми или религиозными объединениями)[147].

Ю.Г. Запрудский определил социальный конфликт как «явное или скрытое состояние противоборства объективно расходящихся интересов, целей и тенденций развития социальных объектов, прямое и косвенное столкновение социальных сил на почве противодействия существующему общественному порядку, особая форма исторического движения к новому социальному единству»[148].

А.В. Дмитриев понимает под социальным конфликтом «тот вид противостояния, при котором стороны стремятся захватить территорию либо ресурсы, угрожают оппозиционным индивидам или группам, их собственности или культуре таким образом, что борьба принимает форму атаки или обороны»[149].

А.Г. Здравомыслов видит в социальном конфликте определенную форму взаимоотношений между субъектами социального действия (потенциальными или актуальными), чья мотивация обусловлена противоположными ценностями, потребностями и интересами[150].

С.С. Фролов подчеркивал, что под социальным конфликтом традиционно понимается конфликт больших и малых социальных групп, который связан с

---

[147] Джери Д., Джери Д. Большой толковый социологический словарь /Пер. с англ. Т. 1. М.: Вече, 1999. С. 328.
[148] Запрудский Ю.Г. Социальный конфликт. Ростов н/Д: Феникс, 1992. С. 54.
[149] Дмитриев А.В. Конфликтология. М.: Гардарики, 2000. С. 54.
[150] Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1996. С. 96.

осознанием индивидуальных и групповых потребностей, и ценностей, и несовпадением интересов различных социальных групп[151].

Е.М. Бабосов называет социальный конфликт предельным случаем «обострения социальных противоречий, выражающийся в многообразных формах борьбы между индивидами и различными социальными общностями, направленной на достижение экономических, социальных, политических, духовных интересов и целей, нейтрализацию или устранение действительного или мнимого соперника и не позволяющий ему добиться реализации интересов»[152].

А.Н. Чумиков дал определение социального конфликта как динамического типа социальных взаимоотношений, связанных с потенциально возможным или реальным столкновением субъектов на почве тех или иных противоречиво осознаваемых предпочтений, интересов или ценностей, постоянно присутствующих и не поддающихся устранению[153].

Ключевые характеристики определения социального конфликта у различных исследователей – это то, что конфликт – всегда взаимодействие нескольких сторон, расходящихся во взглядах на вопросы, представляющиеся им важными[154].

Считается, что принцип социального конфликта как непременной составляющей любого общества первым сформулировал Карл Маркс[155].

Краеугольным камнем в теоретических построениях Маркса о революциях лежит его концепция об историческом процессе. Весь исторический процесс человечества делится Марксом на пять сменяющих друг друга способов производства (в дальнейшем закрепилось название «общественно-экономических

---

[151] Фролов С.С. Основы социологии. М., 1997. С. 109.

[152] Бабосов Е.М. Основы конфликтологии. Изд. 2-е. Минск: ТетраСистемс, 2000. С. 55.

[153] Чумиков А.Н. Конфликтология социальных отношений как комплексная научная дисциплина и практическая специализация // СоцИс. 1997. № 7. С. 119.

[154] Eldridge A.F. Images of conflict. N.Y.: St. Martin's Press, 1979. P. 2; Kriesberg L. Sociology of Social Conflict. N.Y., 1973. P. 17; Scherer K.R. Human aggression and conflict: interdisciplinary perspectives. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1975. P. 265; Weeks D. Conflict partnership: How to deal effective with conflicts. Orange, CA: Trans World Productions. 1984. P. 4; Wehr P.E. Conflict regulation. Boulder. Colo.: Westview Press, 1979. P. 9-13.

[155] Нет единого мнения, стоит ли построения Маркса причислять к «теории конфликта» – см., напр.: Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009. С. 37; International Encyclopedia of Political Science /Ed. by Bertrand Badie. Vol. II. Sage Publications, 2011. P. 396.

формаций»). Переход между этими формациями осуществляется, по Марксу, через революции, которые обусловлены конфликтом между общественными производительными силами и производственными отношениями. Именно этот конфликт и вызывает революции, которые ведут к регулярной смене способов производства. Таким образом, человечество, согласно Марксу, проходит все стадии развития – все формации (способы производства) – пока пролетарская революция не приводит к финальной формации – коммунистическому способу производства, который является бесконфликтным и не требует революций[156]. Так вот, объективной причиной революций (перехода от одной общественно-экономической формации к другой) для Маркса является процесс развития производительных сил, которые неминуемо войдут в конфликт с существующими производственными отношениями. Производственные отношения перестают развивать производительные силы и становятся тормозом прогресса, что ведет к их смене на более прогрессивные производственные отношения[157].

Второй краеугольный камень марксовой концепции – классовая борьба. Сам Маркс признавал, что ему не принадлежит заслуга открытия классов и борьбы между ними в современном обществе: это явление было открыто и описано еще до Маркса[158]. Кроме известных экономистов, следует обратить внимание на разработку этих проблем т.н. социалистами-утопистами Сен-Симоном и Фурье[159]. Проблема классов в революции и имущественных отношений в основе революционной борьбы рассматривалась уже первыми историками Великой

---

[156] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 4. М., 1955. С. 435-437.
[157] Маркс К. К критике политической экономии. С. 7.
[158] Маркс К. Письмо И. Вейдемейеру, 5 марта 1852 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 28. С. 424.
[159] См., например: Дворцов А. Великий социалист-утопист // Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1938. С. 23; Сен-Симон. Рассуждения литературные, философские и промышленные. Об общественной организации // Сен-Симон. Избранные сочинения. Т. 2. М.-Л., 1948. С. 318, 324.

французской революции[160]. Однако теория классового конфликта в завершенном виде принадлежит именно Марксу[161].

Маркс писал еще в «Манифесте коммунистической партии» (1848 г.), что вся история обществ – это история борьбы классов: угнетающих и угнетаемых[162]. Фактически Маркс ведет речь о трех конфликтных производственных отношениях: рабовладельческих, феодальных и капиталистических (и при азиатском способе производства, который то заменяет рабовладельческие и феодальные производственные отношения, то стоит особняком). Классовая борьба в этих обществах обязательно заканчивается революцией, которая переводит общественные отношения на более высокий уровень. Эта прогрессивная роль революций, которые выполняют определенный цивилизационный скачок, и позволяет Марксу заявлять, что «революции – локомотивы истории»[163].

Капиталистическая формация (способ производства), согласно Марксу, значительно отличается от предыдущих стадий развития человечества. Во-первых, это связано с положением пролетариата и особенностями его угнетения. Суть в том, что рабочий, в отличие от крепостных и буржуа при феодализме, с прогрессом промышленности и технологий не только не поднимается в своем социальном уровне (и благосостоянии), а даже наоборот – опускается, пауперизируется. Это, с точки зрения Маркса, говорит о неспособности буржуазии к управлению как господствующего класса, так как она (в отличие от управляющих классов периодов рабовладельческого и феодального способов производства) не способна

---

[160] См.: Семенов Ю.И. Франсуа Минье и школа французских историков эпохи Реставрации // Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. М., 2006. С.25-33. См. также: Волгин В.П. Социальное учение Сен-Симона // Сен-Симон. Избранные сочинения. Т. 1. М.–Л., 1948. С. 45; Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. Т. 1, кн. 1. М., 1977. С. 140-141.

[161] Сам Маркс своей заслугой считал определения: «1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» (Маркс К. Письмо И. Вейдемейеру. С. 427).

[162] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест… С. 424.

[163] Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое. Т. 7. М., 1956. С. 86.

обеспечить своим «рабам» (пролетариату) даже рабского уровня существования[164]. Во-вторых, пролетариат объективно должен уничтожить капиталистический способ производства, так как пролетариат, в отличие от прежних классов, захватывавших господство для упрочения своего положения и способа присвоения, не имеет что сохранять[165], поэтому пролетарии уничтожат нынешний (капиталистический) способ присвоения и «весь существовавший до сих пор способ присвоения в целом»[166].

Современное для себя общество Маркс описывает как общество постоянной «прикрытой» (так у Маркса – Э.Ш.) гражданской войны, которая перейдет в открытые формы – пролетариат насильственным путем ниспровергнет буржуазию и капиталистический строй[167]. Пролетарии, по мысли Маркса, через революцию станут господствующим классом, упразднят капиталистические производственные отношения и сами условия существования классовой борьбы – существование общественных классов[168]. С точки зрения Маркса, этот коммунистический строй будет бесконфликтным обществом постоянного прогресса[169].

Таким образом, Маркс рассматривал социальный протест исключительно с точки зрения классового подхода и видел в успешных радикальных формах социального протеста двигатель прогресса[170].

---

[164] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест... С. 435.

[165] Отсюда и ставшее крылатым выражение Маркса и Энгельса из концовки «Манифеста коммунистической партии»: пролетариату нечего терять кроме своих цепей (Маркс К., Энгельс Ф. Манифест… С. 459).

[166] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест… С. 434.

[167] Там же. С. 435.

[168] Там же. С. 447.

[169] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест… С. 424, 434, 446-446; Маркс К. К критике политической экономии. С. 6-9; Маркс К. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 18. М., 1961. С. 612; Маркс К. Критика готской программы. С. 20; Энгельс Ф. Письмо Филиппу Ван-Паттену, 18 апреля 1883 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 36. М.: Политиздат, 1964. С. 9.

[170] Шульц Э.Э. Теория революции Маркса в контексте общественной мысли XIX в. в Европе // Вопросы управления. 2014. № 2. С. 39-42.

Конфликт является нормальным состоянием социума и «конфликт есть форма социализации» – вот два основных принципа Георга Зиммеля – другого немецкого социального философа[171].

В 1950–60-х гг. Льюис Козер и Ральф Дарендорф положили идеи этих двух предшественников в основание современной конфликтологии[172].

«Основания для конфликтов существуют при любом типе социальной структуры, поскольку индивиды и подгруппы повсюду склонны время от времени претендовать на недостающие им ресурсы, престиж или властные позиции, – писал Льюис Козер. – Но социальные структуры различаются по дозволенным способам выражения антагонистических требований»[173]. Социальные системы, с точки зрения Козера, создают особые институты, выполняющие роль защитных клапанов, которые «помогают сохранить систему, предупреждая возможный конфликт или сводя к минимуму его разрушительные последствия»[174]. «Подвижное общество выигрывает от конфликтного поведения в той мере, в какой это поведение благодаря созданию и изменению норм обеспечивает его сохранение в изменяющихся условиях. Жесткие системы, с другой стороны, подавляя конфликт, препятствуют необходимым изменениям и тем самым усиливают опасность катастрофического взрыва»[175].

Таким образом, для Льюиса Козера конфликт обладает не только и не столько разрушительными функциями, сколько является фактором обеспечения стабильности и развития социальных систем. Конфликт служит защитным клапаном, «высвобождающим чувство враждебности, которое, не будь этой отдушины, взорвет отношения между антагонистами»[176]. Социальные системы

---

[171] Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Избранные работы. М., 2006. С. 79; Simmel G. The Sociology of Conflict // American Journal of Sociology, Volume 9, Issue 4 (Jan., 1904). P. 490.
[172] Coser L.A. The Functions of Social Conflict. Glencoe, Ill.: Free Press, 1956; Coser L.A. The Termination of Conflict // Readings in Social Evolution and Development. N.-Y., 1970. P. 141-151; Dahrendorf R. Class and class conflict in industrial society. Stanford University Press, 1973; Dahrendorf R. Der moderne soziale Konflikt. Stuttgart: DVA, 1992.
[173] Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000. С. 180.
[174] Там же. С. 70.
[175] Там же. С. 156.
[176] Там же. С. 67.

изобилуют конфликтами, что обеспечивает динамические общественные изменения, при этом сами конфликты являются результатом взаимодействия элементов социальной системы и изменений в обществе[177]. Все социальные образования содержат в себе центростремительные и центробежные течения. Конфликт, с точки зрения Л. Козера, является усилием организма для выздоровления, ликвидации «повреждений и расстройств»[178].

В противовес К. Марксу Р. Дарендорф писал, что классовые конфликты, возможно, всегда наличествовали, но не обязательно были доминирующей формой, и вряд ли останутся таковыми в будущем[179]. Социальные конфликты – это систематические явления, вырастающие из структуры обществ, которые являются неотъемлемой частью социального развития, движущей силой изменений[180]. Конфликты могут иметь более или менее интенсивные формы и насильственный характер, но не каждый насильственный конфликт обязательно является интенсивным[181]. (Под интенсивностью Дарендорф понимает вкладываемую участниками энергию). Причем обе указанные переменные изменяются, с точки зрения исследователя, независимо друг от друга[182].

Центральную задачу политики Р. Дарендорф видел в рациональном обуздании социальных конфликтов[183]. С точки зрения Дарендорфа, регулирование социальных конфликтов должно выступать средством для уменьшения насильственности[184]. При этом надо понимать, что социальные конфликты не исчезают с их регулированием, они даже не всегда становятся менее интенсивными, но регулирование конфликтов дает контроль и возможность

---

[177] Там же. С. 49, 51, 54, 60, 70.
[178] Козер Л. Указ. соч. С. 94; Simmel G. Conflict /Trans. From germ. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1955. P. 13-15.
[179] Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы Пер. с нем. М. РОССПЭН, 2002. С. 44.
[180] Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 143, 145, 147.
[181] Там же. С. 143.
[182] Там же. С. 142-147.
[183] Там же. С. 147.
[184] Там же. С. 145.

направить «творческую силу» «на службу постепенному развитию социальных структур»[185].

Дарендорф считал подавление конфликтов неэффективным методом (и аморальным), призывая к регулированию конфликта, как наиболее успешному инструменту: причем регулирование проявлений, а не устранение причин. Для подобного регулирования требуется всеми сторонами признать определенные правила поведения в конфликте[186]. В поздних работах Р. Дарендорф отдельно останавливается на социально-политических конфликтах постиндустриального общества, для которых, с его точки зрения, характерны: 1) большая вариативность и многоликость, 2) индивидуализация конфликта и 3) организованные группы не в виде и форме классовых партий, а социальных движений (общественные организации)[187].

Идея Л. Козера о подвижном обществе и жесткой системе и степени их конфликтогенности[188] привела к положению, что чем демократичнее режим, тем меньше шансов у революционеров[189]. Однако проявления социального конфликта в XXI в., выливающегося в массовый политический протест в самых развитых и демократических государствах, заставляет пересмотреть данное положение, по крайней мере – существенно его дополнить.

В модели Л. Крисберга конфликт является рациональной деятельностью: конфликтующие стороны представляют свои интересы, формулируют цели и пути их достижения. Однако Крисберг призывает учитывать и иррациональные составляющие, которые могут вести к непредсказуемым результатам. Социальные конфликты существуют в достаточно сложной системе взаимоотношений, которые предполагают как сотрудничество, так и партнерство. Социальная среда, в которой

---

[185] Там же.
[186] Там же. С. 146.
[187] Dahrendorf R. Auf der Suche nach einer neuen Ordnung. Vorlesungen zur Politik der Freiheit im 21 jahrhundert. Munchen. 2003. S. 94-95.
[188] Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000. С. 156.
[189] См.: Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 4. Глобализации, 1945–2011 годы /Пер. с англ. 2-е изд., испр. М., 2019. С. 365, 393); Tilly C. Regimes and Repertoires. The University of Chicago Press, Chicago and London, 2006. P. 161.

развивается конфликт, определяет взаимодействие сторон в зависимости от сложившихся ценностей и процедур регулирования конфликтных отношений[190]. Крисберг рассматривает конфликт как процесс, которому присущ ряд структурных и динамических показателей. К структурным показателям он относит: характеристики субъектов (участников конфликта), состояние их отношений, природу конфликтного вопроса, воздействие социальной среды; к динамическим – противоречия, лежащие в основе конфликта («объективные отношения»), возникновение конфликтной ситуации (осознание целей как несовместимых), выбор пути каждой из сторон, эскалацию и деэскалацию конфликта (стадия активного конфликтного взаимодействия), завершение конфликта и его последствия[191]. Существует три варианта завершения конфликта, по Крисбергу: компромисс, консенсус и диссенсус. При этом завершение конфликта формально не означает исчезновения объективных условий его происхождения, что может вести к новому возникновению конфликта[192]. Принципиально важным положением является понимание социального конфликта не как закрытой (изолированной) системы, а системы открытой внешнему влиянию, связанной с прошлыми конфликтными противостояниями. (Крисберг рассматривает внешнее вмешательство в конфликт как конструктивный способ урегулирования)[193].

П. Вер, на наш взгляд, внес несколько важных положений с точки зрения рассматриваемой проблемы. Во-первых, социальный конфликт, с точки зрения исследователя, развивается преимущественно циклично и проходит определенную последовательность фаз. Во-вторых, социальный конфликт содержит определенные постоянные элементы: процессы эскалации, сдерживания, продвижения и изменения лидерства[194]. Р. Раммель предложил выделять пять последовательных фаз социального конфликта: в первой конфликт носит латентное состояние (потенция конфликта), во второй – происходит инициирование

---

[190] Krisberg L. Sociology of Social Conflict. N.Y., 1973. P. 273-276.
[191] Ibid. P. 18-19.
[192] Ibid. P. 153-191, 246.
[193] Kriesberg L. Realizing Peace: A Constructive Conflict Approach. N. Y., 2015. P. 7-11.
[194] Wehr P.E. Conflict regulation. Boulder. Colo.: Westview Press, 1979. P. 9-13.

противостояния (как эффект «спускового крючка»), в третьей фазе – оценка способностей и возможностей конфликтующих сторон (балансировка сил), в четвертой – попытки достичь некоторого решения, в пятой – развивающиеся изменения приводят к фазе раскола (где группы заново осознают созревшие обстоятельства для нового проявления потенциального конфликта)[195]. Дж. Фолгер и М. Пуул выделяли фазы эскалации конфликта, избегания, конструктивной деятельности и релаксации[196].

С точки зрения Дж. Фолгера, представляющаяся хаотичность и бессмысленность конфликтного взаимодействия является обманчивой – оно имеет общее направление и может быть проанализировано. Это конфликтное взаимодействие влияет на участников, поддерживается движениями и противодвижениями, которые базируются на обладаемых этими участниками силах[197].

Модель Рэндалла Коллинза предусматривает 5 принципов анализа конфликта. Во-первых, изучать следует реальную жизнь, а не формулировки (люди живут в сконструированных субъективных мирах). Во-вторых, необходимо исследовать материальные условия, которые влияют на взаимодействие сторон. При этом те акторы, которые обладают значительными материальными ресурсами, имеют возможность справиться с ограничениями, акторы, у которых объем ресурсов невелик, в своем мышлении и поведении более зависимы от материального окружения. В-третьих, группы, контролирующие ресурсы, почти всегда будут пытаться эксплуатировать группы, у которых этих ресурсов не хватает. В-четвертых, необходимо исследовать идеалы и убеждения с точки зрения

---

[195] Rummel R.J. Understanding Conflict and War. V. 3. Conflict in Perspective. Beverly Hills: Sage Publications. 1977. P. 20.

[196] Folger J.P., Poole M.S. Working through conflict: a communication perspective. Glenview, 111.: Scott. Foresman, 1984. P. 77.

[197] Folger J.P., Poole M.S. Working through conflict: a communication perspective. Glenview, 111.: Scott. Foresman, 1984. P. 441.

интересов, власти и ресурсов. Идеология людей, не имеющих ресурсов, навязана группами, обладающими этими ресурсами[198].

Дж. Хаймс пришел к выводу, что объяснение конфликта с помощью теории напряженности представляется затруднительным. Во-первых, не понятно, на каком уровне напряжения может произойти конфликт. Во-вторых, индивиды и группы могут длительное время находиться в состоянии напряжения, которое не перерастает в конфликт. В-третьих, не понятно, с точки зрения исследователя, как применить напряжение для обоснования коллективных действий[199].

Социальный конфликт – это борьба, цель которой состоит в получении власти, статуса, ресурсов, а также в то же время – нейтрализация, нанесение вреда или полное устранение конкурентов[200].

Следует отметить и политический конфликт – вид социального конфликта, связанный с проблемами сохранения или ослабления действующей власти[201]. Политический конфликт является частью социального конфликта и рассматривается акторами как средство достижения или сохранения власти конфликтующими группами.

Исследователи видят в политическом протесте форму выражения конфликта, определенную негативную реакцию индивида и социальной группы на действия власти и события в жизни общества[202]. Социальный протест представляет собой коллективное действие, нацеленное на достижение значительных социальных или

---

[198] Collins R. Conflict Sociology: Toward an Explanatory Science. N.Y.: Academic Press, 1975. P. 17-21, 23-34, 49, 61-64, 98, 106.

[199] Himes J.S. Conflict and conflict management. Athens: University of Georgia Press, 1980. P. 29-30.

[200] Coser L.A. The Functions of Social Conflict. P. 8. См. также вариант перевода Н.В. Гришиной: Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб., 2009 С. 40.

[201] Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. 2-е изд. СПб., 2006. С. 174.
См. другое определение: «Политический конфликт – столкновение субъектов политики в их взаимном стремлении реализовать свои интересы и цели, связанные прежде всего с достижением власти или ее перераспределением, а также с изменением их политического статуса в обществе». (Политическая конфликтология /Под ред. С. Ланцова. СПб., 2008. С. 16.)

[202] Артюхина В.А. Реальный и потенциальный социальный протест: конфликтологическая загадка для социологов. Материалы V Общероссийской научно-практической конференции «Современные исследования социальных проблем» с международным участием (ноябрь 2011 г.) // Современные исследования социальных проблем. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2011. С. 356.

личных изменений, настроенное против центральных учреждений[203]. Конфликтология рассматривает политический протест как индивидуальные или коллективные публичные действия с целью демонстрации неодобрения действий или решений власти, который может выражаться как в рамках правовых, так и антиконституционных действий[204].

В функциях системы по Т. Парсонсу[205] политический протест, особенно в радикальных и массовых формах, влияет на функции адаптации и интеграции и на латентную функцию. Само возникновение радикального массового протеста служит индикатором проблемного состояния в реализации данных функций в данной политической системе. Говоря о политических системах, с исследований американского политолога Дейвида Истона особое внимание уделяется изменчивости и динамичности этих систем, на роли различных структур в поддержании непрерывности функционирования политической системы[206]. После Истона понятие политической системы раскрывают с позиции «требование – реакция на требование»[207]. Акцент делается на возможность выражений обществом требований через избирательный процесс, при этом признается определенное влияние запросов общества даже при авторитарных режимах[208]. Граждане и социальные группы выдвигают требования к системе и в процессе артикуляции интересов используют обширный набор методов, при этом протестная

---

[203] Lofland J. Protest: Studies of Collective Behavior and Social Movements. Transaction Publishers, 1985. P. 24.

[204] Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Указ. соч. С. 347.

[205] Парсонс Т. О социальных системах /Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002. С. 543-686.

[206] Д. Истон первым предложил наиболее систематическое изложение теории политической системы в работах «Политическая система»(1953), «Концептуальная структура для политического анализа» (1965), «Системный анализ политической жизни» (1965). См.: Easton D. A Framework for Political Analysis. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1965; Easton D. A Systems Analysis of Political Life. New York: Wiley, 1967; Easton D. The Political System. An Inquiry into the State of Political Science. New York: Knopf, 1953.

[207] Дербишайр Д., Дербишайр Я. Политические системы мира: В 2 т. /Пер. с англ. Т. 1. М., 2004. С. 4.

[208] Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М., 2007. С. 11; Дербишайр Д., Дербишайр Я. Указ. соч. С. 4.

деятельность является формой артикуляции интересов с самым высоким давлением на власть[209].

Под политическим протестом политические науки подразумевают:

– вид политического участия, выражающийся в проявлении отрицательного отношения к политической системе в целом или к ее отдельным элементам, нормам, ценностям в открытой, демонстративной форме[210];

– проявление негативного отношения политических сил к политической системе в целом, ее отдельным элементам, нормам, ценностям, принимаемым решениям в открыто демонстрируемой форме[211].

К формам политического протеста эксперты и исследователи относят пикеты, петиции, шествия, демонстрации, митинги, забастовки, насильственные массовые акции и др.[212]

Протест имеет целый ряд видов и типов – от индивидуального до вовлечения целых социальных групп и всего общества[213]. Для радикальных массовых форм протеста, с нашей точки зрения, выделяются 4 типа:

1. Массовые формы протеста: легальные и полулегальные проявления массового протеста в форме демонстраций, пикетов, забастовок, ведущих к столкновениям с силами правопорядка.

2. Мятежи и восстания: вооруженное столкновение одной части общества с другой; могут начинать гражданскую войну, могут выступать самостоятельным явлением.

3. Гражданская война: длительное и напряженное противостояние в обществе, вовлекающее в свою орбиту большую часть этого общества.

---

[209] Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 123.

[210] Погорелый Д.Е., Фесенко В.Ю., Филиппов К.В. Политологический словарь-справочник. Ростов-на-Дону, 2008. С. 198.

[211] Политология. Краткий словарь основных терминов и понятий /Под ред. В.С. Пусько. М., 2010. С. 80.

[212] Погорелый Д.Е., Фесенко В.Ю., Филиппов К.В. Указ. соч. С. 198; Политология. Краткий словарь… С. 80.

[213] Подходы к типологизации см. также: Глухова А.В. политические конфликты: основания, типология, динамика. Теоретико-методологический анализ. Изд. 2-е. М.: URSS, 2010.

4. Революция: может включать в себя все три вышеприведенных типа, но при этом является отдельным типом и самостоятельным явлением. Гражданская война не является обязательным компонентом революций (напр., крестьянские войны в Европе и Китае не стали революциями, часть революций прошла без гражданских войн).

Революции являются отдельным самостоятельным феноменом. Это сложное политическое явление несет в себе три обязательных составляющих: социальный протест (в различных формах, но чаще всего – в радикальных и массовых), политический переворот и кардинальное реформирование в государстве[214]. Подчеркнем: предметом исследования здесь является не революция (как социально-политический феномен), не госпереворот (как явление, которое может сопровождать протест), а радикальные массовые формы политического протеста (которые используются в борьбе за власть, предшествуют политическим переворотам, могут быть частью революционных событий).

Одно из самых простых и емких определений революции дал Ленин: «революция есть удавшийся бунт, а бунт есть неудавшаяся революция»[215]. Доля истины существует в данном утверждении, но здесь принципиально отметить, что революция – это не просто победивший бунт, приведший к смене власти, но и к серьезным реформам в обществе. Смена власти, которая не ведет к глубоким реформам, относится к явлению «государственный переворот», а не к явлению «революция»[216].

Любая революция содержит в себе непременно социальный протест, чаще всего в радикальных и массовых формах, именно этот протест и анализируется здесь в контексте рассматриваемых революций.

---

[214] Шульц Э.Э. Теория революции: революции и современные цивилизации. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 121.

[215] Ленин В.И. Революционные дни // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 9. М., 1967. С. 207.

[216] Подробно см.: Шульц Э.Э. «Революция»: к вопросу о возникновении термина // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия «Философия. Социология. Право». 2016. № 24 (245), вып. 38. С. 87-93; Он же. Революция: к вопросу об определении термина // Социологические исследования. 2014. № 2. С. 132-142.

Следует уточнить и обратить внимание, что общность технологий не означает равенство и общность явлений, в которых эти технологии задействованы. Применение одних и тех же технологий, сценариев, мотивационных рычагов говорит об их универсальности в радикальных массовых формах протеста, в каких бы социально-политических явлениях эти формы протеста ни проявлялись.

XX и XXI вв. дают обилие примеров эксплуатации образа революции и представлений о данном явлении, как прогрессивном социальном явлении, необходимом для серьезных перемен в обществе. «Теория революции» – комплекс научных знаний о закономерностях революций – предстает теоретической базой технологий для мобилизации сторонников для политического протеста.

Опасность таких «декораций» кроется и для исследователей. Например, в поиске причин и закономерностей радикальных массовых форм политического протеста исследователи пытаются найти объективные причины в исключительно объективных факторах, схожих с теми, что ведут к революциям. Начинается поиск экономических проблем, которые могли бы вести к выплескам политического протеста в радикальные и массовые формы. Такие факторы, конечно же, находятся и объявляются причинами, что не всегда соответствует действительности и ведет к серьезному редуцированию возможностей анализа закономерностей такого протеста.

Термин «социальная напряженность» имеет достаточно широкую трактовку у исследователей[217]. Широкая трактовка понятий «социальная напряженность» и «социальный конфликт» часто приводит к их смешению[218]. Более того, часто происходит смещение и совмещение понятий «социальная напряженность»,

---

[217] Витковская М.И. Методические принципы изучения социальной напряженности (обоснование подбора методик) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2010. № 3. С. 42-43; Григас Р. Контуры социологической концепции полей социальных напряженностей // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 31; Диагностика социальной напряженности в обществе: региональный аспект /Под ред. П.В. Акинина, С.В. Рязанцева. Ставрополь: Сервис-школа, 2002. С. 12; Ротман Д. Поле социальной напряженности // Свободная мысль 2008. № 6. С. 78.

[218] Внукова Л.Б., Челпанова Д.Д., Пащенко И.В. Социально-политическая напряженность в полиэтничном регионе. Ростов н/Д: Изд-во Южного научного центра РАН, 2014. С. 28; Желтухин А.И. Социологическая концепция конфликта // Социологические исследования. 1994. № 4. С. 142.

«социальный конфликт», «социальный протест»[219]. В связи со сложностью четкого разграничения состояний и приоритетной важности все-таки перехода социальной напряженности в открытые формы социального конфликта и политические протестные акции, исследователи предлагают различать стадии социальной напряженности – от латентной до протестных проявлений[220]. Однако от социальной напряженности до выплеска этого конфликта в открытые формы протеста лежит длинный путь.

Социальная напряженность является одной из основных характеристик социальной системы, так как порождается системными противоречиями, невозможностью удовлетворить индивидами и группами своих потребностей и запросов (экономических, социальных, культурных и др.) (противоречие между необходимым/желаемым и существующим)[221].

Можно согласиться с определением группы исследователей, что социальная напряженность отражает неудовлетворенность больших масс людей

---

[219] Иванов О.И. Социальная напряженность и социальный конфликт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2005. № 3. С. 24-30; Соловьёв С.С. Методика измерения социальной напряженности в Вооруженных Силах // Социологические исследования. 1993. № 12. С. 69; Рукавишников В.О. Пик напряжённости под знаком белого коня // СоцИс. 1990. № 10. С. 13.

[220] Баранова Г.В. Социальная напряженность: особенности методологии и методики ее анализа и прогнозирования в регионах Российской Федерации: дисс. на соиск. уч. степени канд. социол. наук. М., 2009. С. 42-46; Соловьев С.С. Методика измерения социальной напряженности в Вооруженных Силах // Социологические исследования. 1993. № 12. С. 69; Епархина О.В. Социальная напряженность в городской среде: методы и практика исследований // Педагогическое наследие К.Д. Ушинского. материалы научно-практической конференции. Ответственный редактор Е.О. Иванова. М., 2014. С. 287-291; Осеев А.А. Динамика развития социальной напряженности в Российском обществе: протестные настроения 2013-2015 гг. // Материалы Афанасьевских чтений. 2015. № 13. С. 75-83.

[221] Ахиезер А.С. Дезорганизация как категория общественной науки // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 45-52; Бляхер Л.Е. Нестабильные социальные состояния. М.: РОСПЭН, 2005; Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии /Под ред. А. И. Стребкова. Л.В. Алейникова, Л.Г. Пинкевич. Коллективная монография. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2015; Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект. 2000; Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46-52.

существующей системой социальных, экономических и политических отношений[222].

Социальную напряженность возможно рассматривать как одну из стадий конфликта[223], но в контексте разбираемых вопросов принципиальным является тот факт, что напряженность может не перейти в состояние массового политического протеста. То, что социальная напряженность присутствует на всех стадиях социального конфликта (и сама, по сути, уже является социальным конфликтом)[224], не вызывает вопросов – проблема здесь в том, что данный постулат никак не помогает идентифицировать политический протест, спрогнозировать его и определить его потенциальные формы.

Трансформацию социальной напряженности (т.е. конфликта в латентной стадии или закрытых формах) в состояние политического протеста исследователи связывают:

---

[222] Внукова Л.Б., Челпанова Д.Д., Пащенко И.В. Социально-политическая напряженность в полиэтничном регионе. Ростов н/Д: Изд-во Южного научного центра РАН, 2014. С. 33; Земскова Ю.В. Социальная напряженность (Социально-психологический аспект анализа) // Социология власти. 2009. № 8. С. 89-94.

[223] Внукова Л.Б., Челпанова Д.Д., Пащенко И.В. Социально-политическая напряженность в полиэтничном регионе. Ростов н/Д: Изд-во Южного научного центра РАН, 2014. С. 28; Иванов О.И. Социальная напряженность и социальный конфликт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2005. № 3. С. 25.

Методология и методы оценки уровня социальной напряженности, прогнозирования и трансформации в открытые формы протеста см. также: Бараночников В. А. Социальная напряженность в условиях трансформации социальной структуры современного российского общества (на материалах Орловской области): дисс. на соиск. уч. степени канд. социол. наук. М., 2015; Каира Ю.В. Социальная напряженность и протестная активность населения региона // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 2. С. 20-28; Кутафьева С.С. Информационный инструментарий исследования социальной напряженности // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2015. № 9-4. С. 35-40; Проказина Н.В., Каира Ю.В., Колмогоров Е.В. Социологический анализ социальной напряженности в регионе (на материалах Орловской области) // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 37-50; Соловченков С.А. Социальная напряженность… – опыт социологического анализа // Региональные проблемы. 2013. Т. 16. № 1. С. 103-108; Тучков Е.В. Социальная напряженность в регионах центра России: механизмы диагностики и регулирования: дисс. на соиск. уч. степени канд. социол. наук. Орел, 2000.

[224] Пирогов И.В. Социальная напряженность: теория, методология и методы измерения: дисс. на соиск. уч. степени канд. социол. наук. М., 2002. С. 72; Рукавишников В.О. Пик напряжённости под знаком белого коня // СоцИс. 1990. № 10. С. 14.

1) с идентификацией социального субъекта, который создает условия напряженности (с точки зрения данной группы)[225];

2) с возникновением инцидента – первого столкновения противостоящих социальных субъектов[226];

3) с готовностью к целенаправленным действиям на изменение существующего положения[227].

Протестная активность, безусловно, выступает свидетельством социальной напряженности[228]. Однако уровень протестного потенциала всегда значительно выше уровня реальной протестной активности, более того – протестный потенциал не обязательно вообще должен реализовываться в протестные проявления. Постфактум на основании протестных проявлений можно уверенно говорить о наличии социальной напряженности, однако в этой связке состояние–индикатор больший научно-исследовательский и абсолютный практический интерес представляет определение условий перехода социальной напряженности в массовые протестные акции.

Социальная напряженность, безусловно, является одним из индикаторов социального конфликта, и изучение причин и последствий данного явления имеет большое значение для предупреждения социальных конфликтов[229]. Однако примеры исторических событий и современных проявлений политического протеста в радикальных и массовых формах демонстрируют, что замеры уровня социальной напряженности не дают возможности прогнозирования выплеска этого потенциального протеста в открытые формы и тем более – трансформацию их в радикальные и массовые формы.

---

[225] Куконков П.И. Социальная напряженность и конфликты в сфере общего образования. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата социол. наук. Н. Новгород, 1996. С. 11.

[226] Запрудский Ю.Г. Социальный конфликт. Ростов, 1992. С. 113.

[227] Внукова Л.Б., Челпанова Д.Д., Пащенко И.В. Социально-политическая напряженность в полиэтничном регионе. Ростов н/Д: Изд-во Южного научного центра РАН, 2014. С. 30.

[228] Там же. С. 165.

[229] Анисимов Д.И. Политические факторы социальной напряженности // Конфликтология. 2015. № 2. С. 224.

В оценках уровня социальной напряженности фигурируют различные показатели и анкетные вопросы: экономические факторы (и уровень благосостояния)[230], набор социально-экономических показателей[231], отношение к политическим группам и фигурам, институтам власти, электоральной системе и т.д.[232] или комплекс социально-экономических и политических факторов[233]. Отдельным комплексом вопросов в такой оценке является проблема межэтнических отношений и национальный фактор[234]. Особо выделяются попытки комплексного подхода среди социологов и политологов, соединяющие экономические, социальные, политические факторы напряженности, а также вопросы об отношении к акциям протеста и потенциальном личном в них участии

---

[230] Гаврилец Ю.Н., Клименко К.В., Кудров А.В. Статистический анализ факторов социальной напряженности в России // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52. № 1. С. 45-66; Ильин В.А., Гулин К.А. Социальная напряженность в регионе: причины и тенденции // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2006. № 3 (34). С. 12-18; Перова М.Б., Перов Е.В. Общие подходы к моделированию социально-экономической конфликтогенности общества // Социальные и экономические системы. 2020. № 1 (13). С. 31-50; Ротман Д. Поле социальной напряженности // Свободная мысль. 2008. № 6. С. 78.

[231] Алексеенок А.А., Каира Ю.В., Бараночников В.А. Социальное неравенство и социальная напряженность. Орел: Орловский фил. РАНХиГС, 2016; Внукова Л.Б., Челпанова Д.Д., Пащенко И.В. Социально-политическая напряженность в полиэтничном регионе. Ростов н/Д: Изд-во Южного научного центра РАН, 2014. С. 166; Осеев А.А. Социальное неравенство как фактор социальной напряженности в Российском обществе // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 68-80.

[232] Анисимов Д.И. Политические факторы социальной напряженности // Конфликтология. 2015. № 2. С. 224-233.

[233] Анисимов Д.И. Политические факторы социальной напряженности // Конфликтология. 2015. № 2. С. 224-233; Вавилина Н.Д., Котов Д.А. Региональные особенности протестного потенциала в условиях социальной напряженности // Идеи и идеалы. 2018. № 1 (35). Т. 2. С. 176-189.

[234] Внукова Л.Б., Челпанова Д.Д., Пащенко И.В. Социально-политическая напряженность в полиэтничном регионе. Ростов н/Д: Изд-во Южного научного центра РАН, 2014; Кубякин Е.О. Социально-структурные предпосылки межэтнической напряженности: дисс. на соиск. уч. степени канд. социол. наук. Новочеркасск, 2005; Максимова А.С., Милехин А.В. Социологический мониторинг как инструмент диагностики социальной напряженности в миграционно привлекательных регионах // Вестник университета. 2018. № 5. С. 167-174; Примаков В.Л., Андержанова Г.В. Методика измерения этноконфессиональной напряженности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 2(662). С.172-181.

интервьюируемых[235]. Представляют интерес и попытки исследования социальной напряженности и протестного потенциала по материалам СМИ[236].

При этом исследователи справедливо поднимают вопросы проблематичности прогнозирования выплесков социального протеста на основании замеров уровня социальной напряженности методами социологических опросов (как в обществе в целом, так и в отдельных социальных группах и территориальных общностях)[237].

В первую очередь, сильно разнятся факторы, детерминирующие социальную напряженность в разных регионах РФ[238]. Кроме того, эти факторы и их вес могут меняться и меняются с течением времени, более того, эти временные промежутки могут быть достаточно короткими (в течение года, год-два и т.д.). Это делает практически невозможным среднесрочное и долгосрочное прогнозирование, а также прогнозирование для территории всей Российской Федерации. Исследователи особо подчеркивают, что социальная напряженность может

---

[235] См. напр.: Алейников А.В., Артёмов Г.П., Пинкевич А.Г. Опыт изучения социальной напряженности // Конфликтология. 2015. № 2. С. 118-134; Вавилина Н.Д., Котов Д.А. Региональные особенности протестного потенциала в условиях социальной напряженности // Идеи и идеалы. 2018. № 1 (35). Т. 2. С. 176-189.

[236] Вахин А.А., Журавлев А.Л. Особенности исследования динамики социальной напряженности по материалам СМИ // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 101-108; Шульц Э.Э. Социальная напряженность и прогнозирование политического протеста: модель анализа социальных медиа / Гуров Ф.Н., Мартиросян А.Э. // Вестник Донецкого национального университета. Сер. Д: Филология и психология. 2025. № 3. С. 137-144.

[237] Баранова Г.В., Фролов В.А. Методология и методика измерения социальной напряженности // Социологические исследования. 2012. № 3 (335). С. 51-53; Баранова Г.В., Фролов В.А., Кондрашин А.В. Особенности социальной напряженности в регионах России // Социологические исследования. 2011. № 6 (326). С. 48-55; Белов В.П., Грызлов И.Н. Информационная технология оценки социальной напряженности в регионах России // Информационные системы и технологии. 2010. № 1 (57). С. 50-57; Журавлева Н.А., Доломатов М.Ю., Мартынов В.В., Филосова Е.И., Ширяев О.В., Швецов А.И. Информационная система оценки и прогнозирования уровня социальной напряженности // Электротехнические и информационные комплексы и системы. 2013. Т. 9. № 4. С. 121-127; Максимова А.С., Милехин А.В. Социологический мониторинг как инструмент диагностики социальной напряженности в миграционно привлекательных регионах // Вестник университета. 2018. № 5. С. 167-174; Орлов Г.М., Тучков Е.В., Каира Ю.В. Методология измерения социальной напряженности в субъекте РФ (на материалах Орловской области) // Безопасность Евразии. 2004. № 1 (15). С. 183-191.

[238] Баранова Г.В. Социальная напряженность: особенности методологии и методики ее анализа и прогнозирования в регионах Российской Федерации. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени кандидата социол. наук. М., 2009. С. 15.

«переходить в социальный конфликт, в том числе и с ярко выраженными деструктивными последствиями», но предсказания такого перехода затруднительны, так как не всегда даже высокая напряженность переходит в конфликт[239]. Более того, исследователи давно обратили внимание, что социальная напряженность может возникать и переходить в социальный взрыв под пропагандистским воздействием, искусственно созданным[240].

Итак, политический конфликт является частью социального конфликта и рассматривается акторами как средство достижения или сохранения власти конфликтующими группами.

Для радикальных массовых форм политического протеста выделяются 4 типа:

1) легальные и полулегальные проявления массового протеста в форме демонстраций, пикетов, забастовок, которые ведут к столкновениям с силами правопорядка;

2) мятежи и восстания;

3) гражданская война;

4) революция.

В качестве исследовательской категории эти формы протеста должны рассматриваться как единое явление с общими закономерностями.

Социальная напряженность отражает неудовлетворенность существующей системой политических, социальных и экономических отношений. Однако социальная напряженность не обязательно должна трансформироваться в политический протест. Эпоха информационно-коммуникационных изменений приводит к тому, что социальная напряженность и политический протест могут

---

[239] Зайцев А.К. Социальный конфликт. Изд. 2-е. М.: Academia, 2001. С. 32.

[240] Ротман Д. Поле социальной напряженности // Свободная мысль. 2008. № 6. С. 78; Шульц Э.Э. Проблема замеров протестного потенциала и прогнозирования выплеска массовых протестных акций в современных условиях // Успехи гуманитарных наук. 2025. № 4. С. 93–104.

создаваться и трансформироваться направленным коммуникационным воздействием.

1.3. Теоретические основы изучения массовых форм политического протеста

В трактате «Политика» Аристотель поставил задачей понять причины социальных возмущений и государственных переворотов и для этого предлагает рассмотреть настроения людей, которые поднимают мятеж; цели этих действий; с чего начинаются политические смуты[241].

Аристотель поставил вопрос «Почему люди бунтуют?»: почему люди выступают с протестом против действующей власти, идут на государственный переворот или поддерживают его – и предложил искать ответ в социальном положении людей[242]. И реальное положение при этом не имеет никакого значения, считает Аристотель: эти притязания могут быть справедливыми, а могут и нет, но сути дела это не меняет[243]. Аристотель особо подчеркивает, что стремление получить блага и почет с точки зрения социальных возмущений важно не само по себе, а в связи с тем, как люди оценивают справедливость и несправедливость получения этих благ и привилегий другими[244].

Определение причин и целей мятежей в государстве становится ключом к пониманию, как необходимо действовать, чтобы сохранять порядок и существующий строй. Здесь у Аристотеля два рецепта: 1) власть должна возбуждать различные опасения у граждан, побуждающие их охранять существующий строй[245]; 2) власть должна особое внимание уделить воспитанию молодежи[246].

Порядок в государстве – это результат правильного правления, продолжает мысли Аристотеля итальянский политический деятель Никколо Макиавелли

---

[241] Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.4. М., 1983. С. 529.
[242] Там же. С. 527, 529.
[243] Там же. С. 529.
[244] Там же. С. 401, 530.
[245] Там же. С. 545.
[246] Там же. С. 628.

(1469–1527 гг.)[247]. Бунт – это противоположное состояние, которое приходит в наказание плохим правителям. Основой стабильности власти в государстве являются хорошие законы и хорошее войско. Это касается и унаследованной власти, и новой, и смешанных систем. При этом Макиавелли подчеркивает, что не бывает хороших законов, если в государстве нет хорошего войска[248]. Через три столетия Вильфредо Парето оформил этот постулат в таком виде: «всякое правление покоится на согласии и силе»[249].

Одна из ключевых тем исследования для Макиавелли с точки зрения антиправительственных выступлений – это проблема массовой психологии и психологии толпы. Положения Макиавелли получили развитие в трудах о психологии толпы Гюстава Лебона (или Ле Бон) (1841–1931 гг.)[250], а затем у всех авторов, затрагивавших эти проблемы. Главный принцип работы с массовой психологией, который необходимо использовать правителям, с точки зрения Макиавелли, – это то, что массы легко поддаются на обещания, видимость блага и заманчивые призывы[251]. В толпе трусливые поодиночке люди ощущают силу и становятся храбрыми. Неуправляемая толпа опасна и ужасна, но нет ничего слабее ее, если переждать первый натиск: толпа быстро воспламеняема, но затем остывает, и всем потребуется домой, и все забеспокоятся о своей дальнейшей участи, что приведет к бегству или примирению. Выход для толпы – избрать лидера для руководства. Народные выступления без вождя не представляют серьезной угрозы, страшиться надо тогда, когда такие вожди есть[252].

---

[247] Шульц Э.Э. Никколо Макиавелли и складывание основ теории социального протеста // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2014. № 1 (172), вып. 29. С. 198-201.
[248] Макьявелли Н. Государь. М., 2012. С. 44.
[249] Парето В. Трансформация демократии. М., 2011. С. 140.
[250] Лебон Г. Психология толп // Лебон Г., Тард Г. Психология толп. М., 1998. С. 15-254.
[251] Макьявелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макьявелли Н. Государь. М., 2012. С. 213.
«видимостью блага его (народ – Э.Ш.) можно повести за собой даже навстречу погибели». (Там же).
[252] Макьявелли Н. Рассуждения… С. 223-224.

Самыми сильными мотиваторами социального недовольства и народных выступлений он считает утрату свободы или благосклонности правителя. Неизбежность наказания – сдерживающий фактор, но для такого психологического сдерживания правителю требуется обладать реальной силой и демонстрировать ее[253].

Английский философ Фрэнсис Бэкон считал, что предсказать мятеж несложно, так как они все похожи друг на друга: перед каждой смутой объявляются обязательно *ложные слухи, крамольные речи и пасквили*, которые выставляют власть в невыгодном свете и порочат, и если они охотно подхватываются людьми и распространяются, то жди мятежа – уверен Бэкон[254]. Придирки к распоряжениям властей, негативные обсуждения – это уже «упражнения в неподчинении»[255]. Причем эти слухи и крамольные речи в каждом мятеже одинаковы[256].

Справедливость требований – это самый ненадежный советчик правителям и критерий оценки опасности недовольства (с этим мы сталкивались еще у Аристотеля). Справедливость требований и действий с позиций правящих вообще не имеет отношения к реальности нарастающего бунта и его силе[257].

Причины мятежей Бэкон видит в социально-экономических основах: «сколько в государстве разоренных, столько готовых мятежников», – пишет Бэкон[258]. Голод и недовольство – два главных основания мятежей[259]. Если разорение затрагивает только знать, то это лишь полбеды, а вот если на это накладывается обнищание народа, то опасность огромна и неизбежна, так как, считает Бэкон, «мятежи, вызываемые брюхом, есть наихудшие»[260].

---

[253] Там же.
[254] Бэкон Ф. Опыты, или Наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. 2-е, испр. и доп. изд. Т. 2. М., 1978. С. 381.
[255] Там же.
[256] Там же.
[257] Там же. С. 382.
[258] Там же.
[259] Там же.
[260] Там же.

Бэкон в списке причин для бунта называл угнетение, неурожайный год, непомерные налоги (или кажущиеся таковыми), нововведения в религии и обрядах, изменение традиций и законов, покушение на привилегии, возвышение недостойных и т.д.[261] При этом преувеличивать роль степени угнетения в причинах бунта не стоит, с точки зрения философа, так как сильное угнетение подавляет волю и делает неспособным к протесту[262].

В смутах, с точки зрения Бэкона, наиболее опасно, если к выступлению против власти готовы и знать, и простой народ. Простой народ тяжел на подъем, а знать не представляет серьезной опасности без готовности народа к возмущениям. Опасность мятежа велика, когда знать только и ждет народной смуты, чтобы поднять восстание, а народ к такой смуте уже готов[263]. В состоянии, когда недовольство уже вызрело, поводом для мятежа может быть любая мелочь[264].

Главными мерами против бунтов и мятежей должны стать превентивные действия. Вернейшие средства против мятежа – это устранение материальных причин бунта и получение расположения простого народа[265]. Если же это не представляется возможным в полной мере или в дополнение к этим двум принципам – Бэкон предлагает предоставить народу *некоторые вольности*, в частности, возможность жалоб и излития недовольства (только не допускать здесь излишеств и наглости)[266].

Такая политика даст поддержку правительству, и слухи, и крамольные речи отпадут сами собой. Силовое подавление указанных слухов и речей не поможет избежать смуты, наоборот, попытки пресечь только продлевают жизнь слухам и крамольным речам[267].

Бэкон признает, что обеспечить материальное благополучие и расположение народа – дело не простое и не всегда возможное, особенно – в полной мере.

---

[261] Там же. С. 383.
[262] Там же.
[263] Там же. С. 384.
[264] Там же. С. 382.
[265] Там же. С. 382, 384.
[266] Там же. С. 384.
[267] Там же. С. 381.

Поэтому мудрое правительство умеет внушить народу надежды. Надежда на удовлетворение нужд взамен реального удовлетворения – действенный метод, так как отдельные индивиды и целые группы склонны «питаться надеждами»[268].

Если же бунт назревает, то одна из главных задач правительства – позаботиться, чтобы бунтари не получили вожака (или вожаков). Лидер сможет объединить, дать цели и образ действий[269]. Ключевые качества такого лидера: известность, уважение («обладание именем и значением») и доверие со стороны недовольных. Такого необходимо переманить на свою сторону или противопоставить ему не менее сильного (желательно из той же партии) и ослабить тем самым его популярность. «Разделяй и властвуй» в отношении враждебных правительству союзов – лучшее средство[270].

Использование военной силы – крайняя мера для Бэкона. Государь должен иметь при себе хотя бы одного доблестного военного человека для подавления мятежей, желательно в самом их начале[271]. Но здесь Бэкон сразу предостерегает, что военачальники должны быть надежными, иначе *это лекарство станет опаснее болезни*[272].

Особое внимание мятежам и бунтам уделил другой английский философ XVII в.: младший современник и соотечественник Бэкона Томас Гоббс посвятил проблемам стабильности государственной системы и антиправительственным выступлениям большую часть своих размышлений. Этот исследователь столкнулся уже с новым политическим явлением – Английской революцией, в первые годы которой появился основной трактат философа на эту тему – «De Cive» (1642 г.).

Мятежи, с точки зрения Гоббса, возникают в тех государствах и тогда, где и когда есть такие условия, как учения, располагающие людей к бунту; наличие у

---

[268] Там же. С. 385.
[269] Там же.
[270] Там же.
[271] Там же. С. 386.
[272] Там же.

людей определенных склонностей к решению через силовые меры; возможность восстания (как способ мятежа)[273].

Причинами таких склонностей и условий становятся в первую очередь бедность и невозможность поддержания достойной жизни[274] (следование Аристотелю и Бэкону). Но серьезную опасность представляют люди, у которых много свободного времени и амбиций[275].

Нельзя всех наделить почестями и устроить на должности, поэтому, заключает Гоббс, кто-то всегда будет обойден. Эти «обойденные» ждут возможностей, чтобы «взять свое», и воспользуются бунтом[276]. (Эти идеи в XX в. лягут в основу концепции Парето о движении элит и контрэлит).

Успех мятежа зависит, по Гоббсу, от четырех составляющих: число бунтовщиков, наличие оружия и провианта, взаимного доверия и лидеров[277]. Идти против власти с небольшим количеством людей – безумие. То же касается и оружия, и провианта. Основа успешных действий мятежников – взаимное доверие. Сила вождя не в обязательном подчинении, а в добровольном, в связи с признанием его доблести, мудрости военных решений[278].

Гоббс считает, что наибольшее брожение умов, ведущее к волнениям, вызывает бедность и отсутствие элементарно необходимого для «поддержания достойной жизни». При этом Гоббс делает ремарку об особенностях человеческого мышления, когда вина за недостаток и страдания переносятся на неправильное управление государством, вместо того, чтобы искать причины в собственном поведении[279]. Еще одно важное замечание, раскрывающее психологию бунта: если людям представляется, что нарушение законов даст большее благо или принесет

---

[273] Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. М., 2001. С. 158.
[274] Там же. С. 166.
[275] Там же.
[276] Там же. С. 167.
[277] Там же.
[278] Там же.
[279] Там же. С. 166.

состояние с меньшим для них злом, чем то, в котором они находятся, соблюдая эти законы, то люди идут на нарушение закона[280].

Дэвид Юм (1711–1776 гг.) подчеркивал, что плохое правление ведет к народному возмущению, к «самым опасным и роковым революциям» даже среди «приученных к слепому повиновению». Критерий оценки существующего строя для Юма – это его способность обеспечить «средство против плохого управления», «наибольшую безопасность как государю, так и подданному». В некоторых случаях выступления против власти (протест и свержение) оправдан, с точки зрения шотландского философа, и с точки зрения морали, и с точки зрения здравой политики. Однако, как правило, такие выступления вызывают серьезные социальные потрясения («обычно сопровождающие революции»), порождают анархию и смуту и не могут быть оправданы. Самый действенный инструмент против такого бунта – это военная сила и политические умения (политическая хитрость). С точки зрения Д. Юма, люди в своих действиях руководствуются в значительной степени только интересами своими и своих близких, причем здесь значительную роль играет представление людей о предметах, нежели их реальная ценность[281]. Возможные действия людей вопреки собственным интересам проявляются в радикальных массовых формах политического протеста (мятежи и беспорядки в терминологии Юма). Так, с точки зрения Юма, очевидны преимущества порядка, но люди могут променять его даже на весьма незначительное преимущество[282]. При этом Юм все же отстаивает принципы рациональности выбора, так как в основе такого «обмена» (порядок на некие преимущества) лежит представление об отдаленности последствий их действий в сравнении с тем, что преимущества получаются непосредственно[283]. Ключевым принципом политического протеста в радикальных и массовых формах («всех

---

[280] Гоббс Т. Основ философии. Часть третья. О гражданине. // Гоббс Т. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1989. С. 327.
[281] Юм Д. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Юм Д. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1996. С. 573.
[282] Там же. С. 574.
[283] Там же.

религиозных войн и расколов» – в терминологии Юма) шотландский философ считает стремление человека к торжеству справедливости в его понимании этой справедливости[284].

Проблема правильного правления и политической силы выдвигаются главными в концептуальных вопросах бунтов и мятежей.

Франко-германский философ Поль Гольбах, на наш взгляд, наиболее четко выразил позицию философов Просвещения: плохое управление обществом сходно с болезнью организма, и общество, как социальный организм, наподобие человека, находящегося в болезненном состоянии, будет искать лекарство. Различные проявления радикального протеста общества П. Гольбах и полагает таким лекарством, называя его сильнодействующим средством, которое чрезвычайно опасно и может применяться только в случае крайней необходимости, когда время и природа не могут помочь данному обществу выздороветь[285]. Народные несчастья приводят к революциям (как форма радикальных массовых политических протестов): ожесточение от бедствий приводит к «брожению умов» и государственным переворотам[286]. Бедствия народные происходят не только в материальном положении, но и из-за гнета и насилия со стороны власти[287]. Такая порочность правительства и пренебрежение правителями своими обязанностями порождают личностей, которые «ведут за собой народ»[288]. Принципиальное условие любого восстания, по Гольбаху, – это сформированные протестные настроения в социуме[289].

---

[284] Юм Д. О партиях вообще. Эссе // Юм Д. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1996. С. 516.
[285] Гольбах П.А. Естественная политика, или Беседы об истинных принципах управления. Т. 1 // Гольбах П.А. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. М., 1963. С. 183.
[286] Гольбах П.А. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного. Ч. 1. // Гольбах П.А. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. М., 1963. С. 393.
[287] Гольбах П.А. Естественная политика… С. 230.
[288] Там же.
[289] Там же.
«…огонь восстания, огонь народного возмущения разгорается лишь тогда, когда встречает горючий материал в умах людей» (Там же).

Экономические факторы выдвигаются в качестве причин радикальных массовых форм политического протеста с первых революций XVII в.[290] и становятся наиболее популярными в XIX и XX вв.[291]. Наиболее ярким представителем данного направления являлась концепция К. Маркса[292], который объяснял причины социального недовольства, ведущего к революции, конфликтом общественных производительных сил и производственных отношений[293].

Дискуссия с экономическим детерминизмом началась еще до Маркса. Так, Г.В.Ф. Гегель указывал, что восстание американцев против англичан в 1775 г. произошло из-за принципа права облагать налогами, а не самим налогом и его объемами[294].

Карл Каутский сформулировал (1909 г.) четыре условия успешности революционного восстания: 1) враждебность режима к народу; 2) влиятельная партия, непримиримо оппозиционная режиму, 3) представляющая интересы большинства населения и имеющая массовую поддержку; 4) неустойчивое отношение к режиму у бюрократии и армии[295].

Особое состояние общества, когда оно готово к революции, В.И. Ленин (1913 г.) определил как «революционную ситуацию» и дал ей развернутую характеристику. Согласно В.И. Ленину, существуют три характерных черты революционной ситуации: 1) верхи не могут управлять по-старому, 2) низы не

---

[290] Бэкон Ф. Опыты, или Наставления… С. 382; Гоббс Т. Философские основания… С. 166.
[291] Блос В. Французская революция. СПб., 1906. С. 26; Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. Т. 1, кн.1. М., 1977. С. 63, 193; Спенсер Г. Личность и государство. Челябинск, 2007. С. 69, 189.
[292] Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 13. М., 1959. С. 6-7; Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 7. М., 1956. С. 86; Маркс К., Энгельс Ф. Манифест... С. 424, 435.
[293] Маркс К. К критике политической экономии. С. 6-7.
[294] Гегель. Из «Конфиденциальных писем о прежнем государственно-правовом отношении земли Ваадта (ВО) к городу Берну» // Гегель. Политические произведения. М., 1978. С. 56.
[295] Каутский К. Путь к власти. (Политические очерки о врастании в революцию). М., 1959. С. 77.

хотят жить по-старому, 3) складывается особое состояние, когда революционный класс способен на революционные действия[296].

Ленин утверждал, что не всякая революционная ситуация ведет к революции. Вместе с перечисленными объективными переменными должна наличествовать субъективная: способность на массовые революционные действия, достаточные, чтобы сломить или хотя бы надломить правительство (потому что ни одна власть никогда «даже и в эпоху кризисов, не “упадет”, если ее не “уронят”»)[297]. Большая роль отводилась Лениным личностному фактору: силе или слабости правителей. Полемизируя о возможности революции в странах Европы, Ленин обосновывал тот факт, что поднять пролетариат в Европе на революцию несравнимо тяжелее, чем в России, так как во власти там нет «ни идиотов, вроде Романова, ни хвастунов, вроде Керенского, а есть серьезные руководители капитализма, чего в России не было»[298].

Многие марксисты, как правило, практики революционных движений, отрицали жесткий экономический детерминизм в причинах революции.

Экономика не станет чудодейственной силой, благодаря которой сама собой придет революция, революцию необходимо продвигать всеми возможными способами – ключевой принцип революционеров XX в.[299]

Уже после революций во Франции 1830 г. и 1848–1849 гг. получила развитие разработка вопросов тактики восстания и вооруженной борьбы, которые вошли в арсенал революционных движений[300]: работы Маркса и Энгельса, Л. Бланки, К. Каутского, В. Ленина, А. Грамши, Э. Че Гевары и др.[301]

---

[296] Ленин В.И. Маевка революционного пролетариата // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 23. М., 1973. С. 300; Ленин В.И. Крах II Интернационала // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 26. М., 1969. С. 219-220.

[297] Ленин В.И. Крах II Интернационала. С. 219.

[298] Ленин В.И. Заключительное слово по докладу об очередных задачах Советской власти (Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г.) // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 36. М., 1969. С. 269.

[299] См.: Гевара Э., Че. Партизанская война как метод // Гевара Э., Че. Статьи, выступления, письма. М., 2006. С. 331; Грамши А. Политическая борьба и война // Грамши А. Избранные произведения в трех томах. Т. 3. М., 1959. С. 196.

[300] См.: Шульц Э.Э. Теория социального протеста. Барнаул: Издательская группа «Си-пресс», 2014. С. 19-27.

[301] Бланки Л.О. Инструкция к вооруженному восстанию // Бланки Л.О. Избранные произведения. М., 1952. С. 313-325; Гевара Э., Че. Партизанская война. М., 1961; Грамши А. Политическая борьба и война. С. 192, 198; Каутский К. Путь к власти. С. 76-77; Ленин В.И. Задачи отрядов

Каутский считал, что в изменившихся условиях европейской политической жизни, революционерам недостаточно, как раньше, только в столице парализовать армию или привлечь на свою сторону, требуется осуществить тоже самое по всей стране[302]. Ленин представлял компоненты восстания как «бунты – демонстрации – уличные сражения – отряды революционной армии»[303]. Задача боевых отрядов: провозглашение восстания, военное руководство массами, создание опорных пунктов и распространение восстания на соседние территории[304].

Достаточно цельную теоретическую концепцию по генезису радикальных массовых форм политического протеста создал русско-американский социолог Питирим Александрович Сорокин[305].

Одним из краеугольных камней в основании концепции П. Сорокина лежит постулат Аристотеля о причинах всех бунтов в потребностях людей, среди которых две самые главные – пища и воспроизведение[306]. (Этот постулат мы обнаружим и в «иерархии потребностей Маслоу»). Сорокин обуславливал поведение человека его базовыми потребностями[307], и если эти базовые потребности в достаточной мере не удовлетворяются, то в поведении человека нарушается равновесие, если же такое ущемление происходит у большого количества людей, то происходит массовая дезорганизация поведения, мятежи, бунты, смуты, революции[308].

революционной армии // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 11. М., 1960. С. 339-343; Ленин В.И. Революционная армия и революционное правительство // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 10. М., 1967. С. 337-338, 340; Ленин В.И. Советы постороннего // Ленин В.И. ПСС. Т. 34. М., 1969. С. 384; Ленин В.И. Уроки московского восстания // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 13. М., 1972. С. 375; Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу, 23 сентября 1851 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 27. М., 1962. С. 310; Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 8. М., 1957. С. 61; Троцкий Л.Д. История русской революции. В 2 т. Т. 2. Ч. 2. М.: Терра, 1997. С. 155.

[302] Каутский К. Путь к власти. С. 76-77.

[303] Ленин В.И. Революционная армия и революционное правительство. С. 337.

[304] Там же. С. 338.

[305] Sorokin P.A. The Sociology of Revolution. J.B. Lippincott, 1925. См.: Шульц Э.Э. «Социология революции» П. Сорокина: истоки и влияние // Общество. Среда. Развитие. 2014. № 1 (30). С. 55-59.

[306] Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.1. М., 1976. С. 401.

[307] Сорокин П.А. Социология революции. М., 2005. С. 41.

[308] Там же. С. 42.

Таким образом, причины революций (как проявлений радикальных массовых форм протеста), согласно Сорокину, лежат в массовом ущемлении безусловных рефлексов, с одной стороны, и в ослаблении социального контроля – с другой[309]. Исследователь вывел три фактора, ведущих к бунту и революции: 1) рост ущемления главных инстинктов, 2) массовый характер этого ущемления, 3) неспособность групп порядка уравновесить возросшее давление ущемленных рефлексов[310].

Время создания «Социологии революции» Питирима Сорокина – это время начала формирования т.н. «теории элит». Сорокин обращает особое внимание на состояние элит в революционные периоды. Возможность выплеска политического протеста в радикальных и массовых формах появляется, с точки зрения Сорокина, в связи с «бездарностью власти и вырождением привилегированно-командующих слоев», которые перестают быть способными выполнять функции власти, противопоставить бунтовщикам силу, канализировать радикальные формы протеста[311].

Итальянский социолог Вильфредо Парето в обосновании радикальных массовых форм политического протеста и причин их успешности в смене власти выдвигал ключевым фактором неспособность действующих элит к нейтрализации активных протестных элементов в управляемых классах[312]. Со времени «теории элит» Парето-Михельса проблема элит начинает рассматриваться в качестве ключевой в причинах радикальных массовых форм политического протеста и государственных переворотах, базирующихся на этом протесте.

Здесь следует обратить внимание на концепцию равновесия и дисфункции социальной системы Чалмерса Джонсона и Лоуренса Стоуна (1960-е гг.), которая, на наш взгляд, генетически связана с работой и выводами П. Сорокина и имеет существенное значение в политологическом исследовании радикальных массовых

---

[309] Там же. С. 320, 323.
[310] Там же. С. 323.
[311] Там же. С. 395.
[312] Парето В. Компендиум по общей социологии. 2-е изд. М., 2008. С. 347-349; Парето В. Трансформация демократии. М., 2011. С. 119, 123.

форм политического протеста. Суть концепции заключается в том, что любая система находится в состоянии равновесия, пока один из ее компонентов не перестает это равновесие поддерживать, благодаря чему и вся система теряет равновесие. Это состояние авторы назвали дисфункцией системы. Если элита противится необходимым изменениям, то дисфункция превосходит возможность системы приспосабливаться, и тогда наступает революция, которая и проводит необходимые изменения[313]. Базовые принципы этой концепции, на наш взгляд, лежат в разработках и выводах Питирима Сорокина[314].

Классовый подход к революциям имеет как своих сторонников, так и противников, и дискуссии вокруг этой проблемы не смолкают со времен Русской революции, возобновляясь с каждой новой национальной революцией[315]. Политология и социология начали ставить вопросы правомерности жестких рамок в понятиях «класс» и «классовый подход».

Так, Питирим Сорокин, например, выступил с резкой критикой классового подхода в определении социальной базы революций. Социолог утверждал, что индивид зачастую не принадлежит одной группе, а скорее – ко многим группам, даже «не покрывающим» друг друга и не пересекающимся[316]. Состав членов каждой группы, с точки зрения Сорокина, меняется со временем: одни индивиды прибывают, другие выбывают, переходя в другую группу (партию, семью,

---

[313] Johnson C. Revolution and the Social System. The Hoover Institute of War, Revolution and Peace, Stanford University Press, 1964, p. 4-5; Stone L. Theories of revolution // World Politics, vol. XVIII. January 1966, N 2, p. 165. См. также: Красин Ю.А. Революцией устрашенные. Критический очерк буржуазных концепций социальной революции. М., 1975. С. 40.

[314] «Каждая социальная группа, – писал Сорокин, – («будет ли то клан, или тотем, или фратрия, или род, или семья, или государство, или церковь») представляет “замиренную среду”, с определенной организацией, с определенным фиксированным шаблоном поведения, с определенным уставом должного, запрещенного и рекомендованного взаимодействия ее членов. Ни в какой постоянной группе нет беспрерывной внутригрупповой войны всех против всех, а, напротив, нормальным состоянием ее является консенсус взаимного поведения ее членов». (Сорокин П.А. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 142.) Конечно, в каждой социальной группе существуют «инакомыслящие», но под давлением кар и наград эти «инакомыслящие» ведут себя согласно официальным нормам. (Там же. С. 145).

[315] Шульц Э.Э. «Классовый подход» и «пролетарский характер» революции 1917 г. в России // Вестник РУДН. Серия “История России”. 2014. № 3. С. 47-61.

[316] Сорокин П.А. Социология революции. С. 211.

религию, имущественный слой, профессиональное сообщество и т.д.)[317]. «Это значит, – писал Сорокин, – что в любом агрегате происходит циркуляция индивидов из группы в группу, перемещение их в системе социальных координат, изменение состава членов каждой “ткани”, или “органа” социального агрегата»[318].

Израильский специалист Шмуэль Эйзенштадт поддержал и развил мысли П.А. Сорокина: цели и потребности групп никогда не бывают заранее данными, в каждой группе могут возникать различные представления о содержании той или иной потребности; потребности каждой подгруппы никогда не бывают полностью совместимыми; это вызывает напряженность и противоречия внутри самих групп и подгрупп[319].

В социальной базе революций Эйзенштадт, например, определял следующие основные социальные группы: 1) группы, эволюционировавшие в направлении капиталистической рыночной экономики из крупных и средних землевладельцев и городских слоев; 2) разнородные группы крестьянства, от деклассирующихся до встраивающихся в новую капиталистическую систему; 3) традиционные городские группы и зародыш пролетариата; 4) новые интеллектуальные и религиозные секты, группы и движения; 5) новые политические элиты[320]. При этом ведущую роль во всех революциях, с точки зрения исследователя, играла интеллигенция[321]. Важным представляется вывод Ш. Эйзенштадта, что идеологией для всех этих групп часто служат устоявшиеся мифы и утопические идеи (связанные с традиционным запросом на общество Справедливости)[322].

---

[317] Там же.

[318] Там же. С. 212.

[319] Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 59.

«Такая напряженность складывается вокруг оценки относительного значения различных потребностей всего общества и его отдельных групп; их соотношения с частными целями индивидов, составляющими ту или иную подгруппу; распределения ресурсов, необходимых для удовлетворения как индивидуальных, так и групповых потребностей, и доступа к этим ресурсам». (Там же.)

[320] Там же. С. 246.

[321] Там же. С. 31.

[322] Eisenstadt S.N. Fundamentalism, Sectarianism, and Revolution: The Jacobin Dimension of Modernity. Cambridge University Press, 1999. P. 40; Eisenstadt S.N. Revolution and the transformation of societies. N.Y., 1978. P. 184.

Смещение лояльности интеллектуалов, как особой социальной группы, к власти называл фактором политического протеста в радикальных и массовых формах один из исследователей теории революции Лайфорд Эдвардс: когда эта группа «заражается» недовольством, она начинает вести за собой репрессированный класс на активные протестные действия[323].

Другой американский исследователь и видный автор в разработке теории революции, Самюэль Хантингтон, называл средний класс социальной базой революции, интеллигенцию – самой активной оппозиционной группой в этом классе, а студентов – самыми эффективными и сплоченными революционерами[324]. Представляет интерес идея американского исследователя о том, что инсургенты «западных революций» направляются из столицы в сельскую местность, в «восточных революциях» – наоборот, двигаются из отдаленных сельских районов на захват столицы[325]. Принцип движения из регионов в столицу представляется скорее не характерной чертой отдельного вида/типа революции, а особенностью военной и политической стратегии, и такая стратегия свойственна для очень многих революций как в Восточном, так и в Западном полушарии[326]. Однако в развитии радикальных массовых форм протеста подмеченные Хантингтоном типы представляют интерес в анализе сценариев.

Следует отметить, что даже в анализе причин революций – явления редкого, имеющего серьезные социальные корни и несущего кардинальные изменения в обществе, – где многие исследователи всегда выдвигали на первый план экономические факторы, существует и серьезная исследовательская позиция, относящая причины данного явления к тому, что С. Хантингтон назвал «природой политической организации»[327].

Так, Эдмунд Бёрк (1729–1797 гг.), Антуан Барнав (1761–1793 гг.) и историк Великой французской революции Вильгельм Блос (1849–1927 гг.) причинами

---

[323] Эдвардс Л. Естественная история революции // Социологический журнал. 2005. №1. С. 111.
[324] Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С. 293.
[325] Там же. С. 276-278.
[326] Шульц Э.Э. Теория революции в истории исследований. М.: Изд-во МГОУ, 2020. С. 93-105.
[327] Хантингтон С. Политический порядок... С. 337.

революций считали поведение и черты правителей и должностных лиц государства[328]. Томас Карлейль (1795–1881 гг.) (шотландский историк Французской революции 1789 г.) стоял на тех же позициях, особо подчеркивая, что падение доверия и отсутствие веры населения в государственные институты и правителей приводят к революциям[329]. Народное недовольство правителями и их действиями в качестве причин революций рассматривал и Гегель (1770–1831 гг.), который прямо указывал, что жители Американских колоний восстали против английской короны из-за распоряжений короля и обеспокоенности за свои права[330]. Массовое недовольство политическими институтами и правителями как основу революционной ситуации рассматривали К. Каутский и В.И. Ленин[331].

Одним из симптомов революций Л. Эдвардс, вопреки устоявшимся суждениям, называл рост благосостояния и информированности людей[332]. Этот парадокс связан с другим парадоксом социальной психологии. Так, Фрэнсис Бэкон (начало XVII в.) выдвинул постулат о невозможности зарождения протестных выступлений в условиях сильного угнетения, так как в таких условиях воля людей полностью подавлена[333]. Алексис Токвиль (середина XIX в.) продолжил эту мысль, придя к выводу, что периоды самого сильного гнета и тяжелого экономического положения не знают революций, революции происходят тогда, когда условия жизни становятся лучше[334]. Эту идею поддержал и Герберт Спенсер (конец XIX в.)[335].

---

[328] Блос В. Французская революция. СПб., 1906. С. 22; Бёрк Э. Письмо г-на Бёрка к члену национальной ассамблеи в ответ на некоторые возражения в отношении его книги о положении дел во Франции // Бёрк Э. Правление, политика и общество. Сборник. М., 2001. С. 364-365; Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. Т. 1. Кн. 1. М., 1977. С. 138.

[329] Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М., 2008. С. 20.

[330] Гегель. Из «Конфиденциальных писем…». С. 55-56.

[331] Каутский К. Путь к власти. С. 77; Ленин В.И. Крах II Интернационала. С. 219-220; Ленин В.И. Заключительное слово по докладу… С. 269; Ленин В.И. Маевка революционного пролетариата. С. 300.

[332] Эдвардс Л. Естественная история. С. 101, 106, 109; Edwards L.P. The Natural History of Revolution (1970). P. 210.

[333] Бэкон Ф. Опыты… С. 383.

[334] Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб., 2008. С. 31.

[335] Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Минск, 1999. С. 1362-1363.

Эдвардс прямо выступает против концепции возрастающего угнетения, которое ведет к бунту и революциям (как самая популярная идея того времени – *пролетариату нечего терять, кроме своих цепей*). Чем богаче становятся низы общества, рассуждает Эдвардс, тем больше у них становится востребованность социального признания и влияния на правительство и институты социального контроля. С повышением уровня образованности этих слоев растут критические настроения, и если условия их жизни не улучшаются (согласно их представлениям), то эти настроения перерастают в бунт и революцию[336]. Таким образом, меньшая степень угнетения с более высоким уровнем жизни и социального статуса начинает восприниматься как невыносимая[337]. Революции происходят не тогда, когда репрессированный класс находится в состоянии полной нищеты и максимальной эксплуатации, а после длительного времени роста благосостояния репрессированного класса, – заключает Эдвардс[338].

Этот вывод оказал одно из самых серьезных влияний на концепции причин возникновения революций и различных форм социального протеста в XX и XXI вв., получив известность под названием «кривая Дэвиса» (в 1962 г. постулат выдвинут американским социологом Джеймсом Дэвисом)[339].

Альбер Камю предложил свое прочтение проблемы бунта – «Человек бунтующий» (1951 г.). Камю считает, что причины бунта могут различаться во времени и в разных цивилизациях, так же, как и представления об этом явлении[340]. Но такая разница, по мнению французского философа, не меняет главного: бунт является законным средством борьбы общества с властью[341]. Камю выступает против точки зрения, что крайняя степень угнетения и тирании являются причинами бунта: исторические факты, с его точки зрения, говорят об обратном, и бунт чаще возникает «в тех социальных группах, где за теоретическим равенством

---

[336] Edwards L.P. The Natural History (1970). P. 34-35.
[337] Ibid. P. 34-36.
[338] Ibid. P. 36.
[339] Davies J. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. 1962. Vol. 27. P. 5-19.
[340] Камю А. Человек бунтующий // Камю А. Сочинения в пяти томах. Т. 3. Харьков, 1998. С. 76.
[341] Там же. С. 70, 76.

скрывается огромное фактическое неравенство»[342].

Со своей концепцией причин бунта в 1970 г. выступил Тед Гарр[343]. Американский социолог развивает концепцию, которая, на наш взгляд, уходит корнями к Ф. Бэкону и Т. Гоббсу[344]. К агрессивности ведет крушение надежд, однако эта депривация является относительной, она обусловлена разрывом между реальными условиями и потребностями человека. Это расхождение ведет к фрустрации и, при соответствующих условиях, к политическому насилию[345]. Гарр раскладывает проблему анализа протеста и бунта на три составляющих, которые требуют осмысления для понимания явления в целом. Во-первых, это изучение недовольства (относительная депривация) с анализом социетальных условий, порождающих его. Во-вторых, это исследование представлений людей о риске такого поведения и соотнесения потерь и приобретений. В-третьих, это анализ способов, которыми недовольные могут организовать свои протестные действия и способности власти подавить протест или канализировать[346].

Эта теория относительной депривации встретила критику со стороны теории рационального выбора. Основные положения концепции выведены Манкуром Олсоном («Логика коллективного действия», 1965 г.) и Гордоном Таллоком («Парадокс революции», 1971 г.)[347]. С позиций данного подхода, принятие решения об участии в протестных акциях связано не с недовольством как таковым, а с оценкой человеком результатов такого участия: если ожидаемые блага

---

[342] Там же. С. 77.

[343] Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб., 2005. (Gurr T.R. Why Men Rebel? Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1970).

[344] Бэкон Ф. Опыты, или Наставления… С. 382; Hobbes T. De Corpore Politico, or the Elements // Hobbes T. The English Works of Thomas Hobbes of Malmesbury /Ed. by Sir William Molesworth, Bart. Vol. IV. London: John Bohn, 1840. P. 200-201, 203.

[345] Гарр Т.Р. Указ соч. С. 16.

[346] Там же. С. 30-31.

[347] Olson M. The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge – London: Harvard University Press, 2002; Tullock G. The Paradox of Revolution // Public Choice. 1971. Vol. 11 (Fall, 1971). P. 89-99.

перевешивают, то человек выходит на протестные акции, если считаются недостаточными – то нет[348].

Подчеркнем, что проблема рациональности и иррациональности решения людей по выходу на протестные акции (особенно в радикальных и массовых формах политического протеста) до сих пор остается одной из самых дискуссионных в политологии[349].

В XX в. отдельными направлениями стал поиск причин радикальных массовых форм политического протеста в социальных факторах. Среди социальных доминантных факторов называются появление новых социальных групп, которые претендуют на доступ к власти, межэлитные конфликты, запоздалость изменений в государстве, демографический рост[350], дисбаланс между ростом населения и гибкостью политических и социально-экономических систем[351]. Выдвижение проблем демографического роста и социально-экономического дисбаланса привели к разработке принципа «мальтузианской ловушки» и различных ее модификаций[352]. Данные направления современных работ получат отдельное внимание в ходе исследования.

Организация и управление протестом – это проблема организационных структур: партий, общественных организаций, спонтанно формируемых движений в период развития протестных движений.

---

[348] Finkel S.E., Muller E.N., Opp K.-D. Personal Influence, Collective Rationality, and Mass Political Action // American Political Science Review. 1989. Vol. 83, No 3 September. P. 885-886.

[349] Kimmel M.S. Revolution. A sociological Interpretation. Temple University Press, Philadelphia, 1990. P. 11.

[350] Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы М., 2002. С. 10; Жорес Ж. Указ. соч. С. 193; Goldstone J.A. The Comparative and Historical Study of Revolutions // Annual Review of Sociology. 1982. Vol. 8. P. 200; Hart J.M. Revolutionary Mexico: The Coming and Process of the Mexican Revolution. Berkley: University of California Press, 1987. P. 11.

[351] Goldstone J.A. Revolution and rebellion in the early modern world. Berkeley: University of California Press, 1991. P. 489, 496.

[352] См.: Шульц Э.Э. К вопросу о мальтузианской ловушке и демографическом росте как причинах радикальных форм массового социального протеста // Полития. 2017. № 4. С. 23-34; Шульц Э.Э. К вопросу о причинах радикальных форм социального протеста: размышления о принципах «мальтузианской ловушки» и демографических факторах // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия “Социология”. 2017. № 2. С. 180-191.

Положение о руководящей роли меньшинства, о том, что политические изменения и революции совершаются партиями (организованными сообществами) стало общим положением к XX в.[353] Роберт Михельс сделал ряд сенсационных для начала XX в. выводов о развитии революционных партий (поставляющих контрэлиты). Исследователь показал, что такие партии в процессе роста перестают отличаться от обычных партий: рост революционной партии ведет ее к расширению бюрократического механизма и антипатии к агрессивным действиям, партия становится классическим конкурентом другим партиям в борьбе за власть[354].

Общественные движения как акторы в процессе организации и управления социальным протестом стали объектом особого исследовательского интереса с последней трети XX в.[355]. Новое направление, родоначальниками которого считаются Майер Зальд и Роберт Эш[356], возникло как оппозиция теории

---

[353] Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. М., 2001. С. 169-170; Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. С. 105; Франклин Б. Автобиография // Американские просветители. Избранные произведения в двух томах /Составление и примечания Н.М. Гольдберга. Т. I. М., 1968. С. 152.

[354] Michels R. Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. N.Y.: Hearst's Intern. Library Co., 1915. P. 368, 371-374.

[355] Caniglia B.S., Carmin J. Scholarship on Social Movement Organizations: Classic Views and Emerging Trends // Mobilization: An International Journal 10 (2). 2005. P. 201-212; Gamson W.A. The strategy of social protest. Dorsey Press, 1975; How social movements matter /Ed. by Marco Giugni, Doug McAdam, Charles Tilly. University of Minnesota Press, Minneapolis, 1999; McAdam D., Snow D.A. Social Movements: Readings on Their Emergence, Mobilization, and Dynamics. Roxbury Pub., 1997; McAdam D., Tarrow S., Tilly C. Dynamics of Contention. Cambridge: Cambridge University Press, 2001; McVeigh F.J., Melucci A. Challenging Codes. Cambridge: Cambridge University Press, 1996; Methods of social movement research /Ed by Bert Klandermans, Suzanne Staggenborg. University of Minnesota Press, Minneapolis, 2002; New Social Movements: From Ideology to Identity /Ed. by Larana E., Johnston H., Gusfield J. Temple University Press, 2009; Oberschall A. Social Conflict and Social Movements. Pearson Education, Limited, 1973; Oberschall A. Social Movements: Ideologies, Interest, and Identities. New Jersey: Transaction Publishers, 1993; Staggenborg S. Social Movements. Oxford University Press, 2016; Tarrow S. Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics, 3-rd edition. New York: Cambridge University Press, 2011; Tilly C. Social movements, 1768-2004. Paradigm Publishers, 2004; Tilly C. From Mobilization to Revolution. Reading. Random House, 1978; Waves of Protest: Social Movements Since the 1960s /Ed. by Jo Freeman, Victoria Lee Johnson. Maryland: Rowman & Littlefield, 1999; Zald M.N., Ash R. Social Movement Organizations: Growth, Decay, and Change // Social Forces 44 (3). 1966. P. 327-340; Zald M.N., McCarthy J.D. Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1987.

[356] Zald M.N., Ash R. Social Movement Organizations. P. 327-340.

депривации[357] и господствующим теориям о возникновении социального напряжения[358]. За несколько десятков лет это направление исследований дало жизнь «теории мобилизации ресурсов», «теории новых общественных движений», «теории социального выбора» и ряду других[359].

Если предыдущие концепции и школы искали причины социального напряжения в структурных изменениях: экономических кризисах, техническом прогрессе, урбанизации и т.д., – и считали общественные движения иррациональным ответом, то новые теории стали рассматривать общественные движения как неотъемлемую часть общества с постоянным потенциалом для недовольства. Согласно этим теориям, недовольство и неудовлетворенность являются факторами вторичными, первичный фактор – это зависимость общественных движений, которые аккумулируют социальный протест в современном мире, от ресурсов и мобилизационных возможностей по их привлечению и использованию[360]. Базовые принципы теорий общественных движений роднят их с теориями «рационального выбора» и «общественного блага».

Итак, важными факторами успеха протестных выступлений считали личность правителя, лидеров протеста и политической партии, возглавляющей

---

[357] Исходит из положения Маркса, что обнищание пролетариата в конце концов приведет к совершенно невыносимым условиям жизни, и пролетариат свергнет своих угнетателей. (Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 4. М., 1955. С. 435).

[358] McAdam D. Collective action // The Blackwell Encyclopedia of Sociology /Ed. by George Ritzer. Blackwell Publishing, 2007. P. 576. Господствовавшая на Западе в 50–60-е гг. XX века научная школа, которая постулировала, что общественное движение возникает как результат индивидуального недовольства и неудовлетворенности, что, в свою очередь, порождается структурной напряженностью социальной системы.

[359] Gamson J. Must Identity Movements Self– Destruct? // Social Problems. 1995. 42 (3). P. 390-407; McAdam D. Beyond Structural Analysis: Toward a More Dynamic Understanding of Social Movements // Social Movements and Networks. Relational Approach to Collective Action /Ed. by Diani M., McAdam D. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 286-287; Melucci A. The Process of Collective Identity // Social Movements and Culture /Ed. by Johnson H. & Klandermas B. University of Minnesota Press, Minneapolis, 1995. P. 41-63; Meyer D.S. Opportunities and Identities: Bride Building in the Study of Social Movements // Social Movements: Identity, Culture, and the State /Ed. by Meyer D., Whittier N., Robnett B. New York: Oxford University Press, 2002. P. 3-23.

[360] McAdam D. Collective action. P. 576.

политический протест. Действенные методы против бунта – удовлетворение требований или надежда на удовлетворение, а также понимание неизбежности наказания. Всякое правление покоится на согласии и силе, и власть должна формировать у граждан позицию, побуждающую охранять существующий строй. Народные протестные выступления без вождя не представляют серьезной угрозы, поэтому необходимо лишать массы лидеров.

Многовековая исследовательская мысль приводит к выводам, что важное значение имеют представления людей, а не реальность или представления о ней в понимании противоположной стороны. Задача власти, в том числе, пользоваться внушаемостью масс в своих целях, иначе этим воспользуются противники. Учения, идеи, слухи (располагающие к бунту), представления о справедливости, о достойной жизни и соответствия этому собственного положения являются ключевыми в формировании протестных и антипротестных настроений.

Теоретики и практики политического протеста в радикальных и массовых формах XIX и XX вв. создали концепции методов политической борьбы и протестных акций, вооруженной борьбы, захвата власти, привлечения армии и борьбы с ней.

XX в. внес в теоретическую копилку концепцию циркуляции элит (Парето-Михельс) и близкие к ней подходы (например, бессилия власти перед революцией в связи с ослаблением социального контроля П. Сорокина, «дисфункции системы» Ч. Джонсона). Отдельными направлениями стал поиск причин радикальных массовых форм политического протеста в социальных факторах. Выдвижение проблем демографического роста и социально-экономического дисбаланса привели к разработке принципа «мальтузианской ловушки» и различных ее модификаций. Различные социально-экономические модели причин возникновения политического протеста в радикальных и массовых формах отразились в концепциях: 1) что бунт происходит от безысходности (Маркс), или 2) что в условиях, когда жизнь становятся лучше (Ф. Бэкон, А. Токвиль, Г. Спенсер, Л. Эдвардс), 3) или в период, когда высокий уровень благосостояния сменяется временным снижением («кривая Дэвиса»). Противостоящие друг другу теория

относительной депривации и теория рационального выбора стали отстаивать взгляды на принятие решения об участии в протестных акциях в связи с недовольством как таковым или с оценкой человеком ожидаемых благ от такого участия. Проблема рациональности и иррациональности решения людей по выходу на протестные акции (особенно в радикальных и массовых формах политического протеста) до сих пор остается одной из самых дискуссионных в политологии.

Главное значение комплекса теорий общественных движений, с точки зрения данного исследования, заложено в следующих основополагающих постулатах:

- недовольство всегда существует в любом обществе;

- недовольство можно создавать и управлять им в целях общественной организации;

- недовольство может дать поддержку общественной организации (движению), для чего она должна обладать определенными ресурсами[361].

Эти подходы следует рассматривать как базовую основу управления политическим протестом в радикальных и массовых формах. Успешное применение на практике представленных подходов обусловило их дальнейшее развитие и применение во многих политических протестах XX–XXI вв.[362]

---

[361] Zald M.N., McCarthy J.D. Op. cit. P. 18.

[362] Шульц Э.Э. «Цветные революции»: некоторые проблемы методологии исследования // Политическая экспертиза. 2017. Том 13. № 2. С. 88-99; Шульц Э.Э. Теоретическая база цветных революций // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 4. С. 138-146; Шульц Э.Э. Теория социальных движений: проблемы теории и практики // Вестник северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2014. № 4. С. 23-30.

Выводы по главе

В данном исследовании, исходя из анализа определений и подходов, социальный конфликт рассматривается как борьба за получение власти, статуса, ресурсов, в ходе которой происходит нейтрализация, нанесение вреда или полное устранение конкурентов. При этом основания для конфликтов существуют в любом обществе, так как люди всегда претендуют на ресурсы, статус и власть.

Политический конфликт – вид социального конфликта, связанный с проблемами сохранения или ослабления действующей власти. Политический конфликт является частью социального конфликта и рассматривается акторами как средство достижения или сохранения власти конфликтующими группами.

Возникновение радикального массового протеста служит индикатором проблемного состояния в реализации функций адаптации и интеграции в данной политической системе. Политическим протестом граждане выдвигают требования к системе, которые предполагают реагирование.

Под политическим протестом политические науки подразумевают вид политического участия, выражающийся в проявлении отрицательного отношения к политической системе в целом или к ее отдельным элементам, нормам, ценностям в открытой, демонстративной форме.

Политический протест имеет целый ряд видов и типов – от индивидуального до вовлечения целых социальных групп и всего общества.

К радикальным массовым формам политического протеста в данной работе относится определенный набор проявлений: от массовых антиправительственных выступлений, ведущих к столкновению с силами правопорядка, до гражданских войн и революций. Силовое противостояние в обществе и уровень этого противостояния являются идентифицирующим и классифицирующим признаком данного явления.

Социальная напряженность является стадией конфликта, но представляется затруднительным прогнозировать, на каком уровне напряжения произойдет переход к открытым формам протеста. Более того, социальная напряженность

может занять длительный промежуток времени и не перейти в протестные проявления. Решающее влияние на такой переход оказывает направленное коммуникационное воздействие.

Положения о демократичном обществе, его минимальной конфликтогенности и способности канализировать радикальный протест в иные, более мягкие формы сталкиваются с проявлениями социального конфликта в XXI в., выливающегося в массовый политический протест в самых развитых и демократических государствах.

Современные примеры политического протеста в виде «цветных революций» и массовых акций в США, Англии, Франции и Германии сложно воспринимать в качестве гармонизирующей силы и «выпуска пара» в обществе. Новые технологии, включая их использование внешними силами, еще больше ставят под сомнение позитивные возможности социального конфликта. Тем более что современные проявления политического протеста в радикальных и массовых формах встречаются и там, где острый социальный конфликт не наблюдался.

Все это обуславливает необходимость развития теории социального конфликта для современных условий, испытывающих серьезное влияние новых факторов постиндустриального и глобализирующегося мира.

Авторы, рассматривающие проблемы политического протеста, начиная с Аристотеля и до XX века, искали причины политического протеста в радикальных и массовых формах главным образом в области экономики, благосостояния, социальных факторов и политической организации. Однако неудовлетворенность положением дел в одной или нескольких названных сферах становится вторичным фактором, в то время как первичное значение приобретают ресурсы и мобилизационные возможности общественных движений, аккумулирующих социальный протест. С точки зрения базовых теорий их деятельность основывается на «рациональном выборе» и «общественном благе», однако в эпоху модерна и постмодерна эти теории требуют дополнений. Общественное недовольство может создаваться или преобразовываться в радикальный протест за счет управления коммуникациями.

Согласно теориям общественных движений, недовольство и неудовлетворенность являются факторами вторичными, первичный фактор – это зависимость общественных движений, которые аккумулируют социальный протест в современном мире, от ресурсов и мобилизационных возможностей по их привлечению и использованию. Базовые принципы теорий общественных движений роднят их с теориями «рационального выбора» и «общественного блага». Эти изменения связаны уже с эпохой модерна и постмодерна.

Ключевые положения современных теорий общественных движений о постоянно существующем недовольстве в обществе, которое можно использовать и даже создавать, если обладать достаточными ресурсами, делают управление коммуникациями важнейшим фактором в развитии или нейтрализации политического протеста в радикальных и массовых формах.

Государства модерна и постмодерна – это «массовые государства», с «массовыми потребностями и массовыми интересами», где необходимо уметь привлекать массы и завоевывать их согласие, создавать представления у масс о себе как субъектах политики.

Одной из ключевых характеристик глобализации становится информационная глобализация, когда информационно-коммуникационные технологии приобретают решающее значение в развитии общества. Отсюда возможности создавать такие представления и направлять их в нужное русло делают управление коммуникациями важнейшим условием развития или нейтрализации радикального политического протеста.

Понятие «управление коммуникациями» представляется наиболее адекватным при анализе современных медиакоммуникаций и их воздействия для достижения определенного результата. В контексте выбранной темы медиакоммуникации становятся основной частью всех коммуникаций: они формируют установки и модели поведения, создают информационную повестку, передают информацию для организации радикальных массовых форм протеста.

Медиакоммуникация, как часть управления коммуникациями, – это такое взаимодействие субъектов с трансляцией и получением информации с помощью

определенных технических средств, которое предполагает их целенаправленное воздействие друг на друга.

Процессы медиатизации сказываются на современных проявлениях социального конфликта, делая возможным его переход из медиапространства в реальные протестные акции; возникновение массового политического протеста из медиатизации локального инцидента или определенной темы.

При этом традиционные СМИ, которым уже предрекли уход в прошлое, в процессе конвергенции во многом «подчинили» себе социальные медиа. Социальные сети стали частью системы формирования повестки дня, причем одновременно политической, медийной и общественной. Современные реалии демонстрируют, что эти повестки формируются на тех же принципах, что и раньше с традиционными СМИ, а государство по-прежнему стремится монополизировать медийное поле.

Глава 2. ПРИЧИНЫ РАДИКАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕДИАКОММУНИКАЦИОННЫМИ СРЕДСТВАМИ

В главе 2 протест в радикальных и массовых формах анализируется как политическое явление, формулируются характерные черты и особенности данного явления, его закономерности. Выявляются причины радикализации политического протеста и возможности его регулирования средствами медиакоммуникаций. Определяются технологии управления данным видом протеста, наращивания и снижения его массовости и полной нейтрализации.

На большом количестве примеров создаются модели анализа массового политического протеста в радикальных формах и принципов регулирования его средствами медиакоммуникаций. В развернутом виде они демонстрируются на трех исторических примерах в третьей главе и нескольких десятках современных прецедентов в главе четвертой.

2.1. Протест в радикальных и массовых формах как политическое явление

Силу политического протеста в радикальных и массовых формах обеспечивает массовость выступлений и напряженность противостояния. Массу протеста обеспечивает перевод потенциальной социальной базы протеста в активные протестные действия.

Цикл жизни политического протеста в радикальных и массовых формах заключен между первыми открытыми проявлениями протеста и его последними активными вспышками. Однако затихающий протест может снова резко пойти по нарастающей, при условии включения в свою орбиту новых масс. Такие «вливания» возможны при новых сильных психологических раздражителях (вызывающие действия власти, направленные технологии).

В технологиях управления политическим протестом в радикальных и массовых формах, как в любой системе, существуют «вход» и «выход». Политический переворот в результате давления протестных акций и настроений не обязательно ведет к свертыванию протеста, что поднимает вопрос завершения протеста не только для власти, против которой он направлен, но и для организаторов этого протеста – «выход из бунта».

Уничтожение бунтовщиков, как наиболее очевидный принцип вывода социума из состояния протеста и социального противостояния, был выработан человечеством достаточно давно. Такой подход работает в условиях значительного превосходства силы на стороне власти в сравнении с протестом. В условиях, когда физическое устранение представляется невозможным или невыгодным, происходило перемещение лиц, представляющих потенциальную угрозу и частичное удовлетворение социальных ожиданий. Война как инструмент устранения протеста стала представлять средство надежное только на коротких временных промежутках: протест резко возрастает с военными неудачами. В качестве ярких исторических примеров можно привести русско-японскую войну 1904–1905 и Первую мировую войну для России.

Эффективным такое средство является только в случае «маленькой и победоносной войны», и действия такого принципа вполне осознавалось политиками начала XX века: пример русско-японской войны, как с точки зрения использования такой технологии, так и проблематичности ее использования в связи с непредсказуемостью результата военных действий.

Политический переворот под давлением протестных акций не приводит к завершению протеста. Как в любой системе, в технологиях организации и управления радикальными массовыми формами политического протеста существует «вход» и «выход».

Завершение политического протеста в радикальных и массовых формах связано с двумя условиями: 1) устранение протестующих – физическое и психологическое (расстрел, тюрьмы, высылка, страх, усталость от протеста); 2) удовлетворение наиболее востребованных ожиданий (или создание представления

об этом в массовом сознании). Требования (ожидания) протеста могут претерпевать изменения и отличаться в начале, в ходе и в финальной стадии протестных выступлений. В результате длительного социального противостояния стремление к порядку начинает перевешивать все запросы.

Средствами успокоения и нейтрализации радикальных массовых форм политического протеста выступают репрессии и реформы.

Усталость в обществе от неурядиц и противостояния ведет к завершению протестных выступлений (яркий пример – Смута начала XVII в. в России, Гражданская война 1918–1922 гг.)[363]. Удовлетворение социальных ожиданий (или надежда на это) – редко полностью устраняет радикальные массовые формы политического протеста. Чаще всего эти действия работают совместно с двумя другими путями решений.

В постреволюционном развитии России и Кубы, в период правления нацистов в Германии, отдельное внимание привлекает технология канализирования протеста: направление социальной активности на созидательный труд для построения нового общества и на борьбу с врагами.

При этом сохраняется правило, что каждая технология имеет свой ресурс и жизненный цикл; более активное использование ведет к более быстрому завершению воздействия в определенном цикле.

Взрывной характер формирования массового политического протеста в радикальных формах делает его трудно прогнозируемым на коротких временных отрезках. Полной неожиданностью для современников и участников событий стали революции во Франции, Мексике, Иране, Кубе и др. В феврале 1917 г. В.И. Ленин считал, что его поколение не увидит революции. «Бархатные революции» стали неожиданностью даже там, где протестные настроения были высоки и уже проявлялись, вера в смену власти этим протестом была минимальна. Та же история

---

[363] Усталость от политического протеста в радикальных и массовых формах наблюдается во всех классических революциях, что ведет к феномену Термидора, а затем Бонапартизма – см.: Шульц Э.Э. Теория революции: революции и современные цивилизации. М., 2016. С. 160-162.

повторялась с каждым примером «цветной революции» и в событиях «арабской весны»[364].

Проблема социальной базы является одной из ключевых в анализе политического протеста[365]. Основу радикальных массовых форм политического протеста в большинстве случаев составляли представители интеллигенции и молодых поколений. В современных условиях речь идет о среднем классе в широком определении понятия. В примерах, приводимых для отдельного анализа далее интеллигенция и молодые поколения составляли активное ядро протестных движений в организации революции в России, Кубинской революции, в «цветных революциях», сыграли значительную роль в приходе к власти нацистов в Германии. Роль и доля в протестных движениях молодых поколений привела целый ряд исследователей к отстаиванию принципа «молодежного бугра» (youth bulge): к росту протестных настроений в обществе ведет резкий рост в этом обществе доли молодых людей[366].

Принципиальный вопрос здесь: является ли данный демографический феномен и демографический фактор в целом причиной или сопутствующими факторами? С одной стороны, молодежь, действительно, более подвержена протестным настроениям и наиболее подвержена мобилизации и переводу протеста в радикальные формы.

---

[364] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 10 томах. Т. 2. М., 1989. С. 220; Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 10 томах. Т. 3. М., 1989. С. 162; Матьез А. Французская революция. Ростов-на-Дону, 1995. С. 23; Шерэ Э. Падение старого режима. 1787–1789. Т. 1. Спб., 1907. С. 75; Шульц Э.Э. Технологии бунта. (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М., 2014. С. 70, 101, 267-269, 297-311; Kurzman C. The Unthinkable Revolution in Iran. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. P. 3. Теоретические дискуссии см.: Goldstone J.A. Predicting Revolutions: Why We Could (and Should) have Foreseen the Revolutions of 1989-1991 in the U.S.S.R. and Eastern Europe // Revolution: Critical Concepts in Political Science /Ed. by O'Kane R.H.T. Vol. 4. Taylor & Francis, 2000. P. 395-416; The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization /Ed. by John Foran. Zed Books, 2003.

[365] Шульц Э.Э. К вопросу о социальной базе радикальных массовых форм социального протеста // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2017. № 2. – Режим доступа: http://dx.doi.org/10.18384/2224-0209-2017-2-808 (дата обращения: 27.01.2024)

[366] Goldstone J. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. Journal of International Affairs. 2002. № 56. P. 3-21.

С другой стороны, если обратиться к наиболее значимым историческим примерам и современным событиям, то картина складывается совершенно неоднозначная. Так, например, в современных событиях лишь в небольшом количестве стран, которые были затронуты «арабской весной», фиксируется высокая доля молодежи в структуре общества. В странах бывшего СССР и социалистического лагеря такое явление не существовало ни в период «цветных революций», ни «бархатных революций». Высокая доля молодого населения сформировалась в России в начале XX в., однако этот «молодежный бугор» был сильно нивелирован потерями в I мировой войне. В Германии в 1920–30-х гг. «молодежного бугра» не существовало, однако молодым поколениям немцев приписывают успехи нацистов в протестном движении и на выборах. Как показывает исследование, среди избирателей доля молодежи была крайне мала, максимальное пополнение рядов НСДАП представителями от 18 до 25 лет происходило до 1929 г., но не позже, а в середине 1930-х большинство функционеров Национал-социалистической рабочей партии относилось к возрастным категориям за 40 лет.

В 1994 г. Самюэль Хантингтон сделал прогноз, что в период 2000–2010 гг. в ряде арабских стран произойдет пик демографического роста, что вызовет социальную напряженность. Кроме того, еще один факт вызывает настороженное отношение к роли «молодежного бугра» и в арабских странах. В 2000-е гг. это будет Египет, Кувейт, Саудовская Аравия и Судан; в 2010-е гг. – Йемен, Ливия, Оман, Сирия[367]. Во-первых, с точки зрения Хантингтона, молодежь заполонит рынки труда этих стран; во-вторых, рост грамотности приведет к разрыву между неграмотным старшим поколением и грамотным молодым, что создаст напряжение в политических системах[368].

События «арабской весны» 2011 г. вроде бы подтвердили это пророчество, но такие «совпадения» вызывают обоснованный скепсис. Во-первых, не все эти

---

[367] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 178.
[368] Там же. С. 179.

страны столкнулись с активным протестом «арабской весны». Во-вторых, не во всех спрогнозированных странах возникли социально-экономические проблемы в связи с демографическим ростом, а целый ряд исследователей отвергает эти проблемы для стран, получивших наибольший удар «арабской весны»: Ливии и Сирии. В-третьих, именно в период 2000–2011 гг. резко выросла финансовая поддержка из-за рубежа общественных организаций в арабских странах, которые и выступили организаторами массовых протестных акций. Таким образом, то, что демографический рост стал причиной политического протеста в радикальных и массовых формах вызывает большие сомнения. Более обоснованной выглядит позиция, что прогноз Хантингтона вместе с концепцией «молодежного бугра» были использованы для организации протестной активности.

Для образованных слоев общества характерно сравнение общественных порядков и уровня жизни с развитыми странами или идеальными моделями. Для этой категории сильную мотивационную роль играют проблемы самореализации. Эти характеристики, вкупе с большой подверженностью идеологическому влиянию (как и молодежь), делают представителей этой категории активными участниками радикальных массовых форм политического протеста.

Представители крестьянства и рабочих, в связи с их превалирующей долей в обществе, создают наибольшее представительство среди социальных групп – участников политического протеста в радикальных и массовых формах в подавляющем большинстве исторических примеров почти до конца XX века. Крестьянство стало социальной базой, например, всех революций, которым сопутствовала гражданская война (кроме некоторых исключений в Английской революции XVII в. и Мэйдзи-исин 1860-х гг. в Японии)[369]. Рабочие (в широкой трактовке этой большой социальной группы) создали основную социальную базу протеста в революциях 1848–49 гг. во Франции и Германии, в восстании 1871 г. – т.н. «Парижская коммуна», составляли значительную долю в Русской революции

[369] Шульц Э.Э. Теория революции: революции и современные цивилизации. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 228-231.

(хотя и серьезно уступая представителям крестьянства)[370]. При этом необходимо учитывать, что ядром протестных выступлений, инициаторами, идеологами и организаторами выступали представители интеллигенции, знатных сословий, мелкая и средняя городская буржуазия (в современной терминологии – средний класс)[371]. Кроме того, необходимо отметить, что в революциях, одержавших победу, например, таких как Русская революция, по численности в армиях гражданской войны рабочий класс значительно уступал крестьянству, а в тех восстаниях и протестных выступлениях, которые не смогли сменить власть (т.н. «проигравшие революции»), очевидно, что сил одного рабочего класса оказалось недостаточно[372].

Подсчет количества участников протестных акций мало что дает для определения степени угрозы для политической системы, так как целый ряд примеров показывает, что для оказания давления на власть, которое приведет к ее смене, не требуется не только большинство общество среди протестующих, но даже его значительная часть. Якобинцы насчитывали десятками и сотнями, большевиками – тысячами, партизанский отряд Фиделя Кастро составили 20 человек. Даже если на Тахрир в 2011г. вышло 100 тысяч человек, то для населения Египта это составляет менее 0,1%. В событиях на Украине в 2004 и 2014 гг. общее количество вовлеченных по всех стране в активный протест не превышало 1% населения.

Ключевой вопрос в «качестве», под которым здесь следует понимать активность участников протеста и готовность к радикальным формам протеста и возможным последствиям. Еще один важный аспект – это уровень концентрации протестных сил и активностей в столице, так как именно в столице возможно оказать максимальное давление на власть. Третье ключевое условие – апатичность

---

[370] Там же. С. 223-227.
[371] Там же.
[372] Шульц Э.Э. Великая русская революция (1905–1922 гг.): Причины. Последствия. Технологии. События и люди. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 257-270.

большинства населения: неготовность выступить в поддержку власти, стать активной ее социальной базой.

Исследователи отмечают ту особенность, что лидерами современного протеста является средний класс[373]. При общей справедливости вывода, следует акцентировать внимание на том, что средний класс был ядром революционных партий, общественных движений и протестных выступлений и в Русской революции, и в Ноябрьской 1918 г., и в движении национал-социалистов в Германии к власти, и в Кубинской революции.

Современные примеры политического протеста в радикальных и массовых формах демонстрируют доминирование различных городских социальных групп, при этом рабочий класс (в зависимости от определения понятия) чаще всего не составляет значительной доли среди этих групп. В исторических примерах с таким положением дел сталкиваемся во всех революциях, не знавших длительной гражданской войны: Французские революции 1789 г. на этапе с 1789 по 1793 г., 1848–49 гг. и 1871 гг., революция в Германии 1848–49 гг., февральские события в России 1917 г., «бархатные революции» (1989–91 гг.).

Консерватизм и традиционализм мышления крестьянства сказывается на возможностях мобилизации этих социальных групп на политический протест в радикальных и массовых формах. При этом многочисленные исторические прецеденты дают примеры активной мобилизации крестьянства в протестные группы (крестьянские войны XVI–XVII вв., Вандея французской революции, революции на Кубе, в Китае, Вьетнаме, Лаосе, Кампучии и др.). Современные события т.н. «бархатных» и «цветных революций» дают примеры индифферентности к событиям со стороны представителей сельской местности (что опосредовано дало перевес городскому протесту и привело к смене власти)[374].

---

[373] Кагарлицкий Б.Ю. Восстание среднего класса. М., 2012; Тимофеева Л.Н. Современное протестное движение в мире и в России: его состояние и особенности // Конфликтология. 2012. Т. 3. С. 57-58.

[374] См.: Шульц Э.Э. Теория революции: революции и современные цивилизации. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 228-235.

Идея о получении земли, как правило, – основной лозунг и требование крестьянства, однако следует учитывать, что получение земли – это вопрос социальной справедливости для крестьянина, который сочетается и с другими его протестными настроениями: например, против религиозных новшеств, модернизации, урбанизации и т.д. Эта характерная черта протеста крестьянства против нововведений отмечается исследователями[375]. При этом следует понимать, что ориентация бунтовщиков на освященную старину, ностальгия по утраченному образу жизни характерны не только для крестьянства и часто используется как мотивационный стимул группами, ведущими борьбу за новшества и «прогрессивные изменения» в обществе. Возникает парадокс: легитимность нововведений обосновывается «древними обычаями», «утерянными грамотами», «справедливостью» и т.п.

Легитимность является основополагающим фактором социального поведения в проблемах порядка и социального протеста[376]. Сомнение в легитимности власти, претензии к справедливости системы становятся основой протестных настроений. Как отметил Т. Гарр, легитимность правительств является главной детерминантой, будут ли протестные настроения направлены против власти или канализированы в другие активности[377].

Борьба общества и власти заложена в логику развития государства. Как выразил эту мысль Поль Гольбах, владеющие властью стремятся ее расширять, что ведет к тирании[378]. Государство является необходимым институтом, поэтому бунт, как отметил Спиноза, ведет к изменению формы государства, но не полному его исчезновению[379]. Теоретическое построение Маркса и Энгельса предполагало

---

[375] Чеканцева З.А. Порядок и беспорядок: протестующая толпа во Франции между Фрондой и революцией. Изд. 2-ое. М., 2012. С. 151.
[376] См.: Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 636.
[377] Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб., 2005. С. 34.
[378] Гольбах П.А. Естественная политика, или беседы об истинных принципах управления. Т. 1. // Гольбах П.А. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. М., 1963. С. 156.
[379] Спиноза Б. Политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. М., 1957. С. 314.

полное уничтожение политических учреждений, однако это представлялось далеким будущим[380]. Следует отметить, что заложенный в данной концепции подход к революциям, как к прогрессивному явлению, сказался на постепенном изменении отношения к революциям в массовом сознании на позитивное.

Необходимо подчеркнуть, что выступление против власти сопровождается риском для индивида: лишение свободы, потеря здоровья, потеря жизни, а также – угроза нарушения социального порядка, ведущее к потере безопасности на индивидуальном, семейном и групповом уровне. Меньшая степень рефлексии в этих вопросах и возможность перемен в свою пользу (от старших поколений) делают молодые поколения наиболее благодатной почвой для протестных идей и создают высокую долю молодежи в протестных движениях.

Вторая ключевая проблема – легитимность любой власти, заменившей собой предыдущую на волне протестных акций. Признание легитимности политического переворота создает угрозу, поэтому задача новой власти заключается в убеждении населения в нелегитимности дальнейших протестов: со свержением прежней власти акт справедливости реализован, попытки оспорить результаты и протестовать против них являются противозаконными.

Легитимность формируется, с точки зрения Макиавелли, авторитетом и идеологией[381]. Причем, с точки зрения итальянского мыслителя, очевидность блага не является в данном вопросе гарантией успеха, так как «благо» понимается разными людьми по разному и «благо» может не быть очевидным[382].

Разработка проблемы легитимности нашла отражение в трудах Томаса Гоббса, Давида Юма, Франсуа Гизо, Макса Вебера. Общий итог этих размышлений можно свести к выводу, что легитимность формируется на основании давности и

---

[380] Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд.2-ое. Т. 3. М., 1955. С. 378; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. М., 1961. С. 170-171. Подробно см.: Шульц Э.Э. Теория революции Маркса в контексте общественной мысли XIX в. в Европе. С. 39-42.

[381] Макьявелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макьявелли Н. Государь. М., 2012. С. 133.

[382] Там же.

продолжительности (т.е. временной фактор и сила привычки)[383]. Именно время устраняет проблемы нелигитимности власти, захваченной силовым путем. Если что-то вводится впервые, то, легитимность, с точки зрения указанных социальных философов, обеспечивается объемом прав отдающего распоряжения[384] и нравственной законностью, справедливостью и разумностью[385].

Томас Джефферсон писал, что Американской революции не пришлось искать законы в старых документах, в законах полуварварских предков, законы революции были отпечатаны в сердцах граждан[386]. Т.е. при отсутствии освященных временем законов новой власти (новому государству) следовало лишь соотнести свои принципы и законы с собственными понятиями целесообразности. Через два с половиной века мы наблюдаем, что заложенные в основание нового государства положения приобрели силу исторической давности и священности. Любые нововведения в государствах необходимо легитимизировать: они увязываются с устоявшимся традициями или с необходимостью изменений устаревших институтов на новые.

Тирания объявлялась нелегитимной со времен мыслителей Древней Греции. Давность деспотической власти не делает эту власть легитимной[387]. Только хорошее правительство, заботящееся о благе граждан, может считаться законным[388].

Спиноза, например, заявлял, что войны, восстания и нарушение законов лежат на совести дурного состояния верховной власти[389]. Дэвид Юм утверждал, что

---

[383] Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии. С. 544; Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М., 2007. С. 66, 69; Юм Д. О первоначальном договоре // Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1996. С. 664.

[384] Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. М., 2001. С. 159.

[385] Там же. С. 68.

[386] Джефферсон Т. Письмо Д. Картрайту, 5 июня 1824 г. // Американские просветители. Избранные произведения в двух томах. Т. 1 /Сост. Н.М. Гольдберг. М., 1968. С. 142.

[387] Пристли Д. Очерк об основных принципах государственного правления и о природе политической, гражданской и религиозной свободы // Английские материалисты XVIII в. Собрание произведений. В 3-х т. /Под общ. ред. и с примеч. Б. В. Мееровского. Т. 3. М., 1968. С. 24.

[388] Там же. С. 24.

[389] Спиноза Б. Политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. М., 1957. С. 311

государственный строй является хорошим, только если дает средства против плохого управления[390].

Таким образом, легитимность политическому протесту формирует образ борьбы с несправедливым правительством, антинародным и антигосударственным. Эта идея пришла в Новое время из политической мысли Древней Греции. Карл Маркс считал, что революции устанавливают новые правила, что и формирует их легитимность[391]. Вильфредо Парето[392] писал, что легитимность революций создается правом силы, политический переворот нарушает законность[393], но в революциях допустимость действий с точки зрения действующего права уже мало кого волнует[394].

Альбер Камю утверждал, что угнетенные разных эпох и недовольные властью могут расходиться в отношении понимания причин бунта, но точно будут единодушны в признании законности бунта[395].

Однако заявления об изначальной легитимности революций и народных выступлений против несправедливой, деспотичной и слабой власти отнюдь не означают, что протестные движения не предпринимают усилия по легитимизации (для увеличения поддержки масс): вход идут отсылки на исторические примеры, традиции, действующие политические институты (в первую очередь, выборные органы власти). Легитимность обеспечивает основные мотивационные и мобилизационные рычаги, а также жизнеспособность новой власти. Ключевую

---

[390] Юм Д. О том, что политика может стать наукой // Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1996. С. 502.
[391] Маркс К. Буржуазия и контрреволюция // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 6. М., 1957.
[392] Итальянский социолог, 1848–1923 гг.
[393] Парето В. Компендиум по общей социологии. М., 2008. С. 446.
[394] Парето В. Трансформация демократии. М., 2011. С. 55.
[395] Камю А. Человек бунтующий // Камю А. Сочинения в пяти томах. Т. 3. Харьков: Фолио, 1998. С. 76.

роль в этих процессах играет идеология[396], которая становится движущей силой политического протеста или препятствует его возникновению[397].

Идеологией двух первых революций Нового времени – Нидерландах и Англии выступил протестантизм, который дал идейное содержание, мотивацию и легитимность протеста и новой власти. Французская революция выступала под знаменами Просвещения, где идейное содержание и легитимность борьбы с монархом, роялистами и любыми силами, которые провозглашались антиреволюционными, обеспечивали лозунги прав человека на свободу и равноправие. В революции 1917 г. в России мотивационную роль выполнял

---

[396] Понятие «идеология» здесь используется в самом широком смысле: «идеология – система концептуально оформленных представлений и идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики – классов, наций, общества, политических партий, общественных движений – и выступает формой санкционирования или существующего в обществе господства и власти, или радикального их преобразования» (Новая философская энциклопедия в 4-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 2010).

В достаточно широком значении термин используется в политической социологии и политологии: идеология – это «система идей, лежащих в основе и наполняющих социальную и политическую деятельность» (Джери Д., Джери Д. Большой толковый социологический словарь. Том 1. М., 1999. С. 228). «Набор основных идей о жизни и обществе, включающих религиозные или политические взгляды» (Collin P.H. Dictionary of Politics and Government. 3rd ed. London: Bloomsbury Publishing, 2004), «система общих убеждений, которая имеет отношение к социальным действиям, интеграции и социальной стабильности» (The Blackwell Encyclopedia of Sociology /Ed. by George Ritzer. Blackwell Publishing, 2007. P. 2230); «совокупность убеждений, установок и взглядов» (Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. М., 2004. С. 157).

Следует иметь в виду, что существует и более узкое использование термина – так в американской социологии и политических науках науке термин «идеология» «определяется как целостная совокупность убеждений, сфокусированных вокруг нескольких основополагающих ценностей. Примерами идеологии в этом смысле являются коммунизм, фашизм и некоторые разновидности национализма». (Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. М., 2004. С. 157).

Проблемы формирования идеологии, ценностей, исторической памяти как базовой части этой идеологии см.: Багдасарян В.Э., Журавлев В.В., Ларионов А.Э., Федорченко С.Н., Шульц Э.Э. Восприятие советского прошлого в контексте формирования новых идентичностей, войн памяти и образов будущего на постсоветском пространстве. М.: Проспект, 2022; Быков И.А. Политика памяти о Второй мировой войне в социальных медиа // Исторические итоги Второй мировой войны в актуальной повестке современности. М.: Изд-во Московского государственного областного университета, 2020. С. 53-64; Larionov A., Baghdasaryan V., Fedorchenko S., Shults E. Exogenous factors of memory formation about the great soviet era in contemporary Russia // Linguistics and Culture Review. 2021. № 5(S3). URL: https://doi.org/10.21744/lingcure.v5nS3.1830

[397] См.: Шульц Э.Э. Радикальные массовые формы социального протеста и проблемы легитимности // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия “Политология”. 2018. № 2. С. 237-245.

широкий круг идей, включая различные трактовки «марксизма», но «врожденную легитимность» революции (о которой заявлял Маркс) стремились подкрепить авторитетом существующих признанных обществом институтов: Советов и Учредительного собрания, за большинство в которых велась активная борьба, а результаты интерпретировались в свою пользу. Национал-социалисты с 1932 г. получали легитимность благодаря результатам парламентских выборов и законному назначению рейхспрезидентом лидера партии большинства рейхсканцлером. Дальнейшие изменения политической системы нацистами тоже имели основы для легитимизации в массовом сознании. Во-первых, период Веймарской республики – это время регулярных чрезвычайных распоряжений рейхспрезидента, роспусков парламента и прямого президентского правления. Во-вторых, усиление власти и «наведение порядка» изначально имели повышенный запрос среди граждан республики. Кастро видел легитимность свержения Батисты в том, что Батиста – узурпатор, кроме того, при существующей власти страна находится в полуколониальной или даже колониальной зависимости от США.

Бунтовщики нарушают закон, выступая против власти, но делают это во имя справедливости и лучшего общественного порядка. Это противоречие порождает проблемы устойчивости новой власти. Парадокс: революции являются противозаконными пока они не победили, – подметил Лайфорд Эдвардс[398]. Арно Майер подчеркивал, что революционеры использовали идеологию для придания законности своим действиям, а также, в борьбе с политическими оппонентами из революционного лагеря[399]. Каждое новое революционное правительство (реальное или позиционирующее себя революционным) объявляет предыдущую политику неверной, новый курс – единственно верным, а радикальная оппозиция (какой они

---

[398] Edwards L.P. The Natural History of Revolution. 2-nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1970. P. 108.

[399] Mayer A.J. The Furies. Violence and Terror in the French and Russian Revolutions. Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 2000. P. 9.
Манфред Штегер вообще определял идеологию «как всестороннюю систему убеждений составленных соответствующих идей и предъявлений прав на правду» (Steger M.B. The Rise of the Global Imaginary. Political Ideologies from the French Revolution to the Global War on Terror. Oxford University Press, 2008. P. 5).

сами недавно являлись или которая помогла им прийти к власти) объявляется вне закона.

Успешные примеры и результаты давления протеста на власть порождают новые попытки. Каждое приходящее правительство выводит политический протест из поля законности. Как отметил Жозеф де Местр, новая власть признает преступлением даже приведшую их власти революцию, лишь бы обезопаситься от новой революции[400]. А Людвиг Фейербах специально подчеркивал, что люди будут признавать неизбежность изменений и революций, но категорически выступать против их необходимости в современной им истории[401].

Любая власть, как выстраивающая преемственность с прежней властью, так и пришедшая на волне политического переворота, будет ставить революции вне закона и бороться с массовым политическим протестом.

История с признанием и восприятием в Англии своих революций 1640-х – 50-х гг. и 1688 г. («Славная революция») выступает показательным примером: долгое время в изложении английской истории события середины XVII в. просто опускались: не было казни Карла I и «смуты», «реабилитация» событий 1640–50-х годов произошла только во второй половине XIX в.[402]

Этот исторический пример демонстрирует принципы защиты социума от бунтов и смут. С точки зрения Хосе Ортега-и-Гассета, в пропагандируемых традициях и ритуалах создается защитный механизм[403], преемственность противопоставляется революционности.

«Правильная революция» – это та, что привела к власти, сформировала новые элиты и теперь сакрализуется в общественном мнении. Неконтролируемый протест и требования продолжения революции обвиняются в анархизме, бессмысленности, умопомешательстве и «давлении черни». Отсюда отношение англичан к революциям: неприятие буйства бритоголовых и кровопролития 1640-х – 50-х гг. и

---

[400] Местр Ж., де. Рассуждения о Франции. М., 1997. С. 68.
[401] Фейербах Л. Основные положения философии будущего // Фейербах Л. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М., 1995. С. 107.
[402] Савин А.Н. Лекции по истории английской революции. Изд. 2-е. М., 1937. С. 5, 12.
[403] Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002. С. 207.

превозношение «Славной революцией», негатив по отношению к ВФР в общественной мысли и санкционирование интервенции для борьбы с этой революции – на государственном уровне. Тот же принцип определяет «плохую» и «хорошую» революцию в феврале или октябре 1917 г. в России. Противоположное отношение к этим революциям постулировалось в Советский период: власть таким образом выстраивала преемственность с правильной революции, которая добилась предельных результатов и завершила эпоху революций в России.

Понятие легитимности – это особенности восприятия социальной психологии: легитимность определяется представлением о справедливости, а не обязательным соответствием законодательным актам[404]. В массовом сознании должна быть уверенность в устойчивости правительства (способности противостоять попыткам его смены), в силе правительства, его способности решить насущные для общества проблемы.

С помощью вооруженных сил существует возможность сохранять власть или осуществить государственный переворот, но это не обязательно обеспечивает легитимность, для формирования которой может потребоваться время (принцип освященности традициями у Юма, Гизо и Вебера).

Известное высказывание Макиавелли об апелляции к Богу как средству легитимизации новшеств[405] демонстрирует использование высшего божественного авторитета или авторитета истории, традиций и предков («вечно вчерашнего», как называл Макс Вебер[406]).

Эрик Берн (американский психолог) предложил термин «эвегемер» и «эвгемеризация» для определения феномена сакрализации лидеров[407]. Такими эвгемерами Берн считает Христа, Будду, Магомета, «великих королей прошлого».

---

[404] Манфред Штегер, например, определял идеологию «как всестороннюю систему убеждений, составленных из соответствующих идей и предъявлений прав на правду» (Steger, M.B. The Rise of the Global Imaginary. Political Ideologies from the French Revolution to the Global War on Terror. Oxford University Press, 2008. P. 5).

[405] Макьявелли Н. Рассуждения… С. 133.

[406] Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 646-647.

[407] Берн Э. Лидер и группа. М., 2009. С. 91.

Однако такие «первичные лидеры» (как называет их Берн) появляются со значительными событиями в истории. Эвгемерами начинают выступать значимые для данного общества исторические личности, которые становятся «великими предками»: Ричард Львиное сердце, Вильям Уоллес, Жанна Д'Арк и др.

С точки зрения исследуемой темы, эвгемер представляет собой сакрализованный образ, выполняющий определенные функции в социальной психологии радикальных массовых форм политического протеста.

Эвгемеры имеют серьезное значение в легитимизационном процессе: легитимность действий может быть получена в зависимости от представлений социума (или больших социальных групп) об отношении эвгемера (эвгемеров) к таким действиям. Отсылки по легитимизации своих действий противоположных сторон конфликта могут быть к одним и тем же эвгемерам.

Макс Вебер постулировал три принципа формирования легитимности: 1) освящение Историей (авторитет «вечно вчерашнего»), 2) харизма (личный дар лидера), 3) рациональное обоснование[408]. Эвгемеры несут в себе два из трех указанных принципов.

Существенную роль эвгемеры могут играть в мобилизации сторонников. В роли эвгемеров – примеров для подражания в Русской революции выступали деятели Великой Французской революции и лидеры народных восстаний – Степан Разин, Емельян Пугачев и др. В Кубинском примере – борцы за освобождение Латинской Америки. В «цветных революциях» – известные мировые личности, которые ассоциируются с борьбой за демократию. Украинский пример дает резкое расхождение с использованием образов националистов. Частично подобная аналогия прослеживается в ряде событий «арабской весны», где «всплывали» образы радикальных исламистов.

Макс Вебер утверждал, что вера в вождя и обычай формируют основу подчинения масс лидеру (вождю). Веру в вождя формируют определенные персональные качества, которые Вебер назвал «харизмой». Понятие политической

---

[408] Вебер М. Политика как призвание и профессия. С. 646-647.

харизмы стало категорией политологии и политической социологии, и дискуссии о сущности данного понятия идут до сих пор[409]. Принято считать, что понятие «харизматический лидер» имеет широкую смысловую нагрузку[410].

Здесь примем, что харизма – это психологическое влияние на других людей, которое обеспечивает доверие и мотивацию поддержки харизматичного лидера. Харизма обеспечивается внешним видом, поведением, умением формулировать лозунги и идеи, которые будут близки массовому сознанию и выглядеть привлекательно.

Анализ характеристик признанных лидеров, вошедших в историю значительных проявлений политического протеста в радикальных и массовых формах, демонстрирует, что многие из них были вполне обычными людьми в бытовых вопросах и повседневной жизни, имели недостатки с точки зрения распространенных стереотипов свойств и черт характера, требуемых для популярности и оказания влияния на массы.

Робеспьер, судя по воспоминаниям, не был выдающимся оратором, а его антропометрические характеристики и внешний вид не давали оснований «влюблять в себя» людей[411]. Керенский и Ленин тоже были далеки от эталонов красоты: Керенского сильно портил огромный мясистый нос (и он страдал в юности, что не имеет успеха у женщин), а Ленин был маленьким, лысым, с большим лбом и выделяющейся головой и картавил в речи. Современники отмечали у Керенского истеричность во время выступлений, а отсутствие реальной идеологии, конкретных путей решения проблем в выступлениях быстро оттолкнули от него слушателей[412]. Ленина многие современники считали посредственным оратором с той точки зрения, что он не использовал признанные

---

[409] См.: Фреик Н.В. Политическая харизма: обзор зарубежных концепций // Социологическое обозрение. 2001. Том 1. № 1. С. 5-24.
[410] Канфора Л. Демократия. История одной идеологии. СПб., 2012. С. 10.
[411] См.: Манфред А.З. Великая Французская революция. М., 1983. С. 304.
[412] Демьянов А. Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции: в 22 т., изданный И.В. Гессеном. Т.4. Берлин, 1922. С. 71; Федюк В. Керенский. М., 2009. С. 146-147. См.: Шульц Э.Э. Великая русская революция (1905–1922 гг.): Причины. Последствия. Технологии. События и люди. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 283-284.

ораторские приемы, но при этом его речь всегда была структурной, он выявлял конкретные причины проблем и пути их решения[413]. Внешний вид Гитлера тоже оставлял желать лучшего: висящая полувоенная униформа и галифе, нелепые прическа и усики, – при этом в речи фюрер нацистов тоже часто скатывался на истерические ноты[414].

Собственная вера в продвигаемые идеи и действия, огромная решимость в достижении поставленных целей – вот отличительные черты лидера, который способен повести народ. Робеспьера, например, называли пророком, который говорит языком Революции и верит в произносимые слова[415]. Ленина, Гитлера и Кастро отличала искренняя и безграничная вера в пропагандируемые идеи, что и было залогом их влияния на массы.

Макс Вебер подметил одну из важных характерных особенностей харизмы – она может передаваться «по наследству»: например, наследование престола, по божественному праву[416]. Т.е. сам индивид может харизмой и не обладать, харизма может обеспечиваться тем положением, которое человек занимает.

В исторических примерах массового политического протеста в радикальных и массовых формах всегда наблюдаются харизматические лидеры. Современные прецеденты «цветных революций» и особенно «арабской весны» дают примеры отсутствия таких лидеров. Здесь, как представляется срабатывает подмеченная М. Вебером особенность, что представления о харизме переносятся на определенную персону или группу лиц. него.

Применительно к рассматриваемой проблематике, данный эффект выглядит следующим образом. На лидера протеста или лидеров переносятся стереотипные образы борцов народ и за справедливость, которые формируются исторически для

---

[413] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 50-51, 137, 220-221; Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 233; Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 228, 231. См.: Шульц Э.Э. Великая русская революция (1905–1922 гг.). С. 289-290.

[414] Шульц Э.Э. Технологии бунта. (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М.: ПФОП, 2014. С. 364.

[415] Манфред А.З. Великая Французская революция. С. 102.

[416] Weber M. The Routinization of Charisma // Theories of Society. Foundation of Modern Sociological Theory. Vol. II. N.Y.: The Free Press of Glencoe, Inc., 1961. P. 1298.

всех (или почти всех) «лидеров народной борьбы»: вождей восстаний, крестьянских войн, революций. Эти принципы сформировали образы лидеров Американской и Великой французской революции, а затем революций по всему миру. Группа лидеров может рассматриваться как коллективный лидер, на которого так же переносятся такие же стереотипы.

Социальное положение человека оказывает психологическое воздействие на его восприятие: его образ, харизму; – потеря положения может вести к потере такого восприятия. Так, Робеспьер играл огромное влияние на массы, пока был у власти, но как только власть потерял, это влияние исчезло: толпа проклинала его так же, как еще совсем недавно тех, кого он отправлял на гильотину[417].

Феномен утраты привлекательности лидера (его харизматического воздействия) вместе с потерей положения – распространенное явление в исторических примерах; из современных: лидеры социалистических стран в 1989–91 гг., лидеры стран, свергнутые цветными революциями, а затем и сами лидеры «цветных революций» и т.д.

Сверхспособности – не обязательное качество вождя, и это отметил уже Лебон: это может быть вполне обычный человек, у которого, в силу складывающихся обстоятельств (времени, места, событий) некоторые задатки оформляются в отличительные свойства лидера[418]. Мемуары дают возможность заметить, что целый набор данных одних из самых харизматичных лидеров XX века – Ленина и Гитлера – не соответствуют условным стереотипным стандартам, сформировавшимся на восприятии исторических личностей, например, Спартака, Ганнибала, Цезаря и др.[419]. Здесь мы возвращаемся к идее, что харизма лидеров связана не только с масштабом самой личности, ее умениями и способностями, но с восприятием их в массовом сознании, которое опирается на мифы, формируемые

---

[417] Лебон Г. Психология толп // Лебон Г., Тард Г. Психология толп. М., 1998. С. 208.
[418] Лебон Г. Психология толп. С. 28.
[419] См. напр.: Горький А.М. В.И. Ленин // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 10 томах. Т. 3. М., 1989. С. 220-221; Папен Ф., фон. Вице-канцлер Третьего Рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933–1947. М., 2005. С. 259; Сорокин П.А. Бойня: революция 1917 года // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 233; Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 228.

вокруг этих личностей. Легенда, формируемая сторонниками, последователями, современниками, потомками (которая может сильно видоизменяться со временем) выполняет ключевую роль в образе таких вождей.

Легенда не создается, безусловно, на пустом месте: она должна органически сплетаться с самой личностью. Кроме того, существует определенный феномен «соответствия» в массовом сознании: только Давид может победить Голиафа. Победить сильного врага: страшного иноземного захватчика, плохого правителя, голод и нищету, вековую несправедливость и т.д., – может только сильный вождь. Соответственно, чтоб пойти за лидером, его изначально должны представлять сильным (равновеликим или даже сильнее противника), а после победу он тем более предстает великим и сильным, потому что победил сильного и великого противника.

Кроме того, как верно подметил А. Одергон, мы ждем от лидеров подтверждения высшей причинности нашего существования и действий[420]. Лидер создает представление у масс, что знает как, куда и зачем идти («образ Моисея»).

В рассмотренных отдельно исторических примерах Ленин, Гитлер, Кастро и Че Гевара являлись лидерами небольших политических групп, рост которых (и известность лидеров) происходил в ходе активной борьбы за власть. Лидеры «цветных революций» всех редакций предстают «серой массой» в сравнении с историческими примерами Ленина, Троцкого, Кастро, Че Гевары и др. События «цветных революций», особенно в редакции «арабской весны», преподнесли примеры радикальных массовых форм политического протеста без значимых и сильных лидеров во главе протеста в этих событиях. Таким образом, наличие сильного лидера оказывает влияние на массу и силу политического протеста в радикальных и массовых формах, их резистентность к давлению (силовому и коммуникационному), но не обязательно для формирования этого протеста.

---

[420] Одергон А. Война и измененные состояния сознания: по ту сторону обыденного // Историческая психология и социология истории. 2008. №1. С. 124.

Любое сильное проявление протеста базируется на определенной протестной идеологии. Сила и массовость политического протеста в радикальных и массовых формах зависят от степени потенциальной востребованности в обществе используемых идеологических установок.

Первые революции XVI–XVIII вв. несли в себе религиозную идеологию[421]. Великая французская революция была «порождена» идеями Просвещения, но и в этой, вроде бы самой «светской революции» эпохи, постоянно проявлялась религиозность, как движущая сила социальной базы революции[422].

Революция в России, которая заимствовала модели ВФР и базировалась идеологически на философии марксизма, тоже во многом проявляла черты религиозных принципов. Просвещение[423] и марксизм[424] эпохи этих революций в социальной психологии сильно переплетались с религиозными концепциями, часто заменяя их, но не вытесняя окончательно.

В массовом сознании из сложных конструкций религиозных и философских идей формируются (стихийно и/или целенаправленно) простые и понятные идеи-лозунги, на которых строится протестный мотивационный механизм.

Первый пласт базовых идей-конструкций – это построение более совершенного общества. Мечта о таком обществе прослеживается на протяжении всей истории человечества, что гарантировало не только регулярное появление и

---

[421] Барг М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991. С. 81; История Европы. Т. 4. Европа Нового времени (XVII–XVIII века). М., 1994. С. 19; Лавровский В.М., Барг М.А. Английская буржуазная революция. Некоторые проблемы английской буржуазной революции 40-х годов XVII века. М., 1958. С. 144; Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 22. М., 1962. С. 308.

[422] См.: Бачко Б. Как выйти из террора? Термидор и революция. М., 2006. С. 59; История Европы. Т. 5. От Французской революции конца XVIII века до первой мировой войны. М., 2000. С. 80-81; Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. М., 2006. С. 311, 313; Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб., 2008. С. 21-22; Cassels A. Ideology and International Relations in the Modern World. London and New York, 2003. P. 7.

[423] Антуан-Луи-Клод Дестют де Траси, который считается первым, кто ввел термин «идеология», считал, что идеология стала итогом Просвещения (Дестют де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. М., 2013. С. 14).

[424] Как база для социалистической и коммунистической идеологий и ряда других (анархизм, маоизм).

популярность утопических идей, но и стало порождать идеи активной борьбы за такое создание такого общества[425].

Пример марксизма наглядно демонстрирует особенности социальной психологии в формировании протестной идеологии. Марксизм дал рабочему классу (и всем эксплуатируемым и обездоленным) мессианскую идею нового общества справедливости и полного равноправия – коммунистическое общество – и стал одной из самых популярных платформ для идеологической базы протестных движений: от левоцентристских до леворадикального толка[426].

Идеи совершенного общества и переноса его принципов в практическую реализацию являлись структурообразующей основой идеологии протеста XVI–XIX вв.: от утопий Кампанеллы и Мора до коммунистических теорий[427]. Идеи марксизма со своей научно обоснованной утопией смогли вымести другие социальные утопии, что и сделало марксизм (в различных его трактовках и интерпретациях) доминирующей идеологией XX в. для социального протеста.

Религиозные принципы или постулаты философских учений не дают исчерпывающую картину основных принципов мотивации в политическом протесте в радикальных и массовых формах, обеспечивающие мобилизацию различных социальных групп. Так, например, процессы объединения Германии и Италии во второй половине XIX в. базировались на широкой поддержке масс, в том числе на протестных настроениях против раздробленности страны, ее зависимости от иноземных властителей. Здесь проявляются принципы национальной

---

[425] Подробно см.: Шульц Э.Э. Социальная утопия как идеология социального протеста // European Social Science Journal. 2013. № 8-2 (35). С. 496-507.

[426] Подробно см.: Шульц Э.Э. Социальная утопия…; Он же. Теория революции Маркса в контексте общественной мысли XIX в. в Европе // Вопросы управления. 2014. № 2. С. 39-42.

[427] Энгельс относил к движениям с подобной идеологией движение Томаса Мюнцера, Крестьянской войны в Германии, левеллеров в Английской революции, Бабёфа – в Великой французской революции. «Эти революционные вооруженные выступления еще не созревшего класса сопровождались соответствующими теоретическими выступлениями; таковы в XVI и XVII веках утопические изображения идеального общественного строя, а в XVIII веке – уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли)». (Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 20. М., 1961. С. 18).

самоидентификации и национальной свободы, что подводит нас к проблеме «национализма», как одной из базовых конструкций протестной идеологии.

Проблема национализма как явления и как понятия достаточно дискуссионны в общественных науках[428]. Не претендуя на новое слово в данных дискуссиях, здесь мы используем понятие в достаточно широком смысле, где ключевым является отличие и противопоставление по принципу «Мы–они»[429].

Принципы национализма и, одновременно, интернационализма формируют часть базовых принципов идеологии протеста.

«Интернационализм», как используемое понятие, представляет собой несколько семантических прочтений. В противопоставление национализму, подразумевается равенство, мирное сосуществование и сотрудничество народов. В более узком смысле имеется в виду борьба рабочего класса с национальной буржуазией. В современном прочтении интернационализм связан с процессами глобализации и информационного общества. Эта интернационализация отличается проникновением общегуманитарных и цивилизационных в социальное мышление, культуру, политику. Но это мышление связано и со сравнительными ориентирами моделей развития и положения различных социальных групп в т.н. развитых странах (уровень дохода, благосостояние, рабочая нагрузка и т.д.)

Национализм в рассматриваемой смысловой нагрузке являлся системообразующим фактором идеологии многих революций XVII–XX вв.[430] В Русской революции национальный вопрос играл существенную роль, причем, как

---

[428] См.: Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. и др. Нации и национализм. М., 2002; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; Гринфельд Л. Национализм: Пять путей к современности. М., 2008; Иорданский В.Б. Противоречивая природа национализма // Полис. 2011. № 6. С. 160-169; Кузнецов А.М. Этническое и национальное в политологическом дискурсе // Полис. 2007. № 6. С. 9-23; Мнацаканян М.О. Национализм: идеальный тип и формы проявлений // Полис. 2007. № 6. С. 24-35.

[429] Сюда относятся и культурно-исторические особенности, которые, по мнению населения, выделяют среди других народов, и проявления национализма на бытовом уровне, которые характерны даже в среде самых демократичных и толерантных слоев населения и даже в самых благополучных странах.

[430] История Европы. Т. 5. С. 295; Шульц Э.Э. Технологии бунта. С. 374-375.

на уровне России, так и национальных окраин, сформировавших собственные государства в ходе этой революции.

Ленин постоянно подчеркивал, что Россия борется с властью иностранного капитала и полуколониальной зависимостью от стран Западной Европы. Идея национальной свободы (от условий Версальского мира и иностранного диктата) стала одной из ключевых в получении национал-социалистами существующих протестных голосов Веймарской республики, а затем и избирателей, перемещающихся в «лагерь протеста». При этом в практике Национал-социалистической рабочей партии присутствовали принципы интернационализма: например, «фашистский интернационал» в противостоянии общим врагам (коммунизму, иудаизму, загниванию запада и т.д.[431]

Национальная независимость стала главным принципом, как минимум, всех национально-освободительных революций в истории и событий т.н. «бархатных революций» 1989–91 гг.[432]

События на Украине конца 2003 – начала 2004 г. и 2014 г., многие примеры «арабской весны» 2011 г. продемонстрировали мотивационные возможности в организации радикальных форм массового политического протеста: так, например, лозунги «демократии» и «свободы» выступили ширмой для националистических идей на Украине, племенных и клановых конфликтов в Ливии и Сирии.

Процессы интернационализации, идущие с т.н. глобализацией ведут к стиранию границ, повышению влияния событий в одном государстве на социальные и политические процессы в других государствах. Различные социальные конфликты, в том числе в формах гражданских и религиозных войн и революций приобрели свойства трансграничности.

Условия жизни в других странах, которые по какому-либо выбранному принципу признаются лучшими (уровень благосостояния граждан, демократии, развития науки, техники и др., успешности на внешней арене и т.д.), приобретают

---

[431] Гриффин Р. Фашизм // Полис. 2012. № 3. С. 141.
[432] Шульц Э.Э. Теория революции: революции и современные цивилизации. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 134-135, 141-143.

эталонность и пропагандируются как ориентир развития собственного государства и общества. Ориентир на выдуманные государства и социумы – Утопии – является одним из древнейших феноменов, Новое время и особенно Новейшее время привнесли ориентир на модели развития конкретных стран, при этом создаваемые образы (благополучия, путей и закономерностей развития этих стран, которые необходимо повторить и перенять, образ жизни) могут не соответствовать историческим реалиям этих стран.

Интернационализм проявлялся в стремлении к лучшим мировым образцам (т.е. сравнении с условиями своего государства с другими), как они могли представляться различных социальным группам и индивидам. Кроме того, целый ряд революций XX в. и протестных движений, которые не переросли в революции, использовали идею интернационализма рабочего класса, сформулированную марксизмом.

Если обратить внимание на принципы пролетарского интернационализма, которые выдвигает Ленин, то для него чувство национальной гордости для великороссов заключается в том, чтобы создать *свободную, независимую, самостоятельную, демократическую Великороссию, основанную на принципах равенства, а не привилегий*[433]. Великая нация и патриотизм для Ленина – это построить передовую державу, что, с его точки зрения, возможно только через революцию и через более прогрессивный общественный строй. Серьезным примером и ориентиром для революционеров (в том числе и Ленина) выступали США – наиболее развитое и передовое государство, – где из различных народов и наций формировалась новая нация и передовые институты и где идеи интернационализма и национализма дали основу новой идеологии.

Таким образом, национализм в широком понятийном осмыслении представляется одним из самых эффективных мотивационных рычагов в организации массового политического протеста. Определенный набор смыслов,

---

[433] Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 26. М., 1969. С. 107-108.

вкладываемых в понятие интернационализм, также выступает сильным мотивирующим фактором, при этом различные принципы интернационализма часто не противоречат «национализму», могут выступать совместно и в сочетании давать достаточно сильную идеологическую базу протеста. Исторические примеры таких случаев наблюдаются в протестной поддержке большевиков (пролетарский интернационализм и национальное самоопределение), политике нацистов (национализм вкупе с идеей «фашистского интернационала»), в идеях Кубинской революции (интернационализм и самоопределение Кубы), «цветных революций» (ориентация на развитые страны, но в сочетании с местным национализмом: Украина, Грузия и др.), «арабской весны» (идеи преодоления отсталости от уровня развитых стран, солидарности «с братскими арабскими странами», религиозный радикализм и арабский национализм).

Анализ большого количества проявлений массового политического протеста в радикальных формах позволяет уверенно говорить о четырех базовых компонентах стабильности власти в противовес генезису протеста: 1) легитимность; 2) потенциал политического протеста в стране; 3) наличие сил и обстоятельств, способных перевести этот протест в массовые и радикальные формы; 4) способность власти защищаться (применение силы, удовлетворение требований, канализирование протеста).

2.2. Причины возникновения и радикализации политического протеста

Кризисное состояние экономики с исследователей XIX в. стало приоритетным кандидатом на причины революций и бунтов[434]. В комплексе экономических причин рассматривался непреодолимый кризис экономической системы в целом, закономерность циклического проявления кризисов в экономике, отдельные кризисные проявления в экономике, которые вели к социальной напряженности и протестным взрывам[435].

Экономические отношения зависят от представлений общества, поэтому дилемма: экономика ли детерминирует индивидуальное и общественное поведение или сама определяется социальным поведением, – остается нерешенной. В пользу последнего говорят признанные выводы М. Вебера о том, что особенности социальной психологии повлияли на зарождение и развитие капитализма. В пользу последнего говорят и различия экономических систем и отношений в мире в зависимости от культурных и цивилизационных особенностей. Но экономизм настолько востребован массовым сознанием в качестве основы для объяснения любых событий и явлений, что сохраняет лидирующие позиции.

Уход «чистой экономики» больше в сферу явлений революций и на вторые роли в поиске причин массового политического протеста в радикальных формах подтолкнул исследователей к поиску таких причин в комбинированных условиях.

Одним из таких «комбинированных условий» стала концепция Джеймса Дэвиса («кривая Дэвиса», J-Curve), гласящая, что революции (а сюда американский социолог относил все сильные протестные проявления) происходят тогда, когда

---

[434] Семенов Ю.И. Карл Юлиус Белох и его «Греческая история» // Белох Ю. Греческая история. В 2 т. 3-е изд. /Под ред. и со вступ. ст. Ю.И. Семенова. М., 2009. С. 4-5; Millar J. The Origin of the Distinction of Ranks. Basil: J.J. Tourneisen, 1793.

[435] Блос В. Французская революция. СПб., 1906. С. 26; Гринин Л.Е. Психология экономических кризисов // Историческая психология и социология истории. 2009. № 2. С. 75–76; Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. Т. 1. М., 1977. С. 63, 193; Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 13. М., 1959. С. 6-7; Спенсер Г. Личность и государство. Челябинск, 2007. С. 69, 189. См.: Шульц Э.Э. Причины возникновения радикальных форм социального протеста (историографический обзор) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 2. С. 40-51.

период подъема, внушивший людям надежды, сменяется резким упадком[436]. То есть, протест вызывается повысившимися требованиями к жизни, а не отчаянием бедности. Данный принцип стал продолжением ряда заключений Фрэнсиса Бэкона, Алекса Токвиля и Лайфорда Эдвардса, однако эти авторы не ставили его во главу угла, отмечая как особенность, которая часто проявляется в социальной психологии[437].

Исторические примеры свидетельствуют, что не каждый экономический кризис, снижение благосостояния и неурожайный год вели к массовому политическому протесту, тем более – в радикальных формах, что говорит о том, что они не являются универсальными причинами для этого явления.

Попытки решить эту проблему привели к повышенному вниманию к вариациям принципов т.н. «Мальтузианской ловушки».

Принцип мальтузианской ловушки стал одной из социально-экономических моделей для т.н. доиндустриальных обществ: рост населения обгоняет рост производства продуктов питания, поэтому в долгосрочной перспективе не происходит ни роста производства продуктов питания на душу населения, ни улучшения условий существования большинства населения[438]. Данная модель является исторически спорной, и это отмечалось и историками, и экономистами[439], однако ее принципы взяты на вооружение для объяснения возникновения

---

[436] Davies J. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. 1962. 27. P. 5-19.

[437] Бэкон Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения в 2-х томах. 2-е изд. Т. 2. М., 1978. С. 383; Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб., 2008. С. 31; Edwards L.P. The Natural History of Revolution. 2-nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1970. P. 35-36.

[438] Имя английского экономиста начала XIX в. Томаса Мальтуса вошло в историю с названием принципа, в основе которого лежит зависимость уровня населения от производительных возможностей территории (страны) (Мальтус Т.-Р. Опыт закона о народонаселении. М., 1895; Malthus T.R. An Essay on the Principle of Population, or a View of its Past and Present Effects on Human Happiness; with an inquiry into our prospects respecting the future removal or mitigation of the evils which it occasions. A new edition, very much enlarged. London: printed for J. Johnson by T. Benson, 1803).

[439] См.: Шульц Э.Э. Технологии бунта. (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М., 2014. С. 388-395; Crouzet F. A history of the European economy, 1000-2000. Charlottesville – London: The University Press of Virginia, 2001. P. 87.

политического протеста в радикальных и массовых формах и стали весьма популярны в последнее десятилетие XX – первые десятилетия XXI в.[440].

Связан с принципом мальтузианской ловушки и принцип демографического фактора. Уже Жан Жорес в начале XX в. всерьез рассматривал демографический рост, как фактор, повлиявший на зарождение Великой Французской революции[441]. Джек Голдстоун выдвинул этот принцип в качестве основной причины радикальных массовых форм политического протеста[442], положив в основание концепцию «мальтузианской ловушки» и идеи немецкого историка экономики Вильгельма Абеля, который выделял существование исторических демографических циклов Европы, когда рост населения вел к росту цен и снижению заработной платы, а уменьшение населения – к обратным процессам[443].

Джек Голдстоун считает, что периоды революций и значимых народных выступлений (восстаний, крестьянских войн и т.д.) напрямую связаны с волнами демографического роста. Так, первая такая волна в Новом времени дала Нидерландскую и Английскую революции; вторая волна – с 1770 по 1850 гг. – привела к французским революциям, революциям в Европе 1848–49 гг., крестьянской войне Пугачева в России и т.д.; а период 1660–1760 гг., когда демографическая ситуация ухудшалась, отметился в истории лишь некоторыми малозначимыми социальными выступлениями[444]. Что касается периода Нового времени, то Голдстоун считал, что аграрные государства не могли справиться с

---

[440] См.: Гринин Л.Е., Малков С.Ю., Гусев В.А., Коротаев А.В. Некоторые возможные направления развития теории социально-демографических циклов и математические модели выхода из мальтузианской ловушки // История и Математика: процессы и модели /Ред. С.Ю. Малков, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 134-210; Turchin P., Korotayev A. Population Dynamics and Internal Warfare: A Reconsideration // Social Evolution & History. 2006. № 5 (2). P. 112-147.

[441] Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. Т. 1. С. 63, 193.

[442] Goldstone J.A. Revolution and rebellion… P. 2-3, 27, 31, 419-421; Goldstone J. The New Population Bomb: The Four Megatrends that will Change the World // Foreign Affairs. 2010. Vol. 89. №. 1. P. 31.

[443] Abel W. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1935. Англоязычное издание: Abel W. Agricultural Fluctuations in Europe. From the Thirteenth to the Twentieth Centuries. Routledge, 2013.

[444] Goldstone J.A. Revolution and rebellion in the early modern world. Berkeley: University of California Press, 1991. P. 2-3.

постоянным ростом населения: уровень населения превышал плодородие земли, что и вело к социальным возмущениям[445].

Необходимо понимать, что, как справедливо отметил Франсуа Крузэ, на сегодняшний день нет полностью удовлетворяющей теории развития для доиндустриальных экономических систем, а мальтузианская модель выступает одной из таких моделей, которая получила популярность на определенном отрезке исторического развития[446].

Исторические примеры позволяют усомниться в принципе «мальтузианской ловушки»[447].

Сам по себе рост населения не ведет автоматически к взрывам социального протеста. Очевидность этого факта, в конце концов, привела Д. Голдстоуна к предположениям, что для того, чтобы понять причинную структуру и природу государственных кризисов необходимо ответить на вопрос, влиял ли демографический рост на рост цен, затрагивали ли эти изменения государственные доходы, доход и условия занятости населения в целом[448]? Рост населения действительно может вести к росту цен на продовольствие (и товары), но к этому ведут и неурожайные годы, и процесс инфляции – на таких длительных временных промежутках, которые рассматриваются для подтверждения выводов Голдстоуна, этот процесс является закономерным явлением даже вне зависимости от роста или убыли населения. Рост цен и особенно проблемы казны исторически чаще всего были вызваны иными факторами и событиями: войны, расточительность и неразумная политика, – причем эти проблемы могли доставаться по наследству правителям, при которых случались революции[449].

Кроме проблем с логикой исторического развития, следует отметить и противоречия с формальной логикой. Во-первых, необходимо отметить

---

[445] Goldstone J.A. Revolution and rebellion… P. 2-3, 27, 31, 419-421.
[446] Crouzet F. A History of the European Economy, 1000–2000. Charlottesville – London: The University Press of Virginia, 2001. P. 87.
[447] Шульц Э.Э. Технологии бунта. С. 38Crouzet F. Op. cit. P. 10, 88, 92-93.
[448] Goldstone J.A. Revolution and rebellion… P. 27, 31.
[449] См. напр.: Токвиль А. Старый порядок и революция. С. 151.

изначальный конфликт, заложенный в причинно-следственную связь этих трех рассматриваемых теорий: если некая причина вызывает явление, то явление должно упразднять причину, иначе эта причина должна вызывать это явление снова и снова. Ни один радикальный массовый протест не упраздняет «мальтузианскую ловушку» и «принцип Дэвиса» – в результате противостояния чаще дела в экономике ухудшаются, что, по логике, должно снова вызывать волны протеста. Существенные демографические потери, которые могли бы снизить давление на общество и власть и упразднить причину возмущений, происходили в считанном количестве проявлений радикальных массовых форм политического протеста, и их точно не происходило в упомянутых «бархатных», «цветных» и «арабских революциях». Если «демография» давит на экономику и социальную систему и порождает политический протест в радикальных и массовых формах, то противостояние в обществе должно продолжаться до тех пор, пока количество населения не уменьшится настолько, чтобы снова повысить уровень материального благосостояния на душу оставшегося населения. Однако такие масштабные и продолжительные смуты (которые способны были унести такое количество населения) приводят к полному упадку экономики, что должно было бы вызывать еще большее недовольство и новые протестные выступления, но такое развитие событий невозможно даже теоретически и на практике никогда не встречалось.

Во-вторых, анализ всех значимых проявлений политического протеста в радикальных и массовых формах – от крестьянских войн XV в. и революций XVII в. до сегодняшнего дня – показывает, что экономические кризисы, «мальтузианская ловушка», «демографический фактор», «принцип Дэвиса» могли наличествовать, но не вызывали взрыв протеста в обществе и не наличествовали во всех таких проявлениях[450]. И если первое говорит о том, что им могли требоваться сопутствующие факторы, без которых они не могли вызвать этот протест, то второе – о том, что они не могут рассматриваться, как причины этого явления.

---

[450] Шульц Э.Э. Теория революции: революции и современные цивилизации. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 171-181; Шульц Э.Э. Технологии управления радикальными массовыми формами социального протеста в политической борьбе. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 90-99.

В-третьих, проявления радикальных массовых форм политического протеста в самых развитых странах, к которым не применим принцип мальтузианской ловушки (в любой ее модификации[451]), где не наличествовал на тот момент ни «принцип Дэвиса», ни условия структурно-демографической концепции Голдстоуна, только подтверждают эти выводы. (В первую очередь речь идет о студенческих демонстрациях 9 декабря 2010 г. в Лондоне, беспорядках 6-11 августа 2011 г. в Англии, протестах и беспорядках в американском Фергюсоне с 9 августа по 2 декабря 2014 г., протесте антиглобалистов в Гамбурге 8-9 июля 2017 г.).

Здесь важно понимать, что к протесту ведет ухудшение материального положения само по себе, а связывание этой ситуации с действиями (или бездействием) власти и отсутствие уверенности в способности действующего правительства совершить положительные изменения. Периоды ухудшения экономической ситуации могут выступать триггером, могут создавать базу потенциальную базу недовольных для протеста, но трансформация этого недовольства или протеста в радикальные и массовые формы потребует обязательных условий: определенных представлений в массовом сознании и наличия групп, нацеленных на использование радикальных массовых форм протеста в политических целях.

Анализ исторических и современных примеров позволяют прийти к выводу, что тяжелое экономическое положение, падение уровня благосостояния и близкие к этим процессам факторы не дают значимой активизации протестных выступлений, если в стране нет групп, которые видят потенциал использования данного протеста в политической борьбе и способны на управленческие действия.

С позиции изучения политического протеста в радикальных и массовых формах и технологий управления этим протестом, события в 2010 и 2011 гг. в Англии, в 2011 г. в Египте, в 2004 и 2014 гг. на Украине, в 2017 г. в Германии, в

---

[451] Например, выдвигаемые исследователями концепции «мальтузианско-марксовой» или «мальтузианско-урбанистской ловушки», которые, в отличие от классической мальтузианской ловушки, характерны не для доиндустриальных, а для индустриализующихся стран (см.: Гринин Л.Е. Мальтузианско-марксова «ловушка» и русские революции // О причинах русской революции /Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М., 2010. С. 214, 216.

США 2014 г., 2017 г. и 2020 г.[452] обладают одними и теми же закономерностями. Протестные настроения направляются в политический протест с массовыми акциями, переходящими в радикальные формы и используются заинтересованными для достижения политических целей. Принципиальное отличие от Украины и Египта других указанных стран заключаются в том, что в них для серьезного социального противостояния нет достаточной питательной среды. Причины того, что этот протест не получает дальнейшего увеличения массовости и радикализации, следует искать в представлениях населения о высоком уровне демократии и благосостояния в обществе этих стран.

Анализ большого количества радикальных массовых форм политического протеста дает основания заключить, что существуют два условия выплеска социального протеста в радикальные массовые формы, которые можно проследить с каждым разом в этом явлении, что и делает их ключевыми. Это присутствие общих идей и лозунгов для протеста, релевантность которых захватывает большие социальные группы (идеология) и наличие групп, стремящихся использовать выплеск протестных настроений в достижении политических целей.

В прогнозировании политического протеста в радикальных и массовых формах необходимо принимать во внимание потенциал протестной идеологии в социуме (возможности которой будут усиливаться при наличии политических, социальных и экономических факторов риска), и групп, которые могут расценивать протестные выступления как средство достижения собственных политических целей. Степень радикальности и массовости выступлений, успешности в

---

[452] Протесты антиглобалистов в Гамбурге 8-9 июля 2017 г., перешедшие погромы и столкновения с силами правопорядка. Студенческие демонстрации 9 декабря 2010 г. в Лондоне, беспорядки 6-11 августа 2011 г. в Англии, протест и беспорядки в Фергюсоне (США) с 9 августа по 2 декабря 2014 г. Достаточно близко по уровню к этим событиям подошли протесты января-февраля 2017 г. против президента Трампа и во Франции в мае 2017 г. против обоих кандидатов в президенты, вышедших во второй тур голосования. Однако в случае с США протесты не перешли грань в радикальности, а во Франции протест нес радикальные формы, но не был особо массовым.
См.: Шульц Э.Э. Протестные акции антиглобалистов в Гамбурге в контексте причин радикальных массовых форм социального протеста // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017. Т. 13. № 3. С. 71-80; Шульц Э.Э. Современные протестные акции в развитых странах как форма радикальной мобилизации // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 3(54). С. 100-112.

достижении декларируемых целей будет коррелировать со степенью прочности власти и ее резистентности к политическому протесту в радикальных и массовых формах: идеология (продвижение ценностей), социальная поддержка власти, возможности купировать протест с помощью силы и уступок.

Наши рассуждения подталкивают к заключениям, что причины возникновения радикальных массовых форм политического протеста лежат в области социальной психологии, и именно это и делает этот протест восприимчивым к направленным коммуникационным воздействиям. Первенство социально-психологических причин, а не экономических и демографических факторов в генезисе политического протеста в радикальных и массовых формах позволяет понять, почему люди в отстаивании своих прав и взглядов готовы смириться с материальными потерями, снижением уровня жизни и даже риском физических повреждений и смерти.

Протест, имеющий в своей основе экономические требования, редко приобретает радикальные формы. Даже т.н. всеобщие забастовки переходят в состояние серьезного протеста, только политизируясь, добавляя (или подменяя) к экономическим требованиям политические. Кроме того, следует отметить, что корни такого «экономического протеста» лежат в сфере представлений о справедливости: справедливой заработной плате, справедливой поддержке государством различных социальных групп и т.д. Выступления крестьянства «за землю» тоже относятся к такой категории психологических понятий. Для крестьянства земля – это не просто средство производства, это целый комплекс психологических установок, включающих в первую очередь и понятие справедливого владения землей тем, кто ее обрабатывает.

Следует учесть, что и реальный высокий уровень благосостояния в государстве не обеспечивает безопасность против политического протеста в радикальных и массовых формах. Наоборот, решив материальные проблемы, люди больше стремятся к таким понятиям, как свобода, личное достоинство, которые проецируются и на доступ к власти. Даже если экономические условия являются внешним лозунгом или первичным стимулом радикальных массовых форм

политического протеста, то протест может быть нейтрализован и за счет выполнения других требований массовой психологии, например, национальной идеи и др.

Египетские «революционеры» 2011 г. рассчитывали, по их словам, вернуть в страну десятки миллиардов долларов, выведенных за рубеж коррупционерами[453]. События начала 2014 г. на Украине одним из главных лозунгов несли борьбу с коррупцией и расследование трат действующего президента. Это, с одной стороны, наивная вера масс в сказочные средства: скрываемая грамота о воле или земле для крестьян, существование где-то – и возможность их получить (чаще – еще и поделить) – больших средств, перенос причинности из обыденности с ее экономическими кризисами и возможностями государства в сферу решения всех проблем благосостояния одним действием. С другой стороны, это популистские лозунги, в силу указанных особенностей массового сознания действующие на протяжении всей истории цивилизаций. Наличие силы, разыгрывающей эти лозунги в политических целях, является определяющим в разогревании протеста, так как само представление массового сознания возникает вновь и вновь с каждым неблагополучным периодом истории.

Безысходность и бесперспективность – достаточно сильный двигатель в этом вопросе. Недаром Маркс подметил, что пролетариату нечего терять, кроме своих цепей, – это и есть безысходность и бесперспективность, а перспективу и светлое будущее можно только завоевать кровью на баррикадах революции. Безнадежность и бесперспективность могут вызывать протест, как из чувства гордости, достоинства и т.п., так и из чувства страха. На том, что надежда и страх являются двумя двигателями бунта, настаивали два крупнейших социальных философа Нового времени – Фрэнсис Бэкон и Томас Гоббс[454]. Страх наказания и последствий является сдерживающим фактором проявления протеста, но если этот порог

---

[453] См. интервью: Васильев А.М., Петров Н.И. Рецепты арабской весны: русская версия. М., 2012. С. 26.

[454] Бэкон Ф. Опыты… С. 383; Гоббс Т. Основ философии. Часть третья. О гражданине // Гоббс Т. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1989. С. 327.

преодолен (перевешивание других мотивов), то страх выступает удерживающей силой внутри протестного движения. Чувство страха больше ведет к агрессивным действиям[455], и этот комплекс может рассматриваться с точки зрения чрезмерной и неоправданной агрессии и жестокости в период революций, гражданских войн и других крайних форм социального противостояния.

«Революции не происходят тогда, когда репрессированный класс находится в состоянии полной нищеты и страдания, – писал Л. Эдвардс. – Революции происходят после того, как на протяжении продолжительного времени благосостояние репрессированного класса растет»[456]. Т.е. протест вызывается не столько отчаянием, на чем настаивают марксизм и сходные теории депривации, сколько повысившимися требованиями к жизни.

«Богатые вредны не тем, что они богаты, а тем, что заставляют бедных чувствовать свою бедность. От уничтожения богатых бедные не сделаются богаче, но станут чувствовать себя менее бедными. Этот вопрос не политической экономии, а полицейского права, т.е. народной психологии»[457], – писал великий русский историк В.О. Ключевский. Первичным принципом является сравнение с окружением: соседями, представителями той же социальной группы, класса, представителями других социальных групп. Интернационализация привела к сравнениям с другими странами, в том числе с наиболее развитыми. Так, доходы рабочих в дореволюционной России были достаточно высокими, однако интеллигенция навязывала сравнения с рабочими Германии, Англии и США, и здесь русский рабочий, безусловно, проигрывал. Протестующие в Египте в 2011 г. считали оскорбительным низкий уровень своих доходов в сравнении с богатыми арабскими странами и развитыми западными державами. Однако низкий уровень доходов кубинцев, особенно в сравнении с соседними странами и туристами, не

---

[455] См.: Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб., 2005. С. 13.

[456] Эдвардс Л. Естественная история революции // Социологический журнал. 2005. №1. С. 111; Edwards L.P. The Natural History of Revolution. 2-nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1970. P. 36.

[457] Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. IX. М., 1990. С. 394.

вызывал антикастровского движения. Это говорит о том, что здесь действуют и другие принципы.

«Демографический взрыв, урбанизация, улучшение условий жизни и повышение уровня образования ведут к повышенным ожиданиям»[458]. Когда эти ожидания не оправдываются, происходит фрустрация и накопление протестных настроений. Ожидания формируются не только «внутренней обстановкой» – сравнением с достатком и возможностями богатых и облеченных властью соотечественников, – но и внешней средой – как живут в других странах. Причем характерная черта массовой психологии Новейшего времени: население сравнивает уровень своей жизни не со странами своего уровня, а с экономически развитыми странами. Так, например, Россия к 1917 г. была «отсталой страной» только по сравнению с США, Англией, Германией и Францией, точно опережала все страны Азии, Африки, Латинской Америки. Та же картина была и в 1985 г. – год начала Перестройки и будущих революций 1989–1991 гг.: СССР на 1985 г. уступал развитым странам с точки зрения доходов на душу населения и возможности товарного обеспечения, но был вполне конкурентен с точки зрения социальных программ (образование, медицина, пенсии, пособия).

Куба считается страной экономически отсталой и неспособной обеспечить население необходимым количеством промышленных товаров. Это становится базой формирующегося социального протеста, который поменяет кубинскую политику и вектор развития рано или поздно. Но на Кубе сегодня самый высокий уровень медицины и образования в регионе и их доступности всему населению. В сравнении с 1959 годом Куба решила проблему обеспечения населения продовольствием и избавилась от положения полуколониальной страны. Уровень обеспеченности населения Кубы необходимо сравнивать с т.н. странами третьего мира, в сравнении с многими из которых житель Кубы выигрывает.

Подобная особенность психологии и мировоззрения сказывается во всех сильных массовых протестных движениях XX–XXI вв. Так, протестующие в

---

[458] Грациози А. Война и революция в Европе 1905–1956. М., 2005. С. 263.

странах «арабской весны» не рассуждали, что живут лучше, чем остальная Африка (за исключением нескольких богатых нефтяных стран вроде Омана) и большинство стран Юго-Восточной Азии, а сравнивали свой уровень жизни с европейскими странами и США.

Сравнительно-оценочный подход к своему положению приводит к формированию протестных настроений в случае, если это положение хуже, чем в сравниваемой релевантной категории. В случае, когда в обществе сильны установки идей достижений и роста через труд и затрачиваемые усилия, и этот рост вполне реален, этот субъект чаще всего будет стараться (или воображать эти старания и усилия) «вырасти» до следующего уровня. Если в обществе такие установки отсутствуют или слабы, или на таком пути встречается огромное количество препон, а сам путь кажется невозможным, то активная часть населения выступит с серьезными протестными акциями. Именно этот комплекс причин – ограничение доступа к общим символам успеха – Роберт Мертон клал в основу антисоциального поведения[459]. Другой причиной, по мнению американского социолога, является чрезмерное психологическое давление, которое образуется в силу излишнего превознесения цели (символов успеха), что ведет к принципу «цель оправдывает средства»[460]. В нашем случае речь будет идти о попытках получить недостижимые цели через политический протест в радикальных и массовых формах и социальные потрясения.

Томас Гоббс, на наш взгляд, дал основу двум самым популярным во второй половине XX в. течениям в поисках причин возникновения протеста: теория относительной депривации и теория рационального выбора. К бунту ведет недовольство людей (discontent), полагал Т. Гоббс: пока человек считает, что у него все в порядке, а существующая власть не стоит у него на пути от состояния «хорошо» к состоянию «еще лучше», люди не стремятся к переменам[461]. Однако

---

[459] Мертон Р. Вызов Демонов антисоциального поведения // Кризис сознания. М., 2009. С. 36-37.
[460] Там же. С. 38.
[461] Hobbes T. De Corpore Politico, or the Elements // Hobbes T. The English Works of Thomas Hobbes of Malmesbury /Ed. by Sir William Molesworth, Bart. Vol. IV. London: John Bohn, 1840. P. 200.

такой подход позволяет видеть в любых действиях властей, препятствующих представлениям индивида или групп об улучшении их жизни, причины радикальных массовых форм политического протеста, а это не так: сюда не должны включаться пути, которые общество признает криминальными, и система обложения государством доходов граждан, если большинство общества считает их справедливыми или близкими к такому состоянию. Такой подход слишком генерализован и неточен, поэтому требует раскрытия.

Приписывание протесту расчета ожидаемых выгод от участия (в виде преимуществ, связанных с коллективной пользой) или полезности этого участия (которая определяется с точки зрения относительной величины затрат и преимуществ)[462] не имеет отношения к обычным участникам радикальных и массовых форм политического протеста. Любые крайние формы поведения человека сильно связаны с эмоциональной составляющей, и массовые формы протеста, особенно радикальные, имеют ту же основу. Основная масса выходит на политический протест в радикальных формах по определенным представлениям о справедливости, а не исходя из расчета потенциальных выгод. Это объясняет давно подмеченный факт, что наиболее непримиримые противостояния базируются на религиозной и национальной почве.

Отстаивание групповых интересов в таких вопросах, как лоббирование или достижение групповой пользы (коллективное или общественное благо) в корпоративном секторе и бизнесе, о которых ведет речь М. Олсон[463], вполне рационально и основано на принципах расчета, но такой подход нельзя механически переносить на протестные настроения. Участие в массовых

---

[462] Finkel S.E., Muller E.N., Opp K.-D. Personal Influence, Collective Rationality, and Mass Political Action // American Political Science Review. 1989. Vol. 83, No 3 September. P. 886; Gibson J.L. Mass Opposition to the Soviet Putsch of August 1991: Collective Action, Rational Choice, and Democratic Values in the Former Soviet Union // The American Political Science Review. 1997. Volume 91, Issue 3 (September). P. 672; Saxton G.D. Repression, Grievances, Mobilization, and Rebellion: a New Test of Gurr's Model of Ethnopolitical Rebellion // International Interactions. 2005. 31. P. 5, 7, 8.

[463] Olson M. The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge – London: Harvard University Press, 2002. P. 1, 3, 22-23, 51-52.

радикальных акциях протеста идет не от головы. Как отметил немецкий философ Людвиг Фейербах, «сердце порождает революции, голова – реформы»[464].

Социологические замеры протестных настроений и причин их возникновения наталкиваются на определенные психологические особенности. Опрос фиксирует вербализованные и формализованные «формулы», сложившиеся у респондентов в силу общественных и индивидуальных представлений о нормах поведения и как поведение респондента будет выглядеть в глазах окружающих. Как отмечал Дж. Цаллер, ответы респондентов «являются функцией непосредственно доступных суждений»[465]. При этом респондент может реально верить в произносимые им прогнозы собственных и причины этих действий, которые подгоняются под востребованные представления. В связи с этим, социологические опросы, во-первых, могут представлять декларируемый протест вместо реального или сглаживать уровень реального протеста, а во-вторых, «подменять» реальные причины выхода на протест проговариваемыми. Особенно это сказывается в случаях массового политического протеста в радикальных формах.

Как писал В. Парето, «люди склонны верить в то, что им выгодно; поэтому очень сложно определить, в том числе им самим, насколько ими движет вера и чувство, а насколько искусство и разум»[466]. Бунта не происходит, если нет убежденности бунтаря в своей правоте (А. Камю)[467], а это происходит только тогда, когда человек выходит на протестные акции по убеждениям (речь не идет об организованной массовке).

Однако если в контексте теории рационального выбора вести речь не о реальности причин, а об идеологии и мотивационных принципах, то различные цифры опросов и рациональное объяснение выхода людей на протест дают

---

[464] Фейербах Л. Предварительные тезисы к реформе философии // Фейербах Л. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М., 1995. С. 81.
[465] Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения /Пер. с англ. А.А. Петровой. Науч. ред. перевода И.Н. Тартаковская. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. С. 83.
[466] Парето В. Трансформация демократии. М., 2011. С. 145.
[467] Камю А. Человек бунтующий // Камю А. Сочинения в пяти томах. Т. 3. Харьков, 1998. С. 70.

протестующим и потенциальной базе протеста логическое обоснование своих действий и социально значимые принципы, которые можно использовать для отстаивания (и/или оправдания) правоты этих действий (их неизбежности, важности, революционности, прогрессивности и т.д.).

Исследование исторических примеров[468] XVII–XIX вв. свидетельствуют о том, что идеи справедливости и свободы (воспринимаемой как справедливый порядок вещей) лежали в основе всех радикальных массовых форм политического протеста.

Установленные принципы неравенства в обществе признаются основой социального конфликта[469]. Неравенство рассматривается индивидами и группами как нарушение принципов справедливости. Принципы справедливости (или их нарушение) таким же образом относятся к понятию «свобода», как на индивидуальном, так и на групповом и национальном уровне. Эти принципы могут определять легитимность власти.

Итак, для участников политического протеста в радикальных и массовых формах наиболее сильной мотивацией является запрос на построение более справедливого и лучшего общества («утопия»), который связан с представлениями о «справедливости» и такими мотивационными побудителями как «свобода», «национализм» и «интернационализм»[470].

Люди протестуют тогда, когда их представления о том, как есть, расходятся с представлениями о том, как должно быть, и на определенном временном промежутке представления о важности ликвидации этого разрыва начинают превалировать над всем остальным, перевешивать защитные механизмы

---

[468] Гегель. Из «Конфиденциальных писем о прежнем государственно-правовом отношении земли Ваадта (ВО) к городу Берну» // Гегель. Политические произведения. М., 1978. С. 56; Чеканцева З.А. Порядок и беспорядок: протестующая толпа во Франции между Фрондой и революцией. Изд. 2-ое. М., 2012. С. 452; Шульц Э.Э. Технологии бунта. С. 382-405; Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. С. 157.

[469] Lichbach M.I. An Evaluation of “Does Economic Inequality Breed Political Conflict?” Studies // World Politics. 1989. Vol. 41. No. 4. P. 431, 433.

[470] Шульц Э.Э. «Утопия», «национализм» и «интернационализм» как основа радикальных массовых форм социального протеста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2015. № 1. С. 35-43.

самосохранения, логики и трезвого расчета. Чем больше этот разрыв и отсутствие движения в сокращении этого разрыва в государственной политике, тем больше чувство безнадежности и усталости от действующей власти. Когда такое восприятие совпадает на групповом уровне, это вызывает протестные настроения, когда они охватывают большие социальные группы и появляется т.н. «триггер» (спусковой крючок) – это ведет к массовым радикальным протестным выступлениям.

Зарождение массового политического протеста и трансформация его в радикальные формы происходит с формированием представлений больших социальных групп о несправедливости сложившихся условий, вина за которые возлагается на власть, неспособную исправить положение. Все три компонента имеют определяющее значение. Ухудшение материального положения вплоть до тяжелого будет восприниматься несправедливым, но не вызовет протеста, если вина за это будет возлагаться на экономический кризис, сторонние силы, но не действующую власть. То же касается и других классических причин и поводов. В т.н. «странах развитой демократии» первые два состояния (несправедливость и вина власти), как правило, не получают третьего компонента, потому что неспособность действующей власти компенсируется верой в смену власти на следующих выборах.

Итак, наличие в обществе большого количества показателей и факторов, выдвигаемых исследователями в качестве причин радикальных массовых форм политического протеста, но не ведущих к появлению такого протеста, говорит о том, что они либо не являются причинами, либо требуют сопутствующих условий для генезиса протеста. Эти причины и факторы не срабатывают, если различные социальные группы не считают это проблемой и не увязывают их с действиями властей. Именно представления населения о собственном положении и состоянии политической системы, экономики и т.д. влияют на возникновение протестных настроений и развитие политического протеста. В этом контексте ключевую роль играет управление коммуникациями в виде направленного коммуникационного воздействия.

2.3. Особенности регулирования радикальных форм массового политического протеста средствами медиакоммуникаций

Управление массовым радикальным протестом представляет собой комплекс технологий по организации и использованию протеста в политических целях. Такое управление оперирует разнообразными коммуникационными каналами и мотивирует целевые группы на протестные действия или успокаивает радикальные настроения и не дает им развиться в массовые формы.

В технологиях организации и управления радикальными массовыми формами политического протеста определяются 4 ключевых фактора: фактор столицы, фактор армии, внешний фактор и фактор направленного коммуникационного воздействия. Эти факторы используются как для защиты со стороны власти, так и для атаки на власть, как в момент «входа» (когда политическая группа стремится использовать протест для получения политических выгод), так и «выхода» (когда пришедшие к власти стремятся эту власть удержать, снизив уровень протестных настроений). Как на «входе», так и на «выходе» играет роль преодоление критической массы протестующих (повышение в первом случае, понижение во втором), однако данная величина не является постоянной и зависит от множества обстоятельств и политических особенностей. Исследование показывает, что современный тренд – значительное уменьшение уровня такой критической массы в сравнении с событиями первой половины XX в. На наш взгляд, это связано с изменениями в социальной психологии современных обществ и переходом политических групп на бóльшую технологичность в работе с протестом.

Сценарии развития политического протеста в радикальных и массовых формах представляют достаточно ограниченный набор. В первом типе протестные выступления начинаются с немногочисленного локального акта. Направленные коммуникации протеста формируют представления о массовости протеста и социальной важности его требований. Большая часть населения индифферентна как к власти, так и к протестующим. Представители различных социальных групп

начинают связывать возникшие протестные акции с возможностью изменений. Если представления об успешности протеста, важности требований и возможности изменений находят поддержку в больших социальных группах, то масса протеста резко растет, и протест выдвигает серьезные политические лозунги (меняет лозунги на политические, если до этого они не были таковыми).

Столкновения с силами правопорядка ведут к жертвам: реальным или воображаемым в массовом сознании. Следует учитывать, что реальность восстания, массовости протестной акции, антинародных действий властей и жертв не играет принципиальной роли в случаях, когда массовое сознание готово к такому развитию событий, когда большинство общества апатично, а протест может иметь серьезную социальную базу, если «нащупает» востребованные мотивационные рычаги.

Из рассматриваемых исторических примеров. 3 июля 1917 г. моряки Кронштадта выступили с оружием в руках против правительства, потому что агитаторам удалось уверить их, что в Петрограде уже разразилось восстание. Коммунисты Гамбурга в 1923 г. вышли на восстание, полагая, что они уже идут в других городах. Участников «Пивного путча» 1923 г. мотивировала уверенность, что весь Мюнхен уже вышел на протесты. Протестные акции «арабской весны» произошли в цепной реакции на сообщения из Туниса и подпитывались сообщениями масс-медиа о массовых акциях политического протеста во всем арабском мире и их успешности.

Представления о том, что на акциях уже «весь народ», «все сверстники», «вся передовая молодежь», «все прогрессивное человечество» и т.д. выводят на улицы новых протестующих, расширяют географию протестных акций, делает лозунги более радикальными. Информация о жертвах столкновений в таких условиях ведет к дальнейшей радикализации и обострениям столкновений с силами правопорядка, к дальнейшему увеличению «массы» и «географии» протестных акций. Завершение сценария – это подавление протеста или политический переворот в государстве.

Во втором сценарии радикальный протест начинается при минимальном уровне протестной активности. Такие исторические примеры наблюдаются в Веймарской республике в январе 1919 г. и в октябре–ноябре 1923 г., на Кубе с началом борьбы группы Кастро, в современных прецедентах в Ливии и Сирии в начале 2011 г. Массовость поддержки растет с успехами начатой борьбы с действующей властью.

Один из сценариев организации массового политического протеста в радикальных формах в «цветных революциях» связан с использованием электоральных процессов. Такой сценарий был характерен для Сербии в 2000-м году, Грузии – в 2003-м, Украины – в 2004-м, Киргизии – в 2005-м, Белоруссии – в 2006-м, России – в 2012-м. В исторических примерах наложение выплеска политического протеста в радикальные и массовые формы на электоральные кампании в стране проявилось в России в 1917 г. и в Германии в 1928–1933 гг. Сама технология организации радикальных массовых форм политического протеста против «нечестных выборов» (с точки зрения проигравших) и призывы к их непризнанию и смещению более нелегитимной власти уходит корнями в события 1910 г. в Мексике, приведшие к Мексиканской революции (1910–1917 гг.).

В технологиях организации и управления политического протеста в радикальных и массовых формах определенно выделяются 4 ключевых фактора: «столицы» (силы протестных выступлений в столице), «армии» (настроя и действий официальных вооруженных формирований), «внешний фактор» (влияние других государств и широта спектра методов воздействия) и «фактор направленного коммуникационного воздействия» (доступ к средствам массового информирования, убедительность этой информации).

Фактор столичности – давление на власть в столице обусловлен несколькими факторами: 1) отличиями в социально-политических установках столичных жителей, 2) влиянием на власть и общество событий в столице, 3) доступностью государственных органов для блокады и устранения, 4) ориентацией всей страны на столицу (которая диктует политику), что упрощает управление распространением протеста и принятие новой власти всей страной. Несмотря на то,

что современные условия предоставляют возможности раскрутки и популяризации событий вне зависимости от места их происхождения, протест в столице продолжает создавать больший резонанс.

В рассматриваемых примерах мы отмечаем, что сила протеста и слабость власти в столице привели сразу к политическим переворотам (Россия – февраль и октябрь 1917 г., почти все «победившие» «цветные революции»). Если власть смогла нейтрализовать активные протестные выступления, то они возникали в регионах, откуда «двигались» на столицу (Кубинская революция, «цветные революции» в Ливии и Сирии). Все т.н. «классические революции»[471] совершались в столицах, это характерно и для большинства успешных с точки зрения политического переворота проявлений массового политического протеста в радикальных формах. Политический переворот в столице государства может вызвать противостояние с регионами: Россия 1918 г., Украина 2014 г. и др. Кубинская революция, как и многие латиноамериканские, Китайская революция и революции в Юго-Восточной Азии двигались из регионов в столицу. При последнем сценарии захват столицы знаменует окончание гражданской войны.

Макиавелли и Парето выдвигали принцип стабильности власти, который базируется на «согласии и силе» («законах и армии»)[472]. Бэкон и Юм утверждали, что главным средством борьбы с мятежниками является применение военной силы[473]. С точки зрения протестующих: силе власти можно противопоставить собственную вооруженную силу.

---

[471] Существующую типологию революций, в том числе с точки зрения столичности и периферийности происхождения – см.: Шульц Э.Э. Типология революций: история создания и современное состояние // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 1. С. 65-83. См. также: Шульц Э.Э. К вопросу о классификации революций // Полития. 2018. № 2. С. 137-155; Шульц Э.Э. К проблеме классификации революции // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия “Социология”. 2019. № 3. С. 406-418; Шульц Э.Э. Сравнительно-исторический анализ в прогнозировании революций // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 156–164.

[472] Макьявелли Н. Государь // Макьявелли Н. Государь. М., 2012. С. 44; Парето В. Трансформация демократии. М., 2011. С. 140.

[473] Бэкон Ф. Опыты, или Наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения в двух томах Т. 2. М., 1978. С. 386; Юм Д. О первоначальном договоре // Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1996. С. 664.

Армия, официальные вооруженные отряды (силы правопорядка в целом) играют большую роль в успешности или неуспешности антиправительственных выступлений. Вмешательство или невмешательство в процесс обеспечивает устойчивость власти подавлением радикальных массовых форм политического протеста или смену власти. Наиболее объемно этот принцип наблюдается в странах Латинской Америки и Юго-Восточной Азии (где армия традиционно играет большую роль), а также в национально-освободительных движениях в странах Азии и Африки. В событиях современной истории армия (и силы правопорядка в целом) сыграла важную роль, при этом ей не обязательно было определяться с выбором стороны, нейтралитета и невмешательства было вполне достаточно: «бархатные революции», события 2004 и 2014 гг. на Украине, события «арабской весны» в Египте и Тунисе 2011 г.

Все исторические примеры поражений политических сил, рассчитывавших в борьбе за власть на массовый радикальный протест, связаны с поражениями восставших в столкновениях с силами правопорядка: неудавшиеся революции 1848–49 гг. в Европе, Парижская коммуна, Московское восстание 1905 г., разгон протестных выступлений в январе 1918 г. в связи с роспуском Учредительного собрания и др.

Алгоритм поведения сил правопорядка во всех примерах массового политического протеста в радикальных формах предоставляет три варианта развития сюжета. «Силовой блок» (все официальные вооруженные формирования) в условиях слабости власти и массовости протестных акций 1) совершает политический переворот и подавляет протест, 2) либо выступает на стороне протестующих. Третий вариант – «раскол» в силах правопорядка и поддержка разных сторон социального конфликта.

«Фактор армии» в подавлении политического протеста в радикальных и массовых формах, а также противостояние с другими политическими группами, кроме власти, подтолкнули к необходимости формирования собственных вооруженных отрядов, которые стали ключевым фактором успеха в политическом перевороте в ходе радикальных массовых форм политического протеста и

дальнейшего удержания власти. Кромвель в качестве ударной силы парламента создал свою армию по новому образцу[474]. Революционные гвардии, партийные боевые отряды стали характерными чертами французских революций и революций в России. Партийные боевые отряды были характерны для НСДАП и Компартии Веймарской республики. Сходны принципы были заимствованы в примерах целого ряда «цветных революций».

Боевые отряды изменяют расстановку сил в противостоянии с властью и дальнейшем противостоянии внешней угрозе.

Иностранная интервенция стала характерной чертой многих революций: революции в Нидерландах (1566–1609 гг.)[475], в Англии (1640–1660 гг.)[476], в Великой французской революции (1789–1799 гг.)[477]. Русские войска подавили попытку революции в Австро-Венгрии (1848–49 гг.), армия Бисмарка – Парижскую коммуну (1871 г.). В гражданскую войну в России произошло вмешательство целой группы государств: военной помощью различным силам, противостоящим новой власти, и прямой интервенцией.

Приведенные примеры – это ***внешнее вмешательство*** для подавления революционных движений и правительств, но существуют примеры и внешней поддержки революций.

Впервые, насколько можно судить по источниковой базе, экспорт революции был заявлен Великой французской революцией: военный поход за пределы Франции обосновывался необходимостью распространения идей Революции: «свободу народам можно принести “на острие штыка”», «мир хижинам, война дворцам»[478]. Идея состояла в том, чтобы снести власть в государстве, с которым

---

[474] См.: История Европы. Т. 4. Европа Нового времени (XVII–XVIII века). М., 1994. С. 29-30, 31-34.

[475] Интервенция Испании и Франции, при этом активное вмешательство происходило и со стороны Англии.

[476] Свергнутый Карл I нашел поддержку в Шотландии.

[477] С ВФР вела борьбу коалиция Англии, Австрии и России (в разные периоды включала также Испанию, Португалию, Нидерланды, Османскую империю, Швецию, государства Италии и Германии).

[478] См.: Манфред А.З. Великая Французская революция. М., 1983. С. 309.

ведется война, волной революции. Эти идеи экспорта революции снова проявились в Парижской коммуне 1871 г.[479] Русская революция строилась на идее мировой революции, а Советское правительство с первых же дней стало поддерживать революционные движения в других странах[480].

Принципы активных немногочисленных групп «революционеров» (как реальных, так и имитаторов), не связанных национальными и государственными границами, и лидеров, не связанных не только границами, но и большими идеологиями, упрощает «экспорт революций» и делает радикальный протест максимально трансграничным (интернациональным) явлением. Идею «экспорта революций» становится инструментом международных отношений: этот принцип продвигают уже не революционная власть, а правительства различных государств, которые используют социальный протест в других государствах для продвижения собственных геополитических интересов.

В середине XIX в., например, К. Маркс и Ф. Энгельс предлагали использовать в германских интересах против России революционное движение в

так, Франция объявила войну «королю Венгрии и Богемии» – австрийскому императору, а не народам Австро-Венгрии.

[479] «знамя Коммуны есть знамя всемирной республики» (Страница протокола второго заседания Коммуны 29 марта 1871 г. // Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года. Т. I. М., 1959. С. 50.)

[480] Ленин В.И. Кризис назрел // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 34. М., 1969. С. 272-283; Ленин В.И. Речь на митинге в Политехническом музее 23 августа 1918 г. С. 69; Ленин В.И. Письмо Я.М. Свердлову, Л.Д. Троцкому, 1/X. 1918 // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 50. М., 1970. С. 185; Ленин В.И. О продовольственном налоге // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 43. М., 1970. С. 211; Ленин В.И. Объединенное заседание ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов. Доклад. // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 37. М., 1969. С. 111; Ленин В.И. Письмо к рабочим Европы и Америки // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 37. М., 1969. С. 454; Ленин В.И. Письмо объединенному заседанию ВЦИК, Московского Совета с представителями фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 3 октября 1918 г. // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 37. М., 1969. С. 97-98; Ленин В.И. Прощальное письмо к швейцарским рабочим // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 31. М., 1969. С. 93; Ленин В.И. Речь на демонстрации в честь Австро-Венгерской революции 3 ноября 1918 г. Краткий газетный отчет // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 37. М., 1969. С. 131; Ленин В.И. Речь при открытии памятника Марксу и Энгельсу 7 ноября 1918 г. С. 170. См.: Шульц Э.Э. Великая русская революция (1905–1922 гг.): Причины. Последствия. Технологии. События и люди. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 132-133.

Польше, обвиняя, в свою очередь, Россию в поддержке революционных движений в славянских землях для продвижения российских интересов[481].

Впервые подобный ход дал быстрые и ощутимые результаты в русско-японской войне 1904–05 гг., а в Первой мировой уже был использован целенаправленно германской стороной против Российской империи. Во второй половине XX в., в период противостояния «двух систем», финансирование оппозиционных, диссидентских движений стало нормой международной политики для обоих блоков («капиталистического» и «социалистического», или Запада и Востока, или США и СССР).

В современных условиях принцип использования массового политического протеста для военного вмешательства был использован для бомбардировок НАТО Сербии в 1999 г. и Ливии в 2011 г.

Фактор внешнего влияния (внешний фактор) в генезисе политического протеста в радикальных и массовых формах принимает определенные виды давления на власть, которой противостоит протест, или ту, что возникла в результате переворота, как в целом к институту, так и по отношению к персоналиям. Кроме крайней формы в виде интервенции (военного вмешательства), сторонам конфликта оказывается материальная, финансовая, политическая, идеологическая и медийная поддержка.

Финансирование революционных групп и партий, ставшее заметным инструментом со времени русско-японской и Первой мировой войны[482], приобрело значительную роль в XX и XXI вв.

«Революционные партии» существуют за рамками теорий общественных движений 2-й пол. XX в. Здесь действуют иные законы: немногочисленные, с минимумом ресурсов, политического и социального влияния, эти партии либо исчезают, либо им удается использовать политический протест в радикальных и

---

[481] Маркс К. Новая политика в Познани // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 5. М., 1956. С. 97-98; Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 8. М., 1957. С. 53-54, 57.

[482] Шульц Э.Э. Великая русская революция (1905–1922 гг.): Причины. Последствия. Технологии. События и люди. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 211-213.

массовых формах для захвата власти. Из наиболее очевидных исторических примеров: большевики в России, национал-социалисты в Веймарской республике, группа Кастро на Кубе. С приходом к власти этим «партиям захвата власти» приходится трансформироваться: происходит резкий количественный рост, бюрократизация, срастание с политической и экономической структурами – квазиобразования, которые дублируют системы управления. Эти черты подметил еще Р. Михельс[483].

Вся история политического протеста в радикальных и массовых формах демонстрирует непреложный принцип: «революционные партии» поставляют лидеров протеста, которые увеличивают массовость своей харизмой. События «бархатных революций» дали пример очень условной оппозиционности и тем более революционности групп, которые выделялись из правящей партии, конституируя новые. При этом харизматичные лидеры наличествовали в каждой «бархатной революции», что с лихвой «компенсировало» отсутствие реальных партий и революционности. События «цветных революций» дали пример уже не только отсутствия революционных партий, но и острый дефицит харизматических лидеров. Вместо харизматических лидеров просто лидеры оппозиции – все, что есть в наличии – и менеджеры протеста (организаторы). Особенно этим отличаются события «арабской весны».

На экстерриториальность современных общественных движений, которые способны организовать протестные выступления, исследователи уже обращали внимание: ресурсы берутся там, где их можно взять, а не там, где данная организация или движение сформированы; процесс аккумуляции и расходования ресурсов зависит от успеха или неудачи протестной кампании[484]. Речь идет, безусловно, о финансовых ресурсах, однако в современности к таким ресурсам

---

[483] Michels R. Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. N.Y.: Hearst's Intern. Library Co., 1915. P. 371-374.

[484] Яницкий О.Н. Митинги повсюду: реабилитация гражданскою активизма в России // Общественные науки и современность. 2010. №3. С. 60-61. См. также: Тимофеева Л.Н. Современное протестное движение в мире и в России: его состояние и особенности // Конфликтология. 2012. Т. 3. С. 59.

можно отнести и ресурс привлекаемых представителей ядра протестного движения, и СМИ (наиболее ярко проявилось в «цветных революциях»). Кроме того, необходимо сделать еще ряд замечаний.

Сила протестных движений может определяться наличием людских, материальных и других ресурсов. Однако самый главный ресурс – возможности мобилизации сторонников, и здесь главенствующее положение занимают объединяющие протест идеи.

В феврале 1917 г. в Петрограде сложился достаточно высокий протестный потенциал, но отсутствовали группы и организации, способные обеспечить его ресурсами и лидерами, и власть была низложена[485]. В России 1991 г. уровень протеста был невысоким, затрагивая лишь небольшие слои определенных социальных групп, с минимальным организационными ресурсами, в сравнении с которыми возможности власти противостоять этому протесту были необычайно высоки, однако протест «победил». Важная роль ресурсов и организационных возможностей наблюдается в использовании протеста в борьбе за власть национал-социалистов в Веймарской Германии: технологии и ресурсы применены к существующему и растущему протесту[486]. В событиях «арабской весны»: невысокий протестный уровень до выступлений, высокий уровень организации и технологий, которые подавляют способность власти к сопротивлению и наращивают массовость и радикальность протеста. Эти черты переходят во все «цветные революции» и протесты, которые шли по пути этих моделей, после 2011 г.[487].

---

[485] Шульц Э.Э. Великая русская революция (1905–1922 гг.): Причины. Последствия. Технологии. События и люди. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 197-201.

[486] Шульц Э.Э. «Левый» и «правый» бунт в Германии 1920–30-х гг.: истоки, ход событий, результаты. Барнаул: Издательская группа «Си-пресс», 2014. С. 75-91.

[487] Шульц Э.Э. «Арабская весна»: возможные последствия для России / Колобов О.А., Шульц Э.Э. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 9. – С. 41-49; Шульц Э.Э. Сирия: к пониманию причин гражданской войны // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 29 (266). С. 35-42; Шульц Э.Э. Технологии бунта: «цветные революции» и «арабская весна» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 19 (256). С. 46-54; Шульц Э.Э. Украина и Египет: закономерности цветных революций // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 22 (259). С. 52-56.

Идеология и ее продвижение становятся ключевыми факторами развития протестных настроений и их трансформации в радикальные и массовые формы или успокоения и нейтрализации протеста.

Мотивационными рычагами в массовом политическом протесте выступает достаточно небольшой набор принципов. «Справедливость»: включает такие понятия, как свобода, свобода воли и вероисповедания, человеческое достоинство, ликвидация неравенства, национальная идея (национальной, народной свободы, достоинства и самостоятельности) и др. Является ключевым (справедливость системы, законов, действий власти) в формировании легитимности власти. Еще два принципа достаточно часто прослеживаются в мотивации протеста: принципы национализма (в самом широком понимании отстаивания национальной идентичности, национальной идеи, независимости и т.д.) и «интернационализма» (1) распространение общегуманитарных ценностей; 2) стремление жить по лучшим международным образцам). На современном этапе «глобализация» и «общество потребления» становятся полноценными идеологиями, на которые возможно ориентировать политический протест.

Легитимность власти выступает одним из трех краеугольных камней в основании стабильности власти. Второй компонент этого основания – уровень протестных настроений и потенциал их трансформации в радикальные массовые формы политического протеста. Третий компонент – это способность власти к сопротивлению (удовлетворение требований протестующих, силовое подавление протеста, перевод протеста в пассивное состояние, канализирование протеста).

Легитимность протеста против власти и ее смены определяется комплексом факторов. В первую очередь, отношением больших групп населения к политике властей и в целом к политической системе; к протесту как справедливой (или несправедливой, неадекватной) реакции на эту политику.

Право силы протестующих само по себе не является достаточным основанием легитимности. Здесь, как и в классических основаниях легитимности, для части населения потребуется фактор времени (то, что исторически сложилось).

Именно поэтому протестующие используют дополнительные легитимизующие основания.

Легитимность определяет успешность смены власти на волне протестов и возникновение и масштабность новых волн протеста, а также политических переворотов, направленных на смещение уже новой власти. Ключевую роль в легитимизации политического протеста в радикальных и массовых формах играет идеология, в которой ведущую роль в большинстве случаев приобретают харизма лидеров и используемые эвгемеры.

В качестве эвгемеров для протеста чаще всего выступают те же эвгемеры, что широко используются в культуре, массовых коммуникациях, политике и даже экономике: Мартин Лютер, Ян Жижка, Емельян Пугачев, Степан Разин, лидеры Американской войны за независимость, Английской и французских революций, Русской революции, Китайской, Кубинской и др.

Большие идеологии и их сложные конструкции для работы в управлении коммуникациями трансформируются в простые лозунги. Например: «Земля крестьянам, заводы рабочим, мир солдатам!» у Ленина; «жизненное пространство для нации» Гитлера; «нет нечестным выборам!», «демократия и свобода!», «долой коррупцию!» – «цветных революций».

Принцип Ленина о том, что идеи должны быть просты, давать лаконичный и броский лозунг, по типу «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны», продолжает эффективно работать и в сегодняшних условиях: «Демократия – это свобода и Интернет» (Б. Клинтон), «Демократия – это демократическое правительство и свободное предпринимательство» (Дж. Буш) и др. Подобные броские фразы, несмотря на их примитивизм (или благодаря ему), оказываются самыми жизнестойкими.

Реалистичность практического воплощения идей и лозунгов, мотивирующих на массовый политический протест, не является определяющим принципом, поэтому их частая абсурдность не должна вводить в заблуждение.

«Принцип абсурдности» подразумевает и выдвижение изначально невыполнимых требований, что усиливает напряженность. Например, требования

большевиков от Временного правительства прекратить войну, национализировать промышленность, осуществить всеобщее вооружение народа и др., что в принципе было неприемлемо в тех условиях и для того правительства. Требования фюрера нацистов отказаться от условий Версальского мира были неприемлемы и вели к войне, пропагандируемые им идеи выхода из экономической депрессии представлялись демагогией. Требования Фиделя национализации неизбежно вели к конфликту с США, чьи граждане являлись основными владельцами объектов недвижимости, земли и промышленности на Кубе. Требования небольшой оппозиционной группы и демонстрантов об отставке правительства в начале событий большинства «цветных революций» не соответствовало соотношению сил власти и протестующих. «Принцип абсурдности» зависит от национально-культурных особенностей или политической культуры. Например, заявления о нечестности выборов на Украине в 2004 г. обосновывались лишь позицией «мы так считаем» (это будет касаться и всех других стран «цветных революций», где данная технология была приведена в действие), но для стран с развитыми институтами демократии и иной политической культурой такое поведение будет считаться неприемлемым, по крайне мере, для большинства, и расцениваться как противоправные действия. Иллюстрирующий пример из современных – попытки Д. Трампа оспорить выборы президента в США, штурм Капитолия 6 января 2021 г. и отношения общества и политической системы к этим событиям.

Идеи и лозунги о коррупции чиновников, исторические – о «кулаках-мироедах», «капиталистах-кровососах» и т.д., о возможности получить это награбленное («отнять и поделить») начинают захватывать основные социальные группы, в том числе в среде наиболее образованных.

Хотелось бы заострить внимание на одной важной детали. Вера в определенные т.н. «объективные причины» событий толкает людей на приближение этих событий, ожидание их, участие в них (организацию, провоцирование и т.д.).

Т.н. «теорема Томаса» гласит: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях»[488]. Массовая уверенность в возможность достижения цели протестных акций может срабатывать как феномен самоисполняющегося пророчества[489]: уверенность в реальность результата и хода событий обеспечивает именно такой ход событий и результат.

В исторических примерах наблюдается принцип, что вера в назревшую необходимость протеста и изменений и в победу создавала условия массовости политического протеста и готовности к радикальным формам. Технологии, как на уровне практических действий, так и теоретического осмысления в области тактики восстания, закономерностей социального протеста, «теории революции» вошли в арсенал «революционеров» (в широком значении), как минимум с середины XIX в. и их использование прослеживается далее в каждой революции или ее имитации.

Как отметил Т. Гоббс, надежда на успех и легитимизация сопротивления власти[490], обеспечивают массу и силу радикальных массовых форм политического протеста. При этом справедливость требований и действий, (как отмечали еще Аристотель и Бэкон) не имеет значения в данном контексте[491].

Направленное коммуникационное воздействие формирует шаблоны поведения и реакций (фреймы), облегчает принятие коллективных решений[492].

Действия протеста воспринимаются из массовой культуры: как ведут себя демонстранты, пикетчики, как организовать массовую акцию и др. В таких

---

[488] Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 605. «If men define situations as real, they are real in their consequences» (Merton R.K. The Thomas Theorem and The Matthew Effect // Social Forces. 1995. № 74(2). P. 395).

[489] См.: Хаустов Д.С. Теорема Томаса и особенности конструирования социальной реальности через массовые коммуникации // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 29-37; Merton R.K. The Thomas Theorem… P. 379-424.

[490] Hobbes T. De Corpore Politico, or the Elements // Hobbes T. The English Works of Thomas Hobbes of Malmesbury /Ed. by Sir William Molesworth, Bart. Vol. IV. London: John Bohn, 1840. P. 200-201, 203.

[491] Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1983. С. 421; Бэкон Ф. Опыты, или Наставления… С. 382.

[492] Steger M.B. The Rise of the Global Imaginary. Political Ideologies from the French Revolution to the Global War on Terror. Oxford University Press, 2008. P. 5.

условиях не требуются инструкции и отдельные методички для участников протеста.

М. Вебер подметил, на наш взгляд, важное свойство харизмы для исследуемой проблематики: харизма противостоит повседневной рутине, она позволяет отвлечь людей от этой рутины[493]. Это дает привлекательность лидеров протеста и протестных активностей, повышает возможности направленного коммуникационного воздействия и навязывания новых моделей поведения. Наличие большой доли молодежи в революционных кружках и радикальных протестных движениях напрямую связано с принципом «бегства от рутины» (поиска самостоятельности, своего пути, простого пути, не как у старшего поколения и т.д.)

Задачи власти заключаются в формировании представлений общества о справедливости существующей политической системы и порядка вещей, эффективности и большом потенциале действующей власти. Коммуникационное воздействие «протестной стороны» будет формировать противоположные образы: ответственность власти и ее неспособность решать насущные проблемы, несправедливость сложившегося положения вещей, возможность в корне поменять ситуацию с помощью протеста. При этом степень реальности или утопичности идей и лозунгов не оказывает негативного влияния на протестную мобилизацию.

Доминирование представлений общества и социальных групп над фактическим положением дел (У. Липпман, Ж. Бодрийяр) накладывает определенные задачи и особенности на управление коммуникациями политического протеста в радикальных и массовых формах. Здесь действуют следующие принципы, провозглашенные практиками революций и протестных движений: 1) вера в революцию уже есть революция (В.И. Ленин), 2) вера в успех восстания делает восстание успешным (Че Гевара), 3) вера в количество борцов

---

[493] Weber M. The Routinization of Charisma // Theories of Society. Foundation of Modern Sociological Theory. Vol. II. N.Y.: The Free Press of Glencoe, Inc., 1961. P. 1297. См. также: Parsons T. The Structure of Social Action. A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1949. P. 662.

продлевает сопротивление и привлекает к нему массы (пример баррикад 1905 г. в Москве и постоянные утверждения всех лидеров протеста «с нами народ», «массы за нас»). Внешний фактор в виде озвучиваемой поддержки, фактор армии и собственных милитаризованных отрядов, образ бунтующей столицы дают уверенность в силе и успехе радикальных массовых форм политического протеста.

Повысившаяся технологичность политического протеста в радикальных и массовых формах, смещение акцента от идей и их харизматических и стойких носителей к технологическому и техническому процессу организации протестных выступлений и управления дальнейшими процессами ведет к определенным последствиям, которые можно рассматривать в качестве «побочного эффекта» указанных действий: 1) отсутствие сильных и значимых лидеров; 2) неудовлетворенность больших социальных групп и общества в целом реформами новой власти.

Технологичность и движение в русле технического прогресса в информационных или организационных технологиях радикальных массовых форм политического протеста не являются исключительно современными особенностями. Использование интернет-технологий и современных коммуникационных каналов и платформ породило среди исследователей представления об «инновационном бунте». Однако традиции использования технических новинок в пропагандистских целях для организации и управления политического протеста в радикальных и массовых формах уходят корнями, как минимум, в Русскую революцию начала XX в. и активно используются на протяжении всего XX в.: использование возможностей печати, новинок радио и кинематографа, позиционирование движений, как молодежных, прогрессивных, сторонников прогресса. Формирование виртуальной реальности (Сетевой, отделенной от реалий) взамен реальной в целях организации и управления политического протеста в радикальных и массовых формах – тоже не новинка современных технологий: все технологии направленного коммуникационного воздействия работают с измененной реальностью.

Коммуникации сторонников протеста в интернет-среде получают образ противостояния современности с минувшим, нового с отжившим себя, технологий и «неразвитостью страны», молодых и современных со стариками, сдерживающими прогресс – динозаврами доцифровой эпохи. Формирование таких образов вело к увеличению массы протеста в новых редакциях «цветных революций», прошедших после событий «арабской весны». Используя такой символизм, можно подавать информацию почти любого содержания, так как она имеет готовую психологическую почву.

Примечательно, что молодые поколения – от 14 до 29 лет (или до 35 лет) не составляют большинства пользователей социальных сетей, заблуждение о том, что молодежная среда является абсолютно устойчивым стереотипом.

XX век принес некоторые изменения в мотивации протестного поведения и технологии направленного коммуникационного воздействия, что ведет к такому явлению, которое Карл Манхейм и Макс Шелер называли «внезапными взрывами настроения масс».

Важной психологической особенностью современного исторического периода является стремление к славе в ценностных установках большого количества людей[494]. Эта особенность может дать любому современному протесту участников.

Важная характеристика современного социального протеста с позиции политической борьбы – это его способность быстро вывести на политическую сцену и дать известность: быстрый путь наверх всегда будет привлекать малоизвестных политиков и общественных деятелей в протесте.

---

[494] Гринин Л.Е. Психология и социология феномена славы // Историческая психология и социология истории. 2010. № 2. С. 99.
Так, например, исследования, проведенные в городах Китая и Германии, показали, что «около 30% взрослых людей в течение всей жизни в числе нескольких наиболее сильных желаний называют мечту стать знаменитыми, а более 40% мечтают о славе в какой-либо период своей жизни. Аналогичная картина наблюдается и в США. Среди молодежи эти показатели выше. А примерно 2% людей считают славу своей самой желанной целью, перекрывающей все другие». (Там же).

Требует развития принцип подмены понятий «слава» на «известность», что имеет отношение к ценностным установкам общества и идеологии. «Известность» представляется продуктом медийного (и медиатизированного) общества. Причем стремление к известности не обязательно должно быть связано с финансовым благополучием (что традиционно ставится во главу угла причинно-следственных связей в данном контексте[495]), но в первую очередь – мотивацией повышения статуса и самореализации. Эта специфика проявляется на современном этапе в формировании протестов и привлечении сочувствующих: связь с раскрученными медийными событиями дает мгновенную известность и популярность.

Важной особенностью социальной психологии стало изменение отношения к участникам протестов. Бунтовщики революций и восстаний XVII-XIX вв. изображались часто, как «люди с запятнанной репутацией», «пользующихся дурной славой», «завсегдатаи кабаков и всевозможных притонов», «сомнительные личности всех родов»[496]. В XX в. такое отношение в корне меняется[497].

Симпатия к «пострадавшим от власти» не связана с приверженностью их идеям в массовом сознании и даже минимальной симпатией к этим идеям. Данная особенность социальной психологии не означает обязательную почти автоматическую поддержку любых антиправительственных выступлений. Но, чем сложнее социально-экономическая ситуация и чем более критическое отношение больших социальных групп к действиям властей, тем выше будет и уровень симпатий масс к протестующим. Это проявилось во всех трех рассматриваемых в исследовании исторических примерах. И, в-третьих, при усталости социума от длительного противостояния в обществе и росте запросов на стабильность и порядок, любое антиправительственное выступление столкнется с апатией большинства социальных групп.

---

[495] См.: Гринин Л.Е. Указ. соч. С. 98–124.
[496] Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. СПб., 1896 г. С. 36.
[497] См. полемика Фуко «о пролетариате и черни»: Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2. М., 2005. С. 30-31.

С этим связаны и симпатии к «революционным жертвам»: жертвы столкновений с силами правопорядка, казни революционеров, преследование властями. Так, например, большевики в сентябре 1917 г. представляли себя жертвами политических репрессий в связи с событиями 3–5 июля и главными защитниками, понесшими потери, в мятеже генерала Корнилова. Гитлер представлял себя солдатом и политическим заключенным, мужественно переносившим лишения войны и тюрьмы. Ф. Кастро и его сподвижники стали жертвами режима и провели около двух лет в заточении, затем – в эмиграции, а затем терпели лишения в горах и лесах ради борьбы с режимом. Рост массы протеста и его радикальности во всех «цветных революциях» происходил с первыми жертвами столкновений с правоохранительными силами. Если репрессии власти против протестующих не ведут к полному уничтожению или изоляции, то они приведут к росту массы и радикальности протеста. Наиболее наглядно этот принцип наблюдается в 1917 г. в России, в 1920-х гг. в Германии, во всех «цветных революциях».

Рост массы протеста требует кроме успехов и понесенных жертв. Под этим углом зрения становятся понятны такие заранее обреченные акции, как июльское (1917 года) выступление большевиков, «пивной путч» нацистов 1923 года и ряд других, а также использование провоцирующих действий в виде публичных актов суицида (самосожжений и т.п.), принуждение к силовому разгону демонстраций, пикетов и иных массовых мероприятий. Протест против несправедливости, жалость и симпатия к обиженным властью как психологические факторы дают потенциальную питательную базу радикальных массовых форм политического протеста.

«Эффект сопричастности» хорошо известен психологии и социальной психологии: стремление человека, группы к сопричастности к известным событиям или персонам. В электоральном поведении этот эффект трансформируется в выявленный Гербертом Симоном «эффект фургона с оркестром». Речь идет о голосовании избирателей в силу уверенности, что именно этот кандидат победит. Т.е. избиратель стремится присоединиться к победителям, к популярному и

успешному[498]. Таким образом, создание представлений о предстоящей неминуемой победе становится технологией направленного коммуникационного воздействия. Эта технология является одной из самых популярных в организации и управлении радикальных массовых форм политического протеста.

Формирование образа сильного и массового движения являлось ключевым в коммуникационном воздействии большевиков в 1917 г., национал-социалистов в 1930–33 гг., у «группы Кастро», во всех «цветных революциях». Эта технология, во-первых, призвана воздействовать на оппонентов. Во-вторых, привлекает новых сторонников, так как подчеркивает силу и популярность движения. В-третьих, стремится создать эффект цепной реакции: информация о проявлениях протеста подталкивает к другим протестным выступлениям. Во втором и третьих случаях массовость движения снимает страх, мотивирует быть там, где «большинство», следовать примеру. Это увеличивает массу протеста. Воздействие на политических оппонентов вносит раскол в элиты, заставляет власть колебаться и проявлять нерешительность.

Примечателен сохранившийся факт о том, что в Москве в декабре 1905 г. «восставшая Пресня» держалась только слухом о 10 000 дружинниках на баррикадах, тогда как в действительности их число редко превышало сотню[499].

Возникновение бунта в деревне могло быть связано с известиями о бунте в соседней деревне. «Часто, стоит только забастовать одной фабрике, – и немедленно начинается ряд стачек на целой массе фабрик», – писал Ленин[500].

Это принцип «цепной реакции»: если где-то возникают массовые политические протесты, то они становятся примером для подражания, так как формируют представления о слабости власти и возможности силового давления на нее.

---

[498] Хинес Х. Эффект фургона с оркестром и эффект неудачника. О механизмах, влияющих на электоральную конкуренцию // Теория и методы в современной политической науке: Первая попытка теоретического синтеза. М., 2009. С. 257. См.: Simon H.A. Administrative Behaviour. New York, 1957. P. 79-80.

[499] Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП (ноябрь 1906 год). М., 1932. С. 54.

[500] Ленин В.И. О стачках // Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. Т. 4. М., 1967. С. 293-294.

Мятеж часто перекидывался от одного воинского подразделения к другому, от одной деревни, охваченной крестьянскими волнениями, к другой. С Великой французской революцией связывали надежды на перемены в различных европейских странах[501]. Революция 1848 г. во Франции запустила цепную реакцию по многим странам Европы. В рассмотренных подробно в данном исследовании примерах принцип цепной реакции работал в каждом случае: революция в России вызвала революционные выступления в целом ряде европейских стран; восстание спартакистов в январе 1919 г. в Германии стало явным продолжением Ноябрьской революции 1918 г.; Кубинская революция стала катализатором революционных движений в Латинской Америке; события в Тунисе подтолкнули к протестным акциям в других арабских странах в 2011 г.

«Принцип цепной реакции» коррелирует с «принципом постоянных успехов». Ленин утверждал, что вера в революцию ведет к ее началу[502]. Другим образом описал этот эффект Че Гевара: «революция, которая не углубляется с каждым днем, – это революция, которая отступает», потому что «усталые бойцы начинают терять веру в победу»[503]. Успехи протестного движения привлекают новых сторонников, дают рост массы и силы движения, делают власть слабее.

Еще одним важным фактором социальной психологии является ***фактор подражания (шаблонности)***, который играет огромную роль в общественной жизни[504]. Протестные активности «копируются», и современные процессы глобализации только усиливают такое поведение (доступность информации, принципы заимствования «лучших образцов» и т.д.

Определенная шаблонность в проявлениях политического протеста в радикальных и массовых формах и действиях участников бросается в глаза. Следует отдельно остановиться на получившем распространение в последнее

---

[501] Tocqueville A. The Ancien Regime and the French Revolution. Cambridge University Press, 2011. P. 11.
[502] Ленин В.И. Падение Порт-Артура // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 9. М., 1967. С. 159.
[503] Гевара Э., Че. Партизанская война как метод // Гевара Э., Че. Статьи, выступления, письма. М., 2006. С. 338.
[504] Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М., 1994. С. 20, 31.

время подходе приписывать бунту «карнавальность»[505].

Работы нидерландского историка и культуролога Йохана Хёйзинги (1872–1945) и российского литературоведа Михаил Михайловича Бахтина (1895–1975) заложили теоретико-методологические основы анализа игровой составляющей в поведении человека, смеховой культуры и карнавальности в различных массовых мероприятиях[506].

Ни одно сильное проявление массового политического протеста в радикальных формах не несет в себе «карнавальность»[507].

(Из исторических примеров – часто приводимое в пример «карнавальности» демонстрация рабочих 9 января 1905 г., расстрелянная и известная как «кровавое воскресенье», была организована в виде крестного хода – самая традиционная форма официальной культуры, антагонист карнавальной культуры.)

Если понятие «карнавальность» подразумевает не феномен, выявляемый Бахтиным, а некую внешнюю форму событий: развлекательный характер,

---

[505] См. напр.: Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 562-563; Чеканцева З.А. Указ. соч. С. 184; Ященко В.Г. Либертатный бунт в эпоху постмодерна. Волгоград, 2002. С. 70.

[506] Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990; Хейзинга, Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб., 2007.

Карнавал, по М.М. Бахтину, противостоит официальной культуре и принадлежит к народно-смеховой, карнавальной культуре (Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 8). Карнавал – это праздничная жизнь народа по Бахтину (Там же. С. 13). «Словесные смеховые произведения разного рода» или «различные формы и жанры фамильярно-площадной речи» и даже «обрядово-зрелищные формы», характерные по Бахтину для карнавальной культуры (Там же. С. 9), могут быть частью протеста, его «декорациями», но не организационной формой: протест (бунт) точно не определяется этими формами. Карнавальная культура, могла являться выражением протеста в Средние века, и этот протест выступал как часть карнавала, но карнавальность не является свойствами протеста, тем более в период Нового и Новейшего времени. Как справедливо отметила Мона Озуф, карнавал несет терапевтические функции, мыслит себя преградой хаосу (Ozouf M. Festivals and the French Revolution. Harvard University Press, 1991. P. 10, 281), бунт же, наоборот, несет в себе элементы хаоса, противопоставляя себя порядку.

[507] При этом в данном случае речь не идет о карнавализации, как методе электоральной коммуникации, который выдвинула В.А. Ачкасова (Ачкасова В.А. Карнавализация электоральных коммуникаций: роль «смеховых» технологий и политической буффонады // Век информации. 2018. № 2-2. С. 90-92). Так же речь не идет о возможностях карнавализации митингов (Шомова С.А. Карнавальные корни митинга: генезис и современные проявления // Государственная служба. 2012. № 4. С. 64-68).

некоторая присущая «обрядовость», которые можно идентифицировать в протестном поведении крестьянства, в демонстрациях рабочих на 8 марта и 1 мая, – то и здесь чаще и больше всего проявляется, кроме фреймов, восприятие этих акций интеллигенцией, а не непосредственными участниками. Здесь существует опасность подмены реалий абстракцией, выводы анализа которой применяются к реалиям протеста и выглядят «как рубаха с другого плеча». Так, например, воспринимали русское крестьянство и его потенциальный протест русские народовольцы, ошибочность взглядов которых вряд ли вызывает сомнения. Такой анализ «карнавально-фольклорной» среды – это больше не анализ закономерностей и психологии радикальных массовых форм политического протеста, а анализу ментальных структур части интеллигенции, оценивающих этот протест.

О.А. Сухова в исследовании крестьянских протестных выступлений говорит о ритуальности в этом протесте (полагая частью «карнавальности»)[508]. Однако, можно уверенно утверждать, что выработанных ритуалов в массовых крестьянских протестах не существовало: существовали шаблоны поведения, модели (фреймы), но ритуализации эти модели и шаблоны не проходили.

Макс Вебер пришел к выводу, что поведение людей в преобладающей степени является повторяющимися массовыми действиями[509]. В.М. Бехтерев соглашался, что стереотипное поведение доминирует, так как является наиболее целесообразным[510]. Американский социолог Ирвинг Гофман посвятил специальное исследование такому шаблонному поведению и пришел к выводу, что в повседневной жизни большинство действий производится автоматически (не задумываясь и не рефлексируя). Такое автоматическое прочтение и интерпретацию в повседневной жизни исследователь назвал фреймами[511].

---

[508] См.: Сухова О.А. Указ. соч. С. 572-575.
[509] Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 544.
[510] См.: Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М., 1994. С. 71.
[511] Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М., 2004. С. 70, 74, 81.

Указанные принципы применимы и для моделей поведения в протестных действиях, связанных с радикальными массовыми формами. Как отметил Сидни Тэрроу, рабочие знают, как проводить забастовку, так как поколения рабочих до них проводили забастовки; парижане строили баррикады, так как баррикады были уже вписаны в историю борьбы парижан; крестьяне осуществляли захват земли, так как так поступали их предки[512]. О.А. Сухова обратила внимание на наличие у крестьян в событиях 1905–07 гг. и в 1917 г., определенной последовательности в протестных действиях, которые, с точки зрения исследователя воспроизводили традиционные представления о способах выражения протеста[513]. Представляется, что такие особенности характерны и для интеллигенции и студенчества: набор протестных действий и модели поведения мало меняются в XIX – начале XXI вв.

Медиакоммуникации в рассматриваемый период становятся ключевым средством в организации и развитии массового политического протеста, а также в его транквилизации.

Направленное коммуникационное воздействие осуществляется медийными и немедийными средствами, но если в начале XX в. немедийные средства преобладают, то в конце XX – начале XXI в. преобладают медийные коммуникации. На современном этапе процессов медиатизации любые коммуникации быстро становятся медийными.

Исследователи подчеркивают двойственную природу СМИ в формировании и развитии протестов, так как протест может носить позитивный характер, как фактор общественного развития, а может нести и негативный характер и последствия. Журналистика[514] часто в социальном конфликте, с одной стороны,

---

[512] Tarrow S. Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics, 3-rd edition. New York: Cambridge University Press, 2011. P. 29-30.

[513] См.: Сухова О.А. Указ. соч. С. 574-575.

[514] Развитие современной «теории журналистики» см.: Корконосенко С.Г. Журналистика сетевых СМИ: смена исследовательских парадигм или продолжение традиций? // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2012. № 2 (43). С. 234-239; Корконосенко С.Г. Понятие социального заказа в теории и практике журналистики // Вопросы теории и практики журналистики. 2025. Т. 14. № 1. С. 5-19; Корконосенко С.Г. Социальность журналистики в социокультурном измерении // Журналістыка – 2020: стан, праблемы і перспектывы. Матэрыялы 22--й Міжнароднай навукова-

выполняет роль «защитного клапана» и выполняет социальную функцию информирования, с другой, – вынуждена выполнять не свойственные ей политические функции[515].

В.А. Евдокимов отмечает, что журналисты и СМИ преподносят социальный конфликт и освещают протесты с позиций сиюминутного эффекта. Это, с точки зрения автора, происходит из-за низкой профессиональной культуры журналистов[516]. Автор считает, что высокая профессиональная культура журналистов является залогом эффективности в деэскалации политического конфликта[517].

С одной стороны, выводы автора справедливы, с другой – массовый политический протест последнего десятилетия дает примеры, когда журналисты, считавшиеся специалистами с высокой профессиональной культурой, создавали условия для формирования и развития массового политического протеста, делая это намеренно и целенаправленно.

А.Н. Чумиков пришел к выводу, что несмотря на кардинальные социально-политические и медиакоммуникационные изменения современного мира, ключевые методы и технологии работы с медиа, предложенные Лениным, не только сохраняют актуальность, но и активно используются властью и оппозицией[518]. Поправка на современность выразилась в том, что в «цветных революциях» роль «ленинских листков» и легальной прессы сыграли социальные сети. С точки зрения, А.Н. Чумикова, различные аккаунты и каналы в социальных сетях в протестных коммуникациях проявляют «ленинское» стремление

-практычнай канферэнцыі. Мінск, 2020. С. 157-160; Корконосенко С.Г. Сущность журналистики, открытая пониманию и неподвластная схеме // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2009. № 2. С. 31-50; Пую А.С., Никонов С.Б., Шафир Т.В. Этап перехода к омнимедиа в Китайской Народной республике // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024. Т. 43. № 1. С. 25-34.

[515] Евдокимов, В.А. Роль средств массовой информации в политизации социального конфликта: дисс на соиск. уч. ст. д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2007. С. 3, 15.

[516] Там же. С. 34.

[517] Там же.

[518] Чумиков А.Н. Медиа как инструмент захвата и удержания власти: ленинская теория и современность // Российская пиарология: тренды и драйверы. Сборник научных трудов в честь профессора В.А. Ачкасовой. Под редакцией А.Д. Кривоносова. СПб., 2021. С. 90.

превратиться в общенациональные каналы информации, а власть предпринимает действия, не позволяющие оппозиционным медиаканалам достичь таких результатов[519]. Сохранение «ленинских принципов», несмотря на новые медиа и конвергентное развитие СМИ, заключается в том, что простого множества локальных офлайн и онлайн каналов и форм подачи информации недостаточно для победы в информационном поле и в политической борьбе, поскольку преимущества обеспечивают общенациональные СМИ с охватом определяющей части населения[520].

Несмотря на широкое использование немедийных коммуникаций в массовом политическом протесте в радикальных и массовых формах первой половины XX в., они неизбежно переходили в медиакоммуникации, так как: 1) речи, сообщения о митингах, агитационный материал использовались для СМИ; 2) массовость воздействия СМИ уже превосходила немедийные коммуникации; 3) газета часто становилась не только «информационным рупором», но и организационным ядром партии политического протеста. Неграмотность населения преодолевалась за счет устного пересказа контента.

XX и XXI вв. – это время полноценных медиакоммуникаций. Их роль нарастает до преобладания с конца XX в. и абсолютной гегемонии в XXI в. Немедийные и медийные коммуникации дополняют друг друга, на протяжении всего периода характерно их взаимопроникновение. В XXI в., в связи с процессами медиатизации, все немедийные коммуникации становятся медийными или потенциально медийными. Новые медиа дают быстрый массовый охват и обеспечивают невозможность полного блокирования.

Эти медиа во многом применяют устоявшиеся технологии традиционных СМИ с «новым звучанием» и расширенным инструментарием[521]. Но их слабыми сторонами является отсутствие действенных механизмов централизации и

---

[519] Там же. С. 92.
[520] Там же. С. 95.
[521] Чумиков А.Н., Балелин Е.В., Шульц Э.Э. Telegram как коммуникационная площадка на выборах президента РФ в 2024 г. // Казанская наука. 2025. № 4. С. 732–736.

десинхронизация информации при сетевом взаимодействии. Традиционные СМИ с их конвергентными составляющими способны нивелировать эти слабые стороны.

Однако в странах «цветных революций» складывалась ситуация, когда и прогосударственные каналы не смогли выстроить достаточную информационную синхронизацию, утрачивая свое доминирование. Оппозиционным ресурсам, напротив, удавалось обеспечить существенный масштаб синхронизации актуального сигнала.

Протесты в Белоруссии 2020–2021 гг. вывели как инструмент медиакоммуникаций телеграм-каналы, хотя исследователи стали писать об этом инструменте и его роли в политических коммуникациях еще до указанных событий[522].

В 2020–21 гг. в России и Белоруссии прогосударственные каналы играли доминирующую роль в информационном пространстве, обладая высоким уровнем информационной синхронизации и противостояния каналам оппозиции. События этого периода дали еще больший толчок к действиям по регулированию

---

[522] Быков И.А. Медиатизация политики в эпоху социальных медиа // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. № 4. С. 15-38; Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровизация современного пространства общественно-политических коммуникаций: Научные концепции, модели и сценарии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 175-193; Ляховенко О.И. Телеграм-каналы в системе экспертной и политической коммуникации в современной России // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. № l. С. 114-144; Дементьева К.В. Развитие telegram-каналов в медиапространстве российских регионов: Специфика, типология, перспективы развития (на примере Telegram-каналов республики Мордовия) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2021. № 20(6). С. 131-144; Дорохин В.Н. Феномен политических Telegram-каналов как инновационных цифровых СМИ в России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 1. С. 103-105; Епишкин И.И. Telegram-каналы: Причины запуска проектов и инструменты продвижения // Меди@льманах. 2017. № 3 (80). С. 30-41; Казанин В.Е. Телеграм-каналы как перспективная технология публичности власти // Вопросы политологии. 2017. № 3. С. 142-149; Каминченко Д.И. Взаимодействие средств массовой информации и общества: анализ информационных повесток дня // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. Т. 39. № 4. С. 533-544; Коноплев Д.Э. Telegram как новая среда коммуникации в СМИ и соцсетях // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 3. С. 198-200; Bykov I.A., Medvedeva M.V., Hradziushka, A.A. Anonymous Communication Strategy in Telegram: Toward Comparative Analysis of Russia and Belarus // 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS). St. Petersburg, Russia, 2021. P. 14-17.

медиакоммуникаций в обеих странах[523]. По такому пути пошли и многие другие государства, применяя различный инструментарий с единой целью – ограничить возможности использования медиаканалов для оппозиционных информационных посланий.

Здесь можно говорить о сходных моделях и закономерностях регулирования медиакоммуникаций. В период угрозы массовых политических протестов власть усиливает регулирование СМИ. «Революционная партия» отстаивает свободу СМИ без ограничений, но с приходом к власти выступает за жесткий контроль за медиа.

Цветные революции, особенно в редакциях после «арабской весны», привели к усилению регулирования медиакоммуникаций в различных государствах[524]. В России эти процессы начались с протестов 2011–2012 гг. и продолжились в период «протестов Навального», в Белоруссии – после протестов 2020–2021 гг., в США и целом ряде «стран золотого миллиарда» – после президентских выборов в США 2016 г.

С точки зрения контроля за медиакоммуникациями работают две главные составляющие: запреты и развитие прогосударственных каналов. Основным каналом остается телевидение как производитель контента, который потребляется большой долей населения: как традиционно через устройство «телевизор», так и в Сети, где этот контент, часто приобретающий вирусный характер, доступен в разных формах и на различных платформах.

Телевидение, радио и пресса в новостных сообщениях дают достаточный уровень синхронизации, как по тематике, так и по интерпретации событий. Не смотрящие телевизор и не читающие СМИ получают выдержки из их контента

---

[523] Шульц Э.Э. Технологии медиапротивостояния в белорусском политическом протесте 2020–2021 гг. // Успехи гуманитарных наук. 2025. № 3. С. 78–84.

[524] Шемякин Е.А., Шульц Э.Э. Особенности регулирования медиа в странах Магриба после событий «Арабской весны» // Казанская наука. 2025. № 4. С. 767–769; Шульц, Э.Э. Регулирование медиакоммуникаций: конец технологий «сетевого протеста»? // Вопросы медиабизнеса. – 2025. – Т. 4. № 2. – С. 5-10.

через социальные сети: персональные страницы, мессенджеры, запуск вирусных мемов и иных сообщений.

Концепт М. Маккомбса и Д. Шоу подразумевает, что обычные граждане оперируют одновременно тремя повестками: 1) личная (внутренняя) повестка дня (социальные, экономические и политические проблемы, наиболее важные для данного индивида), 2) межличностная повестка дня (список проблем, наиболее часто обсуждаемые в своем кругу), 3) воображаемая повестка дня (проблемы, которые, по мнению индивида, считаются самыми важными большинством). В процессе оперирования происходит «конвергенция повесток»[525].

Социальные сети отражают/формируют все три указываемые МакКомбсом и Шоу повестки, более того, усиливают и убыстряют процессы их конвергентности[526]. Социальные сети становятся агрегатором и зеркалом

---

[525] McCombs M. E., Llamas, J. P., Lopez-Escobar E., Rey F. Candidate images in Spanish elections: Second-level agenda-setting effects // Journalism and Mass Communication Quarterly. 1997. Vol. 74. № 4. P. 703-716; McCombs M.E., Shaw D.L. Structuring the “Unseen Environment” // Journal of Communication. 1976. Vol. 26. № 2. P. 18-22; McCombs M.E., Shaw D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // The Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36. No. 2. P. 176-187; Roberts M., McCombs M. Agenda setting and political advertising: Origins of the news agenda. Political Communication. 1994. № 11:3. P. 249-262.

[526] О повестке дня см. доп.: Вандышева Е. Эволюция концепта “политическая повестка” в зарубежных политологических исследованиях // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 4. С. 91-99; Данилов М.В. Властные механизмы политизации социальной повестки дня в России // Актуальные проблемы политологии. 2011. №19. С. 209-213; Казаков А.А. Западная коммуникативистика об установлении информационной повестки дня: Анализ основных подходов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013 Т. 9 № 3 С. 55-61; Казаков А.А. Теоретико-методологический потенциал категории «медийная повестка дня»: возможности и ограничения. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 71 (1). С. 138-143; Колесников В.Н. Актуальная повестка дня в современной России: Факторы формирования // Управленческое консультирование. 2017. № 9 (105). С. 8-17; Лушанкин С.С. Категория «повестка дня» в структуре политического процесса: Понятие «политической повестки дня» и модели ее формирования // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1, № 4. С. 456-465; Руденко К.Н. Феномен повестки дня в СМИ, ее функции и инструменты конструирования // Язык. Текст. Дискурс. 2019. № 17. С. 197-202; Тимофеева Л.Н. Новая социальность в информационной повестке дня: роль старых и новых медиа. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 2. С. 64-69; John P., Bevan Sh., Jennings W. Party politics and policy agenda: The case of the United Kingdom // Agenda setting, policies and political systems: A comparative approach /Ed. By Green-Pedersen Ch. and Walgrave S. The University of Chicago Press, 2014. P. 19-35; Timmermans A., Breeman G. The policy agenda in multiparty government: Coalition agreements and legislative activity in the Netherlands // Agenda setting, policies and political systems: A

общественной повестки дня, проводником общественного мнения[527], т.е. выполняют функции медиатизации общественной и политической повестки.

Значимость темы определяется преодолением «порога осведомленности»: количество публикаций формирует представление о значимости выносимых проблем и правильности сформулированных оценок[528]. В социальных сетях и новых медиа эта проблема решается достаточно просто и быстро.

Пол Лазарсфельд отстаивал принцип большей влиятельности персональной коммуникации в сравнении с формальными средствами массовой информации. К этому он добавлял роль лидеров мнений в политической дискуссии: идеи в СМИ формируют позицию лидеров мнений, а через них формируют представления населения[529]. Социальные сети соединяют в себе СМИ и персональную коммуникацию. Более того, они добавляют и участие лидеров мнений, так как подписчики и читатели определенных каналов воспринимают авторов как лидеров мнений, а также за счет возможности цитирования других лидеров мнений с использованием фрагментов их интервью данному каналу или сообщений с персональной страницы.

Исследователи справедливо отмечают, что увеличение количества медийных субъектов и каналов коммуникаций должно вести к расширению возможностей широкого освещения общественно-значимых вопросов в повестке дня, но в современных реалиях часто ведет к фрагментарности и мозаичности

---

comparative approach /Ed. by Green-Pedersen Ch. and Walgrave S. The University of Chicago Press, 2014. P. 86-104.

[527] Балуев Д.Г., Каминченко Д.И. Отражение ценностей современного российского общества в социальных медиа. Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2017. № 3. С. 5-13; Каминченко Д.И. Порядок как ценность в текстах современных социальных медиа // Информационное общество. 2016. № 2. С. 39-42; Katz J.E. Commentary on news and participation through and beyond proprietary platforms in an age of social media. Media and Communication. 2018. № 4 (6). P. 103-106; Meraz Sh. Is There an elite hold? Traditional media to social media agenda setting influence in blog networks // Journal of Computer-Mediated Communication. 2009. Vol. 14, iss. 3. P. 701.

[528] Brosius H.B., Kepplinger H.M. Linear and nonlinear models of agenda-setting in television // Journal of Broadcasting and Electronic Media. 1992. №36(1). P. 5-24; Weaver D.H. Thoughts on Agenda Setting, Framing, and Priming // Journal of Communication. 2007. № 57 (1). P. 142-147.

[529] Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign. Columbia University Press, 1960. P. 150, 151, 153.

идентичностей и к увеличению количества тем и вопросов, интересующих отдельные группы индивидов, что осложняет процесс формирования общей, единой информационной повестки дня[530].

Исследователи единодушно отмечают главную особенность и проблему данного процесса – фрагментацию повестки на Интернет-платформах и в социальных сетях[531].

Однако данная проблема решается на современном этапе.

П. Лазарсфельд и Р. Мертон предложили способы решения данной проблемы с помощью следующих условий: 1) монополизация, 2) канализация, а не изменение основных значений, и 3) дополнительный контакт лицом к лицу. Монополизация подразумевает практическое отсутствие в СМИ противодействия распространению ценностей, политики или общественных образов (т.е. отсутствие контрпропаганды). Канализация – это воздействие на глубоко укоренившиеся установки и модели поведения. Это должно быть дополнено персональными контактами[532].

Социальные сети обладают потенциалом информационной канализации и предоставления «персонального контакта». Они способны реализовать и другой принцип эффективности коммуникации, предложенный Лазарсфельдом: коммуникационное воздействие по схеме «СМИ – лидер общественного мнения –

---

[530] Каминченко Д.И. Сетевая повестка дня: актуальные новостные темы в интернет-СМИ и современных социальных медиа // Информационное общество. 2022. № 1. С. 51; Назаров М.М. К вопросу о фрагментации современного медиаландшафта: теория и эмпирические результаты // Информационное общество. 2015. № 2-3. С. 91-100.

[531] Дорощук Е.С. Повестка дня как фактор формирования лояльности аудитории регионального телеканала: коммуникационный аспект // Васильева В.В. Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения: сб.матер. Междунар. науч. форума (18-19 апреля 2019 г.). В 2-х томах. Т. 1. СПб, Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 96-98; Назаров М.М. К вопросу о фрагментации современного медиаландшафта: теория и эмпирические результаты // Информационное общество. 2015. № 2-3. С. 91-100; Althaus S.L., Tewksbury D. Agenda setting and the “new” news – Patterns of issue importance among readers of the paper and online versions of the New York Times // Communication Research. 2002. Vol. 29. P 182-183; Edy J.A., Meirick C. The fragmenting public agenda: capacity, diversity, and volatility in responses to the “Most important problem” question // Public opinion quarterly. 2018. № 4. P. 662, 676.

[532] Lazarsfeld P.F., Merton R.K. Mass Communication, Popular Taste and Organized Social Action // Mass Culture. The Popular Arts in America /Ed. by Bernard Rosenberg and David Manning White. New York: The Free Press, London: Collier-MacMillan Limited, 1957. P. 469-471.

индивид»[533], – так как каналы (аккаунты) в социальных сетях представляют для их подписчиков и пользователей лидеров мнений, а также – цитирующих других лидеров мнений.

Следует отметить, что по пути монополизации, причем не только традиционных СМИ и новых медиа, в последние годы пошли все ведущие страны[534]: выйти из установленных оценок в повестке не могут СМИ, а часто и авторы социальных сетей (в связи с административным и уголовным наказанием или «культурой отмены», социальным запросом и т.д.) в США, Великобритании, ЕС, Китае, Израиле и большого количества других стран.

Эта монополизация позволяет частично снять фрагментарность повестки дня на верхнем уровне – уровне политической и медиа повестки дня, но не решает проблему низового уровня – общественной повестки и интерпретаций информационной повестки в различных социальных группах.

Итак, наше исследование направлено на сравнение одного и того же явления на примере исторических и современных событий, с точки зрения: 1) возникновения, развития и завершения радикальных массовых форм политического протеста, 2) социальной основы этих протестных проявлений, 3) их идеологической и мотивационной базы, 4) легитимности действующей власти, легитимности протеста и легитимности новой власти, 5) технологий управления политическим протестом в радикальных и массовых формах в политических целях с точки зрения: а) формируемых ценностей и возможностей их продвижения, б) характерных особенностей личностей лидеров протеста и проблем харизмы и личностного фактора, в) а также использования таких факторов как «внешний фактор» (влияние иностранных государств), «столичный фактор» (столица-

---

[533] Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign. Columbia University Press, 1960. P. 152.

[534] Быков И.А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества: дисс. на соиск. уч. ст. д-ра полит. н. СПб., 2016. С. 73-74; Виноградова С.М., Мельник Г.С. Монополизация СМИ в современном информационном пространстве // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2005. Т. 1. № 2. С. 95-110; Chomsky N. What makes mainstream media mainstream // Z Magazine. 1997, October. P. 17-23; Rossides D.W. Communication, Media, and American Society: A Critical Introduction. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. P. 89.

периферия), «фактор армии» (противодействие возможности использования политической властью силовых мер). Проявляющиеся регулярно схожие события и действия являются закономерностями в ходе радикальных массовых форм политического протеста и технологий управления ими, расхождения – вариативностью или событиями и действиями, которые имели исключительный характер.

Медиакоммуникации в исследуемые периоды являются ключевым средством регулирования массового политического протеста. Направленное коммуникационное воздействие осуществляется медийными и немедийными средствами, но если в начале XX в. немедийные средства преобладают, то в конце XX – начале XXI в. ведущая роль принадлежит медийным коммуникациям. На современном этапе процессов медиатизации любые коммуникации быстро становятся медийными.

Процессы, идущие во многих странах, демонстрируют превалирование традиционных СМИ с их конвергентными механизмами, а также возможности выстраивания доминирующей информационной повестки за счет синхронизации традиционных и новых медиа.

Выводы по главе

К политическому протесту в радикальных и массовых формах в данном исследовании относится определенный набор проявлений протеста: от массовых антиправительственных выступлений, ведущих к столкновению с силами правопорядка, до гражданских войн и революций.

Политический протест в радикальных и массовых формах представляет собой особое явление, которое обладает собственными закономерностями. Силу такого протеста обеспечивает масса его участников и напряженность конфликтного противостояния. Уровень социальной базы этого протеста связан с масштабностью протестного движения, его потенциалом и политическими возможностями. Границы явления выстраиваются от первых публичных проявлений массового протеста, переходящего в радикальные формы, до его завершающих активностей.

Взрывной характер генезиса радикальных массовых форм политического протеста, способных низложить власть, делает их труднопрогнозируемыми.

Технологии управления протестом опираются на: закономерности его возникновения, развития и завершения радикального протеста; создание новой или использование существующей протестной идеологии, способной мобилизовать сторонников; ключевые факторы давления на власть: лояльность армии, помощь внешней силы, включение имиджа столицы, медиакоммуникационные активности.

Ключевые факторы используются не только для атаки на власть, но и для защитных действий со стороны власти. Это реализуется как в момент «входа» (когда политическая группа стремится использовать протест для получения политических выгод), так и «выхода» (когда пришедшие к власти стремятся эту власть удержать, снизив уровень протестных настроений).

Политический протест в радикальных и массовых формах сходит на нет с потерей массы протеста, которая снижается за счет действий власти по нейтрализации лидеров протестующих, удовлетворению требований протеста или в процессе накопления усталости больших социальных групп от социальных

неурядиц. Все три компонента подвержены направленному коммуникационному воздействию и регулированию средствами медиакоммуникаций.

Причины радикальных массовых форм политического протеста носят универсальный характер, что и определяет эти формы протеста как явление с собственной причинно-следственной связью.

Экономические и комбинированные социально-экономические условия, такие как «кривая Дэвиса» и вариации принципов «мальтузианской ловушки» и близкие к ним, не могут считаться причинами возникновения массового политического протеста в радикальных формах, однако могут служить факторами риска для их генезиса, составляя потенциальную питательную базу протеста.

В генезисе массового политического протеста играет роль не фактическое положение вещей, а общественные представления об этом положении. Это и делает протест максимально восприимчивым к направленному коммуникационному воздействию и возможностям регулирования средствами медиакоммуникаций. Доминирующая роль представлений в обществе, а не реальность экономических и демографических факторов в причинах генезиса этого вида протеста позволяет понять, почему люди в отстаивании своих прав и взглядов готовы смириться с материальными потерями, снижением уровня жизни и даже риском физических повреждений и смерти.

В радикальных массовых формах политического протеста наиболее сильные мотивационные установки – это комплексы проблем, связанные с понятием «справедливость». Оно распространяется и на другие сильные побудители: «свобода», «утопия» в виде построения лучшего общества, «национализм» и «интернационализм».

Зарождение массового политического протеста и трансформация его в радикальные формы происходит с формированием представлений больших социальных групп о несправедливости сложившихся условий, вина за которые возлагается на власть, которая не способна исправить положение. Все три компонента имеют определяющее значение. Ухудшение материального положения вплоть до тяжелого будет восприниматься несправедливым, но не вызовет

протеста, если вина за это будет возлагаться на экономический кризис, сторонние силы, но не действующую власть.

Значительность доли населения для протеста определяется долей активных участников и возможностями власти по быстрой нейтрализации протеста и долей населения, находящейся в пассивном состоянии.

Назовем ключевые положения современных теорий общественных движений:

- недовольство существует всегда и в любом обществе,

- этим недовольством можно управлять в целях организации движения,

- недовольство можно создавать,

- движение должно иметь эффективную организацию и обеспечиваться необходимыми ресурсами.

Учет названных факторов обеспечивал эффективное управление коммуникациями в «цветных революциях» и множестве других политических протестов последних лет, в частности, в России 2017–2021 гг.

Основу большинства радикальных массовых политических протестов XX в. составляли интеллигенция и молодежь. В более современных терминах речь следует вести о среднем классе (средних классах) в самом широком понятийном охвате.

Крестьяне и рабочие, в связи с их превалирующей долей в обществе, создают наибольшее представительство среди социальных групп – участников радикальных массовых форм политического протеста в подавляющем большинстве исторических примеров почти до конца XX века.

Исследование позволяет определить четыре базовых компонента стабильности власти или возможности выплеска политического протеста в радикальных и массовых формах: 1) легитимность власти; 2) уровень потенциального социального протеста в государстве; 3) наличие сил и обстоятельств, способных перевести этот протест в массовые и радикальные формы; 4) способность власти защищаться (применение силы, удовлетворение требований, канализирование протеста).

Проблема легитимности является одной из ключевых в генезисе массового политического протеста в радикальных формах.

Сложившиеся на протяжении истории цивилизаций представления общественной мысли фиксируют, что протест, ведущий к политическому перевороту, легитимен против «несправедливой власти», которая не заботится о благе подданных и государства. Однако изначальная легитимность таких протестных выступлений не освобождает от дополнительных усилий по обеспечению легитимности протеста и политического переворота, использовавшего этот протест.

Легитимность обеспечивает основные мотивационные и мобилизационные рычаги, а также жизнеспособность новой власти. Ключевую роль в этих процессах играет идеология, которая становится движущей силой политического протеста в радикальных и массовых формах.

Большую роль в легитимизации и мобилизации сторонников играют эвгемеры («сакрализованные образы») и харизма лидеров. При этом харизма может переноситься как стереотипный образ.

Право силы само по себе не является достаточным основанием легитимности. Здесь как и в классических основаниях легитимности для части населения потребуется фактор времени (то, что исторически сложилось). Именно поэтому протестующие используют дополнительные легитимизующие основания.

Говоря о больших идеологиях, следует обратить внимание, что для их продвижения эффективно работают простые лозунги. Реалистичность политических программ и этих лозунгов имеет второстепенное значение.

В мотивации выхода на политический протест и его переход в массовые и радикальные формы срабатывает вера в «объективные причины», созревшие для таких действий условия. Эта характерная черта становится предметом эксплуатации направленного коммуникационного воздействия, задачи которого создать такие представления («о революционной ситуации) или развеять их (это не революция, а корыстные интересы определенных групп).

В мотивации протестного поведения играют роль еще несколько принципов, взятых на вооружение в управлении коммуникациями. Речь о «принципе жертвенности» («сакральная жертва»): симпатии к «революционным жертвам», жертвам столкновений с силами правопорядка, казни революционеров, преследования властями. В политической психологии известен фактор сопричастности, срабатывающий как «эффект фургона с оркестром». В массовых радикальных акциях политического протеста действует принцип «цепной реакции».

Понятие фреймов – выборочное прочтение, интерпретация и реагирование человеком в повседневной жизни – применимо и для шаблонов поведения в протестных действиях, связанных с радикальными массовыми формами. Набор протестных действий и модели поведения мало меняются в XX вв., но начинают приобретать некоторые особенности в начале XXI в.

Определенные закономерности радикальных массовых форм политического протеста и шаблонность поведения сказываются на достаточно универсальном наборе сценариев возникновения и развития этого протеста.

Медиакоммуникации в рассматриваемый период становятся ключевым средством в организации и развитии массового политического протеста, а также в его транквилизации.

Новые медиа и социальные сети дают значительные коммуникационные возможности, однако обладают существенным недостатком: информационная децентрализация и десинхронизация. Массовый политический протест и угрозы дестабилизации подтолкнули власти разных стран к созданию механизмов регулирования медиакоммуникаций, связанных с Сетью. Законодательное регулирование и монополизация СМИ (которая считалась невозможной в эпоху медиатизации) во многом решили проблемы властей путем закрытия доступа к неактуальной информации и синхронизации определенной информационной повестки.

Процессы, идущие во многих странах, демонстрируют превалирование традиционных СМИ, пользующихся условиями конвергентности, а также

возможностями синхронизации новых медиа и выстраивания доминирующей информационной повестки за счет синхронизации традиционных и новых медиа.

Монополизацию в медиа, под которой понимается политико-юридическое противодействие распространению в СМИ враждебных ценностей, политики или общественных образов, на данном этапе можно отметить как мировой тренд, характерный для СМИ США, Великобритании, стран ЕС, Австралии, Китая, России и многих других стран.

Глава 3. ТРАДИЦИОННЫЕ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И МАССОВЫХ ПРОТЕСТОВ XX ВЕКА

В главе анализируется массовый политический протест в радикальных формах на трех исторических примерах: революциях в России (1905 г., 1917 г.) и на Кубе (1953–1959 гг.), события в Германии 1918–1933 гг. – промежуток между Ноябрьской революцией и приходом к власти национал-социалистов и их первыми реформами (где период 1919–1933 гг. получил название «Веймарская республика»). Все три примера отличаются социальной структурой, культурно-цивилизационными особенностями, историческими условиями формирования политического протеста и его проявлений в радикальных и массовых формах. Однако эти примеры позволяют определить закономерности генезиса и последующей транквилизации протеста, регулирования его средствами коммуникаций вообще и медиакоммуникаций, приобретающих основную роль.

В данном историческом периоде господствуют традиционные СМИ: газеты и журналы, а затем – радио. Все политические партии стремятся использовать возможности медиакоммуникаций, при этом остро стоят вопросы свободы и регулирования СМИ. Вырабатывается комплекс технологий направленного коммуникационного воздействия в формировании и развитии массового политического протеста.

3.1. Политические протесты и дискуссия о свободе журналистики в России 1905–1917 гг.

Революция в России[535] является зоной повышенной общественной чувствительности ввиду ее места в русской и мировой истории, колоссальных

[535] В российской науке используется одновременно и «Российская революция» и «Русская революция». См. напр.: Борисенко В.В. Информационно-пропагандистское воздействие на население во время Великой русской революции (на примере революционного плаката) //

социальных, политических и экономических изменений, которые сопровождались общественной ломкой, трагическими событиями и уже вековым процессом национальной и исторической самоидентификации[536].

Здесь остановимся исключительно на исследовательских проблемах политического протеста в радикальных и массовых формах в период революции в России (начиная с февраля 1917 г. и по начало 1920-х гг.). Датировка связана с тем, что в 1917 г. революция в России, возможно, и не началась (временной ряд можно выстраивать с 1905 г., а можно и с более раннего времени), и точно не закончилась,

---

Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 /Отв. ред. И. И. Тучков. М.: Изд-во АО «РДП», 2018. С. 815-822; Романишина В.Н. Женский фактор Великой русской революции // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 /Отв. ред. И. И. Тучков. М., 2018. С. 287-295; Томашевич О.В. Великая русская революция и хроника одной жизни // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 /Отв. ред. И. И. Тучков. М., 2018. С. 787-795. А также: Зезегова О.И. Народ vs интеллигенция в ходе Великой Российской революции (по дневникам В. В. Бирюковича) // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 /Отв. ред. И. И. Тучков. М., 2018. С. 753-761; Иванова Р.М. Великая Российская революция 1917 года: проблемы методологии истории и историографии // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 /Отв. ред. И. И. Тучков. М.: Изд-во АО «РДП», 2018. С. 761-768; Леонова Л.С. Российская революция 1917 года в идейном наследии П. Б. Струве // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 /Отв. ред. И. И. Тучков. М., 2018. С. 209-217; Стариков С.В. Об основных этапах Великой Российской революции и большевистско-левосоциалистическом блоке в центре и на местах (октябрь 1917-июль 1918 г.) // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 /Отв. ред. И. И. Тучков. М., 2018. С. 152-159.

[536] См. работы: Герасименко Г.А. Судьба демократической альтернативы в России 1917 года и роль ее лидеров // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 3-22; Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Малков С.Ю. Русские революции в столетней ретроспективе // О причинах Русской революции /Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М., 2010. С. 5-24; Концепт “революции” в современном политическом дискурсе /Под ред. Л.Е. Бляхера, Б.В. Межуева, А.В. Павлова. СПб., 2008; Коваленко В.И. Историческая память как категория политической науки: к осмыслению уроков революции 1917 года // Историческое место Советского общества. Материалы Всероссийской научной конференции. Под общ. ред. А.Б. Ананченко. М., 2016. С. 22-29; Коваленко В.И. Столетие революции 1917 г. в России // Вестник Московского гос. ун-та. Серия 12: Политические науки. 2017. № 3. С. 7-16; Малиа М. В поисках истинного Октября. (Размышления о советской истории, западной советологии и новой книге Ричарда Пайпса) // Отечественная История. 1992. № 4. С. 178-187; Миронов В.Б. Великая Русская революция. М., 2011; Пантин И.К. Русская революция как проблема политической философии // Полис. 2011. № 5. С. 48-69; Соловьев А.И. Российский революционаризм: коллизия культуры и политики // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. Т. 8. № 1 (31). С. 16-23; Тимофеева Л.Н. Классическая Русская революция и ее вклад в мировую цивилизацию // Власть. 2017. Т. 25. № 9. С. 47-55; Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907 – 1917–1922. М., 1997; Шульц Э.Э. Русская революция в современном общественном мнении России в контексте коммуникации государства и общества // Вестник филологических наук. 2025. Т. 5. № 3. С. 81-89.

породив Гражданскую войну в стране. Однако именно в 1917 г. произошли два политических переворота, которые задали дальнейший вектор, а в начале 1920-х гг. закончилась Гражданская война (по крайней мере, в активной фазе), и протест явно пошел на убыль.

С нашей точки зрения, революция по сути своей является сложным и составным социально-политическим феноменом, где политический протест в радикальных и массовых формах выступает его частью[537].

Комплекс выдвигаемых исследователями причин революции в России вполне вписывается в круг тех причин, которые предлагаются в сумме исследователями для всех революций и для каждой национальной революции по отдельности[538]. Вопрос для нас в данном исследовании ставится, как и почему возник массовый политический протест в радикальных формах и каков был его алгоритм развития.

Алгоритм массового политического протеста в радикальных формах в Русской революции определяется внутри следующих границ: 1) события февраля 1917 г., получившие название «Февральская революция», 2) период апреля – октября 1917 г., имеющий внутри себя определенные вехи и завершившийся

---

[537] Шульц Э.Э. Теория революции: революции и современные цивилизации. М., 2016. С. 121-122.
[538] Аббасов Р.Г., Борисова О.С., Римский В.П. Великая Русская революция: модернизирующая редакция модерна? // Науч. ведомости Белгородского гос. Ун-та. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. 24. С. 78-87; Бадалян Л.Г., Криворотов В.Ф. Исторические формы мальтузианского кризиса // О причинах Русской революции. М., 2010. С. 158-169; Баженов Н. Русская революция. Заметки о социальной психологии // Независимый психиатрический журнал. 2014. № 1. С. 80-87; Булдаков В. Системные кризисы в России: сравнительное исследование массовой психологии 1904–1921 и 1985–2002 годов // Acta Slavica Iaponica. Т. 22. 2005. P. 95-119; Давыдов М.А. Об уровне потребления в России в конце XIX – начале XX в. // О причинах Русской революции. М., 2010. С. 225-278; Данилов С.И. Феномен революционного психоза // Инициативы XXI века. 2014. № 3. С. 91-94; Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004; Миронов Б.Н. Наблюдался ли в позднеимперской России мальтузианский кризис? Доходы и повинности российского крестьянства в 1801–1914 гг. // О причинах Русской революции. М., 2010. С. 61-111; Он же. Русская революция 1917 года как побочный продукт модернизации // СоцИс. 2013. № 10. С. 29-39; Он же. Развитие без мальтузианского кризиса: гиперцикл российской модернизации в XVIII – начале XX в. // О причинах Русской революции. М., 2010. С. 285-350; Шульц Э.Э. Русская революция и проблема модернизации // Вестник РУДН. Серия “История России”. 2015. № 3. С. 7-17.

октябрьским переворотом, 3) ноябрь 1917 – 1922 гг. (окончание Гражданской войны).

События, которые получили название «Февральская революция» 1917 г., произошли неожиданно как для власти, так и для профессиональных революционеров[539]. Ни готовить эти события, ни участвовать в них эти революционеры не могли, так как почти все находились либо в ссылке, либо в эмиграции.

Промежуток между первыми выплесками протеста и отречением от престола Николая II составил восемь дней. За этот срок, начиная с 23 февраля (по ст. ст.), когда в Петрограде произошла многотысячная демонстрация рабочих, протест быстро набрал массовость. Расстрел демонстрантов 26 февраля привел к увеличению количества протестующих и присоединению к демонстрациям более 20 тыс. вооруженных солдат[540]. Переход Петроградского гарнизона на сторону протестующих определил итог событий. 2 и 3 марта последовало отречение от престола последних Романовых[541].

---

[539] В советской историографии шла дискуссия о стихийности событий февральской революции, но официально торжествовала позиция о подготовке революции партийной работой (См.: Рачковский В. А. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. в отечественной историографии второй половины 1950-х – середины 1960-х годов // Проблемы новейшей истории России: Сборник статей к 70-летию со дня рождения Г.Л. Соболева. СПб., 2005. С. 142). Таким образом, подготовленность революции длительным периодом 1905–1917 гг. частично замещалась подготовкой революции всей деятельностью партии большевиков.

[540] Дело в том, что после расстрельных событий, с утра 27 февраля вспыхнул мятеж в Волынском и Литовском полках, который поддержали другие части Петроградского гарнизона: они и присоединились к демонстрантам.

[541] См.: Блок А. Последние дни старого режима // Архив русской революции: в 22 т., изданный И.В. Гессеном. Т. 4. Берлин: Г.В. Гессен, 1922. С. 5-54; Демьянов А. Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции: в 22 т., изданный И.В. Гессеном. Т. 4. Берлин: Г.В. Гессен, 1922. С. 55-64; Завадский С.В. На великом изломе. Под знаком Временного правительства // Архив русской революции: в 22 т., изданный И.В. Гессеном. Т. 11. Берлин: Г.В. Гессен, 1923. С. 5-30; История России XX – начала XXI века /Под ред. Л.В. Милова. М., 2006. С. 224; Милюков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып.1. София, 1921. С. 40-58; Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. (Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций). 27 февраля – 25 октября 1917 года. Л., 1991. С. 11-12; Родзянко М.В. Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции: в 22 т., изданный И.В. Гессеном. Т. 6. Берлин: Г.В. Гессен, 1922. С. 56-60.

Февральская революция застала врасплох все политические силы[542]. После нее из мест заключения и из эмиграции стали возвращаться представители левых партий, в первую очередь большевики и эсеры[543]. Политические партии занялись процессами управления страной и социальным протестом в политической борьбе.

Политический переворот в феврале 1917 г. был реализован, в сущности, правящей элитой при поддержке интеллигенции. Протесты в столице были использованы для оказания давления на монарха, что привело к отречению от престола и установлению республики. Часть общества посчитала революцию на этом завершенной (как происходит в каждой революции). Однако накопившиеся социально-экономические и политические проблемы при активной левой партии (стремящейся к «своей революции») делали дальнейшее развитие революции практически неизбежным. Свобода и Демократия удовлетворили часть требований интеллигенции, но ожидания рабочих и крестьян революция не оправдала. Кроме нереализованных социально-экономических требований часть рабочих и крестьян, которые были призваны в армию, также не получили удовлетворения требований окончания войны. Июль – август 1917 г. – это время снижения доверия к правительству Керенского, развала армии, появления противоречий в элитах и между различными силами по вопросам путей развития России. В ноябре (октябре – по ст. ст.) 1917 г. Временное правительство во главе с Керенским максимально растеряло поддержку среди всех политических партий и социальных групп, что и определило ту легкость, с которой большевикам удалось его сместить[544].

---

[542] Шульц Э.Э. Великая Русская революция. С. 197-201. Так, в феврале 1917 г. Ленин говорил, что революцию увидят только следующие поколения (Крупская Н.К. Последние месяцы эмиграции. 1917 г. // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 10 томах. Т. 2. М., 1989. С. 220; Цхакая М.Г. Встречи с Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 10 томах. Т. 3. М., 1989. С. 162).

[543] Карр Э. История Советской России. Большевистская революция. 1917–1923. Т. 1. М., 1990. С. 78; Сорокин П.А. Бойня: революция 1917 года // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 231.

[544] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. В 2-х т. Т. 1. М., 2011. С. 292-295; Набоков В. Временное правительство // Архив русской революции: в 22 т., изданный И.В. Гессеном. Т. 1. Берлин, 1921. С. 10.

Характерная черта революционной истории 1917 г. (и последующих событий) – это отсутствие сил (партий, групп, личностей), обладавших уровнем авторитетности, достаточным для проведения направленной политики реформ и удержания власти, избегая при этом гражданской войны.

Партии меньшевиков, эсеров и кадетов выступали за мирный процесс реформирования, большевики могли рассчитывать на доступ к власти и реализацию собственной программы реформ только через силовое противостояние, которое неизбежно вело к гражданской войне.

В истории с заявлением Ленина «Есть такая партия!»[545] точно отражается его принципиальный подход: Ленин готов был брать власть, в отличие от других партий, и ответственность за последствия. Позиция меньшевиков и эсеров была понятна: в ситуации, когда ни одна политическая партия не обладает абсолютной социальной поддержкой, любой однопартийный кабинет министров и проведение в жизнь партийной программы, ведут к гражданской войне, которую необходимо избежать. Однако такой подход не давал провести необходимые реформы в обществе: они откладывались на Учредительное собрание, которое должно было быть избрано к концу 1917 г. При этом было понятно, что ни одна партия и там не получит абсолютного большинства, так что снова возникнет проблема проведения реформ. Позиция Ленина – согласие на гражданскую войну, из которой намеревался выйти победителем, как неизбежное следствие проведения радикальных реформ в обществе.

Ключевыми пунктами в движении Русской революции между июнем и октябрем стали протестные выступления в Петрограде 3–5 июля, возглавляемые большевиками, и «корниловский мятеж» в конце августа 1917 г.

Ядром протестных выступлений 3–5 июля выступили солдаты 1-го запасного пулеметного полка и гарнизон Кронштадтской крепости. Большевики дали этим

---

[545] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 10 томах. Т. 4. М., 1990. С. 221; Троцкий Л.Д. История русской революции. В 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 455; Церетели И.Г. Речь на I Всероссийском съезде Советов 4 июня 1917 года // Дан Ф.И., Церетели И.Г. Два пути. Избранное. Ч. 2. М., 2010. С. 100.

акциям лозунги «Долой министров-капиталистов!» (представителей кадетов) и «Вся власть Советам!». Демонстрации вооруженных людей естественно привели к столкновениям с силами правопорядка. Вызванные с фронта части (с согласия ЦИК Советов – меньшевики и эсеры) 6 июля подавили протестные выступления[546].

Здесь примечательны два факта. Во-первых, сообщения о выходе министров-кадетов из правительства и об успехе восстания привели к росту количества вооруженных демонстрантов и их активности. Во-вторых, предупреждение Ленина, что фронтовики еще не на стороне большевиков и подавят восстание, оказались верными[547]. Борьба за поддержку этих фронтовиков станет ключевой для большевиков на следующем этапе революции.

События 3–5 июля продемонстрировали опасность большевиков для правительства, что привело к соответствующей реакции: большевики были обвинены в подрывной деятельности на деньги немецкого генерального штаба. Часть партийного руководства было арестовано (Троцкий, Коллонтай и др.), части удалось бежать (Ленин, Зиновьев). Общественное мнение повернулось против большевиков, партия потеряла поддержку даже среди своих традиционных сторонников[548].

В борьбе с большевиками объединились все партии, на них Керенский постарался списать все неудачи и поражения на фронте[549]. Это был сильный политический ход, который дал Керенскому два месяца относительного спокойствия: протест потерял лидеров и организаторов, массы были

---

[546] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. (Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций). В 4-х томах. Т. 4. (3 июля – 25 октября 1917 года). М., 2003. С. 6, 15-21. См.: Герасименко Г.А. Судьба демократической альтернативы в России 1917 года и роль ее лидеров // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 12; Федюк В. Керенский. М., 2009. С. 189.

[547] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 128.

[548] Ленин В.И. ПСС. Т. 32. М., 1969. С.422, 424-426, 427, 433-434. («Новое дело Дрейфуса?» «Дрейфусиада», «В опровержение темных слухов», «К вопросу об явке на суд большевистских лидеров».); Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 28; Сорокин П.А. Бойня: революция 1917 года. С. 239; Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 1. С. 407; т. 2. Ч. 1. М., 1997. С.232-236.

[549] Керенский А.Ф. Дело Корнилова. М., 1918. С. 4.

дезорганизованы и разочарованы. Керенскому удалось создать и возглавить более однородное правительство, нивелировать самые острые проблемы во взаимоотношениях с Советами. Керенский посчитал, что с левой оппозицией покончено, и нацелился на борьбу с правой оппозицией[550]. (Классический сценарий Великой французской революции: борьба с левыми и с роялистами).

В марте – июне Временное правительство стремится обеспечить легитимность и поддержку за счет Государственной Думы (самый короткий этап) и Исполкома Советов[551]. В июле – сентябре происходит смещение в сторону попыток «широкого политического форума». В поисках социальной базы и легитимности своего правительства Керенский инициировал созыв Государственного собрания (8 августа 1917 г., Москва) и Совета республики (сентябрь 1917 г.) – представительных органов, которые были сформированы путем делегирования (от различных хозяйственных, общественных и государственных организаций), а не обычной пропорциональной избирательной системы[552]. Это дало возможность устранить крайне левые настроения в этих «предпарламентах», но не обеспечивало реальную поддержку населения. Примечательна здесь попытка уйти от давления протеста в столице за счет переноса заседаний в Москву, куда планировалось перевести и будущее Учредительное собрание[553].

Подробности событий т.н. корниловского мятежа описаны в мемуарной литературе[554].

---

[550] Там же. С. 8.

[551] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1996. С. 184, 192.

[552] См.: Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 1. Вып.2. С. 112; вып. 3. С. 123-124; Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2. Ч. 1. С. 299. Историю возникновения и деятельности Предпарламента см.: Руднева С.Е. Предпарламент: октябрь 1917 года. Опыт исторической реконструкции. М., 2006.

[553] Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2. Ч. 1. С. 157.

[554] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 244; Демьянов А. Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции: в 22 т. Т. 4. Берлин, 1922. С. 112-113; Головин Н.Н. Российская контрреволюция. Т. 1. С.162-163; Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 1. Вып.2. С. 60-70, 182-202; Набоков В. Временное правительство. С. 44-45; Чернов В. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920. М., 2007. С. 304, 344-346.

Для борьбы с 3-м конным корпусом генерала А.М. Крымова, а также для противостояния тем, кто сочувствовал стремлениям Корнилова, Керенский вынужден был обратиться к революционной борьбе – к тому, что в течение нескольких месяцев стремился успокоить. В этой борьбе наиболее сильными союзниками оказались большевики и их влияние на рабочие организации и гарнизоны Петрограда. Такой поворот событий сделал большевиков одной из ведущих сил в Петрограде. Корниловский мятеж был гениально использован Лениным в борьбе за власть: большевики вернули авторитет, предстали деятельными защитниками революции, а Керенский стал выглядеть слабым. Большевики перехватывали знамя настоящих революционеров, отстаивающих интересы революции и народа, и намерены были использовать это положение против Керенского[555].

Дополнительным фактором стало и то, что массированная антибольшевистская пропаганда июля-августа о «немецком следе» истощилась. Во-первых, не было представлено фактов сотрудничества большевиков с немцами. Во-вторых, обилие антибольшевистских нападок со стороны теряющей доверие власти и партий кадетов и меньшевиков дало противоположный эффект: симпатию к обвиняемым[556].

В результате корниловского мятежа большинство мест в Петроградском Совете рабочих и его Исполнительном комитете, который имел большое влияние среди рабочих, стали занимать большевики[557]. Созданный Военно-революционный

---

[555] Ленин В.И. Письмо Питерской городской конференции (для прочтения на закрытом заседании) // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 34. М., 1969. С. 347; Ленин В.И. В Центральный комитет РСДРП. С. 121.

[556] Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 41. М., 1981. С. 85.

[557] Точкой отсчета, положившей начало быстрому процессу большевизации Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, считается резолюция 31 августа. Вечером 31 августа Л.Г. Каменев внес в ЦИК резолюцию большевиков с требованием, в связи с Корниловским мятежом, устранить колебания в вопросе об организации власти и вывести из нее кадетов, однако большинство ЦИК (меньшевистско-эсеровское) эту резолюцию отклонило. Тогда Каменев внес эту резолюцию вечером того же дня на обсуждение собрания Петроградского Совета, и Петроградский Совет, впервые за всю историю этого органа, дал преимущество большевистской инициативе. (См.: Петроградский Совет… Т. 4. С. 7-8, 244-247). Меньшевики и эсеры отреагировали на это поражение, сделав свой ход, но неверно оценили обстановку и проиграли.

комитет (ВРК) Петроградского совета, пользуясь авторитетом Советов и борцов с «корниловщиной», распространил свое влияние на значительную часть расквартированных в Петрограде полков. Поддержка гарнизона Петропавловской крепости давала контроль над центром города и крупнейший в городе арсенал оружия (который пошел на вооружение Красной гвардии)[558]. Достаточно действенным оказался контроль над печатной продукцией в городе, установленный через Союз типографских рабочих, который принял решение не печатать без санкции ВРК[559]. Эти ресурсы и факторы (фактор армии, фактор направленного коммуникационного воздействия) большевики использовали для октябрьского переворота в столице.

Проблема социальной базы большевиков в период борьбы за власть и гражданской войны является одной из наиболее дискутируемых в общественных науках[560]. Две крайние позиции по этому вопросу сформировались почти одновременно с октябрьским переворотом 1917 г. Первый подход записывал в поддержку партии большевиков бóльшую часть населения; второй отказывает большевикам в социальной поддержке и считает их немногочисленной группой фанатиков, опиравшихся на незначительное количество представителей маргинальных групп.

Президиум Петроградского Совета инициировал вопрос о доверии действующему Президиуму, выдвигая на голосование вопрос доверия всему составу (7 меньшевиков и эсеров) и намереваясь подать в отставку, если голосование будет не в их пользу. Большевики выдвинули встречное предложение: к действующим 7 членам Президиума избрать еще 7 представителей большевиков. 9 сентября на общем собрании Петроградского Совета победило предложение большевиков. С этого момента в Петроградском Совете начинается смена руководства, Л.Д. Троцкий возглавил Президиум и стал председателем Совета, а большевики получили большинство в Исполкоме. (См.: Петроградский Совет… Т. 4. С. 8-9, 300-324).

[558] Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2. Ч. 2. С. 91-92, 111; Федюк В. Керенский. М., 2009. С. 327-328.

[559] Л.Д. Троцкий признавал, что «контроль через типографских рабочих был самым действенным из всех возможных видов контроля над печатной агитацией контрреволюции». (Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2. Ч. 2. С. 103).

[560] Шульц Э.Э. К вопросу о социальной базе революции 1917 г. // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2017. № 3. – Режим доступа: http://dx.doi.org/10.18384/2224-0209-2017-3-825 (дата обращения: 27.01.2024); Шульц Э.Э. Социальная база большевиков в 1917 г. // Свободная мысль. 2017. № 6. – Режим доступа: http://svom.info/entry/790-socialnaya-baza-bolshevikov-v-1917-godu/ (дата обращения: 27.01.2024)

Летом-осенью 1917 г. в стране проходили выборы различного уровня, которые дают определенные данные о социальной поддержке партий и динамике изменений.

На выборах в I Всероссийский съезд Советов, который открылся в июне 1917 г., эсеры получили 34,67% мандатов, меньшевики – 30,17%, большевики – 12,77%. Учитывая дальнейшие реалии, можно записать в актив большевикам еще 10 делегатов «объединенных социал-демократов», которые в июле вошли в РСДРП(б)[561], и итоговый результат можно считать как 15,2%[562].

На следующем съезде Советов, через четыре месяца, происходят разительные изменения. На открытии съезда присутствовало 649 делегатов: большевики – 60% (390 делегатов), эсеры – 24,65% (160), 11,09% (72 делегата) – меньшевики. После того, как правые социалисты покинули съезд, количество делегатов уменьшилось до 625, что увеличило до 62,4% долю большевиков, и создало группу в 179 делегатов – 28,64%, известную как «левые эсеры», которые вошли в правительство большевиков[563]. Таким образом, коалиция, создавшая новое правительство, получила 91% голосов делегатов съезда.

Сравнительный анализ данных делегатов I и II съездов демонстрирует потери эсерами 10% делегатских мандатов, а меньшевиками – почти 20%. Эти голоса избирателей получили большевики[564]. Борьба за голоса избирателей с меньшевиками и эсерами определяла стратегию и тактику большевиков, где

---

[561] Т.н. «межрайонка» во главе с Троцким и Луначарским.

[562] Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 32. М., 1955. С. 370 (БСЭ); Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. В 2-х т. Т. 1. М., 2011. С. 117; Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М., 1967. С. 1027-1028. (СИЭ). Ленин приводил немного заниженные данные: 790 делегатов, 103 из которых (13%) составляли большевики. (Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 37. М., 1969. С. 282). Троцкий приводил почти точные цифры – см.: Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2. Ч. 2. С. 271.

[563] БСЭ. 2-е изд. Т. 9. М., 1951. С. 371-372; Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. С. 282; СИЭ. Т. 3. М., 1963. С. 886; Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2. Ч. 2. С. 270.

[564] Эту тенденцию отмечал уже Ленин (Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 41. М., 1981. С. 57).

важным фактором стала поддержка меньшевиками и эсерами всех составов Временного правительства.

Еще один срез общественных настроений дают выборы в местные законодательные органы и самоуправление. К сентябрю 1917 г. состоялись выборы в городское самоуправление в 643 городах России (из 779), на которых большевики получили 7% в губернских городах и 2% в остальных[565]. Учитывая время избирательных кампаний – июль – август 1917 г., когда большевики были объявлены вне закона и популярность партии снизилась в связи с т.н. «делом о немецких деньгах», то результат представляется вполне успешным.

А вот выборы в Петрограде и Москве, которые прошли в конце августа – начале сентября 1917 г. дали принципиально иные результаты. Большевики в районных думах Москвы получили 51%. Этот рост на 40% (с 11% в июне 1917 г.) произошел за счет оттока избирателей от меньшевиков и эсеров, которые потеряли 8% и 44% соответственно[566]. В Петрограде большевики получили 33% голосов избирателей, сформировав самое большое партийное представительство[567].

Выборы в Московскую городскую думу (25 июня 1917 г.) и в Учредительное собрание по Москве (19–21 ноября 1917 г.) тоже свидетельствуют об изменениях в политических настроениях. Если в июне 1917 г. в Москве у большевиков было 12% голосов, то в ноябре уже 48%. Разница для тех же выборов для кадетов составляла рост с 17% до 34%, а для эсеров падение с 58% до 8% голосов избирателей[568].

Между летними выборами в городские думы (данные по 44 городам) и осенними выборами в Учредительное собрание (данные по 80 городам) партия большевиков в среднем нарастила 23% голосов избирателей; партия кадетов – 12%, а эсеры потеряли 29%[569]. Эти данные свидетельствуют о радикализации городских

---

[565] Милюков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 3. София, 1921. С. 84-85.
[566] См.: Милюков П.Н. Указ. соч. С. 80.
[567] Там же. С. 185.
[568] Знаменский О.Н. Всероссийское учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976. С. 293.
[569] Там же.

жителей, которые занимали непримиримые политические позиции, и о победе большевиков в борьбе за голоса городов над эсерами и особенно меньшевиками.

Избирательная кампания в Учредительное собрание в сентябре-ноябре 1917 г. дала результаты, которые представляют несомненный интерес. Почти половина избирателей, не дошедшая до урн голосования, вполне объясняется сложностями организационного процесса в воюющей стране, переживающей период смены власти, падением доверия к власти и усталостью от выборов (вторые или третьи за полгода).

Согласно имеющимся уточненным данным[570] (60 избирательных округов из 79) за РСДРП(б) проголосовало более 10,5 млн избирателей (23,9% голосов от пришедших на выборы), за партию «социал-революционеров» – почти 18 млн (40%), за партию «конституционных демократов» (кадеты) – 2,1 млн (4,7%), за РСДРП(о) (меньшевики) – меньше 1,2 млн (2,3%)[571].

Большинство избирателей-крестьян, как и ожидалось, проголосовало за эсеров. Большевики и кадеты держали первенство в большинстве городов. Лучший результат эти партии сделали в Петрограде и Москве: большевики взяли 46,4% голосов суммарно в обоих городах, а кадеты – почти 30%, эсеры –12,8%, меньшевики – 3%. Такой же высокий уровень поддержки избирателей большевики получили и в обоих столичных регионах: в Петроградской губернии и Центрально-Промышленном районе (Московская, Владимирская и Тверская губернии).

---

[570] Данные по 54 избирательным округам (из общего числа 79) были опубликованы еще в 1918 г. и достаточно близки к финальным подсчетам. Большевики – 9,2 млн голосов избирателей (25%), эсеры и меньшевики – 22,62 млн – 62%, правые партии (в том числе национальные и националистические, из них кадеты – 1 856 639) – 4,62 млн, или 13% голосов от зарегистрированных бюллетеней. Голоса «русских эсеров» (16,5 миллиона голосов) Ленин считал вместе с эсерами других наций (украинских, мусульманских и пр.) и выводил цифру в 20,9 миллиона, т.е. 58%, меньшевиков – (получили 668 064 голоса) с «аналогичными группами» («народных социалистов» (312 тыс.), «Единства» (25 тыс.), кооператоров (51 тыс.), украинских социал-демократов (95 тыс.), украинских социалистов (507 тыс.), немецких социалистов (44 тыс.) и финских социалистов (14 тыс.) и получал итог в 1,7 миллиона. (Ленин В.И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 40. М., 1974. С. 2).

[571] Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 273.

Сверхвысокие значения дала Лифляндия (Латвия и Эстония), где за партию большевиков отдали голоса 72% пришедших на выборы избирателей[572].

Преимущества в мобилизации электората имели большевики и кадеты – городские избиратели, наибольшие сложности испытывали эсеры, чей избиратель преимущественно проживал в сельской местности. Большевики сумели развернуть агитацию через рабочие организации и представителей во фронтовых частях и в военных гарнизонах городов. Печатная агитация большевиков (в первую очередь – газеты и листовки) достигала значительного размаха (хотя и уступала кадетской и эсеровской)[573].

Новое правительство распространяло информацию о новых декретах: о мире, о земле, об экспроприации богачей, о рабочем контроле на предприятиях, – которые обеспечили рост социальной поддержки. Активная политика реформ делала большевиков партией реальных дел, особенно после Временного правительства.

Кадеты (партия Конституционных демократов) представлялась в массовом сознании как партия дворянства, буржуазии и имущих интеллигентов, партия социалистов-революционеров (эсеров) – как политическая организация крестьянства, РСДРП объединенная (меньшевики – РСДРП(о)) и большевики (РСДРП(б)) – как партии рабочих[574]. Результаты электоральных кампаний демонстрируют, что в борьбе (с меньшевиками и частично эсерами) за «рабочие голоса» к ноябрю 1917 г. большевики одержали верх. Борьба за крестьянство с эсерами была построена на Декрете о Земле (идея принадлежала эсерам, но реализована большевиками) и на союзе с частью партии эсеров, выделившихся в «левых эсеров».

Приведенные электоральные данные дают 10-миллионную поддержку избирателей, большинство которых служили в гарнизонах Петрограда и губернии,

---

[572] Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 293; Ленин В.И. Выборы в Учредительное собрание. С. 4.
[573] Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 244.
[574] Меньшевистские и эсеровские листовки 1917–1918 годов // Отечественная история. 1993. № 1. С. 151.

Москвы с губернией, в частях Северного и Западного фронтов и на Балтийском флоте. Большей частью это представители крестьянства, мобилизованные в годы войны.

Процент рабочих в поддержке большевиков точно определить затруднительно. Ленин считал, что на 1917 г. в России около 3 млн промышленных рабочих, 1 млн из которых является сторонниками партии большевиков[575].

То есть осенью 1917 г. в 10 млн избирателей большевиков рабочие точно составляли менее трети. При этом были наиболее активной частью населения в отстаивании своих требований, в том числе с оружием в руках. Следует принять во внимание и то, что поддержка на выборах осенью 1917 г. не гарантировала ее в дальнейшем, что сказалось на появлении антибольшевистских рабочих протестов в 1918–1924 гг.[576]

Крестьянство в 1917 г. являлось самым большим классом и составляло 80% населения Российской империи[577]. Военная мобилизация сделала представителей этой большой социальной группы большинством в армии. Соответственно, когда мы ведем речь о полученных большевиками голосах фронтов и гарнизонов – это голоса этой крестьянской массы, одетой в серые шинели. Революционные события в столице не сильно вовлекали эти массы, но в гражданской войне крестьяне, как представители армии, так и взявшие оружие, «оторвавшись от сохи», составили подавляющее большинство в противостоящих армиях («белых» и «красных»).

Представляют интерес данные о социальной принадлежности членов левых партий. В партии эсеров (социал-революционеров) 40% членов являлись рабочими, 45% – крестьянами и солдатами, более 10% – интеллигенция, студенчество и

---

[575] Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 34. М., 1969. С. 313; Ленин В.И. Уроки революции // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 19. М., 1968. С. 421.

[576] См.: Ленин В.И. Записи во время приема крестьян деревни Бекетово Булгаковской волости Уфимской губернии. 19 марта 1921 г. // Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 421; Ленин В.И. Переписка с Э.М. Склянским. 26 апреля 1921 г. // Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 428-429; Питерские рабочие и диктатура пролетариата. Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. Сборник документов. СПб.: Блиц, 2000. С. 11, 13-14, 60-65, 113-115, 280-283.

[577] Статистический ежегодник России. 1913 г. Год десятый. СПб., 1914. С. 77, 87.

учащиеся[578]. Эмпирически в партии большевиков рабочие были представлены несколько хуже, существенно больше была доля интеллигенции. Так статистика делегатов съездов большевиков дает представительство рабочих на уровне не более одной трети делегатов (пятый, шестой, восьмой и десятый съезды партии) между 1907 и 1921 гг.[579] Даже на X съезде в 1921 г., когда партия большевиков массово включила представителей рабочих, треть делегатов была выходцами из интеллигенции[580].

Несмотря на незначительную долю крестьян в партии большевиков[581], Ленин сумел перехватить инициативу и выиграть борьбу за часть крестьянства у эсеров: крестьяне, составляющие большинство на фронтах и в гарнизонах поддержали Декреты большевиков о мире и земле.

Характерной особенностью крестьянского бунта рассматриваемого периода было влияние воинственности молодых мужчин[582], связь роста социальной агрессии с возвращением с отхожих промыслов сельской молодежи[583]. Информация о бунте в соседней деревне становилась спусковым механизмом для распространения протеста, экономического саботажа в деревне, захвата земель, погромов имений. Легитимизация строилась на легендах и слухах о принадлежности земли крестьянам по новым указам и грамотам, противодействии помещиков и чиновников: захват земли и погромы обосновывались восстановлением справедливости. Быстрые меры карательного характера по отношению к зачинщикам и участникам беспорядков останавливали протестные

---

[578] Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 540.
[579] Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1959. С. 452; Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Протоколы. Стенографический отчет. М., 1963. С. 760; Пятый съезд РСДРП. Май-июнь 1907 г. Изд. 2-е. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. С. 660; Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 г. Протоколы. М., 1958. С. 295.
[580] Десятый съезд РКП(б). С. 760.
[581] Так, например, на X съезде делегаты из крестьян составляли 3% (Десятый съезд РКП(б). С. 760).
[582] Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907 – 1917–1922. М.: Весь мир, 1997. С. 301.
[583] Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 552.

выступления в деревне. При отсутствии такой реакции крестьянский бунт продолжался и ширился[584].

Итак, осенью 1917 г. большевики стремительно аккумулируют протестные настроения всех социальных слоев[585]. 25% (при 50-60% явке) голосов на выборах в Учредительное собрание и высокий процент голосов за эсеров закрывали путь большевикам к реализации их программы реформ. Однако преимущества большевиков заключались в том, что они имели серьезную поддержку среди столичных рабочих, в гарнизоне Петрограда и среди моряков Балтийского флота, что позволяло оказывать силовое воздействие на любое правительство. К этому добавлялась поддержка солдат ближайших к столице фронтов. Избиратели эсеров были далеко, растянувшись по всей стране, при этом их готовность выступить с оружием в руках остается под большим вопросом. Еще хуже в данном контексте обстояли дела у кадетов, а тем более у меньшевиков. Эти факторы обеспечили большевикам силовой захват власти и способность власть удержать, а также повлияли на долгую «раскачку» контрреволюционных выступлений и начало гражданской войны в ее «горячей стадии» – вооруженного противостояния.

Интеллигенция была самым активным двигателем революционных изменений как в предреволюционные годы, так и в первый период революции, была наиболее представлена в партийном руководстве и среди членов всех левых партий[586].

На 1917 г. около одной трети российского общества составляла молодежь в возрасте от 15 до 30 лет[587], которая стала питательной базой всех левых партий и движений. В революционных событиях 1905–1907 гг. одной из движущих сил

---

[584] См.: Сухова О.А. Указ. соч. С. 559, 560, 561, 564-566, 571.
[585] Ленин В.И. Большевизм и «разложение» армии // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 32. М., 1969. С. 256; Ленин В.И. Заседание Центрального Комитета РСДРП(б) 16 (29) октября 1917 г. // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 34. М.: Политиздат, 1969с. С. 396.
[586] Горький А.М. В.И. Ленин // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. М., 1989. С. 234-235; Ленин В.И. Конспект речи по вопросу об отношениях рабочих и интеллигентов в с.-д. организациях // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 10. М.: Политиздат, 1967. С. 388; Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000. С. 617.
[587] Статистический ежегодник России. С. 80.

массового протеста стали студенческие протесты[588]. Ядро левых партий составляла молодая интеллигенция, а в партии большевиков рабочая молодежь (чаще всего еще не сформировавшая свои семьи) обладала большим представительством[589] и являлась основой боевых дружин[590].

Для определения некоторых возрастных ориентиров мы можем использовать данные по делегатам съездов большевиков. Так, средний возраст делегатов съездов партии большевиков в мае – июне 1907 г. (V съезд) составлял 27 лет[591], в августе 1917 г. (VI съезд) – 29 лет[592], в марте 1919 г. (VIII съезд) – 31 год[593], а в 1921 г. на X съезде возрастная группа от 20 до 34 лет составляла более 70% делегатов[594].

В грядущей гражданской войне серьезный расчет строился Лениным на т.н. «инонациональное население» (национальные окраины империи и представители нетитульной нации, в современной терминологии), которое представляло более половины от всего населения[595]. С точки зрения Ленина, потенциал Польши в два раза превышал возможности по потенциальным восставшим рабочим в двух самых крупных городах (Петроград и Москва)[596]. Этот подход нашел практическое применение в годы гражданской войны.

В гражданской войне столкнулись протестные настроения против «прежнего режима», против «нового порядка», против и старого, и нового порядков. В этих противостояниях сил большевиков оказалось достаточно для победы. При этом ни

---

[588] Первая революция в России. С. 516.
[589] Ленин В.И. Кризис меньшевизма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 14. М., 1969. С. 162.
[590] Ленин В.И. В боевой комитет при Санкт-петербургском комитете // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 11. М., 1960. С. 336-337; Ленин В.И. Советы постороннего // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 34. М., 1969. С. 383.
[591] Пятый съезд РСДРП. С. 661.
[592] Шестой съезд РСДРП. С. 294.
[593] Восьмой съезд РКП(б). С. 452.
[594] Десятый съезд РКП(б). С. 760.
[595] Ленин В.И. Статистика и социология // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 30. М., 1973. С. 356.
[596] Ленин В.И. Материалы к статье «Новые задачи и новые силы». Заметки к статье «Мобилизация армии пролетариата» // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 9. М., 1967. С. 403.

одной из сторон не нашлось достаточно сил, чтобы противопоставить большевикам[597].

Победу в гражданской войне обеспечила основная масса населения – крестьянство. Как и в период Великой французской революции сыграл фактор возвращения помещиков и отбор земли у крестьян, что и толкнуло крестьян массово на сторону Красной армии[598], и этот перелом произошел осенью 1919 г.[599]

Внешний фактор воздействия на политический протест в радикальных и массовых формах, который оказал самое сильное влияние, безусловно, следует рассматривать в I Мировой войне. В результате этой войны произошли революции в России, Австро-Венгрии, Турции и Германии, которые упразднили эти империи, так что переоценить этот фактор крайне сложно[600]. Однако в революции в России внешним фактором для радикальных массовых форм политического протеста выступили попытки Германии вывести Россию из войны через революционизирование страны и интервенцию в годы Гражданской войны.

Еще в 1904–1905 гг. в ходе Русско-японской войны появились слухи и предположения о финансировании японской разведкой революционных беспорядков в России[601]. Здесь мы касаемся темы иностранного воздействия на организацию политического протеста в радикальных и массовых формах. С одной стороны, такое вмешательство почти всегда существует, в той или иной мере,

---

[597] О проблемах и слабостях «Белого движения» см.: Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и гражданской войны (окт.1917–1920 гг.). М., 2002. С. 233.

[598] Сохранилось множество свидетельств современников, как поначалу крестьяне положительно встречали Добровольческую армию и как отношение быстро менялось на противоположное – см. напр.: Власть и общество в условиях Гражданской войны // Отечественная История. 1998. № 3. С. 99.

[599] Шульц Э.Э. Великая русская революция (1905–1922 гг.): Причины. Последствия. Технологии. События и люди. М., 2018. С. 269.

[600] Шульц Э.Э. Теория революции: революции и современные цивилизации. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 186-187.

[601] См.: Воронович Н. Русско-японская война. Воспоминания. Нью Йорк, 1952; Вотинов А. Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904–1905 гг. М., 1939; Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны. Изд. 2-ое. Берлин, 1911; Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны. СПб., 1906. О муссировании темы японских денег для первой русской революции современниками см.: Павлов Д.Б. Японские деньги для первой русской революции. М., 2011 С. 3, 4-8.

особенно в современном обществе. С другой стороны, существует и антипротестная направленная коммуникация, использующая идею о зарубежном вмешательстве.

Так, например, японская разведка действительно пыталась поддержать революционные группы в России, но вряд ли эта поддержка была существенной и в принципе могла оказать значительное влияние. Но сам факт таких попыток действительно сыграл определенную роль в шельмовании революционеров. Более того, «японские деньги» сформировали определенные настроения и представления, которые позволили появиться делу «о германских деньгах», в получении которых для борьбы с законным правительством России публично обвинили большевиков.

Эту технологию стали преподносить как эффективную в Японии, США и Европе[602]. Исследования о Русско-японской войне, причинах поражения стали появляться сразу после этой войны и вызывали повышенный интерес. Анализ закулисных действий говорил о том, что попытки разрушительной деятельности японской агентурой предпринимались, а объемы и успешность не играли большой роли. Больший интерес представляло то, что, во-первых, такая деятельность по отношению к противнику может вестись, во-вторых, внутриполитическая борьба и организация протестных выступлений в стане противника может сказываться на боеспособности армии противника и стать предпосылкой необходимых условий мирных переговоров.

Уже для середины XIX в. известны случаи обвинения ряда государств в стремлении получить выгоды за счет разжигания революций в других странах[603], так что для 1905 г. и, тем более, для 1917 г. такие технологии не стали принципиальной новинкой.

Все политические группы начала XX в. в России обвиняли друг друга в получении финансовой помощи из-за рубежа и в обслуживании интересов

---

[602] Историография см.: Павлов Д.Б. Указ. соч. С. 16-17.

[603] См. напр.: Маркс К. Восточный вопрос – революция в Испании – Мадридская печать // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 10. М., 1958. С. 401; Маркс К. Михаил Бакунин // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 9. М., 1957. С. 296-298.

зарубежных правительств. Ленин обвинял царское правительство и Временное правительство в финансовой и полуколониальной зависимости от зарубежных «доноров» и обслуживании интересов Англии и Франции в Первой мировой войне[604]. После попытки большевистского выступления и переворота 3–5 июля 1917 г. Керенский организовал следственную комиссию, которая должна была найти доказательства сотрудничества большевиков с немецким генштабом (комиссия допросила более 200 человек, использовала документы контрразведки и изъятые у руководства большевистской партии, но доказательств такого сотрудничества предъявить не смогла)[605].

В рассмотрении проблемы внешнего вмешательства в Русскую революцию, необходимо отметить, что история с «немецкими деньгами» для большевиков является продуктом политической борьбы лета 1917 г. и полностью сфабрикованным обвинением[606]. Германия, безусловно, пыталась вести игру со ставкой на беспорядки в России, но серьезное влияние как внешний фактор оказал фактор войны, а не разведывательная и подрывная деятельность немецкого генерального штаба[607]. При этом следует учитывать, что политические силы в борьбе за протестные массы использовали обвинения в работе большевиков на иностранные силы.

Фактор армии и вооруженных отрядов сыграл куда бóльшую роль.

---

[604] Ленин В.И. Европейский капитал и самодержавие // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 9. М., 1967. С. 372-373.

[605] Макаренко П.В. Германский фактор в Октябрьской революции 1917 г. С. 37-38.

[606] Шульц Э.Э. Великая русская революция (1905–1922 гг.): Причины. Последствия. Технологии. События и люди. М., 2019. С. 211-213.

Современное исследование проблемы, историография вопроса и дополнительные документы см.: Макаренко П.В. Указ. соч. С. 30-45; Попова С.С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М., 2010; Хальвег В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. М., 1990. См. также: Катков Г.М. Февральская революция. М., 2006. С. 86-140; Соболев Г.Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб., 2009.

[607] О том, что германские власти преследуют вполне определенные и понятные цели, устраивая возвращение группы русских революционеров в Россию, эти революционеры понимали, в свою очередь, старались использовать эти надежды немецкого генштаба для того, чтобы получить проезд в страну.(Суханов Н. Из книги «Записки о революции» // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 164).

События октября (ноября – по н.ст.) 1917 г. получили у многих современников название «солдатской революцией»[608]. Опыт революционных боев 1905–1906 гг. дал урок определяющей роли вооруженной силы на стороне восставших[609]. В повестке дня каждого съезда партии большевиков с этого времени стоял вопрос о работе в армии[610]. «Армия не может и не должна быть нейтральной», – писал Ленин[611]. Этот принцип был реализован летом-осенью 1917 г.[612] (Итоги избирательных кампаний по воинским частях наглядно демонстрируют влияние большевиков в армии в августе – ноябре 1917 г.). Большевики выстроили обширную сеть агитаторов в воинских частях[613] и наладили выпуск и распределение массовой печатной продукции[614]. Таким образом удалось получить поддержку части армии и нейтралитет ее основной массы, настроенной против войны и недееспособной власти. Это обеспечило военный перевес в Петрограде, возможность защитить свою власть в ноябре 1917 г. и получить паузу до лета 1918 г. – начала полномасштабной гражданской войны, в которой принимали участие уже сформированные на других принципах армии.

Революционные события 1905–1906 гг. поставили в повестку дня большевиков формирование партийных боевых дружин[615]. В декабре 1905 г. –

---

[608] Захаров В. Солдаты. Мое воспоминание о службе в полку Бунякина и о Тверской революции. Тверь, 1917. С. 31; Суханов Н.Н. Записки о революции: в 3 т. Т. 3. Кн. 5, 6, 7. М., 1992. С. 171.

[609] Ленин В.И. По поводу протоколов ноябрьской военно-боевой конференции Российской социал-демократической рабочей партии // Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП (ноябрь 1906 год). М., 1932. С. 183-184.

[610] Минц И.И. Международное значение военного опыта большевиков в Великой Октябрьской социалистической революции // Военные организации партии большевиков в 1917 году. М., 1986. С. 5.

[611] Ленин В.И. Войско и революция // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 12. М., 1968. С. 113.

[612] Ленин В.И. Слухи о заговоре // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 34. М., 1969. С. 73.

[613] Голуб П.А. Военные организации большевиков в Октябрьской революции: итоги и задачи изучения // Военные организации партии большевиков в 1917 году. М., 1986. С. 14.

[614] Летом–осенью 1917 г. на фронте распространялось 15 различных большевистских газет общим тиражом более 150 тыс. экземпляров, кроме этого, на фронты и в гарнизоны поступало и большое количество общепартийных газет (См.: Там же. С. 25.)

[615] Ленин В.И. Задачи отрядов революционной армии // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 11. М., 1960. С. 343; Ленин В.И. По поводу протоколов ноябрьской военно-боевой конференции… С. 183; Ленин В.И. Партизанская война // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 14. М., 1972. С. 4; Ленин В.И. По поводу протоколов ноябрьской военно-боевой конференции… С. 183-184; Первая боевая организация большевиков. 1905–1907 гг. Статьи, воспоминания и документы. М., 1934. С. 17, 22.

московское вооруженное восстание – партийные дружины решали боевые задачи[616], но, как отмечали их участники, они не были подготовлены в нужной степени[617].

Боевые силы партии большевиков в 1917 г. состояли из рабочей милиции и красногвардейских дружин. Красная гвардия (начала формироваться с марта 1917 г.) чем-то дублировала функции рабочей милиции, но представляла собой исключительно военизированную организацию партии большевиков[618]. Эти отряды являлись постоянной угрозой для Временного правительства, именно им выпало сыграть ключевую роль в противодействии корниловскому мятежу (одна из причин, почему Керенскому пришлось «идти на поклон» к большевикам и вернуть им легальный статус). Именно красногвардейские отряды вместе с кронштадтскими моряками обеспечили свержение Временного правительства и переход власти к большевикам. К моменту октябрьского переворота Красная гвардия в Петрограде составляла по примерным подсчетам от 30 до 40 тыс. человек, четверть из которых стала впоследствии костяком Красной армии[619].

Решающую роль, как было рассмотрено выше, сыграл подавляющий перевес на выборах голосов в поддержку большевиков на фронтах близких к столице – Западном и Северном и на Балтийском флоте[620], где большевики получили 62% голосов избирателей (для сравнения, эсеры – 25%, меньшевики – 1%, кадеты – 1,5%). Тыловые части (еще более близкие к эпицентрам событий) давали довольно сходную картину, в которой сильно увеличивали свой результат кадеты – 5,8% и меньшевики – 2,7%, чуть ниже был рейтинг эсеров – 20% голосов избирателей в

---

[616] Ленин В.И. Задачи отрядов революционной армии. С. 339.

[617] Аксенов В.Б. Указ. соч. С. 45; Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП. М., 1932. С. 54-57. См. также: Восстания в Балтийском флоте 1905–1906 гг. Сб. статей, воспоминаний, материалов и документов. Л., 1926. С. 53, 57.

[618] Аксенов В.Б. Указ. соч. С. 37, 44; Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 1. С. 317. Историю городской и рабочей милиции в период февраля–ноября 1917 г. см.: Аксенов В.Б. Указ. соч. С. 36-50; Старцев В.И. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.–Л. 1965.

[619] Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 97; История России XX – начала XXI века /Под ред. Л.В. Милова. М., 2006. С. 268.

[620] Ленин В.И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 40. М., 1974. С. 1-24. С. 9, 10.

шинелях, и большевиков – 55%. Следует также отметить, что в тыловых частях ~10% набирали различные националистические партии[621]. Но и эти показатели давали подавляющее преимущество большевикам.

Фактор столичности имеет существенное значение. Именно поддержка в обеих столицах среди активного взрослого мужского населения с серьезным перевесом над оппонентами, а также в армиях двух основных фронтов, в тыловых частях и гарнизонах крупных российских городов сыграли решающую роль не только в захвате большевиками власти, но и в способности эту власть удержать.

Лев Троцкий писал, что революция была проведена в Петрограде и Москве, остальная же страна получила ее по телеграфу[622]. Однако если в феврале 1917 г. не было не то что дивизии, а даже полка, который бы встал на защиту Николая II[623], в августе 1917 г. корпус Крымова «рассыпался», не дойдя до Петрограда, чтобы снять Керенского, то после октябрьского переворота уровень противостояния новой власти сильно увеличился: крайне левая партия создает себе оппозицию из всего политического спектра. Проиграв в столицах, контрреволюция собиралась с силами около полугода и начала поход против новой власти из регионов.

Фактор направленного коммуникационного воздействия требует развернутого раскрытия.

Технологии работы с массой имели ко времени Русской революции серьезную теоретическую базу и практику. Исследование позволяет заключить, что политические партии и их лидеры начала XX в. в России владели тем набором технологий управления коммуникациями массового радикального политического протеста, который прошел через весь XX век, сохраняя основные принципы и подстраиваясь под техническое развитие.

В 1905 г. Ленин выдвинул постулат, что вера масс в революцию – это уже начало революции[624]. То есть если убедить часть населения в неизбежности

---

[621] Знаменский О.Н. Всероссийское учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л.: Наука, 1976. С. 274.
[622] Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 223.
[623] Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 1. С. 155.
[624] Ленин В.И. Падение Порт-Артура // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 9. М., 1967. С. 159.

революции, ее объективных причинах, в том, что эта революция обязательно победит и принесет благо этой части общества, то это приведет к началу активного протеста.

Программы социал-демократов в России: РСДРП, РСДРП(б) и РСДРП (объединенная)[625] (меньшевики) и партии социал-революционеров (эсеров), – были достаточно близки, часто вплоть до неотличимых[626]. Партия большевиков много заимствовала из программ других партий: например, программа экспроприации земли и безвозмездной раздачи крестьянству отличала позицию эсеров (а реализовалась в Декрете о земле, который предложили и провели большевики на Втором съезде Советов); меньшевики и эсеры считали социальной базой революции (этого ее этапа) рабочих, крестьян и интеллигенцию, а большевики настаивали на необходимости пролетарской революции, где движущей силой выступает только рабочий класс[627], но в ходе политической борьбы Ленин поменял подход и провозгласил новую революцию революцией «рабочих при поддержке беднейших слоев крестьянства»[628]. В итоге фактически Ленин собрал лозунги и идеи всех левых партий России. Лозунг «Власть Советам» показывает умелое лавирование Ленина в зависимости от политической конъюнктуры: большевики то использовали Советы в качестве «тарана» власти, то снимали лозунг с повестки дня, то снова возвращали, когда удалось получить большинство в Петроградском совете, а затем необходимую поддержку на Втором съезде Советов[629].

Методы найма массовки для массовых мероприятий мы встречаем у Троцкого применительно к 1917 г.[630] Эффект «массы» (большинства на твоей

---

[625] Название «РСДРП (объединенная)» возникло после объединительного съезда меньшевистских организаций в августе 1917 г.

[626] См.: Полный сборник платформ всех русских политических партий. СПб., 1906. С. 11-28.

[627] См.: Меньшевистские и эсеровские листовки 1917–1918 годов // Отечеств. история. 1993. № 1. С. 151.

[628] Шульц Э.Э. «Классовый подход» и «пролетарский характер» революции 1917 г. в России // Вестник РУДН. Серия “История России”. 2014. № 3. С. 47-61.

[629] Ленин В.И. Большевики должны взять власть. Письмо Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП(б) // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 34. М., 1969. С. 241.

[630] Троцкий Л.Д. История русской революции. В 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 337. («…милюковских подростков, нанятых Людендорфом за 15 рублей в сутки!». – Там же.).

стороне) использовался всеми политическими лидерами в Русской революции, как технология давления на оппонентов.

«Большинство народа за нас» – постоянно произносил и писал Ленин[631]. При этом в отличие от Керенского, кадетов, меньшевиков и эсеров большевики действительно стали получать такую поддержку, которая позволяла продемонстрировать «большинство» в Петрограде в июне и начале июля 1917 г., а затем в октябре 1917 г. Большое влияние большевики имели в т.н. «Кронштадтской республике», и Ленин регулярно угрожал «пойти к матросам»[632]. Более того, как было рассмотрено ранее, серьезную поддержку большевикам оказывали рабочие Петрограда и Москвы, гарнизоны Петрограда и Москвы, войска Северного и Западного фронтов, что являлось мощным инструментом воздействия на власть и оппонентов (в частности, именно этот факт стал причиной союза Керенского с большевиками в борьбе с Корниловым в августе 1917 г.).

Один из главных ленинских принципов воздействия на массы: давать конкретные ответы на злобу дня, на проблемные вопросы и их решение[633]. Коммуникационное воздействие большевиков акцентировало внимание на одних и тех же посылах: власть – это жулики, которые представляют интересы все тех же помещиков и буржуев и действуют в пользу Англии и Франции (и всего мира капиталистов), а не в интересах собственного народа. Единственное правильное решение – брать власть, и с этим никто кроме нас (народа и партии большевиков) не справится[634]. Только власть пролетариата и беднейшего крестьянства является

---

[631] Ленин В.И. Большевики должны взять власть. С. 239; Ленин В.И. Выступления на заседаниях ЦК РСДРП(б) 1 (14) ноября 1917 г. Протокольная запись // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 35. М., 1974. С. 43; Ленин В.И. К населению // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 35. М., 1974. С. 66; Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. ПСС, изд. 5-ое. Т. 37. М., 1969. С. 289; Сорокин П.А. Бойня: революция 1917 года // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 237.

[632] Ленин В.И. Выступление на заседании Петербургского комитета РСДРП(б). 1(14) ноября 1917 г. // Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 2000. С. 216.

[633] Ленин В.И. Доклад о текущем моменте 24 апреля (7 мая). Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) 24–29 апреля (7–12 мая) 1917 г. // Ленин В.И. ПСС. Т. 31. Изд. 5-е. М., 1969. С. 352.

[634] Ленин В.И. Кризис власти // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 32. М., 1969. С. 1-3.

подлинно революционной властью, которая даст нужные справедливые законы[635]. Народу нечего терять, он может только приобрести, а вот помещики и капиталисты потеряют, поэтому и цепляются за власть любой ценой, а мы (партия большевиков и народ) не боимся ни ответственности за власть, ни гражданской войны[636]. Такие установки хорошо воспринимались «человеком с ружьем»[637] – призванного в армию крестьянского (главным образом) и части пролетарского и полупролетарского населения страны, – которому стали близки методы силового решения проблем. При всей важности и ключевом значении лозунга «Земли и мира», следует понимать, что и лозунги «Грабь награбленное», «Экспроприация экспроприаторов», «Смерть буржуям» и т.п. находили отклик в нереализованной агрессии военнослужащих терпящей поражения в бесперспективной войне армии, рабочих и крестьян, которые ничего не получили от Февральской революции и могли склоняться к продолжению революции.

Тот принцип, что рабочему люду нечего терять, а впереди ждет светлое будущее, позволяет в гражданской войне провозгласить Ленину: «Смерть – или победа!»[638]. (Ср.: лозунг Фиделя Кастро «Родина или смерть!»).

Образ врага является эмоциональной подпиткой протеста. Главный враг – «буржуи и капиталисты», решение проблемы: арестовать 300–400 капиталистов, – призывает Ленин Временное правительство на I съезде Советов[639]. Образ толстого буржуя, паразитирующего на народной нищете и страданиях прошел красной нитью через весь 1917 г. Летом 1918 г. в качестве врага в агитации появляется

---

635 Ленин В.И. О твердой революционной власти // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 32. М., 1969. С. 31.
636 Ленин В.И. К населению. С. 66.
637 Название советского художественного фильма 1938 г. выпуска о событиях октября (ноября) 1917 г.
638 Ленин В.И. Речь на митинге красноармейцев на Ходынке... С. 30.
639 Муралов Н.И. I Всероссийский съезд Советов. Из воспоминаний // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. М.: Политиздат, 1990. С. 221.

«кулак», который паразитирует на бедняках и середняках и поддерживает гражданскую войну[640].

Образ кулака-мироеда хорошо действовал на крестьянскую армию и на представителей города, которые переносили на «кулака» ненависть за отсутствие продовольствия. Формировалось и противостояние рабочих с крестьянином (который не очень желал воевать за революцию, так как свои требования уже реализовал – получил землю, и не желал жертвовать ради этой революции результатами своего труда)[641].

Принципы успеха пропаганды большевиков точно заметили уже современники, отмечавшие простоту и удобность их лозунгов[642]. Политические противники большевиков отмечали, что те говорили с рабочими и солдатами «на простом, понятном им языке»[643], давая им то, что хотели услышать рабочие, крестьяне, солдаты[644]. Идеи прекращения войны, раздачи земли крестьянам, борьбы с разрухой и голодом дали большевикам массовую поддержку[645]. Эти идеи

---

[640] Ленин В.И. Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой! // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 37. М., 1969. С. 39-40; Ленин В.И. Речь на митинге красноармейцев на Ходынке 2 августа 1918 г. // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 37. М., 1969. С. 30.

[641] Ленин В.И. Письмо Г.Е. Зиновьеву, 14.VI.1918 г. // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 50. М., 1970. С. 99; Ленин В.И. О продовольственных отрядах. Речь на рабочих собраниях Москвы 20 июня 1918 г. Краткий газетный отчет // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 36. М., 1969. С. 424; Ленин В.И. Дополнение к «Обращению к питерским рабочим об организации продовольственных отрядов» // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 36. М., 1969. С. 356; Ленин В.И. О мобилизации рабочих на борьбу с голодом. Проект постановления СНК // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 36. М., 1969. С. 319.

[642] Авксентьев Н. Большевистский переворот // Отечественная история. 1992. № 5. С. 144; Сорокин П.А. Бойня: революция 1917 года. С. 233; Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2. Ч. 1. М., 1997. С. 277.

[643] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. С. 258.

[644] Оберучев К. В дни революции. Воспоминания участника великой русской революции 1917-го года. Нью-Йорк, 1919. С. 188.

[645] Крупская Н.К. Октябрьские дни // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. М., 1989. С. 264; Ленин В.И. Письмо А.М. Коллонтай, 16 марта 1917 г. // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 49. М., 1970. С. 399; Ленин В.И. Проект резолюции о современном политическом моменте // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 34. М., 1969. С. 149; Ленин В.И. Русская революция и гражданская война. Пугают гражданской войной... // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 34. М., 1969. С. 218.

были сформулированы в краткие и емкие лозунги: «Хлеба, мира, свободы»[646], «Власть Советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным»[647].

Действенность и эффективность простых лозунгов продемонстрировала уже Великая французская революция. Гюстав Лебон (через столетие после этой революции) настаивал, что главное преимущество лозунгов для толпы – это их простота и многократное повторение[648]. В.И. Ленину приписывается фраза: «Русской массе надо показать нечто очень простое, очень доступное ее разуму. Советы и коммунизм – просто»[649]. Ключевые идеи Ленин облекал в простые и звучащие лозунги: «Власть Советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным»[650], «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны»[651] и др.

Лозунг мира появился как один из самых ожидаемых в массах (и это прекрасно осознали уже современники[652]). Большевикам не требовалось его навязывать, им требовалось перевести вооруженную силу на свержение Временного правительства и защиту своего правительства, поэтому они призывали не проливать кровь на фронте, а бороться с врагами внутри страны[653]. Большевики не скрывали, что их лозунг – лозунг гражданской войны, так как видели именно в гражданской войне возможность получить власть[654].

Легитимность – ключевой вопрос стабильности власти перед угрозой массового политического протеста в радикальных формах.

---

[646] Ленин В.И. Телеграмма заграничному бюро ЦК // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 49. М., 1970. С. 443.
[647] Ленин В.И. Письмо в ЦК, МК, ПК и членам Совета Питера и Москвы большевикам // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 34. М., 1969. С. 341.
[648] Лебон Г. Психология толп // Лебон Г., Тард Г. Психология толп. М., 1998. С. 156, 197-198.
[649] Горький А.М. В.И. Ленин // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. М., 1989. С. 238.
[650] Ленин В.И. Письмо в ЦК, МК, ПК и… С. 341.
[651] Ленин В.И. Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии (речь 21 ноября 1920 г.). Московская губернская конференция РКП // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 42. М., 1970. С. 30; Ленин В.И. Доклад Всероссийского Центрального Исполнительного комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря. VIII Всероссийский съезд Советов // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 42. М., 1970. С. 159.
[652] Оберучев К. Указ. соч. С. 188.
[653] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. С. 258.
[654] Ленин В.И. Крах II Интернационала // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 26. М., 1969. С. 263-264.

Устоявшаяся точка зрения, что в революциях главным принципом легитимизации является «физическая сила»[655] – достаточно точно отражает суть проблемы, однако в исторических реалиях, которые мы исследуем, все выглядело несколько сложнее, в том числе и потому, что однозначный перевес в физической силе в процессах революций и гражданских войн создать удается не всегда – чаще всего ситуация ближе к балансу сил, где к победе приводит незначительный перевес, и этот перевес и становится предметом усиленной работы в управлении коммуникациями.

В революциях вооруженная сила позволяет осуществить государственный переворот, но не дает легитимность новой власти, которая может быть оспорена новой революционной силой с требованиями продолжения революции или контрреволюционной с требованиями ее завершения. Постоянная балансировка на изменчивости настроения масс заставляет правительства периода революций (или просто пришедшие к власти в результате радикальных массовых форм политического протеста) искать дополнительные основания легитимности[656].

Так, Временное правительство в марте 1917 г. опирается в своей легитимности на Государственную Думу (законный избранный орган еще царской России) и Исполком Советов – исполнительный комитет представителей Советов, который представляет в Петрограде крупные предприятия и несколько сот тысячную организованную массу рабочих[657]. Дума быстро ушла в небытие вместе с ушедшим монархом, а Советы представляли достаточно строптивого союзника, что ведет Керенского к необходимости искать иную опору легитимности. Так, в период июль – сентябрь 1917 г. он организует созыв Московского государственного совещания, а затем Совета республики (т.н. «Предпарламент»). (Примечательна попытка перенести форумы такого уровня из Петрограда в

---

[655] Кроме уже указанной ранее позиции В. Парето, см.: Аксенов В.Б. Милиция и городские слои в период революционного кризиса1917 года. Проблемы легитимности // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 48; Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. С. 249.

[656] Шульц Э.Э. Проблема легитимности в революциях // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 1. С. 129-140; Шульц Э.Э. Русская революция и проблема легитимности // Вестник Московского университета. Серия 12: политические науки. 2017. № 1. С. 22-34.

[657] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. С. 184, 192.

Москву, в том числе и идея перевести в Москву будущее Учредительное собрание – явное стремление уйти из-под давления протестных сил Петрограда)[658]. Временный совет Российской республики (7–25 октября 1917 г.) до открытия Учредительного собрания должен был предстать временным совещательным органом при Временном правительстве[659]. Возможно, Керенский рассматривал его и как полноценный парламент, в случае провала на выборах в Учредительное собрание или будущего противостояния с ним (а Учредительное собрание было бы разогнано, как, собственно, и поступили большевики, провозгласив «парламентом» съезды Советов).

Большевики не проводят голосование на съезде Советов за новое правительство, пока не взят Зимний и не арестовано Временное правительство (официально – для следствия их связи с корниловским мятежом[660]).

Для создания базы легитимности политического переворота Ленин выдвигал авторитет Советов, как реальной народной власти в противовес Временному правительству. Новое правительство – СНК (Совет народных комиссаров) – мало чем отличается в первое время от Временного правительства: создано из других партий (большевики и левые эсеры), так же поддержано Советами, как и до этого Временное правительство. В резолюции Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов записано, что «для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания», создается «временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров». Контроль за правительством будет осуществлять ЦИК Советов (так же, как было и в случае с Временным правительством)[661].

Сам Ленин называл Совет народных комиссаров (СНК) «временным рабочим и крестьянским правительством»[662]. Большевики инициируют обращения

---

[658] Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2. Ч. 1. С. 157.
[659] Руднева С.Е. Предпарламент: октябрь 1917 года. Опыт исторической реконструкции. М., 2006. С. 3.
[660] См.: Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2. Ч. 2. М., 1997. С. 281.
[661] Постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 35. М., 1974. С. 28.
[662] Ленин В.И. Ответ на запросы крестьян // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 35. М., 1974. С. 68.

Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов в поддержку нового правительства и голосование за новое правительство на Втором съезде Советов. Это, во-первых, сразу дало популярность новому правительству (вопросы легитимности временно исчезли или ушли на второй план), а во-вторых, позволило заявлять Ленину, что революцию (октябрьский этап) выдумали не большевики, она была провозглашена съездом Советов[663]. СНК (как и все составы Временного правительства) апеллирует к Учредительному собранию – признанному всеми политическими силами законодательному органу, которое должно открыться в декабре[664].

Легитимизацию не следует смешивать с проблемами преемственности власти, законности или соответствия каким-либо нормам существовавшего государства. Так, например, Родзянко (председатель последней Государственной Думы) рассуждал о преемственности власти и был удивлен, что его лишили власти[665]. ЦИК Петроградского совета фактически издавал распоряжения до I съезда Советов от лица всех советов, а меньшевики и эсеры руководили ЦИК Петроградского совета, так как на тот момент пропорциональной системы выборности в Советы не было. По тем же лекалам происходил и процесс большевизации Советов.

События февраля 1917 г. в России подтверждают еще одну интересную закономерность: многие революции XIX в. на первом своем этапе опирались на существующий законодательный орган[666].

---

[663] Ленин В.И. Речь по вопросу печати. С. 54.

[664] Декрет о земле // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 35. М., 1974. С. 24; Ленин В.И. Большевики должны взять власть. С. 240; Ленин В.И. Доклад на собрании большевиков-участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов 4 (17) апреля 1917 г. // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 31. М., 1969. С. 109; Ленин В.И. Доклад о мире 26 октября (8 ноября) // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 35. М., 1974. С. 1; Ленин В.И. Тезисы для доклада на конференции 8 октября Петербургской организации, а равно для резолюции и для наказа выбранным на партийный съезд // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 34. М., 1969. С. 342-346.

[665] Родзянко М.В. Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции: в 22 т., изданный И.В. Гессеном. Т.6. Берлин, 1922. С. 65.

[666] Маркс вообще писал, что ВФР совершила законодательная власть (Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое. Т. 1. М., 1955. С. 284).

В феврале 1917 г. митингующие рабочие и солдаты «передали правление» Государственной Думе, которая создала Временное правительство и фактически самораспустилась. Дефицит легитимности любого органа власти привел в период марта – октября 1917 г. к возникновению «двоевластия» Временного правительства и Петроградского совета. В формировании новых органов власти принимали участие представители прежней власти, в том числе титулованное дворянство и представители «революционных масс». В развитии событий представители прежней политической системы исчезали из власти[667].

На протяжении марта – октября 1917 г. давление «улицы» на любую власть приобретало все большую легитимность. Это стало одним из факторов, обеспечивших Петроградскому совету необходимость союза со стороны правительства и возможность навязывать свою волю. Пока большинство там и в Исполнительном комитете принадлежало меньшевикам и эсерам, Советы вели политику поддержки Временного правительства, а оппозиционные большевики критиковали. Сформировав большинство в Петроградском совете, большевики переместили поддержку легитимности с Временного правительства на Совет народных комиссаров. Эти процессы сопровождались усилением крена в сторону легитимности «улицы» и «человека с ружьем», что дало значительную поддержку, безразличие или невозможность противостоять т.н. «большевизации Советов» и политическому перевороту.

Выход из протеста осуществлялся по нескольким направлениям.

Правительство большевиков (коалиционное с левыми эсерами до июля 1918 г.) удовлетворило целый ряд протестных ожиданий. Первые же законодательные акты национализировали всю экономику. Крестьянство получило разрешение захватывать землю в свое пользование, рабочие получили Советскую форму правления (условно коллективное управление представителями рабочих в

---

667 См.: Шульц Э.Э. Великая русская революция (1905–1922 гг.): Причины. Последствия. Технологии. События и люди. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 188-190, 199-200.

советах) и контроль над предприятиями через свои представительные органы, что дало широкую социальную базу новому правительству.

Выделение национальных окраин из состава России[668] отвлекало силы (Польша, Финляндия, Украина, Кавказ) от вмешательства в российские дела и лишало антибольшевистские силы потенциальных ресурсов, как людских, так и материальных. Возврат этих территорий большевики начали сразу же, как только в гражданской войне наступил перелом.

Кроме Декретов о мире, о земле, о рабочем контроле в ноябре-декабре 1917 г. СНК принял еще целый ряд социальных инициатив (которые во многом являлись популистскими в силу сложности их исполнения): «Декрет об увеличении пенсий рабочим, пострадавшим от несчастных случаев», «Декрет о пенсионном обеспечении пострадавших от несчастных случаев воинских чинов, командированных на работу в предприятия», «Положение ВЦИК и СНК о страховании безработицы», «Постановление о размерах вознаграждения народных комиссаров и понижении жалованья высшим служащим и чиновникам»[669].

Репрессивные меры стали вторым компонентом борьбы с потенциальными антиправительственными действиями и протестом. Среди первых декретов СНК постановления против мародеров, спекулянтов и саботажников, которым грозил революционный суд[670]. Обязательная трудовая повинность и система распределения продовольствия и товаров первой необходимости, введенные в декабре 1917 г., давали серьезные рычаги в контроле населения и его поведения[671].

---

[668] Провозглашенное Лениным самоопределение наций, по сути, отражало состояние de facto – те реалии, которые уже существовали (Шульц Э.Э. Великая русская революция (1905–1922 гг.). С. 321.

[669] Декреты Советской власти. Том 1. 25 октября 1917 – 16 марта 1918. М., 1957. С. 58, 62-63, 107-108.

[670] Ленин В.И. Совет Народных Комиссаров Военно-революционному комитету // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 35. М., 1974. С. 89; Совещание Президиума Петроградского Совета с представителями продовольственных организаций 14 (27) января 1918. Проект резолюции // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 35. М., 1974. С. 312.

[671] Ленин В.И. Записка Ф.Э. Дзержинскому с проектом о борьбе с контрреволюционерами и саботажниками // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 35. М., 1974. С. 157; Ленин В.И. Проект декрета о проведении в жизнь национализации банков и о необходимых в связи с этим мерах // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 35. М., 1974. С. 175-176.

Если спекуляцию победить не получилось (собственно, как и якобинцам во Франции), то мародерство было существенно уменьшено, а угрозы репрессивных мер по отношению к саботажникам заставили работать в пользу нового правительства даже несогласных. Одной из таких мер стал запрет не только государственным служащим, но и работникам общественных и частнопромышленных предприятий (с числом наемных рабочих от пяти человек) покидать должности под угрозой конфискаций и тюремного заключения[672].

Отдельные действия были предприняты против политических противников. 28 ноября 1917 г. появился Декрет об аресте лидеров партии кадетов и руководителей организаций, относящихся к этой партии, которая была обвинена в подстрекательстве и разжигании гражданской войны[673]. В дальнейшем закон был расширен на все партии, выступающие оппозицией большевикам. Кроме того, в конце ноября 1917 г. вышел декрет, дающий право отзыва представителей из всех властных структур, что дало возможность переизбрать делегатов всех городских и земских представительных учреждений[674]. На основании этого декрета большевики распустили Петроградскую и Московскую городские думы (так как были выбраны еще в августе и не отражают современных настроений жителей этих городов)[675]. Более того, система отзыва представителей давала возможность изменять состав любых Советов, что представляется более важным, так как Советы имели большой авторитет и влияние, а большевизация советов позволяла проводить необходимую партии политику.

Та часть населения, которую новая власть отнесла к категории «эксплуататоры», лишилась избирательных прав. Это считалось необходимой

---

[672] Ленин В.И. Набросок правил для служащих // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 35. М., 1974. С. 42.

[673] Декреты Советской власти. Т. 1. С. 161-162; Ленин В.И. Декрет об аресте вождей гражданской войны // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 35. М., 1974. С. 126; Резолюция о декрете по поводу кадетской партии // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 35. М., 1974. С. 138.

[674] Ленин В.И. Проект декрета о праве отзыва // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 35. М., 1974. С. 106-107.

[675] Декреты Советской власти. Т. 1. С. 91-93, 100.

составляющей диктатуры пролетариата[676], наравне с запретом оппозиции. Ленин в ответ на упреки лидера кадетов Милюкова указывал, что оппозиция – это атрибут парламентской борьбы в мирное время, в революции же оппозиция становится разжигателем гражданской войны и должна быть уничтожена[677].

Грядущее окончание гражданской войны и попытки налаживания мирной жизни вызвали к жизни подъем антиправительственных настроений как в рабочей, так и в крестьянской среде: у поддержавших революцию стало все больше появляться вопросов о достижениях этой революции.

1921 г. стал годом антибольшевистских восстаний: широкая география крестьянских восстаний и восстание моряков Кронштадта, которые были подавлены частями Красной армии и отрядами специального назначения[678]. Крестьянство было крайне недовольно насильственным отбором хлеба и выступало против запрета свободной торговли хлебом[679]. Кроме того, противодействие крестьянства вызывали создаваемые новой властью сельскохозяйственные коммуны, которые имели привилегированное положение и снабжались рабочим скотом, сельхозорудиями и семенами за счет крестьян[680]. Крестьянский протест после подавления активных очагов сошел на нет, но рабочий протест (забастовки и публичные акции) завершился лишь в конце 1920-х гг.[681].

Основной канал медийной коммуникации данного периода – пресса[682].

---

[676] Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. С. 282, 289-290.
[677] Там же. С. 283.
[678] Ленин В.И. Записи во время приема крестьян... С. 421; Ленин В.И. Переписка с Э.М. Склянским. С. 428-429; Питерские рабочие и диктатура пролетариата. Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. Сборник документов. СПб., 2000. С. 280-283. См.: Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000. С. 78-81; Елизаров М.А. Выступление матросов в Петрограде 14 октября 1918 года // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 129-133; Павлюченков С.А. Орден меченосцев. Партия и власть после революции. 1917–1929. М., 2008. С. 71-76.
[679] Ленин В.И. Ответ на запрос крестьянина // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 37. М., 1969. С. 480.
[680] Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и гражданской войны (окт.1917–1920 гг.). М., 2002. С. 209.
[681] См.: Там же. С. 288-350, 355-411.
[682] Периодической печати революционной России, методам, подходам в изучении посвящено большое количество работ – см.: Антонов-Овсеенко А.А. Периодическая печать революционной России (февраль-октябрь 1917 г.). М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2012; Антонов-Овсеенко А.А. Роль периодической печати в формировании общественного сознания в России в 1917 г.: дисс.

Проблема свободы печати объединяла в России широкий круг политических сил. Различные общественные деятели постоянно выступали с призывами либерализации законодательства, ограничивающего прессу в России. В 1903 г. увидела свет книга известного юриста К.К. Арсеньева «Законодательство о печати», которая в очередной раз подняла животрепещущий вопрос и вызвала широкий резонанс[683].

Впервые принципы свободы печати были достигнуты в результате протестного (революционного) давления на власть и провозглашены в Манифесте императора Николая II от 17 октября 1905 г. 24 ноября 1905 г. вышли временные

на соиск. уч. ст. д-ра филол. наук. Тверь, 2013; Антонов-Овсеенко А.А. Российская печать в 1917 г.: газеты как источник // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». Вып. 3. 2012. №21. С. 150-157; Гутнов Д.А. Меньшевистская печать 1917-1921 и. в контексте отечественной традиции изучения меньшевизма. Историографический аспект // История отечественных СМИ. 2015. № 1. С. 23-32; Киселева Е.В. Формирование образа советской власти средствами агитации и пропаганды: октябрь 1917-1920 гг. (на материалах Орловской и Брянской губерний): дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Брянск, 2011; Конкин А.А. Пресса в системе большевистской пропаганды в период Гражданской войны на Северо-Западе России в 1919 году // Научный диалог. 2020. №4. С. 353-366; Коростелев С.Г. Журнал «Летопись» (1915–1917) и газета «Новая жизнь» (1917–1918) в историко-культурном контексте: дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. М., 2015; Курусканова Н.П. Нелегальная печать Сибирских социалистов в условиях развития легальной партийной прессы (1907 г. – февраль 1917 г.) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. № 80. С. 407-427; Махонина С.Я. 1917 год в зеркале русской прессы и воспоминаниях современников. М.: Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2009; Менделеев А.Г. Печать русских анархистов. М.: РОССПЭН, 2015; Менделеев А.Г. Роковая, родная страна... Кадетская газета «Речь» и ее люди. М.: Изд-во РАГС, 2006; Менделеев АГ. Куда влечет нас рок событий? Газета эсеров «Революционная Россия»: пропаганда и терроризм. М.: Изд-во РАГС, 2008; Методика изучения периодической печати: Сборник статей /Под ред. проф. Б.И. Есина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977; Минаева О.Д. Модель печати России в феврале–октябре 1917 г.: к вопросу о методике анализа // Медиаальманах. 2018. № 1. С. 112-123; Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт.1917 – 1920 гг.). М.: Издатпрофпресс, 2002; Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики: февраль 1917 – начало XXI в. М., 2005; Рейли Д. Дж. «Изъясняться по-большевистски», или как саратовские большевики изображали своих врагов // Русская литература и журналистика в движении времени. 2018. № 1. С. 141-170; Сарычева А.М. Образ Советской власти в центральных партийных изданиях в 1917–1927 гг.: дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. М., 2019; Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.): дисс. на соис. уч. ст. канд. ист. наук. Омск, 2016; Тузов В.В. Особенности развития белогвардейской прессы в 1917–1921 годах. // Причерноморье. История, политика, культура. 2017. № 20. С. 135-143; Шалаева Н.В. Формирование образа советской власти в российском обществе в 1917–1920-е гг.: социокультурный аспект: дисс. на соиск. уч. ст. д-ра ист. наук. Саратов, 2014.

683 Арсеньев К.К. Законодательство о печати. СПб.: Типо-литография Ф. Вайсберга и П.П. Гершунина, 1903.

правила о повременных изданиях, а 18 марта 1906 г. – указ «Об изменении и дополнении временных правил о повременных изданиях», снова расширивший полномочия цензуры. При этом в кратковременный период действия максимальных норм свободы печати на практике продолжались наказания для СМИ и преследование в связи с политическими заявлениями. С падением революционного накала летом 1907 г. власть снова вернула ограничения на доступ к медиаресурсам для политических оппонентов[684].

Появление в конце осени 1905 г. легальной печати различных политических партий, в первую очередь социал-демократов, эсеров, народных социалистов, трудовиков, максималистов и др., ознаменовало собой новый этап в развитии журналистики в России[685].

Программа Российской социал-демократической рабочей партии, принятая на II съезде партии (июль – август 1903 г.) и действующая до 1918 г.[686] декларировала, что партия ставит своей политической задачей низвержение самодержавия и установление демократической республики, которая обеспечит вместе с другими принципами «неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов»[687].

В этот период остро встает вопрос соотношения партийности прессы и свободы печати. В.И. Ленин считал, что эти понятия вполне сочетаемы, так как «свобода печати» должна рассматриваться не только в смысле полицейского запрета и надзора, но и в смысле свободы от капитала (власть собственника и финансиста СМИ), карьеризма и буржуазно-анархического индивидуализма (т.е. приоритета личной выгоды). С точки зрения Ленина, право писать и говорить без

---

[684] См.: Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики: февраль 1917 – начало XXI в. М., 2005. С. 17-21; Сопова А.П. Концепция свободы печати в русской либеральной правовой мысли конца XIX – начала XX веков // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 2. С. 10-14.

[685] Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики. М., 2005. С. 18, 20.

[686] Март 1918 года – переименование РСДРП(б) в РКП(б), принятие новой программы в 1919 г.

[687] Программа Российской социал-демократической рабочей партии, принятая на II съезде партии // Коммунистическая партия Советского союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1958. Изд. 7-е. М., 1953. С. 40.

малейших ограничений дает и право обществу «заключать или расторгать союз с людьми, говорящими то-то и то-то». Ленин повторяет мысль, что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя», поэтому абсолютная свобода в обществе, основанном на власти денег, – это лицемерие[688].

Резкий рост выпускаемых печатных изданий в 1917 г., конечно, затронул в основном Петроград: в регионы эта тенденция приходила постепенно в течение 1917 и 1918 гг. Для Петрограда на 1917 г., несмотря на несколько отличающиеся оценки, можно вести речь о более чем 150 газетах и нескольких сотнях журналов[689].

Центральным органом печати большевиков выступала «Правда» (тираж в 1917 г. – 90 тыс. экз.), кроме которой издавалось еще более сорока газет[690]. Партийные газеты издавались на русском языке (27 изданий) и на других языках империи (латышский, литовский, эстонский, польский, армянский, грузинский, азербайджанский)[691]. Исследователи подсчитали, что ежедневный тираж газет и журналов РСДРП(б) составлял 320 тыс. экземпляров[692]. Партия эсеров в 1917 г. выпускала около 100 периодических изданий[693]. Другие ведущие политические партии стремились не отставать от конкурентов.

Причем партийная печать как большевиков, так и других партий ориентировалась на различные категории читателей – направленность, сформированная в 1905–1907 гг., которую большевики сохранили и после революции (напр.: «Гудок», «Беднота», «Коммунар», «Вечерняя красная газета»,

---

[688] Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 12. М.: Политиздат, 1968. С. 102-103.

[689] Гутнов Д.А. Меньшевистская печать 1917-1921 и. в контексте отечественной традиции изучения меньшевизма. Историографический аспект // История отечественных СМИ. 2015. № 1. С. 23; Жердева Ю.А. Русский либерализм в 1917 году по материалам периодической печати: дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Самара, 2005. С. 93; Малышев Д.В. Газета «Новое время» и периодическая печать Петрограда в 1917 году: дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 88.

[690] Андронов С.А. Большевистская печать в трех революциях. М.: Политиздат, 1978. С. 288; Русская периодическая печать. Справочник /Под ред. А. Г. Дементьева [и др.]. М.: Госполитиздат, 1957. С. 264.

[691] Андронов С.А. Большевистская печать в трех революциях. М.: Политиздат, 1978. С. 289.

[692] Там же.

[693] История политических партий России /Думова Н. Г., Ерофеев Н.Д., Тютюкин С.В. и др.; Под ред. А. И. Зевелева. М.: Высш. шк., 1994. С. 184.

«Деревенская беднота», «Деревенская правда», «Солдатская правда» и др.). Рассылка и доставка газет занимала важное место в системе агитации, особенно это касалось рассылки в воинские части[694].

После революции объем печатных изданий продолжал оставаться достаточно большим. Так, по подсчетам в начале 1918 г. только в РСФСР издавалось 293 газеты, 60 из которых публиковали большевики[695]. За годы революции и гражданской войны (к. 1917 г. – 1920 гг.) было выпущено более двух тысяч изданий и, несмотря на то, что многие из них выходили лишь несколько месяцев, это значительный объем прессы для «нечитающей страны». Причем исследователями подмечено, что центральные издания представляли наиболее немногочисленную часть[696]. Наиболее насыщенными прессой были Петроград, Москва и Центральный промышленный район, Урал[697]. Большие объемы представляла и т.н. «белогвардейская печать», которая расцвела на территориях, занятых Белой гвардией в период Гражданской войны (напр.: «Голос Сибирской армии», «Вестник Донской армии», «Голос фронта», «Вольный Дон», «Вольная Кубань», «Вестник Верховного круга» и т.д.).

Возвращаясь к 1917 г., отметим, что после небольшого временного промежутка полной свободы СМИ Временное правительство начало осуществлять регулирование средств массовой информации[698]. Первоначально такое регулирование максимально либерализуется, однако после июльских событий

---

[694] См.: Минаева О.Д. Какая система российской печати формировалась между февралем и октябрем 1917 г. // История отечественных СМИ. 2016. № 2. С. 85-86; Минаева О.Д. Модель печати России в феврале–октябре 1917 г.: к вопросу о методике анализа // Медиаальманах. 2018. № 1. С. 119-120.

[695] Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт.1917 – 1920 гг.). М.: Издатпрофпресс, 2002. С. 14.

[696] Там же. С. 15.

[697] Там же.

[698] О печати. Постановление Временного правительства от 27 апреля 1917 // Сборник Указов и постановлений Временного правительства. Вып.1. 27 февраля – 5 мая. Пг.: Гос. тип., 1917. С. 212-215; О специальной военной цензуре. Постановление Временного правительства от 26 июля 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительственном Сенате. Пг., 1917. С.2119-2130; Об учреждениях по делам печати. Постановление Временного правительства от 27 апреля 1917 г. // Сборник Указов и постановлений Временного правительства. Вып.1. 27 февраля – 5 мая. Пг.: Гос. тип., 1917. С. 215-218.

санкционирует погром (5 июля) газеты «Правда», при этом данные действия были одобрительно встречены другими социалистическими партиями.

Исследователи фиксируют, что объем прессы, противостоящей большевикам и их идеям, значительно превышал большевистскую прессу[699]. Но большевики смогли быстро и четко наладить работу печатных изданий, оказывающих существенное влияние на массы[700]. В.А. Журавлев и Ю.А. Потапов выделили причины такого успеха, среди которых: простая форма подачи материала; концентрация на востребованных проблемах; изображение поддержки народными массами[701].

Существует точка зрения, что медиакоммуникации не могли оказывать существенного влияния среди неграмотного населения России, ключевую роль играли немедийные средства: митинги, слухи и т.д.[702] Немедийные средства действительно превалировали, однако газетные статьи становились материалом для листовок, выступлений, обсуждений и слухов.

Роль печатных изданий в информировании населения и пропаганде в пореволюционный период в России высоко оценивалась большинством исследователей[703].

---

[699] Ахмадулин Е В. Октябрьская революция 1917 года в отражении современной ей прессы (к 100-летию Октябрьской революции 1917 г.) // Медиаскоп. 2018. Вып. 1. URL: http://www.medlascope.ru/2421

[700] Журавлев В.А., Потапов Ю.А. Особенности агитационно-пропагандистской работы в периодической печати по аграрному вопросу в феврале октябре 1917 года (историко-правовой аспект) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2021. № 2. С. 81.

[701] Журавлев В.А., Потапов Ю.А. Особенности агитационно-пропагандистской работы в периодической печати по аграрному вопросу в феврале октябре 1917 года (историко-правовой аспект) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2021. № 2. С. 87.

[702] Млечин Л.М. Придуманная история. Почему мифы о революции комфортны для нашего общества? // История отечественных СМИ. 2017. № 2. С. 33-45.

[703] Дейли Дж. Пресса и государство в России (1906–1917 гг.) // Вопросы истории. 2001 № 10. С. 25-45.

Большевики сделали свой главный печатный орган – газету «Правда» – стержнем партийной конструкции[704] и мощным пропагандистским инструментом, что признавалось даже оппонентами[705].

Отдельно следует остановиться на подходах Ленина к организации медиасоставляющей.

При всей полезности личного воздействия, местных листков, брошюр и т.д. только общерусская политическая газета и периодическая пресса способна «собрать» разрозненную агитацию, сделать ее обобщенной и регулярной[706], – пишет Ленин. Без такого политического органа – политической газеты – невозможно будет, считал Ленин, «сконцентрировать все элементы политического недовольства и протеста»[707]. Таким образом, первым шагом в создании революционной организации Ленин считал создание общерусской политической газеты. Именно такое издание может стать «основною нитью», благодаря которой станет возможным «развивать, углублять и расширять эту организацию»[708]. В «С чего начать?» Ленин писал: «Газета – не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении ее можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты... При помощи газеты и в связи с ней сама собой будет складываться постоянная организация, занятая не только местной, но и регулярной общей работой…»[709].

Таким образом, газета для Ленина – это не только орган пропаганды, но и организационное ядро революционной партии.

---

[704] Ульянова-Елизарова А.И. Воспоминания об Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. М., 1989. С. 62.
[705] Сорокин П.А. Бойня: революция 1917 года. С. 234.
[706] Ленин В.И. С чего начать? // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 5. М., 1967. С. 9.
[707] Ленин В.И. С чего начать? // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 5. М., 1967. С. 10.
[708] Ленин В.И. С чего начать? // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 5. М., 1967. С. 9. Ленин о пресс см. также: Ленин В.И. К десятилетнему юбилею «Правды» // ПСС. Изд. 5-ое. Т. 45. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. С. 173-177; Ленин В.И. О характере наших газет // ПСС. Изд. 5-ое. Т. 37. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1969. С. 89-91.
[709] Ленин В.И. С чего начать? // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 5. М., 1967. С. 11.

С точки зрения работы с протестными настроениями, представляет интерес тот факт, что среди первых решений с приходом к власти стало подчинение средств пропаганды[710]. В ряду первых указов нового правительства (СНК) создание экономических и политических рычагов для закрытия изданий оппонентов, конфискация печатных станков и бумаги, установление централизованного распределения запасов бумаги и типографского труда[711], создание следственной комиссии по определению источников средств и доходов печатных изданий и их связи с капиталом[712], декретирование частных объявлений монополией государства[713].

Высокая оценка Лениным возможности использования иностранной прессы для пропаганды идей и создания образа для международной арены достаточно известна. Один из ярких примеров – интервью Ленина «Нью-Йорк Геральд» при чрезвычайной ситуации антибольшевистского восстания Кронштадтского флота, которое Ленин дал несмотря на болезнь и плохое самочувствие[714].

Коммуникационное воздействие имело решающее значение в процессе выхода социума из состояния протеста и обеспечения стабильности власти.

Второй съезд Советов (вместе с широко известными Декретами о мире и о земле) принял Декрет о печати, за которым последовали резолюция ВЦИК и Декрет о государственной монополии на объявления, которые в сумме дали новому правительству полный контроль над прессой[715]. Декрет о печати называл прессу могущественнейшим оружием буржуазии, а свободу печати – свободой для имущих классов «отравлять умы и вносить смуту в сознание масс», что делает это

---

[710] «Мы не можем дать буржуазии возможность клеветать на нас», – провозглашал Ленин. (Ленин В.И. Речь по вопросу печати. Заседание ВЦИК 4 (17) ноября 1917 г. // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 35. М., 1974. С. 54).

[711] Ленин В.И. Проект резолюции о свободе печати // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 35. М., 1974. С. 51.

[712] Там же.

[713] Ленин В.И. Речь по вопросу печати. С. 54.

[714] Ленин В.И. О Кронштадтском восстании. Краткая запись беседы с корреспондентом американской газеты «The New York Herald» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 43. М., 1970. С. 129.

[715] Декреты Советской власти. Т. 1. С. 24-25, 54-56, 43.

оружие в сложившейся обстановке опаснее, чем пулеметы и бомбы[716]. Буржуазная пресса ставилась под запрет, оборудование частных типографий и запасы бумаги объявлялись конфискованными в пользу государства[717]. Таким образом, новое правительство ставило под контроль всю печатную (т.е. самую массовую агитационную) продукцию.

Усилия правительства сосредотачивались не только на критике сверженного строя и врагов нового строя, но и на пропаганде революции и нового общественного строя. «Декрет о памятниках республики» узаконивал снос памятников прежней эпохи и создание новых. На улицах городов появились бюсты Маркса и Энгельса, представителей международного и русского революционного движения, революционных поэтов и писателей[718].

Вопросы управления медиакоммуникациями находились на личном контроле Ленина, который постоянно подчеркивал значение пропаганды. Следует отметить, как Ленин подразделял каналы коммуникаций: общие и специализированные газеты, фильмы и диаграммы, любые формы выступлений перед массами – театр, лекции, доклады, а также использование выступлений учителей[719].

Ленин все время рассматривал возможности пропаганды и способы противодействия пропаганде противника[720]. Эффективное управление коммуникациями позволило большевикам получить социальную поддержку для захвата власти и для ее удержания, а после гражданской войны направить активность людей на подъем экономики страны. В конце 1920 г. Ленин делает

---

[716] Там же. С. 24

[717] Там же. С. 43.

[718] Плаггенборг Ш. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. С. 274-275.

[719] Ленин В.И. К тезисам о производственной пропаганде // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 42. М., 1970. С. 374.

[720] С точки зрения отношения к пропаганде показательна фраза из письма Ленина Чичерину и Литвинову в мае 1919 г.: «Ей-ей, нельзя упускать случая ответить Нансену так, чтобы пропаганда вышла хорошая». (Ленин В.И. Письмо Г.В. Чичерину, М.М. Литвинову, 6.V.1919 // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 50. М., 1970. С. 306).

распоряжение максимального акцентирования на производственной пропаганде[721]. Видение Лениным технологий управления коммуникациями четко, на наш взгляд, проявилось в истории с разворачиванием производственной пропаганды в РСФСР. Во-первых, Ленин настоятельно требовал более продуманного распределения газет, брошюр и листовок по всем библиотекам, более широкого и систематичного использования фильмов, обязательной расклейки афиш и плакатов около заводов и фабрик, мастерских и технических школ, предлагал проводить демонстрацию диаграмм и картограмм в клубах, избах-читальнях, на улицах и пр., выпускать пластинки и т.д.[722]

Итак, массовый политический протест в радикальных формах на примере революций в России 1905 и 1917 гг. демонстрирует закономерности формирования и развития таких форм протеста в системе «вход» – «выход». Для ведущих борьбу за власть политических сил после ее завоевания встает вопрос транквилизации протестных настроений и укрепление собственной власти.

Если прежние «революционные силы» позитивируют образ революции и свободы слова, то новые – объявляют любые антиправительственные действия отходом от революционных достижений, а регулирование СМИ – борьбой против антигосударственных и разрушительных элементов.

Эти примеры продемонстрировали закономерности формирования и развития массового политического протеста и перехода его в радикальные формы, которые можно уложить в определенную модель диагностики политического протеста в радикальных и массовых формах:

- состояние легитимности,
- условия возникновения протеста,
- социальная база протеста,
- идеология протеста,
- сценарии распространения протестных акций,

---

[721] Ленин В.И. Тезисы о производственной пропаганде (Черновой набросок) // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 42. М., 1970. С. 14-15.
[722] Там же. С. 15-16.

- срабатывание факторов «столичности», «армии», «внешнего фактора» в организации и развитии протеста;

- возможности средств медиакоммуникаций.

Базовые лозунги и мотивирующие принципы, простые и доступные для большинства населения страны, вкупе с максимизацией использования каналов коммуникаций, позволяют эффективно мобилизовать сторонников. Далее все более существенную роль начинают играть медиакоммуникации, что обусловлено охватом и взаимопроникновением двух групп коммуникаций, а также выдвинутой и реализованной В.И. Лениным идеей о политической общероссийской газете как организационном ядре революционной партии.

Медиакоммуникации играют ключевую роль в регулировании массового политического протеста как в период его развития и захвата власти, так и в период транквилизации протестных настроений, направления «энергии масс» в русло строительства новой жизни.

3.2. Политические протесты и средства медиакоммуникаций в Германии 1918–1933 гг.

Период Веймарской республики в Германии (1918–1933 гг.) представляет интересный для исследования пример генезиса и динамики социального протеста и использования данного протеста в политической борьбе крайне левой и крайне правой партиями. Возникнув после Ноябрьской революции[723], Коммунистическая партия Германии[724] и Национал-социалистическая рабочая партия Германии[725] стали двумя полюсами, аккумулировавшими максимальную массу протестных настроений немецкого общества 20-х – начала 30-х гг.

Немецкая гражданская война была не похожа на другие: она не была непрерывной, выплескивалась крайними формами своего проявления несколько раз в разных частях государства и со стороны как левых, так и правых сил. Эрнст Нольте назвал это «гражданской войной ограниченного масштаба в Германии»[726]. Также не была похожа эта гражданская война ни на что другое в истории и в период 1930–1933 гг.: противостояние в обществе выплескивалось на улицы в форме демонстраций и столкновений боевых отрядов партий, сконцентрировалось на парламентских формах борьбы партий, отстаивании своих убеждений и видения изменений в государстве и обществе путем голосования за «свою партию».

Гражданская война в Германии, которая проявилась целой серией восстаний, заняла период с Ноябрьской революции 1918 г. до ноября 1923 г., когда были подавлены последние открытые выступления: восстание коммунистов в Гамбурге

---

[723] Шульц Э.Э. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии и проблемы возникновения, развития и падения Веймарской республики // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 223-228.

[724] КПГ, нем. – KPD (Kommunistische Partei Deutschlands)

[725] НСДАП, нем. – NSDAP (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei)
Коммунистическая партия была создана выделением левого крыла немецкой социал-демократической партии 1 января 1919 г. Тогда же, в январе 1919 г., слесарь железнодорожного депо Мюнхена Антон Декслер основал немецкую рабочую партию, которая через год – в феврале 1920 г. – была переименована в Национал-социалистическую рабочую партию Германии.

[726] Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. М., 2003. С. 147.

и «пивной путч» в Мюнхене. После этого протест перешел в формы демонстраций и забастовок, спав в период экономической стабилизации 1926–1928 гг. и снова набрав массу, повышая степень радикальности с мировым экономическим кризисом, начавшимся в 1929 г.[727] Этот протест не выливался уже в вооруженные восстания, но приводил к уличным стычкам, использованию боевых партийных дружин со стороны НСДАП и КПГ, оказывал серьезное влияние на немецкое общество[728]. Эти выплески радикальных массовых форм политического протеста прекратились с приходом к власти нацистов – НСДАП (1933 г.).

В период пика выплеска политического протеста в радикальных и массовых формах в Германии 1918–1923 гг. ни коммунисты, ни нацисты не смогли прийти к власти на волне этого протеста. Провал попыток силового пути во власть привел к необходимости борьбы за нее через действующие демократические механизмы. Увеличение голосов избирателей могло идти за счет увеличения явки на выборах (явка на выборах 1930–1933 гг. была самой высокой за весь период Веймарской республики и не опускалась ниже 80%[729]) и оттягивания голосов от других партий. Оба эти процесса проявились с ростом протестных настроений в обществе, выплеском социального конфликта в открытые протестные формы, массового и часто радикального характера, и резкой радикализацией политических взглядов в период 1930–1933 гг.

Причины падения Веймарской республики – что для нас означает причины смены власти на волне социального протеста – исследователи видят в Великой депрессии, связанных с ней экономических трудностей и безработицей[730]. Не

---

[727] Шульц Э.Э. От Веймарской республики к Третьему рейху: Электоральная история. Германии 1920-х – начала 1930-х гг. М., 2016. С. 72-78, 160-161; Шульц Э.Э. «Левый» и «правый» бунт в Германии 1920–30-х гг.: истоки, ход событий, результаты. Барнаул, 2014. С. 80, 84-89.

[728] Период кризиса 1929 г. по 1933 г. один из известных немецких исследователей Эрнст Нольте назвал «гражданской войной ограниченного масштаба». (Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. М., 2003. С. 147).

[729] Шульц Э.Э. От Веймарской республики. С. 228-229.

[730] Falter J.W. The economics crisis of the 1930's // Politics and Political Change: A Journal of Interdisciplinary History Reader /Ed by Rotberg R.I. MIT Press, 2001. P. 99, 128; Heilbroner O. Catholicism, political culture, and the countryside: a social history of the Nazi Party in south Germany. University of Michigan Press, 1998. P. 235, 238, 239; McDonough F. Hitler and the Rise of the Nazi

отрицая такой взаимосвязи, следует все же отметить, что уровень безработицы в начале 1930-х гг. в Германии был ниже, чем в США и многих странах Европы, где не произошло прихода к власти фашистов[731]. Тем более, что лишившиеся работы пролетарии предпочтительно голосовали за Компартию Германии, а не за национал-социалистов[732].

Наличие одного и того же экономического кризиса, но разных политических результатов в США, Англии и Франции с одной стороны, и Германии – с другой, позволяет видеть причины такой разницы в различных условиях, на которые наложился экономический кризис. В Германии наличествовал большой потенциал социального протеста, который развили две радикальные партии для того, чтобы расшатать политическую систему и сменить ее. В США, Англии и Франции этот компонент отсутствовал или оставался незначительным.

Экономический кризис оказал влияние на стабильность политических систем во всех государствах Европы[733], но в Германии он оказал наибольшее воздействие на социальные настроения[734]. Резкий рост безработицы (с 1,3 млн до 6 млн за 1929–1933 гг.[735]) стимулировал рост недовольства и широкой социальной базы для протестов. Индикатором изменений в немецком обществе и протестных настроений стал рост численности радикальных партий. НСДАП за период 1928–

Party. Pearson Education, 2003. P. 95. См. также: Шульц Э.Э. Демографический фактор и причины падения Веймарской республики // Власть. 2023. № 4. С. 248-251.

[731] McDonough F. Hitler and the Rise of the Nazi Party. Pearson Education, 2003. P. 95.

[732] Шульц Э.Э. «Левый» и «правый» бунт в Германии… С. 25; Hänisch D. A Social Profile of the Saxon NSDAP Voters before 1933 // Szejnmann C-C.W. Nazism in Central Germany: The Brownshirts in 'red' Saxony. Berghahn Books, 1999. P. 221; McDonough F. Hitler and the Rise of the Nazi Party. P. 95.

[733] Так, например, в 1929 г. сменилось правительство в Англии, во Франции с 1932 по 1936 гг. сменилось 11 кабинетов. (См.: Бриггс Э., Клэвин П. Европа Нового и Новейшего времени. С 1789 года и до наших дней. М., 2006. С. 312). См. также: Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004. С. 152.

[734] См.: Кульбакин В.Д. Очерки Новейшей истории Германии. М., 1962. С. 316; Патрушев А.И. Германия в XX веке. М., 2004. С.173. 174; Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. С. 152.

[735] Озмент С. Могучая крепость: Новая история германского народа. М., 2007. С. 366; СИЭ. Т. 4. С. 318; Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. С. 152.

1932 гг. выросла со 100 тыс. до 800 тыс. членов (в восемь раз), КПГ – со 130 000 до 287 180 членов (в два раза)[736].

Протестные настроения в Германии периода 1930–1933 гг. сильно отразились на выборах в стране. Результаты этих выборов позволяют оценить уровень протестных настроений, их рост и радикализацию, социальную базу.

Осенью 1930 г. на выборах в рейхстаг (немецкий парламент) резко выросло количество голосов избирателей, отданных за НСДАП и КПГ. Компартия Германии, по сравнению с прошлыми выборами 1928 г., увеличила количество своих избирателей на 1,3 млн голосов (на 2,5%), а НСДАП – на 5,6 млн (с 0,8 млн до 6,4 млн – почти на 16%, в восемь раз)[737].

В марте 1932 г. лидер НСДАП Адольф Гитлер уже мог считаться вторым по популярности политиком в Германии, так как проиграл президентские выборы только действующему президенту, герою войны Гинденбургу с отставанием всего в 16% (53% на 37%). Кроме авторитета самого Гинденбурга необходимо учитывать и поддержку его кандидатуры всеми значимыми партиями Веймарской республики, и в первую очередь социал-демократов, которые стабильно получали почти четверть голосов избирателей на парламентских выборах[738]. При таких условиях успех нацистов был ошеломительным. Последовавшие за этим выборы в парламенты земель (ландтаги) подтвердили новый расклад сил в стране, так как НСДАП набирала 30–40% голосов на каждых таких выборах[739].

---

[736] Mitgliederbewegung der KPD und SPD // Dokumente zur Deutschen Geschichte 1929–1932. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1975. S. 106. См.: Руге В. Как Гитлер пришел к власти: Германский фашизм и монополии. М., 1985. С. 181.

[737] Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М., 1963. С. 324 (СИЭ); Deutsche Geschichte 1933–1945: Dokumente zur Innen und Aussenpolitik /Hrsg. von W. Michalka. Frankfurt a/M.: Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1993. S. 342. См. сводные таблицы: Шульц Э.Э. От Веймарской республики к Третьему рейху. С. 222, 227, 235.

[738] Призыв СДПГ к избирателям в связи с президентскими выборами (27 февраля 1932 г.) // История Германии: учебное пособие: в 3 тт. /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3: Документы и материалы. М., 2008. С. 358; Die Reichspräsidenten 1919–1934. Das Deutsche Reich URL: http://www.gonschior.de/weimar/Deutschland/Praesidenten.html (дата обращения: 19.10.2013)

[739] Anhalt. Landtagswahlen 1918–1933. URL: http://www.gonschior.de/weimar/Anhalt/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018); Bayern. Landtagswahlen 1919–1933 URL: http://www.gonschior.de/weimar/Bayern/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018);

На президентских выборах за Гинденбурга проголосовало 19,4 млн избирателей, за Гитлера – 13,4 млн[740]. Те же избиратели (13,8 млн) проголосовали за НСДАП на июльских 1932 г. выборах в рейхстаг[741]. На этих парламентских выборах НСДАП набрала 37,4%, а КПГ – 14,5% голосов избирателей.

Общее число голосов, отданных за НСДАП и КПГ на этих выборах равно 19 028 400, что составляло 43% от всех избирателей страны и 30,5% от всего населения страны (разницу формируют граждане возрастом до 20 лет[742])[743].

Эти цифры говорят о том, что третья часть населения, более 40% взрослого населения Германии (старше 20 лет) перешли в лагерь двух крайних политических позиций.

Эти цифры свидетельствуют о катастрофической радикализации электората

Hamburg. Bürgerschaftswahlen 1919–1933 URL: http://www.gonschior.de/weimar/Hamburg/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018); Hessen. Landtagswahlen 1919–1933. URL: http://www.gonschior.de/weimar/Hessen/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018); Lübeck. Bürgerschaftswahlen 1919–1933 URL: http://www.gonschior.de/weimar/Luebeck/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018); Mecklenburg-Strelitz. Landtagswahlen 1918–1933 URL: http://www.gonschior.de/weimar/Me-Strelitz/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018); Mecklenburg-Schwerin. Landtagswahlen 1919–1933. URL: http://www.gonschior.de/weimar/Me-Schwerin/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018); Oldenburg. Landtagswahlen 1919–1933. URL: http://www.gonschior.de/weimar/Oldenburg/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018); Preußen. Landtagswahlen 1919–1933. URL: http://www.gonschior.de/weimar/Preussen/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018); Schaumburg-Lippe. Landtagswahlen 1919–1933. URL: http://www.gonschior.de/weimar/Schaumburg-Lippe/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018); Thüringen. Landtagswahlen 1919–1933. URL: http://www.gonschior.de/weimar/Thueringen/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018); Württemberg. Landtagswahlen 1919–1933. URL: http://www.gonschior.de/weimar/Wuerttemberg/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018). См. сводные таблицы: Шульц Э.Э. От Веймарской республики к Третьему рейху. С. 256-264.

[740] Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Herausgegeben vom Statistischen Reichsamt. Einundfünfzigster Jahrgang. 1932. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing in Berlin SW 61, 1932. S. 541

[741] Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Herausgegeben vom Statistischen Reichsamt. Einundfünfzigster Jahrgang. 1932. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing in Berlin SW 61, 1932. S. 541. См. сводные таблицы: Шульц Э.Э. От Веймарской республики к Третьему рейху. С. 222, 227.

[742] Такой избирательный ценз был установлен ст. 22 Конституции Веймарской республики. См.: Патрушев. Германия в XX веке. С. 84; Шульц Э.Э. От Веймарской республики к Третьему рейху. С. 65.

[743] Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Herausgegeben vom Statistischen Reichsamt. Einundfünfzigster Jahrgang. 1932. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing in Berlin SW 61, 1932. S. 541. См. сводные таблицы: Шульц Э.Э. От Веймарской республики к Третьему рейху. С. 222-223.

Германии. В сумме две радикальные партии собрали 51,9% избирателей, пришедших к избирательным урнам (при явке в 84%)[744]. С таким парламентом республика не могла существовать, и этот парламент был распущен рейхспрезидентом Гинденбургом. В ноябре 1932 г. были проведены новые выборы. Несмотря на некоторые потери в электорате НСДАП (2 млн голосов), общий результат двух радикальных партий дает почти 18 млн голосов избирателей, что принесло партиям суммарно 50% всех голосов (при явке в 80,6%)[745].

Недаром успех нацистов связывается в исследованиях с тем, что национал-социализм стал «всеобъемлющим движением протеста»[746].

Социальная база протеста может быть выведена из электората двух радикальных партий: НСДАП и КПГ, – которые стали аккумулировать большую часть протестных настроений и часто переводили этот протест в радикальные и массовые формы[747].

---

[744] Falter J.W., Lindenberger T., Schumann S. Wahlen und Abstimmungen in der Weimarer Republik: Materialien zum Wahlverhalten, 1919–1933. München: Beck, 1986. S. 41, 44; Reichstagswahlen 1919–1933. Das Deutsche Reich. URL: http://www.gonschior.de/weimar/Deutschland/Uebersicht_RTW.html (дата обращения: 19.06.2017); Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Herausgegeben vom Statistischen Reichsamt. Einundfünfzigster Jahrgang. 1932. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing in Berlin SW 61, 1932. S. 541; Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Herausgegeben vom Statistischen Reichsamt. Zweiundfünfzigster Jahrgang. 1933. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing in Berlin SW 61, 1933. S. 539. См. сводные таблицы: Шульц Э.Э. От Веймарской республики к Третьему рейху. С. 228-229.

[745] Falter J.W., Lindenberger T., Schumann S. Wahlen und Abstimmungen in der Weimarer Republik: Materialien zum Wahlverhalten, 1919–1933. München: Beck, 1986. S. 41, 44; Reichstagswahlen 1919–1933. Das Deutsche Reich. URL: http://www.gonschior.de/weimar/Deutschland/Uebersicht_RTW.html (дата обращения: 19.06.2017). См. сводные таблицы: Шульц Э.Э. От Веймарской республики к Третьему рейху. С. 228-229.

[746] Аникеев А.А., Кольга Г.И., Пуховская Н.Е. НСДАП: идеология, структура и функции. Ставрополь, 2001. С. 14; Childers T. The Nazi Voter. The Social Foundations of Fascism in Germany 1919–1933. University of North Carolina Press, 1983. P. 268; Childers T. Who, Indeed, Did Vote for Hitler? // Central European History. 1984. Vol. 17, No. 1. P. 53; Fischer C. The German Communists and the Rise of Nazism. MacMillan, 1991. P. 119; Mühlberger D. The social bases of Nazism, 1919–1933. Cambridge University Press, 2003. P. 79.

[747] Шульц Э.Э. Электоральная база нацистов на выборах 1928–1932 гг. в Германии // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия “Политология”. 2014. № 2. С. 136-144; Шульц Э.Э. Социология нацизма: формирование основных подходов в историографии // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия “Социология”. – 2014. – № 2. – С. 61-72.

Проблема социальной базы избирателей НСДАП и КПГ имеет обширную исследовательскую базу[748]. Очевидность несоответствия действительности классового принципа в данном вопросе (противопоставление средний класс – рабочий класс)[749] приводит современных исследователей к акцентированию внимания на причинах победы нацистов в связи с поддержкой их партии молодежью Веймарской республики[750], женским населением[751], протестантским

[748] Аникеев А.А., Кольга Г.И., Пуховская Н.Е. НСДАП: идеология, структура и функции. Ставрополь, 2001. С. 3, 68-69, 71-73, 77, 80; Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1989. С. 152, 172, 179-180; Гинцберг Л.И. Ранняя история нацизма. Борьба за власть. М., 2004. С. 70-71, 205; Руге В. Как Гитлер пришел к власти: германский фашизм и монополии. М., 1985. С. 136; Carsten F.L. Interpretations of Fascism // Fascism, a Reader's Guide: Analyses, Interpretations, Bibliography /Ed. by Walter Laqueur University of California Press, 1978. P. 416-417; Falter J.W. How Likely Were Workers to Vote for the NSDAP? // The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany /Ed. by Conan Fischer. Berghahn Books, 1996. P. 35; Lasswell P. The Analysis of Political Behavior. Routledge, 2002. P. 235-245; Madden P. The Social Class Origins of Nazi Party Members as Determined by Occupations, 1925-33 // Mühlberger D., Madden P. The Nazi Party: The Anatomy of a People's Party. 1919–1933. Peter Lang. 2007. P. 141-142; Mühlberger D. The social bases of Nazism, 1919–1933. Cambridge University Press, 2003. P. 2-3; Mühlberger D. The Sociology of the NSDAP. P. 55; Payne S.G. A History of Fascism: 1914-1945. University of Wisconsin Press, 1995. P. 445; Pratt S.A. The Social Basis of Nazism and Communism in Urban Germany. A Correlational Study of the July, 31, 1932 Reichstag Election in Germany. Michigan State University, 1948; Weber A. Soziale Merkmale der NSDAP-Wähler. Albert-Ludwigs-Universität zu Freiburg, 1969.

[749] Подробный анализ исследований социальной поддержки НСДАП – см.: Шульц Э.Э. Кто голосовал за нацистов (1928–1933): к вопросу о социальном составе // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 104-115; Шульц Э.Э. Кто голосовал за НСДАП?: к проблеме социальной базы национал-социалистов в Веймарской республике // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 116-121; Шульц Э.Э. Проблемные вопросы социальной базы НСДАП: к причинам успеха нацистов на выборах 1928–33 гг. // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия “Социология”. 2015. № 1. С. 42-53.

[750] Галкин А.А. Германский фашизм. С. 162, 170; Руге В. Как Гитлер пришел к власти. С. 226; Fischer C. The Rise of the Nazis. P. 121; Mitchel O.C. Nazism and the Common Man: Essays in German History (1929–1939). Burgess Publishing Company, 1972; Mühlberger D. The social bases of Nazism. P. 2-3; Neisser H. Sozialstatistische Analyse des Wahlergebnisses // Die Arbeit. 1930. 7. S. 658-659; Striefler H. Deutsche Wahlen in Bildern und Zahlen. Düsseldorf: Wende-Verlag W. Hagemann, 1946. S. 17.

[751] Boak H. Mobilising women for Hitler: the female Nazi voter // Working towards the Führer /Ed. by A. MacElligott and T. Kirk. Manchester University Press, 2003. P. 85; Lipset S.M. Political Man: the social bases of politics. N.Y.: Doubleday & Company, Inc., 1960. P. 143; Nazis and Fascists in Europe, 1918-1945 /Ed. by John Weiss. Quadrangle Books, 1969. P. 91-98; Sneeringer J. Winning Women's Votes: Propaganda and Politics in Weimar Germany. University of North Carolina Press, 2002. P. 5; Stephenson J. Women in Nazi Germany. Routledge, 2014. P. 16; Striefler H. Op. cit. S. 23; Thomas K. Women in Nazi Germany. London: V. Gollancz, 1943. P. 23-24.

населением Германии[752]. Однако последние исследования показывают, что такие подходы требуют обстоятельного переосмысления[753].

В 1925 – начале 1933 гг. членами партии НСДАП (в зависимости от региона Германии) состояли от 37,1 до 50,8% представителей «нижних классов», от 38,3 до 50,1% – представителей среднего класса (от низовых слоев этой группы), от 1 до 5,4% – представителей верхушки среднего класса и высших слоев общества[754]. Даже учитывая предположение о снижении притока представителей рабочего класса в начале 1930-х в сравнении с 1928–1929 гг.[755], доля этой социальной группы в рядах членов НСДАП в среднем по стране составляла выше трети[756]. (Один из крупнейших специалистов по данному вопросу – немецкий профессор Юрген Фальтер считал, что доля рабочих в рядах НСДАП до прихода к власти могла достигать 40%[757]). Второй и третьей по количественному составу выступали

---

[752] Falter J.W. How Likely Were Workers… P. 25-26; Fischer C. The Rise of the Nazis. Second Edition. Manchester University Press, 2002. P. 123; Falter J.W. The economics crisis of the 1930's. P. 114, 117, 120; Falter J.W. The Social Bases of Political Cleavages in the Weimar Republic, 1919–1933 // Elections, Mass Politics, and Social Change in Modern Germany: New Perspectives /Ed. by Larry Eugene Jones, James Retallack. Cambridge University Press, 1992. P. 382; Hamilton R.J. Who Voted for Hitler? NJ: Princeton University Press, 1982. P. 38-40; Mason T.W. Social Policy in the Third Reich: The Working Class and the National Community, 1918–1939. Berg Publishers, 1993. P. 48.

[753] Шульц Э.Э. Кто голосовал за нацистов (1928-1933): к вопросу о социальном составе // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 104-115; Шульц Э.Э. Кто голосовал за НСДАП?: к проблеме социальной базы национал-социалистов в Веймарской республике // Вестник Томского гос. ун-та. 2018. № 433. С. 116-121.

[754] Mühlberger D. A Workers' Party or a Party without Workers? // The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany /Ed. by Conan Fischer. Berghahn Books, 1996. P. 54.
Для 7,6% членов в среднем – статус не выяснен (Ibidem).

[755] Manstein P. Die Mitglieder und Wahler der NSDAP. 1919 – 1933: Unters zu ihrer schichtmassigen Zussammensetzung. 2 Uberarb. Aufl. Frankfurt a/ M., 1989. S. 131.

[756] См.: Kater M.H. The Nazi Party. A Social Profile of Members and Leaders 1919–1945. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1983. P. 264; Manstein P. Op. cit. S. 131; Mühlberger D. The Sociology of the NSDAP: the Question of Working Class Support // Mühlberger D., Madden P. The Nazi Party: The Anatomy of a People's Party. 1919–1933. Peter Lang. 2007. P. 63; Mühlberger D. A Social Profile of the Saxon NSDAP Membership before 1933 // Szejnmann C-C.W. Nazism in Central Germany: The Brownshirts in 'red' Saxony. Berghahn Books, 1999. P. 214-215; Mühlberger D. A Workers' Party… P. 48; Deutsche Geschichte 1933–1945. S. 343.

[757] Falter J.W. The First German Volkspartei: The Social Foundations of the NSDAP // Elections, Parties and Political Traditions: Social Foundations of German Parties and Party Systems, 1867–1987 /Ed. by Karl Rhoe. New York-Oxford-Munich: Berg Publishers, 1990. P. 79.

группы «чиновников» (19,4%) и «мелких и средних предпринимателей, собственников (19%); представители крестьянства составляли чуть более 10%[758].

Для сравнения, Социал-демократы Германии (СДПГ) – традиционно рабочая партия – на пике своей популярности (первая половина 1920-х) в одном из самых пропартийных регионов – в Берлине – имели в своих рядах 43% индустриальных рабочих[759].

Уже современники воспринимали Национал-социалистов как партию молодежи[760]. Согласно «Статистике партии» (Partei-Statistik) – статистический документ НСДАП, выпущенный в 1935 г., возрастные группы до 30 лет на январь 1933 г. (до прихода нацистов к власти) составляли 40% от общего числа членов партии[761]. Несмотря на часто встречающиеся критические оценки данных «Статистики партии», большинство исследователей признает, что немцы моложе 30 лет формировали около и более одной трети состава НСДАП[762]. Здесь необходимо учитывать выявленную исследователями особенность, что максимальный приток молодежи в партию наблюдался до 1929 г., а в период 1929–1933 гг. («похода за властью») средний возраст членов НСДАП неуклонно растет[763].

Для сравнения, на начало 1930-х гг. в СДПГ и КПГ возрастные группы до 30 лет составляли чуть более 30% всей партии[764]. Возрастной уровень партийных

---

[758] См.: Kater M.H. The Nazi Party. A Social Profile of Members and Leaders 1919–1945. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1983. P. 343. См. также: Partei-Statistik. B. I. – Der Reichsorganisatiosleiter der NSDAP. 1935. S. 53.

[759] Harsch D. German Social Democracy and the Rise of Nazism. The University of North Carolina Press, 1993. P. 28.

[760] Falter J.W. The Young Membership of the NSDAP between 1925 and 1933: A Demographic and Social Profile // The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany /Ed. by Conan Fischer. Berghahn Books, 1996. P. 79; Lasswell H. The Analysis of Political Behavior. Routledge, 2002. P. 239.

[761] Partei-Statistik. B. I. – Der Reichsorganisatiosleiter der NSDAP. 1935. S. 155, 202, 204.

[762] Harsch D. German Social Democracy and the Rise of Nazism. The University of North Carolina Press, 1993. P. 28; Kater M.H. The Nazi Party. A Social Profile of Members and Leaders 1919–1945. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1983. P. 261.

[763] Falter J.W. The Young Membership… P. 81.

[764] Guttsman W.L. The German Social Democratic Party, 1875-1933: From Ghetto to Government. N.Y.-London: Routledge, 2020. P. 157; Harsch D. Op. cit. P. 28.

лидеров в НСДАП и КПГ был существенно ниже других Веймарских партий: категория 31–40 лет составляла 44,6%, а 41–50 лет – 26,4%[765].

Рабочий класс представлял, как минимум, треть избирателей НСДАП, большую часть оставшейся доли занимал средний класс (т.н. «старый» и «новый средний класс»)[766].

Что касается молодежного электората, то при общем росте количества избирателей в Веймарской республике между 1925 и 1933 гг. на более чем 3 млн человек количество избирателей в группе «20-30 лет» выросло всего на 850 тыс.[767] Причем это те возрастные группы, которые наименее представительно приходили к урнам для голосования на выборах[768]. Таким образом, в электоральной базе КПГ и НСДАП следует вести речь о возрастных группах от 20 до 40 лет, которые демонстрировали идентичные или сходные модели электорального поведения[769].

Выводы исследователей о результатах гендерного голосования существенно разнятся, хотя и основываются на одних и тех же данных[770]. И положительное, и отрицательное отношение женского электората к НСДАП у избирательных урн имеет своих сторонников[771].

---

[765] Kater M.H. Op. cit. P. 261; Linz J.J. Some Notes Toward a Comparative Study of Fascism in Sociological Historical Perspective // Fascism. A reader's Guide. Analyses, Interpretations, Bibliography /Ed. by Walter Laqueur. University of California Press, 1978. P. 45.

[766] Falter J.W. How Likely Were Workers to Vote for the NSDAP? // The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany /Ed. by Conan Fischer. Berghahn Books, 1996. P. 10, 11, 35, 45. См.: От Веймарской республики… С. 120-127.

[767] Striefler H. Op. cit. S. 17.

[768] Данные см.: Striefler H. Op. cit. S. 18.

[769] Шульц Э.Э. От Веймарской республики к Третьему рейху: Электоральная история. Германии 1920-х – начала 1930-х гг. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 132-137.

[770] Bremme G. Die politische Rolle der Frau in Deutschland. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1956; Boak H.L. Women in Weimar Germany. The “Frauenfrage” and the Female Vote // Social Change and Political Development in Weimar Germany. London: Croom Helm, 1981. P. 155-173; Boak H. National Socialism and Working-Class Women // The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany /Ed. by Conan Fischer. Berghahn Books, 1996. P. 163-188; Hartwig. Das Frauenwahlrecht in der Statistik // Tagung der Deutschen Statistischen Gesellschaft, 21, 1931, S. 167-182; Hartwig. Wie die Frauen im Deutschen Reich von ihrem politischen Wahlrecht Gebrauch machen // Allgemeines Statistisches Archiv, 17, 1928, S. 497-512; Striefler H. Op. cit. S. 18, 21.

[771] Caplan J. The Rise of National Socialism. P. 126; Lipset S.M. Political Man. P. 143; Nazis and Fascists in Europe, 1918-1945. P.23-24.

Для того периода, который нас наиболее интересует: 1930–1933 гг. – время наибольшего роста протестных настроений в Веймарском обществе и радикализации этих настроений, можно заключить следующее. Женские голоса превалировали в голосовании за партию Центра и Баварскую народную партию (60% женщины, 40% мужчины). Ровно противоположная картина: 40% на 60%, – наблюдалась при голосовании за Компартию Германии. За НСДАП голосовало примерно поровну мужского и женского электората[772]. Таким образом, различие в гендерном голосовании за НСДАП и за КПГ (50% на 50% и 40% на 60%) можно считать значимым фактором в электоральной борьбе между двумя этими партиями, но не дает оснований утверждать о значимой роли женского электората в победе нацистской партии на выборах в поздней Веймарской республике[773].

Результаты последних исследований позволяют утверждать, что конфессиональный признак тоже не был определяющим в голосовании за НСДАП: за национал-социалистов голосовали и протестанты, и католики[774].

Анализ социального состава избирателей показывает, что за НСДАП отдавали голоса приблизительно в равных долях мужчины и женщины, католики и протестанты. Процентный состав рабочих был меньше среди голосующих за НСДАП, чем за КПГ, но в абсолютных цифрах НСДАП вполне конкурировала с КПГ за эту большую социальную группу. При этом рост голосов за НСДАП шел по всем группам примерно пропорционально, а у КПГ – только в среде рабочих.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. наблюдается перетекание индустриальных рабочих в ряды Компартии Германии[775]. Частично этот процесс был связан и с ростом безработицы среди рабочих, что дало высокую долю безработных в рядах

---

[772] Bremme G. Op. cit. S. 74, 243, 246, 247, 250, 251; Boak H. National Socialism and Working-Class Women. P. 166; Striefler H. Op. cit. S. 21.

[773] Шульц Э.Э. От Веймарской республики к Третьему рейху. С. 137-148.

[774] Шульц Э.Э. От Веймарской республики к Третьему рейху. С. 129, 245-247, 250-251; Шульц Э.Э. Статистические данные выборов в рейхстаг Германии 1928-32 гг. и поведение электората НСДАП, КПГ и СДПГ // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. № 445. С. 159-169. См. также: Шульц Э.Э. Статистические данные результатов выборов в рейхстаг Германии 1928–32 гг.: к проблеме интерпретации источников // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 178-183.

[775] Шульц Э.Э. От Веймарской республики… С. 122.

членов Компартии и ее избирателей[776], однако считать КПГ в 1932 г. партией безработных[777] принципиально неверно.

Тенденция на парламентских выборах июля и ноября 1932 г. и марта 1933 г. обозначилась достаточно четко. НСДАП поглощает голоса многих правых партий[778] и части левого электората (от СДПГ и КПГ). КПГ отнимает электорат у СДПГ[779].

Определение уровня молодого населения в социальной базе протеста имеет принципиальное значение и с точки зрения концепции «молодежного бугра» («youth bulge»). «Молодежный бугор» определяется для тех случаев, когда в обществе возникает значительная доля граждан в возрасте 15–29 лет, и целый ряд исследователей определяют такую демографическую ситуацию как причину повышения уровня социального конфликта в обществе, которая выливается в радикальные массовые формы политического протеста[780].

Если посмотреть на историю Германии конца 1920-х – начала 1930-х гг. сквозь призму этой концепции, то, казалось бы, она полностью себя оправдывает: во-первых, рост населения в стране в послевоенные годы и возрастание доли молодежи в обществе шли уверенными темпами; во-вторых, доля молодежи была приличной в НСДАП, КПГ и партийных боевых организациях. Однако если начать разбирать этот тезис подробно, то все оказывается не столь очевидным. Действительно, две радикальные партии на треть состояли из молодых немцев,

---

[776] Hänisch D. A Social Profile of the Saxon NSDAP Voters before 1933 // Szejnmann C-C.W. Nazism in Central Germany: The Brownshirts in 'red' Saxony. Berghahn Books, 1999. P. 221; McDonough F. Hitler and the Rise of the Nazi Party. Pearson Education, 2003. P. 95.

[777] Патрушев А.И. Германия в XX веке. М., 2004. С. 133.

[778] Немецкая национальная народная партия (за исключением трех земель), Хозяйственная партия (или Экономическая), Государственная партия, «Ландфольк».

[779] Шульц Э.Э. Статистические данные выборов в рейхстаг Германии 1928-32 гг. и поведение электората НСДАП, КПГ и СДПГ // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. № 445. С. 159-169.

[780] Goldstone J. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict // Journal of International Affairs. 2002. № 56. P. 11-12; Goldstone J.A. Revolution and rebellion in the early modern world. Berkeley: University of California Press, 1991. P. 2-3, 27, 31, 419-421; Goldstone J. The New Population Bomb: The Four Megatrends that will Change the World // Foreign Affairs. 2010 (January/February). Vol. 89. No. 1. P. 31; Kaufmann E.P., Toft M.D. Introduction // Political Demography: How Population Changes Are Reshaping International Security and National Politics /Ed. by Jack A. Goldstone, Eric P. Kaufmann, Monica Duffy Toft. Oxford University Press, 2012. P. 6.

однако определенные подсчеты позволяют говорить о том, что в период роста кризиса и протестных явлений средний возраст вступающих в ряды НСДАП как раз стал повышаться: т.е. максимальный приток самого молодого возраста был до 1929 г. Кроме того, партия – это небольшой, хоть и самый активный отряд, и в 1932 г. все члены НСДАП и КПГ составляли не более 3% от всех избирателей Веймарской республики (т.е. взрослого населения). Такого количества явно было недостаточно для захвата власти с помощью давления протестными акциями и, тем более, для победы на выборах. Чтобы победить на выборах и получить власть, этим партиям пришлось бороться за голоса избирателей, а вот среди избирателей-то этих партий, особенно НСДАП, молодежь представляла далеко не самую большую и весьма неактивную часть[781].

Таким образом, молодежь составляла большую долю в «протестных партиях» – НСДАП и КПГ (более трети членов – т.е. от 300 до 400 тыс. человек на обе партии), но не среди их избирателей, где группы до 30 лет оказывали минимальное воздействие на результаты выборов. То есть «молодежный бугор», безусловно, сказывался на особенностях организации и управления политическим протестом в радикальных и массовых формах и партийной борьбе, но точно не стал причиной возникновения и существования на большом временном промежутке радикальных массовых форм политического протеста в Веймарской республике.

Современные исследования убедительно доказывают, что НСДАП имела массовую поддержку в средних и низших слоях немецкого общества с высокой долей рабочего класса в своей социальной базе[782], а к 1933 г. национал-социалисты

---

[781] Шульц Э.Э. Приход нацистов к власти в Германии и концепция «молодежного бугра» // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3 (30). С. 98-101.

[782] Falter J.W. How Likely Were Workers to Vote for the NSDAP? // The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany /Ed. by Conan Fischer. Berghahn Books, 1996. P. 35, 36, 40, 41; Mühlberger D. A Workers' Party or a Party without Workers? // The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany /Ed. by Conan Fischer. Berghahn Books, 1996. P. 48; Mühlberger D. A Social Profile of the Saxon NSDAP Membership before 1933 // Szejnmann C-C.W. Nazism in Central Germany: The Brownshirts in 'red' Saxony. Berghahn Books, 1999. P. 213, 214-215, 218-219. См.: Шульц Э.Э. Проблемные вопросы социальной базы НСДАП: к причинам успеха нацистов на выборах 1928-33 гг. // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия "Социология". 2015. № 1. С. 42-53; Шульц Э.Э. Электоральная база нацистов на выборах 1928-

смогли перетянуть в свой лагерь большие объемы избирателей от всех партий и из ранее неголосовавших[783].

Идеи социализма и революционности, способность мобилизации низов по примеру левых партий и национализм правых партий создали симбиоз, привлекающий большую часть электората и концентрирующий огромную долю протестных настроений против другой части протестных настроений, аккумулируемых Компартией Германии[784].

Фактор армии в успехе нацистов, особенно в приходе их к власти на волне протестных настроений, является одним из дискутируемых вопросов. С одной стороны, наличествуют факты сотрудничества вермахта с нацистами и приверженности части офицерского состава идеям национал-социализма. С другой стороны, известно негативное отношение высших чинов к «богемскому ефрейтору»[785]. Примечательно, что попытки национал-социалистов политизировать армию в пользу НСДАП были встречены вермахтом в штыки и расценены как сходные с деятельностью большевиков летом 1917 г. в России; в 1930 г. появились даже версии об управлении НСДАП Кремлем[786]. Однако с 1930 по 1933 г. Гитлер смог убедить немецкий генералитет в своей благонадежности. Основным принципом он выдвигал восстановление вооруженных сил и отказ от «диктата Версаля», что не могло не импонировать представителям армии[787]. И все

1932 гг. в Германии // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия “Политология”. 2014. № 2. С 136-144.

[783] Fischer C. The Rise of the Nazis. Second Edition. Manchester University Press, 2002. P. 109; Hänisch D. A Social Profile of the Saxon NSDAP Voters before 1933 // Szejnmann C-C.W. Nazism in Central Germany: The Brownshirts in 'red' Saxony. Berghahn Books, 1999. P. 225; Heilbroner O. Catholicism, political culture, and the countryside: a social history of the Nazi Party in south Germany. University of Michigan Press, 1998. P. 234.

[784] Подробный анализ выборов см.: Шульц Э.Э. От Веймарской республики к Третьему рейху: Электоральная история. Германии 1920-х – начала 1930-х гг. М., 2016. С. 87-116.

[785] См.: Ермаков А.М. Оруженосцы нации. Вермахт в нацистской Германии. М., 2006. С. 29; Хавкин Б.Л. Германские консервативные элиты и антигитлеровская фронда // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2016. № 2 (5). С. 140.

[786] Генерал К. Шлейхер о позиции рейхсвера по отношению к НСДАП (октябрь 1930 г.) // Гинцберг Л.И. Ранняя история нацизма. С. 366.

[787] Из конспекта речи А. Гитлера перед командующими сухопутными войсками и военно-морским флотом (3 февраля 1933 г.) // История Германии /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3. С. 371;

же говорить о поддержке армией национал-социалистов некорректно. Отношение командного состава можно, скорее всего, выразить высказыванием командующего сухопутными войсками рейхсвера генерала Курта фон Хаммерштейна, что законный приход к власти (через выборы и назначение рейхспрезидентом рейхсканцлера) устроит армию, в противном случае армия откроет огонь[788]. В данном контексте оценка роли армии может, например, сводиться к тому, что ее нейтралитета оказалось достаточно для того, чтобы лидер нацистов смог прийти к власти[789].

Отряды партийной милиции переживали максимальный расцвет – их формировали и социал-демократы, и правые националистические группы, а наиболее массовыми они стали у КПГ и НСДАП. Принцип формирования таких дружин во многом строился по примеру большевиков, основываясь на успешном российском опыте. Уже в октябре 1923 г. боевые дружины КПГ насчитывали 250 тыс. человек[790]. Дружины использовались для охраны собственных мероприятий, для организации беспорядков, как система подготовки кадров для организации восстания.

НСДАП создала еще более массовые и радикально настроенные боевые отряды – СА («штурмовые отряды»)[791]. Цели и задачи были сходны, но нацисты чаще пользовались силовыми отрядами для разгона мероприятий других партий (чаще всего – коммунистов). Эти отряды позиционировались как защита от красных дружин и анархии, которую они несут. В 1923 г., когда коммунисты могли выставить четверть миллиона обученных бойцов, штурмовые отряды НСДАП только начинали свою историю, но уже к 1930 г. их количество перевалило за 100 тыс. (что количественно превышало рейхсвер), а в 1932 г. – 400 тыс. человек[792].

Из меморандума Гитлера о четырехлетнем плане (лето 1936г.) // История Германии /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3. С. 382.

[788] Из записки генерала Курта фон Хаммерштейна А. Гитлеру (январь 1933 г.) // История Германии /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3. С. 364-365.

[789] Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 82.

[790] Кульбакин В.Д. Очерки Новейшей истории Германии. М., 1962. С. 162, 198.

[791] от нем. – Sturmabteilungen

[792] Семенов К. СА – штурмовые отряды НСДАП. М.: Яуза, 2006. С. 57, 63, 70.

Внешние факторы влияния на события в Германии проявлялись в нескольких формах. Самым действенным был т.н. «Версальский диктат»: обязательства Германии по Версальскому мирному договору по итогам I Мировой войны. Большие финансовые и товарные репарации, наложенные ограничения на ВПК Германии, территориальные потери не только являлись раздражающим фактором сами по себе в массовом сознании, но и оказывали серьезное влияние на экономику Германии и благосостояние граждан, что особенно сказалось в период Великой депрессии с конца 1929 г. Часть населения считала саму Веймарскую систему навязанным странами-победительницами порядком[793] (и судя по росту рейтинга НСДАП, эта часть неуклонно и быстро увеличивалась).

Внешний фактор сказывался и в поддержке различных сторон во внутригерманской политической борьбе. Компартия имела поддержку из СССР и Коминтерна. Следует учитывать, как и в Русской революции, не только сам факт поддержки, но и использование представлений о такой поддержке в качестве технологии. Так, СДПГ и КПГ обвинялись в том, что они не партии немецкого народа, а международные[794], а НСДАП обвинялась в финансировании из США, Великобритании и других стран[795], а также в помощи от «фашистского интернационала» (объединение европейских партий ультраправого уклона в противовес Коминтерну)[796].

СДПГ хоть и противостояла Советской России, но при этом признавала, что «Социал-демократическая партия Германии осознает международную солидарность пролетариата и исполнена решимости выполнять все связанные с этим обязательства»[797]. То есть как и в случае с КПГ, с точки зрения избирателя,

---

[793] Патрушев А.И. Указ. соч. С. 157.
[794] РГВА. Ф. 1522к. Оп 1. Д. 1. Л. 12-13.
[795] См.: Гинцберг Л.И. Ранняя история нацизма. С. 61; Препарата Г.Д. Гитлер, Inc. Как Британия и США создавали Третий Рейх. М., 2007. С. 389, 390.
[796] См.: Сиянова С.В. Взаимоотношения Гитлера и Муссолини. 1922–1939 гг. // Вопросы Истории. 2005. № 6. С. 91-103; Станков Н.Н. Мюнхенский путч 1923 г. и Чехословакия // Вопросы Истории. 2007. № 7. С. 152-158.
[797] Программа Социал-демократической партии Германии (Гейдельберг, сентябрь 1925 г.) // Германская социал-демократия. Сборник документов /Под ред. Ю.В. Соворова, В.Т. Двинской. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2005. С. 118, 119, 122-123.

существовала внешняя сила, влияющая на внутригерманские дела. Обвинения НСДАП рассыпались о крайне националистическую позицию партии и известный современникам факт создания партией серьезной финансовой базы за счет дифференцированных членских, вступительных и особых взносов, которые достигали значительных сумм[798].

Роль столичного фактора в Германии, где федеративность имела большое значение, могла и не иметь такого же значения, как в других странах. Однако победа инсургентов в отдельных землях на протяжении 1919–1923 гг. не позволила им удержать власть в связи с перевесом силы на стороне центра. Для победы центр борьбы был перенесен в столицу: приход к власти через парламент при поддержке протестных голосов и последующее влияние на все государство.

Приход к власти через процесс выборов создавал легитимность правления национал-социалистов[799]. 30 января 1933 г. Адольф Гитлер, как лидер самой большой фракции в рейхстаге, был назначен премьер-министром Германии (рейхсканцлером). Дальнейшие шаги представляют интерес с точки зрения упразднения антинацистского протеста и удовлетворения запросов немецкого общества для перевода протестных настроений в русло поддержки НСДАП в качестве правящей партии.

Снижение уровня протеста было связано с целым рядом активностей новой партии власти.

---

[798] Jones L.E. Hitler versus Hindenburg. The 1932 Presidential Elections and the End of the Weimar Republic. Cambridge University Press, 2016. P. 311; Matzerath H., Turner, H.A., Jr. Die Selbstfinanzierung der NSDAP 1930–1932 // Geschichte und Gesellschaft. 1977. № 3. S. 59-92; Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 4: Vom Beginn des Ersten Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten 1914-1949. Bonn: Verlag C.H. Beck, 2009. S. 292-293.

[799] См.: Устрялов Н.В. Германия. В круговороте фашистской свастики. М., 2012. С. 115.
Выборы в рейхстаг продолжались в правление Гитлера. Кроме того, для демонстрации всенародной поддержки политики фюрера, как фактора легитимизации, правительство устраивало референдумы (плебисциты): 1936 г. – о ремилитаризации Рейнской области, 1938 г. – по объединению с Австрией.

Первый удар был проведен против левого протеста. Коммунисты были обвинены в поджоге рейхстага[800], против коммунистов и социал-демократов начались преследования, марксистская пресса попала под запрет[801].

Рассчитывая на повышение электората партии, Гитлер убедил Гинденбурга (рейхспрезидент Германии) произвести роспуск парламента. Парламентские выборы марта 1933 г. стали последними реально многопартийными на полтора десятка лет. При рекордно высокой явке избирателей – свыше 88%, национал-социалисты набрали 43,9%, СДПГ – 18,3%, КПГ – 12,3%, партия Центра – 11, 2%[802].

Следует отметить, что, несмотря на преследования и максимально включенный административный ресурс, СДПГ и КПГ – как суммарный левый электорат в стране – набрали 30% голосов. Во-первых, это говорит о стабильности большой части левого электората. Во-вторых, результаты наглядно продемонстрировали, что нацисты подошли к пределу своих мобилизационных возможностей в условиях существующей системы. В-третьих, НСДАП как правящей партии необходимы были радикальные решения, чтобы не повторить судьбу целой череды Веймарских правительств 1930–1932 гг.

Еще с 28 февраля 1933 г. по подписанному после пожара в рейхстаге Гинденбургом (рейхспрезидент) «Законе о защите права и государства» (с преамбулой: «Для защиты от антигосударственных действий коммунистов») полиция начала преследования коммунистов и социал-демократов. К июню 1933 г. все партии кроме НСДА либо самораспустились, либо попали под запрет. «Закон

---

[800] 27 февраля 1933 г. был подстроен пожар рейхстага, в котором был обвинен голландский коммунист Маринус вам дер Люббе, а террористический акт приписан международному коммунистическому движению и КПГ.

[801] Бриггс Э., Клэвин П. Указ соч. С. 337; Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 84; Из декрета президента П. фон Гинденбурга «О защите народа и государства» в связи с поджогом рейхстага (28 февраля 1933 г.) // История Германии /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3. С. 371; Из сообщения газеты «Фелькишер Беобахтер» о создании концентрационного лагеря Дахау (21 марта 1933 г.) // История Германии /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3. С. 372; Кульбакин В.Д. Указ. соч. С. 330; Патрушев А.И. Указ. соч. С. 182.

[802] СИЭ. Т. 4. С. 324; Die Reichspräsidenten 1919–1934. Das Deutsche Reich. URL: http://www.gonschior.de/weimar/Deutschland/Praesidenten.html (дата обращения: 19.10.2013); Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Herausgegeben vom Statistischen Reichsamt. Zweiundfünfzigster Jahrgang. 1933. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing in Berlin SW 61, 1933. S. 539.

об образовании новых партий» от 14 июля 1933 г.[803] декларировал наличие в Германии только одной политической партии – НСДАП[804].

Через год, со смертью рейхспрезидента Гинденбурга (2 августа 1934 г.), лидер нацистов в рейхстаге продвинул законопроект об объединении должностей рейхспрезидента и рейхсканцлера (получив именование рейхсканцлер и фюрер Германской нации)[805]. Уже с 20 августа все государственные служащие и военные начали приносить присягу «на верность и послушание фюреру Германского рейха и народа Адольфу Гитлеру»[806].

Расправа с левым протестом и снижение его активности за счет социальных программ – это уничтожение социальной базы политических противников. «Ночь длинных ножей» стала уничтожением собственных сторонников, способных дальше вести тот протест, который привел национал-социалистов к власти.

Еще 10 июля 1933 г. появилось специальное распоряжение министра внутренних дел о завершении национал-социалистской революции и предупреждении, что призывы к продолжению будут квалифицироваться как подрывная деятельность[807]. Однако это не подействовало на многих представителей боевых партийных отрядов (штурмовые отряды – СА), высказывавших недовольство результатами этой «революции» и требовавших продолжения революционных изменений (в первую очередь, направленных против капиталистов). Это привело к тому, что с 30 июня по 2 июля 1934 г. подразделения СС[808] провели операцию по уничтожению руководства штурмовых отрядов.

---

[803] За создание и меры по поддержанию новой политической партии предусматривалось наказание в виде лишения свободы

[804] Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 85; Из «Закона против образования новых партий» (14 июля 1933 г.) // История Германии /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3. С. 373; Кульбакин В.Д. Указ. соч. С. 336-337.

[805] Из «Закона о главе государства Германского рейха» (1 августа 1934 г.) // История Германии /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3. С. 378.

[806] Из «Закона о приведении к присяге государственных служащих и солдат вермахта» (20 августа 1934 г.) // История Германии /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3. С. 378.

[807] Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 86; Нольте Э. Фашизм в его эпохе. С. 359; Озмент С. Указ. соч. С. 391; Патрушев А.И. Указ. соч. С. 184.

[808] нем. SS, аббр. от Schutzstaffeln, «отряды охраны»

Устранение штурмовиков имело и другие причины: 1) недовольство обывателей этими отрядами и их поведением, 2) армейских чинов (СА пытались поглотить рейхсвер, 3) деловых кругов. Устранение лидеров СА и de facto упразднение структуры: 1) символизировали отказ от экстремизма партии, которая пришла к власти; 2) представляли национал-социалистов как надклассовую власть, власть всего немецкого народа; 3) дали поддержку новой власти в деловых кругах и армии, а также привлекли центристский электорат.

Эрик Нольте отметил важную деталь в политике первых лет и достижениях нацистов: им удалось то, чего не смогли добиться предыдущие правительства Веймара – устранить с политической сцены СДПГ и КПГ и переформатировать профсоюзы, переориентировав их с политической борьбы на сотрудничество и экономические вопросы; и, что примечательно, рабочие, в конце концов, поддержали такие изменения[809].

Вместо упраздненных профсоюзов был создан объединенный профсоюз работников и работодателей – «Германский трудовой фронт»[810]. Новый профсоюз при поддержке государства и НСДАП должен был обеспечивать «классовый мир» на предприятиях, что сопровождалось удовлетворением интересов как рабочих, так и капиталистов, а взамен – уступки со стороны и тех, и других. Реальная зарплата замораживалась на уровне 1932 г., но оборонный госзаказ обеспечивал сверхурочные выплаты[811]. Кроме того, рабочие могли рассчитывать на новые государственные социальные программы, включавшие программы социального жилья, поддержки многодетных семей, «народного автомобиля», комфортного отдыха и др.[812]. В общем, исследователи склонны считать, что материальное положение немецких рабочих значительно улучшилось (особенно в сравнении с

---

[809] Нольте Э. Европейская гражданская война. С. 180-181.
[810] нем. Deutsche Arbeitsfront, DAF.
[811] См.: Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 99.
[812] Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 99; Из сообщения руководителя ДАФ Р. Лея о начале приема взносов для Фольксваген (1 августа 1938 г.) // История Германии /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3. С. 401; Об организации досуга – выступление Лея // История Германии /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3. С. 395.

кризисными 1929–1932 гг.)[813]. Государство через единственный профсоюз приняло обязанности регулятора в отношениях предпринимателей и наемных тружеников, а также роль арбитра в конфликтных ситуациях[814].

С приходом к власти нацистов резко возрастает уровень государственных инвестиций в экономику и организации общественных работ[815]. Фактически каждые два года объем военных заказов со стороны государства в денежном выражении удваивался[816]. Вкупе с организацией общественных работ (напр., строительство автобанов) это дало большой объем новых рабочих мест.

На начало 1933 г. количество безработных в Германии составляло почти 5 млн., что серьезно сказывалось на росте протестных настроений в обществе, но уже через два года (1935 г.) их осталось чуть более 2 млн, еще через два года (1937 г.) – менее 1 млн., и еще через два года (июль 1939 г.) – 38 тыс. человек[817].

Правительство национал-социалистов приняло и целый ряд мер по поддержке и защите крестьянских хозяйств[818].

Исследователи отмечают, что именно устранение безработицы, социальная политика и меры по защите сельхозпроизводителей обеспечили рост поддержки нацистов[819].

Национал-социалистам удалось в короткие сроки удовлетворить запросы и ожидания различных больших социальных групп: рабочих, безработных, крестьянства, деловых кругов (рост заказов, инвестиций, фиксация заработной платы рабочих, запрет стачек и др.), генералитета (программа роста и перевооружения армии). Сдерживание инфляции, отмена федеративного

---

[813] Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 99.
[814] Из «Указа о Немецком трудовом фронте» (ДАФ) (24 октября 1934 г.) // История Германии /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3. С. 378; Из «Закона о порядке национального труда» (20 января 1934 г.) // История Германии /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3. С. 376-377.
[815] Бриггс Э., Клэвин П. Указ. соч. С. 340.
[816] Расходы на вооружения в Третьем рейхе (1934–1943 гг.) // История Германии /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3. С. 403.
[817] Безработица в Германии (1933-1939 гг.) // История Германии /Под общ. ред. Б. Бонвеча. М., 2008. Т. 3. С. 384.
[818] Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 100; Из имперского «Закона о наследственных дворах» (29 сентября 1933 г.) // История Германии /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3. С. 374-376.
[819] Устрялов Н.В. Указ. соч. С. 123; Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. С. 143.

устройства, отказ от следования «Версальскому диктату», рост влияния Германии на международной арене импонировали всем слоям общества. Внутренние и внешнеполитические успехи нового режима становились важными факторами социального мира в Германии. «Успехи нацистов» стали главными темами всех медиа, а сами медиакоммуникации получили жесткое регулирование со стороны государства.

Фактор направленного коммуникационного воздействия имел целый ряд особенностей.

Реализации идеологической и пропагандистской программы НСДАП включала три основных пункта. Во-первых, действующая политическая система подвергается резкой критике и на правящие политические силы возлагается ответственность за все проблемы общества. Во-вторых, наносится удар по основным конкурентам на своем фланге: для КПГ – это СДПГ, для НСДАП – это мелкие правые партии, чей электорат наиболее близок и мобилен для перемещения в эти партии. В-третьих, выдвигать главную угрозу в лице партии на противоположном краю политического спектра, а себя в качестве главного борца и спасителя от этой угрозы: противостояние НСДАП–КПГ. На левом фланге конкуренция могла идти только между СДПГ и КПГ, где КПГ стремительно преодолевала разрыв в электоральной поддержке за счет перетягивания голосов у СДПГ. В правом секторе существовало большое количество небольших партий, избиратели которых вполне могли объединиться в поддержке одной, наиболее сильной, партии. Такие условия дали определенную стратегию и методы политической борьбы в Германии периода поздней Веймарской республики, обусловили характер этой борьбы. В 1930–1932 гг. небольшие партии покидают политический ландшафт, голоса избирателей концентрируются на левом фланге на СДПГ и КПГ, а на правом – на НСДАП, ННП[820] и пропрезидентской партии Центра. В связи с тем, что и Компартия Германии, и Национал-социалистическая рабочая партия Германии нацеливались на протестный электорат, базировались в идущей

[820] Немецкая народная партия (DVP)

политической борьбе на близких стратегиях и подходах, их столкновение было неизбежным. Это определило крайние формы и ожесточенность противостояния этих политических сил[821].

Для завоевания социальной поддержки национал-социалисты позиционировали свое движение как совершенно отличающееся от всех, как партию нового типа, несущую новые идеи и принципы, программу коренных преобразований в немецком обществе, – типичный набор революционных партий. Позиционирование партии как настоящих бойцов за новое миросозерцание, в противовес традиционному парламентскому клубу, лидер нацистов считал главной задачей (Майн Кампф, ч. 2, гл. 1[822]). Такое позиционирование для правой партии абсолютно выбивалось из шаблонов.

В противовес классовой идеологии, взятой на вооружение левым флангом политического спектра, фюрер нацистов выдвинул идею народного государства, гегемонии немецкой нации (а не одного класса). Понятия свободы и независимость должны относиться не к одному классу (пролетариату или буржуазии), а ко всей нации. Немецкая нация имеет историческую миссию и обеспечит себе будущее только в случае, если Германия будет мировой державой (Майн Кампф, ч.1, гл. 8; ч. 2, гл. 3; ч. 2, гл. 12; ч. 2, гл. 14).

Революционная классовая теория давала возможность мобилизовывать низы общества против его средних и высших классов. Идеология национал-социалистов делала упор на союзе низших и средних слоев общества против «финансового капитала» и «внешних врагов» (первые проводят в Германии политику вторых, вторые являются опорой эксплуатирующего немцев финансового капитала)[823]. Фюрер нацистов предлагал идею «национальной революции» взамен

---

[821] Шульц Э.Э. «Левый» и «правый» бунт в Германии… С. 75-91.

[822] Внесена в Федеральный список экстремистских материалов (решение Кировского районного суда г. Уфы от 24.03.2010 г.)

[823] Из речи А. Гитлера по поводу начала предвыборной кампании (10 февраля 1933 г.) // История Германии: учебное пособие. Т. 3. М.: КДУ, 2008. С. 371; Штрассер О. Гитлер и я. Ростов-на-Дону, 1999. С. 42; The Speeches of Adolf Hitler. April 1922 – August 1939 /An English Translation of representative passages arranged under subjects and edited by Norman H. Baynes. V. 1. N.Y.: H. Fertig, 1969. P. 107, 187, 778.

коммунистической, потому что только в результате первой победит немецкий народ, который будет строить новую общественную жизнь на принципах классового мира[824]. При этом национал-социалисты использовали самые простые мотивации массовой психологии: национализм, образ врага (антисемитизм, антикоммунизм и др.).

Эта часть программы НСДАП соответствовала первой части названия партии – «национальная». Названиям «социалистическая» и «рабочая» соответствовал «социальный блок» программы. Основа социальной программы нацистов строилась на утверждении, что социальное неравенство ведет к расколу в немецком обществе и создает главные проблемы для нации и государства. Уничтожить разрыв между богатыми и бедными невозможно полностью, но возможно уменьшить колоссальный разрыв и сгладить неравенство (Майн Кампф, ч.1, гл. 10). Заботу о достатке граждан, обеспечении пожилых, образовании и здоровье населения должно взять на себя государство[825].

Рост показателей НСДАП на выборах 1930–1932 гг. базировался, в том числе на том, что программа национал-социалистов представляла каждой большой социальной группе привлекательные идеи и ожидания[826].

Лидер национал-социалистов утверждал, что для того, чтобы победить левую идею и левые силы (а именно они представляли основную угрозу), необходимо создать в противовес не менее притягательную идею (Майн Кампф, ч.1, гл. 5). В практической деятельности развернулась борьба за «завоевание улицы»: вторая

---

[824] Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 519к. Оп. 4. Д. 7. Л. 48; Ролс Э. Пропаганда. Плакаты, карикатуры и кинофильмы Второй мировой войны 1939–1945. М.: Эксмо. 2008. С. 24; Brown T.S. Weimar Radicals: Nazis and Communists between Authenticity and Performance. New York, Oxford: Berghahn books, 2009. P. 55; Goebbels J. Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Sämtliche Fragmente / Hrsg. von Elke Fröhlich im Auftrag des Instituts für Zeitschichte und in Verbindung mit dem Bundesarchiv. Band 1. München: Saur, 1987. S. 528, 565, 725; Jones L.E. Hitler versus Hindenburg. The 1932 Presidential Elections and the End of the Weimar Republic. Cambridge University Press, 2016. P. 253; Jones L.E. The German Right, 1918–1930. Political Parties, Organized Interests, and Patriotic Associations in the Struggle against Weimar Democracy. Cambridge University Press, 2020. P. 582The Speeches of Adolf Hitler. V. 1. N.Y.: H. Fertig, 1969. P. 214, 215, 223. 526, 834.

[825] Из программы («25 пунктов») Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП, 24 февраля 1920 г.) // История Германии /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3. С. 344-345.

[826] Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М., 2003. С.187-188.

половина 1920-х и начало 1930-х гг. ознаменовались непрекращающейся «войной» национал-социалистов с коммунистами (в меньшей степени – с СДПГ) за влияние на «улицу».

Борьба с «красной угрозой» имела отклик у значительной части немецкого общества[827]. Общество было напугано событиями с января 1919 г. по ноябрь 1923 г. и устало от постоянных уличных беспорядков 1930–1932 гг.[828]

На фоне негативного отношения большой части общества к восстаниям коммунистов 1919 г. и 1923 г. путч 1923 г. в Мюнхене, суд и тюрьма сделали рекламу нацистам, и они предстали героями[829]. Идея жертвенности в событиях этого путча была целенаправленно использована нацистами в политических целях, которые позиционировали запрет партии и арест ее лидера как расплату за свою борьбу за благополучие немецкого народа. Последствия этих событий кардинально изменили подход НСДАП в борьбе за власть: произошла трансформация в легальные и полулегальные формы борьбы, с задачами завоевать большинство в парламенте и прийти к власти через выборы[830].

Успешность лидера национал-социалистов заключалась в умении ясно и точно выразить желания и надежды своих слушателей[831], а также в том, что на каждый вопрос, волнующий массу немецких избирателей, у него имелся готовый ответ[832].

Любая идеология требует системы продвижения (пропагандирования идей), и эта система у нацистов имела самый современный по тем временам вид и обладала комплексным и системным подходом.

---

[827] Нольте Э. Европейская гражданская война. С. 12.
[828] См. описание ситуации в Италии у Парето: Парето В. Трансформация демократии. М., 2011. С. 196.
[829] См.: Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. М., 2003. С. 128; Руге В. Как Гитлер пришел к власти. С. 82.
[830] См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М., 2002. С. 72; Нольте Э. Европейская гражданская война. С. 129.
[831] Патрушев А.И. Указ. соч. С. 172.
[832] Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 95.

Исследование пропаганды национал-социалистов, ввиду ее внешней сверхуспешности, имеет широкую научную базу[833].

Национал-социалисты использовали те же виды и формы пропаганды, что и другие политические партии: печатная наглядная агитация в виде листовок, плакатов, брошюр и открыток, публичные выступления, граммофонные пластинки, радиовыступления и кинофильмы, которые крутились в кинотеатрах и на собраниях[834].

«Эпоха масс» обуславливала необходимость технологий пропаганды и рекламы, массовости тиражей и распространения информации.

В 1933 г. все крупные немецкие города имели свои радиостанции, передававшие свои программы,[835] что оказывало существенное влияние на агитационно-пропагандистскую работу партий. Еще одна новинка – кинофильм. Кинотеатры стали массовыми площадками в городах Германии. Для представления

---

[833] Паламарчук Е.А. Пропагандистский образ фюрера в восприятии немецкого общества (1933–1945) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 3. С. 65-74; Ролс Э. Пропаганда. Плакаты, карикатуры и кинофильмы Второй мировой войны 1939–1945. М.: Эксмо. 2008; Рудая О.И. Нацистская агитация и пропаганда в Веймарской республике // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 3. С. 128-133; Техника дезинформации и обмана /Под ред. Я.Н. Засурского. М.: Мысль, 1978. С. 212-237; Штыркина О.В. Национал-социалистическая медиаполитика в Германии в 1933–1945 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2011. № 3. С. 180-195; Штыркина О.В. Информационно-пропагандистские технологии в прессе Третьего рейха. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2011; Штыркина О.В. Национал-социалистическая медиаполитика в Германии в 1933–1945 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2011. № 3. С. 180-195; Bramsted E., Ernest K. Goebbels und die nationalsozialistische Propaganda 1925–1945. Frankfurt/Main: S. Fischer Verlag GmbH, 1965; Chakhotin S. The Rape of the Masses: The Psychology of Totalitarian Political Propaganda. London: George Routledge & Sons Ltd., 1940; Childers T. The Social Language of Politics in Germany: The Sociology of Political Discourse in the Weimar Republic // The American Historical Review. 1990. Vol. 95. No. 2. P. 331-358; Doherty M.A. Nazi Wireless Propaganda. Lord Haw-Haw and British Public Opinion in the Second World War. Edinburgh University Press, 2000; Fulda B. Press and Politics in the Weimar Republic. Oxford University Press, 2009; Herzstein R.E. The War that Hitler Won: The Most Infamous Propaganda Campaign in History. Putnam, 1978; Kershaw, I. Der Hitler-Mythos. Volksmeinung und Propaganda im Dritten Reich. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1980; Welch D. Propaganda and the German Cinema, 1933–1945. Bloomsbury Publishing, 2001; Welch D. The Third Reich Politics and Propaganda. Second Edition. London, New York: Taylor&Francis, 2007.

[834] РГВА. Ф. 1522к. Оп. 1. Д. 2. Л. 8; Goebbels J. Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Sämtliche Fragmente. Band 1. München: Saur, 1987. S. 621, 625-627; Six F.A. Die politische Propaganda der NSDAP im Kampf um die Macht. Inaugural-Dissertation, Ruprecht-Karl-Universität Heidelberg. Heidelberg: Druckerei Winter, 1936. S. 32-59.

[835] Ролс Э. Пропаганда. Плакаты, карикатуры и кинофильмы Второй мировой войны 1939–1945. М.: Эксмо. 2008. С. 26.

масштабов приведем данные Дж. Викхема на 1931 г. по Франкфурту-на-Майне, где было около 56 кинотеатров общей вместимостью более 26 000 человек, охватывающих как респектабельные районы, так и «пролетарские», а политические партии развернули серьезную борьбу за демонстрацию фильмов в этих кинотеатрах и на своих собраниях[836].

К этим коммуникационным инструментам необходимо добавить: предвыборные собрания, которыми нацисты пользовались активнее других партий[837]; военизированные подразделения нацистов (СА и СС), которые привлекали, особенно молодежь, формой и манерой поведения[838] (штурмовые отряды как средство агитации – Майн Кампф, ч. 2, гл. 9); различные общественные организации (профсоюзы, женские организации, спортивные и т.д.)[839], в которых нацисты, уступавшие всем партиям в 1929 г., вырвались в лидирующие позиции к началу 1933 г.[840]

Методы работы с толпой опирались на технический прогресс: микрофоны и громкоговорители стали обычным явлением на нацистских митингах. Технические новинки стали характерной чертой в агитации нацистов. Так, радио и кинематограф быстро встали на службу партийной пропаганды[841]. Одним из таких новшеств стала

---

[836] Wickham J. Working-Class Movement and Working-Class Life: Frankfurt am Main in the Weimar Republic // Social History. 1983. № 8. P. 337.

[837] Отвальт Э. Путь Гитлера к власти (история национал-социализма). М.: Гос. изд-во соц.-эк. изд-во, 1933. С. 78.

[838] Linz J.J. Some Notes Toward a Comparative Study of Fascism in Sociological Historical Perspective // Fascism. A reader's Guide. Analyses, Interpretations, Bibliography /Ed. by Walter Laqueur. University of California Press, 1978. P. 35.

[839] РГВА. Ф. 1522к. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-7, 9-10, 11-13, 14-18; Д. 3. Л. 83, 93-94.

[840] См.: Ермаков, А.М. Союз немецких девушек в нацистской Германии. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. С. 26, 27, 103; Berger S. Social Democracy and the Working Class in Nineteenth and Twentieth Century Germany. Routledge, 2013. P. 1-2; Giersch R. Von der «Nationalsozialistischen Betriebszellenorganisation» zur «Deutschen Arbeitsfront» 1932–1934 // Jahrbuch für Geschichte, Bd. 26, 1982. S. 53; Roth K.H. Die Nazionalsozialistiche Betriebszellenorganisation (NSBO) von der Grundung bis zur Röhm-Affäre (1928–1934) // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1978. № 1. S. 56; Schumann H. Nationalsozialismus und Gewerkschaftsbewegung. Hannover, Frankfurt'M.: Norddt. Verlag-Anst., 1958. S. 37, 163-165; Starcke G. NSBO und DAF. Berlin, 1934. S. 17.

[841] Гинцберг Л.И. Ранняя история нацизма. С. 219. См. исследование Зигфрида Кракауэра: Кракауэр З. Психологическая история немецкого кино. От Калигари до Гитлера. М., 1977.

кампания «Гитлер над Германией»[842] – перелетая во время избирательной кампании между городами на самолете, лидер национал-социалистов не только мог выступать в нескольких городах за один вечер, но и представлял этой кампанией технический прогресс, а нацистов как сторонников нового и прогрессивного.

Нацисты превращали свою политическую и агитационную активность в массовые представления (парады, манифестации, факельные шествия и т.д.)[843]. Чувство эмоциональной сопричастности и элементы шоу были главными на партийных мероприятиях в противовес традиционному для других партий обсуждению партийного курса и принятию решений[844].

Характерные признаки – завышение количества участников мероприятий, преувеличенные данные о силах партии, показная уверенность в неизбежности победы национал-социалистов[845]. Такие подходы были призваны укреплять партийные ряды (через уверенность в силе), привлекать новых сторонников, представлять партию грозной силой (управляющей «улицей») для действующей власти.

Главным средством направленного коммуникационного воздействия все же являлись медиакоммуникации, где главную роль играли печатные СМИ. Печатные периодические издания являлись главным каналом коммуникации времени и активно использовались всеми партиями[846].

Лидер нацистов, отмечая важность партийной прессы, утверждал, что не изучение «Капитала» Маркса приводит рабочих в лагерь социалистов и коммунистов, а социал-демократическая и коммунистическая пресса и агитаторы (Майн Кампф, ч. 2, гл. 6). В декабре 1920 г. НСДАП купила издательство Völkischer

---

[842] См.: Адольф Гитлер. Новые факты, редкие документы, уникальные фотографии /Пер. с франц. Предисл. Л. Черной. М., 1999. С. 58; Руге В. Как Гитлер пришел к власти. С. 203.
[843] Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 69.
[844] Там же. С. 95.
[845] См. напр.: Гинцберг Л.И. Ранняя история нацизма. С. 212; Руге В. Как Гитлер пришел к власти. С. 203.
[846] Роль нацистской прессы в пропаганде см.: Отвальт Э. Путь Гитлера к власти (история национал-социализма). М.: Гос. изд-во соц.-эк. изд-во, 1933. С. 81; Lemmons R. Goebbels and Der Angriff. The University Press of Kentucky, 1994. P. 128.

Beobachter («Фёлькишер беобахтер»)[847], сделав его печатным органом партии. В 1929 г. у партии было уже 10 ежедневных газет общим тиражом свыше 70 тыс. экземпляров, не считая еженедельников[848], в 1932 г. – уже около 100 газет[849].

К 1932 г. тираж только берлинского Der Angriff, детища Геббельса, превысил сто тысяч экземпляров[850], а основная газета КПГ «Красный флаг» (Die Rote Fahne) имела тираж около 130 000 экземпляров[851]. Особое значение имело главное печатное издание НСДАП Völkischer Beobachter («Фёлькишер беобахтер»)[852], которое стремилось «отвоевать читателя» у всех правых газет, а также у главных печатных органов СДПГ – газеты Vorwärts («Форвертс», с нем.: «Вперед») центрального органа КПГ Die Rote Fahne («Ди Роте Фанэ», с нем.: «Красный флаг»).

Специальные исследования обращают внимание, что пропагандистские приемы газеты «Фёлькишер беобахтер» не отличались оригинальностью[853]. То же можно сказать и про другие издания НСДАП. Для того, чтобы идти в «ногу со временем» (т.е. не отставать от конкурентов) с 1930 г. в «Фёлькишер беобахтер» больше места занимают фотографии, схемы и карикатуры, так же как в «Дер Ангрифф» (Der Angriff) и «Дер Штюрмер» (Der Stürmer)[854].

---

[847] «Народный обозреватель» (ежедневная газета с тиражом до 10 тыс. экземпляров).

[848] См.: Гинцберг Л.И. Ранняя история нацизма. С. 219-220; Турыгин А.А. Возникновение и деятельность главного печатного издания НСДАП // Вопросы Истории. 2010. № 4. С. 149, 151.

[849] РГВА. Ф. 519к. Оп. 4. № 37. Л. 44.

[850] Fulda B. Press and Politics in the Weimar Republic. Oxford University Press, 2009. P. 25; Lemmons R. Goebbels and Der Angriff. The University Press of Kentucky, 1994. P. 42, 125.
Тиражи Берлинских газет в 1925–1932 гг. см.: Fulda B. Press and Politics in the Weimar Republic. Oxford University Press, 2009. P. 24.

[851] Koszyk K. Die Rote Fahne, Berlin (1918–1933). S. 399.

[852] Подробнее о «Фёлькишер беобахтер» см.: Турыгин А.А. На службе у фюрера, партии и государства: к истории возникновения и развития «Völkischer Beobachter» – главного печатного издания НСДАП // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 18 (61). С. 187-199; Штыркина О.В. Особенности содержания и оформления печатных изданий в 1920–1930 гг. в Германии (на примере газеты «Фёлькишер беобахтер») // Меди@льманах. 2011. № 1. (42). С. 41-48; Layton R.V. "The Völkischer Beobachter", 1920–1933: The Nazi Party Newspaper in the Weimar Era // Central European History. 1970. Vol. 3, No. 4. P. 353-382; Low A.D. The Völkischer Beobachter, 1933 // Social Science. 1980. № 55. P. 195-202.

[853] Штыркина О.В. Особенности содержания и оформления печатных изданий в 1920–1930 гг. в Германии (на примере газеты «Фёлькишер беобахтер») // Меди@льманах. 2011. № 1. (42). С. 43.

[854] Там же. С. 47.

Бернард Фульда в специальном исследовании пришел к выводу, что немцы почти безоговорочно верили прессе[855]. Действительно, в 1929 г. главный редактор либеральной газеты Vossische Zeitung Георг Бернхард заявлял, что «немец верит тому, что ему говорит его газета»[856]. Исследование 1939 г. о восприятии информации газет в Германии показало, что 90% читателей принимает газетный репортаж за чистую правду и только 10% пытается критически его осмыслить[857]. Однако первый источник заинтересован в увеличении объема рекламы и тиража газеты, а второй дает данные о реальности 1939 г. (даже если не говорить о возможной пропагандистской направленности данных исследования), которая принципиально отличалась от реальности Веймарской республики.

В 1932 г. в Германии выпускалось почти 3,5 тыс. газет общим тиражом более 1,6 млн, почти 3,5 тыс. газет расходилось по подписке и в розницу, составляя более общим тиражом более 20 млн экземпляров на 1932 г.[858]. Исследователи обращали внимание на завышение тиража для привлечения потенциальных рекламодателей, при этом высказывали мнение, что на 1932 г. общий тираж за год всех немецких газет был на уровне 20 млн экземпляров[859]. Такой объем прессы, разной по политической направленности, освещению событий и аналитике, однозначно говорит о том, что немцы Веймарской республики пользовались разнообразными источниками сведений, что позволяет усомниться в образе абсолютно доверчивых к СМИ граждан.

С приходом к власти нацистов количество газет в стране начинает сокращаться, а доступ к средствам медиакоммуникаций становится жестко

---

[855] Fulda B. Press and Politics in the Weimar Republic. Oxford University Press, 2009. P. 203.
[856] Der Verlag Ullstein zum Welt-Reklame-Kongress 1929. Berlin, 1929. S. 58.
[857] Schmid A. Publizistik im Dorf. Dresden, 1939. S. 92.
[858] РГВА. Ф. 519к. Оп. 4. № 37. Л. 12, 15; Fulda B. Press and Politics in the Weimar Republic. Oxford University Press, 2009. P. 14.
Данные по выпуску газет в городах и землях Германии в 1932-1935 гг. см.: РГВА. Ф. 519к. Оп. 4. № 37. Л.20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 30, 33.
[859] Fulda B. Press and Politics in the Weimar Republic. Oxford University Press, 2009. P. 14.

регламентированным[860]. Информационная подача становится централизованной и синхронизированной.

Итак, НСДАП и КПГ, являясь оппозиционными партиями вели борьбу за аккумулирование социального протеста для прихода к власти на волне массового политического протеста в радикальных формах. Поражения начала 1920-х привели обе партии в русло законной и официальной политической борьбы, в которой обе партии использовали полузаконные и незаконные методы «давления улицы» на власть и оппонентов. Борьба за власть была канализирована в борьбу за электорат и результаты выборов. Формирование и развитие массового политического протеста вначале для давления на власть и воздействия на избирателей, а затем в радикальных формах, дали примеры срабатывания одних и тех же шаблонов и модели «столичности», «фактора армии», «внешнего фактора», «фактора направленного коммуникационного воздействия», в котором использовались все технические достижения в целом и технологий коммуникаций и медиакоммуникаций, в частности. В этой борьбе обе партии, успешно аккумулировавшие протестные настроения, действовали в атмосфере относительно свободных СМИ с доминирующим государственным влиянием. В этой борьбе преуспела НСДАП, поставив все СМИ, а также немедийные возможности направленного коммуникационного воздействия под жесткое государственное регулирование.

---

[860] РГВА. Ф. 519к. Оп. 4. № 37. Л. 11-12; Штыркина О.В. Национал-социалистическая медиаполитика в Германии в 1933-1945 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2011. № 3. С. 180-195.

3.3. Политические протесты и критика концепции беспристрастной журналистики в Кубинской революции 1953–1959 гг.

Первая характерная черта Кубинской революции – это способность активного меньшинства свергнуть режим. В атаке на казармы Монкада (26 июля 1953 г.) приняли участие 165 чел., на яхте «Гранма» (2 декабря 1956 г.) на Кубу прибыли 82 чел., ядром партизанского движения стали 20 чел. В генеральном сражении в Сьерра-Маэстре (май – июль 1958 г.) приняли участие 300 бойцов Кастро. В отрядах Че Гевары и Камило Сьенфуэгоса, которые осуществили поход через провинцию Камагуэй (август 1958 г.), насчитывалось 200 чел.[861]

Кастро всегда считал, что необходимо дать толчок, и народ Кубы скинет диктатуру, и для такого толчка потребовалась боевая группа[862]. Че Гевара прямо писал, что не следует ждать вызревания условий революции, эти условия может создать повстанческий центр[863].

Особый интерес представляет разбор ***причин кубинских событий***. Повстанцы в качестве таковых выдвигали социальную несправедливость и бедственное положение народа[864]. Однако это больше похоже на сопутствующие факторы, которые с успехами партизанской борьбы небольшой группы повстанцев

---

[861] Данные см.: Лаврецкий И.Р. Эрнесто Че Гевара. 2-е изд. М., 1973. С. 86, 117, 129, 135; Строганов А.И. Новейшая история стран Латинской Америки. М., 1995. С. 136-138; Harris R.L. Che Guevara: a biography. California, 2011. P. 77, 85.
Закономерности Кубинской революции см.: Шульц Э.Э. Кубинская революция в свете ключевых вопросов теории революции // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 157–162.

[862] Кастро Ф. Письма из тюрьмы на острове Пинос // Кастро Ф. Избранные произведения. 1952–1986 гг. М., 1986. С. 70; Кастро Ф. Я абсолютно верю в марксизм. С. 91.

[863] Гевара Э., Че. Партизанская война как метод // Гевара Э., Че. Статьи, выступления, письма. М., 2006. С. 331.

[864] Кастро Ф. История меня оправдает. Речь на судебном процессе по делу участников нападения на казарму Монкада в городе Сантьяго-де-Куба. 16 октября 1953 года. // Кастро Ф. Избранные произведения. 1952–1986 гг. М., 1986. С. 23-25; Гевара Э., Че. Куба – историческое исключение или авангард борьбы с колониализмом? // Гевара Э., Че. Статьи, выступления, письма. М., 2006. С. 169; Гевара Э., Че. Социальная программа Повстанческой Армии // Гевара Э., Че. Статьи, выступления, письма. М., 2006. С. 45, 50.

стали способствовать сочувствию населения и поддержке повстанцев: Кастро понадобилось пять лет борьбы, чтобы получить такую поддержку.

Выдвигается и прямо противоположная группа причин, которая отталкивается от постулата, что Куба перед революцией была для Латинской Америки процветающим государством, имела высокий уровень жизни населения, демократические законы и конституцию[865]. Возникновение политического протеста в радикальных и массовых формах в таких условиях обосновывается иррациональностью поведения и психологическим давлением[866].

В 1950-х Куба действительно представляла одно из четырех-пяти наиболее развитых государств Латинской Америки[867]: четвертое место по ВВП на душу населения, первая четверть по уровню грамотности, третье место по количеству врачей и больничных коек на душу населения среди стран Латинской Америки[868]. Однако страны, с которыми производится сравнение, находились на катастрофически низком уровне социально-экономического развития. Кроме того, экономические достижения Кубы концентрировались практически только в сахарной отрасли. Прожиточный минимум был крайне низок (что выдвигается в качестве причин революции)[869]. Ключевым в политическом и экономическом положении Кубы была полуколониальная зависимость от США. Поэтому нельзя отказать в справедливости замечаниям, что прожиточный минимум на Кубе был достаточно низок, поэтому население приветствовало революцию.

Социальная база протеста. Известный американский исследователь Кубинской революции Джон Форан констатировал, что движение Кастро

---

[865] См. напр.: Solares A.J. Cuba: The Disaster of Castro's Revolution. Miami: Xlibris Corporation, 2010. P. 22-25.
[866] Ibid. P. 25.
[867] Foran J. Theorizing the Cuban Revolution // Latin American Perspectives. 2009. Issue 165. Vol. 36. №. 2. P. 18.
[868] Wright T.C. Latin America in the Era of the Cuban Revolution. Greenwood Publishing Group, 2001. P. 2.
[869] Baran P. A Reflections on the Cuban Revolution. N.Y.: Monthly Review Press, 1961. P. 5-6.

постоянно расширяло социальную базу потому, что население стало понимать, что это движение несет независимость от США и земельную реформу[870].

Основную долю населения страны составляло крестьянство, поэтому проблема поддержки этой большой социальной группы представляла серьезный вопрос. Че Гевара отметил, что крестьянство постепенно меняло отношение к повстанцам, но смена этого отношения (после «Манифеста об основах аграрной реформы», 12 июля 1957 г.) превратила отряды партизан в крестьянскую армию[871]. Че Гевара утверждал, что аграрную реформу придумали не революционеры, что она была «навязана революции» крестьянством[872].

Впоследствии Кастро называл движущими силами революции весь трудящийся народ: рабочий класс, крестьянство, студенчество, представителей интеллигенции и мелкой буржуазии[873].

Но рабочий класс составлял незначительную долю в крестьянской стране, поэтому ближе к истине представляются слова Че Гевары, что главной движущей силой были крестьяне[874]. Че Гевара считал, что крестьяне составляли процентов шестьдесят в партизанском движении, по десять процентов было рабочих и представителей буржуазии (различных слоев городских жителей). (Че Гевара отмечает, что рабочие помогли забастовочной борьбой во второй фазе борьбы)[875].

Необходимо учитывать, что такую картину можно расценивать как общую, которая изображает суммарное участие различных групп в революционном движении. При этом ядро революционного движения заложила молодая кубинская интеллигенция. Это породило оценку Кубинской революции как революции «сыновей и дочерей среднего класса во имя рабочих и крестьян»[876]. С точки зрения

---

[870] Foran J. Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 62.
[871] Че Гевара Э. Социальная программа Повстанческой Армии. С. 45.
[872] Там же. С. 49.
[873] Кастро Ф. Я абсолютно верю в марксизм. Лекция, прочитанная в Народном университете на тему о Единой партии социалистической революции. 1 декабря 1961 года // Кастро Ф. Избранные произведения. 1952–1986 гг. М., 1986. С. 113.
[874] Лаврецкий И.Р. Указ. соч. С. 158-159.
[875] Там же.
[876] Американская историография внешней политики США 1945–1970. М., 1972. С. 361.

социальной базы кубинских событий и большой доли молодежи, представляют интерес отношение к Кубинской революции как к конфликту поколений[877]. Этот конфликт, с точки зрения Х. Ибарры, был обеспечен ростом уровня безработицы среди молодежи: с 2,9% в начале века до 14% в середине[878].

Исходя из противоречивости указанных подходов и того факта, что социальную базу движение Кастро стало приобретать не сразу, а лишь в процессе развития, следует обратить внимание на программу и лозунги движения, которые обеспечили такую поддержку.

Фактор армии обладал рядом особенностей. В других латиноамериканских странах рядовой состав, рекрутируемый из народа, связан с проблемами нищеты и социальной несправедливости, поэтому, как писал Че Гевара, их легко переагитировать на сторону восставшего народа[879]. Армия Батисты была наемной и полностью зависела от правителя[880]. В этой связи Че Гевара рассматривал вариант раздробления армии и выступления одной ее части на стороне восставших против другой части. Рассматривал даже и полный переход армии на сторону восставшего народа, но только в случае серьезных поражений этой армии и катастрофы действующей власти[881].

Сценарий развития протестной борьбы: из регионов в столицу, так как правительственные силы существенно превосходили силы восставших, а уровень социального протеста был низок.

Внешний фактор сказался в политическом и экономическом давлении США и организации интервенции[882]. Однако США признали невозможность смещения

---

[877] Ibarra J. Prologue to Revolution: Cuba, 1898–1958. Lynne Rienner Publishers, 1998. P. 153-154.
[878] Ibid. P. 154-155.
[879] Гевара Э., Че. Куба – историческое исключение… С. 176.
[880] Там же.
[881] Там же. С. 174.
[882] 2 января 1961 г. США разорвали дипломатические отношения с Кубой. С 15 по 19 апреля 1961 г. была проведена военная операция: американские самолеты нанесли бомбовый удар, а затем 17 апреля в районе Плайя-Хирон (южное побережье Кубы) с американских кораблей была произведена высадка десанта из полутора тысяч обученных и вооруженных кубинских эмигрантов. Цель состояла в том, чтобы закрепиться на части кубинской территории, сформировать свое правительство, которое обратилось бы к США за помощью. Однако десант был уничтожен вооруженными силами и милицией Кубы.

революционного режима, так как режим обладает сильной и преданной революционной армией[883].

Фактор направленного коммуникационного воздействия.

Кастро и его сторонники собрали в своей программе те проблемы, которые вызывали наибольший запрос. Во-первых, это *политический суверенитет и экономическая независимость*[884]. Во-вторых, это «социальный блок» – социальные обязательства государства. В-третьих, это вопрос о земле.

«Базовая программа» революционеров была провозглашена Кастро еще в речи «История меня оправдает» («Программа Монкады», программа «Движения 26 июля») и состояла из следующих положений: ликвидация зависимости от США, суверенитет Кубы, свержение диктатуры Батисты, гарантия социальных прав трудящихся, повышение жизненного уровня, уничтожение латифундизма и раздача земли крестьянам[885]. Эта программа получила корректировки и дополнения в процессе антиправительственной борьбы[886].

Медийный интерес к Кастро стал одной из отличительных черт Кубинской революции[887]. Че Гевара прямо писал, что во времена начала движения освещение в зарубежных СМИ, особенно американских, воспринималось важнее, чем военный успех[888]. Подобные технологии использовались уже Лениным[889]. Но Кастро стал первым «медийным революционером», открывшим в такой роли век массовых коммуникаций.

---

[883] Американская историография внешней политики… С. 368-369.
[884] Гевара Э., Че. Социальная программа Повстанческой Армии. С. 79.
[885] Кастро Ф. История меня оправдает. С. 23-25; Гевара Э., Че. Социальная программа Повстанческой Армии. С. 45, 50.
[886] Гевара Э., Че. Заметки к изучению идеологии Кубинской революции // Гевара Э., Че. Статьи, выступления, письма. М., 2006. С. 134; Гевара Э., Че. Социальная программа Повстанческой Армии // Гевара Э., Че. Статьи, выступления, письма. М., 2006. С. 46.
[887] Solares A.J. Op. cit. P. 19.
[888] Гевара Э., Че. Социальная программа Повстанческой Армии. С. 45.
[889] Показательна история с Джоном Ридом и интервью Ленина газете «The New York Herald». (Ленин В.И. О Кронштадтском восстании. Краткая запись беседы с корреспондентом американской газеты «The New York Herald» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 43. М., 1970. С. 129.

В агитации использовались массовое распространение печатной продукции (раздача и адресная рассылка) и организация митингов в учебных заведениях, с развитием движения появилось вещание радиостанции[890]. Но главный канал коммуникаций – «сарафанное радио», получившее распространение с развитием партизанского движения.

Воля народа сама по себе легитимна, но для легитимизации своих действий Кастро все-таки приводит и иные аргументы: режим Батисты незаконен, так как попирает конституцию и права граждан, свержение Батисты – это законный путь[891].

Че Гевара выделял три главных принципа, привнесенных Кубинской революцией в арсенал революционной борьбы. Во-первых, уверенность в возможности победы над регулярной армией. Во-вторых, способность повстанческого центра создать условия для революции в стране. В-третьих, для слаборазвитых стран не столица и города, а сельская местность должна стать ареной вооруженной борьбы[892].

Исследователи отмечают большую роль личностного фактора в латиноамериканских революциях[893]. В Кубинской революции этот фактор, пожалуй, проявился наиболее ярко и полно.

Кубинская революция продемонстрировала возможность успеха активной группы. «Формула успеха» представляется следующим образом: активное ядро + соответствие ожиданиям + реакция населения на жертвы репрессий[894].

Если изобразить движение социального протеста на Кубе в виде графика (ось x – время, ось y – «сила» радикальных массовых форм политического протеста), то на диаграмме предстанет парабола с вершиной наверх. В левой части – начало

---

[890] Кастро Ф. Письма из тюрьмы на острове Пинос. С. 66-67.
[891] Кастро Ф. История меня оправдает. С. 14.
[892] Гевара Э., Че. Партизанская война как метод. С. 331.
[893] Dix R.H. Why Revolutions Succeed and Fail // Revolution: Critical Concepts in Political Science /Ed. by O'Kane R.H.T. Vol. 4. Taylor & Francis, 2000. P. 50; Selbin E. Modern Latin American revolutions. 2nd ed. Westview Press, 1999. P. 2.
[894] Че Гевара указывал, например, на еще одну причину поворота крестьянства – это репрессивные действия режима Батисты. (Гевара Э., Че. Куба – историческое исключение… С. 169; Он же. Социальная программа Повстанческой Армии. С. 45).

антиправительственных выступлений (штурм казарм, яхта «Гранма», создание партизанского движения). В правой части – спад протестных настроений после победы революции. Сила протеста возрастает между двумя этими полюсами с успехами партизанского движения и достигает пиковых значений с захватом Гаваны. Но с достижением пика не происходит сразу падение: режим свергнут, но революция только начиналась[895]. Этот пик условно можно обозначить периодом с 1 января 1959 г. до середины 1960-х гг. – борьба с интервенцией и революционное переустройство общества. Протест против новой революционной власти был нивелирован высылкой из страны и устранением недовольных, а революционные настроения канализированы в переустройство общества (путь и технологии Русской революции).

Кубинская революция продемонстрировала возможности интернационализирующегося мира, в котором для идей и технологий границы перестали существовать, что серьезно повысило возможности «экспорта революций» и технологий антиреволюционной борьбы.

Характерные черты Кубинской революции прослеживаются в каждом революционном движении в Латинской Америке. Во-первых, выделяется партизанская борьба как средство достижения цели (Гватемала, Никарагуа, Гондурас). Во-вторых, молодежный, студенческий состав ядра участников[896]. В-третьих, приблизительно сходный набор факторов, особенно что касается фактора внешней силы (финансирование антиреволюционных сил, экономическое давление, интервенция) и фактора армии[897].

---

[895] Chomsky A. A History of the Cuban Revolution. Singapore: John Wiley & Sons, 2010. P. 43.

[896] См.: Леонов Н.С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 288, 289, 293; Строганов А.И. Указ. соч. С. 154, 189, 209, 210-211, 286. Следует отметить, что молодежно-студенческий состав выступлений, участие интеллигенции и молодых военных в антиправительственных выступлениях проявлялись уже до Кубинской революции – революция в Гватемале в 1944 г., Боливийская революция 1952 г. (См.: Строганов А.И. Указ. соч. С. 94, 97-98).

[897] Примеры событий см.: Леонов Н.С. Указ. соч. С. 313; Строганов А.И. Указ. соч. С. 94-98, 109-110, 114, 118, 141, 153, 168, 170, 171, 178, 190-192, 198, 201, 232, 236-237, 245, 246, 287, 290, 293, 309-311.

Еще один важный элемент Кубинской революции – личность Че Гевары. Во-первых, Че Гевара стал образом революции, что привело к романтизации протестных активностей и складыванию мотивации. Во-вторых, принцип «приезжих революционеров» привносит потенциал использования привезенных лидеров и организаторов протеста.

С приходом кубинских революционеров к власти в истории журналистики, подходах к деятельности журналиста, а также в медиакоммуникациях в целом появился принцип «Мы объективны, но не беспристрастны».

В первые же дни после входа революционных сил в Гавану (январь 1959 г.) Ф. Кастро и Че Гевара провозгласили «Операцию Правда»: ряд мероприятий, направленных на освещение революции, ее идей и целей, которые собрали огромное количество зарубежных журналистов. В ходе этой «Операции Правда» летом 1959 г. было создано латиноамериканское информационное агентство Prensa Latina, чьей целью было провозглашено противодействие искаженной информации о Кубе. Кубинские журналисты стали обвиняться со стороны США и западных стран в агитационности, и им отказывали в признании в качестве журналистов. В ответ основатель кубинского информационного агентства *Prensa Latina* аргентинец Х. Масетти произнес фразу, которая стала крылатой: «Мы объективны, но не беспристрастны. Мы считаем трусостью быть беспристрастным, потому что нельзя быть беспристрастным между добром и злом»[898].

Принципы кубинских революционеров были созвучны тем, что выдвигал В.И. Ленин, в том числе в подходах в ограничении доступа к СМИ тем, кто хотел продвигать иные позиции и подходы после прихода к власти. Таким образом, необходимо подчеркнуть как борьбу за свободу мнения для революционеров в период борьбы за власть, так и стремление регулировать медиакоммуникации после прихода к власти.

---

[898] См.: Моисеев А. Пренса Латина передает из России… 16.09.2014. URL: https://interaffairs.ru/news/show/11777 (дата обращения: 2.06.2024); Чумиков А.Н. Медиакоммуникации. М.: Проспект. 2023. С. 71-73.

При этом провозглашенные принципы журналистики и медиакоммуникаций в целом сохраняют свою актуальность и, более того, снова начинают выходить на первый план в эпоху обострения геополитической борьбы и навязывания гегемонии, безальтернативности идей, ценностей, принципов доминирования. Так, в 2024 г. снова стали популярными идеи «Операции Правда» и принцип основателя Prensa Latina. Как заявил президент Кубы Мигель Диас-Канель, «где есть медиапроект, альтернативный гегемонистской модели, навязанной Западом, идет активная “Операция Правда”»)[899].

[899] Карибский журналист требует, чтобы операция «Правда» была постоянной. 5.02.2024. URL: https://roscuba.ru/news/cuba/3639-karibskij-zhurnalist-trebuet-chtoby-operatsiya-pravda-byla-postoyannoj?ysclid=lwx99u6x5u221016746 (дата обращения: 2.06.2024); Куба против дезинформации Запада. 25.01.2024. URL: https://katehon.com/ru/article/kuba-protiv-dezinformacii-zapada?ysclid=lwx8wju940150311124 (дата обращения: 2.06.2024); Международная конференция «Операция «Правда»» на Кубе продолжается. 22.01.2024. URL: https://ruso.prensa-latina.cu/2024/01/22/международная-конференция-операция/ (дата обращения: 2.06.2024); Президент Кубы подчеркивает важность Операции «Правда». 21.01.2024. URL: https://spsrasd.info/ru/2024/01/21/2005.html (дата обращения: 2.06.2024)

Выводы по главе

В Русской революции проявился основной комплекс технологий управления социальным протестом в политической борьбе, который эксплуатировался в дальнейшем. Технология управления протестными настроениями, направленная на канализирование в мобилизационную экономику, была применена национал-социалистами, а затем в странах т.н. «социалистических» и «народно-демократических» революций.

Специфика немецкого протеста начала 1930-х заключалась в том, что он во многом был канализирован в избирательный процесс, в котором наибольшую активность проявили радикальные партии.

На примере Германии 1918–1933 гг. наблюдается универсальность технологий политического протеста в радикальных и массовых формах и управления ими в политической борьбе. Используемый набор технологий и даже большая часть их вариативности уже прослеживались на примере Русской революции.

Целый ряд характеристик позволяет считать события на Кубе своеобразным мостиком в развитии технологий управления политическим протестом в радикальных и массовых формах между событиями первой трети XX в. и началом XXI в.

Определение причин радикальных массовых форм политического протеста носит дискуссионный характер во всех трех исторических примерах. Экономические условия могли воздействовать на формирование потенциального недовольства и фигурировать в качестве лозунгов протестных выступлений, но причины мобилизации сторонников протеста следует искать в целом комплексе факторов, в том числе использовании технологий организации и управления протестом.

Наличие политических групп – «революционных партий» – стало отличительной чертой организации и управления политическим протестом в радикальных и массовых формах в выбранных трех исторических примерах. Эти

условия определяли центр управления коммуникациями, выбор каналов коммуникаций, производство коммуникационного продукта и его контент, принятие решений по направленному коммуникационному воздействию.

Если в событиях в России 1917 г. и в Германии 1918–1933 гг. реальный протест существовал и даже выливался в радикальные массовые формы, то на Кубе режим Батисты и социально-экономические проблемы вызывали недовольство, но перевод этого недовольства в активный протест, а затем и в политический протест в радикальных и массовых формах стал первостепенной задачей революционеров.

Зачинщиками – теми, кто был в большинстве у самых истоков взрыва социального протеста – во всех трех странах выступили студенчество, рабочая молодежь, интеллигенция. Если вести речь о суммарном подсчете участников: всех социальных групп, принявших участие в революции и гражданской войне в России, партизанской борьбе и революции на Кубе, поддержку нацистской партии в период борьбы за власть, то количественно бóльший по составу класс крестьянства в России и на Кубе перевесил все остальные, а в Германии эту роль выполнил средний класс и рабочие при минимальной поддержке крестьянства.

Большая доля молодежи в обществе была характерна для исторических примеров России 1905–1917 гг. и Веймарской республики, но не для кубинского случая. Однако вряд ли и для России, и для Веймарской республики можно вести речь об эффекте т.н. «молодежного бугра» – когда высокая доля молодежи вызывает социальную напряженность. Более того, в революционной России и в Веймарской Германии речь не может вестись исключительно о молодежи как основе социальной базы протеста даже на уровне активных участников: здесь значительную роль сыграли более старшие поколения, которые сохранили модели поведения, сформированные у них в молодости.

Кубинский пример начинался небольшой группой революционеров, которая благодаря изменениям в «программе революции» и агитации смогла привлечь на свою сторону большинство населения.

Во всех трех рассмотренных исторических примерах идущие к власти на волне социального протеста смогли оседлать самые важные темы для получения социальной базы в этом протесте.

Ленин стремился обеспечить легитимность политического переворота и политики нового правительства за счет выборных органов (Советов, затем Учредительного собрания, затем снова Советов в противовес УС) и пропаганды легитимности борьбы народа за светлое будущее. Перед фюрером нацистов проблема легитимности практически не стояла, так как его партия победила на выборах в парламент, и президент назначил его главой правительства, а дальнейшие законы принимались и одобрялись парламентом. В экстремальных случаях лидер НСДАП апеллировал к праву большинства и праву немецкого народа на светлое будущее. Законность борьбы с режимом Батисты для Кастро выстраивалась на установке, что это борьба с незаконным режимом. Кастро пропагандировал незаконность власти Батисты в связи с государственным переворотом, в результате которого тот пришел к власти, а также в связи с антинародной политикой, которая к тому же является несамостоятельной, а диктуется из-за рубежа. Последние установки были характерны и для оппозиционеров в Русской революции, где Ленин обвинял царизм, а затем все временные правительства в исполнении воли Англии и Франции (как главных капиталистов, кредиторов и стервятников войны); и для борьбы нацистов за власть, так как Компартия Германии обвинялась в исполнении воли Кремля и попытках политического переворота в пользу Москвы.

В России сценарий развивался по пути захвата столицы с дальнейшим движением в регионы. В Германии и на Кубе шло движение из регионов в столицу.

Важную роль в технологиях управления политическим протестом в радикальных и массовых формах, направленных на захват власти, у большевиков и национал-социалистов сыграли партийные боевые организации. Во всех трех случаях протестующие силы создавали боевые отряды, но фактор армии во всех трех случаях был различен. В России армия разделилась в своей поддержке

различных сторон, в Германии осталась нейтральной, на Кубе активно боролась с восставшими.

И для России, и для Германии I Мировая война сыграла существенную, если не решающую, роль в развитии событий. Это был самый главный внешний фактор. В дальнейшем в России внешний фактор проявился в поддержке антибольшевистских выступлений и интервенции. В Германии внешний фактор заключался в поддержке различными иностранными силами обеих немецких радикальных партий, аккумулировавших социальный протест. На Кубе внешний фактор сказался на возможности группы Кастро подготовить отряд за рубежом, но большей частью – в поддержке режима Батисты со стороны США и дальнейшем бойкоте Кубы.

В примере с Россией и Германией противостоящие власти силы использовали все существующие средства коммуникаций. Кроме традиционных печатных материалов (газеты, плакаты, листовки), это массовые акции, действия военизированных отрядов. Отличительная черта – большое количество газет при наличии главного печатного органа и синхронизация коммуникационных усилий. Кроме того, использование радио и набирающего силу кинематографа. Кастро и Че Гевара в силу иных условий используют радио и печатные листки. Принцип «из уст в уста» дает устойчивые результаты на небольшой площади с небольшим населением Кубы. Использование технических новинок становится отличительной чертой протестующих.

Для Ленина и Кастро были крайне важны зарубежные СМИ для привлечения внимания и получения международной поддержки (как среди стран, так и среди различных зарубежных политических партий и общественных организаций). Для лидера нацистов (по различным причинам) в период борьбы за власть такая задача не стояла.

Направленное коммуникационное воздействие создает стереотипы восприятия:

- состояние сегодня – дальше некуда, но будет еще хуже, так что терять нечего;

- противоположный образ – светлое (лучшее) будущее, которое ожидает в результате борьбы;

- соединяет эти две точки «образ врага», которого необходимо победить для достижения цели.

Массовость движения (и изображение этой массовости) и демонстрация силы постоянно привлекали новых сторонников.

Принцип цепной реакции и шаблонов поведения в политическом протесте проявился в преемственности революционных событий в России 1905–1907 гг., а затем следования за столицей регионов страны. В Германии политический протест в радикальных и массовых формах, начавшийся в 1918 г., сделал перерыв с 1924 по 1930 гг., чтобы начать расти с новой силой. Кубинские революционеры считали, что продолжают революционное дело Латинской Америки.

Личностный фактор сыграл большую роль в привлечении социальной поддержки, разжигании социального протеста в свою пользу и захвате власти в России, в Германии и на Кубе.

Редуцирование социальной базы протеста после прихода к власти оппозиционных сил на волне протеста осуществлялся через удовлетворение запросов и ожиданий больших социальных групп, репрессии в отношении политических оппонентов и направленное коммуникационное воздействие по формированию необходимых образов и моделей поведения. Выход из протеста объединяет все три исторических примера: протестные настроения и энергия общества были направлены на созидательные действия – строительство нового общества.

После прихода к власти большевиков в политических технологиях закрепляется принцип «экспорта революции»: поддержка революционных движений или борьба с ними вошли в политический арсенал дипломатии и международных отношений. После Кубинской революции технология «экспорта революции» получили дальнейшее развитие.

Во всех рассмотренных примерах политические силы продвигают свои интересы через медиа. В рассмотренном временном отрезке это традиционные

медиа: печать, затем радио. Печатный орган (органы) становятся не только информационным средством, но и средством организации протестного движения (что сказалось в общероссийской газете Ленина, газетах нацистов). Медиакоммуникации играют решающую роль в направленном коммуникационном воздействии в сочетании с немедийными средствами, роль которых также высока в связи с регулированием медиа и особенностями политической борьбы и социального состава партий. Партии, аккумулирующие протестные настроения и стремящиеся к власти на базе массового политического протеста, борются за свободу слова в период борьбы за власть, а после прихода к власти выступают за жесткое регулирование медиакоммуникаций.

Глава 4. НОВЫЕ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И МАССОВЫЙ РАДИКАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ В XXI ВЕКЕ: ТЕХНОЛОГИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДИНАМИКИ ПРОТЕСТА

В главе анализируются современные прецеденты социально-политического протеста в радикальных и массовых формах или приближающегося к этим формам на примерах «цветных революций», представителей того же явления, получившего название «арабской весны», российского политического протеста 2011–2012 гг. и 2017–2021 гг. и массовых политических протестов в Белоруссии в 2020–2021 гг.

Примеры «цветных революций» и «арабской весны» стали квинтэссенцией технологий управления массовым политическим протестом, впоследствии проявивших себя в событиях в России в 2017–2021 гг. и Белоруссии 2020–2021 гг. со стороны оппозиции и власти.

В целом же зафиксирован тренд на выделение медиакоммуникационной составляющей массовых радикальных протестов XXI в. в качестве принципиально новых и доминирующих технологий управления. Сетевые СМИ и мессенджеры представляются заинтересованными субъектами как универсальный и «непобедимый» инструмент, заменивший традиционные СМИ и обладающий неоспоримыми преимуществами. В главе рассматривается, насколько новый коммуникационный ландшафт меняет закономерности массового политического протеста и принципы действий его организаторов и власти.

4.1. Рост влияния сетевых медиакоммуникаций в «цветных революциях» 2000–2020 гг.

В период 2000–2021 гг. массовый политический протест был использован для смены режимов в странах бывшего СССР, Югославии и ряда стран Северной Африки, и данные технологии продолжают использоваться в различных частях света, включая уже Латинскую Америку и Юго-восточную Азию. Это феномен,

который состоял из двух частей: «цветных революций»[900] и «арабской весны»[901] представляет собой единое явление по своим характеристикам. В этом явлении проявляются одни и те же причины, алгоритмы и технологии управления массовым политическим протестом в радикальных формах.

Страны «арабской весны» стали редакцией «цветных революций», в которой был использован опыт технологий предшествующих «цветных революций», и где «ненасильственность» фактически отошла на второй план: из полутора десятков стран, которые затронуло это явление, в трех случаях смена политических режимов произошла в Египте, Ливии и Тунисе. При этом в Египте победившие политические силы были достаточно быстро отстранены от власти, в Тунисе идут сложные политические процессы уже более десяти лет, в Ливии и Сирии идет более десятилетия гражданская война. Технологии «арабской весны» стали новой редакцией «цветных революций», которая прошла апробацию на Украине в 2014 г.[902]

События «цветных революций» и «арабской весны» являются прецедентами формирования социального протеста, трансформации его в массовый политический протест и в радикальные формы этого протеста. Высокий уровень технологичности организации этого протеста и связанных с ним государственных переворотов привели к смене парадигмы успешности только изначально существующего массового протеста на убежденность в возможности организации такого протеста для давления на власть при нулевом уровне протеста благодаря исключительно технологиям работы с протестом.

---

[900] В «цветных революциях» принято видеть массовый протест и ненасильственную смену власти в Сербии (2000), Грузии (2003), Украине (2004 и 2014), Киргизии (2005). Иногда в этот ряд ставят и неудавшиеся попытки со схожим сценарием: Белоруссия (2006, 2010, 2020), Армения (2008 и 2018), Россия (к. 2011 – нач. 2012), Гонконг (2014) и ряд. др.

[901] В странах т.н. «арабской весны» массовые протестные выступления произошли в Тунисе, Египте, Ливии, Сирии, Йемене, Бахрейне, Алжире, Иордании, Марокко и Омане, незначительные протестные акции произошли в Кувейте, Ливане, Мавритании, Саудовской Аравии, Судане, Джибути и Западной Сахаре.

[902] Шульц Э.Э., Колобов О.А. «Арабская весна»: «сирийский вариант» // Геополитика и безопасность. 2014. № 1. С. 63-68; Шульц Э.Э., Колобов О.А. «Арабская весна»: технологии бунта // Полития. 2014. № 1 (72). С. 119-127; Шульц Э.Э. «Оранжевая революция» и технологии управления бунтом // Политическая экспертиза. 2013. № 3. С. 137-143.

Наличие технологий вызывает необходимость их авторской идентификации. Такая привязка была проведена с американским политологом Джином Шарпом[903]. Следует отметить, что принципы Шарпа[904] – продукт своей эпохи (1960–1970-х гг.)[905] – стали вариацией в рамках теории социальных движений, которая зародилась в это время. Если искать истоки и авторство «технологий цветных революций», то они уходят к трудам теоретиков социальных движений М. Зальда, Р. Эша, Д. Маккарти и др.[906] Связано это, в первую очередь, с той ролью, которую сыграли в событиях «цветных революций» общественные организации, получавшие финансирование из зарубежных источников[907].

(При этом Шарп выступает противником двух основополагающих принципов всех «цветных революций»: восстания и внешнего вмешательства, которые, с его точки зрения, влекут негативные последствия[908]).

---

[903] Сурков Н. Американский «отец» арабских революций // «Независимая газета», 18.02.2011 URL: http://www.ng.ru/world/2011-02-18/1_revolutions.html (дата обращения: 21.12.2016); Stolberg Sh.G. Shy U.S. Intellectual Created Playbook Used in a Revolution // New York Times (February 16, 2011) URL: http://www.nytimes.com/2011/02/17/world/middleeast/17sharp.html?_r=1&pagewanted=all (дата обращения: 21.12.2016)

[904] Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М., 2012; Sharp G. The Politics of Nonviolent Action. Boston: Porter Sargent, 1973. Подробно см.: Шульц Э.Э. «Цветные революции»: некоторые проблемы методологии исследования // Политическая экспертиза. 2017. Том 13. № 2. С. 88-99; Шульц Э.Э. Теоретическая база цветных революций // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 4. С. 138-146.

[905] Истоки выдвигаемых Шарпом принципов ненасильственных действий необходимо искать, на наш взгляд, у Генри Торо, Мартина Лютера Кинга и особенно – у Махатмы Ганди, под впечатлением действий и результатов действий которого находился Шарп при разработке своих «Методов ненасильственных действий» (См.: Sharp G. Gandhi as a political strategist: with essays on ethics and politics. P. Sargent Publishers, 1979). а с точки зрения самих принципов использования социального протеста для борьбы с действующей властью, в первую очередь, – у Маркса, Бланки, Бакунина, Кропоткина, Ленина, Грамши, Кастро, Че Гевары и др. теоретиков и практиков социального протеста.

[906] См.: Zald M.N., Ash R. Social Movement Organizations: Growth, Decay, and Change // Social Forces. 1966. 44 (3). P. 327-340; Zald M.N., McCarthy J.D. Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1987.

[907] Шульц Э.Э. «Цветные революции»: некоторые проблемы методологии исследования // Политическая экспертиза. 2017. Том 13. № 2. С. 88-99; Шульц Э.Э. Теория социальных движений: проблемы теории и практики // Вестник северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2014. № 4. С. 23-30.

[908] Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения /2-е изд., испр. М., 2012. С. 13, 15.

Проблема ложноположительных или ложноотрицательных прогнозов «цветных революций» связана с целым комплексом вопросов, где одну из ведущих позиций занимает оценка легитимности протеста и смены власти. Недооценка данной проблематики приводит и к ошибочному прогнозированию функционирования новой власти (появившейся в результате «цветных революций»). Оптимистические прогнозы для новой власти были разрушены в течение двух-трех лет во всех четырех странах «успешных» «цветных революций». В Египте новая власть была свержена военным переворотом; в Ливии против новой власти начался новый виток гражданской войны; в Сирии оппозиция не смогла победить при отсутствии прямой интервенции и в условиях создания на территории страны «террористического интернационала». В Тунисе, несмотря на всю политическую, моральную и финансовую поддержку «правительства согласия», проект на сегодняшний день можно признать очевидно провальным. Новая власть в каждой стране «победившей» «арабской весны» испытывала дефицит легитимности и проблемы легитимности новых политических переворотов. В обществах, где политический переворот не произошел, сформировалось негативное отношение к протестным акциям.

Причины явления.

В ходе событий и сразу после них многие исследователи занесли указанные события в разряд революций[909]. Однако все эти события относятся принципиально

---

[909] См. напр.: Васильев А.М. Восстание в арабском мире: посевы и всходы // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М., 2012. С. 8; Бобохонов Р.С. Кризис авторитарных режимов в арабских странах и опыт демократических изменений в современном мусульманском мире. // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М., 2012. С. 97; Гоним В. Революция 2.0. СПб., 2012. С. 4; Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Египетская смута XXI века. М., 2012. С. 7; Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Сирия и Йемен: Неоконченные революции. М., 2012. С. 5; Комлева Н.А. Арабская весна как технологический элемент структуры мирового господства // Пространство и время. 2013. № 1. С. 23; Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Структурно-демографические факторы «арабской весны» // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М., 2012. С. 28; Степаненко В. «Оранжевая революция» – природа событий и особенности национальной гражданской активности // Вестник общественного мнения. 2005. № 5 (80). С. 28, 29; Мациевский Ю. Смена, транзит или цикл: динамика политического режима в Украине в 2004-2010 гг. // Полис. 2010. № 5. С. 21; Труевцев

к разным явлениям, обусловлены различными причинами, и привели к разным последствиям. События «цветных революций», включающих события «арабской весны», не являлись революциями и не отвечают требованиям определения революции как явления[910].

Учитывая несоответствие с основными определениями революций, появились варианты зачисления в явление революций через установку, что «цветные революции» создали условия политических трансформаций и возникновения новых социально-экономических моделей[911]. Однако за прошедшие годы можно с уверенностью говорить о том, что такие трансформации не произошли. Сегодня данные события перестали квалифицировать как «революции» даже авторы, отстаивающие эту позицию ранее – причина:

К.М. «Арабская весна» – ход, акторы, технология и промежуточные итоги // Полития. 2012. № 1. С. 21; Фисун А.А. Политическая экономия «цветных» революций: неопатримониальная интерпретация // Прогнозис. № 3. С. 211–212; Aleya-Sghaier A. The Tunisian revolution: the revolution of dignity // Revolution, Revolt and Reform in North Africa: The Arab spring and Beyond /Ed. by Ricardo Laremont. Routledge, 2013. P. 30; El-Bendary M. The Egyptian Revolution. Between Hope and Despair: Mubarak to Morsi. N.Y.: Algora Publishing, 2013. P. 4, 197, 202; Filiu J.-P. The Arab Revolution. Ten lessons from the democratic uprising. Oxford University Press, 2011. P. 3; Laremont R.R. Revolution, revolt, and reform in North Africa // Revolution, Revolt and Reform in North Africa: The Arab spring and Beyond /Ed. by Ricardo Laremont. Routledge, 2013. P. 9, 10; Sorenson D.S. Transitions in the Arab World. Spring or Fall? // Strategic Studies Quarterly. Fall 2011. P. 26; Tweets from Tahrir. Egypt's revolution as it unfolded, in the words of the people who made it /Ed.by Nadia Idle and Alex Nunns. N.Y., 2011.

[910] Шульц Э.Э. Теория революции: революции и современные цивилизации. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 24-33,113-170.

Среди исследователей «теории революции» нет единого мнения на определение революции, но в любом случае за революцией признаются коренные изменения в обществе – в политической, социальной, культурной и экономической сфере. См.: Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 2006. P. 264; Clark J. The History and Theory of Revolutions. From the Princeton Review for April 1862. Philadelphia: William S. & Alfred Martien, 1862. P. 5; Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge University Press, 1979. P. 4. См. подробно: Шульц Э.Э. «Революция»: к вопросу о возникновении термина // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия «Философия. Социология. Право». 2016. № 24 (245), вып. 38. С. 87-93; Он же. Революция: к вопросу об определении термина // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 132-142.

[911] Бобохонов Р.С. Указ. соч. С. 97; Васильев А.М. Указ. соч. С. 8; Гоним В. Указ. соч. С. 4; Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Египетская смута... С. 7; Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Структурно-демографические факторы «арабской весны». С. 28; Мациевский Ю. Указ. соч. С. 23-24; Filiu J.-P. Op. cit. P. 3; Gelvin J.L. The Arab Uprisings: What Everyone Needs to Know. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 11; Henry C., Jang J-H., Parks R. Introduction // The Arab Spring: Will It Lead to Democratic Transitions? /Ed. by Clement Henry, Jang Ji-Hyang, and Robert P. Parks. Palgrave Macmillan, 2013. P. 12, 13, 14, 16; Tweets from Tahrir. N.Y., 2011.

отсутствие коренных изменений в общественной сфере во всех странах «цветных революций»[912]. Победившие «цветные революции» не произвели фундаментальных изменений в странах (которые характерны для революций), совершив лишь смену правящих групп[913].

В качестве причин «цветных революций» исследователями приводится весь комплекс причин массовых протестных выступлений и революций, которые выработали общественные науки: социальные, политические, экономические, «мальтузианская ловушка», демографические факторы, личностный фактор, внешние факторы и т.д. Обратим внимание на те замечания исследователей по поводу причин этого явления, которые привносят что-то новое и представляются плодотворными в анализе.

Представляют интерес проговариваемые респондентами причины их участия и поддержки протестных акций в событиях «оранжевой революции» на Украине (ноябрь-декабрь 2004 г.)[914], среди которых можно выделить ключевые: 1) ожидание роста благосостояния и 2) утрата властью доверия.

Однако проговариваемые причины – это те, что в том числе представляются правильными для идентификации. Однако они могут не совпадать с реальными или не охватывать весь круг мотивационных побудителей, а уж тем более реальных причин событий.

Бесспорно, что в рассматриваемых событиях на Украине огромную (если не решающую) роль сыграл фактор национальной и территориальной

---

[912] Гоним В. Указ. соч. С. 8; Гусаров В.И. Важнейшие факторы «арабской весны» // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М., 2012. С. 26-27; Ланда Р.Г. Политические волнения в арабском мире: видимость и суть // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М., 2012. С. 63.

[913] Шульц Э.Э. «Оранжевая революция» и технологии управления бунтом // Политическая экспертиза. 2013. № 3. С. 137-143; Шульц Э.Э. Украина и Египет: закономерности цветных революций // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 22 (259). С. 52-56; Шульц Э.Э. Технологии бунта. (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М.: ПФОП, 2014. С. 288-328.

[914] См.: Степаненко В. «Оранжевая революция» – природа событий и особенности национальной гражданской активности // Вестник общественного мнения. 2005. № 5 (80). С. 31-32.

самоидентификации (украинцы-русские, западные-восточные)[915]. Это бросалось в глаза наблюдателям и в 2004 г. и в более крайних формах сказалось на событиях на Украине через 10 лет – конца 2013 – начала 2014 гг.

Результаты соцопросов 2005 г. показывали, что 33% опрошенных называли эти события сознательной борьбой за права, 24% – госпереворотом при поддержке Запада, 12% считали протест стихийным и 12% – спланированным и подготовленным, 19% затруднялись что-либо ответить[916]. Следует отметить, что линия разлома между теми, кто считал эти действия борьбой за права и незаконным госпереворотом, инспирированным из-за рубежа, легла по указанным региональному и этническому признаку[917].

При всей внешней схожести страны «арабской весны» имеют серьезные отличия, поэтому проблемы социально-экономического характера в качестве причин одновременного протестного взрыва во всех странах представляются достаточно спорными. Однако, как отмечается, этих проблем достаточно, чтобы маскировать настоящие причины[918].

Так, Ливию отличали высокий уровень благосостояния граждан и значительные социальные программы государства, страна считалась для Африки одной из самых развитых[919]. Тунис признавался для Магриба одним из наиболее

---

[915] См.: Лэйн Д. Оранжевая революция: «Народная революция» или Революционный переворот? // Полис. 2010. № 2. С. 44; Степаненко В. Указ. соч. С. 28.

[916] Степаненко В. Указ. соч. С. 26. При оценке степени организованности протестных движений 34% полагали их полностью организованными, еще 24% склонялись к тому, что события были «скорее организованными, чем стихийными», 25% считали их «частично стихийными, частично организованными» и только 8% полагали эти выступления стихийными (к которым примыкают еще 9%, склоняющихся к тому, что «скорее стихийными, чем организованными») (Степаненко В. Указ. соч. С. 26).

[917] См.: Степаненко В. Указ. соч. С. 26-28.

[918] Карпович О.Г. «Финиковые революции» на Ближнем Востоке и в Северной Африке: технологии управляемого хаоса // Образование. Наука. Научные кадры. 2011. № 4. С. 285-286.

[919] См.: Исаев Л.М., Коротаев А.В., Шишкина А.Р. Факторы арабской весны 2011 года // Арабский мир после арабской весны /Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М., 2013. С. 6; Беляков В.В. Революция 25 января в Египте: причины и следствия // Арабский мир после арабской весны /Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М., 2013. С. 66; Васильев А.М. Указ. соч. С. 8; Гусаров В.И. Указ. соч. С. 25; Ибрахим Н., Ионов А.В., Исаев Л.М. Ливийский кризис как особый компонент арабской весны // Арабский мир после арабской весны /Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М., 2013. С. 214; Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Египетская смута… С. 23, 30; Орлов В.В. Марокко на фоне «арабских революций»: факторы

динамически развивающихся государств и самой благополучной страной Северной Африки. В Египте – о котором, как правило, рассуждают, как о государстве с низкими социально-экономическими показателями в сравнении с развитыми государствами – уровень жизни был выше, чем в большинстве стран Африки и, например, одном из лидеров развивающихся стран – Индии (при этом в этих странах не случились события подобные египетским). Более того, в наименее социально и экономически развитых странах региона не возникли сильные протестные движения (Мавритания, Марокко, Йемен и Судан)[920]. Это приводит к выводам, что экономические факторы, по крайней мере, не могут являться самодостаточной причиной.

Особый интерес представляют изыскания причин в демографических факторах, оказавших давление на политические системы: снижение смертности, особенно детской, повышение доли молодежи в обществе, рост безработицы в молодежной среде[921]. Речь идет о т.н. феномене «молодежного бугра»[922], который,

---

устойчивости власти // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола» /Отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. М., 2012. С. 53; Труевцев К.М. Жасминовая революция в Тунисе // Арабский мир после арабской весны /Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М., 2013. С. 378.

[920] См.: Орлов В.В. Указ. соч. С. 53; Сухов Н.В. «Запоздалая весна» в Мавритании // Арабский мир после арабской весны. М., 2013. С. 229; Сухов Н.В. «Политическая весна» в Марокко // Арабский мир после арабской весны. М., 2013. С. 237.

[921] См.: Васильев А.М. Указ. соч. С. 9; Васильев А.М., Петров Н.И. Рецепты арабской весны: русская версия. М., 2012. С. 256; Гусаров В.И. Указ. соч. С. 25; Долгов Б.В. Причины подъема протестных движений в арабских странах // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М., 2012. С. 18; Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Структурно-демографические факторы «арабской весны». С. 31; Орлов В.В. Указ. соч. С. 54; Филин Н.А. Социально-демографический фактор массовых волнений в арабских странах и Иране // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола» /Отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. М., 2012. С. 40-42; El-Bendary M. Op. cit. P. 4; Filiu J.-P. Op. cit. P. 57-72; LaGraffe D. The Youth Bulge in Egypt: An Intersection of Demographics, Security, and the Arab Spring // Journal of Strategic Security. 2012. Volume 5. Issue 2. P. 65-80; Laremont R.R. Op. cit. P. 5, 6; Maogoto J.N., Coleman A. Changing the Guard – The Wee of Democracy: lessons from the Arab Spring on Constitutionalism // The Arab Spring: New Patterns for Democracy and International Law /Ed. by Carlo Panara, Gary Wilson. Leiden-Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2013. P. 2.

[922] Англ.: youth bulge

например, Джек Голдстоун выдвигал в качестве причин большинства революций XX в.[923]

Отдельной строкой идут замечания о восприятии населением, в первую очередь молодежью, «западных стандартов», сформировавших высокий потребительский запрос[924], что привело к низкой оценке собственного положения и протестным настроениям[925].

Следует, однако, отметить, что высокая доля молодежи среди протестующих не означает, что фактор высокой доли населения до 30 лет стал причиной самого явления протеста в радикальных массовых формах. Во-первых, такие условия встречаются только в небольшой части стран «арабской весны». Во-вторых, этот фактор не оказывал влияния ни до, ни после определенной точки, где фиксируется технологическое воздействие с целью раскрутки уровня протеста и перевода его в радикальные и массовые формы.

Следует отметить и большую роль радикальных исламистских группировок[926], которые с разной степенью активности и воздействия, но оказали влияние во всех странах событий «арабской весны». Обращают на себя внимание и события в Ливии и Сирии, где причинами гражданской войны выступили национально-религиозные противоречия[927].

Во всех событиях «арабской весны» явно наличествовал принцип цепной реакции, когда все события пошли лавинообразно по примеру Туниса. Эта цепная реакция создавала модели и шаблоны поведения. В «цветных революциях» такой принцип работал на более длительных промежутках, но каждая следующая

---

[923] Goldstone J. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict // Journal of International Affairs. 2002. № 56. P. 11-12.

[924] Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке /Под ред. С. Кургиняна. М.: МОФ ЭТЦ, 2011. С. 270.

[925] Васильев А.М. Указ. соч. С. 8.

[926] Долгов Б.В. Указ. соч. С. 21-22.

[927] См.: Саватеев А.Д. Антиавторитарные выступления в арабских странах в свете взаимодействия глобализации и исламской культуры // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М., 2012. С. 50-52.

«цветная революция» «опиралась» на предыдущие, заимствуя идеологию, мотивационные принципы, модели и шаблоны поведения.

События в Тунисе (т.н. «жасминовая революция») стали триггером всех дальнейших событий в других арабских странах, запустив ***цепную реакцию протеста***. Это отмечали и участники[928], и исследователи[929]. Протест в соседних странах, близких культурно, исторически, религиозно, служил триггером протеста, его шаблонами и легитимной базой для всех арабских стран.

Толчком к событиям в Тунисе стал акт самосожжения уличного торговца (17 декабря 2010 г.). Это можно рассматривать как классический пример ***жертвенности***, однако современные процессы медиатизации наложили свой отпечаток на эту технологию.

В сравнительном анализе интересен пример Мавритании, где события начинались по шаблону Туниса, но не привлекли внимание международных СМИ, и протест не получил такой поддержки у населения, как в Тунисе, Бахрейне, Йемене, Египте[930]. Уровень доступности Интернета в Мавритании был крайне низок – 3% населения[931]. Таким образом, данный пример наиболее ярко демонстрирует роль СМИ (традиционных и социальных медиа) в развитии уровня протеста в странах «арабской весны». К выводам о решающей роли СМИ и коммуникационных технологий приходят и исследователи событий «арабской весны» в Египте[932].

Социальной базой «цветных революций» стал средний класс с большой долей молодежи[933]. Если противостояние переходило в гражданскую войну, то оно начинало вовлекать различные городские слои, выходило за рамки городской среды и включало в свою орбиту и крестьянство (Сирия, Ливия).

---

[928] Filiu J.-P. Op. cit. P. xiii.
[929] См.: Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Египетская смута… С. 21; Труевцев К.М. Жасминовая революция... С. 378.
[930] Сухов Н.В. «Запоздалая весна»... С. 229.
[931] См.: Сухов Н.В. «Запоздалая весна»... С. 229.
[932] Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Египетская смута... С. 86.
[933] См.: Лэйн Д. Указ. соч. С. 43-44; Касьянов Г. Украина 1991–2007: очерки новейшей истории. Киев, 2008. С. 360; Степаненко В. Указ. соч. С. 36.

«Оранжевая революция» на Украине (ноябрь-декабрь 2004 г.) представлялась, как широкомасштабная акция протеста, поддержанная значительным количеством граждан[934]. Однако возникает вопрос, что и какой объем считать «значительным».

Для событий т.н. «оранжевой революции» максимальная предлагаемая цифра – 20%, в которой представлены обе противостоящие стороны на Украине. Значимым оказалось протестное давление в столице, где «оранжевые» смогли собрать от 30 тыс. до 1 млн чел. Близкой к реальности считается 150 тыс. протестующих[935] (т.е. менее 0,4% населения Украины).

Протестующие на площади Тахрир в Каире создавали самую привлекательную картинку своей массовостью, однако для 100-миллионного Египта представляли значительно меньше 1% населения страны.

Таким образом, «значительное количество» – это любой объем, который создает в общественном мнении представление о массовости.

Внешний фактор сыграл ключевую роль во всех странах «цветных революций» и «арабской весны». Иностранное вмешательство могло принимать следующие формы:

- поддержка оппозиционных движений (прямое финансирование, дипломатическая и политическая поддержка);
- идеологическое: давление на действующую власть (угрозы ареста персоналий, счетов и т.д.), медийная поддержка антиправительственных действий;
- экономическое (санкции);
- военное вмешательство (от угрозы до прямой интервенции).

Решающая ***роль армии*** в событиях «цветных революций» отмечается рядом исследователей[936]. Следует заметить, что в странах, где победили «цветные революции», к колебаниям силовых структур привели колебания и

---

[934] Мациевский Ю. Указ. соч. С. 21.
[935] См.: Касьянов Г. Указ. соч. С. 358; Лэйн Д. Указ. соч. С. 44; Степаненко В. Указ. соч. С. 34.
[936] Долгов Б.В. Указ. соч. С. 21; Ланда Р.Г. Указ. соч. С. 68.

нерешительность власти; в таких условиях силовые структуры либо остались нейтральны, либо согласились со сменой такой власти.

Так, в событиях «цветной революции» на Украине в ноябре-декабре 2004 г. произошел раскол во власти: дипкорпус, часть судебной системы, территориальные руководители западных областей открыто поддержали «оранжевых»[937]. Ключевым в таком противостоянии стала поддержка «оранжевых» руководством МВД и Службы безопасности Украины[938]. В 2014 г. Украина снова продемонстрировала раскол элиты и колебания власти, как и в 2004-м, что позволило меньшему, чем в 2004 г., по размаху протесту обеспечить госпереворот[939].

В большинстве арабских стран протест был устранен: силовым путем, путем уступок власти или комбинацией этих условий. Только в трех странах в результате протестной активности произошла смена власти: Египет и Тунис – не было демонстрации поддержки режима армией; Ливия – разгром правительственных сил интервентами. При этом в Египте и Тунисе армия и спецслужбы не встали на сторону протестующих и не оказали им сопротивление, что было связано с нерешительностью власти. В Египте через год после событий на Тахрире и смещения Х. Мубарака произошел военный переворот: армия выступила как самостоятельная сила по установлению порядка.

Попытки использовать «***столичный фактор***» присутствовали в каждой «цветной революции», однако с разной степенью успешности. Там, где протест имел существенную социальную базу в столице, а власть проявила слабость, это удалось (Украина, Египет, Тунис). В ряде случаев после неудачи в столице был реализован «заход из регионов» (Киргизия, Ливия, Сирия).

---

[937] См.: Касьянов Г. Указ. соч. С. 355.
[938] См.: Касьянов Г. Указ. соч. С. 355, 356, 366, 370.
[939] Если в 2004 г. речь шла примерно о четверти населения в качестве активных сторонников «оранжевых событий», то в 2014 г. речь идет о нескольких процентах.

Анализ событий «цветных революций» позволяет сделать выводы о существовании одних и тех же ***сценариев развития этих событий***, которые повторялись в каждой следующей стране часто вплоть до мелких деталей.

Алгоритм этих событий выглядел следующим образом. Во-первых, происходит организация протестной акции. Количество участников, как правило, весьма малое, тематическая направленность (лозунги) протеста не играют принципиальной роли. Так, в Турции (2013 г.)[940] это был протест против вырубки парка, в Тунисе и Египте (2011 г.) – за повышение жизненного уровня, на Украине (2004, 2014 гг.) и в России (2011–2012 гг.) – против результатов выборов. Второй шаг – это медийная активность, направленная на создание представлений о массовости протестной акции и поддержке протестных настроений большой частью общества. Главным источником такой медийной активности выступили зарубежные СМИ, при некоторой поддержке ангажированных национальных СМИ. Медийная кампания и агитация общественных движений и политических организаций, рассматривающих данный протест как инструмент политической борьбы, ведет к количественному росту участников. Локальная акция становится заметной, масса протеста растет (постепенно или резко в зависимости от обстоятельств, связанных с реакцией властей и изначальным объемом питательной массы для антиправительственного протеста). Лозунги этого протеста постепенно меняются на политические. На этом третьем шаге возникают «жертвы революции» – реальные или придуманные пострадавшие от действий силовых структур и власти в целом. Здесь, если протест не подавляется на этом этапе, как правило, происходит количественный рост протеста. Ключевые факторы: степень раскрученности информации об этих «жертвах» и доверия к такой информации в обществе (чаще – больших социальных групп). Растет масса протеста и его географический охват, происходит его радикализация. Этот сценарий примем за

---

[940] Таксим-Гези парк в Стамбуле, июнь 2013 г.
О событиях в Турции см: Castels M. Networks of Outrage and Hope. Social Movements in the Internet Age. Second Edition. Polity Press, 2015. P. 227-228; Gokmenoglu B. The Gezi Movement: A comparative perspective. Los Angeles: University of Southern California, Department of Sociology, Research Paper, 2013.

первый тип «арабской весны», который характерен для большинства стран Северной Африки и Ближнего Востока.

«Ливийский сценарий» примем за второй тип: радикализация протеста не останавливается на столкновениях с силами правопорядка в ходе демонстраций, а идет дальше и приводит к вооруженным столкновениям и масштабной гражданской войне. В Ливии быстро сформированная оппозиция на базе восточных племен, которая получила оружие из-за рубежа, взяла контроль над восточными провинциями. Но правительственные войска всего за месяц (сер. февраля – сер. марта 2011 г.) вернули себе контроль, за исключением города Бенгази. Операции группы стран НАТО и Персидского залива, длившиеся несколько месяцев, по нанесению ракетно-бомбовых ударов по армии Ливии, объектам стратегического назначения и правительственным зданиям не дали перевеса оппозиции в боевых действиях, и силы НАТО осуществили наземную военную операцию[941].

Второй сценарий со всей очевидностью демонстрирует несостоятельность попыток целого ряда экспертов и исследователей представить арабские события как внутренние процессы этих стран, которые не зависели от внешнего влияния[942]. Если и не причина, то уж точно модели и формы проявления социального протеста имели непосредственную связь с внешним воздействием, и это обнаруживается во всех сценариях «арабской весны»[943]. Вне «ливийского сценария» внешнее вмешательство выражалось в финансировании «оппозиционных сил» и организации протестных акций через НКО[944].

Фактор направленного коммуникационного воздействия.

---

[941] В конце августа британские, французские и катарские военные подразделения были брошены на штурм ливийской столицы и захватили Триполи

[942] См. напр.: Гоним В. Указ. соч.; Фарес В. Революция грядет: борьба за свободу на Ближнем Востоке. М., 2012.

[943] См. напр.: Беляков В.В. Указ. соч. С. 72; Долгов Б.В. Указ. соч. С. 21; Ланда Р.Г. Указ. соч. С. 68; Фитуни Л.Л. «Арабская весна» в глобальном и региональном измерениях // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М., 2012. С. 87-88.

[944] Данные такого финансирования см. на примере Египта: Васильев А.М., Петров Н.И. Указ. соч. С. 187-189; Фитуни Л.Л. Указ. соч. С. 85-88. О роли США в тунисских и египетских событиях см.: Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Египетская смута... С. 87-91.

Характерной чертой всех «цветных революций» (и «арабской весны») следует признать отсутствие значимых лидеров протеста. В итоге ни в одной стране «цветной революции» не появился общенациональный лидер. Это вытекает из особенностей событий и технологий производства социального протеста в них. Оппозиция либо отсутствовала, либо не имела влияния на общество.

Во всех странах «арабской весны» не было полноценной оппозиции, и она не могла иметь свою сформированную программу и идеологию[945], а уже тем более транслировать их протесту. Оппозиция появилась в ходе развития массовости протеста из тех сил, которые приняли решение воспользоваться ситуацией в собственных политических целях. Эти обстоятельства сыграли роль в переговорном процессе: власти не с кем было вести этот процесс.

Таким образом, события «арабской весны» свидетельствуют о том, что даже организованный протест, которым пытаются управлять, обладает высокой долей стихийности, что определяет вариации развития политического протеста в радикальных и массовых формах. Кроме того, эти события стали иллюстрацией принципа множественности усилий и точек приложения силы к протесту. В организации и развитии радикальных массовых форм политического протеста в странах «арабской весны» прослеживаются усилия стран Запада[946], «монархий Залива»[947], а события в Сирии сделали активными участниками конфликта еще и Израиль, Иран и Турцию.

---

[945] Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Египетская смута... С. 19, 20; Карпович О.Г. «Финиковые революции»… С. 286.

[946] См. напр.: Джин К. Падение режима Асада станет «непрямой» победой для США и Турции. 30.07.2012. URL: http://www.inopressa.ru/article/30Jul2012/legnostorto/syria.html (дата обращения: 22.09.2013); Санжиев А. Дамаск ищет эфир.23.04.2013. URL: http://www.rg.ru/2013/04/23/syria-site.html (дата обращения: 25.09.2013).

[947] Балмасов С. Гроза над Алжиром // Эксперт. 2012. № 30-31. С. 40; Мирзаян Г. Сирийская партия. С. 53, 56; Кувейт предоставит ливийским мятежникам около $180 млн. 24.04.2011. URL: http://ria.ru/arab_ly/20110424/367804929.html (дата обращения: 22.09.2013); Стабиле А. Путин направляет ракеты Асаду, Катар – 3 млрд долларов повстанцам. 20.05.2013. URL: http://www.inopressa.ru/article/20May2013/repubblica/syria2.html (дата обращения: 22.09.2013); ОАЭ предоставят 12 самолетов для участия в операции в Ливии. 25.03.2011. URL: http://ria.ru/arab_war/20110325/357594997.html (дата обращения: 23.09.2013).

«Цветные революции» получили свое название по принципу цветовой палитры, однако на самом деле они бесцветные – не несут цветовой нагрузки (красные, коричневые, розовые: роза как символ социал-демократов). Эти «революции» не имеют идеологической платформы.

Уже на Украине в 2004 г., несмотря на то, что массовость протестных акций стала неожиданностью и для организаторов, и для власти[948], были эффективно обеспечены ресурсы поддержки (еда, питье, палатки, одежда, концерты и т.д.) и отряды самообороны[949]. Высокий технологический уровень организации «оранжевых мероприятий» даже среди зарубежных экспертов привел к названию «политико-технологического переворота»[950]. При этом необходимо понимать, что этот «технологичный переворот» использует реально существующий протестный настрой и переводит его в радикальные и массовые формы с целью давления на власть, приобретения преференций, захвата власти.

Основная идея развития всех «цветных революций» – оспаривание уровня поддержки населением власти, претензии в фальсификации этой поддержки, главным образом – в результате выборов. Самая известная историческая аналогия таким событиям находится в истории революций: например, события Мексиканской революции в начале XX в.[951]: проигравший кандидат объявляет выборы подтасованными и призывает сторонников к активным протестным действиям.

Большую роль в мобилизации на акции и организационную поддержку этих акций сыграли неправительственные общественные организации, получавшие

---

[948] См.: Касьянов Г. Указ. соч. С. 355, 358.

[949] См.: Касьянов Г. Указ. соч. С. 360; Лэйн Д. Указ. соч. С. 34.

[950] Steele J. Ukraine's Postmodern Coup D’etat // The Guardian. 2004. Nov. 26. URL: http://www.guardian.co.uk/world/2004/nov/26/ukraine.comment (дата обращения: 20.08.2013)

[951] См.: Паркс Г.Б. История Мексики. М., 1949. С. 281.
В 1910 г. проигравший выборы Франсиско Мадеро объявил результаты выборов недействительными и призвал к борьбе с режимом Порфирио Диаса – с этого началась Мексиканская революция (а Мадеро через год выиграл новые выборы).

финансирование из-за рубежа, часто из фондов, связанных с зарубежными правительственными организациями[952].

Эксперты и исследователи точно определили роль неправительственных общественных организаций в «цветных революциях» и событиях «арабской весны»: обеспеченные ресурсами из-за рубежа они стали организационным и мобилизационным инструментом[953]. Ключевую роль сыграли молодежные организации со сходной для всех «цветных революций» символикой и функциональной направленностью[954].

Исключительная роль СМИ в пропаганде конфликта, законности и справедливости требований протестующих была сразу подмечена наблюдателями и экспертами еще в событиях 2004 г. на Украине[955]. В пропагандистских целях создавался образ народного вече в центре Киева, праздничная карнавальная атмосфера, «помаранчевая мода» (оранжевая.

Следует обратить внимание на «разделение ролей» в технологиях использования СМИ. Для всех стран прокатившихся «цветных революций» картина выглядела примерно одинаково: зарубежные СМИ создали общую информационную канву, основу для восприятия массовым сознанием, в контексте чего социальные медиа предстали как «подавляемая информация» борцов с режимом; «интернет-протест» предстал революционной борьбой молодого поколения и современности против старшего поколения и отсталости страны. Эти образы дали возможность мобилизации сторонников, а интернет-каналы помогли в организации и синхронизации действий.

---

[952] Лэйн Д. Указ. соч. С. 35.

[953] Васильев А.М., Петров Н.И. Рецепты арабской весны: русская версия. М., 2012. С. 187-189; Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Египетская смута XXI века. М., 2012. С. 87-91; Касьянов Г. Указ. соч. С. 355, 360, 363, 373; Лэйн Д. Оранжевая революция: «Народная революция» или Революционный переворот? // Полис. 2010. № 2. С. 35; Фитуни Л.Л. «Арабская весна» в глобальном и региональном измерениях // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М., 2012. С. 85-88.

[954] См.: Сухов Н.В. «Политическая весна» в Марокко // Арабский мир после арабской весны. М., 2013. С. 251-252.

[955] См.: Лэйн Д. Указ. соч. С. 34; Степаненко В. Указ. соч. С. 29.

«Теория революции» – научное направление, изучающее причины, последствия, алгоритм революций – входит в активный арсенал технологий «цветных революций».

Революционная риторика и образы использовались в «цветных революциях» как технология мобилизации масс и легитимизации политического переворота. Несмотря на позицию большинства североамериканских и западноевропейских, а также части отечественных авторов, которые относят эти события к явлению революций[956], с феноменом революции их роднит только наличие радикальных массовых форм политического протеста.

Англоязычный дискурс дает понятие «события, сходные с революциями» (“revolution like event”), под которым объединяются различные варианты смены власти, радикальные реформы, восстания и «цветные революции». Однако само название уже говорит о том, что данные события не относятся к явлению «революция».

Если принять симулякр как характерную черту постмодерна[957], то «цветные революции» выглядят как полноправный продукт этого постмодерна. Эти события походят на имитацию революций: революционные лозунги и мотивация, использование теории революции и теорий социального протеста и управления

---

[956] См.: Бобохонов Р.С. Кризис авторитарных режимов в арабских странах и опыт демократических изменений в современном мусульманском мире // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М., 2012. С. 97; Васильев А.М. Восстание в арабском мире: посевы и всходы // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М., 2012. С. 8; Гоним В. Революция 2.0. СПб., 2012. С. 4; Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Египетская смута XXI века. М., 2012. С. 7; Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Сирия и Йемен: Неоконченные революции. М., 2012. С. 5; Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Структурно-демографические факторы «арабской весны» // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М., 2012. С. 28; Мациевский Ю. Смена, транзит или цикл: динамика политического режима в Украине в 2004–2010 гг. // Полис. 2010. № 5. С. 21; Степаненко В. «Оранжевая революция» – природа событий и особенности национальной гражданской активности // Вестник общественного мнения. 2005. № 5 (80). С. 28, 29; Фисун А.А. Политическая экономия «цветных» революций: неопатримониальная интерпретация // Прогнозис. 2006. № 3(7). С. 211–212; Filiu J-P. The Arab Revolution. Ten lessons from the democratic uprising. Oxford University Press, 2011. P. 3; Tweets from Tahrir. Egypt's revolution as it unfolded, in the words of the people who made it /Ed.by Nadia Idle and Alex Nunns. N.Y., 2011.

[957] Борисов Б.П. Постмодернизм: монография. М.- Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 92, 93, 121.

этим протестом в политических целях. Характерные черты – низкий уровень социального протеста (и даже его отсутствие), сильное внешнее влияние (финансовая, политическая и медийная поддержка из-за рубежа) и использование организации данных событий и смены власти в геополитических интересах.

Закономерности и особенности «цветных революций» (включающие и события «арабской весны») связаны с современными постиндустриальными представлениями об использовании революционных идей в качестве инструмента для простой смены власти в государстве (с имитацией социальных изменений)[958].

События в стране через СМИ и социальные сети начинают называть «революцией» – явлением, которое сметает отжившую себя исторически систему и ведет к коренным изменениям. Такое «революционизирование» повышает массовость протеста и его готовность к радикализации, но в качестве последствий несет разочарование населения новыми режимами (в силу обмана ожиданий) и быструю потерю власти этими новыми режимами.

Лидеры «оранжевых» не представляли собой монолитную группу и могли предложить только изображение «революционной активности». Для президентства В. Ющенко были характерны популистские акции, чехарда кабинетов, политические и коррупционные скандалы. О проектности подхода говорит и тот факт, что 2 марта 2013 г. партия В. Ющенко прекратила существование (решение о самороспуске)[959]. Сумев технологично использовать социальный протест для захвата власти, «оранжевым лидерам» нечего было предложить обществу в

---

[958] Шульц Э.Э. Идеология и феномен революций: к проблеме идентификации явления // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4. С. 27-34; Шульц Э.Э. Теоретическая база цветных революций // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 4. С. 138-146; Шульц Э.Э. Марксизм как религия революции // Политика и Общество. 2014. № 5. С. 607-613; Шульц Э.Э. Управление социальным протестом как технология и содержание «Арабской весны» // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 1(40). С. 89-96; Шульц Э.Э. Русская революция и проблема модернизации // Вестник РУДН. Серия “История России”. 2015. № 3. С. 7-17; Шульц Э.Э. Технологии бунта: «цветные революции» и «арабская весна» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 19 (256). С. 46-54; Шульц Э.Э. Теория революции Маркса в контексте общественной мысли XIX в. в Европе // Вопросы управления. 2014. № 2. С. 39-42.

[959] Партия Ющенко «Наша Украина» объявила о самороспуске. 02.03.2013. URL: http://www.gazeta.ru/politics/news/2013/03/02/n_2779285.shtml (дата обращения: 10.08.2013)

процессе дальнейших изменений и удовлетворить существующий социальный запрос на перемены.

В странах, где в результате «цветных революций» к власти пришли новые режимы, произошло разочарование населения вкупе с другими факторами (проблемы легитимности, недовольство основных акторов и т.д.) и возврат к состояниям близким к тем, что были до «цветных революций». На Украине через пять лет «оранжевые» проиграли выборы и сошли с политической сцены. В Грузии произошла смена режима Саакашвили и произведена ревизия результатов «революции роз». В Киргизии в 2010 г. (пять лет после т.н. «тюльпановой революции») радикальный массовый протест возник уже против переворота 2005 г. В Египте произошел военный переворот против новой власти сходный с событиями 1952 и 1981 гг., и, фактически, произведена реставрация состояния времени Мубарака. В Тунисе уход нового режима произошел более мирно – через три года в результате выборов. В Ливии и Сирии продолжается гражданская война.

Вторая редакция «оранжевой революции» – 2014 г. – сделала принцип национализма одним из главных в своей идеологии. «Принцип национализма» достаточно сильный мотивационный инструмент в мобилизации протеста, но имеет и свои негативные последствия с точки зрения сложностей в управлении протестом (постоянное давление националистических элементов и улицы) и с точки зрения эффекта разочарования. Фактор национализма на Украине (поиск самоидентификации, культурной самобытности, государственной самостоятельности, национальной гордости и т.д.) играет ведущую роль в вопросах устойчивости нового режима.

Таким образом, события «цветных революций» и «арабской весны», типологически являющимися однородными, представляют собой крайнюю концентрацию технологий организации радикальных массовых форм политического протеста и государственного переворота с помощью этого протеста в условиях современного мира.

Социальные структуры, политические системы стран «цветных революций» сильно отличаются от примеров России начала XX в., Германии 1920–1930-х гг. и

Кубы середины XX в. При этом развитие политического протеста в радикальных и массовых формах и технологии управления этим протестом сохраняют множество сходных черт. Принципиальные различия в зарождении и протекании политического протеста в радикальных и массовых формах и возможностях технологий направленного коммуникационного воздействия связаны с процессами глобализации и создания информационного общества.

В организации политического протеста в радикальных и массовых формах при минимальном потенциале политического протеста (напр., технологии «цветных революций»), в отличие от использования в политических целях уже существующего протеста, готового к массовым и даже радикальным формам, главную роль выполняет технологическая составляющая, что ведет к определенным особенностям такого протеста как в его развитии, так и в последствиях. Во-первых, это чрезвычайно низкая доля протестующих; во-вторых, большая роль внешнего фактора и медийная поддержка протеста; в-третьих, повышение роли «столичности» протеста – давления на власть в столице; в-четвертых, усиление технологий по созданию представлений о массовости недовольства в обществе и больших цифр протестных акций.

Медийная составляющая всех «цветных революций» – это зарубежные медиа и социальные сети. В большинстве стран «цветных революций» это еще оппозиционные СМИ, как правило, с иностранным финансированием. Но в части «цветных революций», особенно в странах «арабской весны», оппозиционные СМИ отсутствовали.

Появился новый сегмент медиакоммуникаций – конвергентные СМИ и социальные сети. Это более легкая (по сравнению с традиционными СМИ) форма образования медиа и более сложная проблема их регулирования. В рамках «цветных революций» это было воспринято как вызов устоявшейся системе.

Социальные сети становятся информационным и организационным инструментом в формировании и развитии политического протеста и трансформации его в массовые и радикальные формы.

4.2 Централизация и десинхронизация медиакоммуникационного влияния в России 2011–2021 гг.

4 декабря 2011 г. в Российской Федерации состоялись выборы депутатов Государственной Думы. На этих выборах правящая партия «Единая Россия» получила 49,32%, что почти на 15% ниже, чем на выборах 2007 г., но почти на 12% выше, чем в 2003 г.[960]

Первый митинг, положивший начало массовым уличным акциям, состоялся 5 декабря 2011 г. в Москве на Чистых Прудах и собрал несколько тысяч человек, рекордное на тот момент количество участников подобных мероприятий на протяжении последних лет. 10 декабря (следующая суббота после выборов) 2011 г. в центре Москвы прошел большой протестный митинг, который собрал, по разным оценкам, около 100 тысяч человек (разброс 25–150 тыс.). Крупные митинги прошли в различных городах России. Общие требования протестующих: пересчет голосов, отставка главы ЦИК, а затем требования перевыборов и отставки В.В. Путина[961].

---

[960] ЦИК РФ. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 2007. URL: http://www.cikrf.ru/banners/elect_duma/ (дата обращения: 17.04.2021); ЦИК РФ. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва. URL: http://gd2003.cikrf.ru/ (дата обращения: 17.04.2021); ЦИК РФ. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в 2011 году. Итоги голосования. URL: http://www.cikrf.ru/banners/duma_2011/itogi/result.php (дата обращения: 17.04.2021)

Публикация выводов по данной части исследования см.: Шульц Э.Э. Протест в России 2017–2021: технологии и закономерности // Вестник Российского государственного университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8. № 3. С. 312-328; Шульц Э.Э. Социальный протест как фактор дестабилизации политической системы современной России // Политическая экспертиза. 2017. Т. 13, № 4. С. 110-117. См. также: Шульц Э.Э. Современный российский политический протест. М.: Проспект, 2021.

[961] 10 декабря: хроника // Лента.ру, 10 декабря 2011. URL: https://lenta.ru/chronicles/protest/ (дата обращения: 24.04.2021); Аляев Д., Башарова С., Зубченко Е., Путилов С., Рябых С. «Как же нас много…» // Новые Известия, 26 декабря 2011. URL: https://newizv.ru/news/politics/26-12-2011/156953-kak-zhe-nas-mnogo (дата обращения: 19.04.2021); Властям дали две недели. В Москве десятки тысяч вышли на оппозиционный митинг // Газета.ру, 10.12.2021. URL: https://www.gazeta.ru/politics/elections2011/2011/12/10_a_3922210.shtml (дата обращения: 24.04.2021); До самых до окраин. Митинги протеста 10 декабря прошли в 99 городах России // Lenta.ru, 11 декабря 2011. URL: https://lenta.ru/articles/2011/12/10/worldprotest/ (дата обращения: 24.04.2021); Шествие в Москве: хроника, свидетельства, подробности // Радио Свобода, 3.02.2012. URL: https://www.svoboda.org/a/24472623.html (дата обращения: 24.04.2021); A Russian awakening. The middle class is finding its political voice // The Economist, 11.12.2011. URL:

Хронология протестных акций выглядит следующим образом. Два самых крупных митинга и шествие в Москве и ряде городов России 24 декабря 2011 г. и 4 февраля 2012 г., количество участников которых перевалило за 100 тыс.[962].

26 февраля 2012 г. – акция «Белое кольцо», участники которой должны были сомкнуть кольцо из рук по Садовому кольцу Москвы. 29 января 2012 года в центре Москвы прошел автопробег «Белое кольцо», задуманный как акция в поддержку шествия 4 февраля: машины с белыми лентами (символ протестов 2012 г.) и белыми шарами растянулись по Садовому кольцу, чтобы замкнуть круг. По данным ГУМВД, в акции участвовало до 300 автомобилей, по заявлению организаторов – до 5 тыс. машин[963]. Количество участников оценивалось от 36 тыс. протестующих, по подсчетам правоохранительных органов, до 120 тыс. – по версии организаторов 4 февраля. «Большой белый круг» 26 февраля принял в себя (и здесь подходы почти не различались) 34–36 тыс. человек[964].

На следующий день после выборов президента России – 5 марта – и 10 марта в Москве прошли митинги, собравшие от 10 до 30 тыс. человек даже по самым оптимистическим прогнозам[965], после чего протест затих до мая.

---

https://www.economist.com/eastern-approaches/2011/12/11/a-russian-awakening (дата обращения: 24.04.2021)

[962] Аляев Д., Башарова С., Зубченко Е., Путилов С., Рябых С. «Как же нас много…» // Новые Известия, 26 декабря 2011. URL: https://newizv.ru/news/politics/26-12-2011/156953-kak-zhe-nas-mnogo (дата обращения: 19.04.2021); Организаторы митинга в Москве насчитали на проспекте Сахарова 120 тысяч человек // Федпресс.ру, 24.12.2011. URL: https://fedpress.ru/federal/polit/society/id_266691.html (дата обращения: 24.04.2021)

[963] Автопробег «Белое кольцо» завершился без эксцессов // Известия, 29 января 2012. URL: https://iz.ru/news/513482 (дата обращения: 24.04.2021)

[964] Магун А. Протестное движение 2011–2012 годов в России: Новый популизм среднего класса // Stasis. 2014. Vol. 2. № 1. С. 195; Митинг «За честные выборы» на Болотной площади закончился: 120 тысяч, следующий будет 26 февраля // Газета.ру, 4.02.2012. URL: https://www.gazeta.ru/news/lastnews/2012/02/04/n_2191809.shtml (дата обращения: 24.04.2021); Оппозиционеры в Москве встали в "Большой белый круг" // BBC, 26.02.2012. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2012/02/120226_big_white_circle (дата обращения: 24.04.2021); Шествие в Москве: хроника, свидетельства, подробности // Радио Свобода, 3.02.2012. URL: https://www.svoboda.org/a/24472623.html (дата обращения: 24.04.2021)

[965] Биддер Б., Оффенберг А. Протест против Путина: «снежная революция» в России тает // Der Spiegel, 12.03.2012. URL: https://www.inopressa.ru/article/12mar2012/spiegel/kremlin1.html (дата обращения: 24.04.2021); Высокий градус русской зимы. Мировые СМИ о «снежной революции» в России // Газета.ру, 12.12.2011. URL:

В следующий раз оппозиция смогла собрать протест и мобилизовать протестующих 6 мая 2012 г., когда прошел т.н. «Марш миллионов». 6 мая 2012 г. состоялось шествие по Якиманке до Болотной площади и Манежной площади. Акция была приурочена к инаугурации В.В. Путина 7 мая. В акции приняли участие различные политические силы: «Левый фронт», КПРФ, «Солидарность», националисты, социал-демократы, анархисты, либертарианцы. (Основные лидеры: Сергей Удальцов, Алексей Навальный[966] и Борис Немцов). Организаторы и демонстранты шли с лозунгами нелегитимности президента, требованиями перевыборов, отставки Путина, свободы политзаключенным, экономические лозунги и требования так и не появились. Прорваться на Манежную площадь демонстрантам не удалось. Создать «сидячую забастовку» и «палаточный городок» не получилось, хотя организаторы усиленно призывали к этому. Акция завершилась массовыми столкновениями с полицией. Оценки о количестве участников акции расходятся: от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч[967].

12 июня и 15 сентября в Москве состоялись очередные «Марши миллионов». Данные о количестве их участников, озвученные ГУВД и организаторами протеста, вновь существенно расходились. В обеих случаях «диапазон правды» колебался в размере от 10 до 100 тыс. протестующих[968].

---

https://www.gazeta.ru/politics/elections2011/2011/12/12_a_3924718.shtml (дата обращения: 24.04.2021)

[966] Включен в «Перечень физических лиц и организаций, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму».

[967] См.: Магун А. Протестное движение 2011–2012 годов в России: Новый популизм среднего класса // Stasis. 2014. Vol. 2. № 1. С. 195; Опубликован отчет полиции по митингу 6 мая на Болотной площади: чрезвычайных происшествий не допущено // Газета.ру, 9.04.2013. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2013/04/09/n_2844017.shtml (дата обращения: 24.04.2021)

[968] Кремер Л. Сколько было участников шествия – оценило «компьютерное зрение» // Дождь, 16 сентября 2012. URL: https://tvrain.ru/teleshow/here_and_now/skolko_bylo_uchastnikov_shestvija_otsenilo_kompjuternoe_zrenie-330438/ (дата обращения: 24.04.2021); Магун А. Протестное движение 2011–2012 годов в России: Новый популизм среднего класса // Stasis. 2014. Vol. 2. № 1. С. 195; Марш миллионов-3 в Москве опять призвал к реформам // BBC, 15 сентября 2012. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2012/09/120915_march_millions_moscow (дата обращения: 24.04.2021); Полиция усилит режим работы в День России // Лента.ру, 10 июня 2012. URL: https://lenta.ru/news/2012/06/10/dayofrussia/ (дата обращения: 24.04.2021); Удальцов завершил

26 марта 2017 г. прошло шествие в Москве, организованное А. Навальным. Запуск массового протеста, по идее организаторов, должен был состояться как реакция на фильм А. Навального «Он вам не Димон», однако выплеска протеста не получилось, тогда решили в качестве триггера использовать протестную акцию, на которую Навальный вывел на шествие школьников старших классов. И вновь наблюдалось расхождение в оценках массовости акции со стороны власти и оппозиции: соответственно от 7–8 до 25–30 тысяч.

Интересно сопоставить озвученные оппозицией данные не только с информацией от официальных источников, но и от западных СМИ: западные медиа публиковали информацию лишь о нескольких тысячах протестующих.

2 июня 2017 г.: в Москве на Тверской и в Санкт-Петербурге на Марсовом поле А. Навальный повторил акции: в Москве приняло участие около 4,5 тыс. человек, в Санкт-Петербурге – около 3,5 тысяч[969].

7 октября, на день рождения В.В. Путина (65-летний юбилей), прошли протестные шествия, митинги и пикеты в 80 городах России, но за широтой охвата организаторов по-прежнему не было массовости. В Москве на протесты, по данным ГУВД, вышло 700 человек, по самым оптимистическим данным самих организаторов – до 25 тыс. человек по всей России[970].

митинг на проспекте Сахарова // Lenta.ru, 16 сентября 2012. URL: https://lenta.ru/news/2012/09/15/saxarov/ (дата обращения: 18.04.2021); Цой Ю., Гусев В., Дергачев В. Митинг на Сахарова: хроника событий. Марш оппозиции обошелся без миллионов и провокаций // Известия.ru, 15 сентября 2012. URL: https://iz.ru/news/535315 (дата обращения: 18.04.2021)

Примечание: «Телеканал Дождь» – внесен в Реестр иностранных агентов (20.08.2021. Статья 6 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»; 01.12.2023. Статья 7 Федерального закона от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»).

[969] МВД сообщило о задержании в Москве и Санкт-Петербурге 650 человек // РБК, 12.06.2017. URL: https://www.rbc.ru/politics/12/06/2017/593ebc8d9a79474463e84f1d (дата обращения: 2.05.2021)

[970] 7 октября: протестная карта. Где и сколько людей вышло, сколько задержали Совместный проект «Медузы» и «ОВД-Инфо» // Медуза, 10.10.2017. URL: https://meduza.io/feature/2017/10/10/7-oktyabrya-protestnaya-karta-gde-i-skolko-lyudey-vyshlo-skolko-zaderzhali (дата обращения: 2.05.2021); Акция протеста сторонников Навального в Москве // РБК, 07.10.2017. URL: https://www.rbc.ru/photoreport/07/10/2017/59d8cf639a7947ca64e43db0 (дата обращения: 2.05.2021)

Схожая картина наблюдалась и в 2018 г. «Забастовка избирателей» – такое название получила новая акция, которая прошла 28 января 2018 г. Снова широкий охват организаторов: более 100 городов России, – и небольшое количество протестующих: до 5 тыс. в Москве и до 3 тыс. в Санкт-Петербурге, по данным оппозиционеров[971].

О том, как появляются большие цифры количества протестующих среди самих протестующих, а затем уходят «в массы», наглядно говорят ответы респондентов из опросов т.н. «НИИ митингов»: большое количество собравшихся и восторженное состояние респондентов ведут к формированию в сознании внушительных для этого сознания цифр (например, «100 тысяч»)[972].

5 мая 2018 г. А. Навальный, в контексте протестных событий в Армении, пытаясь запустить «цепную реакцию»[973], вывел сторонников на протестные акции под лозунгом «Он нам не царь»: чуть более 1 тыс. в Москву и 1,5 тыс. в Санкт-Петербурге. В этот раз организаторы протеста попробовали перевести его в радикальные формы через столкновения с силами правопорядка. Использовалась технология «жертвенности»: власть обвинялась в жестокости сил правопорядка, в использовании казачьих отрядов, жестоком обращении с протестующими детьми, задержании несовершеннолетних[974]. Традиционная уже технология для протестов,

---

Примечание: Медуза (Meduza) (юридическое лицо, зарегистрированное в Латвийской Республике, SIA «Medusa Project») внесен в Реестр иностранных агентов (23.04.2021. Статья 6 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»).

[971] Козлов П., Фохт Е., Горяшко С.. Акция Навального: успех или провал? // BBC Русская служба, 29.01.2018. URL: https://www.bbc.com/russian/news-42819565 (дата обращения: 02.05.2021); Юнанов Б. Навальный поднял 100 городов // New Times, 29.01.2018. URL: https://newtimes.ru/articles/detail/143494 (дата обращения: 2.05.2021)

[972] См.: Бикбов А. Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 – июнь 2012) // Laboratorium. 2012. № 2. С. 130.

[973] Навальный А. Что произошло в Армении и что нужно делать нам // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=BqD0umu1mRA (дата обращения: 2.05.2021)

[974] «ОВД-Инфо»: на акциях протеста в России задержано более 1300 человек // Коммерсантъ, 5.05.2018. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3622304 (дата обращения: 2.05.2021); Акции «Он нам не царь»: задержаны около 1600 человек «Медуза» следила за протестами в Москве и регионах // Медуза, 5.05.2018. URL: https://meduza.io/live/2018/05/05/aktsii-on-nam-ne-tsar-po-vsey-rossii-hronika (дата обращения: 2.05.2021); Коростелев А. Сторонники Навального перекрыли Страстной бульвар // Дождь, 5.05.2018. URL: https://tvrain.ru/teleshow/here_and_now/storonniki_navalnogo_vyshli-463136/ (дата обращения: 2.05.2021); Мухаметшина Е., Никольский А. В противостояние со сторонниками Навального

организуемых Навальным, – поддержка западными СМИ, медийное и дипломатическое давление на российскую власть: так, например, Госдеп США и Европейская служба внешних связей осудили подавление мирных протестов, задержание протестующих и журналистов[975].

Однако уже в 2019 г. протестные акции приобрели значительную массовость и получили иной социальный состав: вместо школьников мы наблюдаем уже тот социальный состав, который наблюдали в протестах 2011–2012 гг. и будем наблюдать дальше на всех подобных политических протестах 2019–2021 гг., массовость протестов резко повысилась.

2021 г. начался массовыми протестами в поддержку медийного оппозиционера Алексея Навального, который был задержан, а потом арестован после приезда из Германии. Несколько акций прошло в январе-феврале, затухающие акции продолжались и весной.

Главными причинами выхода на протест участники протестной акции на Сахарова (24 декабря 2011 г.) называли «общее недовольство положением дел в стране» (73%), «возмущение фальсификацией выборов» (73%), «недовольство тем,

---

впервые вступили казаки // Ведомости, 06.05.2018. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/05/06/768712-navalnogo-kazaki (дата обращения: 2.05.2021); Протестующие в Санкт-Петербурге перекрыли Невский проспект // Коммерсант, 05.05.2018. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3622298 (дата обращения: 2.05.2021)

Примечание:

Медуза (Meduza) (юридическое лицо, зарегистрированное в Латвийской Республике, SIA «Medusa Project») внесен в Реестр иностранных агентов (23.04.2021. Статья 6 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»).

«Телеканал Дождь» – внесен в Реестр иностранных агентов (20.08.2021. Статья 6 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»; 01.12.2023. Статья 7 Федерального закона от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»).

[975] Евросоюз и США осудили массовые задержания протестующих в России // Currenttime, 6.05.2018. URL: https://www.currenttime.tv/a/29211215.html (дата обращения: 2.05.2021); Заявление пресс-секретаря о реакции российских властей на мирные демонстрации в Российской Федерации // eeas.europa.eu, 5.05.2018. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/44081/node/44081_ru (дата обращения: 2.05.2021)

Примечание: Телеканал Настоящее Время (Currenttime) – русскоязычный телеканал с редакцией в Праге, созданный медиакорпорацией «Радио Свободная Европа/Радио Свобода» при участии «Голоса Америки»; финансируется с помощью грантов Конгресса США через Агентство США по глобальным медиа. Внесен в Реестр иностранных агентов (05.12.2017. Статья 6 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»).

что решения в стране принимаются без их участия» (52%) и «разочарование в медведевской модернизации» (42%)[976].

По большому счету, приведенные варианты являются звеньями цепи одного и того же мотивационного посыла: уверенность протестующих в фальсификации результатов выборов, что вызывает резкое недовольство и, соответственно, распространяется на общее недовольство положением дел, на разочарование в политике действующего президента.

Рассмотрим данные еще одного опроса «Левада-Центра»[977], проведенного 25–29 мая 2012 г. по стране (N=1604). На вопрос: «Как Вы относитесь к проходившим в Москве с 6 мая непрерывным протестным акциям?» лишь 15% россиян высказались одобрительно, 23% – с осуждением, остальные заняли индифферентную позицию или затруднились ответить[978]. Таким образом, 15% – это максимальная целевая аудитория для мобилизации на протест в тот период.

Социологические опросы первой половины 2012 г. показали, что главными побудительными причинами для выхода на акции протеста являются возмущение фальсификациями выборов и накопившееся недовольство положением дел (от 23 до 34% и от 37 до 43% опрошенных, в зависимости от месяца); среди причин выхода на протесты – злоупотребления чиновниками, воровство и коррупции в высших эшелонах власти, социальная несправедливость, авторитарный режим Путина (34%, 28%, 28%, 19% опрошенных, соответственно)[979].

---

[976] Левада-Центр. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты. URL: https://www.levada.ru/2012/10/02/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg/ (дата обращения: 30.01.2021). Внесен Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

[977] Левада-центр (Автономная Некоммерческая Организация «Аналитический Центр Юрия Левады») внесен в Реестр иностранных агентов (05.09.2016. Статья 32 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»).

[978] Левада-Центр. Протестная активность в стране. 07.06.2012. URL: https://www.levada.ru/2012/06/07/protestnaya-aktivnost-v-strane/ (дата обращения: 18.04.2021)

[979] Левада-Центр. Митинги оппозиции – часть 1. 05.07.2012. URL: https://www.levada.ru/2012/07/05/mitingi-oppozitsii-chast-1/ (дата обращения: 18.04.2021)
Опросы Левада-Центра за 1–17 июня (N=1525) и за 21–26 июня 2012 г. (N=1559, 130 населенных пунктов 45 регионов страны в возрасте 18 лет и старше) в дополнение к опросам 18 января и 12 марта 2012 г.

Особенность опроса и характер поставленных вопросов затрудняют оценку отношения самих опрашиваемых к задаваемому вопросу: они высказывают мысль, почему, на их взгляд, другие вышли на протест. Соответственно, респонденты выдавали то мнение, которое было сформировано СМИ и слухами, как протестной направленности, так и антипротестной. Лидеры протеста и сочувствующие СМИ говорили о выступлении против «режима Путина», нарушениях гражданских свобод и конституции, противники протеста высказывались на темы того, что те «зажрались» и «проплачены». Эти два информационных тренда мы и наблюдаем в ответах.

С точки зрения реальных представлений общества и будущих трендов заслуживают интерес 34%, 28% и 16% ответов, по сути, высказавших главную проблему, волнующую общество, – злоупотребления чиновниками и коррупция. (Была возможность выбора нескольких утверждений, поэтому данные не суммируются). К ним же вполне органично вписываются и 28% ответов про социальную несправедливость.

Эти результаты подтверждают, во-первых, основную тему протеста, которая нашла наибольший отклик, – коррупция; во-вторых, «разношерстность» протеста, собравшего от крайне левых до крайне правых; в-третьих, отношение общества к протесту. Еще один интересный момент – это 9%, высказавшихся о начале застойных явлений в стране как причине озабоченности и протеста, тема, которая получит развитие в следующие годы.

С точки зрения высказываемого отношения интервьюируемого к протестам через ответы на вопрос о побудительных мотивах, представляют интерес три блока ответов. Во-первых, на протест выходят из-за недовольства тем, что власть с ними не считается, – 22–28%. Во-вторых, потому что им заплатили – 20% (без изменений в трех опросах январь–июнь). В-третьих, 30% высказались за то, что люди оказались на протестах по сторонним причинам, не имеющим отношения к их убеждениям и направленности протеста: приходят за компанию (11–13%), это любопытно (8–10%), весело и дает острые ощущения (7–8%). Это вполне живописная картина отношения общества к протесту (хотя вопросы не

подразумевали замер такого отношения) и части самих протестующих. Причем если в опросах января и марта 10–12% затруднялись ответить, то в июне 2012 г. затруднились с ответом лишь 1% опрошенных – т.е. респонденты желали отвечать и определились в своих отношениях к протесту.

Показательны представления о симпатиях участников протестов как мотивации к выходу на протест: 4–5% респондентов полагали, что люди вышли на протесты из-за симпатий к организаторам, 11–16% (в зависимости от месяца опроса) считали, что протестующие вышли в поддержку партий, участвующих в митингах[980]. Эти крайне низкие показатели свидетельствуют об отношении к организаторам и лидерам протеста.

Четкую картину в этом вопросе дает опрос 23–26 ноября 2012 г. «Левада-Центра» (N=1596, 130 населенных пунктов 45 регионов по репрезентативной выборке городского и сельского населения, в возрасте 18 лет и старше). Доверие к лидерам оппозиции, согласно этому опросу, колебалось от 2% (Борис Немцов, Борис Акунин[981], Геннадий Гудков[982], Алексей Навальный[983]) до 8% (Сергей Миронов, Михаил Прохоров), 54% респондентов высказали недоверие всем оппозиционным лидерам (затруднились ответить 19% респондентов)[984].

Примечательно, что участники протестных акций принципиально разошлись с большинством населения по вопросам отставки главы ЦИК, президента и перевыборов парламента, но большинство страны – 80% – называли коррупцию одной из главных проблем России[985]. Таким образом, протест и опросы всего населения показали объединяющий лозунг – «борьба с коррупцией», и не случайно, что дальнейший рост популярности только одного из представителей лидеров

---

980 Левада-Центр. Митинги оппозиции – часть 1. 05.07.2012. URL: https://www.levada.ru/2012/07/05/mitingi-oppozitsii-chast-1/ (дата обращения: 18.04.2021)

981 Внесен в реестр иноагентов-физических лиц.

982 Внесен в реестр иноагентов-физических лиц.

983 Внесен в реестр иноагентов-физических лиц.

984 Левада-Центр. Протестная активность в стране. 13.12.2012. URL: https://www.levada.ru/2012/12/13/protestnaya-aktivnost-rossiyan-3/ (дата обращения: 18.04.2021)

985 Левада-Центр. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты. URL: https://www.levada.ru/2012/10/02/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg/ (дата обращения: 30.01.2021)

протеста 2011–2012 гг. – Алексея Навального – связан именно с раскруткой темы коррупции и принятием на себя образа главного борца и обличителя коррупции в России. «Борьба с коррупцией» стала главным лозунгом всех протестов 2017–2021 гг.

Причины «развала» протеста, его спада без оформления в серьезные политические движения и политических результатов, отраженных в выборах, вполне отразились в опросах активистов и лидеров протеста: отсутствие программы действий[986].

Социологические замеры утверждают, что весной 2017 г. социально-психологическое состояние россиян вернулось к докризисному уровню[987]. В мае 2017 г. доля респондентов с позитивным социально-психологическим состоянием составляла, согласно опросам, 54%[988]. Опросы ВЦИОМ на январь 2017 г. давали уровень протестного потенциала в стране близким к нулю[989]. Причем рейтинги президента РФ и партии «Единая Россия», сделанные незадолго до протестных акций в марте, давали исторический максимум[990]. И именно в этот момент произошли первые массовые протестные акции за длительный период времени, которые породили протестные выступления 2017–2021 гг.

Примечательно, что экономический кризис 2008–2009 гг. не стал причиной усиления протестных настроений. То же самое во многом касается и экономического кризиса 2014–2016 гг. Исследования зафиксировали ухудшение социального самочувствия (связанное с кризисными явлениями в экономике и

---

986 Левада-Центр. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты. URL: https://www.levada.ru/2012/10/02/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg/ (дата обращения: 30.01.2021)

987 Горшков М.К. «Есть такая профессия – общество изучать». Избранные статьи, интервью, биографические откровения. Москва: Издательство «Весь Мир», 2020. С. 267-268.

988 Там же. С. 266.

989 ВЦИОМ. Протестный потенциал. 2017. URL: (https://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/) (дата обращения: 30.03.2017)

990 ВЦИОМ. Рейтинги партий, доверия политикам, одобрения работы государственных институтов. 2017. 2.02.2017. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116049 (дата обращения: 30.03.2017); Мамина А. 2017. ВЦИОМ: рейтинги «Единой России» и Путина достигли максимума // Известия. 2.03.2017 (http://izvestia.ru/news/668152) (дата обращения: 30.03.2017)

ухудшением материального положения) в России 2014–2016 гг.[991] Однако это ухудшение не привело к проявлениям массового социального протеста. Возможно, что об этом должны свидетельствовать низкие замеряемые показатели крайних форм недовольства и потенциальной агрессии – 10–13%, согласно исследованиям[992]. 28% – это самая низкая после 2011 г. доля позитивных оценок собственной жизни, и она приходится на 2015 г.[993], но протестные настроения не трансформировались в открытые и массовые формы. Следует учитывать, что упомянутые протестные акции с «экономическим уклоном» организовывались и велись оппозиционными партиями. Этот протест возникал не в связи с экономическими трудностями, а потому что оппозиционные партии активизировали протестные акции, надеясь на рост своих рядов в связи с кризисными явлениями в экономике.

Представляют интерес ответы на вопросы о возможности протестных акций в кризис 2014–2016 гг. Так, например, в опросе 2014 г. «Возможны ли в вашем городе или районе массовые акции протеста против несправедливых действий властей, против падения уровня жизни, в защиту прав и свобод?», несмотря на некоторую провокационность вопроса, который изначально постулирует ухудшение или выстраивает гипотетическую ситуацию такого ухудшения (выйдете на протест, если так случится?), только 27% респондентов предположили возможность протестных акций, 77% были не готовы выйти на протестные акции, и только 16% рассматривали для себя такую возможность[994]. В 2015–2016 гг. 79-80% населения считали, что протестные акции в городах и районах их проживания маловероятны[995]. Лишь 10% россиян рассматривали возможность влияния на

---

[991] Горшков М.К. «Есть такая профессия – общество изучать». Избранные статьи, интервью, биографические откровения. Москва: Издательство «Весь Мир», 2020. С. 266.
[992] Там же. С. 267.
[993] Там же. С. 269.
[994] Акции протеста: атрибуты демократии или признаки кризиса в обществе? // Мониторинг общественного мнения. 2015. № 1 (125). С. 60-61.
[995] Левада-Центр. Россияне не хотят митинговать. 15.11.2016. URL: https://www.levada.ru/2016/11/15/rossiyane-ne-hotyat-mitingovat/ (дата обращения: 18.04.2021)

политическую ситуацию через протестные акции, 83% граждан категорически были не готовы присоединяться к протестным акциям в случае их проявления[996].

Причины такого положения дел, на наш взгляд, следует искать в идеологии, как протестной, так и антипротестной, и действиях властей по повышению рейтинга власти и снижению доверия к протесту.

Сопоставление проявлений массового политического протеста в России и данных социологических опросов, измерявших уровень и факторы тревоги граждан[997], демонстрирует отсутствие прямой взаимосвязи между тревогой по поводу экономического положения и этими протестами. Видимо, не случайно, что протесты 2017–2021 гг. в реальной мотивационной части и триггерах выступлений не имели отношения к экономическим лозунгам, как это было в период 1991–2000 гг., в январе-феврале 2005 г. (акции протеста против монетизации льгот), в феврале 2007 г. (забастовка работников завода «Форд» во Всеволжске), в 2008–2009 гг. (акции протеста во Владивостоке против повышения ввозных пошлин на иномарки), в 2009–2010 гг. (акции протеста в Калининграде против повышения транспортного налога), хотя «экономическая база» вполне могла создавать питательную базу протеста.

Следует обратить внимание, что в 2017 г. «ограничение политических прав и свобод» стало вызывать тревогу у 7% россиян, что свидетельствует о росте с 2% в «нулевых» и 4% в 2010-х[998]. Эти цифры роста вполне вписываются в логику приблизительной социологической оценки тех, кто вышел на протестные акции в 2017 г. и далее и поддержал протест, однако ввиду отсутствия валидных и репрезентативных замеров подкрепить такие выводы представляется проблематичным.

А вот отношение россиян к вопросу о «коррупции и засилью бюрократии», как фактору тревоги и раздражения, представляет, на наш взгляд, обосновательную

---

[996] Левада-Центр. Россияне не хотят митинговать. 15.11.2016. URL: https://www.levada.ru/2016/11/15/rossiyane-ne-hotyat-mitingovat/ (дата обращения: 18.04.2021)

[997] Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян /Под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2018. С. 62.

[998] Там же.

базу к изменению протестных настроений и протестного поведения. На роль среднего уровня подходят данные за 2006–2008 гг. – приблизительно 25% россиян оценивали данные проблемы как вызывающие тревогу и раздражение, 30% – в 2015 г., а вот «взрывные» 2011 и 2017 гг. дали 44% и 37% соответственно[999].

В 2019–2021 гг. возможность протеста населением оценивается высоко – от 25% до 30%. И это неудивительно на фоне регулярных протестов 2017–2021 гг. Несмотря на сложную экономическую ситуацию и падение уровня благосостояния, протест ожидается с политическими требованиями, который превалирует над «экономическим протестом»[1000].

Протест ожидался, так как был анонсирован, при этом население определилось в своей позиции по отношению к протесту за Навального, разделившись на две абсолютно противоположные группы с большим перевесом «против».

Важным маркером в анализе генезиса политического протеста стало изменившееся отношение у россиян к положению дел в стране. В 2020–2021 гг. 50% респондентов полагали, что курс страны правильный, 40% – что страна развивается неверным путем[1001].

Вопрос: «Возможны ли политические протестные акции там, где Вы живете?» 2017 г. после мартовской акции Навального давал в июне–сентябре 21–23% такой уверенности, затем в декабре значения начали падать: 19% в декабре 2017-го, 12% в марте 2018 г. Затем в связи с новыми акциями резко растет их ожидаемость, постепенно затухая: 34% в июле 2018 г., 30% в ноябре 2018 г., 28% в феврале 2019 г., 24% в мае 2019 г. и снова высокие 30% в августе 2019 г.[1002]

---

[999] Там же.

[1000] Левада-Центр. Потенциал протеста с экономическими требованиями. URL: https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/ (дата обращения: 17.04.2021); Левада-Центр. Потенциал протеста с политическими требованиями. URL: https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/ (дата обращения: 17.04.2021)

[1001] 10% затруднились с ответом.
Левада-Центр. Оценка текущего положения дел в стране. URL: https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/ (дата обращения: 17.04.2021)

[1002] Левада-Центр. Протестная активность в стране. 03.09.2019. URL: https://www.levada.ru/2019/09/03/protestnaya-aktivnost-5/ (дата обращения: 18.04.2021)

Очевидно, что отношение к ожидаемости протестных акций зависит от информированности о существовании или планировании таких акций. Соответственно, выдвижение этих показателей в качестве прогнозных малоэффективно.

Уровень готовности россиян принять участие в протестных акциях показывал определенную устойчивость: в 2016 и 2017 гг. примерно 20% россиян были готовы и 80% – не готовы участвовать в протестных акциях. Пик этих показателей отмечался в период кризиса 2008–2009 гг., когда готовность к выходу на протестные акции высказывало до 30% россиян[1003].

Учитывая, что более высокий протестный потенциал 2008–2009 гг., в сравнении с 2011-м и 2017–2018 гг., не дал выплеска открытых форм протеста, следует искать причины либо в замерах такого потенциала, либо в определенных триггерах, на которых срабатывает трансформация протестных настроений в протестные акции.

Очевидно, что разницу составляют «мобилизующие лозунги». Именно их наличие (или отсутствие) и создает возможность перехода от латентного протеста к массовым протестным акциям, причем это вполне может происходить при снижении напряженности в российском обществе, снижении общего уровня протестных настроений и готовности россиян выйти на протестные акции.

Несмотря на высокий уровень доверия к государственным и общественным институтам в России в «посткрымский период», отмечаемый опросами 2017–2018 гг.[1004], начиная с весны 2017 г. Россия сталкивается с ростом проявлений массовых форм социального протеста.

В 2018 г. социологические исследования зафиксировали, что многолетняя ориентация на стабильность в российском обществе начинает меняться на запрос

[1003] Горшков М.К. «Есть такая профессия – общество изучать». Избранные статьи, интервью, биографические откровения. Москва: Издательство «Весь Мир», 2020. С. 273.

[1004] Российское общество осенью 2018-го: тревоги и надежды. Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования. Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2018. URL: https://www.lsras.ru/liles/File/Doklad/Rossiiskoe_obschestvo_osen.vu_2018. pdf (дата обращения: 16.04.2021)

на перемены[1005]. Однако этот запрос в тот период не отразился (или почти не отразился) на оценках действующей власти, и, в первую очередь – президента страны: 47% безусловной поддержки и 39% – «скорее поддерживают»[1006]. Эти исследования подтвердились результатами президентских выборов в марте 2018 г.[1007] Это положение объяснялось тем, что запрос на перемены не носил характера политического, а был связан в основном с общественными представлениями о социальной справедливости и необходимости роста благосостояния[1008].

Общая картина 2019 г.: главные мотивы недовольства и выхода на протест: недовольство положением дел в стране – 41%, недовольство политикой властей – 34%, недовольство недопуском к выборам независимых кандидатов – 28%. 10% опрошенных уверены, что многие пришли на акции потому, что им заплатили, а четверть считают протесты результатом вмешательства Запада. При этом 30% уверены, что никакого вмешательства не было[1009].

В сентябре 2019 г. граждане РФ представляли три четко определившиеся группы отношения к протесту: 23% положительного, 25% отрицательного и почти 50% – нейтрально или безразлично. Большинство среди «позитивных» представляли молодые люди[1010].

Разделившиеся примерно поровну «за» и «против» и огромная доля «безразличных», перекос в сторону молодежи среди положительно настроенных к протесту – это состояния, характерные для протестного взрыва (целый ряд исторических примеров и современные примеры «цветных революций»).

[1005] Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян. М., 2018. С. 329.

[1006] Там же.

[1007] ЦИК РФ. Результаты выборов Президента Российской Федерации. URL: http://www.cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2018/itogi-golosovaniya/ (дата обращения: 17.04.2021)

[1008] См.: Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян /Под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2018. С. 329.

[1009] Левада-Центр. Протестная активность в стране. 03.09.2019. URL: https://www.levada.ru/2019/09/03/protestnaya-aktivnost-5/ (дата обращения: 18.04.2021)

[1010] Левада-Центр. Протестная активность в стране. 03.09.2019. URL: https://www.levada.ru/2019/09/03/protestnaya-aktivnost-5/ (дата обращения: 18.04.2021)

Возможно, что именно эти рассуждения подтолкнули организаторов протеста и заинтересованные стороны к обострению ситуации в 2020 г. Именно в 2020 г. произошло усиление внешнего давления: новый антироссийский санкционный виток, увеличение медийных скандалов по поводу России, история с отравлением Навального и публикация Навальным сделанного в немецкой студии фильма «Дворец для Путина. История самой большой взятки» с обвинением российского президента в коррупции.

Социологические опросы конца января 2021 г. дали следующие результаты. Известность протестов составила 80% – максимальный показатель последних лет. Поддержку действиям протестующих высказали 22% респондентов, 39% высказались негативно, 37% относились безразлично[1011]. Максимальная доля негативно относящихся основным источником информации считают телевидение (64%), максимальная доля позитивно настроенных – среди пользователей телеграм-каналов (45% против 19% с ТВ)[1012].

Зарубежные СМИ заявляли о пике протестных настроений и предрекали победу протеста[1013]. Однако на фоне таких цифр лишь 15% респондентов готовы были выйти на протестные акции (это ниже, чем в 2018 г. в связи с пенсионной реформой)[1014].

Резкий рост в ответах дала «проплаченность» как оценка причин выхода на протест (с 12% до 28% с 2017 г. до 2021 г.) и «за компанию, из любопытства» (с 12% до 25% за тот же период)[1015]. Рост первого показателя может быть обоснован

[1011] Левада-Центр. Январские протесты. URL: https://www.levada.ru/2021/02/10/yanvarskie-protesty/ (дата обращения: 24.04.2021)

[1012] Левада-Центр. Возвращение Алексея Навального. URL: https://www.levada.ru/2021/02/05/vozvrashhenie-alekseya-navalnogo/ (дата обращения: 24.04.2021) 29 января–2 февраля 2021 года (N=1616, от 18 лет и старше, 137 населенных пунктов 50 субъектов РФ).

[1013] См.: Зотова Н. Голубева А. «Левада»: о январских протестах узнало рекордное число россиян, но большинство их не одобряет. 10.02.2021. URL: https://www.bbc.com/russian/news-56008950 (дата обращения: 20.02.2021)

[1014] Левада-Центр. Возвращение Алексея Навального. URL: https://www.levada.ru/2021/02/05/vozvrashhenie-alekseya-navalnogo/ (дата обращения: 24.04.2021); Левада-Центр. Индикаторы. URL: https://www.levada.ru/indikatory/ (дата обращения: 24.04.2021)

[1015] Левада-Центр. Январские протесты. URL: https://www.levada.ru/2021/02/10/yanvarskie-protesty/ (дата обращения: 24.04.2021)

ростом степени информированности о протестных технологиях и «цветных революциях», для второго – длительной изоляцией населения в 2020 г. в связи пандемией COVID-19.

Социальная база протеста.

Социальная структура российского общества прошла периоды серьезной трансформации в постреволюционный период (вплоть до 1960-х гг.), в 1970-е–80-е гг. и на современном этапе (последнее десятилетие XX в. – первые два десятилетия XXI в.), связанном уже с современными процессами глобализации и социальными изменениями.

Исследователи отмечают несколько характерных особенностей современного российского общества. Во-первых, основу социальной структуры составляют те же классы, социальные слои и группы, что и в советском обществе 1980-х гг.: интеллигенция, рабочий класс и крестьянство, – при этом их социальная роль и количественные показатели изменились. Во-вторых, параллельно формируются новые социоструктурные образования: буржуазия, новая бюрократия, менеджеры, свободные профессионалы и др.[1016]

Стратификационная модель современного российского общества, как правило, представляется следующим образом: элита (политическая, экономическая), верхний слой (субэлитные группы), средний слой, базовый слой, нижний слой, «социальное дно»[1017]. Одним из ключевых критериев является уровень материального благосостояния, по которому в современном российском

[1016] Голенкова З.Т. Основные тенденции трансформации социальной структуры современного Российского общества // Вестник РУДН, серия Социология, 2001. № 1. С. 35; Руткевич М.Н. Трансформация социальной структуры Российского общества // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 41-46.

[1017] Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5-23; Исаев Б.А. Социальная структура постиндустриального общества и вероятность революции // Философия и культура информационного общества. Тезисы докладов седьмой международной научно-практической конференции: в 2-х частях. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2019. С. 176-177; Руткевич М.Н. Социальная структура. М.: Альфа-М, 2004. С. 190-229.

обществе выделяют: богатых, состоятельных, обеспеченных, малообеспеченных[1018].

Проблема «среднего класса» (или «средних классов») в современной России является одной из самых дискуссионных, и, в зависимости от методик исследования, численность среднего класса для современной России устанавливается от 3–5% до 50%[1019].

Исследователи справедливо обращают внимание на то, что средний класс в т.н. «западном обществе» имеет свою специфику и отличается от российского

[1018] Голенкова З.Т. Основные тенденции трансформации социальной структуры современного Российского общества // Вестник РУДН, серия Социология, 2001. № 1. С. 38; Исаев Б.А. Социальная структура постиндустриального общества и вероятность революции // Философия и культура информационного общества. Тезисы докладов седьмой международной научно-практической конференции: в 2-х частях. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2019. С. 176-177.
Модель, разработанная Институтом социологии РАН предусматривает 10 социальных страт, в зависимости уровня и качества жизни. Данная модель включает две нижние страты – реальный уровень жизни за чертой бедности (~16%); страту 3 (~16%) – балансирующие на грани бедности; страта 4 – малообеспеченные (~27 %), наиболее типичный уровень жизни, являющийся «срединным» для региона, этот уровень жизни воспринимается как приемлемый прожиточный минимум; страты 5-8 (~33%) – средние слои российского общества, на общем фоне относительно благополучные; страты 9–10 (6-8%) в общественном сознании считаются богатыми (хотя большая их часть по стандартам западных обществ относится к верхним слоям среднего класса) (Горшков М.К. Социальные и политические изменения в трансформирующейся России // Россия: итоги последнего десятилетия (1998–2008) и перспективы развития: сб. ст. /М. Горшков, А. Дынкин, Б. Макаренко и др.; под общ. ред. Г. Горцка, Р. Крумма. М.: РОССПЭН, 2010. С. 165-167, 169).

[1019] См.: Авраамова Е.М. Средний класс эпохи Путина // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 28-36; Батуренко С.А. Средний класс в современном российском обществе: проблемы и основные достижения эмпирических исследований // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 22 (1). С. 44–61; Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Квачев В.Г. О критериальной идентификации российских средних классов // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 118–125; Григорьев Л.М. Внутренние противоречия формирования среднего класса в России // Уровень жизни населения регионов России. 2008. №11-12. С. 99-103; Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002; Заславская Т.И., Громова Р.Г. К вопросу о «среднем классе» российского общества // Мир России. 1998. Т. VII. № 4(20). С. 3–22; Малева Т.М., Бурдяк А.Я. Средний класс: эмпирические измерения социальной мобильности поколений в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 4(32). С. 62–85; Орлова Н.В., Лаврова Н.А. Российский средний класс: особенности структуры и финансовое поведение // Вопросы экономики. 2020. №11. С. 32-46; Среднедоходные слои в России и Китае: положение, динамика, особенности мировоззрения /Под ред. М.К. Горшкова, Ли Пэйлиня, П.М. Козыревой, Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Новый хронограф», 2018; Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований /Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2016.

среднего класса (как и большинства других обществ). Средний класс западных социумов является особым социальным субъектом, для которого характерно не только объединение по определенным профессиональным группам, средним доходам и уровню жизни, но и выполнение различных социальных функций, в числе которых обеспечение устойчивости общества, ретрансляция национальных норм и ценностей и др.[1020]

К определению границ российского среднего класса, включению в него того или иного представителя общества чаще всего применяют следующие критерии оценки: уровень образования, профессиональный статус, уровень благосостояния, самоидентификация. Причем первый в пороговых значениях должен быть не ниже среднего специального образования, второй – связан с принципом нефизического характера труда; определение четвертого, несмотря на то, что сильно зависит от методик и принципов исследования, может с некоторыми оговорками сводиться к выработанному наукой принципу, а вот третий представляет наиболее спорную и дискуссионную часть этих критериев в современной науке[1021].

Разница в подходах и выводах диктуется в том числе тем фактом, что российский средний класс не является однородным. (Отсюда, в том числе, и функционирование понятия «средние классы»). Представляет интерес подход, выработанный Институтом социологии РАН, в котором выделяются две подгруппы в общем понятии «средний класс»: ядро класса (относительно устойчивое социальное образование с наиболее выраженными качественными особенностями) и периферию ядра (где эти характерные свойства и их устойчивость постепенно ослабевают)[1022]. Опираясь на выработанную методику и критерии, данный подход позволяет прийти к выводам, что наибольший вес в российском среднем классе имеют молодые поколения (представители молодого и среднего возраста): возрастная группа 31-40 лет составляет 27% в общем

[1020] Горшков М.К. «Есть такая профессия – общество изучать». Избранные статьи, интервью, биографические откровения. Москва: Издательство «Весь Мир», 2020. С. 121.
[1021] Там же.
[1022] См.: Горшков М.К. «Есть такая профессия – общество изучать». Избранные статьи, интервью, биографические откровения. Москва: Издательство «Весь Мир», 2020. С. 122.

количестве, 40% в ядре среднего класса. Преобладают граждане с высшим образованием (включая незаконченное высшее) – 65%, среднее специальное – 35%. Около половины представителей ядра среднего класса составляют горожане, выходцы из семей с высоким уровнем образования[1023]. Важным выводом для оперирования понятием средний класс в России является тот факт, что этот социальный субъект на современном этапе развития представляет собой «зону встречи» двух эпох: советской и постсоветской, представляющих различные требования, квалификационные стандарты и, что наиболее важно в рассматриваемых нами темах, – разный образ мышления[1024]. Важным моментом также является дифференциация внутри среднего класса, которая определяется по месту проживания – мегаполисы-провинция, и возрастными различиями (поколенческими)[1025].

В данной работе, с точки зрения социальной базы протеста, «средний класс» понимается согласно изложенным положениям и соображениям и в самом широком значении, которое вкладывается в это понятие исследователями.

2 и 15 марта 2015 г. прошли две т.н. «антивоенные манифестации» против «ввода российских войск на территорию Украины». На акции 15 марта организаторы ожидали 50 тыс., по данным МВД вышло 5 тыс., Рейтер написало о 20 тыс. участников[1026]. Участники этих протестов – это ядро протестных акций 2011–2012 гг. и групп старше 30 лет в протестах 2018–2021 гг. – средний класс (в самом широком понимании) с либеральными взглядами.

Опросы «Левада-Центра» участников митингов 24 декабря 2011, 4 февраля и 15 сентября 2012 года позволили создать определенный портрет протестующих.

[1023] Там же.

[1024] См.: Горшков М.К. «Есть такая профессия – общество изучать». Избранные статьи, интервью, биографические откровения. Москва: Издательство «Весь Мир», 2020. С. 127.

[1025] См.: Горшков М.К. Социальные и политические изменения в трансформирующейся России // Россия: итоги последнего десятилетия (1998–2008) и перспективы развития: сб. ст. /М. Горшков, А. Дынкин, Б. Макаренко и др.; под общ. ред. Г. Горцка, Р. Крумма. М.: РОССПЭН, 2010. С. 168.

[1026] Anti-war protesters march through Moscow // DW.com. URL: https://www.dw.com/en/anti-war-protesters-march-through-moscow/a-17938261 (дата обращения: 30.04.2021)

На митинге на Чистых прудах и на Болотной площади в декабре 2011 г. преобладала молодежь. Однако 24 декабря 2011 г. и 4 февраля 2012 г. большинство представляли уже люди среднего возраста. По данным «Левада-Центра», возрастная группа 18–24 составляла около пятой части участников, как и возрастная группа старше 55 лет. Т.е. группа 25–54 лет составляла 60%. Вопросы здесь к возрастному распределению: молодежью может считаться возрастная группа до 30 лет (и официально так и считается). Определить, сколько в группе 25–54 было молодых людей в возрасте 25–30 лет, из данного опроса не представляется возможным. Согласно тем же опросам, мужчин на протесте было больше, чем женщин: 65 на 35%, а людей с высшим образованием среди протестующих было около 80%[1027].

Проводившие замеры полагают, что с точки зрения материального достатка большинство протестующих следует относить к зажиточным и состоятельным россиянам, так как около 40% отвечали, что могут позволить себе дорогие вещи, а около 25% утверждали, что могут позволить себе купить автомобиль. 5% респондентов, по их утверждениям, относятся к категории, которая «ни в чем себе не отказывает». Исследователи суммируют эти три группы и получают 70% и более для декабрьских и февральских акций. Примечательно, что три группы наименее обеспеченных: 1) «не хватает денег на продукты», 2) «хватает на продукты, но затруднения с покупкой одежды», 3) «денег хватает только на продукты и одежду», – составляли суммарно 28% митингующих в декабре и 32% – в феврале[1028].

Анализ информативности данных замеров вызывает сложности. Во-первых, потому что вербализуемые запросы и возможности могут не совпадать с реальными по целому ряду причин. Во-вторых, сложно провести грань между «могут позволить себе дорогие вещи» и «хватает только на еду и одежду» – вопрос в восприятии понятия «дорогие вещи» и в актуализируемом психологическом

[1027] Левада-Центр. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты. URL: https://www.levada.ru/2012/10/02/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg/ (дата обращения: 30.01.2021)
[1028] Там же.

состоянии негативизации (или целенаправленного занижения) собственного материального положения. Так же как возможен вариант в завышении такого положения. «Возможность купить автомобиль» тоже представляет достаточно расплывчатый показатель: какого уровня, с привлечением кредита или без – в конце концов, это может означать возможность первоначального взноса в 30–50 тыс. рублей, а может и нескольких сотен тысяч. Из представленных данных можно заключить, что протест объединил людей действительно различных групп по материальному положению, но точно дифференцировать их не представляется возможным.

Представляет особый интерес политическая самоидентификация протестующих 2011 г. В декабре-феврале преобладали те, кто называл себя «демократами» – более 30% и «либералами» – около 30%. «Коммунистами» называли себя от 13% до 18%, «социал-демократами» до 10%, «националистами» были от 6% до 14%. Показательными являются ответы участников о солидарности с оппозиционными партиями – как мотиве участия в митинге на Сахарова: 15% респондентов высказали симпатии оппозиционным партиям, 13% – организаторам митинга, среди которых наибольшим доверием пользовались не профессиональные политики, а Леонид Парфенов (журналист), Алексей Навальный (гражданский активист), Борис Акунин (писатель) и Юрий Шевчук (музыкант)[1029].

Протестное движение конца 2011-го – мая 2012 г. получило в СМИ и среди ряда экспертов и исследователей название «восстание среднего класса» и «бунт креативного класса». Несмотря на отсутствие репрезентативных исследований и возражения ряда экспертов (основывающихся на той же базе или ее отсутствии)[1030], представляется, что в массе своей такая оценка является верной. Принципиальными здесь являются представления протестующих о самих себе и о протесте, картину которых дают опросы: протест образованной и более

[1029] Левада-Центр. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты. URL: https://www.levada.ru/2012/10/02/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg/ (дата обращения: 30.01.2021)

[1030] Бикбов А. Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 – июнь 2012) // Laboratorium. 2012. № 2. С. 151-152.

привилегированной страты, движение немногочисленного в России (вестернизированного) среднего класса[1031]. Этот средний класс (или креативный класс) точно не представлял 100% протеста, но эмпирически точно представлял большинство. А учитывая размытость границ понятия «средний класс» для России и уж тем более понятия «креативный класс», можно с уверенностью говорить о подавляющем большинстве, если взять максимальные границы указанных понятий.

Протесты 2011–2012 гг. были массово поддержаны творческой и интеллектуальной интеллигенцией. О высоком образовательном уровне участников протеста говорили замеры и интервьюеры различных организаций (высшее образование – до 75% участников)[1032].

Митинги 20 июля и 10 августа 2019 г. на проспекте Сахарова стали самыми массовыми после акций 2011–2012 гг. 20 июля вышло от 12 до 20 тыс. протестующих, 10 августа в Москве вышли 20 тысяч, по данным полиции, 50 тыс. – по данным организаторов[1033]. Акция 29 сентября в Москве уже дала падение массовости: по данным и официальным, и оппозиционеров, было 20–25 тысяч протестующих[1034].

[1031] См.: Магун А. Протестное движение 2011–2012 годов в России: Новый популизм среднего класса // Stasis. 2014. Vol. 2. № 1. С. 206-207.

[1032] Бикбов А. Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 – июнь 2012) // Laboratorium. 2012. № 2. С. 130; Магун А. Протестное движение 2011–2012 годов в России: Новый популизм среднего класса // Stasis. 2014. Vol. 2. № 1. С. 206.

[1033] Мэрия Москвы согласовала митинг в поддержку оппозиционных кандидатов // Радио Свобода, 15.07.2019. URL: https://www.svoboda.org/a/30056835.html (дата обращения: 2.05.2021); Пятин А. Митинг на Сахарова стал крупнейшим по числу участников // Forbes, 10.08.2019. URL: https://www.forbes.ru/obshchestvo/381623-miting-na-saharova-stal-krupneyshim-po-chislu-uchastnikov (дата обращения: 2.05.2021); Фохт Е., Зотова Н. "Это наш город!" Как прошел митинг за свободные выборы в Мосгордуму // Русская служба Би-би-си, 20.07.2019. URL: https://www.bbc.com/russian/features-49058804 (дата обращения: 2.05.2021)

[1034] Захаров А., Архипова А. Как изменился протест // Ведомости, 30.09.2019. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/09/30/812372-kak-izmenilsya-protest (дата обращения: 2.05.2021)

10 августа и 29 сентября доля молодых людей составляла чуть больше 20%[1035]. Следует отметить, что доля молодых участников таких протестных митингов довольно стабильна: на акции 24 декабря 2011 г. на Сахарова было около 30% – это пик[1036]. Исключением стал феномен протестов школьников в 2017 г. Бóльшую часть протестующих составляли мужчины: 57% – 29 сентября и 64% – 10 августа[1037]. Две трети участников – люди с высшим образованием[1038].

Замеры показали, что костяк участников составили «ветераны»[1039]. 47% участников назвали себя постоянными участниками протестных акций, впервые на Сахарова в протесте принимали участие 17%, еще 9% начали делать это в течение прошедшего месяца (т.е. 26% в сумме абсолютных новичков)[1040]. Количественные показатели участников и предыдущие примеры тоже подтверждают мысль, что на митинг 29 сентября пришли те, кто составляет «ядро» этого протестного движения.

С точки зрения рассматриваемых вопросов данные социологических исследований 2017 г. позволяли исследователям делить население России на три возрастные группы: 18–30 лет, 31–50 лет и старше 50 лет. Первая группа в массе своей позитивно оценивала свою жизнь (41%), вторая группа давала лишь 28%

[1035] Захаров А., Архипова А. Как изменился протест // Ведомости, 30.09.2019. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/09/30/812372-kak-izmenilsya-protest (дата обращения: 2.05.2021); Захаров А., Архипова А. Кто пришел на проспект Сахарова // Ведомости, 11.08.2019. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/08/11/808586-prishel-saharova (дата обращения: 2.05.2021)

[1036] Захаров А., Архипова А. Как изменился протест // Ведомости, 30.09.2019. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/09/30/812372-kak-izmenilsya-protest (дата обращения: 2.05.2021)

[1037] Захаров А., Архипова А. Как изменился протест // Ведомости, 30.09.2019. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/09/30/812372-kak-izmenilsya-protest (дата обращения: 2.05.2021); Захаров А., Архипова А. Кто пришел на проспект Сахарова // Ведомости, 11.08.2019. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/08/11/808586-prishel-saharova (дата обращения: 2.05.2021)

[1038] Захаров А., Архипова А. Как изменился протест // Ведомости, 30.09.2019. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/09/30/812372-kak-izmenilsya-protest (дата обращения: 2.05.2021)

[1039] Там же.

[1040] Захаров А., Архипова А. Кто пришел на проспект Сахарова // Ведомости, 11.08.2019. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/08/11/808586-prishel-saharova (дата обращения: 2.05.2021)

позитивного настроя, а третья – 17%[1041]. Согласно опросам общественного мнения, наибольшая доля счастливых людей (29% однозначно счастливых) проявлялась среди молодежи в возрасте 18–30 лет. В возрастной категории «31–40 лет» доля счастливых уже составляла до 20%, а в следующих категориях падала до 15%[1042].

При этом на мартовские протесты 2017 г. А. Навальный вывел «школьников» – старшие классы школ. С одной стороны, приведенные цифры замеров могут объяснить, почему в этот раз это была не молодежь в возрасте 18–30 лет, а с другой стороны, возникает вопрос: дают ли подобные замеры в принципе материал для оценки возможности выплеска протестных настроений, потому что согласно такой логике протестовать выйти должны были возрастные категории старше 30 лет и особенно старше 40 лет.

Январские акции протестов 2021 г. имели своим ядром возрастную группу 25–35 лет (мужчины – 55%, женщины – 45%)[1043]. Основная масса одобряющих и поддерживающих протестные акции в интервью – это представители возрастной группы «18–24 года» и «пользователи телеграм-каналов» (51% – положительное отношение). Категория «пользователи социальных сетей» не дает однозначной позиции как единой группы: 31% высказали положительное отношение к протестующим, 28 – отрицательно и 39 % – индифферентно. То есть здесь важен принцип какая социальная сеть, но и здесь, кроме «Телеграма» не наблюдается единство аудитории. Те, кто основным источником информации называл телевидение, в массе своей имеют отрицательное отношение к протестующим (48%) и безразличное (36%). Приближающуюся к этим показателям картину дают интернет-издания: 32% – отрицательно, 39% – безразлично. Учитывая, что «интернет-издания» здесь это и традиционные СМИ в конвергентных формах[1044].

[1041] Горшков М.К. «Есть такая профессия – общество изучать». Избранные статьи, интервью, биографические откровения. Москва: Издательство «Весь Мир», 2020. С. 268-269.
[1042] Там же. С. 267.
[1043] Социологи обрисовали краткий портрет протестующих в Москве. 23.01.2021. URL: https://yandex.ru/turbo/business-gazeta.ru/s/news/496622 (дата обращения: 20.02.2021)
[1044] Левада-Центр. Январские протесты. URL: https://www.levada.ru/2021/02/10/yanvarskie-protesty/ (дата обращения: 24.04.2021)

Фактор направленного коммуникационного воздействия.

Протесты 2011 г. объединили различные политические группы и партии: «Левый фронт», «Справедливая Россия», национал-большевики, различные националистические организации, либералы – из непарламентской оппозиции и КПРФ и ЛДПР – парламентская оппозиция. Протест соединил в организаторах и лидерах протеста абсолютно несоединимых людей: Сергей Удальцов, Григорий Явлинский, Эдуард Лимонов, Алексей Навальный, Борис Немцов, Владимир Рыжков, Леонид Парфенов, Юрий Шевчук, Дмитрий Быков, Борис Акунин[1045], Гарри Каспаров[1046], Михаил Касьянов[1047], Виктор Шендерович[1048], Артемий Троицкий[1049] и др.

Оппозиция как системная, так и та, что назвала себя «несистемной», преследовала очевидную цель влияния на президентские выборы, которые прошли 4 марта 2012 г.: снижение результата в пользу В.В. Путина. По итогам голосования 4 марта 2012 г. В.В. Путин победил в первом туре с результатом 63,6% голосов избирателей[1050]. Существует позиция, что фальсификации на выборах 2011 г. «не были больше или циничнее», чем на предыдущих выборах, а в стране не было крупных оппозиционных партий, способных организовать протест, протест вырвался наружу после публикаций в «Фейсбуке» и «ВКонтакте», «отчетов о фальсификациях независимых наблюдателей»[1051]. То, что Путин в любом случае набрал более 50% голосов, признают даже ярые противники и протестующие против фальсификаций[1052].

[1045] Внесен в реестр иноагентов-физических лиц.

[1046] Включен в «Перечень физических лиц и организаций, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму»; внесен в реестр иноагентов-физических лиц.

[1047] Внесен в реестр иноагентов-физических лиц.

[1048] Внесен в реестр СМИ-иноагентов.

[1049] Внесен в реестр иноагентов-физических лиц.

[1050] ЦИК РФ. Выборы Президента Российской Федерации в 2012 году. Итоги голосования. URL: http://www.cikrf.ru/banners/prezident_2012/itogi/index.php (дата обращения: 17.04.2021)

[1051] Магун А. Протестное движение 2011–2012 годов в России: Новый популизм среднего класса // Stasis. 2014. Vol. 2. № 1. С. 195.

[1052] См.: Магун А. Протестное движение 2011–2012 годов в России: Новый популизм среднего класса // Stasis. 2014. Vol. 2. № 1. С. 195.

Абсолютная несоединимость организаторов и лидеров протеста, исчезновение единой повестки (отмена результатов парламентских выборов и снижение голосов за Путина на президентских выборах), спад протестной активности в связи с усталостью от протеста привели к сворачиванию протестных акций.

Объединяющий лозунг мобилизации сторонников: непризнание итогов выборов и перевыборы – в конце концов, был нивелирован отсутствием общей позиции и программы, недееспособностью т.н. координационного совета, призванного управлять протестом и расширять его[1053].

Одна из проблем протестного движения в России заключается в дистанцировании от всего населения, от большинства: с одной стороны, участники протеста отождествляют себя с народом, с другой – проводят разграничительную линию между собой как «креативным классом» и теми, кому «колбасы и хлеба», между протестной и консервативной Россией[1054].

Справедливо отмечается исследователями, что публичную ассоциацию протестующих себя с народом следует отнести к популизму движения[1055], на самом деле участники представляют себя как народ[1056]. С такой технологией мы уже сталкивались в предыдущих исторических примерах, начиная с Русской революции. Здесь же эта технология не дает большого эффекта, значит, она либо

[1053] См.: Савельева Н. Единство разных: репрезентация и популизм в движении «За честные выборы» // Социология власти. 2013. № 4. С. 59, 63.

[1054] Бикбов А. Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 – июнь 2012) // Лабораториум. 2012. № 2. С. 130-163; Магун А., Журавлев О. Новый популизм: как протестному движению выжить в 2013 году и добиться успеха в 2014-м // Slon.ru. 2012. 27декабря. URL: https://republic.ru/posts/28143 (дата обращения: 18.04.2021); Панюшкин В. Что общего у меня с народом // Проект «Сноб», 3 апреля 2012. URL: http:// www.snob.ru/selected/entry/47631 (дата обращения: 18.04.2021); Савельева Н. Единство разных: репрезентация и популизм в движении «За честные выборы» // Социология власти. 2013. № 4. С. 71-72; Smyth R. Elections, Protest, and Authoritarian Regime Stability: Russia 2008–2020. Cambridge University Press, 2020. P. 171.

[1055] Магун А. Протестное движение 2011–2012 гг.: новый популизм среднего класса // Stasis. 2014. Т. 2, № 1. С. 192-226; Магун А., Журавлев О. Новый популизм: как протестному движению выжить в 2013 году и добиться успеха в 2014-м // Slon.ru, 27декабря 2012. URL: https://republic.ru/posts/28143 (дата обращения: 18.04.2021)

[1056] Савельева Н. Единство разных: репрезентация и популизм в движении «За честные выборы» // Социология власти. 2013. № 4. С. 72.

неверно используется, либо не имеет социальной базы (отсутствие доверия к лидерам протеста, отсутствие симпатий к протесту и т.д.).

В протесте 2011–2012 гг. наблюдается искусственный союз сил от коммунистической до либеральной идеологической базы. Нарушение традиционного принципа единой идеологии протеста (по крайней мере, единого направления), с одной стороны, дало возможность увеличения массы протеста, с другой стороны – не позволяло сделать эту массу однородной в своих требованиях, а протест долгоиграющим.

Эти протесты продемонстрировали отсутствие серьезной и большой идеологии, эффективность простых лозунгов, ограниченность роста массы протеста, быстротечность протестов и невозможность долгосрочного союза в рядах протестующих.

Представляет интерес анализ упоминания «народа» в лозунгах, выступлениях, агитационных материалах: 1) народ как правовая инстанция, как русская нация (для мотивации националистической направленности); 2) как «простые люди», противовес «зажравшимся элитам»; 3) «Власть принадлежит народу по Конституции», «Власть народу, а не политикам», «Власть простому народу», «Вся власть народу»[1057]. Средний класс и интеллигенция апеллируют к народу, представляют себя как народ (все общество, его подавляющее большинство), используют уже известные нам по ранее рассмотренным примерам технологии в области идеологии и ее продвижения.

Основное освещение протестных акций, в том числе с задачами направленного коммуникационного воздействия, было реализовано через социальные сети и зарубежные массмедиа, преимущественно западные.

Интересным представляется тот факт, что западные СМИ, активно раскручивавшие протест в России в декабре 2011-го – марте 2012 г., достаточно вяло поддержали «марши миллионов» – как 6 мая, так 12 июня и 15 сентября.

[1057] См.: Магун А. Протестное движение 2011–2012 годов в России: Новый популизм среднего класса // Stasis. 2014. Vol. 2. № 1. С. 211.

Причины этого, скорее всего, лежали в том, что протест в России стал рядовым явлением, и от него устала западная публика[1058]. Но следует обратить внимание и на другие факторы. Западные СМИ признавали очевидность того, что в России протест шел на спад[1059]. Более того, как отметили ряд западных СМИ, 6 мая протестующие состояли из пестрой группы, в которой преобладали «леваки» и националисты, которые и пошли на столкновение с силами правопорядка[1060], а такие действия не могли найти поддержку и преподноситься как демократизация России.

Не случайно и организаторы протестных акций, и СМИ сравнивали протестные акции декабря 2011-го – мая 2012 г. с цветными революциями, особенно с украинским Майданом 2004 г., называя эти события «болотная революция» и «снежная революция»[1061]. Многие технологии «цветных революций» использовались в протестах 2011–2012 гг. в России, как те, что уже были «обкатаны» ранее, так и те, которым еще предстоит сработать, особенно на Украине в 2013–2014 гг.

Главный источник информации об акциях протеста 2011 г. для самих участников (около 70% респондентов) – интернет-среда; «друзья и знакомые» как источник информации – ~ 1/3, радио – ~ 1/4, телевидение – 17–18%, газеты – 15–

[1058] Почти рядовое явление. Иностранные СМИ вяло отреагировали на беспорядки в Москве // Лента.ру, 7 мая 2012. URL: https://lenta.ru/articles/2012/05/07/media/ (дата обращения: 24.04.2021)

[1059] Barry E. Schwirtz M. Arrests and Violence at Overflowing Rally in Moscow // The New York Times, 6 May 2012. URL: https://www.nytimes.com/2012/05/07/world/europe/at-moscow-rally-arrests-and-violence.html?_r=1 (дата обращения: 24.04.2021)

[1060] Walker S. Hundreds arrested as protests greet Vladimir Putin inauguration. Violent clashes in Moscow as Russian leader prepares to be sworn in as President // The Independent, 07 May 2012. URL: https://www.independent.co.uk/news/world/europe/hundreds-arrested-protests-greet-vladimir-putin-inauguration-7718704.html (дата обращения: 24.04.2021)

[1061] См.: Биддер Б., Оффенберг А. Протест против Путина: «снежная революция» в России тает // Der Spiegel, 12.03.2012. URL: https://www.inopressa.ru/article/12mar2012/spiegel/kremlin1.html (дата обращения: 24.04.2021); Высокий градус русской зимы. Мировые СМИ о «снежной революции» в России // Газета.ру, 12.12.2011. URL: https://www.gazeta.ru/politics/elections2011/2011/12/12_a_3924718.shtml (дата обращения: 24.04.2021)

18%. Для большинства населения главный информационный источник о протестах – телевидение – 81% (для ~ 13% – Интернет)[1062].

При этом доля респондентов, отвечавших положительно на вопрос о готовности выхода на протестные акции, не различалась среди «пользователей Интернета» и всем населением: декабрь 2011 г. – около 13–14%, март 2012 г. – 8–9%[1063].

Важным источником по формированию социального портрета протестующих и особенностям медиакоммуникаций являются данные социологических опросов, предоставляющих срез представителей на протестных акциях пользователей различных социальных сетей. Согласно таким данным, пользователи «Фейсбука» составляли в первом митинге на Болотной площади около 36 тысяч, а на проспекте Сахарова в декабре – 54 тысячи[1064]. Методика и точность этих подсчетов вызывают вопросы, однако можно констатировать, что большая доля участников являлась пользователями «Фейсбук» и мобилизована через эту социальную сеть.

Функции управления протестом в России в 2017–2021 гг. берет на себя НКО «Фонд борьбы с коррупцией» Алексея Навального существующий в большой части на средства зарубежного финансирования[1065].

Акция Навального 26 марта 2017 г. не имела массовости и медийной поддержки внутри страны, при этом получила широкое позитивное освещение в крупнейших западных СМИ: Рейтер, «Вашингтон Пост», «Вашингтон Таймс»,

---

[1062] Левада-Центр. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты. URL: https://www.levada.ru/2012/10/02/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg/ (дата обращения: 30.01.2021)

[1063] Левада-Центр. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты. URL: https://www.levada.ru/2012/10/02/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg/ (дата обращения: 30.01.2021)

[1064] Левада-Центр. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты. URL: https://www.levada.ru/2012/10/02/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg/ (дата обращения: 30.01.2021)

[1065] С 20 июля 2020 года переименован в «Фонд защиты прав граждан». Включен в «Перечень физических лиц и организаций, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму».

«Нью-Йорк Таймс», «Гардиан», «Таймс», «Сандэй Таймс», «Либерацион»[1066] и др.[1067]

Исследователи сразу обратили внимание, что в отличие от протестов 2011–2012 гг., когда главной социальной сетью протеста был «Фейсбук», в 2017 г. основным инструментом мобилизации стала «ВКонтакте». Горизонтально информация с мотивацией на протестный выход распространялась через мессенджеры WhatsApp и Telegram[1068].

10 августа и 29 сентября 2019 г. главным информационным источником об акции стали социальные сети: 64% узнали о митинге из «Фейсбука», «Инстаграма», «ВКонтакте», «Телеграма», «Ютюба». Личное общение как информационный источник составило 14% (от знакомых, родных или соседей), чуть больше повлияли радио, телевидение, газеты и «Твиттер» – 17% респондентов. Самой популярной соцсетью протеста стал «Фейсбук» – 29% опрошенных[1069].

[1066] Reuters, The Washington Post, The Washington Times, The New York Times, La Liberation, The Guardian, The Times, The Sunday Times.

[1067] «Старшеклассники танцевали и смеялись среди полицейских кордонов». Зарубежные СМИ – об антикоррупционных митингах в России // Коммерсантъ, 27.03.2017. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3254291 (дата обращения: 2.05.2021); Кремль на развилке: каковы последствия протестных акций по всей России // РБК, 26 мар 2017. URL: https://www.rbc.ru/politics/26/03/2017/58d7c6f39a7947448a1a3f45?from=subject (дата обращения: 2.05.2021); Протестная карта России. Сколько людей вышли на улицы 26 марта и что с ними стало: исследование «Медузы» и «ОВД-Инфо» // Медуза, 7 июня 2017. URL: https://meduza.io/feature/2017/06/07/protestnaya-karta-rossii (дата обращения: 2.05.2021); Filipov D. Russian police arrest anti-corruption leader Navalny, hundreds more in nationwide rallies // The Washington Post, March 26, 2017. URL: https://www.washingtonpost.com/world/russian-police-arrest-protesters-at-nationwide-anti-corruption-rallies/2017/03/26/11208e46-10a1-11e7-aa57-2ca1b05c41b8_story.html (дата обращения: 2.05.2021); Parfitt T. Mass arrests as anti-Putin protests sweep Russia // The Sunday Times, March 27, 2017. URL: https://www.thetimes.co.uk/article/mass-arrests-as-anti-putin-protests-sweep-across-russia-j38sxj58j?region=global&--xx-meta=denied_for_visit%3D0%26visit_number%3D0%26visit_remaining%3D0%26visit_used%3D0&--xx-mvt-opted-out=false&--xx-uuid=22d20e61ecbd171fb79483c8044140ef&ni-statuscode=acsaz-307 (дата обращения: 2.05.2021); Pinchuk D., Shurmina N. Russian police detain opposition leader, hundreds of protesters // Reuters, March 26, 2017. URL: https://www.reuters.com/article/us-russia-protests-idUSKBN16X0G8 (дата обращения: 2.05.2021)

[1068] Корня А. Активнее всего 26 марта протестовали там, где была низкая явка на выборы. А мобилизация протеста шла по горизонтали, выяснили аналитики // Ведомости, 31 марта 2017. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/03/31/683528-aktivnee-protestovali (дата обращения: 2.05.2021)

[1069] Захаров А., Архипова А. Как изменился протест // Ведомости, 30.09.2019. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/09/30/812372-kak-izmenilsya-protest (дата обращения: 2.05.2021)

В отношении 23 января 2021 г. организаторы заявили о протестных акциях в 198 городах России и 95 городах за рубежом, по 31 января – о 121 акции в России и 65 за рубежом, количество участников от 110 до 300 тыс.[1070] Здесь наблюдается типичное «создание картинки» протеста, его массовости и огромной поддержки «всей мировой общественностью». В реалиях протесты имели место в нескольких городах России и действительно носили массовый характер, при этом самая массовая акция, как обычно, прошла в Москве и собрала до нескольких десятков тысяч человек. МВД оценило акцию 23 января в Москве в 4 тыс. человек, Рейтер – в 15–40 тыс.[1071] Максимум в 10–20 тыс. человек в Санкт-Петербурге – втором

[1070] В акциях «Свободу Навальному» по всей России приняли участие минимум 110 тысяч человек // mbk-news, 23.01.2021. URL: https://mbk-news.appspot.com/news/100k-vishli-na-ulici/ (дата обращения: 25.04.2021); Варум Р. Акции 31 января оказались сравнимыми с первой волной митингов. В некоторых городах вышло еще больше людей // Открытые медиа, 31.01.2021. URL: https://openmedia.io/news/n3/akcii-31-yanvarya-okazalis-sravnimymi-s-pervoj-volnoj-mitingov-v-nekotoryx-gorodax-vyshlo-eshhe-bolshe-lyudej/ (дата обращения: 25.04.2021); На акции 21 апреля вышли от 51,3 тысячи до 120 тысяч человек // mbk-news, 22.01.2021. URL: https://mbk-news.appspot.com/news/naakcii/ (дата обращения: 25.04.2021); Протесты 23 января. Главное // Коммерсант, 23.01.2021. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4661089 (дата обращения: 25.04.2021); Штабы Навального подсчитали участников протестов 23 января – до 300 тыс. // NewsRu, 24 января 2021. URL: https://www.newsru.com/russia/24jan2021/250k.html (дата обращения: 25.04.2021); Шубин М. «Свободу Навальному»! Итоги всероссийской акции протеста 23 января // ovdinfo.org, 23.01.2021. URL: https://ovdinfo.org/articles/2021/01/23/svobodu-navalnomu-itogi-vserossiyskoy-akcii-protesta-23-yanvarya (дата обращения: 25.04.2021); Шубин М. Вторая всероссийская акция протеста «Свободу Навальному». Итоги 31 января // ovdinfo.org, 31.01.2021. URL: https://ovdinfo.org/articles/2021/01/31/vtoraya-vserossiyskaya-akciya-protesta-svobodu-navalnomu-itogi-31-yanvarya (дата обращения: 25.04.2021); Яковлев В., Варум Р., Мишина В. На митинги за Навального 23 января вышли больше 250 тысяч человек – глава сети штабов Леонид Волков // Openmedia, 24.01.2021. URL: https://openmedia.io/news/n2/na-mitingi-za-navalnogo-23-yanvarya-vyshli-bolshe-250-tysyach-chelovek-glava-seti-shtabov-leonid-volkov/ (дата обращения: 25.04.2021)

Примечания:

«МБХ медиа» – российское сетевое издание. Основано в декабре 2017 года Михаилом Ходорковским, закрыто 5 августа 2021 года.

«Открытые медиа» – русскоязычное эстонское интернет-издание, существовавшее с 2017 по 2021 год; заблокировано Роскомнадзором 4 августа 2021 года.

Медиапроект «ОВД-Инфо» внесен в Реестр иностранных агентов (29.09.2021. Статья 29.1 Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»)

[1071] МВД оценило число участников акций в поддержку Навального // kommersant.ru, 21 апреля 2021. URL: https://kommersant-ru.turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/4782917?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile (дата обращения: 24.04.2021); МВД оценило число участников акции в поддержку Навального в Москве» // РБК, 24.01.2021. URL: https://www.rbc.ru/politics/24/01/2021/600db7239a7947b8a9481842 (дата обращения: 21.02.2021)

максимальном выплеске протеста – и от нескольких десятков и сотен человек до нескольких тысяч протестующих в других городах России[1072] очевидно не дотягивали в сумме до 100 тысяч даже по всей стране.

В феврале происходит резкое падение количества участников. Цепной реакции «цветных революций» не происходит в связи с реакцией власти и деятельностью правоохранительных органов.

Акции 21 апреля 2021 г. собрали, по официальным оценкам: в Москве – около 6 тыс., Санкт-Петербурге – около 4,5 тыс., в Новосибирске – около 1 тыс., в Омске – около 900 чел., в Иркутске – 500 чел., во Владивостоке – 350 чел., в Хабаровске – 200 чел.[1073]. Т.е. по всей России не набралось 15 тыс. протестующих. Соцсети и общественное мнение отреагировали на эти акции как на «эпический провал» (калька с английского *epic fail*)[1074]: организаторы не смогли мобилизовать сторонников. При этом «независимые наблюдатели» сообщали о 10 тыс. в Москве,

---

[1072] В Симферополе началась акция протеста. На несанкционированный митинг вышло около 200 человек //sev.tv, 23.01.2021. URL: https://sev.tv/news/v_simferopole_nachalas_akcija_protesta/34704.html (дата обращения: 25.04.2021); В Ставрополе прошел самый масштабный митинг сторонников Навального на Кавказе // fedpress.ru, 23.01.2021. URL: https://fedpress.ru/news/26/policy/2662476 (дата обращения: 25.04.2021); Итоги ульяновских событий 23 января 2021 года. И так, все немного успокоилось, можно резюмировать // ciarf.ru, 25.01.2021. URL: https://ciarf.ru/news/itogi-ulyanovskikh-sobytiy-23-yanvarya-2021-goda-i-tak-vse-nemnogo-uspokoilos-mozhno-rezyumirovat-/ (дата обращения: 25.04.2021); МВД оценило число участников акций в поддержку Навального // kommersant.ru, 21 апреля 2021. URL: https://kommersant-ru.turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/4782917?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile (дата обращения: 24.04.2021); МВД оценило число участников акции в поддержку Навального в Москве» // РБК, 24.01.2021. URL: https://www.rbc.ru/politics/24/01/2021/600db7239a7947b8a9481842 (дата обращения: 21.02.2021); Самая спокойная акция в поддержку Навального в Черноземье прошла в Тамбове // Коммерсант, 23.01.2021. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4661112 (дата обращения: 25.04.2021); Самый массовый протест в новой истории Тольятти: шествие в поддержку Навального собрало более 1,5 тысяч человек // tltgorod.ru, 23.01.2021. URL: https://www.tltgorod.ru/news/?news=114678 (дата обращения: 25.04.2021); Сегодня, 23 января, в Туле прошел несанкционированный митинг // n71.ru, 23.01.2021. URL: http://www.n71.ru/news/section55/show234704/ (дата обращения: 25.04.2021)

[1073] МВД оценило число участников акций в поддержку Навального // kommersant.ru, 21 апреля 2021. URL: https://kommersant-ru.turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/4782917?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile (дата обращения: 24.04.2021)

[1074] Савин А. «Эпический провал. Шах и мат» – массовые протесты навальнистов не случились // REGNUM, 23 апреля 2021. URL: https://regnum.ru/news/polit/3251000.html (дата обращения: 24.04.2021)

«Навальный.Live» рапортовал о 60 тыс. в Москве[1075]. Прием, прослеженный нами во всех рассмотренных примерах: намеренное завышение количества сторонников и мобилизационных возможностей организаторов.

С точки зрения технологий управления протестом в политических целях наблюдаем уже привычные: сильное влияние зарубежных СМИ – западных в первую очередь; внешнее политическое, дипломатическое и экономическое давление; использование принципа столичности и набора коммуникационных технологий, включая изображение огромной массовости, представительства народа, жертвенности протестующих и кровавой злобности режима.

Социологические опросы показывают, что в последние годы уровень частоты общения в социальных сетях в столице и регионах (в том числе в разных типах поселений внутри регионов) существенно не различается[1076]. Так что возможности вывода на улицы с точки зрения технологий в части социальных сетей не должны разниться, однако столица и мегаполисы по-прежнему представляют основные зоны организации протестных акций с политическими задачами.

Главная соцсеть «протестов в поддержку Навального» – «ТикТок». Короткие видео использовались для мотивации к протестным акциям, так же как уже было с другими соцсетями в других примерах политического протеста в радикальных и массовых формах, только с видеоформатом. Своеобразной новинкой стали в большом количестве провоцирующие сообщения: о миллионах протестующих по всей стране, об использовании военных для подавления протеста, о разрешении полиции стрелять в протестующих, о гибели протестующих, о поджоге Кремля, об ограничении доступа к Интернету по всей стране[1077].

[1075] Анисимова Н. МВД оценило число участников акций в поддержку Навального в России // РБК, 21 апреля 2021. URL: https://rbc-ru.turbopages.org/rbc.ru/s/politics/21/04/2021/608062439a79474862fbe269?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile (дата обращения: 24.04.2021)

[1076] Горшков М.К. «Есть такая профессия – общество изучать». Избранные статьи, интервью, биографические откровения. Москва: Издательство «Весь Мир», 2020. С. 230.

[1077] Каждое третье видео – про «дворец Путина». Как «ТикТок» захлестнула протестная волна // Русская служба Би-би-си, 21 января 2021. URL: https://www.bbc.com/russian/features-55757215 (дата обращения: 25.04.2021); РКН потребовал от TikTok прекратить звать детей на протестные акции // Интерфакс, 20 января 2021. URL: https://www.interfax.ru/russia/746090 (дата обращения:

Следует отметить, что «ТикТок», который замышлялся как исключительно молодежная соцсеть, даже подростковая, таковой не является, по крайней мере, в России. По данным представителей «ТикТок» в России подростки составляют всего 17% всей аудитории, почти половину пользователей этой соцсети составляют возрастные категории 25–44 лет, а 64% пользователей – это люди с доходом «средний и выше среднего»[1078].

Заходом на подъем протеста в 2017 и 2020 гг. были «антикоррупционные расследования» А. Навального: выпуск фильма «Он вам не Димон» – «расследование» коррупционных схем премьер-министра Д.А. Медведева, и фильма «Дворец для Путина» в 2020 г. Если в 2017 г. о фильме про Медведева слышали 18% респондентов, то в 2020 г. – 37%, причем 26% россиян посмотрели фильм про Путина[1079].

Исследователи ставят в зависимость от этих данных разницу в протесте 2017–2018 гг. и 2020–2021 гг.[1080]. Однако такие логические связи выглядят необоснованными. Во-первых, фигура В.В. Путина представляется значительно более интересной для потребителя, чем фигура Д.А. Медведева, поэтому уровень большей информированности о фильме не вызывает удивления. Во-вторых, фильм про Путина был сделан более качественно и получил значительно бóльшую информационную раскрутку: постоянное продвижение сообщений о большом количестве просмотров и привлечение внимания.

О том, что здесь использовались политические интересы и технологии управления протестными настроениями в политической борьбе, свидетельствуют

25.04.2021); Роскомнадзор потребовал от TikTok удалить призывы к участию несовершеннолетних в протестах. ТАСС, 20 января 2021. URL: https://tass.ru/obschestvo/10508603 (дата обращения: 25.04.2021); Российский протест выходит из интернета на улицу // Deutsche Welle, 25 января 2021. URL: https://www.dw.com/ru/kommentarij-rossijskij-protest-vyhodit-iz-interneta-na-ulicu/a-56334388 (дата обращения: 25.04.2021)

[1078] TikTok в России: из почти 23 млн активных пользователей 64% обладают доходом средним и выше среднего // cossa.ru, 16.10.2020. URL: https://www.cossa.ru/news/276021/ (дата обращения: 4.05.2021)

[1079] Левада-Центр. Алексей Навальный и его потенциальные сторонники. URL: https://www.levada.ru/2021/03/01/aleksej-navalnyj-i-ego-potentsialnye-storonniki/ (дата обращения: 24.04.2021)

[1080] Там же.

создание в Германии дорогостоящего материала, включение серьезных медийных ресурсов и технологий продвижения в соцсетях. Разбор следов технологий сетевого продвижения не является задачей данной работы, но обратим внимание, что пропагандируемые цифры просмотров, существенно превышающие 100 млн, наталкиваются на логические вопросы. 26% россиян, просмотревших фильм, – это цифра, далекая от 100 млн, даже если каждый из этих россиян смотрел фильм по нескольку раз. (Последнее противоречит статистике «Гугл» по глубине и частоте просмотра на «Ютюб» любого видео). Тем более что большие цифры просмотров появились в первые часы и день выхода фильма – так не просматривают даже массово ожидаемые премьеры. Это дает основания для рассуждений о том, что для привлечения внимания была сделана серьезная накрутка просмотров – традиционный сегодня рекламный ход.

Что действительно важно в этом контексте – это фиксация резкого поколенческого разрыва: замеры дают серьезное преобладание молодого поколения среди зрителей фильма и особенно – среди тех, кто оценивает информацию в нем как «похоже на правду»: 81% россиян до 25 лет и 39% – в группе старше 55 лет[1081]. Молодые поколения легче поддаются направленному коммуникационному воздействию и мотивации к протесту.

Примечательно, что высокие показатели недовольства коррупцией в стране по социологическим опросам не влияют на рейтинг «главного борца с коррупцией», которым позиционировали А. Навального: оппозиционный «Левада-Центр» на февраль 2021 г. давал до 4% респондентов, испытывающих доверие к А. Навальному[1082], – что подтверждает нашу мысль о приоритете объединяющих лозунгов над фигурами лидеров современного массового политического протеста (как случилось и во всех «цветных революциях»).

[1081] Левада-Центр. Алексей Навальный и его потенциальные сторонники. URL: https://www.levada.ru/2021/03/01/aleksej-navalnyj-i-ego-potentsialnye-storonniki/ (дата обращения: 24.04.2021)

[1082] Там же.

Итак, политический протест в России 2011–2012 гг. и 2017–2021 гг. повторял технологии «цветных революций» и развивал их. Причем накопленные технологии управления коммуникациями в политическом протесте в радикальных и массовых формах использовали и протестующие, и власть. Выводы из анализа этих технологий и их активное применение позволили купировать протест в России и нейтрализовать его разрушительный потенциал.

Оппозиция в России, используя обкатанные технологии социальных сетей в информационном противоборстве в контексте организации массового политического протеста, столкнулась в России с высоким уровнем синхронизации и централизации информации. Ужесточение регулирования СМИ лишило протестные группы оппозиционных СМИ, начало активной работы власти в социальных сетях сломило доминирование там оппозиционной повестки.

4.3. Новые медиакоммуникации в массовом политическом протесте в Белоруссии 2020–2021 гг.

Протесты в Белоруссии были приурочены к выборам президента страны и имели уже известный по другим примерам «цветных революций» (а также «протестов Навального») характер протестных акций. Цель – обвинить власть в подтасовке результатов выборов, объявить о нелегитимности власти, что сразу же получает поддержку в зарубежных СМИ, давление на власть созданием в медийном поле образа беспомощности власти в Белоруссии[1083].

Максимальный выплеск открытых акций политического протеста произошел после оглашения выборов президента республики 9 августа и отмечался всю осень 2020 г. Все протесты были переведены в политические протесты с требованием смены власти.

Исследователи отмечают факторы, сыгравшие определенную роль в существовании социальной напряженности, протестных настроений и наличии питательной базы для политического протеста, среди которых воспитание молодежи в приоритетах «западных ценностей» и западного либерализма, раскол белорусской элиты на прогосударственную и прозападную, «этноконфессиональный разлом» (этнические поляки и католики в западной Белоруссии)[1084].

Основными концепциями для лозунгов стали: несменяемость власти, экономическая ситуация, насильственные действия сил правопорядка[1085].

[1083] Шульц Э.Э. Технологии медиапротивостояния в белорусском политическом протесте 2020–2021 гг. // Успехи гуманитарных наук. 2025. № 3. С. 78–84.

[1084] Нагорняк К.И., Демешко Н.Э. Борьба за геополитическое пространство в рамках Балто-Черноморского региона: методология «сетевых революций» и роль НКО Республики Польша в организации массовых протестов в Белоруссии 2020 г. // Постсоветские исследования. 2021. № 4(8). С. 697.

[1085] См.: Парма Р.В., Давыдова М.А., Сушкевич М.А., Копытина Е.А. Социальные и политические акторы массовых политических протестов в Российской Федерации и Республике Беларусь 2020–2021 гг. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 76.

Слабая работа проправительственных информационных ресурсов на первом этапе и активная работа по негативизации власти в оппозиционных медиаканалах[1086] дали всплеск и рост протеста. Корректировка политики властей изменила соотношение сил.

Следует отметить абсолютную столичность протеста. По примеру протестов Навального в России СМИ изображали поддержку в разных городах, но главное сосредоточение усилий – столица. Исследователи обратили внимание, что, несмотря на сетевой характер мобилизации протеста, основное место активности соцсетей и контента – Минск – столица республики[1087].

Роль ***внешнего фактора*** в белорусских протестах отмечается всеми исследователями. Во-первых, это ставшее уже традиционным для «цветных революций» финансирование НКО и программ по развитию демократии, обучения за рубежом и др., где ключевую роль сыграли США[1088]. Большую роль сыграли программы подготовки «независимых блогеров» (Польша, Литва, Украина, американские инструкторы)[1089]. Основной акцент был сделан на представителях информационной деятельности, в первую очередь медиа с иностранным финансированием: телеканал Belsat TV, радиостанций «Радио Свобода», «Euroradio Беларусь» и «Радые Рация», интернет-портал белорусской оппозиции «Хартия-97», газет «Белорусский партизан» и «Народная воля»[1090].

[1086] Грибин Н.П., Плетнев В.Я. «Белорусский синдром» в контексте обновленной дорожной карты «цветных революций» // Власть. 2021. Т. 29. № 2. С. 20.

[1087] Немцев А. В. Информационное освещение протестов в Республике Беларусь в 2020 году в социальных медиа и средствах массовой информации: динамика и закономерности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 2. С. 111.

[1088] Глава СВР обвинил США в подготовке протестов в Белоруссии. 16.09.2020. URL: https://tass.ru/politika/9471673 (дата обращения: 02.06.2024); Грибин Н.П., Плетнев В.Я. «Белорусский синдром» в контексте обновленной дорожной карты «цветных революций» // Власть. 2021. Т. 29. № 2. С. 11; Нагорняк К.И., Демешко Н.Э. Борьба за геополитическое пространство в рамках Балто-Черноморского региона: методология «сетевых революций» и роль НКО Республики Польша в организации массовых протестов в Белоруссии 2020 г. // Постсоветские исследования. 2021. № 4(8). С. 697-698.

[1089] Грибин Н.П., Плетнев В.Я. «Белорусский синдром» в контексте обновленной дорожной карты «цветных революций» // Власть. 2021. Т. 29. № 2. С. 11.

[1090] Грибин Н.П., Плетнев В.Я. «Белорусский синдром» в контексте обновленной дорожной карты «цветных революций» // Власть. 2021. Т. 29. № 2. С. 11; Пономарева Е.Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Обозреватель. 2021. № 2 (373). С. 7;

Для организационной поддержки оппозиции были созданы зарубежные структуры («Европейская Беларусь», «Белорусский дом в Варшаве» и др.[1091]). Именно «заграница» (Польша, Прибалтийские республики) становятся местом пребывания белорусской оппозиции, «оппозиционных медиа», «правительства в изгнании».

Наблюдаются ставшие классическими для внешнего фактора в «цветных революциях»:

- финансирование оппозиции и протестов (кроме указанных выше примеров – на Совете Евросоюза 19 августа 2020 г. Польша объявила о программе социальной поддержки протестующих и репрессированных в Белоруссии, а также НКО и оппозиционных медиа[1092]);

- политические заявления лидеров иностранных государств и союзов (требования от иностранных государств остановить насилие, освободить политических заключенных, отменить результаты выборов);

- санкционное давление (напр., угроза санкций со стороны Европарламента и ряда стран, причем не только по отношению к белорусским властям, но и в отношении россиян, поддерживающих «белорусский режим»);

- давление через зарубежные диаспоры и давление на зарубежные диаспоры для объединения вокруг оппозиционного кандидата[1093];

- признание ЕС Координационного совета во главе с Тихановской временным правительством страны (вариант Венесуэлы).

Нагорняк К.И., Демешко Н.Э. Борьба за геополитическое пространство в рамках Балто-Черноморского региона: методология «сетевых революций» и роль НКО Республики Польша в организации массовых протестов в Белоруссии 2020 г. // Постсоветские исследования. 2021. № 4(8). С. 697-699, 703.

[1091] Нагорняк К.И., Демешко Н.Э. Борьба за геополитическое пространство в рамках Балто-Черноморского региона: методология «сетевых революций» и роль НКО Республики Польша в организации массовых протестов в Белоруссии 2020 г. // Постсоветские исследования. 2021. № 4(8). С. 700.

[1092] Нагорняк К.И., Демешко Н.Э. Борьба за геополитическое пространство в рамках Балто-Черноморского региона: методология «сетевых революций» и роль НКО Республики Польша в организации массовых протестов в Белоруссии 2020 г. // Постсоветские исследования. 2021. № 4(8). С. 697-698.

[1093] См.: Пономарева Е.Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Обозреватель. 2021. № 2 (373). С. 11.

Внешний фактор получил дальнейшее развитие, в котором государства, поддерживающие смену власти, перешли все границы мягкой поддержки, скатываясь в грубое вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Например, резолюция сейма Литвы о нелегитимности союза России и Белоруссии, признание законной властью и законным представителем в их странах бежавшего из страны оппозиционера, санкции против главы государства, обвинения законной власти в преступлениях против народа; угроза отключения Белоруссии от международной системы расчетов SWIFT, если президент Белоруссии не уйдет с поста и др.[1094]

Попытки привлечь ***силовые структуры***[1095] и расколоть элиту предпринимались, как во всех «цветных революциях». Новинкой стал серьезный акцент на воздействие через угрозы в медиа представителям силовых структур (повторить судьбу украинского Беркута 2014 г. и публикацией личных данных в Сети). Лозунги в медиа концентрировались вокруг следующих: «Солдаты, офицеры! Служите народу, а не диктатору», «Милиция с народом!», «Резиновые пули, слезоточивый газ – подарок президента для рабочих масс!».

Репрессивные меры на первом этапе сыграли противоположную роль и вместо подавления протестов дали им питательную базу[1096]. Однако совместно с наращиванием медиаактивности и регулирования медиакоммуникаций дали положительный эффект.

Социальная база массовых политических протестов в Белоруссии остается неисследованной. Внимание обращается на подсчет подписчиков социальных сетей, производителей и потребителей определенного контента.

[1094] По внешнему фактору см. также: Грибин Н.П., Плетнев В.Я. «Белорусский синдром» в контексте обновленной дорожной карты «цветных революций» // Власть. 2021. Т. 29. № 2. С. 15; Петухов А.Ю., Каминченко Д.И. Анализ социально-политической активности в Республике Беларусь на основе данных социальных медиа и математического моделирования // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2022. № 4. С. 91.

[1095] Грибин Н.П., Плетнев В.Я. «Белорусский синдром» в контексте обновленной дорожной карты «цветных революций» // Власть. 2021. Т. 29. № 2. С. 12.

[1096] См.: Грибин Н.П., Плетнев В.Я. «Белорусский синдром» в контексте обновленной дорожной карты «цветных революций» // Власть. 2021. Т. 29. № 2. С. 20.

Одни исследования приходят к выводу, что основная аудитория, вовлеченная как в провластную, так и протестную коммуникацию, схожа и представлена преимущественно пользователями в возрасте от 26 до 35 лет[1097]. Другие считают, что вовлеченность в информационный поток дают наиболее активные возрастные категории «26-35 лет» и «36-45 лет»[1098]. Однако интерес к информации и дискуссии в Сети не означают активное участие в протестных мероприятиях, это, как максимум, «общественное мнение», на которое можно опереться одной или другой стороне.

В социальной базе протестов исследователи отмечают белорусских студентов зарубежных вузов[1099]. Для увеличения массы протеста организаторы подключили националистические группировки (во многом «вскормленные», как отмечают эксперты, самой властью)[1100] – технология украинского майдана 2004 и 2013 гг.

Оппозиционные СМИ для раскрутки протестных настроений давали цифру готовых к протесту в Белоруссии на уровне 13%, что дополнительно говорит о крайне низком уровне в долевом значении от всего населения, но достаточно для формирования «картинки»[1101]. Протестные настроения внутри Белоруссии можно оценивать по результатам выборов, в которых А. Лукашенко набрал 80,1% голосов избирателей, пришедших к урнам для голосования, оппозиционер С. Тихановская – 10,12%. Кроме того, по аналогии с похожими проявлениями в России и других

[1097] Тюков Н.А., Никулин Е.Р., Шаповалов В.Л. Сетевая аудитория политической повестки в Республике Беларусь в 2020–2021 годах: цифровой портрет, мотивации и модели поведения // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 2. С. 99.

[1098] См.: Парма Р.В., Давыдова М.А., Сушкевич М.А., Копытина Е.А. Социальные и политические акторы массовых политических протестов в Российской Федерации и Республике Беларусь 2020–2021 гг. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 76.

[1099] Грибин Н.П., Плетнев В.Я. «Белорусский синдром» в контексте обновленной дорожной карты «цветных революций» // Власть. 2021. Т. 29. № 2. С. 13.

[1100] Пономарева Е.Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2021. № 3. С. 19; Шалыгина Н.В., Кащенко Т.Л. «Праздник непослушания» по-белорусски (о ценностях современной белорусской молодежи) // Власть. 2020. Том 28. № 6. С. 284.

[1101] См.: Пономарева, Е.Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Обозреватель. 2021. № 2 (373). С. 12.

странах можно сделать вполне обоснованный вывод о т.н. «креативном классе», как ядре акций политического протеста в Белоруссии.

Фактор направленного коммуникационного воздействия.

Основным каналом создания массового синхронизированного медиаконтента в России и в Белоруссии остается телевидение – его информация потребляется большой долей населения[1102]. Прогосударственные каналы в 2021 г. в России играли доминирующую роль в информационном пространстве[1103], сходная ситуация наблюдалась и в Белоруссии.

Российские СМИ на первом этапе были или нейтральны, или давали информационную почву для оправдания протеста, что серьезно усилило протестную активность, и только после выражения поддержки президенту Белоруссии со стороны В.В. Путина основная часть российских информационных каналов начала освещать деструктивный характер протестов и их зарубежные корни[1104]. В результате усилившейся антипротестной медиасоставляющей информационная война была выиграна белорусской властью.

Такой выигрыш связан и с тем, что в период наибольшего накала протестных акций и информационного противостояния власть в Белоруссии активизировала работу в новых медиа[1105]. Это выразилось в создании в социальных сетях проправительственных каналов и аккаунтов, работе с независимыми блогерами; формировании контента, отражающего диалог с обществом; широком освещении социально значимых вопросов. Имели место и незначительные уступки со стороны

[1102] См.: Чумиков А.Н. Медиа как инструмент захвата и удержания власти: ленинская теория и современность // Российская пиарология: тренды и драйверы. Сборник научных трудов в честь профессора В.А. Ачкасовой. Под редакцией А.Д. Кривоносова. СПб., 2021. С. 93; Шульц Э.Э. Какими медиаканалами пользуются россияне для получения информации // Журналист. Социальные коммуникации. 2023. № 2. С. 36-41.

[1103] Чумиков А.Н. Медиа как инструмент захвата и удержания власти: ленинская теория и современность // Российская пиарология: тренды и драйверы. Сборник научных трудов в честь профессора В.А. Ачкасовой. Под редакцией А.Д. Кривоносова. СПб., 2021. С. 93.

[1104] Немцев А. В. Информационное освещение протестов в Республике Беларусь в 2020 году в социальных медиа и средствах массовой информации: динамика и закономерности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 2. С. 113.

[1105] См.: Артамонова И.М., Гречук В.В. Стратегии и тактики противодействия цветным революциям в реалиях новых медиа // Культура в фокусе научных парадигм. 2021. № 12-13. С. 303.

власти, которые в медийной интерпретации выглядели достаточно объемно. Данные активности привели к уменьшению массы протеста.

Главным медийным ресурсом организаторов протестов стала NEXTA[1106] – телеграм-каналы NEXTA, NEXTA Live, ряд интернет-сайтов, канал на YouTube, страницы в Instagram, Facebook, Twitter[1107] и «ВКонтакте». NEXTA Live имела наибольшее количество подписчиков – 1,5 млн; NEXTA – 738 тыс. подписчиков, LUXTA – 174 тыс. Максимальное количество подписчиков в социальных сетях было на YouTube-канале – 589 тыс. подписчиков, и в Instagram – 317 тыс. (Twitter – 66,1 тыс., Facebook – 17,6 тыс., «ВКонтакте» – 21 тыс.)[1108]. Специфика подписки в социальных сетях позволяет (в виду отсутствия точных и детальных статистических данных) с большой долей вероятности предположить, что 1,5 млн подписчиков – это суммарный максимальный объем подписчиков, которые участвовали на всех заявленных каналах. Это предположение подтверждается и данными на 2023 г. по суммарному объему подписчиков на данных ресурсах, которые не смогли уйти далеко от заявленных 1,5 млн[1109]. При этом лидером является отнюдь не «Телеграм», а ютюб-канал: в 2024 г. аудитория ютюб-канала – 1,38 млн[1110], телеграм-каналов – 157 тыс. подписчиков – Nexta[1111], 964 тыс. – Nexta Live[1112]. Главная тема этих каналов сегодня – Украина, а не Белоруссия, с абсолютным антироссийским подходом в «освещении» событий.

Учитывая цели создания каналов, их зарубежное «дислоцирование» (Польша), существующие технологии раскрутки через подписчиков в социальных сетях, можно уверенно говорить о том, что количество реальных пользователей из республики Беларусь значительно меньше заявленного числа подписчиков. Более

[1106] NEXTA – игра слов: англ. «следующий» и белорусского «нехта» – некто.
[1107] Запрещены на территории РФ.
[1108] Пономарева Е.Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2021. № 3. С. 13.
[1109] Nexta. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Nexta (дата обращения: 1.06.2024)
[1110] NEXTA Live. URL: https://www.youtube.com/@NEXTALive (дата обращения: 1.06.2024)
[1111] https://by.tgstat.com/channel/@nexta_tv
[1112] https://by.tgstat.com/channel/@nexta_live

того, был подмечен невероятный рост подписчиков каналов: более чем в 20 тыс. раз за полгода[1113], что говорит о специальной раскрутке и искусственном увеличении аудитории. Кроме того, «подписчик» не равно «участник протестных акций», особенно это касается массового политического протеста в радикальных и массовых формах.

Дополнительные телеграм-каналы давали незначительное увеличение охвата аудитории с различными политическими и общественными позициями: TUT.BY, «Беларусь головного мозга», «Черная книга Беларуси», «Компромат Беларусь», «Каратели Беларуси» и др.

«Телеграм» в организации протестных активностей использовался как мессенджер (почти наравне с WhatsApp и закрытыми Signal и FireChat), но большей частью выступал как медиа.

Белорусские протесты дают пример высокого уровня синхронизации информации с помощью социальных сетей, которая превзошла на первом этапе возможности власти и способствовала превалированию в информационном поле, что, в свою очередь, привело к росту протеста.

Протест подогревался в процессе избирательной кампании использованием уже имеющихся идеологических шаблонов по предыдущим примерам. В частности, формирование образов: народ – рабы, власть – воры, оккупационная администрация.

Для создания протеста и перевода его затем в политический использовалась социальная напряженность в других вопросах. Такой темой стала пандемия COVID-19, где оппозиционные медиа выдавали действия власти (на момент, когда пандемии в Белоруссии еще не было) за целенаправленную безграмотную политику, и ряд других тем[1114].

[1113] Пономарева Е.Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Обозреватель. 2021. № 2 (373). С. 6.

[1114] См. напр.: Пономарева Е.Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2021. № 3. С. 15-16.

Задержания лидеров оппозиции и протестующих разыгрывалось как «жертва власти» и повод для протестных акций. Использование сакральной жертвы было отработано в виде посещения и массового возложения цветов на месте гибели во время массовых беспорядков в Минске Александра Тарайковского, призывов в Сети почтить минутой молчания «героя».

По шаблону российских протестов Навального в Белоруссии оппозиция создает фильмы о коррупции первого лица. Власть, по тому же шаблону, обвиняется в политических убийствах, нищете народа и невыносимых условиях жизни в Белоруссии[1115]. Фильм «Лукашенко: уголовные материалы» об антинародной сущности власти, коррупции в стране и ее первых лиц был широко разрекламирован зарубежными и оппозиционными медиа и в период протестных акций набрал 3 млн просмотров. По прошествии четырех лет аудитория фильма составила 3,7 млн[1116], что говорит о нагнетании интереса в определенный момент времени и отсутствии интереса после.

Осуществляются публикации откровенных фейков про власть и руководство страны. Так, был запушен вымышленный результат социологического опроса, что переизбрание Лукашенко поддерживает чуть более 3% населения. Этот фейк широко разошелся благодаря российскому СМИ «Лента.ру».

Медиапослания оппозиции стремятся показать массовость и всенародность протеста, который объединяет все возрастные категории и профессии, отдельное внимание уделяется тому, что это не только интеллигенция и «креативный класс», а также перешедшие на сторону «народа» сотрудники правоохранительных органов и силовых структур. Массовка самих мероприятий создается, в том числе за счет привозных участников из числа не граждан Белоруссии[1117].

[1115] См.: Пономарева Е.Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Обозреватель. 2021. № 2 (373). С. 8.

[1116] Лукашенко: уголовные материалы. URL: https://www.youtube.com/watch?v=6IL6rMikkJg (дата обращения: 1.06.2024)

[1117] См.: Пономарева, Е.Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Обозреватель. 2021. № 2 (373). С. 16.

В период накала обстановки в оппозиционных медиа запускался имидж революции-праздника[1118]. Наблюдалась позитивизация протестов за счет романтического образа революции. Действовал ленинский тезис о том, что вера в революцию уже есть начало революции. «Праздник» использовался для привлечения людей на улицы и их дальнейшей мобилизации в акции массового политического протеста.

Для исследования можно воспользоваться данными социологических опросов в Республике Беларусь о популярности мессенджеров в период 2019–2020 гг. За год до белорусских протестов (сентябрь 2019 г.) 70 % белорусов отдавали предпочтение Viber, Skype – 38%, WhatsApp –25%, Telegram – 23%, Facebook Messenger – 17%[1119]. В 2020 г. самым популярным мессенджером оставался Viber – 87%, но «Телеграм» резко нарастил объем пользователей – 56% (WhatsApp – 46%)[1120]. Взрывной рост «Телеграма» объясняется появлением телеграм-каналов и ростом информационной привлекательности.

Пользовательский контент (UGC – user-generated content) Nexta выдается за новую технологию коммуникационных инструментов и направленного воздействия. Однако информация от действующих лиц, информация с мест, письма читателей и т.д. являются одним из принципов СМИ и направленного коммуникационного воздействия, как минимум с начала XX в. Переход этих принципов в Сеть и цифровой формат меняет форму, но не сущность.

Характерная черта белорусских протестов на начальном этапе – отсутствие явных партийных или медийных лидеров. Организационный центр находился за

[1118] См.: Пономарева, Е.Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Обозреватель. 2021. № 2 (373). С. 15.

[1119] Назван самый популярный у белорусов мессенджер. 05.09.2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.belnovosti.by/obshchestvo/nazvan-samyy-populyarnyy-u-belorusov-messendzher (дата обращения: 30.05.2024)

[1120] Названы самые популярные мессенджеры и соцсети в Беларуси. 28.01.2021 [Электронный ресурс]. URL: http://www.belmir.by/2021/01/28/%D0%BD%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D1%8B-%D1%81%D0%B0%D0%BC%D1%8B%D0%B5-%D0%BF%D0%BE%D0%BF%D1%83%D0%BB%D1%8F%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%80/ (дата обращения: 30.05.2024)

рубежом. Ряд исследователей выдвигает идею о том, что протесты в Белоруссии дали рождение новому явлению – протесту без лидеров и без центра[1121], появлению акторов, не входящих в институциональную политическую систему страны[1122], однако это является характерной чертой многих «цветных революций». Протестная среда не обладает (и не может обладать) «креативным потенциалом самоорганизации»[1123], эту функцию выполняет медиаканал – подобно тому, как вокруг общерусской политической газеты выстраивал организацию В.И. Ленин.

Эффективность Nexta не только в ее кроссплатформенности и возможностях «Телеграм»[1124], но, в первую очередь, в синхронизации информации и возможностях стать организационным стержнем протеста.

Итак, организаторы массового политического протеста не смогли добиться результата в короткие сроки. Особенность мобилизации сторонников за счет широкого охвата и быстрого достижения высокого уровня эмоционального состояния протеста, ведет и к быстрому угасанию активного протеста, что проявилось и в примере Белоруссии 2020–2021 гг. Действия силовых органов, аресты лидеров протеста и бегство оппозиционеров за рубеж, регулирование медиакоммуникаций и переход власти к активным медийным действиям обеспечили поражение оппозиции в процессе аккумулирования протестных нестроений и их использования в политической борьбе.

Уроки «российского протеста» 2017–2021 гг. привнесли корректировку в тактику организаторов протестов в Республике Беларусь. Прогосударственные каналы в 2021 г. в России играли доминирующую роль в информационном пространстве. При этом они обладали достаточно высоким уровнем синхронизации информации: новостных сообщений и набора интерпретаций. Это обусловило

[1121] См.: Пономарева Е.Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Обозреватель. 2021. № 2 (373). С. 13.

[1122] Домбровская Л.Ю., Никулин Е.Р. Медийная инфраструктура протеста в «новых» медиа на примере белорусского кейса (декабрь 2019 года): структура, каналы, смыслы, технологии // Научный результат. Сер. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т.7. №1. С. 41.

[1123] Пономарева Е.Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Обозреватель. 2021. № 2 (373). С. 13.

[1124] Там же.

минимальный медийный эффект протестных акций Навального внутри России. В Белоруссии организаторы пошли на еще большую синхронизацию медиаканалов.

С другой стороны, Nexta как СМИ сыграла роль не только информационного ресурса в прямом функциональном значении, но и организационного стержня протеста. Регулирование медиакоммуникаций стало одним из главных рычагов власти в борьбе с деструктивностью массовых политических протестов, переходящих в радикальные формы.

Итак, протесты в Белоруссии стали новой попыткой «цветной революции» с максимизацией внешнего фактора и медиакоммуникационных возможностей социальных сетей. Однако существующая система СМИ в Белоруссии с ее централизацией и синхронизацией информационного потока, подключение российских СМИ к этой повестке, а также начало активной работы прогосударственных каналов в социальных сетях смогли обеспечить информационное доминирование. Вкупе с репрессивными действиями и уступками власти это позволило сбить пик протестной активности, а затем полностью нейтрализовать ее в открытых формах.

Выводы по главе

Победу «цветным революциям» обеспечила сумма различных факторов и технологий. В эту сумму вошли:

- возможность трансформации существующего недовольства и протестных настроений в открытые формы, наращивания массы протеста и его радикализации;

- наличие ресурсов для организации системы управления протестными формами;

- раскол в правящих элитах;

- широкое медийное освещение внутри государства и зарубежная медиаподдержка протеста;

- появление новых медиа и высокотехнологичных возможностей коммуникации, создающих дополнительные условия мобилизация сторонников;

- фактор внешнего вмешательства: давление на власть со стороны США, Европейского Союза, иногда – ряда других стран, что вело к расширению раскола в элитах, а иногда и сдаче власти;

- фактор давления в столице, как наиболее ощутимый для власти и имеющий бóльшую медийную привлекательность.

В событиях «цветных революций» и «арабской весны» экономические причины оказали воздействие на формирование потенциального недовольства, но принципиальное значение для протестной мотивации имели иные факторы. Сильно проявились мотивирующие позиции, лежащие в сфере национализма, религиозных особенностей и противоречий, кланового деления и ряда других.

События «арабской весны» демонстрируют имплементацию технологий «цветных революций» постсоветского пространства до 2011 года на страны Северной Африки и Ближнего Востока. При этом речь следует вести не о простом переносе, а о «новой редакции», которую отличает несколько иная идеология протестных движений. Главными идеями всех «цветных революций» (в восточно-европейской, североафриканской и ближневосточной редакциях) были лозунги демократии и борьбы за права. Уже в событиях на Украине в 2004 г.

продемонстрирован дополнительный идеологический фактор национализма. В событиях «арабской весны» принципы национализма и этнорелигиозного конфликта приобрели структурообразующее значение. Эта особенность проявилась ярко в Ливии и Сирии, более скрытно в Египте и Тунисе, так как здесь этот фактор выявился с приходом к власти (прямо или косвенно) «братьев-мусульман». События на Украине в к. 2013 – нач. 2014 гг. показали преемственность этих принципов.

Социальную базу всех «цветных революций» дал средний класс с большой долей молодежи. В большинстве случаев все закончилось городскими протестами, но там, где противостояние перешло в гражданскую войну, так же наибольшее представительство получили основные социальные группы: крестьянство, различные городские слои (Сирия, Ливия). Принимая возможности вариативности в зависимости от степени вовлеченности общества в протестный процесс, можно констатировать неизменность принципов формирования социальной базы ядра и участников массового политического протеста в радикальных формах и преемственность с историческими примерами.

В «цветных революциях» (включающих и «арабскую весну») доля активистов и активных протестующих групп разительно меньше, чем в разобранных исторических примерах. Если в России, Германии и на Кубе речь шла о значительной части общества, рано или поздно вовлеченной в политические протесты в радикальных и массовых формах, то в современных событиях доля активных участников разительно мала – менее 1% населения. Таким образом, представление о массовости («значительном количестве протестующих») формировалось через медиа и слухи. При этом уровень развития протестных выступлений в разных странах «арабской весны» дает прямую корреляцию с уровнем влияния зарубежных СМИ и доступности Интернета.

Развитие «цветных революций» проходило по уже известным нам сценариям из других исторических примеров.

С точки зрения «***столица-периферия***» в «цветных революциях» наблюдались обе стратегии: столичные протестные акции и захват власти (как в России 1917 г.) и заход на столицу из регионов (как на Кубе).

Действия армии (и других силовых структур) приобрели уже известные форматы: поддержка власти, переход на сторону протестующих, разделение на два лагеря и принцип «армия в стороне».

Для всех «цветных революций» был характерен ***фактор внешнего вмешательства***.

События «цветных революций» (вкупе с «арабской весной») позволяют выделить ***три сценария***.

Первый сценарий характерен для большинства стран бывшего СССР: «революция роз» (Грузия, 2003 г.), «оранжевая революция» (Украина, 2004 г.), «тюльпановая революция» (Киргизия, 2005 г.). Это сценарий и большинства стран «победившей арабской весны». Небольшие протестные акции локального значения раскручиваются через СМИ и социальные сети и через организационный ресурс определенных НКО. Происходит некоторый рост массы протеста, а лозунги трансформируются в политические (если таковыми не были изначально). Столкновения протестующих с силами правопорядка должны привести к «первой крови», которая способствует увеличению протестной массы и ее радикализации. Сила политического протеста в радикальных и массовых формах и относительная слабость власти способствуют расколу в элитах, происходит смена во властных структурах и некоторые персональные передвижения в элитах. Если относительно силы протеста власть демонстрирует устойчивость, то протестные акции быстро сворачиваются. Первый вариант был характерен для событий в Грузии, в Египте, в Тунисе и на Украине. Второй – для алгоритма развития событий в Алжире, Бахрейне, Иордании, Йемене и Марокко, а также для Армении (2008), Белоруссии (2006 и 2021) и России (2012, 2017–2021).

События в Ливии дают второй сценарий событий «цветных революций». Радикальный массовый протест переходит в полномасштабную гражданскую войну. Причем переход этот осуществляется довольно быстро. Протестные силы

(при внешней поддержке) быстро добиваются ощутимых успехов, но правительственные силы восстанавливают контроль, что ведет к прямой интервенции в поддержку оппозиционных сил.

Третий сценарий представлен в Сирии. Это «смешанный тип», соединивший черты двух указанных сценариев. Наличие интервенции переводит его во второй – «ливийский», отсутствие – дает третий вариант первого типа.

Идеология и лозунги «цветных революций» достаточно просты и сосредотачиваются вокруг прослеженных нами в примерах России, Веймарской Германии и Кубы лозунгов борьбы с «антинародным правительством», коррупционерами и представителями имущих классов, близких к власти, и упрощены до примитивного уровня.

Характерный признак «цветных революций» и особенно «арабской весны» – отсутствие лидеров и оппозиционной программы. В событиях «цветных революций» срабатывал принцип переноса харизмы и стереотипных образов исторических лидеров протеста на современных организаторов протестов.

Цветные революции выглядят как имитация революций с целью мобилизации масс и легитимизации смены власти. Теория революции, как научное направление, с одной стороны, и инструмент для борьбы с властью, с другой, стала полноценной технологией для «цветных революций». Эти же технологии имеют и обратную сторону: разочарование больших социальных групп в последствиях.

Реализовав технологии организации и управления социальным протестом в целях политического переворота, группы, пришедшие к власти, не смогли организовать канализирование социального протеста (***выход из протеста***) для сохранения социальной поддержки и власти.

Изменения в социальной психологии современных обществ, которые начинают сближаться в связи с процессами глобализации и интернационализации, ведут к использованию большей технологичности и интенсификации технологий и их воздействия. Что ведет к более быстрому накоплению критической массы протеста, уменьшению необходимого количества протестующих для влияния на

власть, но также, в свою очередь, в связи с ограниченностью каждой технологии и к более короткому жизненному циклу технологий.

В российском политическом протесте обращает на себя внимание тот факт, что после нескольких попыток его перехода в радикальные формы массового протеста в 2011–2012 гг. его организаторы в 2017–2021 гг. стараются эту грань не пересекать, чему способствовали реакция власти и последствия для зачинщиков и дебоширов. При этом тема «жертвенности» (как технология трансформации протеста в более массовые и радикальные формы) появляется регулярно, но не имеет ожидаемого эффекта.

Используются столичность протеста, изображение масштабности протеста, однако цепной реакции трансформации протестных акций в радикальные и массовые формы не происходит в связи с реакцией власти и деятельностью правоохранительных органов.

Невозможность перетянуть на свою сторону вооруженные формирования или обеспечить хотя бы пассивность и нейтральность сил правопорядка гарантирует стабильность политической системы и недостижимость на данном этапе политических целей организаторов протеста, несмотря на то, что количественно, медийно и организационно российские политические протесты последних лет не уступают политическим протестам успешных «цветных революций».

Социальной базой протестного движения конца 2011 г. – мая 2012 г. в России стал вестернизированный средний класс. При наличии ядра политических протестных акций последнего десятилетия, которое может составлять до 20 тыс. участников в столице, возможен регулярный рост массовости с появлением объединяющих мобилизующих лозунгов и триггеров, несмотря на различные конфликтующие идеологии и представления участников.

Эти протесты продемонстрировали отсутствие серьезной и большой идеологии, эффективность простых лозунгов, ограниченность роста массы протеста, быстротечность накала протестных акций, краткосрочность союза в рядах протестующих.

В России и Белоруссии основное освещение протестных акций с задачей направленного коммуникационного воздействия по формированию и развитию протестных акций происходило через социальные сети, оппозиционные медиа и зарубежные СМИ. Социальная сеть, на которую приходится основная нагрузка коммуникаций протеста, меняется от страны к стране.

Но в отличие от примеров «цветных революций», где социальные сети давали высокий уровень конкуренции в медийном пространстве, серьезный медийный ресурс оппозиции как в России, так и в Белоруссии, столкнулся с большим количеством прогосударственных СМИ и высоким уровнем синхронизации информации. Поражение в медийном поле, отсутствие значимого раскола в элитах, невозможность устранить или перетянуть на свою сторону силовые структуры привели к поражению организаторов новой попытки «цветной революции».

В российском и белорусском примерах потерпела фиаско концепция «сетевых ресурсов» и «сетевого протеста» против традиционных СМИ. Во-первых, традиционные СМИ, особенно телевидение, остаются главным производителем контента, потребляемого основной долей пользователей через сетевые ресурсы. Во-вторых, власть начала работу по информационному доминированию и в социальных сетях, что позволяет выстраивать единую повестку дня. Новым явлением в «белорусских протестах» стал еще больший крен от физических органов управления протестом в перенос системы управления в телеграм-канал (как медиа) и «Телеграм» как мессенджер. Связанная, централизованная и синхронизированная система медиаканалов стала не только информационным каналом, но организационным стержнем протеста.

Заключение

Изменившиеся социально-политические и коммуникационные условия жизни общества требуют новых разработок в области протестных коммуникаций, дополнений к теориям социального конфликта, современных концепций и технологий управления коммуникациями, направленных на нейтрализацию протестных настроений. Особого внимания требует к себе виртуализация протеста – его создание за счет направленных медиакоммуникационных действий при отсутствии реальных серьезных причин.

В результате исследования подтверждена рабочая гипотеза. Доказано, что политический протест в массовых и радикальных формах с его медиакоммуникационной составляющей представляет собой самостоятельное явление, которое отличается от других видов и типов протеста, имеет собственные закономерности возникновения, развития и медийного обеспечения. В генезисе массового политического протеста доминирующее значение имеют транслируемые с помощью медиаресурсов представления граждан о текущей политической и социально-экономической ситуации, но не фактическое положение дел. Это делает общественное сознание максимально восприимчивым к направленному коммуникационному воздействию и возможностям его регулирования средствами медиакоммуникаций. При этом формирование всё более развитых демократических механизмов внутри медиакоммуникационной системы является идеальной задачей, но не самоцелью. Отношение к дилемме «свобода слова – регулирование медиа» изменяется на разных этапах развития общества и связано с уровнем угроз для власти и оппозиционных структур, их намерениями стимулировать или нейтрализовывать радикальные массовые формы политического протеста. На современном этапе общественного развития проблема регулирования медиакоммуникаций снова стала актуальной, что вызвано фактором «цветных революций» и нарастанием геополитической напряженности.

Достигнута поставленная цель: в результате исследования создан теоретический концепт массового политического протеста в радикальных формах и принципов регулирования этого протеста средствами медиакоммуникаций.

Складывающиеся на определенном социально-политическом пространстве экономические, этнонациональные, демографические и другие условия и их комбинации – это позиции, которые можно считать факторами риска, сопутствующими факторами; факторами, обеспечивающими питательную среду для возникновения и роста протеста. Однако они не всегда являются главными причинами его развития в радикальные и массовые формы. В динамике протеста чаще всего роль играет не фактическое положение вещей, а представление об этом положении: кризисе, низком уровне благосостояния, возможности быстрых путей его роста, проблемах с безопасностью и т.д. Это позволяет понять особенную восприимчивость данного вида протеста к технологиям направленного медиакоммуникационного воздействия и ответить на вопрос о том, почему люди в отстаивании своих прав и взглядов готовы смириться с материальными потерями, снижением уровня жизни и даже риском физических повреждений и смерти.

Анализ большого количества примеров политического протеста дает основания вычленить два условия его выплеска в радикальные массовые формы. Это формируемая и внедряемая с помощью медиарусурсов идеология и организационный формат реализации ее принципов: присутствие общих идей и лозунгов для протеста, релевантное для больших социальных групп, и наличие организационных структур, стремящихся использовать протестные настроения в достижении политических целей.

Традиционное для теорий социального конфликта положение о том, что политический протест в радикальных и массовых формах значительно нивелируется в развитых странах по мере развития в них демократии и повышения благосостояния населения, требует корректировок в современных условиях: имеют главенствующее значение продвигаемые через медиа представления населения о демократии, уровне жизни, справедливости, которые могут расходиться с

формально декларируемой официальной повесткой и охватывать широкие слои населения.

Протест становится действительно массовым, если большие социальные группы начинают считать несправедливым существующий порядок вещей в государстве, переносят ответственность за такое положение дел на власть, теряют надежду на способность власти к изменениям. Наличие всех трех компонентов является обязательным.

Анализ позволяет детерминировать 4 компонента стабильности власти:

1) легитимность власти и поддерживающих ее медиаресурсов;

2) уровень потенциального политического протеста в государстве и медиапредставление о нем;

3) наличие сил, способных перевести этот протест в массовые и радикальные формы; источники и уровни их медиапотребления,

4) способность власти защищаться с помощью силового подавления протеста, удовлетворения требований протестующих или перевода протеста в пассивное состояние путем перенаправления агрессии в другое русло; уровень медиаподдержки каждого из вариантов.

Завершение радикальных массовых форм политического протеста обусловлено такими принципами, как физическое и/или психологическое устранение протестующих; удовлетворение и/или создание в массовом сознании, с помощью медиакоммуникаций, иллюзии реализации их наиболее важных требований; усталость общества от «смуты» и поддержанное медиаресурсами стремление к возврату «порядка».

Соотношение протестующих к части населения, начинающей проявлять апатию, представляется принципиально важным. Исследование различных исторических примеров показывает, что доля оппозиционно и революционно настроенных граждан может быть чрезвычайно мала в общей массе населения, однако искусственно «раздувается» оппозиционными медиаресурсами. И наоборот: доля сопротивляющихся радикальным призывам может искусственно сокращаться с помощью медиа.

Имеет значение не абсолютное число участников протестной акции, а их медиапрезентация, создающая представление о массовости протеста как для населения, так и для самой власти.

Ядро протестного движения формируют представители городских средних классов, интеллигенции и молодых поколений. Выделяя большой процент молодежи в социальном составе политического протеста, следует признать, что сам по себе факт большой доли молодого населения в определенном обществе не может рассматриваться в качестве обязательной причины радикализации и массовости протестных выступлений. Это создает особенности для медиакоммуникаций.

Наиболее сильные мотиваторы политического протеста в радикальных и массовых формах связаны с социальными представлениями о построении более совершенного общества; понятиями «справедливость», «свобода», «национализм» и «интернационализм». Полноценными идеологиями протеста становится стремление к стандартам «глобализации» и «общества потребления».

Ключевое значение для власти и организаторов протеста приобретает проблема легитимности. Радикальный протест становится легитимным, когда в медиа, а через них и в обществе начинают доминировать представления о несправедливой власти, не заботящейся о благе подданных и государства. Важную роль в легитимизации протеста и мобилизации его сторонников играют эвгемеры (сакрализованные медиаобразы).

Для большинства исторических прецедентов массового политического протеста в радикальных формах были характерны харизматические лидеры. В условиях медиатизации образы лидеров формируются и получают массовое распространение в короткие промежутки времени и столь же быстро «низвергаются» и подвергаются «забвению». В других случаях их роль начинают выполнять медиаменеджеры или даже администраторы медиаресурсов.

В технологиях организации и управления политическим протестом в радикальных и массовых формах ключевыми определяются 4 фактора: столицы, армии, внешнего влияния и направленного коммуникационного воздействия.

В исторических примерах и современных прецедентах сценарии развития массового политического протеста в радикальных формах и управления им остаются почти неизменными и различаются уровнем развития медиаресурсов.

В классическом варианте сценария локальный протестный акт небольшого количества участников запускает мобилизацию сторонников: пропагандистская работа направлена на создание представления о массовости протеста и серьезности его требований. Население пассивно, так как не является безоговорочным сторонником действующей власти, испытывает усталость от нее, теряет веру в возможность позитивных изменений. Часть граждан начинает связывать данный протест с возможностями кадровых передвижений и улучшением условий жизни. По мере увеличения медиаподдержки масса протеста растет, и в протестных акциях появляются или начинают доминировать политические лозунги. Противостояние с силами правопорядка ведет к «жертвам», значимость которых, как правило, «раскручивается» и преувеличивается в медиапространстве, стимулирует радикализацию протеста, способствует росту его массы и территориального охвата. Если протест проявляет достаточную силу, что демонстрируется через медиа, а власть – слабость, что также транслируется в медиапространстве, то это ведет к расколу в элитах и смене власти. Если силы протеста и их медийная поддержка не перевешивают устойчивость власти, то решительные действия позволяют ей сохраниться.

В целом ряде исторических примеров массовый политический протест в радикальных формах возникал в связи с проходящими и предстоящими выборами в стране, когда медийная активность усиливается. Это позволяло мобилизовать сторонников проигравших партий и персон, легитимизировать их действия.

Поведение армии и сил правопорядка варьируется в массовом политическом протесте в радикальных формах от участия в политическом перевороте в качестве его ведущего субъекта до перехода на сторону протестных сил и «раскола» с поддержкой разных сторон конфликта.

Внешний фактор воздействует на противостоящую протесту власть в форме политико-идеологической медиаподдержки, а также материальной поддержки протестующих, либо осуществляет непосредственное военное вмешательство.

Управление массовым политическим протестом может быть как централизованным, так и децентрализованным; иметь матричную структуру либо вообще не обладать на определенных этапах сильными организационно-ресурсными центрами. Современные примеры радикальных массовых форм политического протеста продемонстрировали рост случаев переноса системы управления в русло управления медиакоммуникациями, когда главное воздействие на поведение протестующих оказывает не столько управление их организациями, сколько доминирование медиакоммуникаций: при внешней стихийности действий протестующих и отсутствии единого центра координации и принятия решений управленческую функцию осуществляют информационно-коммуникационные каналы и сформированные ими модели и шаблоны поведения. Прецеденты массового политического протеста XX и XXI вв. дают наглядные примеры того, как медийный ресурс, в виде печатного органа или ресурса в соцсетях, становится не только информационным каналом, но и организационным стержнем протестного движения.

Примеры проявлений протеста формируются с помощью медиа в шаблоны поведения (фреймы) для протестующих, быстро распространяющиеся на массовую аудиторию. За счет этого «экспорт революции» становится коммуникационной технологией, которая устанавливает модели поведения и предоставляет возможность их копирования.

Политический протест в радикальных и массовых формах подчиняется принципу «цепной реакции»: распространение в медиаресурсах информации об успешности протестных выступлений в соседних городах, областях, странах становится фактором развития протеста.

Современные радикальные массовые формы политического протеста базируются на эффективности простых лозунгов при отсутствии серьезной идеологии, что определяет их взрывной характер на этапе формирования и

невозможность поддержания высокой массы протеста на больших временных промежутках. В формировании оценочных критериев поведения протестующих существенную роль играют созданные в медиа образы «западных стандартов» благополучия, общества потребления и демократии. Простой, мобилизующий и объединяющий мотив организаторы протестов нащупали в лозунгах борьбы с коррупцией.

Политические организации, стремящиеся мобилизовать сторонников и прийти к власти с помощью социального протеста, вбрасывают в медиа понятие «революция» в политико-пропагандистских целях. «Теория революции», под которой понимают исследование закономерностей революций, становится в ряде случаев не просто научным направлением, а медиасоциальной технологией.

Изменения в медиапотреблении современных обществ создали привели, с одной стороны, к интенсификацию использования медиатехнологий, а с другой – к более быстрому «износу ресурса» каждой технологии и сокращению ее жизненного цикла.

Медиакоммуникации в рассматриваемый период становятся ключевым средством в организации и развитии массового политического протеста, а также в его нейтрализации. Направленное коммуникационное воздействие осуществляется медийными и немедийными средствами, но если в начале XX в. немедийные средства преобладают, то в конце XX – начале XXI вв. доминируют медийные коммуникации. В рамках процессов растущей медиатизации любые коммуникации быстро становятся медийными.

В ходе «цветных революций» и последующих протестных проявлений система синхронизированной информации в медиа со стороны власти, охватывающая прежде всего традиционные СМИ, столкнулась с деятельностью сетевых оппозиционных медиа с их большим организационным потенциалом и недостатками в виде децентрализации и десинхронизации информационного сигнала. Государственное регулирование медиакоммуникаций первоначально не охватывало эти медиа, а зачастую не срабатывало и для традиционных медиаресурсов. Это позволило оппозиционным структурам с помощью сетевых

ресурсов организовывать политический протест, увеличивать его массовость, временами переводить протест в радикальные формы.

В такой ситуации власти России и Белоруссии перешли к стратегии, с одной стороны, активного регулирования медиаполя; а с другой – к выстраиванию доминирующей информационной повестки за счет синхронизации традиционных и новых медиа.

Синхронизация и централизация информации за счет головного медиаресурса, информация с которого уходит на «поддерживающие ресурсы», а также усиление организационной функции медиаресурса (по примеру ленинского «общероссийского политического печатного органа») позволили оппозиции в Белоруссии организовать массовый политический протест с серьезным увеличением массовости и переводом его временами в радикальные формы. Изменение подходов в медиакоммуникациях белорусской властью позволило купировать протест, а затем свести его на нет.

Процессы, идущие во многих странах, демонстрируют превалирование традиционных СМИ, пользующихся условиями конвергентности, а также возможностями синхронизации новых медиа и выстраивания доминирующей информационной повестки за счет синхронизации традиционных и новых медиа.

Отношение к проблеме регулирования СМИ в контексте рассматриваемой темы укладывается в общую закономерность. Она заключается в том, что внутренняя политическая оппозиция всегда требует полной свободы медиа, однако, придя к власти, осуществляет последовательное ограничение этих свобод. Те же процессы происходят в случаях активизации внешних угроз для государства, поскольку при невозможности существенного влияния со стороны внутренних оппозиционных медиаресурсов, оно может оказываться через зарубежные СМИ, социальные сети и мессенджеры. Усиливается «экспорт» протеста, внешняя подпитка социальных конфликтов, формируются новые условия направленного коммуникационного воздействия на индивидов и социальные группы со стороны внешних сил. В данных ситуациях неизбежна постановка вопроса о регулировании внешнего медиавлияния.

«Цветные революции», особенно в редакциях после «арабской весны», привели к усилению регулирования медиакоммуникаций во многих государствах. Стремление к монополизации медиавлияния, под которым понимается противодействие распространению актуальных для государства ценностей, политики или общественных образов, можно отметить как мировой тренд.

В глобальном плане речь идет о смене научной парадигмы от позитивистской (объективистской), предполагающей последовательное развитие демократических механизмов в деятельности медиа, к субъективистской (регулятивной) с ограничениями в работе медиа и использованием их в качестве механизма коммуникационного воздействия.

В то же время одни регулятивно-репрессивные меры против протестующих (в условиях невозможности полного контроля за сетевыми ресурсами) не приносят требуемого эффекта. В отличие от условий XX в., когда решающим инструментом борьбы с протестом могло стать закрытие медиаресурса, сегодня, в условиях медиатизации, господствующее положение в медиаполе может быть достигнуто за счет создания прогосударственных и провластных каналов в новых медиа и завоевания ими лидирующих позиций в направленном коммуникационном воздействии. Организация такой системы в целях формирования доминирующей информационной повестки должна стать предметом дальнейших исследований.

Список источников и литературы

Архивные источники

1. Российский государственный военный архив (РГВА). – Фонд 1522к. – Опись 1. – Дело № 1.
2. Российский государственный военный архив. – Фонд 1522к. – Опись 1. – Дело № 2.
3. Российский государственный военный архив. – Фонд 519к. – Опись 4. – Дело № 7.
4. Российский государственный военный архив. – Фонд 519к. – Опись 4. – Дело № 37.

Труды социальных философов, теоретиков и практиков социального протеста

5. Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.1. – М.: Мысль, 1976. – С. 369-448.
6. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.4. – М.: Мысль, 1983. – С. 375-644.
7. Бёрк, Э. Письмо г-на Бёрка к члену национальной ассамблеи в ответ на некоторые возражения в отношении его книги о положении дел во Франции // Бёрк Э. Правление, политика и общество. Сборник /Пер. с англ. – М.: Канон–пресс, Кучково поле, 2001. – С. 347-424.
8. Бланки, Л.О. Инструкция к вооруженному восстанию // Бланки Л.О. Избранные произведения /Под общ. ред. В.П. Волгина. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 313-325.
9. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры /Пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
10. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть /пер. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. – М.: Добросвет, 2000. – 389 с.
11. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
12. Бодрийяр, Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 1995. – 168 с.
13. Бэкон, Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. 2-е, испр. и доп. изд. Т. 2 /Сост., общ. ред. и вступит, статья А.Л. Субботина. – М.: Мысль, 1978. – С. 347-486.
14. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. – М.: Логос, 2004. – 368 с.
15. Гевара, Э., Че. Заметки к изучению идеологии Кубинской революции // Гевара Э., Че. Статьи, выступления, письма /Пер. с исп. – М.: Культурная революция, 2006. – С. 134-143.
16. Гевара, Э., Че. Куба – историческое исключение или авангард борьбы с колониализмом? // Гевара Э., Че. Статьи, выступления, письма. – М.: Культурная революция, 2006. – С. 161-177.

17. Гевара, Э., Че. Партизанская война как метод // Гевара Э., Че. Статьи, выступления, письма. – М.: Культурная революция, 2006. – С. 330-348.
18. Гевара, Э., Че. Социальная программа Повстанческой Армии // Гевара Э., Че Статьи, выступления, письма. – М.: Культурная революция, 2006. – С. 43-54.
19. Гегель. Из «Конфиденциальных писем о прежнем государственно-правовом отношении земли Ваадта (ВО) к городу Берну» // Гегель. Политические произведения. – М.: Наука, 1978. – С. 54-64.
20. Гео Йиман. О революции / Пер. с англ. и прим. Э.Э. Шульца // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2020. – № 2. – С. 61–70.
21. Гизо, Ф. История английской революции. Т. 1–2. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 480 с. + 512 с.
22. Гизо, Ф. История цивилизации в Европе. – М.: Территория будущего, 2007. – 336 с.
23. Гитлер, А. Моя борьба /Пер. с нем. с коммент. ред. – М.: Витязь, 1998. – 590 с.
24. Гоббс, Т. Основ философии. Часть третья. О гражданине. // Гоббс Т. Сочинения в двух томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – С. 270-506.
25. Гоббс, Т. Философские основания учения о гражданине. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. – 304 с.
26. Гольбах, П.А. Естественная политика, или беседы об истинных принципах управления // Гольбах П.А. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. – М.: Изд-во соц.-эк. литературы, 1963. – С. 85-536.
27. Гольбах, П.А. Система природы, или о законах мира физического и мира духовного // Гольбах П.А. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. – М.: Изд-во соц.-эк. литературы, 1963. – С. 53-684.
28. Грамши, А. Политическая борьба и война // Грамши А. Избранные произведения в трех томах /Пер. с итальянского. Т. 3. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – С. 191-200.
29. Джефферсон, Т. Письмо Д. Картрайту, 5 июня 1824 г. // Американские просветители. Избранные произведения в двух томах. Т. I /Сост. Н.М. Гольдберг. – М.: Мысль, 1968. – С. 140-145.
30. Джозеф Кларк об истории и теории революций / Пер. с англ., вступ. статья и прим. Э.Э. Шульца // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2020. – № 1. – С. 214–223.
31. Камю, А. Человек бунтующий // Камю А. Сочинения в пяти томах. Т. 3. – Харьков 1998. – С. 59-360.
32. Кастро, Ф. История меня оправдает. Речь на судебном процессе по делу участников нападения на казарму Монкада в городе Сантьяго-де-Куба. 16 октября 1953 года. // Кастро Ф. Избранные произведения. 1952-1986 гг. /Пер. с исп. – М.: Изд-во политической литературы, 1986. – С. 6-61.
33. Кастро, Ф. Письма из тюрьмы на острове Пинос // Кастро Ф. Избранные произведения. 1952-1986 гг. /Пер. с исп. – М.: Изд-во политической литературы, 1986. – С. 61-81.

34. Кастро, Ф. Я абсолютно верю в марксизм. Лекция, прочитанная в Народном университете на тему о Единой партии социалистической революции. 1 декабря 1961 года // Кастро Ф. Избранные произведения. 1952-1986 гг. /Пер. с исп. – М.: Изд-во политической литературы, 1986. – С. 84-154.
35. Каутский, К. Путь к власти. (Политические очерки о врастании в революцию). – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1959. – 153 с.
36. Лебон, Г. Психология толп // Лебон Г., Тард Г. Психология толп. – М.: Институт психологии РАН, КСП+, 1998. – С. 15-254.
37. Лебон, Г., Тард, Г. Психология толп. – М.: Институт психологии РАН, КСП+, 1998. – 412 с.
38. Ленин В.И. С чего начать? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 5. – М.: Политиздат, 1967. – С. 1-13.
39. Ленин, В.И. Большевизм и «разложение» армии // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 32. – М.: Политиздат, 1969. – С. 255-257.
40. Ленин, В.И. Большевики должны взять власть. Письмо Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП(б) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 34. – М.: Политиздат, 1969. – С. 239-241.
41. Ленин, В.И. В боевой комитет при Санкт-петербургском комитете // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 11. – М.: Политиздат, 1960. – С. 336-338.
42. Ленин, В.И. Война и революция // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 32. – М.: Политиздат, 1969. – С. 77-102.
43. Ленин, В.И. Войско и революция // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 12. – М.: Политиздат, 1968. – С. 111-114.
44. Ленин, В.И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 40. – М.: Политиздат, 1974. – С. 1-24.
45. Ленин, В.И. Выступление на заседании Петербургского комитета РСДРП(б). 1(14) ноября 1917 г. // Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 215-219.
46. Ленин, В.И. Выступления на заседаниях ЦК РСДРП(б) 1 (14) ноября 1917 г. Протокольная запись // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 35. – М.: Политиздат, 1974. – С. 43.
47. Ленин, В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 41. – М.: Политиздат, 1981. – С. 1-104.
48. Ленин, В.И. Доклад Всероссийского Центрального Исполнительного комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря. VIII Всероссийский съезд Советов // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 42. – М.: Политиздат, 1970. – С. 128-161.
49. Ленин, В.И. Доклад на собрании большевиков-участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов 4 (17) апреля 1917 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 31. – М.: Политиздат, 1969. – С. 103-112.

50. Ленин, В.И. Доклад о мире 26 октября (8 ноября) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 35. – М.: Политиздат, 1974. – С. 13-18.
51. Ленин, В.И. Доклад о текущем моменте 24 апреля (7 мая). Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) 24-29 апреля (7-12 мая) 1917 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 31. Изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1969. – С. 342-360.
52. Ленин, В.И. Дополнение к «Обращению к питерским рабочим об организации продовольственных отрядов» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 36. – М.: Политиздат, 1969. – С. 356.
53. Ленин, В.И. Задачи отрядов революционной армии // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 11. – М.: Политиздат, 1960. – С. 339-343.
54. Ленин, В.И. Заключительное слово по докладу об очередных задачах Советской власти (Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г.) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 36. – М.: Политиздат, 1969. – С. 268-276.
55. Ленин, В.И. Записи во время приема крестьян деревни Бекетово Булгаковской волости Уфимской губернии. 19 марта 1921 г. // Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 421-423.
56. Ленин, В.И. Записка Ф.Э. Дзержинскому с проектом о борьбе с контрреволюционерами и саботажниками // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 35. – М.: Политиздат, 1974. – С. 156-158.
57. Ленин, В.И. Заседание Центрального Комитета РСДРП(б) 16 (29) октября 1917 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 34. – М.: Политиздат, 1969. – С. 394-397.
58. Ленин, В.И. К десятилетнему юбилею «Правды» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 45. – М.: Политиздат, 1970. – С. 173-177.
59. Ленин, В.И. К населению // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 35. – М.: Политиздат, 1974. – С. 65-67.
60. Ленин, В.И. К тезисам о производственной пропаганде // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 42. – М.: Политиздат, 1970. – С. 374-375.
61. Ленин, В.И. Конспект речи по вопросу об отношениях рабочих и интеллигентов в с.-д. организациях // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 10. – М.: Политиздат, 1967. – С. 388.
62. Ленин, В.И. Крах II Интернационала // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 26. – М.: Политиздат, 1969. – С. 209-265.
63. Ленин, В.И. Кризис власти // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 32. – М.: Политиздат, 1969. – С. 1-3.
64. Ленин, В.И. Кризис меньшевизма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 14. – М.: Политиздат, 1969. – С. 149-172.
65. Ленин, В.И. Кризис назрел // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 34. – М.: Политиздат, 1969. – С. 272-283.
66. Ленин, В.И. Маевка революционного пролетариата // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 23. – М.: Политиздат, 1973. – С. 296-305.
67. Ленин, В.И. Материалы к статье «Новые задачи и новые силы». Заметки к статье «Мобилизация армии пролетариата» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 9. – М.: Политиздат, 1967. – С. 403-404.

68. Ленин, В.И. Набросок правил для служащих // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 35. – М.: Политиздат, 1974. – С. 42.
69. Ленин, В.И. Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии (речь 21 ноября 1920 г.). Московская губернская конференция РКП // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 42. – М.: Политиздат, 1970. – С. 30.
70. Ленин, В.И. О Кронштадтском восстании. Краткая запись беседы с корреспондентом американской газеты «The New York Herald» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 43. – М.: Политиздат, 1970. – С. 129.
71. Ленин, В.И. О мобилизации рабочих на борьбу с голодом. Проект постановления СНК // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 36. – М.: Политиздат, 1969. – С. 319.
72. Ленин, В.И. О национальной гордости великороссов // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 26. – М.: Политиздат, 1969. – С. 106-110.
73. Ленин, В.И. О продовольственном налоге // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 43. – М.: Политиздат, 1970. – С. 205-245.
74. Ленин, В.И. О продовольственных отрядах. Речь на рабочих собраниях Москвы 20 июня 1918 г. Краткий газетный отчет // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 36. – М.: Политиздат, 1969. – С. 424-425.
75. Ленин, В.И. О стачках // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 4. – М.: Политиздат, 1967. – С. 288-298.
76. Ленин, В.И. О твердой революционной власти // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 32. – М.: Политиздат, 1969. – С. 30-32.
77. Ленин, В.И. О характере наших газет // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 37. – М.: Политиздат, 1969. – С. 89-91.
78. Ленин, В.И. Объединенное заседание ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов. Доклад. // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 37. – М.: Политиздат, 1969. – С. 111-128.
79. Ленин, В.И. Ответ на запрос крестьянина // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 37. – М.: Политиздат, 1969. – С. 478-481.
80. Ленин, В.И. Ответ на запросы крестьян // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 35. – М.: Политиздат, 1974. – С. 68-69.
81. Ленин, В.И. Падение Порт-Артура // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 9. – М.: Политиздат, 1967. – С. 151-159.
82. Ленин, В.И. Партизанская война // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 14. – М.: Политиздат, 1972. С. 1-12.
83. Ленин, В.И. Партийная организация и партийная литература // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 12. – М.: Политиздат, 1968. – С. 99-105.
84. Ленин, В.И. Переписка с Э.М. Склянским. 26 апреля 1921 г. // Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 428-429.
85. Ленин, В.И. Письмо А.М. Коллонтай, 16 марта 1917 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 49. – М.: Политиздат, 1970. – С. 399-401.

86. Ленин, В.И. Письмо в ЦК, МК, ПК и членам Совета Питера и Москвы большевикам // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 34. – М.: Политиздат, 1969. – С. 340-341.
87. Ленин, В.И. Письмо Г.В. Чичерину, М.М. Литвинову, 6.V.1919 // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 50. – М., 1970. – С. 304-306.
88. Ленин, В.И. Письмо Г.Е. Зиновьеву, 14.VI. 1918 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 50. – М.: Политиздат, 1970. – С. 99.
89. Ленин, В.И. Письмо к рабочим Европы и Америки // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 37. – М.: Политиздат, 1969. – С. 454-462.
90. Ленин, В.И. Письмо объединенному заседанию ВЦИК, Московского Совета с представителями фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 3 октября 1918 г. // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 37. – М.: Политиздат, 1969. – С. 97-100.
91. Ленин, В.И. Письмо Питерской городской конференции (для прочтения на закрытом заседании) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 34. – М.: Политиздат, 1969. – С. 347-350.
92. Ленин, В.И. Письмо Я.М. Свердлову, Л.Д. Троцкому, 1.X. 1918 // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 50. – М.: Политиздат, 1970. – С. 185-186.
93. Ленин, В.И. По поводу протоколов ноябрьской военно-боевой конференции Российской социал-демократической рабочей партии // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 15. – М.: Политиздат, 1972. – С. 281-290.
94. Ленин, В.И. Проект декрета о праве отзыва // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 35. – М.: Политиздат, 1974. – С. 106-107.
95. Ленин, В.И. Проект декрета о проведении в жизнь национализации банков и о необходимых в связи с этим мерах // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 35. – М.: Политиздат, 1974. – С. 174-177.
96. Ленин, В.И. Проект резолюции о свободе печати // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 35. – М.: Политиздат, 1974. – С. 51-52.
97. Ленин, В.И. Проект резолюции о современном политическом моменте // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 34. – М.: Политиздат, 1969. – С. 144-150.
98. Ленин, В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. Полное собрание сочинений, изд. 5-ое. Т. 37. – М.: Политиздат, 1969. – С. 235-338.
99. Ленин, В.И. Прощальное письмо к швейцарским рабочим // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 31. – М.: Политиздат, 1969. – С. 87-94.
100. Ленин, В.И. Революционная армия и революционное правительство // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 10. – М.: Политиздат, 1967. – С. 335-344.
101. Ленин, В.И. Революционные дни // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 9. – М.: Политиздат, 1967. – С. 205-229.
102. Ленин, В.И. Речь на демонстрации в честь Австро-Венгерской революции 3 ноября 1918 г. Краткий газетный отчет // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 37. – М.: Политиздат, 1969. – С. 131.

103. Ленин, В.И. Речь на митинге в Политехническом музее 23 августа 1918 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 37. – М.: Политиздат, 1969. – С. 65-70.
104. Ленин, В.И. Речь на митинге красноармейцев на Ходынке 2 августа 1918 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 37. – М.: Политиздат, 1969. – С. 30.
105. Ленин, В.И. Речь по вопросу печати. Заседание ВЦИК 4 (17) ноября 1917 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 35. – М., 1974. – С. 53-55.
106. Ленин, В.И. Речь при открытии памятника Марксу и Энгельсу 7 ноября 1918 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 37. – М.: Политиздат, 1969. – С. 169-170.
107. Ленин, В.И. Русская революция и гражданская война. Пугают гражданской войной... // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 34. – М.: Политиздат, 1969. – С. 214-228.
108. Ленин, В.И. Слухи о заговоре // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 34. – М.: Политиздат, 1969. – С. 73-78.
109. Ленин, В.И. Совет Народных Комиссаров Военно-революционному комитету // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 35. – М.: Политиздат, 1974. – С. 89.
110. Ленин, В.И. Советы постороннего // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 34. – М.: Политиздат, 1969. – С. 382-384.
111. Ленин, В.И. Статистика и социология // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 30. – М.: Политиздат, 1973. – С. 349-356.
112. Ленин, В.И. Тезисы для доклада на конференции 8 октября Петербургской организации, а равно для резолюции и для наказа выбранным на партийный съезд // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 34. – М.: Политиздат, 1969. – С. 342-346.
113. Ленин, В.И. Тезисы о производственной пропаганде (Черновой набросок) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 42. – М.: Политиздат, 1970. – С. 14-16.
114. Ленин, В.И. Телеграмма заграничному бюро ЦК // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 49. – М.: Политиздат, 1970. – С. 442-443.
115. Ленин, В.И. Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой! // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 37. – М.: Политиздат, 1969. – С. 38-42.
116. Ленин, В.И. Удержат ли большевики государственную власть // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 34. – М.: Политиздат, 1969. – С. 287-339.
117. Ленин, В.И. Уроки московского восстания // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 13. – М.: Политиздат, 1972. – С. 369-377.
118. Ленин, В.И. Уроки революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 19. – М.: Политиздат, 1968. – С. 416-424.
119. Макьявелли, Н. Государь // Макьявелли Н. Государь. – М.: АСТ, 2012. – С. 5-92.

120. Макьявелли, Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия// Макьявелли Н. Государь. – М.: АСТ, 2012. – С. 93-462.
121. Мальтус, Т.-Р. Опыт закона о народонаселении /Пер. И.А. Вернера. – М.: Издание К.Т. Солдатенкова, Типо-литография О.И. Лашвевич и Ко, 1895. – 321 с.
122. Маркс, К. Буржуазия и контрреволюция // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 6. – М.: Политиздат, 1957. – С. 109-134.
123. Маркс, К. Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 17. – М.: Политиздат, 1960. – С. 317-370.
124. Маркс, К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое. Т. 1. – М.: Политиздат, 1955. – С. 219-368.
125. Маркс, К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 13. – М.: Политиздат, 1959. – С. 1-167.
126. Маркс, К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 7. – М.: Политиздат, 1956. – С. 5-110.
127. Маркс, К. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 18. – М.: Политиздат, 1961. – С. 579-624.
128. Маркс, К. Критика готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 19. – М.: Политиздат, 1961. – С. 9-32.
129. Маркс, К. Монтескьё LVI // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 6. – М.: Политиздат, 1957. – С. 192-207.
130. Маркс, К. Письмо И. Вейдемейеру, 5 марта 1852 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 28. – М.: Политиздат, 1962. – С. 422-428.
131. Маркс, К. Письмо Ф. Энгельсу, 23 сентября 1851 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 27. – М. Политиздат, 1962. – С. 309-314.
132. Маркс, К. Процесс против рейнского окружного комитета демократов. Речь Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 6. – М.: Политиздат, 1957. – С. 254-272.
133. Маркс, К. Революционная Испания // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд.2-ое. Т. 10. – М.: Политиздат, 1958. – С. 423-480.
134. Маркс, К., Энгельс, Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 4. – М.: Политиздат, 1955. – С. 419-459.
135. Маркс, К., Энгельс, Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 3. – М.: Политиздат, 1955. – С. 7-544.
136. Никиш, Э. Политические сочинения. – СПб.: Владимир Даль, 2011. – 409 с.
137. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс /Пер. с исп. – М.: АСТ, 2002. – 347 с.
138. Парето, В. Компендиум по общей социологии. 2-е изд. /Пер. с итальянского. – М.: ИД ГУ ВШЭ, 2008. – 511 с.
139. Парето, В. Трансформация демократии /Пер. с итальянского. – М.: Территория будущего, 2011. – 208 с.

140. Пристли, Д. Очерк об основных принципах государственного правления и о природе политической, гражданской и религиозной свободы // Английские материалисты XVIII в. Собрание произведений. В 3-х т. /Под общ. ред. и с примеч. Б.В. Мееровского. Т. 3. – М.: Мысль, 1968. – С. 5-45.
141. Сен-Симон. Рассуждения литературные, философские и промышленные. Об общественной организации // Сен-Симон. Избранные сочинения /Под общ. ред. В.П. Волгина. Пер. с фр. Т. 2. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 273-363.
142. Спенсер, Г. Личность и государство /Пер. с англ. – Челябинск: Социум, 2007. – 207 с.
143. Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские /Пер. с англ. – Минск: Современный литератор, 1999. – 1408 с.
144. Спиноза, Б. Политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. – М.: Гос. Изд-во политической литературы, 1957. – С. 285-382.
145. Токвиль, А. Старый порядок и революция /Пер. с фр. – СПб.: Алетейя, 2008. – 248 с.
146. Томас Бэйли о причинах политических революций / Пер. с англ., вступ. статья и прим. Э.Э. Шульца // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2019. – № 4. – С. 52-61.
147. Троцкий, Л.Д. История русской революции. В 2 т. /Общ. ред. и вступ. ст. Н. Васецкого. Т. 1, Т. 2. Ч. 1, ч. 2.- М.: Терра, 1997. – 530 с. + 387 с. + 480 с.
148. Троцкий, Л.Д. К истории русской революции. – М.: Политиздат, 1990. – 446 с.
149. Тэн, И. Происхождение современной Франции. Т. I–V /Под ред. Я. Швырова. Пер. с фр. СПб.: Типография П.Ф. Пантелеева, 1907. – 295 с. + 260 с. + 228 с. + 256 с. + 312 с.
150. Фейербах, Л. Основные положения философии будущего // Фейербах Л. Сочинения в 2-х т. /Пер. с нем. Т. 1. – М.: Наука, 1995. – С. 90-145.
151. Фейербах, Л. Предварительные тезисы к реформе философии // Фейербах Л. Сочинения в 2-х т. Т. 1. /Пер. с нем. – М.: Наука, 1995. – С. 70-87.
152. Франклин, Б. Автобиография // Американские просветители. Избранные произведения в двух томах /Составление и примечания Н.М. Гольдберга. Т. I. – М.: Мысль, 1968. – С. 136-156.
153. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью /Пер. с фр. Часть 2. – М.: Праксис, 2005. – 318 с.
154. Шарп, Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения /2-е изд., испр. – М.: Новое издательство, 2012. – 84 с.
155. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 20. – М.: Политиздат, 1961. – С. 5-338.

156. Энгельс, Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 22. – М.: Политиздат, 1962. – С. 294-320.
157. Энгельс, Ф. Письмо Филиппу Ван-Паттену, 18 апреля 1883 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 36. – М.: Политиздат, 1964. – С. 9-10.
158. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 21. – М.: Политиздат, 1961. – С. 23-178.
159. Энгельс, Ф. Революция и контрреволюция в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 8. – М.: Политиздат, 1957. – С. 3-113.
160. Эрн, В.Ф. Сочинения. – М.: Правда, 1991. – 575 с.
161. Юм Д. О партиях вообще. Эссе // Юм Д. Сочинения в двух томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – С. 511-518.
162. Юм Д. О первоначальном договоре // Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – С. 656-675.
163. Юм, Д. О том, что политика может стать наукой // Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – С. 490-502.
164. Юм, Д. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Юм Д. Сочинения в двух томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1996. С. 53-656.
165. Юнг, К.Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991. – 300 с.
166. Hobbes, T. De Corpore Politico, or the Elements // Hobbes T. The English Works of Thomas Hobbes of Malmesbury /Ed. by Sir William Molesworth, Bart. Vol. IV. – London: John Bohn, 1840. – P. 77-229.
167. Tocqueville, A. The Ancien Regime and the French Revolution /Transl. by Arthur Goldhammer, ed. by Jon Elster. – Cambridge University Press, 2011. – 320 p.

Официальные документы, выступления, статистика, данные социологических опросов

168. Адольф Гитлер. Новые факты, редкие документы, уникальные фотографии /Пер. с франц., предисл. Л. Черной. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 159 с.
169. Акции протеста: атрибуты демократии или признаки кризиса в обществе? // Мониторинг общественного мнения. – 2015. – № 1 (125). – С. 60-67.
170. Безработица в Германии (1933-1939 гг.) // История Германии в 3 тт. /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3: Документы и материалы. – М.: КДУ, 2008. – С. 384.
171. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1959. – 602 с.
172. ВЦИОМ. Протестный потенциал. 2017. – Режим доступа: https://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/ (дата обращения: 30.03.2017)

173. ВЦИОМ. Рейтинги партий, доверия политикам, одобрения работы государственных институтов. 2017. 2.02.2017, – Режим доступа: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116049 (дата обращения: 30.03.2017)
174. Декрет о земле // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 35. – М.: Политиздат, 1974. – С. 24-27.
175. Декрет об аресте вождей гражданской войны // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 35. – М.: Политиздат, 1974. – С. 126.
176. Декреты Советской власти. Том 1. 25 октября 1917 – 16 марта 1918. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1957. – 626 с.
177. Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Протоколы. Стенографический отчет. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1963. – 916 с.
178. Заседание Центрального Комитета РСДРП(б) 16 (29) октября 1917 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 34. – М.: Политиздат, 1969. – С. 394-397.
179. Из «Закона о главе государства Германского рейха» (1 августа 1934 г.) // История Германии в 3 тт. /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3: Документы и материалы. – М.: КДУ, 2008. – С. 377-378.
180. Из «Закона о порядке национального труда» (20 января 1934 г.) // История Германии в 3 тт. /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3: Документы и материалы. – М.: КДУ, 2008. – С. 376-377.
181. Из «Закона о приведении к присяге государственных служащих и солдат вермахта» (20 августа 1934 г.) // История Германии в 3 тт. /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3: Документы и материалы. – М.: КДУ, 2008. – С. 378.
182. Из «Закона против образования новых партий» (14 июля 1933 г.) // История Германии /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3. – М.: КДУ, 2008. – С. 374-376.
183. Из «Указа о Немецком трудовом фронте» (ДАФ) (24 октября 1934 г.) // История Германии в 3 тт. /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3: Документы и материалы. – М.: КДУ, 2008. – С. 378.
184. Из декрета президента П. фон Гинденбурга «О защите народа и государства» в связи с поджогом рейхстага (28 февраля 1933 г.) // История Германии в 3 тт. /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3: Документы и материалы. – М.: КДУ, 2008. – С. 371.
185. Из записки генерала Курта фон Хаммерштейна А. Гитлеру (январь 1933 г.) // История Германии в 3 тт. /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3: Документы и материалы. – М.: КДУ, 2008. – С. 364-365.
186. Из имперского «Закона о наследственных дворах» (29 сентября 1933 г.) // История Германии в 3 тт. /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3: Документы и материалы. – М.: КДУ, 2008. – С. 374-376.
187. Из конспекта речи А. Гитлера перед командующими сухопутными войсками и военно-морским флотом (3 февраля 1933 г.) // История Германии в 3 тт. /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3: Документы и материалы. – М.: КДУ, 2008. – С. 370-371.

188. Из меморандума Гитлера о четырехлетнем плане (лето 1936г.) // История Германии в 3 тт. /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3: Документы и материалы. – М.: КДУ, 2008. – С. 382.
189. Из программы («25 пунктов») Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП, 24 февраля 1920 г.) // История Германии в 3 тт. /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3: Документы и материалы. – М.: КДУ, 2008. – С. 344-346.
190. Из речи А. Гитлера по поводу начала предвыборной кампании (10 февраля 1933 г.) // История Германии в 3 тт. /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3: Документы и материалы. – М.: КДУ, 2008. – С. 371.
191. Из сообщения газеты «Фелькишер Беобахтер» о создании концентрационного лагеря Дахау (21 марта 1933 г.) // История Германии в 3 тт. /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3: Документы и материалы. – М.: КДУ, 2008. – С. 372.
192. Из сообщения руководителя ДАФ Р. Лея о начале приема взносов для Фольксваген (1 августа 1938 г.) // История Германии в 3 тт. /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3: Документы и материалы. – М.: КДУ, 2008. – С. 401.
193. Левада-Центр. Алексей Навальный и его потенциальные сторонники. – Режим доступа: https://www.levada.ru/2021/03/01/aleksej-navalnyj-i-ego-potentsialnye-storonniki/ (дата обращения: 24.04.2021)[1125]
194. Левада-Центр. Возвращение Алексея Навального. – Режим доступа: https://www.levada.ru/2021/02/05/vozvrashhenie-alekseya-navalnogo/ (дата обращения: 24.04.2021)
195. Левада-Центр. Индикаторы. – Режим доступа: https://www.levada.ru/indikatory/ (дата обращения: 24.04.2021)
196. Левада-Центр. Митинги оппозиции – часть 1. 05.07.2012. – Режим доступа: https://www.levada.ru/2012/07/05/mitingi-oppozitsii-chast-1/ (дата обращения: 18.04.2021)
197. Левада-Центр. Оценка текущего положения дел в стране. – Режим доступа: https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/ (дата обращения: 17.04.2021)
198. Левада-Центр. Потенциал протеста с политическими требованиями. – Режим доступа: https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/ (дата обращения: 17.04.2021)
199. Левада-Центр. Потенциал протеста с экономическими требованиями. – Режим доступа: https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/ (дата обращения: 17.04.2021)
200. Левада-Центр. Протестная активность в стране. 03.09.2019. – Режим доступа: https://www.levada.ru/2019/09/03/protestnaya-aktivnost-5/ (дата обращения: 18.04.2021)

[1125] Левада-центр (Автономная Некоммерческая Организация «Аналитический Центр Юрия Левады») внесен в Реестр иностранных агентов (05.09.2016. Статья 32 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»).

201. Левада-Центр. Протестная активность в стране. 07.06.2012. – Режим доступа: https://www.levada.ru/2012/06/07/protestnaya-aktivnost-v-strane/ (дата обращения: 18.04.2021)
202. Левада-Центр. Протестная активность в стране. 13.12.2012. – Режим доступа: https://www.levada.ru/2012/12/13/protestnaya-aktivnost-rossiyan-3/ (дата обращения: 18.04.2021)
203. Левада-Центр. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты. – Режим доступа: https://www.levada.ru/2012/10/02/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg/ (дата обращения: 30.01.2021)
204. Левада-Центр. Россияне не хотят митинговать. 15.11.2016. – Режим доступа: https://www.levada.ru/2016/11/15/rossiyane-ne-hotyat-mitingovat/ (дата обращения: 18.04.2021)
205. Левада-Центр. Январские протесты. – Режим доступа: https://www.levada.ru/2021/02/10/yanvarskie-protesty/ (дата обращения: 24.04.2021)
206. Мамина, А. 2017. ВЦИОМ: рейтинги «Единой России» и Путина достигли максимума // Известия. 2.03.2017 (http://izvestia.ru/news/668152) (дата обращения: 30.03.2017)
207. Меньшевистские и эсеровские листовки 1917–1918 годов // Отечественная история. – 1993. – № 1. – С. 150-173.
208. Мякишева, Ю. Социологи назвали самые конфликтные города России // Российская газета. 12.11.2020. – Режим доступа: https://rg.ru/2020/11/12/reg-urfo/sociologi-nazvali-samye-konfliktnye-goroda-rossii.html (дата доступа: 21.01.2021)
209. О печати. Постановление Временного правительства от 27 апреля 1917 // Сборник Указов и постановлений Временного правительства. Вып.1. 27 февраля – 5 мая. – Пг.: Гос. тип., 1917. – С. 212-215.
210. О специальной военной цензуре. Постановление Временного правительства от 26 июля 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительственном Сенате. – Пг., 1917. – С. 2119-2130.
211. Об организации досуга – выступление Лея // История Германии в 3 тт. /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3: Документы и материалы. – М.: КДУ, 2008. – С. 395.
212. Об учреждениях по делам печати. Постановление Временного правительства от 27 апреля 1917 г. // Сборник Указов и постановлений Временного правительства. Вып.1. 27 февраля – 5 мая. – Пг.: Гос. тип., 1917. – С. 215-218.
213. Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП (ноябрь 1906 год). – М.: Партиздат, 1932. – 412 с.
214. Питерские рабочие и диктатура пролетариата. Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. Сборник документов. – СПб.: Блиц, 2000. – 464 с.

215. Полный сборник платформ всех русских политических партий. Изд. 2-е. – СПб.: ГПИБР, 1906. – 132 с.
216. Постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 35. – М.: Политиздат, 1974. – С. 28.
217. Призыв СДПГ к избирателям в связи с президентскими выборами (27 февраля 1932 г.) // История Германии в 3 тт. /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3: Документы и материалы. – М.: КДУ, 2008. – С. 358.
218. Программа Российской социал-демократической рабочей партии, принятая на II съезде партии // Коммунистическая партия Советского союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1958. Изд. 7-е. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1953. – С. 37-43.
219. Программа Социал-демократической партии Германии (Гёрлиц, сентябрь 1921 г.) // Германская социал-демократия. Сборник документов /Под ред. Ю.В. Соворова, В.Т. Двинской. – Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2005. – С. 110-115.
220. Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года. Т. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 448 с.
221. Пятый съезд РСДРП. Май – июнь 1907 г. Изд. 2-е. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. – 878 с.
222. Расходы на вооружения в Третьем рейхе (1934–1943 гг.) // История Германии /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3. – М.: КДУ, 2008. – С. 403.
223. Резолюция о декрете по поводу кадетской партии // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 35. – М.: Политиздат, 1974. – С. 138.
224. Российское общество осенью 2018-го: тревоги и надежды. Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования. Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2018. – Режим доступа: https://www.lsras.ru/liles/File/Doklad/Rossiiskoe_obschestvo_osen.vu_2018. pdf (дата обращения: 16.04.2021)
225. Статистический ежегодник России. 1913 г. Год десятый. – СПб.: Изд. ЦСК, 1914. – 664 с.
226. ЦИК РФ. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 2007. – Режим доступа: http://www.cikrf.ru/banners/elect_duma/ (дата обращения: 17.04.2021)
227. ЦИК РФ. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва. – Режим доступа: http://gd2003.cikrf.ru/ (дата обращения: 17.04.2021)
228. ЦИК РФ. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в 2011 году. Итоги голосования. – Режим доступа: http://www.cikrf.ru/banners/duma_2011/itogi/result.php (дата обращения: 17.04.2021)
229. ЦИК РФ. Выборы Президента Российской Федерации в 2012 году. Итоги голосования. – Режим доступа:

http://www.cikrf.ru/banners/prezident_2012/itogi/index.php (дата обращения: 17.04.2021)
230. ЦИК РФ. Результаты выборов Президента Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2018/itogi-golosovaniya/ (дата обращения: 17.04.2021)
231. Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 г. Протоколы. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1958. – 488 с.
232. Anhalt. Landtagswahlen 1918–1933. – Режим доступа: http://www.gonschior.de/weimar/Anhalt/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018)
233. Bayern. Landtagswahlen 1919–1933 – Режим доступа: http://www.gonschior.de/weimar/Bayern/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018)
234. Bremen. Bürgerschaftswahlen 1919–1933. – Режим доступа: http://www.gonschior.de/weimar/Bremen/Uebersicht_LTW.html (access date: 30.01.2018)
235. Der Verlag Ullstein zum Welt-Reklame-Kongress 1929. – Berlin, 1929. – 50 S.
236. Deutsche Geschichte 1933–1945: Dokumente zur Innen und Aussenpolitik /Hrsg. von W. Michalka. Frankfurt a/M.: Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1993.
237. Die Reichspräsidenten 1919–1934. Das Deutsche Reich – Режим доступа: http://www.gonschior.de/weimar/Deutschland/Praesidenten.html (дата обращения: 19.10.2013)
238. Dokumente zur Deutschen Geschichte 1929–1932. – Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1975. – 112 S.
239. Falter, J.W., Lindenberger, T., Schumann, S. Wahlen und Abstimmungen in der Weimarer Republik: Materialien zum Wahlverhalten, 1919–1933. – München: Beck, 1986. – 251 S.
240. Hamburg. Bürgerschaftswahlen 1919–1933 – Режим доступа: http://www.gonschior.de/weimar/Hamburg/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018)
241. Hessen. Landtagswahlen 1919–1933. – Режим доступа: http://www.gonschior.de/weimar/Hessen/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018)
242. Lübeck. Bürgerschaftswahlen 1919–1933 – Режим доступа: http://www.gonschior.de/weimar/Luebeck/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018)
243. Mecklenburg-Schwerin. Landtagswahlen 1919–1933. – Режим доступа: http://www.gonschior.de/weimar/Me-Schwerin/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018)
244. Mecklenburg-Strelitz. Landtagswahlen 1918–1933 – Режим доступа: http://www.gonschior.de/weimar/Me-Strelitz/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018)

245. Oldenburg. Landtagswahlen 1919–1933. – Режим доступа: http://www.gonschior.de/weimar/Oldenburg/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018)
246. Partei-Statistik. B. I. – Der Reichsorganisatiosleiter der NSDAP. 1935. – 352 S.
247. Preußen. Landtagswahlen 1919–1933. – Режим доступа: http://www.gonschior.de/weimar/Preussen/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018)
248. Reichstagswahlen 1919–1933. Das Deutsche Reich. – Режим доступа: http://www.gonschior.de/weimar/Deutschland/Uebersicht_RTW.html (дата обращения: 30.01.2018)
249. Schaumburg-Lippe. Landtagswahlen 1919–1933. – Режим доступа: http://www.gonschior.de/weimar/Schaumburg-Lippe/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018)
250. Schmidt, A. Publizistik im Dorf. – Dresden, 1939. – 100 S.
251. Starcke, G. NSBO und DAF. – Berlin, 1934. – 258 S.
252. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Herausgegeben vom Statistischen Reichsamt. Einundfünfzigster Jahrgang. 1932. – Berlin: Verlag von Reimar Hobbing in Berlin SW 61, 1932. – 828 S.
253. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Herausgegeben vom Statistischen Reichsamt. Zweiundfünfzigster Jahrgang. 1933. – Berlin: Verlag von Reimar Hobbing in Berlin SW 61, 1933. – 832 S.
254. Striefler, H. Deutsche Wahlen in Bildern und Zahlen. – Düsseldorf, 1946. – 65 S.
255. Thüringen. Landtagswahlen 1919–1933. – Режим доступа: http://www.gonschior.de/weimar/Thueringen/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018)
256. Württemberg. Landtagswahlen 1919–1933. – Режим доступа: http://www.gonschior.de/weimar/Wuerttemberg/Uebersicht_LTW.html (дата обращения: 30.01.2018)

Мемуары, воспоминания и интервью участников событий

257. Авксентьев, Н. Большевистский переворот // Отечественная история. – 1992. – № 5. – С. 143-155.
258. Арсеньев, К.К. Законодательство о печати. – СПб.: Типо-литография Ф. Вайсберга и П.П. Гершунина, 1903. – 264 с.
259. Блок, А. Последние дни старого режима // Архив русской революции: в 22 т., изданный И.В. Гессеном. Т. 4. – Берлин: Г.В. Гессен, 1922. – С. 5-54.
260. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 10 томах. Т. 1. – М.: Политиздат, 1989. – 351 с.
261. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 10 томах. Т. 2. – М.: Политиздат, 1989. – 384 с.
262. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 10 томах. Т. 3. – М.: Политиздат, 1989. – 367 с.

263. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 10 томах. Т. 4. – М.: Политиздат, 1990. – 351 с.
264. Восстания в Балтийском флоте 1905–1906 гг. Сборник статей, воспоминаний, материалов и документов. – Л.: Прибой, 1926. – 162 с.
265. Гоним, В. Революция 2.0 /Пер. с англ. – СПб.: Лениздат, 2012. – 350 с.
266. Демьянов, А. Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции: в 22 т., изданный И.В. Гессеном. Т. 4. – Берлин: Г.В. Гессен, 1922. – С. 55-120.
267. Завадский, С.В. На великом изломе. Под знаком Временного правительства // Архив русской революции: в 22 т., изданный И.В. Гессеном. Т. 11. – Берлин: Г.В. Гессен, 1923. – С. 5-73.
268. Захаров, В. Солдаты. Мое воспоминание о службе в полку Бунякина и о Тверской революции. – Тверь: б/и, 1917. – 32 с.
269. Керенский, А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. – М.: Терра, 1996. – 512 с.
270. Милюков, П.Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып.1. – София, 1921. – 310 с.
271. Набоков, В. Временное правительство // Архив русской революции: в 22 т., изданный И.В. Гессеном. Т. 1. – Берлин, 1921. – С. 9-96.
272. Оберучев, К. В дни революции. Воспоминания участника великой русской революции 1917-го года. – Нью-Йорк: Первое русское издательство в Америке, 1919. – 143 с.
273. Отвальт, Э. Путь Гитлера к власти (история национал-социализма). – М.: Гос. изд-во соц.-эк. изд-во, 1933. – 165 с.
274. Папен, Ф., фон. Вице-канцлер Третьего Рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933–1947 /Пер. с англ. М. Барышникова. – М.: Центрполиграф, 2005. – 290 с.
275. Первая боевая организация большевиков. 1905–1907 гг. Статьи, воспоминания и документы /Сост. С.М. Познер. – М.: Старый большевик, 1934. – 304 с.
276. Рид, Д. Десять дней, которые потрясли мир. – М.: Гос. изд-во Политической литературы, 1957. – 352 с.
277. Родзянко, М.В. Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции: в 22 т., изданный И.В. Гессеном. Т. 6. – Берлин: Г.В. Гессен, 1922. – С. 5-80.
278. Сорокин, П.А. Бойня: революция 1917 года // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Изд-во политической литературы, 1992. – С. 223-244.
279. Степун, Ф.А. Сочинения. – М.: РОССПЭН, 2000. – 998 с.
280. Суханов, Н.Н. Записки о революции. В 3-х томах. Т. 3. Кн. 5, 6, 7. – М.: Политиздат, 1991. – 413 с.
281. Чернов, В. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920. – М., 2007. – 428 с.
282. Штрассер, О. Гитлер и я /Пер. с англ. И. Павленко, В. Белоножко. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 380 с.

283. Goebbels, J. Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Sämtliche Fragmente /Herausgegeben von Elke Fröhlich im Auftrag des Instituts für Zeitschichte und in Verbindung mit dem Bundesarchiv. Band 1. – München: Saur. 1987. – 425 S.
284. Six, F.A. Die politische Propaganda der NSDAP im Kampf um die Macht. Inaugural-Dissertation, Ruprecht-Karl-Universität Heidelberg. – Heidelberg: Druckerei Winter, 1936. – 76 S.
285. The Speeches of Adolf Hitler. April 1922 – August 1939 /An English Translation of representative passages arranged under subjects and edited by Norman H. Baynes. V. 1. – N.Y.: H. Fertig, 1969. – 996 p.

СМИ

286. «Аль-Каиду» не взяли в армию. 9.08.2012. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2013/08/09_a_5547933.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
287. «Братья-мусульмане» называют решение египетского суда незаконным. 23.09.2013. – Режим доступа: http://ria.ru/arab_riot/20130923/965299172.html (дата обращения: 24.09.2013)
288. «ОВД-Инфо»: на акциях протеста в России задержано более 1300 человек // Коммерсантъ, 5.05.2018. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3622304 (дата обращения: 2.05.2021)
289. «Старшеклассники танцевали и смеялись среди полицейских кордонов». Зарубежные СМИ – об антикоррупционных митингах в России // Коммерсантъ, 27.03.2017. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3254291 (дата обращения: 2.05.2021)
290. 10 декабря: хроника // Лента.ру, 10 декабря 2011. – Режим доступа: https://lenta.ru/chronicles/protest/ (дата обращения: 24.04.2021)
291. 17 ливанских вооруженных боевиков убиты в Сирии. 01.12.2012. – Режим доступа: http://russian.news.cn/world/2012-12/01/c_132011627.htm (дата обращения: 25.09.2013)
292. 7 октября: протестная карта. Где и сколько людей вышло, сколько задержали Совместный проект «Медузы» и «ОВД-Инфо» // Медуза, 10.10.2017. – Режим доступа: https://meduza.io/feature/2017/10/10/7-oktyabrya-protestnaya-karta-gde-i-skolko-lyudey-vyshlo-skolko-zaderzhali (дата обращения: 2.05.2021)[1126]
293. Авенариус, Т. Сирия: оружие для повстанцев. 14.11.2012. – Режим доступа: http://www.inopressa.ru/article/14Nov2012/sueddeutsche/syria1.html (дата обращения: 24.09.2013)
294. Австралия запретила своим арабам воевать в Сирии. 04.01.2013. – Режим доступа: http://9tv.co.il/news/2013/01/04/142378-print.html (дата обращения: 25.09.2013)

[1126] Медуза (Meduza) (юридическое лицо, зарегистрированное в Латвийской Республике, SIA «Medusa Project») внесен в Реестр иностранных агентов (23.04.2021. Статья 6 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»).

295. Автопробег «Белое кольцо» завершился без эксцессов // Известия, 29 января 2012. – Режим доступа: https://iz.ru/news/513482 (дата обращения: 24.04.2021)
296. Акции «Он нам не царь»: задержаны около 1600 человек «Медуза» следила за протестами в Москве и регионах // Медуза, 5.05.2018. – Режим доступа: https://meduza.io/live/2018/05/05/aktsii-on-nam-ne-tsar-po-vsey-rossii-hronika (дата обращения: 2.05.2021) [1127]
297. Акция протеста сторонников Навального в Москве // РБК, 07.10.2017. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/photoreport/07/10/2017/59d8cf639a7947ca64e43db0 (дата обращения: 2.05.2021)
298. Аль-Кусейр. Долгожданный триумф Башара Асада. 06.06.2013. – Режим доступа: http://www.mignews.com/news/photo/world/060613_162931_46816.html (дата обращения: 24.09.2013)
299. Аляев, Д., Башарова, С., Зубченко, Е., Путилов, С., Рябых, С. «Как же нас много…» // Новые Известия, 26 декабря 2011. – Режим доступа: https://newizv.ru/news/politics/26-12-2011/156953-kak-zhe-nas-mnogo (дата обращения: 19.04.2021)
300. Анисимова, Н. МВД оценило число участников акций в поддержку Навального в России // РБК, 21 апреля 2021. – Режим доступа: https://rbc-ru.turbopages.org/rbc.ru/s/politics/21/04/2021/608062439a79474862fbe269?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile (дата обращения: 24.04.2021)
301. Анри, М. Израиль встает на сторону сирийских повстанцев. 13.06.2012. – Режим доступа: http://www.inopressa.ru/article/13Jun2012/lefigaro/israel1.html (дата обращения: 22.09.2013)
302. Армия Египта уведомила Мурси, что он больше не является президентом. – Режим доступа: http://ria.ru/arab_eg/20130703/947458166.html 03.07.2013 (дата обращения: 22.09.2013)
303. Асад контролирует 40% территории Сирии. 3.06.2013. – Режим доступа: http://mignews.co.il/news/society/world/030613_103843_69030.html (дата обращения: 24.09.2013).
304. Балмасов, С. Гроза над Алжиром // Эксперт. – 2012. – № 30-31. – С. 38-40.
305. Баусин, А. Армия стережет президента. 4.07.2013. http://www.gazeta.ru/politics/2013/07/04_a_5411633.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
306. Баусин, А., Рустамова, Ф. Война во имя мира. 29.08.2013. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2013/08/29_a_5614253.shtml (дата обращения: 22.09.2013)

[1127] Медуза (Meduza) (юридическое лицо, зарегистрированное в Латвийской Республике, SIA «Medusa Project») внесен в Реестр иностранных агентов (23.04.2021. Статья 6 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»).

307. Белоус, И. Как делаются цветные революции // Ruspravda. – Режим доступа: http://ruspravda.info/Kak-delayut-tsvetnie-revolyutsii-13414.html (дата обращения: 21.12.2016)
308. Биддер, Б., Оффенберг, А. Протест против Путина: «снежная революция» в России тает // Der Spiegel, 12.03.2012. – Режим доступа: https://www.inopressa.ru/article/12mar2012/spiegel/kremlin1.html (дата обращения: 24.04.2021)
309. Блудные дети террора. 08.08.2013. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2013/08/08_a_5547241.shtml (дата обращения: 24.09.2013)
310. Боевые отряды ливийских оппозиционеров объединились, сообщают СМИ. 23.09.2011. – Режим доступа: http://ria.ru/arab_ly/20110923/442352798.html (дата обращения: 23.09.2013)
311. Бональ, К. Башару Асаду слишком рискованно применять химическое оружие. 25.07.2012. – Режим доступа: http://www.inopressa.ru/article/25Jul2012/liberation/assad1.html (дата обращения: 22.09.2013)
312. Боргер, Д. Турция обратилась к НАТО за противоракетами из опасений, что Сирия применит химоружие. 3.12.2012. – Режим доступа: http://www.inopressa.ru/article/03Dec2012/guardian/turkey_3.html (дата обращения: 22.09.2013)
313. В акциях «Свободу Навальному» по всей России приняли участие минимум 110 тысяч человек // mbk-news, 23.01.2021. – Режим доступа: https://mbk-news.appspot.com/news/100k-vishli-na-ulici/ (дата обращения: 25.04.2021)[1128]
314. В Египте начато расследование по искам против экс-президента и лидеров «Братьев-мусульман». – Режим доступа: http://www.itar-tass.com/c1/806906.html 13.07.2013 (дата обращения: 22.09.2013)
315. В Симферополе началась акция протеста. На несанкционированный митинг вышло около 200 человек //sev.tv, 23.01.2021. – Режим доступа: https://sev.tv/news/v_simferopole_nachalas_akcija_protesta/34704.html (дата обращения: 25.04.2021)
316. В Сирии 20 человек погибли в столкновениях демонстрантов с силами правопорядка. 25.03.2011. – Режим доступа: http://ru.euronews.com/2011/03/25/protests-spread-in-syria/ (дата обращения: 24.09.2013)
317. В Сирии 6 человек погибли при штурме войсками мечети с демонстрантами. 23.03.2011. – Режим доступа: http://ria.ru/arab_news/20110323/356867072.html (дата обращения: 24.09.2013)
318. В Сирии арестован иностранный блогер-шпион. 28.03.2011. – Режим доступа: http://lenta.ru/news/2011/03/28/spie/ (дата обращения: 25.09.2013)

[1128] «МБХ медиа» – российское сетевое издание. Основано в декабре 2017 года Михаилом Ходорковским, закрыто 5 августа 2021 года.

319. В Сирии отменен режим чрезвычайного положения. 20.04.2011. – Режим доступа: http://www.novopol.ru/-v-sirii-otmenen-rejim-chrezvyichaynogo-polojeniya-text100023.html (дата обращения: 24.09.2013)
320. В Сирии прошли антиправительственные демонстрации. 15.03.2011. – Режим доступа: http://www.rosbalt.ru/main/2011/03/15/828824.html (дата обращения: 25.09.2013)
321. В Сирии создан комитет для изучения возможности отмены закона о ЧП. 31.03.2011. – Режим доступа: http://ria.ru/arab_news/20110331/359626991.html (дата обращения: 24.09.2013)
322. В Ставрополе прошел самый масштабный митинг сторонников Навального на Кавказе // fedpress.ru, 23.01.2021. – Режим доступа: https://fedpress.ru/news/26/policy/2662476 (дата обращения: 25.04.2021)
323. Варум, Р. Акции 31 января оказались сравнимыми с первой волной митингов. В некоторых городах вышло еще больше людей // Открытые медиа, 31.01.2021. – Режим доступа: https://openmedia.io/news/n3/akcii-31-yanvarya-okazalis-sravnimymi-s-pervoj-volnoj-mitingov-v-nekotoryx-gorodax-vyshlo-eshhe-bolshe-lyudej/ (дата обращения: 25.04.2021)[1129]
324. Великобритания признала коалицию сирийской оппозиции. 20.11.2012. – Режим доступа: http://ria.ru/arab_riot/20121120/911483559.html#13600922021842&message=resize&relto=reg ister&action=addClass&value=registration (дата обращения: 22.09.2013)
325. Властям дали две недели. В Москве десятки тысяч вышли на оппозиционный митинг // Газета.ру, 10.12.2021. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/elections2011/2011/12/10_a_3922210.shtml (дата обращения: 24.04.2021)
326. Выборы в Тунисе пройдут 17 декабря. – Режим доступа: http://www.interfax.ru/world/news.asp?id=320880 29.07.2013 (дата обращения: 22.09.2013)
327. Высокий градус русской зимы. Мировые СМИ о «снежной революции» в России // Газета.ру, 12.12.2011. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/elections2011/2011/12/12_a_3924718.shtml (дата обращения: 24.04.2021)
328. Гардинг, Л., Шервуд, Х. Британия, Франция и Германия приветствовали коалицию сирийской оппозиции. 14.11.2012. – Режим доступа: http://www.inopressa.ru/article/14nov2012/guardian/syria2.html (дата обращения: 22.09.2013)
329. Генерал погиб при проведении контртеррористической операции в Каире. 19.09.2013. – Режим доступа: http://ria.ru/world/20130919/964225973.html (дата обращения: 24.09.2013)

[1129] «Открытые медиа» – русскоязычное эстонское интернет-издание, существовавшее с 2017 по 2021 год; заблокировано Роскомнадзором 4 августа 2021 года.

330. Германская разведка: военное положение Башара Асада серьезно улучшилось. 23.05.2013. – Режим доступа: http://warsonline.info/siriya/germanskaya-razvedka-voennoe-polozhenie-bashara-asada-serezno-uluchshilos.html (дата обращения: 24.09.2013)
331. Глава СВР обвинил США в подготовке протестов в Белоруссии. 16.09.2020. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/9471673 (дата обращения: 02.06.2024).
332. Госдеп и военные спорят о бомбардировках. 20.06.2013. – Режим доступа: http://www.interfax.ru/world/txt.asp?id=313561&sw=%F1%E8%F0%E8%FF&bd=25&bm=1&by=2013&ed=25&em=6&ey=2013&secid=0&mp=2&p=1 (дата обращения: 25.09.2013)
333. Готшлих, Ю. Конфликт между Турцией и Сирией: «да» солидарности, категорическое «нет» войне. 17.10.2012. – Режим доступа: http://www.inopressa.ru/article/17Oct2012/taz/syria4.html (дата обращения: 22.09.2013)
334. Гражданская война в Сирии: от Башара до осады. 21.09.2013. – Режим доступа: http://top.rbc.ru/story/619064.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
335. Гробман, Е., Синергиев, И. Владимир Путин сравнил антикоррупционные митинги с Майданом // Коммерсант, 30.03.2017. http://www.kommersant.ru/doc/3256621 (Дата обращения: 31.03.2017).
336. Джин, К. Падение режима Асада станет «непрямой» победой для США и Турции. 30.07.2012. – Режим доступа: http://www.inopressa.ru/article/30Jul2012/legnostorto/syria.html (дата обращения: 22.09.2013)
337. До самых до окраин. Митинги протеста 10 декабря прошли в 99 городах России // Lenta.ru, 11 декабря 2011. – Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2011/12/10/worldprotest/ (дата обращения: 24.04.2021)
338. Европейская молодежь едет воевать в Сирию. 10.04.2013. – Режим доступа: http://www.vesti.ru/doc.html?id=1074096&cid=9 (дата обращения: 25.09.2013)
339. Евросоюз и США осудили массовые задержания протестующих в России // Currenttime, 6.05.2018. – Режим доступа: https://www.currenttime.tv/a/29211215.html (дата обращения: 2.05.2021)[1130]
340. Египет может ввести чрезвычайное положение – заявление Совета. – Режим доступа: http://ria.ru/world/20130126/919909979.html 26.01.2013 (дата обращения: 22.09.2013)

[1130] Телеканал Настоящее Время (Currenttime) – русскоязычный телеканал с редакцией в Праге, созданный медиакорпорацией «Радио Свободная Европа/Радио Свобода» при участии «Голоса Америки»; финансируется с помощью грантов Конгресса США через Агентство США по глобальным медиа. Внесен в Реестр иностранных агентов (05.12.2017. Статья 6 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»)

341. Египетский суд запретил деятельность организации «Братья-мусульмане». 23.09.2013. – Режим доступа: http://ria.ru/arab_riot/20130923/965227234.html (дата обращения: 24.09.2013)
342. Жертвами боев между повстанцами и армией на юге Сирии стали 57 человек. 11.04.2011. http://ria.ru/arab_sy/20130411/932095418.html (дата обращения: 24.09.2013)
343. Жуков, П. Светская оппозиция получила пулю в голову. 06.02.2013. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2013/02/06_a_4955037.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
344. Зайцев, А. Франция против Асада. 14.11.2012. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2012/11/14_a_4851893.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
345. Заттерин, М. Эрдоган взывает к Брюсселю. Чрезвычайный саммит НАТО: "По партнеру нанесен удар". 4.10.2012. – Режим доступа: http://www.inopressa.ru/article/04Oct2012/lastampa/syria1.html (дата обращения: 22.09.2013)
346. Захаров, А., Архипова, А. Как изменился протест // Ведомости, 30.09.2019. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/09/30/812372-kak-izmenilsya-protest (дата обращения: 2.05.2021)
347. Захаров, А., Архипова, А. Кто пришел на проспект Сахарова // Ведомости, 11.08.2019. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/08/11/808586-prishel-saharova (дата обращения: 2.05.2021)
348. Заявление пресс-секретаря о реакции российских властей на мирные демонстрации в Российской Федерации // eeas.europa.eu, 5.05.2018. – Режим доступа: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/44081/node/44081_ru (дата обращения: 2.05.2021)
349. Зотова, Н. Голубева, А. «Левада»: о январских протестах узнало рекордное число россиян, но большинство их не одобряет. 10.02.2021. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/news-56008950 (дата обращения: 20.02.2021)
350. Израиль включился в сирийский конфликт. 31.01.2013. – Режим доступа: http://www.interfax.ru/world/txt.asp?id=287923&sw=%F1%E8%F0%E8%FF&bd=25&bm=1&by=2013&ed=25&em=6&ey=2013&secid=0&mp=2&p=3 (дата обращения: 25.09.2013)
351. Израиль и Сирия: обострение отношений. 6.05.2013. – Режим доступа: http://www.interfax.ru/world/txt.asp?id=305159&sw=%F1%E8%F0%E8%FF&bd=25&bm=1&by=2013&ed=25&em=6&ey=2013&secid=0&mp=2&p=2 (дата обращения: 25.09.2013)
352. Иракские террористы все активнее сотрудничают с сирийскими боевиками. 15.04.2013. – Режим доступа: http://top.rbc.ru/incidents/15/04/2013/853998.shtml (дата обращения: 22.09.2013)

353. Иран принял решение направить 4 тысячи военнослужащих в Сирию – газета Independent On Sunday. 16.06.2013. – Режим доступа: http://www.itar-tass.com/c12/773037.html (дата обращения: 25.09.2013)
354. Исламисты в Сирии объявили о новом подразделении боевиков с Кавказа. 19.09.2013. – Режим доступа: http://ria.ru/arab_sy/20130919/964501497.html (дата обращения: 22.09.2013)
355. Итоги ульяновских событий 23 января 2021 года. И так, все немного успокоилось, можно резюмировать // ciarf.ru, 25.01.2021. – Режим доступа: https://ciarf.ru/news/itogi-ulyanovskikh-sobytiy-23-yanvarya-2021-goda-i-tak-vse-nemnogo-uspokoilos-mozhno-rezyumirovat-/ (дата обращения: 25.04.2021)
356. Каждое третье видео – про «дворец Путина». Как «ТикТок» захлестнула протестная волна // Русская служба Би-би-си, 21 января 2021. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/features-55757215 (дата обращения: 25.04.2021)
357. Карибский журналист требует, чтобы операция «Правда» была постоянной. 5.02.2024. – Режим доступа: https://roscuba.ru/news/cuba/3639-karibskij-zhurnalist-trebuet-chtoby-operatsiya-pravda-byla-postoyannoj?ysclid=lwx99u6x5u221016746 (дата обращения: 2.06.2024)
358. Козлов, П., Фохт, Е., Горяшко, С. Акция Навального: успех или провал? // BBC Русская служба, 29.01.2018. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/news-42819565 (дата обращения: 02.05.2021)
359. Корня, А. Активнее всего 26 марта протестовали там, где была низкая явка на выборы. А мобилизация протеста шла по горизонтали, выяснили аналитики // Ведомости, 31 марта 2017. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/03/31/683528-aktivnee-protestovali (дата обращения: 2.05.2021)
360. Коростелев, А. Сторонники Навального перекрыли Страстной бульвар // Дождь, 5.05.2018. – Режим доступа: https://tvrain.ru/teleshow/here_and_now/storonniki_navalnogo_vyshli-463136/ (дата обращения: 2.05.2021)[1131]
361. Кремер, Л. Сколько было участников шествия – оценило «компьютерное зрение» // Дождь, 16 сентября 2012. – Режим доступа: https://tvrain.ru/teleshow/here_and_now/skolko_bylo_uchastnikov_shestvija_otsenilo_kompjuternoe_zrenie-330438/ (дата обращения: 24.04.2021) [1132]
362. Кремль на развилке: каковы последствия протестных акций по всей России // РБК, 26 мар 2017. – Режим доступа:

[1131] «Телеканал Дождь» – внесен в Реестр иностранных агентов (20.08.2021. Статья 6 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»; 01.12.2023. Статья 7 Федерального закона от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»).

[1132] «Телеканал Дождь» – внесен в Реестр иностранных агентов (20.08.2021. Статья 6 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»; 01.12.2023. Статья 7 Федерального закона от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»).

https://www.rbc.ru/politics/26/03/2017/58d7c6f39a7947448a1a3f45?from=subject (дата обращения: 2.05.2021)

363. Куба против дезинформации Запада. 25.01.2024. Режим доступа: https://katehon.com/ru/article/kuba-protiv-dezinformacii-zapada?ysclid=lwx8wju940150311124 (дата обращения: 2.06.2024)

364. Кувейт предоставит ливийским мятежникам около $180 млн. 24.04.2011. – Режим доступа: http://ria.ru/arab_ly/20110424/367804929.html (дата обращения: 22.09.2013)

365. Лидеров исламистов будут судить осенью. 25.08.2013. – Режим доступа: http://www.interfax.ru/world/txt.asp?id=325180&sw=%E5%E3%E8%EF%E5%F2&bd=24&bm=8&by=2013&ed=24&em=9&ey=2013&secid=0&mp=2&p=1 (дата обращения: 24.09.2013)

366. Лидеры ЕС поручили главам МИД поддерживать коалицию оппозиции в Сирии. 14.12.2012. – Режим доступа: http://ria.ru/arab_sy/20121214/914850660.html#13600927034362&message=resize&relto=regi ster&action=addClass&value=registration (дата обращения: 22.09.2013)

367. Лойко, С. Россия утверждает, что имеет свидетельства применения химоружия сирийскими повстанцами. 19.09.2013. – Режим доступа: http://www.inopressa.ru/article/19Sep2013/latimes/lavrov1.html (дата обращения: 22.09.2013)

368. Лукашенко: уголовные материалы. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=6IL6rMikkJg (дата обращения: 1.06.2024)

369. Лукьянов, Ф. Второй дубль демократии. 4.07.2013. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/5411589.shtml (дата обращения: 22.09.2013)

370. Лукьянов, Ф. Квинтэссенция кризисов. 12.09.2013. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/5649885.shtml (дата обращения: 22.09.2013)

371. Магун, А., Журавлев, О. Новый популизм: как протестному движению выжить в 2013 году и добиться успеха в 2014-м // Slon.ru, 27декабря 2012. – Режим доступа: https://republic.ru/posts/28143 (дата обращения: 18.04.2021)

372. Макутина, М. Оппозиция запахла. 18.09.2013. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2013/09/18_a_5657137.shtml (дата обращения: 22.09.2013)

373. Макутина, М. США подготовили атаку на Сирию. 23.07.2013. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2013/07/23_a_5504805.shtml (дата обращения: 22.09.2013)

374. Мальбрюно, Ж. Сирия – новое прибежище джихадистов. 22.05.2012. – Режим доступа: http://www.inopressa.ru/article/22May2012/lefigaro/syria.html (дата обращения: 22.09.2013)

375. Марш миллионов-3 в Москве опять призвал к реформам // BBC, 15 сентября 2012. – Режим доступа:

https://www.bbc.com/russian/russia/2012/09/120915_march_millions_moscow (дата обращения: 24.04.2021)

376. Матвеева, П. Агнессинское училище. 19.09.2013. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2013/09/19_a_5659445.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
377. Матвеева, П. Имам объединил оппозицию Сирии. 12.11.2012. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2012/11/12_a_4848729.shtml (дата обращения: 24.09.2013); Оппозиционная коалиция Сирии избрала состав командования повстанцами. 7.12.2012. – Режим доступа: http://vz.ru/news/2012/12/7/610832.html (дата обращения: 22.09.2013).
378. Матвеева, П. Сирийская оппозиция Обамы. 12.12.2012. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2012/12/12_a_4887897.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
379. Матвеева, П., Ермаков, Д. «Из-за России мы не можем двигаться вперед». 07.09.2013. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2013/09/07_a_5642277.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
380. МВД оценило число участников акции в поддержку Навального в Москве» // РБК, 24.01.2021. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/24/01/2021/600db7239a7947b8a9481842 (дата обращения: 21.02.2021)
381. МВД оценило число участников акций в поддержку Навального // kommersant.ru, 21 апреля 2021. – Режим доступа: https://kommersant-ru.turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/4782917?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile (дата обращения: 24.04.2021)
382. МВД сообщило о задержании в Москве и Санкт-Петербурге 650 человек // РБК, 12.06.2017. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/12/06/2017/593ebc8d9a79474463e84f1d (дата обращения: 2.05.2021)
383. Международная конференция «Операция «Правда»» на Кубе продолжается. 22.01.2024. Режим доступа: https://ruso.prensa-latina.cu/2024/01/22/международная-конференция-операция/ (дата обращения: 2.06.2024)
384. Мирзаян, Г. Кровавая весна в пустыне // Эксперт. – 2012. – № 30-31. – С. 26-32.
385. Мирзаян, Г. Сирийская партия // Эксперт. – 2012. – № 30-31. – С. 53-57.
386. Митинг «За честные выборы» на Болотной площади закончился: 120 тысяч, следующий будет 26 февраля // Газета.ру, 4.02.2012. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/news/lastnews/2012/02/04/n_2191809.shtml (дата обращения: 24.04.2021)
387. Моисеев, А. Пренса Латина передает из России… 16.09.2014. – Режим доступа: https://interaffairs.ru/news/show/11777 (дата обращения: 2.06.2024)
388. Муфтий Салман: террористический интернационал хочет захватить Сирию. 3.09.2013. – Режим доступа: http://ria.ru/interview/20130903/960213820.html (дата обращения: 24.09.2013)

389. Мухаметшина, Е., Никольский, А. В противостояние со сторонниками Навального впервые вступили казаки // Ведомости, 06.05.2018. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/05/06/768712-navalnogo-kazaki (дата обращения: 2.05.2021)
390. Мэрия Москвы согласовала митинг в поддержку оппозиционных кандидатов // Радио Свобода, 15.07.2019. – Режим доступа: https://www.svoboda.org/a/30056835.html (дата обращения: 2.05.2021)
391. На акции 21 апреля вышли от 51,3 тысячи до 120 тысяч человек // mbk-news, 22.01.2021. – Режим доступа: https://mbk-news.appspot.com/news/naakcii/ (дата обращения: 25.04.2021)[1133]
392. Навальный, А. Что произошло в Армении и что нужно делать нам // YouTube. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=BqD0umu1mRA (дата обращения: 2.05.2021)
393. Назван самый популярный у белорусов мессенджер. 05.09.2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belnovosti.by/obshchestvo/nazvan-samyy-populyarnyy-u-belorusov-messendzher (дата обращения: 30.05.2024)
394. Названы самые популярные мессенджеры и соцсети в Беларуси. 28.01.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belmir.by/2021/01/28/%D0%BD%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D1%8B-%D1%81%D0%B0%D0%BC%D1%8B%D0%B5-%D0%BF%D0%BE%D0%BF%D1%83%D0%BB%D1%8F%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%80/ (дата обращения: 30.05.2024)
395. Немецкая разведка предупреждает: Сирия может применить химическое оружие в ближайшие часы. 17.12.2012. – Режим доступа: http://www.inopressa.ru/article/17Dec2012/spiegel/syria1.html (дата обращения: 22.09.2013)
396. ОАЭ предоставят 12 самолетов для участия в операции в Ливии. 25.03.2011. – Режим доступа: http://ria.ru/arab_war/20110325/357594997.html (дата обращения: 23.09.2013).
397. Обстановка в Сирии: власти предрекают конец войне. 16.09.2012. – Режим доступа: http://www.vesti.ru/doc.html?id=908506&tid=95994 (дата обращения: 24.09.2013)
398. Овсянников, И. Россия: протестное движение молодеет, левеет и беднеет. Со времен «Болотных протестов» 2011-2013 годов состав протестующих против власти значительно изменился // russian.eurasianet, 22.03.2019. – Режим доступа: https://russian.eurasianet.org/%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%

[1133] «МБХ медиа» – российское сетевое издание. Основано в декабре 2017 года Михаилом Ходорковским, закрыто 5 августа 2021 года.

D1%8F-
%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD
%D0%BE%D0%B5-
%D0%B4%D0%B2%D0%B8%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5
-
%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B5%D1%82
-%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D0%B5%D1%82-%D0%B8-
%D0%B1%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B5%D0%B5%D1%82 (дата обращения: 2.05.2021)

399. Оппозиционеры в Москве встали в "Большой белый круг" // BBC, 26.02.2012. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/russia/2012/02/120226_big_white_circle (дата обращения: 24.04.2021)
400. Оппозиционная коалиция Сирии избрала состав командования повстанцами. 7.12.2012. – Режим доступа: http://vz.ru/news/2012/12/7/610832.html (дата обращения: 22.09.2013)
401. Опубликован отчет полиции по митингу 6 мая на Болотной площади: чрезвычайных происшествий не допущено // Газета.ру, 9.04.2013. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/news/2013/04/09/n_2844017.shtml (дата обращения: 24.04.2021)
402. Организаторы митинга в Москве насчитали на проспекте Сахарова 120 тысяч человек // Федпресс.ру, 24.12.2011. – Режим доступа: https://fedpress.ru/federal/polit/society/id_266691.html (дата обращения: 24.04.2021)
403. Организация «Братья-мусульмане». 23.09.2013. – Режим доступа: http://ria.ru/spravka/20130923/965272918.html (дата обращения: 24.09.2013)
404. Панюшкин, В. Что общего у меня с народом // Проект «Сноб», 3 апреля 2012. – Режим доступа: http:// www.snob.ru/selected/entry/47631 (дата обращения: 18.04.2021)
405. Парламент Турции разрешил военное вторжение в Сирию. 4.10.2012. – Режим доступа: http://top.rbc.ru/politics/04/10/2012/672791.shtml (дата обращения: 22.09.2013);
406. Партия Ющенко «Наша Украина» объявила о самороспуске. 02.03.2013. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/news/2013/03/02/n_2779285.shtml (дата обращения: 10.08.2013)
407. Полиция в Сирии применила дубинки против демонстрантов. 16.03.2011. – Режим доступа: http://www.rosbalt.ru/main/2011/03/16/829040.html (дата обращения: 25.09.2013)
408. Полиция Египта вступила в перестрелку с вооруженными группировками. 19.09.2013. – Режим доступа: http://ria.ru/world/20130919/964205307.html (дата обращения: 24.09.2013).

409. Полиция насчитала 8 тысяч участников «Марша миллионов» // Лента.ру, 6 мая 2012. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2012/05/06/marsh1/ (дата обращения: 24.04.2021)
410. Полиция усилит режим работы в День России // Лента.ру, 10 июня 2012. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2012/06/10/dayofrussia/ (дата обращения: 24.04.2021)
411. Пользователи Facebook готовят новую революцию – в Сирии. 27.02.2011. – Режим доступа: http://www.baltinfo.ru/2011/02/27/Polzovateli-Facebook-gotovyat-novuyu-revolyutciyu-190430 (дата обращения: 25.09.2013)
412. Посол Сирии: Оппозиция применит химическое оружие, а обвинят Б.Асада. 18.12.2012. – Режим доступа: http://top.rbc.ru/politics/18/12/2012/837057.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
413. Похороны лидера оппозиции в Тунисе посетили 1,4 млн человек. – Режим доступа: http://top.rbc.ru/society/08/02/2013/844390.shtml 8.02.2013 (дата обращения: 22.09.2013)
414. Почти рядовое явление. Иностранные СМИ вяло отреагировали на беспорядки в Москве // Лента.ру, 7 мая 2012. – Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2012/05/07/media/ (дата обращения: 24.04.2021)
415. Правительство Сирии ушло в отставку. 29.03.2011. – Режим доступа: http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20110329170034.shtml (дата обращения: 24.09.2013)
416. Правительство Сирии: за оппозицию воюют наемники из 29 стран. 27.04.2013. – Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/rolling_news/2013/04/130427_rn_syria_foreign_mercenary.shtml (дата обращения: 25.09.2013).
417. Президент Кубы подчеркивает важность Операции «Правда». 21.01.2024. – Режим доступа: https://spsrasd.info/ru/2024/01/21/2005.html (дата обращения: 2.06.2024)
418. Президент Сирии назначил нового премьер-министра. 4.04.2011. – Режим доступа: http://lenta.ru/news/2011/04/03/minister/ (дата обращения: 24.09.2013)
419. Президент Сирии объявил о продолжении курса реформ. 30.03.2011. – Режим доступа: http://ria.ru/arab_news/20110330/359373756.html (дата обращения: 24.09.2013)
420. Президент Сирии повысил зарплаты и пенсии. 31.03.2011. – Режим доступа: http://ria.ru/arab_news/20110331/359738011.html (дата обращения: 24.09.2013)
421. Премьер Туниса: группировка "Ансар аш-Шариа" ответственна за убийства. 27.08.2013. – Режим доступа: http://ria.ru/arab_riot/20130827/958937679.html (дата обращения: 24.09.2013)
422. При авианалете Израиля погибли около 300 военнослужащих – «Дамас пост». 05.05.2013. – Режим доступа: http://www.itar-tass.com/c21/727414.html (дата обращения: 25.09.2013)
423. Протестная карта России. Сколько людей вышли на улицы 26 марта и что с ними стало: исследование «Медузы» и «ОВД-Инфо» // Медуза, 7 июня

2017. – Режим доступа: https://meduza.io/feature/2017/06/07/protestnaya-karta-rossii (дата обращения: 2.05.2021) [1134]

424. Протестующие в Санкт-Петербурге перекрыли Невский проспект // Коммерсант, 05.05.2018. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3622298 (дата обращения: 2.05.2021)
425. Протесты 23 января. Главное // Коммерсант, 23.01.2021. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4661089 (дата обращения: 25.04.2021)
426. Пятин, А. Митинг на Сахарова стал крупнейшим по числу участников // Forbes, 10.08.2019. – Режим доступа: https://www.forbes.ru/obshchestvo/381623-miting-na-saharova-stal-krupneyshim-po-chislu-uchastnikov (дата обращения: 2.05.2021)
427. Разведка ФРГ: "Аль-Кайеда" усиливает влияние в Сирии. 01.04.2012. – Режим доступа: http://top.rbc.ru/politics/01/04/2013/851806.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
428. РКН потребовал от TikTok прекратить звать детей на протестные акции // Интерфакс, 20 января 2021. – Режим доступа: https://www.interfax.ru/russia/746090 (дата обращения: 25.04.2021)
429. Роскомнадзор потребовал от TikTok удалить призывы к участию несовершеннолетних в протестах. ТАСС, 20 января 2021. – Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/10508603 (дата обращения: 25.04.2021)
430. Роспатент отказал жене адвоката Pussy Riot в регистрации бренда группы. – Режим доступа: http://izvestia.ru/news/538982 (дата посещения: 17.04.2014)
431. Российский протест выходит из интернета на улицу // Deutsche Welle, 25 января 2021. – Режим доступа: https://www.dw.com/ru/kommentarij-rossijskij-protest-vyhodit-iz-interneta-na-ulicu/a-56334388 (дата обращения: 25.04.2021)
432. Рустамова, Ф. Право на бомбежку. 28.08.2013. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2013/08/28_a_5610877.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
433. Рустамова, Ф. Сирии готовят график бомбежки. 27.08.2013. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2013/08/27_a_5608825.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
434. Рустамова, Ф. Химия с кириллицей. 16.09.2013. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2013/09/16_a_5654945.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
435. Рустамова, Ф., Матвеева, П., Ермаков, Д. По ливийскому сценарию. 04.09.2013. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2013/09/04_a_5637645.shtml (дата обращения: 22.09.2013)

[1134] Медуза (Meduza) (юридическое лицо, зарегистрированное в Латвийской Республике, SIA «Medusa Project») внесен в Реестр иностранных агентов (23.04.2021. Статья 6 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»).

436. Савин, А. «Эпический провал. Шах и мат» – массовые протесты навальнистов не случились // REGNUM, 23 апреля 2021. – Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/3251000.html (дата обращения: 24.04.2021)
437. Самая спокойная акция в поддержку Навального в Черноземье прошла в Тамбове // Коммерсант, 23.01.2021. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4661112 (дата обращения: 25.04.2021)
438. Самый массовый протест в новой истории Тольятти: шествие в поддержку Навального собрало более 1,5 тысяч человек // tltgorod.ru, 23.01.2021. – Режим доступа: https://www.tltgorod.ru/news/?news=114678 (дата обращения: 25.04.2021)
439. Санжиев, А. Дамаск ищет эфир.23.04.2013. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2013/04/23/syria-site.html (дата обращения: 25.09.2013).
440. Сегодня, 23 января, в Туле прошел несанкционированный митинг // n71.ru, 23.01.2021. – Режим доступа: http://www.n71.ru/news/section55/show234704/ (дата обращения: 25.04.2021)
441. Сейбт, С. Сирия воюет с Facebook. 12.05.2011. – Режим доступа: http://inosmi.ru/asia/20110512/169324191.html (дата обращения: 25.09.2013)
442. Силы безопасности Сирии расстреляли мирную демонстрацию, сообщают СМИ. 18.03.2011. – Режим доступа: http://ria.ru/arab_news/20110318/355433766.html (дата обращения: 24.09.2013)
443. Сирийская оппозиция открыла первое посольство за рубежом. 28.03.2013. – Режим доступа: http://top.rbc.ru/politics/28/03/2013/851366.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
444. Сирийская оппозиция сформировала альтернативное правительство. 19.06.2011. – Режим доступа: http://www.kommersant.ru/news/1663332 (дата обращения: 24.09.2013)
445. Сирийская оппозиция: 60 тысяч иностранцев сражаются за Асада. 15.09.2013. – Режим доступа: http://www.mignews.com/news/society/world/010713_110202_92619.html (дата обращения: 25.09.2013)
446. Сирийская трагедия усугубляется. 26.12.2012. – Режим доступа: http://www.inopressa.ru/article/25Dec2012/inotheme/syria_war.html (дата обращения: 22.09.2013)
447. Сирийские повстанцы – партизаны, террористы? 5.04.2013. – Режим доступа: http://www.pravda.ru/world/asia/middleeast/05-04-2013/1151209-siria-0/ (дата обращения: 25.09.2013)
448. Сирия запуталась в оппозициях. 11.10.2011. – Режим доступа: http://www.kommersant.ru/doc/1792577 (дата обращения: 24.09.2013)
449. Сирия опубликовала имена 142 убитых иностранных террористов. 28.11.2012. – Режим доступа: http://www.mignews.com/print/281112_91350_96266.html (дата обращения: 25.09.2013)
450. Сирия передала РФ данные о причастности оппозиции к химатаке. 18.09.2013. – Режим доступа: http://ria.ru/arab_riot/20130918/964107061.html (дата обращения: 22.09.2013)

451. Сирия подтвердила, что сбила турецкий истребитель. 23.06.2012. – Режим доступа: http://www.regnum.ru/news/polit/1544646.html (дата обращения: 24.09.2013)
452. Сирия снова обстреляла турецкий самолет. 25.06.2012. – Режим доступа: http://www.rbc.ua/rus/newsline/show/siriya-snova-obstrelyala-turetskiy-samolet-25062012140800 (дата обращения: 24.09.2013)
453. Сирия уничтожила пять турецких грузовиков. 06.07.2012. – Режим доступа: http://russian.news.cn/world/2012-07/06/c_131698479.htm (дата обращения: 24.09.2013)
454. Сирия: данные о химоружии не подтверждаются, но Асад приговорен. 26.12.2012. – Режим доступа: http://www.inopressa.ru/article/26Dec2012/inotheme/syria_26.html (дата обращения: 22.09.2013)
455. СМИ: в Ливане готовят женщин-боевиков для боев с сирийской армией. 14.09.2013. – Режим доступа: http://ria.ru/arab_sy/20130914/963199838.html (дата обращения: 24.09.2013).
456. Смирнов, С. Правительство в изгнании готовится к свержению. 01.08.2012. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2012/08/01_a_4705349.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
457. Солянская, К. Асад штурмует Алеппо. 27.07.2012. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2012/07/27_a_4695433.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
458. Солянская, К. Урок за химию. 21.08.2012. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2012/08/21_a_4732557.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
459. Социологи обрисовали краткий портрет протестующих в Москве. 23.01.2021. – Режим доступа: https://yandex.ru/turbo/business-gazeta.ru/s/news/496622 (дата обращения: 20.02.2021)
460. Спивак, О. Франция признает оппозиционное Асаду правительство. 28.08.2012. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2012/08/28_kz_4741093.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
461. Сражения в Дамаске: серия взрывов и огненное кольцо вокруг Генштаба. 26.09.2012. – Режим доступа: http://top.rbc.ru/spb_sz/26/09/2012/671478.shtml (дата обращения: 22.09.2013).
462. Стабиле, А. Путин направляет ракеты Асаду, Катар – 3 млрд долларов повстанцам. 20.05.2013. – Режим доступа: http://www.inopressa.ru/article/20May2013/repubblica/syria2.html (дата обращения: 22.09.2013)
463. Суд Египта приговорил к смертной казни 21 обвиняемого по делу о трагедии на стадионе Порт-Саида. – Режим доступа: http://www.itar-tass.com/c11/631985.html 26.01.2013 (дата обращения: 22.09.2013)

464. Сурков, Н. Американский «отец» арабских революций // «Независимая газета», 18.02.2011. – Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2011-02-18/1_revolutions.html (дата обращения: 21.12.2016)
465. США простимулируют сирийскую оппозицию деньгами. 29.09.2012. – Режим доступа: http://top.rbc.ru/politics/29/09/2012/671929.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
466. Турция готовится к военному вторжению на территорию Сирии. 4.10.2102. – Режим доступа: http://top.rbc.ru/spb_sz/04/10/2012/672738.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
467. Турция дала добро на войну. 4.10.2012. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2012/10/04_a_4799737.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
468. Турция и Сирия копят силы. 29.06.2012. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2012/06/29_a_4651741.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
469. Турция передумала развязывать войну против Сирии. 4.10.2012. – Режим доступа: http://top.rbc.ru/politics/04/10/2012/672826.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
470. Удальцов завершил митинг на проспекте Сахарова // Lenta.ru, 16 сентября 2012. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2012/09/15/saxarov/ (дата обращения: 18.04.2021)
471. Ульянова, Ж. «Прямое военное вмешательство не поможет». 29.08.2013. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2013/08/29_a_5613185.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
472. Фещенко, В. «Хезболла» призналась в оказании военной помощи сторонникам Асада. 1.05.2013. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2013/05/01/hezbolla-site-anons.html (дата обращения: 24.09.2013)
473. Форд-мажор. Рабочие автозавода во Всеволожске объявили бессрочную забастовку // Коммерсант, 14.02.2007. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/742502 (дата обращения: 30.04.2021)
474. Фохт, Е., Зотова, Н. «Это наш город!» Как прошел митинг за свободные выборы в Мосгордуму // Русская служба Би-би-си, 20.07.2019. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/features-49058804 (дата обращения: 2.05.2021)
475. Франция признала повстанцев законной властью Сирии. 13.11.2012. – Режим доступа: http://top.rbc.ru/politics/13/11/2012/824857.shtml (дата обращения: 22.09.2013)
476. ФСБ: в Сирии воюют около 400 российских наемников. 20.09.2013. – Режим доступа: http://news.mail.ru/politics/14851810/?frommail=1 (дата обращения: 25.09.2013)
477. Хомутинина, М. Европа приняла ливийский совет. 11.03.2011. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2011/03/11_a_3552365.shtml (дата обращения: 23.09.2013)

478. Цветная революция // Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 21.12.2016)
479. Цой, Ю., Гусев, В., Дергачев, В. Митинг на Сахарова: хроника событий. Марш оппозиции обошелся без миллионов и провокаций // Известия.ru, 15 сентября 2012. – Режим доступа: https://iz.ru/news/535315 (дата обращения: 18.04.2021)
480. Число погибших в Египте превысило 600. – Режим доступа: http://9tv.co.il/news/2013/08/16/156463-print.html 16.08.2013 (дата обращения: 22.09.2013).
481. Шествие в Москве: хроника, свидетельства, подробности // Радио Свобода, 3.02.2012. – Режим доступа: https://www.svoboda.org/a/24472623.html (дата обращения: 24.04.2021)
482. Штабы Навального подсчитали участников протестов 23 января – до 300 тыс. // NewsRu, 24 января 2021. – Режим доступа: https://www.newsru.com/russia/24jan2021/250k.html (дата обращения: 25.04.2021)
483. Шубин, М. «Свободу Навальному»! Итоги всероссийской акции протеста 23 января // ovdinfo.org, 23.01.2021. – Режим доступа: https://ovdinfo.org/articles/2021/01/23/svobodu-navalnomu-itogi-vserossiyskoy-akcii-protesta-23-yanvarya (дата обращения: 25.04.2021)[1135]
484. Шубин, М. Вторая всероссийская акция протеста «Свободу Навальному». Итоги 31 января // ovdinfo.org, 31.01.2021. – Режим доступа: https://ovdinfo.org/articles/2021/01/31/vtoraya-vserossiyskaya-akciya-protesta-svobodu-navalnomu-itogi-31-yanvarya (дата обращения: 25.04.2021) [1136]
485. Эксперт: около 10 тысяч иностранцев воюют в Сирии на стороне оппозиции. 19.09.2013. – Режим доступа: http://ria.ru/arab_riot/20130919/964469024.html (дата обращения: 22.09.2013)
486. Юнанов, Б. Навальный поднял 100 городов // New Times, 29.01.2018. – Режим доступа: https://newtimes.ru/articles/detail/143494 (дата обращения: 2.05.2021)
487. Яковлев, В., Варум, Р., Мишина, В. На митинги за Навального 23 января вышли больше 250 тысяч человек – глава сети штабов Леонид Волков // Openmedia, 24.01.2021. – Режим доступа: https://openmedia.io/news/n2/na-mitingi-za-navalnogo-23-yanvarya-vyshli-bolshe-250-tysyach-chelovek-glava-seti-shtabov-leonid-volkov/ (дата обращения: 25.04.2021) [1137]

[1135] Медиапроект «ОВД-Инфо» внесен в Реестр иностранных агентов (29.09.2021. Статья 29.1 Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»)

[1136] Медиапроект «ОВД-Инфо» внесен в Реестр иностранных агентов (29.09.2021. Статья 29.1 Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»)

[1137] «Открытые медиа» – русскоязычное эстонское интернет-издание, существовавшее с 2017 по 2021 год; заблокировано Роскомнадзором 4 августа 2021 года.

488. A Russian awakening. The middle class is finding its political voice // The Economist, 11.12.2011. – Режим доступа: https://www.economist.com/eastern-approaches/2011/12/11/a-russian-awakening (дата обращения: 24.04.2021)
489. Anti-war protesters march through Moscow // DW.com. – Режим доступа: https://www.dw.com/en/anti-war-protesters-march-through-moscow/a-17938261 (дата обращения: 30.04.2021)
490. Barry, E. Schwirtz M. Arrests and Violence at Overflowing Rally in Moscow // The New York Times, 6 May 2012. – Режим доступа: https://www.nytimes.com/2012/05/07/world/europe/at-moscow-rally-arrests-and-violence.html?_r=1 (дата обращения: 24.04.2021)
491. Demonstrations erupt across Syria as unrest sweeps on. 18.03.2011. – Режим доступа: http://www.scotsman.com/news/demonstrations_erupt_across_syria_as_unrest_sweeps_on_1_1532879 (дата обращения: 24.09.2013)
492. Farmer, B. Syria: nearly half rebel fighters are jihadists or hardline Islamists, says IHS Jane's report. 15.09.2013. – Режим доступа: http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/syria/10311007/Syria-nearly-half-rebel-fighters-are-jihadists-or-hardline-Islamists-says-IHS-Janes-report.html (дата обращения: 25.09.2013).
493. Filipov, D. Russian police arrest anti-corruption leader Navalny, hundreds more in nationwide rallies // The Washington Post, March 26, 2017. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/russian-police-arrest-protesters-at-nationwide-anti-corruption-rallies/2017/03/26/11208e46-10a1-11e7-aa57-2ca1b05c41b8_story.html (дата обращения: 2.05.2021)
494. Hezbollah is helping Assad fight Syria uprising, says Hassan Nasrallah. 30.04.2013. – Режим доступа: http://www.theguardian.com/world/2013/apr/30/hezbollah-syria-uprising-nasrallah (дата обращения: 24.09.2013)
495. Kaim, K. Syria: Understanding the Conflict Syria: Understanting the Conflict. 19.06.2012. – Режим доступа: http://www.geostrategicforecasting.com/syria-understanding-the-conflict/ (дата обращения: 25.09.2013)
496. NEXTA Live. – Режим доступа: https://www.youtube.com/@NEXTALive (дата обращения: 1.06.2024)
497. Nexta. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Nexta (дата обращения: 1.06.2024)
498. Parfitt, T. Mass arrests as anti-Putin protests sweep Russia // The Sunday Times, March 27, 2017. – Режим доступа: https://www.thetimes.co.uk/article/mass-arrests-as-anti-putin-protests-sweep-across-russia-j38sxj58j?region=global&--xx-meta=denied_for_visit%3D0%26visit_number%3D0%26visit_remaining%3D0%26visit_used%3D0&--xx-mvt-opted-out=false&--xx-uuid=22d20e61ecbd171fb79483c8044140ef&ni-statuscode=acsaz-307 (дата обращения: 2.05.2021)

499. Pinchuk, D., Shurmina, N. Russian police detain opposition leader, hundreds of protesters // Reuters, March 26, 2017. – Режим доступа: https://www.reuters.com/article/us-russia-protests-idUSKBN16X0G8 (дата обращения: 2.05.2021)
500. Steele J. Ukraine's Postmodern Coup D'etat // The Guardian. 2004. Nov. 26. [online]. Date of access 10.06. 2013. – Режим доступа: http://www.guardian.co.uk/world/2004/nov/26/ukraine.comment (дата обращения: 27.01.2024)
501. Stolberg Sh.G. Shy U.S. Intellectual Created Playbook Used in a Revolution // New York Times (February 16, 2011). – Режим доступа: http://www.nytimes.com/2011/02/17/world/middleeast/17sharp.html?_r=1&page wanted=all (дата обращения: 21.12.2016)
502. Syria: Army continues Military Operations in Homs and Idlib. 24.09.2013. – Режим доступа: http://www.syrianews.cc/syria-army-military-operations-homs-idlib/ (дата обращения: 24.09.2013).
503. Syrian deserters seize town of Douma northeast of Damascus, scores killed. 21.01.2012. – Режим доступа: http://english.alarabiya.net/articles/2012/01/21/189650.html (дата обращения: 24.09.2013)
504. TikTok в России: из почти 23 млн активных пользователей 64% обладают доходом средним и выше среднего // cossa.ru, 16.10.2020. – Режим доступа: https://www.cossa.ru/news/276021/ (дата обращения: 4.05.2021)
505. Tunisia ruling coalition agrees to hold elections next June. – Режим доступа: http://www.reuters.com/article/2012/10/14/us-tunisia-elections-idUSBRE89D01120121014 14.10.2012 (дата обращения: 22.09.2013).
506. Walker, S. Hundreds arrested as protests greet Vladimir Putin inauguration. Violent clashes in Moscow as Russian leader prepares to be sworn in as President // The Independent, 07 May 2012. – Режим доступа: https://www.independent.co.uk/news/world/europe/hundreds-arrested-protests-greet-vladimir-putin-inauguration-7718704.html (дата обращения: 24.04.2021)

Справочная и учебная литература

507. Аберкромби, Н., Хилл, С., Тернер, Б.С. Социологический словарь. 2 изд., пер. и доп. /Пер. с англ. – М.: Экономика, 2004. – 619 с.
508. Алмонд, Г., Пауэлл, Дж., Стром, К., Далтон, Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 535 с.
509. Анцупов, А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 528 с.
510. Бабосов, Е.М. Основы конфликтологии. Изд. 2-е. – Минск: ТетраСистемс, 2000. – 463 с.
511. Бакулев, Г.П. Массовая коммуникация. Западные теории и концепции. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 175 с.
512. Березин, В.М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. – М.: РИП-холдинг, 2003. – 174 с.

513. Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 32. – М.: Гос. изд-во Большая Советская энциклопедия, 1955. – 648 с.
514. Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 9. – М.: Гос. изд-во Большая Советская энциклопедия, 1951. – 624 с.
515. Володенков, С.В. Политический менеджмент и управление современными политическими кампаниями: учебник. – М.: РГ-Пресс, 2019. – 584 с.
516. Гавра Д. Основы теории коммуникации: Учебное пособие. Стандарт третьего поколения. – СПб.: Питер, 2011. – 288 с.
517. Дербишайр, Д., Дербишайр, Я. Политические системы мира: В 2 т. /Пер. с англ. Т. 1. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. – 512 с.
518. Джери, Д., Джери, Д. Большой толковый социологический словарь /Пер. с англ. Т. 1–2. – М.: Вече, 1999. – 544 с. + 528 с.
519. Дмитриев, А.В. Конфликтология. – М.: Гардарики, 2000. – 336 с.
520. Гришина, Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2009. – 544 с.
521. Зайцев, А.К. Социальный конфликт. Изд. 2-е. – М.: Academia, 2001. – 464 с.
522. Запрудский, Ю.Г. Социальный конфликт. – Ростов н/Д: Феникс, 1992. – 312 с.
523. Здравомыслов, А.Г. Социология конфликта. – М.: Аспект-пресс, 1996. – 319 с.
524. История политических партий России / Думова Н.Г., Ерофеев Н.Д., Тютюкин С.В. и др.; Под ред. А. И. Зевелева. – М.: Высш. шк., 1994. – 446 с.
525. История России XX – начала XXI века /Под ред. Л. В. Милова. – М.: ЭКСМО, 2006. – 959 с.
526. Кафтан, В.В. Концепции, практики и технологии современных медиа. Учебник. – М.: Кнорус, 2022. – 514 с.
527. Левада, Ю.А. Структура социальная // Философская энциклопедия. В 5 т. /Под ред. Ф. В. Константинова. Т. 5. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – С. 142-144.
528. Леонов, Н.С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. – М.: Мысль, 1975. – 324 с.
529. Мангейм, Дж.Б., Рич, Р.К. Политология: Методы исследования. – М.: Издательство «Весь Мир», 1997. – 544 с.
530. Овсепян, Р.П. История новейшей отечественной журналистики: февраль 1917 – начало XXI в.: учеб, пособие / под ред. Я.Н. Засурского. 3-е изд., доп. – М.: Изд-во Моск, ун-та : Наука, 2005. – 352 с.
531. Погорелый, Д.Е., Фесенко, В.Ю., Филиппов, К.В. Политологический словарь-справочник. – Ростов-на-Дону: Наука-Спектр, 2008. – 320 с.
532. Политическая конфликтология /Под ред. С. Ланцова. – СПб. Питер, 2008. – 319 с.
533. Политология. Краткий словарь основных терминов и понятий /Под ред. В.С. Пусько. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2010. – 112 с.

534. Процедуры и методы социологического исследования. Кн. 2. Классическое социологическое исследование: практикум /Сост. А.С. Готлиб, И.Е. Столярова, С.Н. Фазульянова. Я.Н. Крупец. А.М. Алмакаева, М.В. Смирнова; под общ. ред. А.С. Готлиб. 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 354 с.
535. Русская периодическая печать. Справочник / Под ред. А. Г. Дементьева [и др.]; [Предисл. А. Западова]. – М.: Госполитиздат, 1957. – 351 с.
536. Советская историческая энциклопедия. Т. 10. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 534 с.
537. Советская историческая энциклопедия. Т. 3. – М.: Советская энциклопедия, 1963. – 516 с.
538. Советская историческая энциклопедия. Т. 4. – М.: Советская энциклопедия, 1963. – 542 с.
539. Строганов, А.И. Новейшая история стран Латинской Америки. – М.: Высшая школа, 1995. – 414 с.
540. Фролов, С.С. Основы социологии. – М.: Юристъ, 1997. – 343 с.
541. Чумиков А.Н. Медиакоммуникации. – М.: Проспект. 2023. – 208 с.
542. Чумиков, А.Н., Бочаров, М.П. Управление коммуникациями. 2-е изд. – М.: «Дашков и Ко», 2023. – 544 с.
543. Шарков, Ф.И. Коммуникология: основы теории коммуникации: Учебник для бакалавров / 4-е изд., перераб. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2014. – 488 с.
544. Шарков, Ф.И., Силкин, В.В. Теория и практика массовой информации как фундаментальное направление коммуникологии. 6-е изд. – М.: «Дашков и Ко», 2023. – 302 с.
545. Collin, P.H. Dictionary of Politics and Government. 3rd ed. – London: Bloomsbury Publishing, 2004. – 262 p.
546. Koszyk, K. Die Rote Fahne, Berlin (1918–1933) // Deutsche Zeitungen des 17. bis 20. Jahrhunderts /Hrsg. Heinz-Dietrich Fischer. – Verlag Dokumentation, 1972. – S. 391-404.
547. McAdam, D. Collective action // The Blackwell Encyclopedia of Sociology /Ed. By George Ritzer. – Blackwell Publishing, 2007. – P. 574-581.

Диссертационные исследования

548. Абдуллаев, Р.А. Влияние Интернет технологий на современные политические процессы в рамках демократических режимов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Н. Новгород, 2014. – 231 с.
549. Акопов, Г.Л. Политические интернет-коммуникации как инновационный фактор общественного развития. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – СПб., 2013. – 336 с.
550. Андреев, О.Е. История революции и гражданской войны в России в трудах П.А. Сорокина. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Нижний Новгород, 2006. – 225 с.

551. Антонова, Т.Г. Метафорическое моделирование социального конфликта в медиадискурсе: факторы и аспекты вариативности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Томск, 2018. – 330 с.
552. Антонов-Овсеенко, А.А. Роль периодической печати в формировании общественного сознания в России в 1917 г. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Тверь, 2013. – 400 с.
553. Арямова, А.Д. Роль технологий цветных революций в трансформации современных политических режимов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2016. – 195 с.
554. Ашрафи, М.М. Проблемы и перспективы развития бархатной революции в процессе изменяющегося мира. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Душанбе, 2014. – 149 с.
555. Бараночников, В. А. Социальная напряженность в условиях трансформации социальной структуры современного российского общества (на материалах Орловской области). Диссертация на соискание степени кандидата социологических наук. – М., 2015. – 188 с.
556. Башкарев, А.А. Роль сети Интернет в процессе политической социализации молодежи. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – СПб., 2009. – 166 с.
557. Бодрунова, С.С. Медиакратия: СМИ и власть в современных демократических обществах. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – СПб., 2015. – 498 с.
558. Бондарев, Н.С. Социальные медиа в современных политических процессах: технологии и ресурсы влияния. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2014. – 198 с.
559. Бочанов, М.А. «Цветные революции» как фактор трансформации внешнеполитических стратегий государств на постсоветском пространстве. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Орел, 2011. – 167 с.
560. Булдаков, В.П. Октябрьская революция; Социокультурное измерение. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук в форме научного доклада. – М., 1998. – 39 с.
561. Быков, И.А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – СПб., 2016. – 322 с.
562. Ванчикова, А.В. Революция как бифуркация в развитии социальных систем: синергетический анализ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Улан-Удэ, 2007. – 169 с.
563. Васильченко, В.В. Влияние Интернет-коммуникаций на активизацию протестных движений молодежи в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2017. – 161 с.
564. Войнов, Д.А. Становление интернет-диалога как формы участия граждан в политической науке России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2007. – 170 с.

565. Володенков, С.В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – М., 2015. – 441 с.
566. Воронин, А.П. Проблема социальной революции в философии П. Сорокина. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – М., 1996. – 155 с.
567. Гаман, Л.А. Революция 1917 г. и советская история в освещении русской религиозной эмигрантской мысли. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Томск, 2008. – 417 с.
568. Гаранин, О.Ю. Протестная активность молодежи в условиях политической модернизации современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Волгоград, 2009. – 189 с.
569. Гибадуллин, И.Р. Аятолла Мортаза Мотаххари и идеология Исламской революции 1978 – 1979 годов в Иране. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Казань, 2012. – 354 с.
570. Гильермо, Г. Апрельская революция 1974 г. и демократические преобразования в Португалии; 1974–1976 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2004. – 251 с.
571. Голетиани, И.С. Марксистская теория “социальной революции”; Генезис и исторические реалии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – СПб., 1993. – 200 с.
572. Грачев, М.Н. Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. – М., 2005. – 52 с.
573. Грачев, М.Н. Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – М., 2005. – 428 с.
574. Гребенщиков, В.Э. Политические аспекты протестного потенциала глобального развития: диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2003. – 158 с.
575. Грибовод, Е.Г. Медиатизация политики как институционально-коммуникативный процесс и информационно-стратегический ресурс. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Екатеринбург, 2017. – 189 с.
576. Громова, А.В. Роль и место масс-медиа в подготовке и проведении «цветных революций». Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2009. – 209 с.
577. Грязнова, О.С. Теоретические подходы в социологии революции: сравнительный анализ концепций П. Сорокина, Л. Эдвардса и Т. Скокпол. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – М., 2009. – 186 с.
578. Данилов, М.В. Институты, механизмы и технологии политизации общества в постсоветской России (1990-е – 2000-е годы). Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – Саратов, 2015. – 477 с.

579. Дубровский, К.Г. Политический аспект массовых протестных акций в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 144 с.
580. Евдокимов, В.А. Роль средств массовой информации в политизации социального конфликта. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – Екатеринбург, 2007. – 280 с.
581. Евланников, В.П. Теория революции в социологии В.В. Берви-Флеровского. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – СПб., 1992. – 129 с.
582. Елишев, С.О. Социальное манипулирование современной молодежью. Диссертация на соискание степени доктора социологических наук. – М.: 2018. – 450 с.
583. Есиев, Э.Т. Роль виртуальных технологий конфликтной мобилизации в противодействии политическому протесту. Диссертация на соискание степени кандидата политических наук. – М., 2023. – 179 с.
584. Жердева, Ю.А. Русский либерализм в 1917 году по материалам периодической печати. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Самара, 2005. – 299 с.
585. Завалько, Г.А. Социальная революция как явление мировой истории; социально-философский анализ идей и концепций. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. – М., 2006. – 366 с.
586. Земцов, Б.Н. Социально-психологические предпосылки революции 1917 г. в России. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 1999. – 473 с.
587. Зенков, Р.В. Феномен социальной революции как объект политико-философского анализа. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Пермь, 2012. – 156 с.
588. Иванов, Д.Д. Политическая коммуникация в современной России: особенности функционирования и тенденции развития. Диссертация на соискание ученой степени кандидата полит. н. – М., 2014. – 140 с.
589. Каминченко, Д.И. «Новые» средства массовой информации и социальные медиа как субъект политического процесса. Диссертация на соискание ученой степени канд. полит. н. – Нижний Новгород, 2015. – 247 с.
590. Карасев, Д.Ю. Современные зарубежные теории социальных революций: социологический анализ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – М., 2015. – 195 с.
591. Касович, А.А. Технологические аспекты управления политическим протестом в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Саратов, 2015. – 205 с.
592. Кинаш, Ю.С. Роль СМИ и «новых медиа» в современных политических конфликтах : на примере «Арабской весны» и Ливии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2017. – 169 с.
593. Киселева, Е.В. Формирование образа советской власти средствами агитации и пропаганды: октябрь 1917-1920 гг. (на материалах Орловской и

Брянской губерний). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Брянск, 2011. – 231 с.

594. Коростелев, С.Г. Журнал «Летопись» (1915–1917) и газета «Новая жизнь» (1917–1918) в историко-культурном контексте. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2015. – 270 с.

595. Креленко, Н.С. Осмысление опыта английской революции XVII в. в общественной мысли Великобритании XVII–XIX вв. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Саратов, 1993. – 351 с.

596. Кубякин, Е.О. Социально-структурные предпосылки межэтнической напряженности. Диссертация на соискание степени кандидата социологических наук. – Новочеркасск, 2005. – 152 с.

597. Кудинова, Н.Т. Отечественная историография революции 1917 г. в России, 1917–1995 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 1998. – 359 с.

598. Куконков, П.И. Социальная напряженность и конфликты в сфере общего образования: автореферат диссертации на соискание степени кандидата социологических наук. – Н. Новгород, 1996. – 25 с.

599. Куконков, П.И. Социальная напряженность и конфликты в сфере общего образования. Диссертация на соискание степени кандидата социологических наук. – Н. Новгород, 1996. – 206 с.

600. Курочкин, А.В. Государственное управление и инновационная политика в условиях сетевого общества. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – СПб., 2014. – 295 с.

601. Кутыгина, Е.Н. Культура политического протеста. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Ростов-на-Дону, 2005. – 156 с.

602. Кучукова, Ж.М. Культура революционной эпохи; на материалах Великой Французской революции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Ростов-на-Дону, 2002. – 194 с.

603. Лаврикова, А.А. Конфликт и согласование интересов в процессе политического участия граждан. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – Тула, 2020. – 494 с.

604. Лалетин, Н.П. Гражданские протесты в российском обществе в условиях трансформации: формирование и социальная динамика. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – Ростов-на-Дону, 2013. – 155 с.

605. Ланцов, С.А. Политические революции и социальный прогресс. (Критический анализ марксистской концепции). Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – СПб., 1991. – 367 с.

606. Лебедева, И.Л. Концепт социальный протест в языковой картине мира США (на материале периодики и интернет-ресурсов). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Владивосток, 2005. – 206 с.

607. Лобза, Е.В. Концепция мировой пролетарской революции; Соц.-психол. аспект. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Саратов, 1995. – 232 с.
608. Ломоносова, М.В. Социология революции П.А. Сорокина. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – СПб., 2006. – 162 с.
609. Люлька, О.Ф. Протестная активность населения: факторы, динамика и потенциал в общероссийском и региональном измерении. Диссертация на соискание степени кандидата социологических наук. – Ростов-на-Дону, 2016. – 204 с.
610. Малышев, Д.В. Газета «Новое время» и периодическая печать Петрограда в 1917 году. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. –СПб., 2004. – 173 с.
611. Маринович, А.Н. Специфика медийного освещения современных политических процессов (на примере сирийского вооруженного конфликта). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Екатеринбург, 2018. – 168 с.
612. Мирошниченко, И.В. Социальные сети в российской публичной политике. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – М., 2013. – 341 с.
613. Михайлова, О.В. Сетевая архитектура государственного управления: проблемы концептуализации и практики. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – М., 2015. – 335 с.
614. Михалёв, А.В. Монгольская революция 1921 года в советской и российской историографии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Улан-Удэ, 2005. – 154 с.
615. Молодяков, В.Э. Консервативная революция в Японии: политика и идеология. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – М., 2004. – 335 с.
616. Мотайло, А.С. Эволюция политического протеста в современном Китае. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – СПб., 2012. – 222 с.
617. Нагайцев, В.В. Специфика и тенденции развития социального протеста населения провинциального региона России: По материалам социологических исследований в Алтайском крае в 1990-х годах. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – Барнаул, 2000. – 190 с.
618. Назаров, Ю.Н. Революция как предмет социально-философского исследования. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. – Шуя, 2006. – 364 с.
619. Наумов, А.О. «Цветные революции»: использование технологий «мягкой силы» для смены политических режимов в конце XX – начале XXI веков. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 2022. – 635 с.

620. Никитин, М.Ю. Лингвосемиотические особенности конфликтогенного массмедийного дискурса. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Воронеж, 2022. – 317 с.
621. Норден, Л.Л. Английская революция в западноевропейской и русской либеральной историографии XIX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Казань, 1994. – 205 с.
622. Палагичева, А.В. Политическая демобилизация протестной активности граждан в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2021. – 227 с.
623. Пирогов, И.В. Социальная напряженность: теория, методология и методы измерения. Диссертация на соискание степени кандидата социологических наук. – М., 2002. – 177 с.
624. Поздняков, С.В. Политический протест. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Ростов-на-Дону, 2002. – 168 с.
625. Придорожный, А.В. Проблема альтернатив общественного развития периода революции 1917 года в отечественной историографии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Тюмень, 2001. – 229 с.
626. Прошанов, С.Л. Становление социологии конфликта в России: теоретико-методологические и институционально-организационные основы. Диссертация на соискание степени доктора социологических наук. – М., 2007. – 367 с.
627. Пустошинская, О.С. Студенческий политический протест в Уральском федеральном округе: особенности и перспективы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Екатеринбург, 2012. – 254 с.
628. Ротмистров, А.Н. Социальные факторы протестного поведения российской молодежи: сравнительный анализ ситуаций начала XX и начала XXI веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – Москва, 2009. – 215 с.
629. Сабитов, М.Р. Современные детерминанты массовой протестной активности в России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Уфа, 2013. – 193 с.
630. Сарычева, А.М. Образ Советской власти в центральных партийных изданиях в 1917–1927 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2019. – 258 с.
631. Сидненко, Т.И. Концепция русской революции 1917 года в творчестве Н. А. Бердяева. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – СПб., 1998. – 246 с.
632. Смирнов, Д.Н. Манипулятивные технологии и их применение в условиях смены политического режима: опыт оранжевой революции на Украине. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Нижний Новгород, 2009. – 352 с.

633. Соина, Е.С. Политическое протестное поведение в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Ставрополь, 2008. – 200 с.
634. Соколов, А.В. Сетевой политический протест в России: субъекты, тенденции и технологии. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – М., 2018. – 445 с.
635. Стельмак, М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Омск, 2016. – 326 с.
636. Стрелков, А.В. Освещение в современной западногерманской историографии проблем Октябрьской революции 1917 г. в России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1997. – 258 с.
637. Студницына, Б.Я. «Культура протеста» и ее роль в социокультурной динамике. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – М., 2000. – 147 с.
638. Сурсанова, Ю.В. Технологии фреймирования национально государственной идентичности в телемедийном пространстве современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Пермь, 2023. – 305 с.
639. Ташкулова, Ш.Б. Философский анализ феномена «Арабской весны». Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Бишкек, 2014. – 156 с.
640. Тестов, О.В. Гренада: Революция и контрреволюция; 1979–1983 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2005. – 175 с.
641. Тучков, А.Г. Социально-психологическая концепция Великой французской революции 1789–1794 гг. Ипполита Тэна. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Томск, 1998. – 156 с.
642. Тучков, Е.В. Социальная напряженность в регионах центра России: механизмы диагностики и регулирования. Диссертация на соискание степени кандидата социологических наук. – Орел, 2000. – 179 с.
643. Федоров, А.П. Политическое манипулирование в социальных сетях Интернета в современных условиях. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2018. – 163 с.
644. Фролов, А.А. Сетевые формы организации гражданской активности в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – МНИТ. 2015. – 223 с.
645. Челпанова, Д.Д. Характер и динамика протестной активности на Юге России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – Ростов-на-Дону, 2011. – 169 с.

646. Чернова, А.В. Гаитянская революция конца XVIII – начала XIX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2003. – 167 с.
647. Чумиков, А.Н. Конфликт в системе социально-политических процессов переходного периода. Диссертация на соискание степени доктора политических наук. – М., 1995. – 322 с.
648. Шалаева, Н.В. Формирование образа советской власти в российском обществе в 1917–1920-е гг.: социокультурный аспект. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Саратов, 2014. – 446 с.
649. Шитова, А.В. Роль международных неправительственных организаций (МНПО) в событиях «Арабской весны» и последующих трансформационных процессах в Тунисе и Египте: 2011–2017 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2018. – 186 с.
650. Шомова, С.А. Политическая коммуникация: социокультурные тенденции и механизмы. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – М., 2004. – 352 с.
651. Юсупова-Фарзалиева, Д.М. Информационно-коммуникативные технологии как основа «цветных революций» в современных политиях. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Пятигорск, 2012. – 146 с.
652. Якименко, М.В. Буржуазные революции в Европе XVII – первой половины XIX вв. и их изучение в советской историографии довоенного периода; 1917-1941 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2011. – 223 с.
653. Якубовская, Е.В. Февральская революция 1917 г. в оценке советской и русской зарубежной историографии 1920–30-х гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2011. – 229 с.

Научные монографии и статьи на русском языке

654. Аббасов, Р.Г., Борисова, О.С., Римский, В.П. Великая Русская революция: модернизирующая редакция модерна? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2017. – №24(273), вып.42. – С. 78-87.
655. Авраамова, Е.М. Средний класс эпохи Путина // Общественные науки и современность. – 2008. – № 1. – С. 28-36.
656. Аксенов, В.Б. Милиция и городские слои в период революционного кризиса1917 года. Проблемы легитимности // Вопросы истории. – 2001. – № 7. – С. 36-50.
657. Алейников, А.В., Артёмов, Г.П., Пинкевич, А.Г. Опыт изучения социальной напряженности // Конфликтология. – 2015. – № 2. – С. 118-134.
658. Алексеенок, А.А., Каира, Ю.В., Бараночников В.А. Социальное неравенство и социальная напряженность. – Орел: Орловский фил. РАНХиГС, 2016. – 243 с.

659. Американская историография внешней политики США 1945–1970. – М.: Наука, 1972. – 403 с.
660. Андерсон, Б., Бауэр, О., Хрох, М. и др. Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – 416 с.
661. Андерсон, П. Истоки постмодерна /Пер. с англ. А Апполонова под ред. М. Маяцкого. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 200 с.
662. Андронов, С.А. Большевистская печать в трех революциях. – М.: Политиздат, 1978. – 343 с.
663. Аникеев, А.А., Кольга, Г.И., Пуховская, Н.Е. НСДАП: идеология, структура и функции. – Ставрополь: Изд. СГУ, 2001. – 323 с.
664. Анисимов, Д.И. Политические факторы социальной напряженности // Конфликтология. – 2015. – № 2. – С. 224-233.
665. Антонов-Овсеенко, А.А. Периодическая печать революционной России (февраль-октябрь 1917 г.). – М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2012. – 209 с.
666. Антонов-Овсеенко, А.А. Российская печать в 1917 г.: газеты как источник // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». Вып. 3. – 2012. – № 21. – С. 150-157.
667. Аронсон, Э., Пратканис, Э.Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения повседневное использование и злоупотребление. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. – 384 с.
668. Артамонова, И.М., Гречук, В.В. Стратегии и тактики противодействия цветным революциям в реалиях новых медиа // Культура в фокусе научных парадигм. – 2021. – № 12-13. – С. 299-304.
669. Артамонова, Ю.Д., Демчук, А.Л. Постмодерн или постмодернизация? (Опыты концептуализации ценностных изменений) // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2003. – № 2. – С. 149-150.
670. Артюхина, В.А. Реальный и потенциальный социальный протест: конфликтологическая загадка для социологов. Материалы V Общероссийской научно-практической конференции «Современные исследования социальных проблем» с международным участием (ноябрь 2011 г.) // Современные исследования социальных проблем. Красноярск: Научно-инновационный центр, – 2011. – С. 355-361.
671. Атлас глобализации. Попытка осмысления современного мирового пространства /Пер. с фр. – М.: Прогресс-Традиция, 2014. – 184 с.
672. Ахиезер, А.С. Дезорганизация как категория общественной науки // Общественные науки и современность. – 1995. – № 6. – С. 45-52.
673. Ахмадулин, Е В. Октябрьская революция 1917 года в отражении современной ей прессы (к 100-летию Октябрьской революции 1917 г.) // Медиаскоп. 2018. Вып. 1. – Режим доступа: http://www.medlascope.ru/2421
674. Ачкасова, В. А. Медиатизированный конфликт: концепт и факторы актуализации // Медиа в современном мире. 59-е Петербургские чтения: сб. матер. Междунар. научн. форума (9–12 ноября 2020 г.): в 2-х т. /Отв. ред. В.В. Васильева. Т. 2. – СПб.: СПбГУ, 2020. – С. 33-34.

675. Ачкасова, В.А. Карнавализация электоральных коммуникаций: роль «смеховых» технологий и политической буффонады // Век информации. – 2018. – № 2-2. – С. 90-92
676. Ачкасова, В.А. Коммуникативные стратегии в условиях протестных выступлений населения // Российская школа связей с общественностью. – 2019. – № 13. – С. 11-25.
677. Ачкасова, В.А. Мобилизационная модель коммуникации власти и общества // Век информации. – 2015. – № 3. – С. 246-248.
678. Ачкасова, В.А. Новые форматы политических коммуникаций в условиях турбулентности // Реклама, PR и дизайн в бренд-коммуникациях. – М.: Изд-во: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2022. – С. 11-14.
679. Ачкасова, В.А. Особенности современных пропагандистских методов в мобилизационных процессах // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. – 2015. – № 1. – С. 77-102.
680. Ачкасова, В.А. Принцип «повестки дня» как доминанта медийного пространства // Журналистский ежегодник. – 2012. – № 1. – С. 7-9.
681. Бабурин, С.Н., Мунтян, М.А., Урсул, А.Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2011. – 494 с.
682. Багдасарян, В.Э., Журавлев, В.В., Ларионов, А.Э., Федорченко, С.Н., Шульц, Э.Э. Восприятие советского прошлого в контексте формирования новых идентичностей, войн памяти и образов будущего на постсоветском пространстве. – М.: Проспект, 2022. – 304 с.
683. Бадалян, Л.Г., Криворотов, В.Ф. Исторические формы мальтузианского кризиса // О причинах Русской революции /Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – С. 158-169.
684. Бажанов, Е.П., Карпович, О.Г., Литвинов, В.О. «Революция зонтиков» в Гонконге: новая страница «цветных революций» // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2020. – № 1 (23). – С. 191-203.
685. Баженов, Н. Русская революция. Заметки о социальной психологии // Независимый психиатрический журнал. – 2014. – № 1. – С. 80-87.
686. Байчик, А.В. Массмедиа. Ценности. Конфликт. – СПб.: Изд-во РХГА, 2020. – 248 с.
687. Балуев, Д.Г., Каминченко, Д.И. Отражение ценностей современного российского общества в социальных медиа. Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2017. – № 3. – С. 5-13.
688. Баранова, Г.В., Фролов, В.А. Методология и методика измерения социальной напряженности // Социологические исследования. – 2012. – № 3 (335). – С. 50-65.
689. Баранова, Г.В., Фролов, В.А., Кондрашин, А.В. Особенности социальной напряженности в регионах России // Социологические исследования. – 2011. – № 6 (326). – С. 48-55.
690. Барг, М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. – М.: Мысль, 1991. – 397 с.

691. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика /сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Универс», 1994. – 615 с.
692. Батуренко, С.А. Средний класс в современном российском обществе: проблемы и основные достижения эмпирических исследований // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2016. – № 22 (1). – С. 44–61.
693. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М.: «Весь Мир», 2004. – 188 с.
694. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 541 с.
695. Бачко, Б. Как выйти из террора? Термидор и революция /Пер. с фр. – М.: BALTRUS, 2006. – 348 с.
696. Бек, У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно политическая экономия. – М.: Территория будущего, 2007. – 464 с.
697. Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма ответы на глобализацию /Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. – М.: Прогресс-традиция, 2001. – 303 с.
698. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования /Пер. с англ. – М.: Academia, 2004. – 783 с.
699. Белов, В.П., Грызлов, И.Н. Информационная технология оценки социальной напряженности в регионах России // Информационные системы и технологии. – 2010. – № 1 (57). – С. 50-57.
700. Беляков, В.В. Революция 25 января в Египте: причины и следствия // Арабский мир после арабской весны /Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – С. 64-84.
701. Берн, Э. Лидер и группа /Пер. с англ. – М.: ЭКСМО, 2009. – 288 с.
702. Бернейс, Э. Кристаллизация общественного мнения. – СПб.: Питер, 2021. – 208 с.
703. Бернейс, Э. Пропаганда. – СПб.: Питер, 2021. – 208 с.
704. Бехтерев, В.М. Избранные работы по социальной психологии. – М.: Наука, 1994. – 400 с.
705. Бикбов, А. Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 – июнь 2012) // Лабораториум. – 2012. – № 2. – С. 130-163.
706. Блос, В. Французская революция /Пер. с фр., изд. 3-е, испр. – СПб.: Типография Альтшулера, 1906. – 436 с.
707. Бляхер, Л.Е. Нестабильные социальные состояния. – М.: РОСПЭН, 2005. – 207 с.
708. Бобков, В.Н., Одинцова, Е.В., Квачев, В.Г. О критериальной идентификации российских средних классов // Социологические исследования. – 2019. – № 4. – С. 118–125.
709. Бобохонов, Р.С. Кризис авторитарных режимов в арабских странах и опыт демократических изменений в современном мусульманском мире. // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности,

перспективы. Материалы конференции «круглого стола» /Отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – С. 97-103.
710. Богдановская, И.М. Медиа-коммуникация // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2011. – № 8. – С. 77-80.
711. Болдуин, Р. Великая конвергенция: информационные технологии и новая глобализация /Пер. с англ. – М.: Дело, 2018. – 416 с.
712. Борисенко В.В. Информационно-пропагандистское воздействие на население во время Великой русской революции (на примере революционного плаката) // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 /Отв. ред. И. И. Тучков. – М.: Изд-во АО «РДП», 2018. – С. 815-822.
713. Борисов, Б.П. Постмодернизм: монография. – М.- Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 316 с.
714. Брайант, Дж., Томпсон, С. Основы воздействия СМИ. – М.: Вильямс, 2004. – 425 с.
715. Брекендридж, Д. PR 2.0: Новые медиа, новые аудитории, новые инструменты. – М.: Эксмо, 2009.- 270 с.
716. Брендинг как коммуникационная технология XXI века. Материалы VIII Международной научно-практической конференции /Под редакцией А.Д. Кривоносова. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. – 246 с.
717. Бриггс, Э., Клэвин, П. Европа Нового и Новейшего времени. С 1789 года и до наших дней. – М.: Весь мир, 2006. – 600 с.
718. Будаев, Э.В., Кушнерук, С.Л., Курочкина, М.А. Коммуникативное сопровождение массовых протестов в СМИ /Э.В. Будаев, С.Л. Кушнерук, М.А. Курочкина. – СПб.: Наукоемкие технологии, 2022. – 201 с.
719. Бузин, В.Н. Уровни управления российским медиапространством // Общество. Среда. Развитие. – 2012. – № 1. – С. 121-125
720. Булдаков, В. Системные кризисы в России: сравнительное исследование массовой психологии 1904–1921 и 1985–2002 годов // Acta Slavica Iaponica. Т. 22. – 2005. – P. 95-119.
721. Булдаков, В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 1997. – 376 с.
722. Быков, И.А. Медиатизация политики в эпоху социальных медиа // Журнал политических исследований. – 2017. – Т. 1. – № 4. – С. 15-38.
723. Быков, И.А. Политика памяти о Второй мировой войне в социальных медиа // Исторические итоги Второй мировой войны в актуальной повестке современности. – М.: Изд-во Московского государственного областного университета, 2020. – С. 53-64.
724. Быков, И.А. Сетевая политическая коммуникация: Теория, практика и методы исследования: монография. – СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013. – 200 с.
725. Быков, И.А., Гладченко, И.А. К вопросу об исследованиях мобилизационного контента в социальных медиа // Стратегические коммуникации в современном мире. Сборник материалов по результатам

научно-практических конференций. Выпуск 2. – Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2019. – С. 214-222.

726. Быкова, Е.В., Гавра, Д.П. Коммуникативные стратегии в оппозиционном дискурсе // Успехи современной науки и образования. – 2016. – № 1. – С. 122-128.

727. Вавилина, Н.Д., Котов, Д.А. Региональные особенности протестного потенциала в условиях социальной напряженности // Идеи и идеалы. – 2018. – № 1 (35). – Т. 2. – С. 176-189.

728. Вандышева, Е. Эволюция концепта “политическая повестка” в зарубежных политологических исследованиях // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61, № 4. – С. 91-99.

729. Вартанова, Е.Л. Медиа в постсоветской России: их структура и влияние // Pro et Contra. – 2000. – Том 5. – № 4. – С. 61-81.

730. Вартанова, Е.Л. Репрезентация конфликта в условиях новой субъектности медиасреды // Социальная коммуникация в современном российском обществе: сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 20 октября 2022 г.) / Отв. ред. В. А. Мансуров, Т.З. Адамьянц. – М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2023. – С. 18-32.

731. Вартанова, Е.Л. Современная медиаструктура // Средства массовой информации постсоветской России / Под ред. Я.Н. Засурского. – М.: Аспект-Пресс, – 2002. – С. 10-85.

732. Вартанова, Е.Л. Цифровое телевидение и трансформация медиасистем. О необходимости междисциплинарных подходов к изучению современного ТВ // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2011. – № 4. – С. 6-26.

733. Вартанова, Е.Л., Вырковский, А.В. Медиа и социальные конфликты: теоретико-методологические вызовы междисциплинарного подхода // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2023. – № 82. – С. 321-338.

734. Вартанова, Е.Л., Дунас, Д.В., Гладкова, А.А. Медиаконфликтология как поле междисциплинарного анализа социальных конфликтов // Вопросы теории и практики журналистики. – 2023. – Т. 12. – № 4. – С. 601-618.

735. Вартанова, Е.Л., Пую, А.С. Исследования цифровых медиа: от информационной безопасности общества – к защите человека // В сборнике: Медиа в современном мире. 63-и Петербургские чтения. Сборник материалов Международного научного форума. В 2-х томах. – СПб.: ООО «едиапапир», 2024. – С. 145-146.

736. Вартанова, Е.Л., Шилина, М.Г. Конфликты и медиа: реверсивные парадигмы в новой реальности? Открывая новые междисциплинарные подходы к исследованиям // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2023. – Т. 28. – № 4. – С. 635-648.

737. Васильев, А.М. Восстание в арабском мире: посевы и всходы // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности,

перспективы. Материалы конференции «круглого стола» /Отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – С. 8-17.
738. Васильев, А.М., Петров, Н.И. Рецепты арабской весны: русская версия. – М.: Алгоритм, 2012. – 304 с.
739. Васильев, Н.А., Дубровин, В.Л. Изменения в медиапотреблении в современной России // Знание. Понимание. Умение. – 2023. – № 3. – С. 107-129.
740. Ватлин, А.Ю. Германия в XX веке. – М.: РОССПЭН, 2002. – 336 с.
741. Вахин, А.А., Журавлев, А.Л. Особенности исследования динамики социальной напряженности по материалам СМИ // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – № 1. – С. 101-108.
742. Вебер, М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения /Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – С. 495-546.
743. Вебер, М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения /Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – С. 602-643.
744. Вебер, М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения /Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – С. 644-706.
745. Венидиктов, С. Медиакоммуникация как тип информационного и социального взаимодействия // THESAURUS: зборнік навуковых прац. Заснаваны ў 2015 годзе. Выпуск VII. – Магілёў: Установа адукацыі «Магілёўскі інстытут Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь», 2020. – С. 44-52.
746. Вершинин, М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований // Актуальные проблемы теории коммуникации. Сборник научных трудов. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 98-107.
747. Виловатых, А.В. Фактор цифровых технологий в развитии протестных движений // Проблемы национальной стратегии. – 2020. – № 2 (59). – С. 174-185.
748. Виноградова, С.М., Мельник, Г.С. Монополизация СМИ в современном информационном пространстве // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2005. – Т. 1. – № 2. – С. 95-110.
749. Витковская, М.И. Методические принципы изучения социальной напряженности (обоснование подбора методик) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2010. – № 3. – С. 41-52.
750. Власть и общество в условиях Гражданской войны // Отечественная История. – 1998. – № 3. – С.83-102.
751. Внукова, Л.Б., Челпанова, Д.Д., Пащенко, И.В. Социально-политическая напряженность в полиэтничном регионе. Ростов н/Д: Изд-во Южного научного центра РАН, 2014. – 191 с.
752. Войтик, Е.А. К вопросу об определении медиакоммуникации как понятия // Открытое и дистанционное образование. – 2013. – № 1. – С. 26-31.
753. Волгин, В.П. Социальное учение Сен-Симона // Сен-Симон. Избранные сочинения /Под общ. ред. В.П. Волгина. Пер. с фр. Т. 1. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 5-85.

754. Волков, Д. Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 гг.: запрос на демократизацию политических институтов // Вестник общественного мнения. – 2012. – № 2 (112). – С. 73-86.
755. Волкова, А.В. Сети в публичной политике: формирование сетевой культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 1. – С. 52-55.
756. Володенков, С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. – М.: МГУ, 2015. – 320 с.
757. Володенков, С.В. Новые формы политической коммуникации в современном политическом управлении: угрозы и вызовы // Государственное управление. Электронный вестник. – 2011. – № 27. – Режим доступа: http://ee-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2011/vipusk_27._ijun_2011_g./pravovie_i_polititcheskie_aspekti_upravlenija/volodenkov.pdf (дата обращения: 27.03.2024)
758. Володенков, С.В. Особенности Интернета как современного пространства политических коммуникаций // Вестник Московскою государственного областного университета (электронный журнал). – 2017. – № 4. – С. 1-13;
759. Володенков, С.В. Социальные медиа как инструмент современной публичной политики: особенности и перспективы применения // Политическая наука. – 2017. – Специальный выпуск. – С. 290-305.
760. Володенков, С.В., Белоконев, С.Ю., Суслова, А.А. Особенности структуры информационного потребления современной российской молодежи: на материалах исследования среди студентов-политологов Финансового университета // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23. – № 1. – С. 31-46.
761. Володенков, С.В., Ромашкина А.Б Технологии интернет-коммуникации как инструмент влияния на функционирование современных институтов власти: актуальные вызовы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2020. – № 1. – С. 33-40.
762. Володенков, С.В., Федорченко, С.Н. Цифровизация современного пространства общественно-политических коммуникаций: Научные концепции, модели и сценарии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 60. – С. 175-193.
763. Воронцов, С.А., Шарков, Ф.И., Понеделков, А.В. Проблемы коммуникации между властью, обществом и СМИ в сфере профилактики экстремизма // Коммуникология. – 2021. – Т. 9. – № 1. – С. 99-111.
764. Воскресенский, А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 190 с.
765. Гавра, Д. П. Медиатизация локальных инцидентов как новый механизм политической мобилизации в сетевом обществе: к программе исследования // Медиа в современном мире. 59-е Петербургские чтения: сб. матер.

Междунар. научн. форума (9–12 ноября 2020 г.): в 2-х т. /Отв. ред. В.В. Васильева. – СПб.: СПбГУ, 2020. Т. 2. – С. 39-41.

766. Гавра, Д.П. Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – № 4. – С. 53-77.

767. Гавра, Д.П. Понятие и характеристики коммуникационной стратегии // Российская школа связей с общественностью. – 2019. – № 15. – С. 64-78.

768. Гаврилец, Ю.Н., Клименко, К.В., Кудров, А.В. Статистический анализ факторов социальной напряженности в России // Экономика и математические методы. – 2016. – Т. 52. – № 1. – С. 45-66.

769. Гавров, С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 352 с.

770. Галкин, А.А. Германский фашизм. Изд. 2-е. доп. – М.: Наука, 1989. – 352 с.

771. Гарр, Т.Р. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.

772. Геллнер, Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.

773. Герасименко, Г.А. Судьба демократической альтернативы в России 1917 года и роль ее лидеров // Вопросы истории. – 2005. – № 7. – С. 3-22.

774. Гидденс, Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. – 116 с.

775. Гилинский, Я.И. Глобализация и девиантность поведения в России // Глобализация в российском обществе: сб. науч, трудов /Отв. ред. И.И. Елисеева. – СПб.: Нестор-История, 2008. – С. 399-506.

776. Гинцберг, Л.И. Ранняя история нацизма. Борьба за власть. – М.: Вече, 2004. – 384 с.

777. Глухова, А.В. Политическая конфликтология перед вызовами глобализации // Социологические исследования. – 2005. – № 8 (256). – С. 100-106.

778. Глухова, А.В. Политические конфликты в глобальную эпоху (к проблеме теоретической идентификации) // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 13-33.

779. Глухова, А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика. Теоретико-методологический анализ. Изд. 2-е. – М.: URSS, 2010. – 277 с.

780. Глухова, А.В. Популизм как политический феномен: вызов современной демократии // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 4. – С. 49-68.

781. Глухова, А.В. Российское общество перед модернизационным вызовом (конфликтологический анализ) // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 6. – С. 105-118.

782. Глухова, А.В. Рост гражданской активности и новая предметность городских конфликтов (мировые тенденции и российские реалии) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2017. – № 4. – С. 5-11.

783. Глухова, А.В. Теоретико-методологические проблемы политической конфликтологии: классический и современный дискурс // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 1(44). – С. 327-333.
784. Глухова, А.В., Тимофеева, Л.Н. Российская политическая конфликтология: состояние и проблемы // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 13-37.
785. Голдин, В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). – Архангельск: Боргес, 2000. – 277 с.
786. Голенкова, З.Т. Основные тенденции трансформации социальной структуры современного Российского общества // Вестник РУДН, серия Социология. – 2001. – № 1. – С. 28-43.
787. Головин, Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. В 2-х т. – М.: Айрис-Пресс, 2011. – 558 с.
788. Голуб, П.А. Военные организации большевиков в Октябрьской революции: итоги и задачи изучения // Военные организации партии большевиков в 1917 году. – М.: Наука, 1986. – С. 13-34.
789. Гольберт, В.В. Глобализация: продукт и/или предмет дискурсивного процесса // Глобализация в российском обществе: сб. науч, трудов /Отв. ред. И.И. Елисеева. – СПб.: Нестор-История, 2008. – С. 507-536.
790. Горшков, М.К. «Есть такая профессия – общество изучать». Избранные статьи, интервью, биографические откровения. – М.: Издательство «Весь Мир», 2020. – 464 с.
791. Горшков, М.К. Социальные и политические изменения в трансформирующейся России // Россия: итоги последнего десятилетия (1998–2008) и перспективы развития: сб. ст. /М. Горшков, А. Дынкин, Б. Макаренко и др.; под общ. ред. Г. Горцка, Р. Крумма. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 163-176.
792. Гофман, И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. – М.: Институт социологии РАН, Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. – 750 с.
793. Грациози, А. Война и революция в Европе 1905–1956. – М.: РОССПЭН, 2005. – 288 с.
794. Грачев, М.Н. Арабские революции как фактор влияния на внутрироссийскую политику // Россия и мусульманский мир. – 2012. – № 3. – С. 49-56.
795. Грачев, М.Н. Власть как форма социальной коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2011. – № 1. – С. 106-113.
796. Грачев, М.Н. К вопросу об определении понятий “политическая коммуникация” и “политическая информация” // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. – 2003. – № 4. – С.34-42.
797. Грачев, М.Н. К вопросу об определении понятий «политическая коммуникация» и «политическая информация» // Вестник Российского

Университета Дружбы Народов. Серия «Политология». – 2003. – № 4. – С. 34-42.

798. Грачев, М.Н. О соотношении концепций установления повестки дня и фрейминга // Век информации. – 2018. – № 2-2. – С. 94-96.

799. Грачев, М.Н. Политика: коммуникационное измерение. – Тула: Издательство Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, 2011. – 172с.

800. Грачев, М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. – М.: Прометей, 2004. – 327 с.

801. Грачев, М.Н. Природа российской конфликтности: внешний контекст и внутренние предпосылки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия История. Политология. Социология. – 2012. – № 1. – С. 88-92.

802. Грачев, М.Н. Средства коммуникации как инструмент преобразования социально-политической действительности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2001. – № 3. – С. 88-103.

803. Грачев, М.Н. Трансформация моделей мобилизующего и десоциализирующего воздействия коммуникативных технологий на аудиторию // Век информации. – 2017. – № 2-1. – С. 100-101.

804. Грачев, М.Н. Трансформация моделей эффективного информационного воздействия на массовую аудиторию (первая половина XX – начало XXI вв.) // Российская школа связей с общественностью. – 2018. – № 11. – С. 25-40.

805. Грачев, М.Н. Трансформация политико-коммуникационных процессов в информационном обществе: от медиации к медиатизации // Российская школа связей с общественностью. – 2020. – № 18-19. – С. 14-27.

806. Грибин, Н.П., Плетнев, В.Я. «Белорусский синдром» в контексте обновленной дорожной карты «цветных революций» // Власть. – 2021. – Т. 29. – № 2. – С. 9-21.

807. Григас, Р. Контуры социологической концепции полей социальных напряженностей // Социологические исследования. – 2004. – № 4. – С. 29-35.

808. Григорьев, Л.М. Внутренние противоречия формирования среднего класса в России // Уровень жизни населения регионов России. – 2008. – № 11-12. – С. 99-103.

809. Гринин, Л.Е. Мальтузианско-марксова «ловушка» и русские революции // О причинах Русской революции /Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – С. 198-224.

810. Гринин, Л.Е. Психология и социология феномена славы // Историческая психология и социология истории. – 2010. – № 2. – С. 98–124.

811. Гринин, Л.Е., Коротаев, А.В., Малков, С.Ю. Русские революции в столетней ретроспективе // О причинах Русской революции /Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – С. 5-24.

812. Гринин, Л.Е., Малков, С.Ю., Гусев, В.А., Коротаев, А.В. Некоторые возможные направления развития теории социально-демографических циклов и математические модели выхода из мальтузианской ловушки // История и Математика: процессы и модели /Ред. С.Ю. Малков, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – С. 134-210.
813. Гринфельд, Л. Национализм: Пять путей к современности. – М.: ПЕР СЭ, 2008. – 527 с.
814. Гриффин, Р. Фашизм // Полис. – 2012. – № 3. – С. 141-150.
815. Гуреева, А.Н. Трансформация медиакоммуникационного взаимодействия государства и молодежи в России в контексте медиатизации политики // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2020. – № 6. – С. 160-181.
816. Гурина, Р.Р. Актуальные количественные и качественные показатели медиапотребления российской аудитории // Инициативы XXI века. – 2018. – № 3-4. – С. 69-71.
817. Гуров, Ф.Н. Информатизация общества и трансформация субъекта коммуникативных практик // Гуманитарный вестник. – 2019. – № 4(78). – С. 7.
818. Гусаров, В.И. Важнейшие факторы «арабской весны» // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола» /Отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – С. 25-27.
819. Гутнов, Д.А. Меньшевистская печать 1917–1921 и. в контексте отечественной традиции изучения меньшевизма. Историографический аспект // История отечественных СМИ. – 2015. – № 1. – С. 23-32.
820. Давыдов М.А. Об уровне потребления в России в конце XIX – начале XX в. // О причинах Русской революции /Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – С. 225-278.
821. Данилов, С.И. Феномен революционного психоза // Инициативы XXI века. – 2014. – № 3. – С. 91-94.
822. Данилов, М.В. Властные механизмы политизации социальной повестки дня в России // Актуальные проблемы политологии. – 2011. – № 19. – С. 209-213.
823. Данюк, Н.С. «Цветные революции». От теории к практике: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 527 с.
824. Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142-147.
825. Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы /Пер. с нем. – М.: РОССПЭН, 2002. – 288 с.
826. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян /Под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. – М.: Весь мир, 2018. – 381 с.
827. Дворцов А. Великий социалист-утопист // Фурье Ш. Избранные сочинения /Под ред. А. Дворцова. Пер. с фр. Т. 1. – М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1938. – С. 5-30.

828. Дейли Дж. Пресса и государство в России (1906–1917 гг.) // Вопросы истории. – 2001. – № 10. – С. 25-45.
829. Дементьева, К.В. Развитие telegram-каналов в медиапространстве российских регионов: Специфика, типология, перспективы развития (на примере Telegram-каналов республики Мордовия) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. – 2021. – № 20(6). – С. 131-144.
830. Дестют де Траси, А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. – М.: Альма Матер, 2013. – 333 с.
831. Дзялошинский, И.М. Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – 582 с.
832. Дзялошинский, И.М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. – М.: Издательство АПК и ППРО, 2013. – 479 с.
833. Дзялошинский, И.М. Современное медиапространство России. – М.: Аспект-Пресс, 2015. – 215 с. Засурский, И.И. Масс-медиа второй республики. – М.: МГУ, 1999. – 270 с.
834. Дзялошинский, И.М. Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакоммуникаций: монография /Под ред. Л.К. Лободенко. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. – 551 с.
835. Диагностика социальной напряженности в обществе: региональный аспект /Под ред. П.В. Акинина, С.В. Рязанцева. – Ставрополь: Сервис-школа, 2002. – 239 с.
836. Дилигенский, Г.Г. Люди среднего класса. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. – 284 с.
837. Дмитриев, А.В. Социальный конфликт: общее и особенное. – М.: Гардарики, 2002. – 524 с.
838. Долгов, Б.В. Причины подъема протестных движений в арабских странах // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола» /Отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – С. 18-24.
839. Домбровская, Л.Ю., Никулин, Е.Р. Медийная инфраструктура протеста в «новых» медиа на примере белорусского кейса (декабрь 2019 года): структура, каналы, смыслы, технологии // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2021. – Т. 7. – № 1. – С. 25-43.
840. Дорохин, В.Н. Феномен политических Telegram-каналов как инновационных цифровых СМИ в России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2019. – № 1. – С. 103-105.
841. Дорощук, Е.С. Повестка дня как фактор формирования лояльности аудитории регионального телеканала: коммуникационный аспект // Васильева В.В. Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения: сб.матер. Междунар. науч. форума (18-19 апреля 2019 г.). В 2-х томах. Т. 1. – СПб, Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. – С. 96-98.

842. Дунас, Д.В., Вартанов, С.А., Кульчицкая, Д.Ю., Салихова Е.А., Толоконникова А.В. Мотивационные факторы медиапотребления «цифровой молодежи» в России: результаты пилотного исследования // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2020. – № 2. – С. 3-27.
843. Дунас, Д.В., Толоконникова, А.В., Гуреева, А.Н., Вартанов, С.А. Мотивация использования медиакоммуникационных каналов российскими студентами // Вопросы теории и практики журналистики. – 2021. – Т. 10. – № 2. – С. 285-301.
844. Дьякова, Е.Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 109-120.
845. Елизаров, М.А. Выступление матросов в Петрограде 14 октября 1918 года // Вопросы истории. – 2004. – № 6. – С. 129-133.
846. Епархина, О.В. Социальная напряженность в городской среде: методы и практика исследований // Педагогическое наследие К.Д. Ушинского. материалы научно-практической конференции. Ответственный редактор Е.О. Иванова. – М.: Футурис Принт, 2014. – С. 287-291.
847. Епишкин, И.И. Telegram-каналы: Причины запуска проектов и инструменты продвижения // Меди@льманах. – 2017. – № 3 (80). – С. 30-41.
848. Ермаков, А.М. Оруженосцы нации. Вермахт в нацистской Германии. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. – 384 с.
849. Ермаков, А.М. Союз немецких девушек в нацистской Германии: монография. Изд. 2-е, испр. и доп. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. – 362 с.
850. Желтухин, А.И. Социологическая концепция конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 4. – С. 140-144.
851. Жорес, Ж. Социалистическая история французской революции /Под ред. А.В. Адо. Пер. с фр. Т. 1–6. – М.: Прогресс, 1977–1983. – 519 с.
852. Журавлев, В.А., Потапов, Ю.А. Особенности агитационно-пропагандистской работы в периодической печати по аграрному вопросу в феврале октябре 1917 года (историко-правовой аспект) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2021. – № 2. – С. 78-89.
853. Журавлева, Н.А., Доломатов, М.Ю., Мартынов, В.В., Филосова, Е.И., Ширяев, О.В., Швецов, А.И. Информационная система оценки и прогнозирования уровня социальной напряженности // Электротехнические и информационные комплексы и системы. – 2013. – Т. 9. – № 4. – С. 121-127.
854. Заславская, Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. – 1997. – № 2. – С. 5-23.
855. Заславская, Т.И. Структура современного Российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1995. – № 6. – С. 7-13.
856. Заславская, Т.И., Громова, Р.Г. К вопросу о «среднем классе» российского общества // Мир России. – 1998. – Т. VII. – № 4(20). – С. 3–22.
857. Заставенко, В.А. Коммуникативное пространство конфликта: теоретический анализ // Конфликтология / nota bene. – 2021. – № 4. – С. 81-95.

858. Засурский, Я.Н. Информационное общество и средства массовой информации // Развитие информационного общества в России. Том 1: Теория и практика: Сб. статей / Под ред. Н.В. Борисова, Ю.Е. Хохлова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – С. 148-156.
859. Здравомыслов, А.Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания // Социологические исследования. – 1993. – № 8. – С. 12-21.
860. Зезегова, О.И. Народ vs интеллигенция в ходе Великой Российской революции (по дневникам В. В. Бирюковича) // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 /Отв. ред. И.И. Тучков. – М.: Изд-во АО «РДП», 2018. – С. 753-761.
861. Зеленцов, М.В. Культура новостного медиапотребления в Рунете: точки входа // Информационное общество. – 2022. – № 1. – С. 38-49.
862. Земскова, Ю.В. Социальная напряженность (Социально-психологический аспект анализа) // Социология власти. – 2009. – № 8. – С. 89-94.
863. Зиммель, Г. Конфликт современной культуры // Избранные работы. – М.: Ника-Центр, 2006. – С. 61-79.
864. Знаменский, О.Н. Всероссийское учредительное собрание. История созыва и политического крушения. – Л.: Наука, 1976. – 364 с.
865. Зуев, А. С., Федянин, Д.Н. Модели управления мнениями агентов в социальных сетях // Проблемы управления. – 2011. – № 2. – С. 37-45.
866. Ибрахим, Н., Ионов, А.В., Исаев, Л.М. Ливийский кризис как особый компонент арабской весны // Арабский мир после арабской весны /Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – С. 214-228.
867. Иванов, О.И. Социальная напряженность и социальный конфликт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. – 2005. – № 3. – С. 24-30.
868. Иванова, Р.М. Великая Российская революция 1917 года: проблемы методологии истории и историографии // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 /Отв. ред. И. И. Тучков. – М.: Изд-во АО «РДП», 2018. – С. 761-768.
869. Ильин, А.А. Интернет-реальность как социальная актуальная и виртуальная реальности // Социальная политика и социология. – 2009. – № 2. – С. 304-310.
870. Ильин, В.А., Гулин, К.А. Социальная напряженность в регионе: причины и тенденции // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – 2006. – № 3 (34). – С. 12-18.
871. Ильин, И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа. – М.: Интрада, 1998. – 255 с.
872. Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. – 1997. – № 4. – С. 6-32.

873. Иноземцев, В.Л. Современное постиндустриальное общество, природа, противоречия, перспективы. – М.: Логос, 2000. – 302 с.
874. Иорданский, В.Б. Противоречивая природа национализма // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 6. – С. 160-169.
875. Исаев, Б.А. Социальная структура постиндустриального общества и вероятность революции // Философия и культура информационного общества. Тезисы докладов седьмой международной научно-практической конференции: в 2-х частях. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2019. – С. 176-177.
876. Исаев, Л.М., Еремеева, К.С., Шишкина, А.Р. Фреймирование сирийского конфликта в российских федеральных СМИ // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2021. – № 2 (101). – С. 97-120.
877. Исаев, Л.М., Коротаев, А.В., Шишкина, А.Р. Факторы арабской весны 2011 года // Арабский мир после арабской весны /Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – С. 5-20.
878. Исаев, Л.М., Шишкина, А.Р. Египетская смута XXI века. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 107 с.
879. Исаев, Л.М., Шишкина, А.Р. Сирия и Йемен: Неоконченные революции. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 264 с.
880. История Европы. Т. 4. Европа Нового времени (XVII–XVIII века). – М.: Наука, 1994. – 509 с.
881. История Европы. Т. 5. От Французской революции конца XVIII века до первой мировой войны. – М.: Наука, 2000. – 667 с.
882. Кагарлицкий, Б.Ю. Восстание среднего класса. – М.: Алгоритм, 2012. – 222 с.
883. Казаков, А.А. Западная коммуникативистика об установлении информационной повестки дня: Анализ основных подходов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2013. – Т. 9. – № 3 – С. 55-61.
884. Казаков, А.А. Теоретико-методологический потенциал категории «медийная повестка дня»: возможности и ограничения. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2012. – № 71 (1). – С. 138-143.
885. Казаков, А.А. Фрейминг медиа-текстов как инструмент воздействия на аудиторию // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. – 2014. – Т. 14. – №4. – С. 85-90.
886. Казаков, А.А. Взаимодействие информационной и политической «повесток дня»: к постановке проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2011. – Т. 11. – № 3. – С. 70-73.
887. Казанин, В.Е. Телеграм-каналы как перспективная технология публичности власти // Вопросы политологии. – 2017. – № 3. – С. 142-149.

888. Каира, Ю.В. Социальная напряженность и протестная активность населения региона // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12. – № 2. – С. 20-28.
889. Каминченко, Д.И. Взаимодействие средств массовой информации и общества: анализ информационных повесток дня // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2020. – Т. 39. – № 4. – С. 533-544.
890. Каминченко, Д.И. Информационные повестки дня общества и СМИ: сравнительный анализ // Медиаскоп. – 2020. – Вып. 4. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/node/2663/.
891. Каминченко, Д.И. Медиапотребление современной студенческой молодежи: политический аспект // Медиаскоп. – 2022. – Вып. 3-4. – Режим доступа: http://www.mediascope.ru/2783 (дата обращения: 7.11.2025)
892. Каминченко, Д.И. Понимание «новых» СМИ: от технологий Веб 2.0 к политическому значению // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2013. – № 4. – С. 127-135.
893. Каминченко, Д.И. Порядок как ценность в текстах современных социальных медиа // Информационное общество. – 2016. – № 2. – С. 39-42.
894. Каминченко, Д.И. Сетевая повестка дня: актуальные новостные темы в интернет-СМИ и современных социальных медиа // Информационное общество. – 2022. – № 1. – С. 50-60.
895. Канфора, Л. Демократия. История одной идеологии. – СПб.: Александрия, 2012. – 497 с.
896. Кара-Мурза, С.Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили… – М.: Алгоритм, 2005. – 525 с.
897. Карлейль, Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. – М.: ЭКСМО, 2008. – 860 с.
898. Карлейль, Т. История Французской революции /Пер. с англ. – М.: Мысль, 1991. – 576 с.
899. Карпович, О.Г. «Финиковые революции» на Ближнем Востоке и в Северной Африке: технологии управляемого хаоса // Образование. Наука. Научные кадры. – 2011. – № 4. – С. 285-291.
900. Карпович, О.Г., Манойло, А.В. Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. – М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2015. – 111 с.
901. Карпович, О.Г., Ногмова, А.Ш., Литвинов, В.О. Феномен движения «желтых жилетов» во Франции и «цветные революции» // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2020. – № 3 (25). – С. 72-87.
902. Кастельс, М. Власть коммуникации /пер. с англ. Н.М. Тылевич; пер. с англ. предисл. к изд. 2013 г. А.А. Архиповой; под науч. ред. А.И. Черных. 3-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 591 с.
903. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 327 с.
904. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура /Пер. с англ., под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.

905. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 494-505.
906. Касьянов, Г. Украина 1991–2007: очерки новейшей истории. – Киев: Наш час, 2008. – 480 с.
907. Киргизский переворот: март-апрель 2005. Сборник /Сост. Г.О. Павловский. – М.: «Европа», 2005. – 222 с.
908. Ключевский, В.О. Сочинения в девяти томах. Т. IX. – М.: Мысль, 1990. – 525 с.
909. Клюшкина, О.Б. Построение теории на основе качественных данных (из истории развития методологического направления) // Социологические исследования. – 2000. – № 10. – С. 92-101.
910. Коваленко, В.И. Историческая память как категория политической науки: к осмыслению уроков революции 1917 года // Историческое место Советского общества. Материалы Всероссийской научной конференции. Под общ. ред. А.Б. Ананченко. – М.: Изд-во МПГУ, 2016. – С. 22-29.
911. Коваленко, В.И. Столетие революции 1917 г. в России // Вестник Московского государственного университета. Серия 12: Политические науки. – 2017. – № 3. – С. 7-16.
912. Козер, Л. Функции социального конфликта /Пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 208 с.
913. Козлов, С.В. Роль средств массовой коммуникации в установлении повестки дня «оранжевой революции» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2010. – Т. 9. – № 6. – С. 71-77.
914. Колесников, В.Н. Актуальная повестка дня в современной России: Факторы формирования // Управленческое консультирование. – 2017. – № 9 (105). – С. 8-17.
915. Колесников, В.Н. Сетевые структуры политической активности в современном российском обществе // Управленческое консультирование. – 2013. – № 1. – С. 99-108.
916. Колобова, Е.Ю. Динамика развития цифровых медиа и практика медиапотребления // Журнал правовых и экономических исследований. – 2025. – № 3. – С. 345-358.
917. Коломиец, В.П. Концептуализация медиакоммуникации // Медиаскоп. – 2019. – Вып. 4. – Режим доступа: http://www.mediascope.ru/2575 (дата обращения: 11.02.2024).
918. Комлева, Н.А. Арабская весна как технологический элемент структуры мирового господства // Пространство и время. – 2013. – № 1. – С. 18-23.
919. Конкин, А.А. Пресса в системе большевистской пропаганды в период Гражданской войны на Северо-Западе России в 1919 году // Научный диалог. – 2020. – № 4. – С. 353-366.
920. Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии /Под ред. А. И. Стребкова. Л.В. Алейникова, Л.Г. Пинкевич. Коллективная монография. – СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2015. – 501 с.

921. Концепт “революции” в современном политическом дискурсе /Под ред. Л.Е. Бляхера, Б.В. Межуева, А.В. Павлова. – СПб.: Алетейя, 2008. – 359 с.
922. Конькова, В.С. Медиакультура и медиапотребление в современном российском обществе // Комму микология: электронный научный журнал. – 2022. – Том 7. – №4. – С.21-32.
923. Корконосенко, С.Г. Журналистика сетевых СМИ: смена исследовательских парадигм или продолжение традиций? // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. – 2012. – № 2 (43). – С. 234-239.
924. Корконосенко, С.Г. Понятие социального заказа в теории и практике журналистики // Вопросы теории и практики журналистики. – 2025. – Т. 14. – № 1. – С. 5-19.
925. Корконосенко, С.Г. Социальность журналистики в социокультурном измерении // Журналістыка – 2020: стан, праблемы і перспектывы. Матэрыялы 22--й Міжнароднай навукова--практычнай канферэнцыі. – Мінск, 2020. – С. 157-160.
926. Корконосенко, С.Г. Сущность журналистики, открытая пониманию и неподвластная схеме // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2009. – № 2. – С. 31-50.
927. Коротаев, А.В., Зинькина, Ю.В. Структурно-демографические факторы «арабской весны» // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола» /Отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – С. 28-39.
928. Кракауэр, З. Психологическая история немецкого кино. От Калигари до Гитлера /Пер. с англ. – М.: Искусство, 1977. – 321 с.
929. Красин, Ю.А. Революцией устрашенные. Критический очерк буржуазных концепций социальной революции. – М.: Политиздат, 1975. – 366 с.
930. Кривоносов, А.Д. Медиакоммуникации: на пути к институализации? // Российская школа связей с общественностью. – 2021. – № 21. – С. 13-28.
931. Кузнецов, А.М. Этническое и национальное в политологическом дискурсе // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 6. – С. 9-23.
932. Кульбакин, В.Д. Очерки Новейшей истории Германии. – М.: Изд-во соц.-эк. литературы, 1962. – 672 с.
933. Курусканова, Н.П. Нелегальная печать Сибирских социалистов в условиях развития легальной партийной прессы (1907 г. – февраль 1917 г.) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2012. – № 80. – С. 407-427.
934. Кутафьева, С.С. Информационный инструментарий исследования социальной напряженности // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. – 2015. – № 9-4. – С. 35-40.
935. Кушнерук, С.Л. Стратегическое фреймирование как объект зарубежной коммуникативистики: истоки, проблемы, перспективы // Коммуникативные исследования. – 2022. – Т. 9. – № 2. – С. 243-259.

936. Лабуш, Н.С., Пую, А.С. Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, терроризм. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2019. – 340 с.
937. Лаврецкий, И.Р. Эрнесто Че Гевара. 2-е изд. – М.: «Молодая гвардия», 1973. – 400 с.
938. Лавровский, В.М., Барг, М.А. Английская буржуазная революция. Некоторые проблемы английской буржуазной революции 40-х годов XVII века. – М.: Изд-во соц.-эк. литературы, 1958. – 366 с.
939. Лакофф, Д. Фрейминг демократов // Политическая лингвистика. – 2014. – № 4 (50). – С. 313-318.
940. Ланда, Р.Г. Политические волнения в арабском мире: видимость и суть // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола» /Отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – С. 63-69.
941. Леонова, Л.С. Российская революция 1917 года в идейном наследии П.Б. Струве // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 /Отв. ред. И. И. Тучков. – М.: Изд-во АО «РДП», 2018. – С. 209-217.
942. Линдси, Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. – М.: Альпина Бизнес-Букс, 2006. – 415 с.
943. Лиотар, Ж.-Фр. Состояние постмодерна. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 159 с.
944. Липатова, А.В. Медиапотребление молодежи в социальных сетях: обзор мировых и российских практик // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2023. – № 2 (59). – С. 20-24.
945. Липпман, У. Общественное мнение /Пер. с англ. Т.В. Барчуновой; под ред. КА. Левинсона, К.В. Петренко. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
946. Лопатин, С.В. Политический фрейминг как стратегия манипулирования политическим сознанием // Дискурс-Пи. – 2019. – № 1 (34). – С. 68-75.
947. Луман, Н. Медиа коммуникации /Пер. с нем. А. Глухов, О. Никифоров. – М.: Издательство «Логос», 2005. – 280 с.
948. Лучинкина, А.И., Жихарева, Л.В., Андреев, А.С. Гендерные особенности медиа потребления современной молодежи // Гуманитарные науки. – 2022. – №1. – С. 114-121.
949. Лушанкин, С.С. Категория «повестка дня» в структуре политического процесса: Понятие «политической повестки дня» и модели ее формирования // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2017. – № 1 (4). – С. 456-465.
950. Лэйн, Д. Оранжевая революция: «Народная революция» или Революционный переворот? // Полис. – 2010. – № 2. – С. 31-53.
951. Люттвак, Э.Н. Государственный переворот: Практическое пособие /Пер. с англ. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. – 320 с.

952. Ляховенко, О.И. Телеграм-каналы в системе экспертной и политической коммуникации в современной России // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2022. – № l. – С. 114-144.
953. Магун, А. Протестное движение 2011–2012 годов в России: Новый популизм среднего класса // Stasis. – 2014. – Vol. 2. – № 1. – С. 192-226.
954. Макаридина, В.А. Математические методы моделирования и диагностики социальной напряженности. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 2002. – 158 с.
955. Максимова, А.С., Милехин, А.В. Социологический мониторинг как инструмент диагностики социальной напряженности в миграционно привлекательных регионах // Вестник университета. – 2018. – № 5. – С. 167-174.
956. Малева, Т.М., Бурдяк, А.Я. Средний класс: эмпирические измерения социальной мобильности поколений в России // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2016. – № 4(32). – С. 62–85.
957. Малиа, М. В поисках истинного Октября. (Размышления о советской истории, западной советологии и новой книге Ричарда Пайпса) // Отечественная История. – 1992. – № 4. – С. 178-187.
958. Мамзелев, И.А. Обзор технологического подхода к изучению «цветных революций» в отечественной политической науке // Социальные и гуманитарные знания. – 2021. – Том 7, № 3. – С. 240-255.
959. Мамонтов, М.В. Протестная активность россиян в 2011–2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – № 1 (107). – С. 5-22.
960. Манн, М. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 4. Глобализации, 1945–2011 годы /Пер. с англ. 2-е изд., испр. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 672 с.
961. Манойло, А.В. Технологии управления политическими конфликтами в революциях на Ближнем Востоке и в Северной Африке // Политэкс. – 2012 Том 8. – № 1. – С. 131-154.
962. Манойло, А.В. Украинский кризис и «управляемый хаос»: след «цветных революций» Арабской весны // Власть. – 2014. – № 2. – С. 24-28.
963. Мантуров, О.С. Деконструкция понятия «социальная структура» // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2014. – № 3 (131). – С. 22-32.
964. Манфред, А.З. Великая Французская революция. – М.: Наука, 1983. – 431 с.
965. Манхейм, К. Возрастание иррациональных элементов в общественном сознании. Атмосфера ожидания насилия // Кризис сознания. – М.: Алгоритм–Книга, 2009. – С. 12-22.
966. Маньковская, Н.Б. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейя, 2000. – 346 с.
967. Матьез, А. Французская революция. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 576 с.

968. Махонина, С.Я. 1917 год в зеркале русской прессы и воспоминаниях современников. – М.: Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2009. – 102 с.
969. Мациевский, Ю. Смена, транзит или цикл: динамика политического режима в Украине в 2004–2010 гг. // Полис. – 2010. – № 5. – С. 17-37.
970. Медиапотребление «цифровой молодежи» в России : монография / под ред. Д. В. Дунаса. – М.: Изд-во Московского университета, 2021. – 406 с.
971. Мельник Г.С., Никонов С.Б. Медийный компонент в доктрине информационной безопасности // Управленческое консультирование. – 2014. – № 1 (61). – С. 18-28.
972. Мельник, Г.С. Журналистика в политических технологиях. – СПб.: СПбГУ, 2012. – 205 с.
973. Менделеев, А.Г. Печать русских анархистов. – М.: РОССПЭН, 2015. – 246 с.
974. Менделеев, А.Г. Роковая, родная страна... Кадетская газета «Речь» и ее люди. – М.: Изд-во РАГС, 2006. – 290 с.
975. Менделеев, АГ. Куда влечет нас рок событий? Газета эсеров «Революционная Россия»: пропаганда и терроризм. – М.: Изд-во РАГС, 2008. – 528 с.
976. Мертон, Р. Вызов Демонов антисоциального поведения // Кризис сознания. – М.: Алгоритм-Книга, 2009. – С. 23-40.
977. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, Хранитель, 2006. – 873 с.
978. Местр, Ж., де. Рассуждения о Франции /Пер. с фр. – М.: РОССПЭН, 1997. – 216 с.
979. Методика изучения периодической печати: Сборник статей /Под ред. проф. Б.И. Есина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 109 с.
980. Минаева, О.Д. Какая система российской печати формировалась между февралем и октябрем 1917 г. // История отечественных СМИ. – 2016. – № 2. – С. 76-88.
981. Минаева, О.Д. Модель печати России в феврале–октябре 1917 г.: к вопросу о методике анализа // Медиальманах. – 2018. – № 1. – С. 112-123.
982. Минц, И.И. Международное значение военного опыта большевиков в Великой Октябрьской социалистической революции // Военные организации партии большевиков в 1917 году. – М.: Наука, 1986. – С. 5-13.
983. Минье, Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. /Пер. с фр. – М.: Гос. публичная историческая библиотека России, 2006. – 548 с.
984. Миронов, Б.Н. Наблюдался ли в позднеимперской России мальтузианский кризис? Доходы и повинности российского крестьянства в 1801–1914 гг. // О причинах Русской революции /Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – С. 61-111.
985. Миронов, Б.Н. Русская революция 1917 года как побочный продукт модернизации // Социологические исследования. – 2013. – № 10. – С. 29-39.
986. Миронов, В.Б. Великая Русская революция. – М.: Вече, 2011. – 736 с.

987. Миронов, С.А. Развитие без мальтузианского кризиса: гиперцикл российской модернизации в XVIII – начале XX в. // О причинах Русской революции /Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – С. 285-350.
988. Миронова, М.А. Новости в Интернет-СМИ: особенности формирования повестки дня // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2016. – № 2. – С. 115-118.
989. Михайлова, О.В. Сети в современном государственном управлении: конфигурации и механизмы координации // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 14-30.
990. Михайлова, О.В. Современное государственное управление в условиях виртуализации и расширения сетевого ландшафта публичной политики // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2019. – № 4. – С. 23-39.
991. Михайлова, О.В. Современные тенденции развития политической онлайн-коммуникации // Государственное управление. Электронный вестник. – 2018. – № 69. – С. 8-25.
992. Мишле, Ж. История XIX века. Т. 1–2. – СПб.: Типография Ф.С. Сущинского, 1883. – 364 с. + 324 с.
993. Млечин, Л.М. Придуманная история. Почему мифы о революции комфортны для нашего общества? // История отечественных СМИ. – 2017. – № 2. – С. 33-45.
994. Мнацаканян, М.О. Национализм: идеальный тип и формы проявлений // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 6. – С. 24-35.
995. Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке. – М.: Институт философии РАН, 2002. – 205 с.
996. Молчанов, Л.А. Газетная пресса России в годы революции и гражданской войны (окт.1917–1920 гг.). – М.: Издатпрофпресс, 2002. – 271 с.
997. Московичи С. Машина, творящая богов /Пер. с фр. – М.: Центр психологии и психотерапии, КСП+, 1998. – 556 с.
998. Московичи, С. Век толп /Пер. с фр. – М.: Центр психологии и психотерапии, КСП+, 1998. – 395 с.
999. Мурзина, Е.В. Медиапотребление в условиях неопределенности современного общества // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2022. – № 5 (80). – С. 122-131.
1000. Нагорняк, К.И., Демешко, Н.Э. Борьба за геополитическое пространство в рамках Балто-Черноморского региона: методология «сетевых революций» и роль НКО Республики Польша в организации массовых протестов в Белоруссии 2020 г. // Постсоветские исследования. – 2021. – № 4(8). – С. 695-704.
1001. Назаров, М.М. Закономерности структурирования медиапотребления в современной информационной среде // Коммуникология. – 2019. – Т. 7. – № 2. – С. 98-108.

1002. Назаров, М.М. К вопросу о фрагментации современного медиаландшафта: теория и эмпирические результаты // Информационное общество. – 2015. – № 2-3. – С. 91-100.
1003. Назаров, М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
1004. Назаров, М.М., Юркин Д.Н. Структура российского медиапотребления: результаты типологического анализа // Коммуникология. – 2025. – Том 13. – №3. – С. 43-60.
1005. Наумов, А.О. Зарубежная историография «цветных революций»: страновой аспект // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2021. – № 3. – С. 87-101.
1006. Наумов, А.О. Традиционные и новые медиа как акторы «цветных революций» // Дискурс-Пи. – 2018. – № 3-4. – С. 79-87.
1007. Наумов, А.О., Демин, Д.В. «Цветные революции»: отечественная историография проблемы // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. – 2022. – № 1-1. – С. 106-120.
1008. Немцев, А.В. Информационное освещение протестов в Республике Беларусь в 2020 году в социальных медиа и средствах массовой информации: динамика и закономерности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – Т. 12. – № 2. – С. 109-114.
1009. Никонов, С.Б. Смена парадигмы в информационной сфере: от информационной войны к концепту ноополитики // Культура в фокусе научных парадигм. – 2023. – № 16. – С. 357-362.
1010. Нольте, Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм /Пер. с немецкого. – М.: Логос, 2003. – 527 с.
1011. Нольте, Э. Фашизм в его эпохе /Пер. с немецкого. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 568 с.
1012. Одергон, А. Война и измененные состояния сознания: по ту сторону обыденного // Историческая психология и социология истории. – 2008. – № 1. – С.121-132.
1013. Озмент, С. Могучая крепость: Новая история германского народа /Пер. с англ. – М.: АСТ, 2007. – 539 с.
1014. Орлов, В.В. Марокко на фоне «арабских революций»: факторы устойчивости власти // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола» /Отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – С. 53-56.
1015. Орлов, Г.М., Тучков, Е.В., Каира, Ю.В. Методология измерения социальной напряженности в субъекте РФ (на материалах Орловской области) // Безопасность Евразии. – 2004. – № 1 (15). – С. 183-191.
1016. Орлова, Н.В., Лаврова, Н.А. Российский средний класс: особенности структуры и финансовое поведение // Вопросы экономики. – 2020. – № 11. – С. 32-46.

1017. Осеев, А.А. Динамика развития социальной напряженности в Российском обществе: протестные настроения 2013-2015 гг. // Материалы Афанасьевских чтений. – 2015. – № 13. – С. 75-83.
1018. Осеев, А.А. Социальное неравенство как фактор социальной напряженности в Российском обществе // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2014. – № 2. – С. 68-80.
1019. Павлюченков, С.А. Орден меченосцев. Партия и власть после революции. 1917–1929. – М.: Собрание, 2008. – 463 с.
1020. Паламарчук, Е.А. Пропагандистский образ фюрера в восприятии немецкого общества (1933–1945) // Научная мысль Кавказа. – 2017. – № 3. – С. 65-74.
1021. Пантин, И.К. Русская революция как проблема политической философии // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 5. – С. 48-69.
1022. Паркс, Г.Б. История Мексики /Пер. англ. Ш.А. Богиной. – М.: Издательство Иностранной литературы, 1949. – 365 с.
1023. Парма, Р.В., Давыдова, М.А., Сушкевич, М.А., Копытина, Е.А. Социальные и политические акторы массовых политических протестов в Российской Федерации и Республике Беларусь 2020–2021 гг. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 4. – С. 69-78.
1024. Парсонс, Т. О социальных системах /Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – М.: Академический Проект, 2002. – 832 с.
1025. Парсонс, Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект. 2000. – 880 с.
1026. Патрушев, А.И. Германия в XX веке. – М.: Дрофа, 2004. – 432 с.
1027. Патрушев, А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. – М.: ИД Межд. ун-та в Москве, 2003. – 253 с.
1028. Первая революция в России: взгляд через столетие. – М.: ПИМ, 2005. – 602 с.
1029. Перова, М.Б., Перов, Е.В. Общие подходы к моделированию социально-экономической конфликтогенности общества // Социальные и экономические системы. – 2020. – № 1 (13). – С. 31-50.
1030. Пескова, Е.Н. Медиакоммуникация и медиадискурс: подходы к определению понятий, структура и функции // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2015. – Т. 2 (16). – С. 26-31.
1031. Петухов, А.Ю., Каминченко, Д.И. Анализ социально-политической активности в Республике Беларусь на основе данных социальных медиа и математического моделирования // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2022. – № 4. – С. 87-112.
1032. Плаггенборг, Ш. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. – СПб.: Журнал Нева, 2000. – 416 с.
1033. Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика /Под ред. Л.Н. Тимофеевой. – М.: РОССПЭН, 2012. -327 с.

1034. Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке /Под ред. С. Кургиняна. – М.: МОФ ЭТЦ, 2011. – 287 с.
1035. Пономарев, Н.Ф. Постмодернистские стратегические коммуникации. Постправда, мемы, трансмедиа. – М.: Изд-во: ООО «Издательство “КноРус”», 2020. – 174 с.
1036. Пономарев, Н.Ф. Фрейминг медиаповестки дня и типология медиафреймов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – № 3 (9). – С. 62-69.
1037. Пономарева, Е.Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2021. – № 3. – С. 12-29.
1038. Пономарева, Е.Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Обозреватель. – 2021. – № 2 (373). – С. 5-28.
1039. Попова, И.В. Актуальные проблемы развития социальной структуры Российского общества // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2011. – Т. 17. – № 4. – С. 214-217.
1040. Пригожин, И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46-52.
1041. Примаков, В.Л., Андержанова, Г.В. Методика измерения этноконфессиональной напряженности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 2(662). – С.172-181.
1042. Проказина, Н.В., Каира, Ю.В., Колмогоров, Е.В. Социологический анализ социальной напряженности в регионе (на материалах Орловской области) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 1. – С. 37-50.
1043. Пую, А.С., Никонов, С.Б., Шафир, Т.В. Этап перехода к омнимедиа в Китайской Народной республике // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2024. – Т. 43. – № 1. – С. 25-34.
1044. Рейли, Д.Дж. «Изъясняться по-большевистски», или как саратовские большевики изображали своих врагов // Русская литература и журналистика в движении времени. – 2018. – № 1. – С. 141-170.
1045. Ролс, Э. Пропаганда. Плакаты, карикатуры и кинофильмы Второй мировой войны 1939–1945. – М.: Эксмо. 2008. – 312 с.
1046. Романишина В.Н. Женский фактор Великой русской революции // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 /Отв. ред. И.И. Тучков. – М.: Изд-во АО «РДП», 2018. – С. 287-295.
1047. Ротман, Д. Поле социальной напряженности // Свободная мысль. – 2008. – № 6. – С. 73-88.
1048. Руге, В. Как Гитлер пришел к власти: германский фашизм и монополии /Пер. с нем. – М.: Мысль, 1985. – 320 с.
1049. Рудая, О.И. Нацистская агитация и пропаганда в Веймарской республике // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – № 3. – С. 128-133.

1050. Руденко, К.Н. Феномен повестки дня в СМИ, ее функции и инструменты конструирования // Язык. Текст. Дискурс. – 2019. – № 17. – С. 197-202.
1051. Руднева, С.Е. Предпарламент: октябрь 1917 года. Опыт исторической реконструкции. – М.: Наука, 2006. – 277 с.
1052. Рукавишников, В.О. Пик напряженности под знаком белого коня // Социологические исследования. – 1990. – № 10. – С. 12-25
1053. Рукетт, М.-Л. Познание масс. Очерки политической психологии. – М.: Канон+, 2010. – 272 с.
1054. Руткевич, М.Н. Социальная структура. – М.: Альфа-М, 2004. – 270 с.
1055. Руткевич, М.Н. Трансформация социальной структуры Российского общества // Социологические исследования. – 2004. – № 12 (248). – С. 41-46.
1056. Саватеев, А.Д. Антиавторитарные выступления в арабских странах в свете взаимодействия глобализации и исламской культуры // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола» /Отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – С. 47-52.
1057. Савельева, Н. Единство разных: репрезентация и популизм в движении «За честные выборы» // Социология власти. – 2013. – № 4. – С. 58-78.
1058. Савин, А.Н. Лекции по истории английской революции. Изд. 2-е. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 388 с.
1059. Савинова, О.Н. Медиатизация общества как исследовательская проблема // Журналістыка – 2021: Стан, Праблемы і перспективы. – Минск: Изд-во Белорусского государственного университета, 2021. – С. 219-222.
1060. Савинова, О.Н. Традиционная журналистика в условиях формирования новой медиасреды // Вестник Челябинского государственного университета. – 2017. – № 8 (404). – С. 48-52.
1061. Самкова, М.А. Фреймирование в опыте медийного конструирования образа города // Политическая лингвистика. – 2021. – №5(89). – С. 157-167.
1062. Сафонов, А.Л., Орлов, А.Д. Этнос и глобализация: этнокультурные механизмы распада современных наций. – СПб.: ЛИТЕО, 2017. – 335 с.
1063. Семенов, К. СА – штурмовые отряды НСДАП. – М.: Яуза, 2006. – 348 с.
1064. Семенов, Ю.И. Карл Юлиус Белох и его «Греческая история» // Белох, Ю. Греческая история: в 2 т. 3-е изд. /Под ред. и со вступ. ст. Ю.И. Семенова. Т. 1. – М.: ГПИБР, 2009. – С. 3-42.
1065. Семенов, Ю.И. Франсуа Минье и школа французских историков эпохи Реставрации // Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. – М.: Гос. публичная историческая библиотека России, 2006. – С.25-33.
1066. Сигеле, С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. – СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1896. – 119 с.
1067. Сизоненко, А.Ю., Гнедаш, А.А., Катермина, В.В. Сетевой дискурс и российский мэр: Формирование цифровой социально-политической повестки дня в социальных сетях (опыт сетевого и лингводискурсивного анализа) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2021. – № 3 (112). – С. 100-111.

1068. Силкин В.В., Шарков Ф.И. Наступление эры медиакоммуникаций: унаследование права четвертой власти цифровой медиасферой // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2021. – Том 6. – № 3. – С. 22-34.
1069. Силкин, В.В. Имидж государственной власти в контексте взаимодействия «общество-власть» // Социология власти. – 2006. – № 1. – С. 104-111.
1070. Силкин, В.В. Информационно-коммуникативные управленческие процессы в политическом пространстве общества // Коммуникология. – 2017. – № 6. – С. 15-30.
1071. Симеунович, Д. Нация и глобализация. – М.: РИСИ, 2013. – 111 с.
1072. Сиянова, С.В. Взаимоотношения Гитлера и Муссолини. 1922–1939 гг. // Вопросы Истории. – 2005. – № 6. – С. 91-103.
1073. Смирнов, А.И. Информационная глобализация и Россия: вызовы и возможности. – М.: Издательский дом «Парад», 2005. – 390 с.
1074. Современный протест как новая коммуникативная система. Материалы круглого стола с международным участием «Современный протест как новая коммуникативная система», г. Волгоград, 28-30 октября 2019 г.: Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет», Институт филологии и межкультурной коммуникации, Филиал зарегистрированного объединения «Фонд Розы Люксембург – анализ общественного развития и гражданское просвещение» (Федеративная Республика Германия) в Российской Федерации /Под редакцией д-ра филол. наук, проф. Н.Л. Шамне, д-ра филол. наук, доцента Л.Н. Ребриной. – Волгоград: Изд-во ВолГу, 2019. -165 с.
1075. Соловьев, А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 3. – С. 5-18.
1076. Соловьев, А.И. Российский революционаризм: коллизия культуры и политики // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2018. – Т. 8. – № 1 (31). – С. 16-23.
1077. Соловьёв, С.С. Методика измерения социальной напряженности в Вооруженных Силах // Социологические исследования. – 1993. – № 12. – С. 68-73.
1078. Сопова, А.П. Концепция свободы печати в русской либеральной правовой мысли конца XIX – начала XX веков // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2016. – № 2. – С. 10-14.
1079. Сорокин, П.А. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Изд-во политической литературы, 1992. – С. 32-220.
1080. Сорокин, П.А. Социология революции. – М.: РОССПЭН, 2005. – 704 с.
1081. Социальный конфликт в отечественных медиаисследованиях: эмпирический анализ дискурса научных журналов (2014– 2021) / Е.Л.

Вартанова, И.А. Асланов, А.А. Гладкова. Д.В. Дунас // Вопросы теории и практики журналистики. – 2022. – Т. 11, – № 3. – С. 429-452.

1082. Среднедоходные слои в России и Китае: положение, динамика, особенности мировоззрения /Под ред. М.К. Горшкова, Ли Пэйлиня, П.М. Козыревой, Н.Е. Тихоновой. – М.: Издательство «Новый хронограф», 2018. – 537 с.

1083. Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований /Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. – М.: Издательство «Весь Мир», 2016. – 364 с.

1084. Средства массовой информации России /Под ред. Я. Н. Засурского. – М.: Аспект-Пресс, 2011. – 391 с.

1085. Станков, Н.Н. Мюнхенский путч 1923 г. и Чехословакия // Вопросы Истории. – 2007. – № 7. – С. 152-158.

1086. Стариков, А.Г. Масс-медиа современной России. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2013. – 250 с.

1087. Стариков, С.В. Об основных этапах Великой Российской революции и большевистско-левосоциалистическом блоке в центре и на местах (октябрь 1917-июль 1918 г.) // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 /Отв. ред. И. И. Тучков. – М.: Изд-во АО «РДП», 2018. – С. 152-159.

1088. Степаненко, В. «Оранжевая революция» – природа событий и особенности национальной гражданской активности // Вестник общественного мнения. – 2005. – № 5 (80). – С. 25-38.

1089. Сухов, Н.В. «Запоздалая весна» в Мавритании // Арабский мир после арабской весны /Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – С. 229-236.

1090. Сухов, Н.В. «Политическая весна» в Марокко // Арабский мир после арабской весны /Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – С. 237-266.

1091. Сухова, О.А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. – М.: РОССПЭН, 2008. – 677 с.

1092. Тард, Г. Мнение и толпа // Лебон Г., Тард Г. Психология толп. – М.: Институт психологии РАН, КСП+, 1998. – С. 257-408.

1093. Таюпова, О.И. Медиакоммуникация с позиции социальной коммуникации // Вестник Башкирского университета. – 2017. – Т. 22. – С. 467-470.

1094. Техника дезинформации и обмана /Под ред. Я.Н. Засурского. – М.: Мысль, 1978. – С. 212-237.

1095. Тимофеева, Л.Н. Классическая Русская революция и ее вклад в мировую цивилизацию // Власть. – 2017. – Т. 25. – № 9. – С. 47-55.

1096. Тимофеева, Л.Н. Новая социальность в информационной повестке дня: роль старых и новых медиа // Вестник Воронежского государственного

университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2020. – № 2. – С. 64-69.
1097. Тимофеева, Л.Н. Политическая коммуникативистика в России: проблемы становления // Коммуникология. – 2014. – Т. 5. – № 3. – С. 47-62.
1098. Тимофеева, Л.Н. Политическая коммуникативистика: мировая и российская проекции // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 74-100.
1099. Тимофеева, Л.Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 5. – С. 41-54.
1100. Тимофеева, Л.Н. Современное протестное движение в мире и в России: его состояние и особенности // Конфликтология. – 2012. – Т. 3. – С. 53-72.
1101. Тимофеева, Л.Н., Рябченко, Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Цифровая социально-политическая повестка дня: апробация новой модели исследования на российском кейсе «Коронавирус-2020» // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 5. – С. 23-39.
1102. Толоконникова, А.В. Кросс-платформенное телевидение как форма адаптации традиционного телевещания к цифровым реалиям// Век информации. – 2018. – № 2-1. – С. 232-234.
1103. Толоконникова, А.В. Потребление новостей на мобильных платформах// Век информации. – 2017. – № 2-2. – С. 166-168.
1104. Томашевич О.В. Великая русская революция и хроника одной жизни // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 /Отв. ред. И. И. Тучков. – М.: Изд-во АО «РДП», 2018. – С. 787-795.
1105. Тоффлер, Э. Третья волна /Пер. с англ. – М.: АСТ, 2009. – 795 с.
1106. Тоффлер, Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2008. – 557 с.
1107. Труевцев, К.М. «Арабская весна» – ход, акторы, технология и промежуточные итоги // Полития. – 2012. – № 1. – С. 21-32.
1108. Труевцев, К.М. Жасминовая революция в Тунисе // Арабский мир после арабской весны /Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – С. 378-399.
1109. Труевцев, К.М., Исаев, Л.М. Йемен: конец эпохи Салеха // Арабский мир после арабской весны /Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – С. 138-167.
1110. Тузов, В.В. Особенности развития белогвардейской прессы в 1917–1921 годах. // Причерноморье. История, политика, культура. – 2017. – № 20. – С. 135-143.
1111. Турыгин, А.А. Возникновение и деятельность главного печатного издания НСДАП // Вопросы Истории. – 2010. – № 4. – С. 148-153.
1112. Турыгин, А.А. На службе у фюрера, партии и государства: к истории возникновения и развития «Völkischer Beobachter» – главного печатного издания НСДАП // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2010. – № 18 (61). – С. 187-199.
1113. Тюков, Н.А., Никулин, Е.Р., Шаповалов, В.Л. Сетевая аудитория политической повестки в Республике Беларусь в 2020–2021 годах: цифровой портрет, мотивации и модели поведения // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – Т. 12. – № 2. – С. 97-108.

1114. Устрялов, Н.В. Германия. В круговороте фашистской свастики. – М.: Алгоритм, 2012. – 272 с.
1115. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
1116. Фарес, В. Революция грядет: борьба за свободу на Ближнем Востоке. – М.: ИД Коммерсант, ЭКСМО, 2012. – 478 с.
1117. Федюк, В. Керенский. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 406 с.
1118. Филин, Н.А. Социально-демографический фактор массовых волнений в арабских странах и Иране // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола» /Отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – С. 40-42.
1119. Фисун, А.А. Политическая экономия «цветных» революций: неопатримониальная интерпретация // Прогнозис. – 2006. – №3 (7). – С. 211-244.
1120. Фитуни, Л.Л. «Арабская весна» в глобальном и региональном измерениях // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола» /Отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – С. 76-89.
1121. Фреик, Н.В. Политическая харизма: обзор зарубежных концепций // Социологическое обозрение. – 2001. – Том 1. – № 1. – С. 5-24.
1122. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – 377 с.
1123. Хавкин, Б.Л. Германские консервативные элиты и антигитлеровская фронда // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2016. – № 2 (5). – С. 133-161.
1124. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах /Пер. с англ. – М.: Прогресс, 2004. – 408 с.
1125. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций /Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
1126. Хантингтон, С. Третья волна: Демократизация в конце XX века /Пер. с англ. Л.Ю. Лапшиной. – М.: РОССПЭН, 2003. – 365 с.
1127. Харрис, Р. Психология массовых коммуникаций. – СПб.: Прайм-Еврознак; М.: ОЛМАПресс, 2001. – 445 с.
1128. Хаустов, Д.С. Теорема Томаса и особенности конструирования социальной реальности через массовые коммуникации // Социологические исследования. – 2012. – № 7. – С. 29-37.
1129. Хейзинга, Й. Homo ludens. Человек играющий /Пер. с нидерланд. Д. Сильвестрова. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 381 с.
1130. Хинес, Х. Эффект фургона с оркестром и эффект неудачника. О механизмах, влияющих на электоральную конкуренцию // Теория и методы в современной политической науке: Первая попытка теоретического синтеза /Под ред. С.У. Ларсена. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 257-281.
1131. Хобсбаум, Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). – М.: Независимая газета, 2004. – 632 с.

1132. Цаллер, Дж. Происхождение и природа общественного мнения /Пер. с англ. А.А. Петровой. Науч. ред. перевода И.Н. Тартаковская. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 559 с.
1133. Цапф, В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социологические исследования. – 1998. – №8. – С.14-26.
1134. Чеканцева, З.А. Порядок и беспорядок: протестующая толпа во Франции между Фрондой и революцией. Изд. 2-ое. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 240 с.
1135. Черевко, Т.С., Дунас, Д.В., Толоконникова, А.В. Новости в условиях Интернетизации: анализ новостного потребления студентов // Вести. Моск, ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2018. – № 1. – С. 3-25.
1136. Чумиков, А.Н. Коммуникации государства и граждан в цифровой среде как факторы управления восприятием актуального политического контекста // Politbook. – 2023. – № 4. – С. 136-158.
1137. Чумиков, А.Н. Конфликтные коммуникации в медийном поле // Коммуникология. – 2021. – Т. 9, – № 2. – С. 125-142.
1138. Чумиков, А.Н. Конфликтные коммуникации в медийном поле // Коммуникология. – 2021. – Том 9. – № 2. – С. 125-142.
1139. Чумиков, А.Н. Конфликтология социальных отношений как комплексная научная дисциплина и практическая специализация // Социологические исследования. – 1997. – № 7. – С. 118-124.
1140. Чумиков, А.Н. Концептуальные ориентиры для преподавания коммуникационных дисциплин // Управление коммуникациями. Сборник статей Первой международной научно-практической конференции /Под ред А.Н. Чумикова, Э.Э. Шульца. – М.: МГЛУ, 2022. – С. 244-249.
1141. Чумиков, А.Н. Медиа как инструмент захвата и удержания власти: ленинская теория и современность // Российская пиарология: тренды и драйверы. Сборник научных трудов в честь профессора В.А. Ачкасовой. Выпуск 11 /Под редакцией А.Д. Кривоносова. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. экономического ун-та, 2021. – С. 87-96.
1142. Чумиков, А.Н. Медиакоммуникации как синтез PR и журналистики: концепция преподавания комплекса дисциплин // Коммуникационный вектор – 2023: сборник статей Всероссийского симпозиума. – М.: Блок-Принт. – С. 95-103.
1143. Чумиков, А.Н. Социологический инструментарий в измерениях медийного контента // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2023. – № 1 (47). – С. 89-98.
1144. Чумиков, А.Н. Трансформация форм медийных ресурсов и динамика жанров журналистских текстов в российском информационном пространстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2023. – Т. 23. – № 3. – С. 100-109.
1145. Чумиков, А.Н. Факты и смыслы в медиапродукте: историческая дискуссия и современный дискурс // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы VII Международной научной конференции, посвященной 85-летию Донецкого

национального университета. – Донецк: Изд-во Донецкого национального университета, 2022. – С. 391-394.
1146. Чумиков, А.Н. Факты, смыслы и стереотипы как слагаемые продукта информационной войны // Журналист. Социальные коммуникации. – 2022. – № 2 (46). – С. 19-30.
1147. Чумиков, А.Н., Бочаров, М.П., Самойленко, С.А. Реклама и связи с общественностью: профессиональные компетенции. – М.: Дело, 2016. – 520 с.
1148. Чумиков, А.Н., Шульц, Э.Э. Управление коммуникациями в современных условиях // Управление коммуникациями. Сборник статей Первой международной научно-практической конференции /Под ред. А.Н. Чумикова, Э.Э. Шульца. – М.: Изд-во МГЛУ, 2022. – С. 9-11.
1149. Шабров, О.Ф. Модернизация в условиях глобализации: подходы, барьеры, потенциал // POLITBOOK. – 2014. – № 4. – С. 178-189.
1150. Шабров, О.Ф. Модернизация в эпоху постмодерна // Власть. – 2017. – Т. 25. – № 11. – С. 13-21.
1151. Шалыгина, Н.В., Кащенко, Т.Л. «Праздник непослушания» по-белорусски (о ценностях современной белорусской молодежи) // Власть. – 2020. – Том 28. – № 6. – С. 278-285.
1152. Шанин, Т. Революция как момент истины. 1905–1907 – 1917–1922. – М.: Весь мир, 1997. – 560 с.
1153. Шарков, Ф.И. Генезис зарубежной и отечественной коммуникологии: темы и парадигмы // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2017. – Том 2. – № 2. – С. 7-26.
1154. Шарков, Ф.И. Политическая коммуникация в современном информационном обществе // PolitBook. – 2012. – № 2. – С. 121-130.
1155. Шарков, Ф.И., Горохов, А.М. Применение социальных технологий в исследовании информационных императивов коммуникации (на примере информационного противоборства) // Коммуникология. – 2018. – Том 6. – №2. – С. 105-115.
1156. Шарков, Ф.И., Силкин, В.В. Генезис социологии медиапространства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2021. – № 3. – С. 557-566.
1157. Шерэ, Э. Падение старого режима. 1787–1789. Т. 1. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1907. – 393 с.
1158. Шилина, М.Г. Медиакоммуникация: тенденции трансформации. Новые парадигмы исследований массовых коммуникаций [Электронный ресурс] // Медиаскоп: Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2009. – № 3. – Режим доступа: http://www.mediascope.ru/?q=node/404 (дата обращения: 11.02.2024).
1159. Шмидт, Э., Коэн, Д. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. – М.: Издательство Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 367 с.
1160. Шомова, С.А. Карнавальные корни митинга: генезис и современные проявления // Государственная служба. – 2012. – № 4. – С. 64-68.

1161. Шомова, С.А. Социокультурные механизмы современной политической коммуникации // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 3. – С. 138-143.
1162. Штомпка, П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. – 2001. – № 9. – С. 3-13.
1163. Штомпка, П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 418 с.
1164. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества /Пер. с польск. – М.: Логос, 2005. – 664 с.
1165. Штыркина, О.В. Национал-социалистическая медиаполитика в Германии в 1933–1945 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2011. – № 3. – С. 180-195.
1166. Штыркина, О.В. Особенности содержания и оформления печатных изданий в 1920–1930 гг. в Германии (на примере газеты «Фёлькишер беобахтер») // Меди@льманах. – 2011. – № 1. (42). – С. 41-48.
1167. Шульц, Э.Э. «Арабская весна»: «сирийский вариант» / Колобов О.А., Шульц Э.Э. // Геополитика и безопасность. – 2014. – № 1. – С. 63-68.
1168. Шульц, Э.Э. «Арабская весна»: возможные последствия для России / Колобов О.А., Шульц Э.Э. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 9. – С. 41-49.
1169. Шульц, Э.Э. «Арабская весна»: технологии бунта / Колобов О.А., Шульц Э.Э. // Полития. – 2014. – № 1 (72). – С. 119-127.
1170. Шульц, Э.Э. «Классовый подход» и «пролетарский характер» революции 1917 г. в России // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия «История России». – 2014. – № 3. – С. 47-61.
1171. Шульц, Э.Э. «Левый» и «правый» бунт в Германии 1920–30-х гг.: истоки, ход событий, результаты. – Барнаул: Издательская группа «Си-пресс», 2014. – 149 с.
1172. Шульц, Э.Э. «Окно Овертона» как технология трансформации исторической памяти // Коммуникология. – 2025. – Том 13. – № 2. – С. 13-25.
1173. Шульц, Э.Э. «Оранжевая революция» и технологии управления бунтом // Политическая экспертиза. – 2013. – № 3. – С. 137-143.
1174. Шульц, Э.Э. «Революция»: к вопросу о возникновении термина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». – 2016. – № 24 (245), вып. 38. – С. 87-93.
1175. Шульц, Э.Э. «Социология революции» П. Сорокина: истоки и влияние // Общество. Среда. Развитие. – 2014. – № 1 (30). – С. 55-59.
1176. Шульц, Э.Э. «Утопия», «национализм» и «интернационализм» как основа радикальных массовых форм социального протеста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2015. – № 1. – С. 35-43.
1177. Шульц, Э.Э. «Цветные революции»: некоторые проблемы методологии исследования // Политическая экспертиза. – 2017. – Том 13. – № 2. – С. 88-99.

1178. Шульц, Э.Э. Telegram как коммуникационная площадка на выборах президента РФ в 2024 г. /Чумиков, А.Н., Балелин, Е.В., Шульц, Э.Э. // Казанская наука. – 2025. – № 4. – С. 732–736.
1179. Шульц, Э.Э. Великая русская революция (1905–1922 гг.): Причины. Последствия. Технологии. События и люди. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 400 с.
1180. Шульц, Э.Э. Демографический фактор и причины падения Веймарской республики // Власть. – 2023. – № 4. – С. 248-251.
1181. Шульц, Э.Э. Идеология и феномен революций: к проблеме идентификации явления // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2018. – № 4. – С. 27-34.
1182. Шульц, Э.Э. Информационные ресурсы в современном российском политическом протесте // Казанская наука. – 2025. – № 5. – С. 541-544.
1183. Шульц, Э.Э. К вопросу о классификации революций // Полития. – 2018. – № 2. – С. 137-155.
1184. Шульц, Э.Э. К вопросу о мальтузианской ловушке и демографическом росте как причинах радикальных форм массового социального протеста // Полития. – 2017. – № 4. – С. 23-34.
1185. Шульц, Э.Э. К вопросу о причинах радикальных форм социального протеста: размышления о принципах «мальтузианской ловушки» и демографических факторах // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия “Социология”. – 2017. – № 2. – С. 180-191.
1186. Шульц, Э.Э. К вопросу о социальной базе радикальных массовых форм социального протеста // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). – 2017. – № 2. – Режим доступа: http://dx.doi.org/10.18384/2224-0209-2017-2-808 (дата обращения: 27.01.2024)
1187. Шульц, Э.Э. К вопросу о социальной базе революции 1917 г. // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). – 2017. – № 3. – Режим доступа: http://dx.doi.org/10.18384/2224-0209-2017-3-825 (дата обращения: 27.01.2024)
1188. Шульц, Э.Э. К проблеме классификации революции // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия “Социология”. – 2019. – № 3. – С. 406-418.
1189. Шульц, Э.Э. Какими медиаканалами пользуются россияне для получения информации // Журналист. Социальные коммуникации. – 2023. – № 2. – С. 36-41.
1190. Шульц, Э.Э. Коммуникационное и социологическое обеспечение имиджа российских регионов в контексте стратегий их развития /Чумиков А.Н., Шульц Э.Э. // Коммуникология. – 2022. – Т. 10, – № 1. – С. 15-28.
1191. Шульц, Э.Э. Кто голосовал за нацистов (1928–1933): к вопросу о социальном составе // Социологические исследования. – 2018. – № 6. – С. 104-115.
1192. Шульц, Э.Э. Кто голосовал за НСДАП?: к проблеме социальной базы национал-социалистов в Веймарской республике // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 433. – С. 116-121.

1193. Шульц, Э.Э. Кубинская революция в свете ключевых вопросов теории революции // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 482. – С. 157–162.
1194. Шульц, Э.Э. Марксизм как религия революции // Политика и Общество. – 2014. – № 5. – С. 607-613.
1195. Шульц, Э.Э. Никколо Макиавелли и складывание основ теории социального протеста // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». – 2014. – № 1 (172), вып. 29. – С. 198-201.
1196. Шульц, Э.Э. Новая информационная культура как результат глобальной смены научно-прикладной парадигмы в коммуникационной сфере / Чумиков, А.Н., Шульц, Э.Э. // Журналист. Социальные коммуникации. – 2024. – № 1 (53). – С. 29-37.
1197. Шульц, Э.Э. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии и проблемы возникновения, развития и падения Веймарской республики // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 426. – С. 223-228.
1198. Шульц, Э.Э. Особенности регулирования медиа в странах Магриба после событий «Арабской весны» / Шемякин Е.А., Шульц Э.Э. // Казанская наука. – 2025. – № 4. – С. 767–769.
1199. Шульц, Э.Э. От Веймарской республики к Третьему рейху: Электоральная история Германии 1920-х – начала 1930-х гг. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 272 с.
1200. Шульц, Э.Э. Приход нацистов к власти в Германии и концепция «молодежного бугра» // Общество. Среда. Развитие. – 2015. – № 3 (30). – С. 98-101.
1201. Шульц, Э.Э. Причины возникновения радикальных форм социального протеста (историографический обзор) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2014. – № 2. – С. 40-51.
1202. Шульц, Э.Э. Проблема замеров протестного потенциала и прогнозирования выплеска массовых протестных акций в современных условиях // Успехи гуманитарных наук. – 2025. – № 4. – С. 93–104.
1203. Шульц, Э.Э. Проблема легитимности в революциях // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 1. – С. 129-140.
1204. Шульц, Э.Э. Проблемные вопросы социальной базы НСДАП: к причинам успеха нацистов на выборах 1928-33 гг. // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия “Социология”. – 2015. – № 1. – С. 42-53.
1205. Шульц, Э.Э. Протест в России 2017–2021: технологии и закономерности // Вестник Российского государственного университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2021. – Т. 8. – № 3. – С. 312-328.
1206. Шульц, Э.Э. Протестные акции антиглобалистов в Гамбурге в контексте причин радикальных массовых форм социального протеста // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2017. – Т. 13. – № 3. – С. 71-80.

1207. Шульц, Э.Э. Радикальные массовые формы социального протеста и проблемы легитимности // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия “Политология”. – 2018. – № 2. – С. 237-245.
1208. Шульц, Э.Э. Революции и теория модернизации // Вопросы управления. – 2015. – № 6 (37). – С. 18-26.
1209. Шульц, Э.Э. Революция: к вопросу об определении термина // Социологические исследования. – 2014. – № 2. – С. 132-142.
1210. Шульц, Э.Э. Регулирование медиакоммуникаций: конец технологий «сетевого протеста»? // Вопросы медиабизнеса. – 2025. – Т. 4. – № 2. – С. 5-10.
1211. Шульц, Э.Э. Русская революция в современном общественном мнении России в контексте коммуникации государства и общества // Вестник филологических наук. – 2025. – Т. 5. – № 3. – С. 81-89.
1212. Шульц, Э.Э. Русская революция и проблема легитимности // Вестник Московского университета. Серия 12: политические науки. – 2017. – № 1. – С. 22-34.
1213. Шульц, Э.Э. Русская революция и проблема модернизации // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия “История России”. – 2015. – № 3. – С. 7-17.
1214. Шульц, Э.Э. Сетевые инфлюенсеры в бизнесе и политике как гейткиперы медиакоммуникационного поля // Чумиков А.Н., Балелин Е.В., Шульц Э.Э. // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2025. – № 2 (56). – С. 36–45.
1215. Шульц, Э.Э. Сирия: к пониманию причин гражданской войны // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 29 (266). – С. 35-42.
1216. Шульц, Э.Э. Современные медиакоммуникации: управление доверием к информации // Журналист. Социальные коммуникации. – 2025. – № 2. – С. 65-68.
1217. Шульц, Э.Э. Современные протестные акции в развитых странах как форма радикальной мобилизации // Международные процессы. – 2018. – Т. 16. – № 3(54). – С. 100-112.
1218. Шульц, Э.Э. Современный российский политический протест. – М.: Проспект, 2021. – 168 с.
1219. Шульц, Э.Э. Социальная база большевиков в 1917 г. // Свободная мысль. – 2017. – № 6. – Режим доступа: http://svom.info/entry/790-socialnaya-baza-bolshevikov-v-1917-godu/ (дата обращения: 27.01.2024)
1220. Шульц, Э.Э. Социальная напряженность и прогнозирование политического протеста: модель анализа социальных медиа / Гуров Ф.Н., Мартиросян А.Э., Шульц Э.Э. // Вестник Донецкого национального университета. Сер. Д: Филология и психология. – 2025. – № 3. – С. 137-144.
1221. Шульц, Э.Э. Социальная утопия как идеология социального протеста // European Social Science Journal. – 2013. – № 8-2 (35). – С. 496-507.

1222. Шульц, Э.Э. Социальный протест как фактор дестабилизации политической системы современной России // Политическая экспертиза. – 2017. – Т. 13, № 4. – С. 110-117.
1223. Шульц, Э.Э. Социология нацизма: формирование основных подходов в историографии // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия “Социология”. – 2014. – № 2. – С. 61-72.
1224. Шульц, Э.Э. Социология революции Шмуэля Эйзенштадта // Социологические исследования. – 2019. – № 10. – С. 146-156.
1225. Шульц, Э.Э. Сравнительно-исторический анализ в прогнозировании революций // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 483. – С. 156–164.
1226. Шульц, Э.Э. Статистические данные выборов в рейхстаг Германии 1928–32 гг. и поведение электората НСДАП, КПГ и СДПГ // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 445. – С. 159-169.
1227. Шульц, Э.Э. Статистические данные результатов выборов в рейхстаг Германии 1928–32 гг.: к проблеме интерпретации источников // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 427. – С. 178-183.
1228. Шульц, Э.Э. Теоретическая база цветных революций // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 4. – С. 138-146.
1229. Шульц, Э.Э. Теория революции в истории исследований. – М.: ИИУ МГОУ, 2020. – 162 с.
1230. Шульц, Э.Э. Теория революции Джека Голдстоуна // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2018. – № 3. – С. 171-182.
1231. Шульц, Э.Э. Теория революции Лайфорда Эдвардса в контексте научной мысли XIX – начала XX веков // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). – 2019. – № 4. – Режим доступа: https://doi.org/10.18384/2224-0209-2019-4-977
1232. Шульц, Э.Э. Теория революции Ленина // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 478. – С. 137-144.
1233. Шульц, Э.Э. Теория революции Маркса в контексте общественной мысли XIX в. в Европе // Вопросы управления. – 2014. – № 2. – С. 39-42.
1234. Шульц, Э.Э. Теория революции Теды Скокпол // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия “Политология”. – 2019. – № 3. – С. 503-512.
1235. Шульц, Э.Э. Теория революции: революции и современные цивилизации. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 400 с.
1236. Шульц, Э.Э. Теория социального протеста. – Барнаул: Издательская группа «Си-пресс», 2014. – 146 с.
1237. Шульц, Э.Э. Теория социальных движений: проблемы теории и практики // Вестник северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2014. – № 4. – С. 23-30.
1238. Шульц, Э.Э. Технологии бунта. (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). – М.: ПФОП, 2014. – 512 с.

1239. Шульц, Э.Э. Технологии бунта: «цветные революции» и «арабская весна» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 19 (256). – С. 46-54.
1240. Шульц, Э.Э. Технологии медиапротивостояния в белорусском политическом протесте 2020–2021 гг. // Успехи гуманитарных наук. – 2025. – № 3. – С. 78–84.
1241. Шульц, Э.Э. Технологии управления радикальными массовыми формами социального протеста в политической борьбе. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 248 с.
1242. Шульц, Э.Э. Технологические и регулятивные тренды развития и позиционирования коммуникационного контента /Чумиков А.Н., Шульц Э.Э. // Российская школа связей с общественностью. Электронный научный журнал. – 2025. – Вып. 37. – С. 161-183.
1243. Шульц, Э.Э. Типология революций: история создания и современное состояние // Человек. Сообщество. Управление. – 2014. – № 1. – С. 65-83.
1244. Шульц, Э.Э. Украина и Египет: закономерности цветных революций // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 22 (259). – С. 52-56.
1245. Шульц, Э.Э. Управление социальным протестом как технология и содержание «Арабской весны» // Международные процессы. – 2015. – Т. 13. – № 1(40). – С. 89-96.
1246. Шульц, Э.Э. Фейковые новости в современных коммуникационных процессах // Вестник Российского государственного университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2022. – Т. 9. – № 3. – С. 262-273.
1247. Шульц, Э.Э. Электоральная база нацистов на выборах 1928–1932 гг. в Германии // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия “Политология”. – 2014. – № 2. – С. 136-144.
1248. Эдвардс, Л. Естественная история революции /Пер. с англ. О.С. Грязновой // Социологический журнал. – 2005. – № 1. – С. 101-131.
1249. Эйзенштадт, Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций /Пер. с англ. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
1250. Якова, Т.С. Массмедиа и конфликты: медиагеографические исследования // Вопросы теории и практики журналистики. – 2021. – Т. 10, № 4. – С. 680-697.
1251. Якунин, В. И., Сулакшин, С.С., Багдасарян, В.Э., Кара-Мурза, С.Г., Деева, М.В., Сафонова, Ю.А. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. Монография. – М.: Научный эксперт, 2012. – 288 с.
1252. Яницкий, О.Н. Митинги повсюду: реабилитация гражданскою активизма в России // Общественные науки и современность. – 2010. – № 3. – С. 58-68.
1253. Ясперс, К. Власть массы // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 10-185.
1254. Ященко, В.Г. Либертатный бунт в эпоху постмодерна. – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2002. – 75 с.

Литература на иностранных языках

1255. Abel, W. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. – Berlin: Parey, 1935. – 179 S.
1256. Abel, W. Agricultural Fluctuations in Europe. From the Thirteenth to the Twentieth Centuries. – Routledge, 2013. – 384 p.
1257. Abercrombie, N., Erry, J. Capital, Labour and the Middle Classes. – L.: Allen & Unwin, 1983. – 169 p.
1258. Ackland, R., Gwynn, K. Truth and the dynamics of news diffusion on Twitter // The Psychology of Fake News: Accepting, Sharing, and Correcting Misinformation /Ed. by Rainer Greifeneder, Mariela E. Jaffé, Eryn J. Newman, and Norbert Schwarz. – Routledge, 2021. – P. 27-46.
1259. Aleya-Sghaier, A. The Tunisian revolution: the revolution of dignity // Revolution, Revolt and Reform in North Africa: The Arab spring and Beyond /Ed. by Ricardo Laremont. – Routledge, 2013. – P. 30-52.
1260. Alkazemi, M.F., Wanta, W. The Effect of Oil Prices on the Media Agenda: A Model of Agenda Building. Newspaper Research Journal. – 2018. – № 39 (2). – P. 232-244.
1261. Althaus, S.L., Tewksbury, D. Agenda setting and the "new" news – Patterns of issue importance among readers of the paper and online versions of the New York Times // Communication Research. – 2002. – Vol. 29. – P 180-207.
1262. Appadurai, A. Modernity at large: Cultural dimensions of globalization. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – 229 p.
1263. Arendt, H. On Revolution. – N.Y.: Viking Press, 1963. – 350 p.
1264. Baran, P. A Reflections on the Cuban Revolution. – N.Y.: Monthly Review Press, 1961. – 52 p.
1265. Barclay, D.A. Fake News, Propaganda, and Plain Old Lies. How to Find Trustworthy Information in the Digital Age. – The Rowman & Littlefield Publishing Group, Inc., 2018. – 244 p.
1266. Bell, D. The Coming of Post-Industrial Society. – New York: Basic books, 1973. – 507 p.
1267. Bennett, W.L., Segerberg, A. The Logic of Connective Action. Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. – Cambridge University Press, 2013. – 240 p.
1268. Berger, S. Social Democracy and the Working Class in Nineteenth and Twentieth Century Germany. – Routledge, 2013. – 294 p.
1269. Boak, H. Mobilising women for Hitler: the female Nazi voter // Working towards the Führer /Ed. by A. MacElligott and T. Kirk. – Manchester University Press, 2003. – P. 68-92.
1270. Boak, H. National Socialism and Working-Class Women // The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany /Ed. by Conan Fischer. – Berghahn Books, 1996. – P. 163-188.
1271. Boak, H.L. Women in Weimar Germany. The "Frauenfrage" and the Female Vote // Social Change and Political Development in Weimar Germany /Ed. by R. Bessel and E.J. Feuchtwanger. – London: Croom Helm, 1981. – P. 155-173.

1272. Boulding, K. Conflict and Defence: A General Theory. – Harper & Row,1962. – 349 p.
1273. Bramsted E., Ernest K. Goebbels und die nationalsozialistische Propaganda 1925–1945. – Frankfurt/Main: S. Fischer Verlag GmbH, 1965. – 368 p.
1274. Bremme, G. Die politische Rolle der Frau in Deutschland. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1956. – 288 S.
1275. Brinton, C. The Anatomy of Revolution. – N.Y.: W.W. Norton & Co, 1938. – 310 p.
1276. Brosius H.B., Kepplinger H.M. Linear and nonlinear models of agenda-setting in television // Journal of Broadcasting and Electronic Media. – 1992. – №36(1). – P. 5-24.
1277. Brown, T.S. Weimar Radicals: Nazis and Communists between Authenticity and Performance. – New York, Oxford: Berghahn books, 2009. – 213 p.
1278. Bykov, I.A., Medvedeva, M.V., Hradziushka, A.A. Anonymous Communication Strategy in Telegram: Toward Comparative Analysis of Russia and Belarus // 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS). – St. Petersburg, Russia, 2021. – P. 14-17.
1279. Cacciatore, M., Scheufele, D., Iyengar, S. The End of Framing as We Know It... and the Future of Media Effects // Mass Communication and Society. – 2016. – Vol. 19, iss. 1. – P. 7-23.
1280. Calvert, P. Revolution and Counter-Revolution Concepts in the Social Sciences. Milton Keynes, Open University Press. 1990. – 90 p.
1281. Caniglia, B.S., Carmin, J. Scholarship on Social Movement Organizations: Classic Views and Emerging Trends // Mobilization: An International Journal. – 2005. – No 10 (2). – P. 201-212.
1282. Carsten, F.L. Interpretations of Fascism // Fascism, a Reader's Guide: Analyses, Interpretations, Bibliography /Ed. by Walter Laqueur. – University of California Press, 1978. – P. 415-434.
1283. Cassels, A. Ideology and International Relations in the Modern World. – London, New York: Routledge, 2002. – 320 p.
1284. Castells, M. Networks of Outrage and Hope. Social Movements in the Internet Age. Second Edition. – Polity Press, 2015. – 200 p.
1285. Castells, M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. – 656 p.
1286. Castells, M. The Rise of the Network Society. 2nd ed. – John Wiley & Sons, 2010. – 597 p.
1287. Chakhotin, S. The Rape of the Masses: The Psychology of Totalitarian Political Propaganda. – London: George Routledge & Sons Ltd., 1940. – 317 p.
1288. Childers, T. The Nazi Voter. The Social Foundations of Fascism in Germany 1919–1933. – University of North Carolina Press, 1983. – 367 p.
1289. Childers, T. The Social Language of Politics in Germany: The Sociology of Political Discourse in the Weimar Republic // The American Historical Review. – 1990. – Vol. 95. – No. 2. – P. 331-358.

1290. Childers, T. Who, Indeed, Did Vote for Hitler? // Central European History. – 1984. – Vol. 17, No. 1. – P. 45-53.
1291. Chomsky, A. A History of the Cuban Revolution. – Singapore: John Wiley & Sons, 2010. – 224 p.
1292. Chomsky, N. What makes mainstream media mainstream // Z Magazine. – 1997, October. – P. 17-23.
1293. Clark, J. The History and Theory of Revolutions. From the Princeton Review for April 1862. – Philadelphia: William S. & Alfred Martien, 1862. – 35 p.
1294. Collins, R. Conflict Sociology: Toward an Explanatory Science. – N.Y.: Academic Press, 1975. – 584 p.
1295. Communication technology update and fundamentals /Ed. by August Grant, Jennifer H. Meadows. – Technology Futures, Incorporated, 2022. – 346 p.
1296. Coser, L.A. The Functions of Social Conflict. – Glencoe, Ill.: Free Press, 1956. – 188 p.
1297. Coser, L.A. The Termination of Conflict // Readings in Social Evolution and Development /Ed. by Eisenstadt S.L. – N.-Y.: Elsevier Science & Technology, 1970. – P. 141-151.
1298. Crouzet, F. A History of the European Economy, 1000–2000. – Charlottesville – London: The University Press of Virginia, 2001. – 329 p.
1299. Dahrendorf, R. Auf der Suche nach einer neuen Ordnung. Vorlesungen zur Politik der Freiheit im 21 jahrhundert. – Munchen: C.H.Beck, 2003. – 156 p.
1300. Dahrendorf, R. Class and class conflict in industrial society. – Stanford University Press, 1973. – 336 p.
1301. Dahrendorf, R. Democracy and Modernity: Notes on the European Experience // Democracy and modernity: international colloquium on the centenary of David Ben-Gurion [by the Israel Academy of Sciences and Humanities, held in Jerusalem, on January 4–5, 1987] /Ed by. Shmuel Noah Eisenstadt. – BRILL, 1992. – P. 15-19.
1302. Dahrendorf, R. Der moderne soziale Konflikt. – Stuttgart: DVA, 1992. – 324 p.
1303. Dale, T. The Fundamental Roles of Technology in the Spread of Fake News // Handbook of Research on Deception, Fake News, and Misinformation Online /Ed. by Innocent E. Chiluwa, Sergei A. Samoilenko. – IGI Global, 2019. – P. 122-137.
1304. Davies, J. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. – 1962. – Vol. 27. – P. 5-19.
1305. De Vreese, C. News framing: Theory and typology // Information Design Journal. – 2005. – № 13 (1). – P. 51-62.
1306. Deepak, P, Chakraborty, T., Long, C., Kumar, S. Data Science for Fake News: Surveys and Perspectives. – Springer, 2021. – 302 p.
1307. Delanty, G. Modernity and Postmodernity. Knowledge, Power and the Self. – SAGE Publications, 2000. – 208 p.
1308. Disinformation, Misinformation, and Fake News in Social Media. Emerging Research Challenges and Opportunities /Ed. by Shu K., Wang S., Lee D., Liu H. Springer, 2020. – 288 p.

1309. Dix, R.H. Why Revolutions Succeed and Fail // Revolution: Critical Concepts in Political Science /Ed. by O'Kane R.H.T. Vol. 4. – Taylor & Francis, 2000. – P. 35-56.
1310. Doherty, M.A. Nazi Wireless Propaganda. Lord Haw-Haw and British Public Opinion in the Second World War. – Edinburgh University Press, 2000. – 225 p.
1311. Easton, D. A Framework for Political Analysis. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1965. – 143 p.
1312. Easton, D. A Systems Analysis of Political Life. – New York: Wiley, 1967. – 507 p.
1313. Easton, D. The Political System. An Inquiry into the State of Political Science. – New York: Knopf, 1953. – 320 p.
1314. Edwards, L.P. The Natural History of Revolution. 2-nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1970. – 229 p.
1315. Edy, J.A., Meirick, C. The fragmenting public agenda: capacity, diversity, and volatility in responses to the “Most important problem” question // Public opinion quarterly. – 2018. – № 4. – P. 661-685.
1316. Eisenstadt, S.N. Fundamentalism, Sectarianism, and Revolution: The Jacobin Dimension of Modernity. – Cambridge University Press, 1999. – 280 p.
1317. Eisenstadt, S.N. Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations. – N.Y.: Free Press, 1978. – 348 p.
1318. Eisenstadt, S.N. Some Observations on Multiple Modernities // Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations /Ed. by Dominic Sachsenmaier, Shmuel Noah Eisenstadt, Jens Riedel. – BRILL, 2002. – P. 27-41.
1319. El-Bendary, M. The Egyptian Revolution. Between Hope and Despair: Mubarak to Morsi. – N.Y.: Algora Publishing, 2013. – 260 p.
1320. Eldridge, A.F. Images of conflict. – N.Y.: St. Martin's Press, 1979. – 229 p.
1321. Ellul, J. Autopsy of Revolution. – N. Y., 1971. – 300 p.
1322. Falter, J.W. How Likely Were Workers to Vote for the NSDAP? // The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany /Ed. by Conan Fischer. – Berghahn Books, 1996. – P. 9-45.
1323. Falter, J.W. The economics crisis of the 1930’s // Politics and Political Change: A Journal of Interdisciplinary History Reader /Ed by Rotberg R.I. – MIT Press, 2001. – P. 99-130.
1324. Falter, J.W. The First German Volkspartei: The Social Foundations of the NSDAP // Elections, Parties and Political Traditions: Social Foundations of German Parties and Party Systems, 1867–1987 /Ed. by Karl Rhoe. – New York-Oxford-Munich: Berg Publishers, 1990. – P. 53-81.
1325. Falter, J.W. The Social Bases of Political Cleavages in the Weimar Republic, 1919–1933 // Elections, Mass Politics, and Social Change in Modern Germany: New Perspectives /Ed. by Larry Eugene Jones, James Retallack. – Cambridge University Press, 1992. – P. 371-398.
1326. Falter, J.W. The Young Membership of the NSDAP between 1925 and 1933: A Demographic and Social Profile // The Rise of National Socialism and the

Working Classes in Weimar Germany /Ed. by Conan Fischer. – Berghahn Books, 1996. – P. 79-97.
1327. Featherstone, M. Global Culture: an Introduction // Theory, Culture and Societies. – 1990. – V. 7 (2-3). – P. 1-14.
1328. Filiu, J.-P. The Arab Revolution. Ten lessons from the democratic uprising. – Oxford University Press, 2011. – 195 p.
1329. Finkel, S.E., Muller, E.N., Opp, K.-D. Personal Influence, Collective Rationality, and Mass Political Action // American Political Science Review. – 1989. – Vol. 83, – No 3 September. – P. 885-903.
1330. Fischer, C. The Rise of the Nazis. Second Edition. – Manchester University Press, 2002. – 211 p.
1331. Folger, J.P., Poole, M.S. Working through conflict: a communication perspective. – Glenview, 111.: Scott. Foresman, 1984. – 208 p.
1332. Foran, J. Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 395 p.
1333. Foran, J. Theorizing the Cuban Revolution // Latin American Perspectives. – 2009. – Issue 165. – Vol. 36. – №. 2. – P. 16-30.
1334. Friedman, Th.L. The Lexus and Olive Tree. Understanding Globalization. – N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2000. – 469 p.
1335. Fulda, B. Press and Politics in the Weimar Republic. – Oxford University Press, 2009. – 342 p.
1336. Gamson, J. Must Identity Movements Self- Destruct? // Social Problems. – 1995. – № 42 (3). – P. 390-407.
1337. Gamson, W.A. The strategy of social protest. – Dorsey Press, 1975. – 217 p.
1338. Gavra, D.P., Bykova, E.V., Savitskaya, A.S., Dekalov, V.V., Taranova, Y.V. Mediatization of a Local Incident in a Digital Network Space: Interpretation of the Concept and Research Program // 2020 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS 2020) /Ed. by B S. Shaposhnikov, L. Sharakhina. – Institute of Electrical and Electronics Engineers, Curran Associates, Inc., 2020. – P. 99-103.
1339. Gelvin, J.L. The Arab Uprisings: What Everyone Needs to Know. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 185 p.
1340. Gibson, J.L. Mass Opposition to the Soviet Putsch of August 1991: Collective Action, Rational Choice, and Democratic Values in the Former Soviet Union // The American Political Science Review. – 1997. – Volume 91, Issue 3 (September). – P. 671-684.
1341. Giddens, A. The Class Structure of the Advanced Societies. 2-nd ed. – L.: Hutchinson, 1981. – 366 p.
1342. Giddens, A. The Consequences of Modernity. – Cambridge University Press, 1990. – 188 p.
1343. Giersch, R. Von der «Nationalsozialistischen Betriebszellenorganisation» zur «Deutschen Arbeitsfront» 1932-1934 // Jahrbuch für Geschichte. – 1982. – Bd. 26. – S. 43-73.

1344. Gilman, N. Mandarins of the future: modernization theory in Cold War America. – Baltimore-London: The Johns Hopkins University Press, 2003. – 329 p.
1345. Glaser, B., Strauss, A. The Discovery of Grounded Theory. – Chicago: Aldine Publishing, 1967. – 271 p.
1346. Godefroidt, A., Berbers, A., d'Haenens, A. What's in a frame? A comparative content analysis of American, British, French, and Russian news articles // The International Communication Gazette. – 2016. – № 78 (8). – P. 777-801.
1347. Gokmenoglu, B. The Gezi Movement: A comparative perspective. – Los Angeles: University of Southern California, Department of Sociology, Research Paper, 2013. – 100 p.
1348. Goldstone, J. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict // Journal of International Affairs. – 2002. – № 56. – P. 3-21.
1349. Goldstone, J. Predicting Revolutions: Why We Could (and Should) have Foreseen the Revolutions of 1989-1991 in the U.S.S.R. and Eastern Europe // Revolution: Critical Concepts in Political Science /Ed. by O'Kane R.H.T. Vol. 4. – Taylor & Francis, 2000. – P. 395-416.
1350. Goldstone, J. Revolution and rebellion in the early modern world. Berkeley: University of California Press, 1991. – 608 p.
1351. Goldstone, J. The Comparative and Historical Study of Revolutions // Annual Review of Sociology. – 1982. – Vol. 8. – P. 187-207.
1352. Goldstone, J. The New Population Bomb: The Four Megatrends that will Change the World // Foreign Affairs. – 2010 (January/February). – Vol. 89. – No. 1. – P. 31-43.
1353. Grazulis, A., Rogers, R. "Ridiculous and Untrue – FAKE NEWS!": The Impact of Labeling Fake News // Handbook of Research on Deception, Fake News, and Misinformation Online /Ed. by Innocent E. Chiluwa, Sergei A. Samoilenko. – IGI Global, 2019. – P. 138-151.
1354. Guadagno, R.E., Guttieri, K. Fake News and Information Warfare: An Examination of the Political and Psychological Processes From the Digital Sphere to the Real World // Handbook of Research on Deception, Fake News, and Misinformation Online /Ed. by Innocent E. Chiluwa, Sergei A. Samoilenko. – IGI Global, 2019. – P. 167-191.
1355. Gurr, T.R. Why Men Rebel? – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1970. – 421 p.
1356. Guttsman, W.L. The German Social Democratic Party, 1875–1933: From Ghetto to Government. – N.Y.-London: Routledge, 2020. – 374 p.
1357. Hamilton, R.J. Who Voted for Hitler? – NJ: Princeton University Press, 1982. – 664 p.
1358. Hänisch, D. A Social Profile of the Saxon NSDAP Voters before 1933 // Szejnmann C-C.W. Nazism in Central Germany: The Brownshirts in 'red' Saxony. – Berghahn Books, 1999. – P. 219-232.
1359. Harris, R.L. Che Guevara: a biography. – California: ABC-CLIO, 2011. – 237 p.

1360. Harsch, D. German Social Democracy and the Rise of Nazism. – The University of North Carolina Press, 1993. – 398 p.
1361. Hart, J.M. Revolutionary Mexico: The Coming and Process of the Mexican Revolution. – Berkley: University of California Press, 1987. – 478 p.
1362. Hartwig. Das Frauenwahlrecht in der Statistik // Tagung der Deutschen Statistischen Gesellschaft. – 1931. – No 21. – S. 167-182.
1363. Hartwig. Wie die Frauen im Deutschen Reich von ihrem politischen Wahlrecht Gebrauch machen // Allgemeines Statistisches Archiv. 1928. – No 17. – S. 497-512.
1364. Heilbroner, O. Catholicism, political culture, and the countryside: a social history of the Nazi Party in south Germany. – University of Michigan Press, 1998. – 317 p.
1365. Henry, C., Jang, J-H., Parks, R. Introduction // The Arab Spring: Will It Lead to Democratic Transitions? /Ed. by Clement Henry, Jang Ji-Hyang, and Robert P. Parks. – Palgrave Macmillan, 2013. – P. 12-26.
1366. Herzstein, R.E. The War that Hitler Won: The Most Infamous Propaganda Campaign in History. – Putnam, 1978. – 491 p.
1367. Himes, J.S. Conflict and conflict management. – Athens: University of Georgia Press, 1980. – 333 p.
1368. Hjarvard, S. The Mediatization of Culture and Society. – Oxon: Routledge, 2013. – 192 p.
1369. How social movements matter /Ed. by Marco Giugni, Doug McAdam, Charles Tilly. – University of Minnesota Press, Minneapolis, 1999. – 324 p.
1370. Huntington, S.P. Political Order in Changing Societies. – New Haven – London: Yale University Press, 2006. – 512 p.
1371. Ibarra, J. Prologue to Revolution: Cuba, 1898–1958. – Lynne Rienner Publishers, 1998. – 231 p.
1372. Identity and Social Change /Ed. by J.E. Davis. – New Brunswick and London: Transaction Books, 2000. – 217 p.
1373. Inglehart, R. Modernization and postmodemization: cultural, economic, and political change in 43 societies. – Princeton University Press, 1997. – 453 p.
1374. Inglehart, R., Welzel, C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. – Cambridge University Press, 2005. – 333 p.
1375. International Encyclopedia of Political Science /Ed. by Bertrand Badie. Vol. II. – Sage Publications, 2011. – 3996 p.
1376. John, P., Bevan, Sh., Jennings, W. Party politics and policy agenda: The case of the United Kingdom // Green-Pedersen Ch. and Walgrave S.(ed.) Agenda setting, policies and political systems: A comparative approach. – The University of Chicago Press, 2014. – P. 19-35.
1377. Johnson, C. Revolution and the Social System. The Hoover Institute of War, Revolution and Peace. – Stanford University Press, 1964. – 69 p.
1378. Jones, L.E. Hitler versus Hindenburg. The 1932 Presidential Elections and the End of the Weimar Republic. – Cambridge University Press, 2016. – 412 p.

1379. Jones, L.E. The German Right, 1918–1930. Political Parties, Organized Interests, and Patriotic Associations in the Struggle against Weimar Democracy. – Cambridge University Press, 2020. – 640 p.
1380. Kater, M.H. The Nazi Party. A Social Profile of Members and Leaders 1919–1945. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1983. – 415 p.
1381. Katz, J.E. Commentary on news and participation through and beyond proprietary platforms in an age of social media. Media and Communication. – 2018. – № 4 (6). – P. 103-106.
1382. Kaufmann, E.P., Toft, M.D. Introduction // Political Demography: How Population Changes Are Reshaping International Security and National Politics /Ed. by Jack A. Goldstone, Eric P. Kaufmann, Monica Duffy Toft. – Oxford University Press, 2012. – P. 3-9.
1383. Kershaw, I. Der Hitler-Mythos. Volksmeinung und Propaganda im Dritten Reich. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1980. – 215 S.
1384. Kimmel, M.S. Revolution. A sociological Interpretation. – Temple University Press, Philadelphia, 1990. – 252 p.
1385. Kriesberg, L. Realizing Peace: A Constructive Conflict Approach. – N. Y. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 397 p.
1386. Kriesberg, L. Sociology of Social Conflict. – N.Y.: Prentice-Hall, 1973. – 300 p.
1387. Kurzman, C. The Unthinkable Revolution in Iran. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. – 304 p.
1388. LaGraffe, D. The Youth Bulge in Egypt: An Intersection of Demographics, Security, and the Arab Spring // Journal of Strategic Security. – 2012. – Volume 5. – Issue 2. – P. 65-80.
1389. Laremont, R.R. Revolution, revolt, and reform in North Africa // Revolution, Revolt and Reform in North Africa: The Arab spring and Beyond /Ed. by Ricardo Laremont. – Routledge, 2013. – P. 1-14.
1390. Larionov, A., Baghdasaryan, V., Fedorchenko, S., Shults, E. Exogenous factors of memory formation about the great soviet era in contemporary Russia // Linguistics and Culture Review. – 2021. – № 5(S3). – Режим доступа: https://doi.org/10.21744/lingcure.v5nS3.1830
1391. Lasswell, H. Propaganda Technique in the World War. – The MIT Press, 1971. – 268 p.
1392. Lasswell, H. The Analysis of Political Behavior. – Routledge, 2002. – 314 p.
1393. Lasswell, H.D., Blumenstock, D. World Revolutionary Propaganda. A Chicago Study. – New York, London: Alfred A. Knopf, 1939. – 393 p.
1394. Lasswell, H. The Structure and Function of Communication in Society // The Process and Effects of Mass Communication / Ed. by W. Schramm & D.F. Roberts. – Urbana: University of Illinois Press, 1971. – P. 84-99.
1395. Layton, R.V. “The Völkischer Beobachter“, 1920–1933: The Nazi Party Newspaper in the Weimar Era // Central European History. – 1970. – Vol. 3, – No. 4. – P. 353-382.

1396. Lazarsfeld, P., Berelson, B., Gaudet, H. The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign. – Columbia University Press, 1960. – 178 p.
1397. Lazarsfeld, P.F., Merton, R.K. Mass Communication, Popular Taste and Organized Social Action // Mass Culture. The Popular Arts in America /Ed. by Bernard Rosenberg and David Manning White. – New York: The Free Press, London: Collier-MacMillan Limited, 1957. – P. 457-473.
1398. Lemmons, R. Goebbels and Der Angriff. – The University Press of Kentucky, 1994. – 184 p.
1399. Lichbach, M.I. An Evaluation of "Does Economic Inequality Breed Political Conflict?" Studies // World Politics. – 1989. – Vol. 41. – No. 4. – P. 431-470.
1400. Linz, J.J. Some Notes Toward a Comparative Study of Fascism in Sociological Historical Perspective // Fascism. A reader's Guide. Analyses, Interpretations, Bibliography /Ed. by Walter Laqueur. – University of California Press, 1978. – P. 3-124.
1401. Lipset, S.M. Political Man: the social bases of politics. – N.Y.: Doubleday & Company, Inc., 1960. – 442 p.
1402. Lofland, J. Protest: Studies of Collective Behavior and Social Movements. – Transaction Publishers, 1985. – 349 p.
1403. Low, A.D. The Völkischer Beobachter, 1933 // Social Science. – 1980. – № 55. – P. 195-202.
1404. Madden, P. The Social Class Origins of Nazi Party Members as Determined by Occupations, 1925-33 // Mühlberger D., Madden P. The Nazi Party: The Anatomy of a People's Party. 1919–1933. – Peter Lang. 2007. – P. 141-152.
1405. Manning, P.K. Analytic induction // Qualitative Methods. A Handbook of Social Science Methods /Ed. by R.B. Smith, P.K. Manning. Vol. 2. – Cambridge, MA: Ballinger, 1982. – P. 273-302
1406. Manstein P. Die Mitglieder und Wahler der NSDAP. 1919 – 1933: Unters zu ihrer schichtmassigen Zussammensetzung. 2 Uberarb. Aufl. – Frankfurt a/ M., 1989. – 291 S.
1407. Maogoto, J.N., Coleman, A. Changing the Guard – The Wee of Democracy: lessons from the Arab Spring on Constitutionalism // The Arab Spring: New Patterns for Democracy and International Law /Ed. by Carlo Panara, Gary Wilson. – Leiden – Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2013. – P. 1-28.
1408. Marshall, G. Repositioning Class. Social Inequality in Industrial societies. – L.: SAGE Publication, 1997. – 256 p.
1409. Marshall, G., Rose, D., Newby, H., Vogler, C. Social Class in Modern Britain. L.: Routledge, 2005. – 336 p.
1410. Mason T.W. Social Policy in the Third Reich: The Working Class and the National Community, 1918–1939. Berg Publishers, 1993. – 434 p.
1411. Matzerath, H., Turner, H.A., Jr. Die Selbstfinanzierung der NSDAP 1930–1932 // Geschichte und Gesellschaft. – 1977. – № 3. – S. 59-92.
1412. Mayer, A.J. The Furies. Violence and Terror in the French and Russian Revolutions. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2000. – 716 p.

1413. Mazzoleni, G., Schulz W. «Mediatization» of Politics: A Challenge for Democracy? // Political Communication. – 1999. – Vol. 16. – Issue 3. – P. 247-261.
1414. McAdam, D. Beyond Structural Analysis: Toward a More Dynamic Understanding of Social Movements // Social Movements and Networks. Relational Approach to Collective Action /Ed. by Diani M., McAdam D. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – P. 281-298.
1415. McAdam, D., Snow, D.A. Social Movements: Readings on Their Emergence, Mobilization, and Dynamics. – Roxbury Pub., 1997. – 557 p.
1416. McAdam, D., Tarrow, S., Tilly, C. Dynamics of Contention. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 387 p.
1417. McCombs, M. E., Llamas, J.P., Lopez-Escobar, E., Rey, F. Candidate images in Spanish elections: Second-level agenda-setting effects // Journalism and Mass Communication Quarterly. – 1997. – Vol. 74. – № 4. – P. 703-716.
1418. McCombs, M., Bell, T. The agenda-setting role of mass communications // An Integrated Approach to Communication Theory and Research /Ed. by M.B. Salwen, D.W. Stacks. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1996. – P. 93-110.
1419. McCombs, M.E., Shaw, D.L. Structuring the “Unseen Environment” // Journal of Communication. – 1976. – Vol. 26. – № 2. – P. 18-22.
1420. McCombs, M.E., Shaw, D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // The Public Opinion Quarterly. – 1972. – Vol. 36. – No. 2. – P. 176-187.
1421. Mediatization: Concepts, changes, consequences /Ed. by Knut Lundby. – New York: Peter Lang, 2009. – 316 p.
1422. Meisel, J.H. Counter-revolution: how revolutions die. – Atherton Press. 1966. – 237 p.
1423. Melucci, A. Challenging Codes. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 441 p.
1424. Melucci, A. The Process of Collective Identity // Social Movements and Culture /Ed. by Johnson H. & Klandermas B. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995. – P. 41-63.
1425. Meraz, Sh. Is There an elite hold? Traditional media to social media agenda setting influence in blog networks // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2009. – Vol. 14, iss. 3. – P. 682-707.
1426. Merton, R. Social Structure and Anomie // American Sociological Review. – 1938. – Vol. 3. – № 5. – P. 672–682.
1427. Merton, R. The Thomas Theorem and The Matthew Effect // Social Forces. – 1995. – № 74(2). – P. 379-424.
1428. Methods of social movement research /Ed by Bert Klandermans, Suzanne Staggenborg. – University of Minnesota Press, Minneapolis, 2002. – 382 p.
1429. Meyer, D.S. Opportunities and Identities: Bride Building in the Study of Social Movements. // Social Movements: Identity, Culture, and the State /Ed. by Meyer D., Whittier N., Robnett B. – New York: Oxford University Press, 2002. – P. 3-23.

1430. Michels, R. Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. – N.Y.: Hearst's Intern. Library Co., 1915. – 416 p.
1431. Millar, J. The Origin of the Distinction of Ranks. – Basil: J.J. Tourneisen, 1793. – 284 p.
1432. Mitchel, O.C. Nazism and the Common Man: Essays in German History (1929–1939). – Burgess Publishing Company, 1972. – 110 p.
1433. Mühlberger, D. A Social Profile of the Saxon NSDAP Membership before 1933 // Szejnmann C-C.W. Nazism in Central Germany: The Brownshirts in 'red' Saxony. – Berghahn Books, 1999. – P. 211-219.
1434. Mühlberger, D. A Workers' Party or a Party without Workers? // The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany /Ed. by Conan Fischer. – Berghahn Books, 1996. – P. 47-77.
1435. Mühlberger, D. The social bases of Nazism, 1919–1933. – Cambridge University Press, 2003. – 95 p.
1436. Mühlberger, D. The Sociology of the NSDAP: the Question of Working Class Support // Mühlberger D., Madden P. The Nazi Party: The Anatomy of a People's Party. 1919–1933. – Peter Lang. 2007. – P. 53-78.
1437. Nazis and Fascists in Europe, 1918–1945 /Ed. by John Weiss. Quadrangle Books, 1969. – 241 p.
1438. Ndinojuo, B.-C.E., Ihejirika, W.C., Okon, G.B. Reinvigorating the Framing Theory: Appraising Reports on Nigerian Military and Boko Haram Insurgency // International Journal of Media, Journalism and Mass Communications. – 2018. – Vol. 4, iss. 4. – P. 10-19.
1439. Neisser, H. Sozialstatistische Analyse des Wahlergebnisses // Die Arbeit. – 1930. – No 7. – S. 654-659.
1440. New Social Movements: From Ideology to Identity /Ed. by Larana E., Johnston H., Gusfield J. – Philadelphia: Temple University Press, 2009. – 376 p.
1441. Norris, P. Global Political Communication: Good Governance. Human Development and Mass Communication // Comparing Political Communication: Theories, cases, and challenges /Ed. by F. Esser. B. Pfetsch. – Cambridge, 2004. – P. 115-150.
1442. Oberschall, A. Social Conflict and Social Movements. – Pearson Education, Limited, 1973. – 371 p.
1443. Oberschall, A. Social Movements: Ideologies, Interest, and Identities. – New Jersey: Transaction Publishers, 1993. – 402 p.
1444. Olson, M. The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups. – Cambridge – London: Harvard University Press, 2002. – 186 p.
1445. Ozouf, M. Festivals and the French Revolution. – Harvard University Press, 1991. – 378 p.
1446. Parsons, T. The Structure of Social Action. A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers. – Glencoe, Illinois: The Free Press, 1949. – 817 p.
1447. Payne, S.G. A History of Fascism: 1914–1945. – University of Wisconsin Press, 1995. – 613 p.

1448. Pettee, G.S. The Process of Revolution. – N.Y.: Harper & Brothers, 1938. – 167 p.
1449. Pratt, S.A. The Social Basis of Nazism and Communism in Urban Germany. A Correlational Study of the July, 31, 1932 Reichstag Election in Germany. – Michigan State University, 1948. – 554 p.
1450. Religion in the Context of Globalization. Essays on Concept, Form, and Political Implication /Ed. By Peter Beyer. – London: Routledge, 2013. – 232 p.
1451. Revolution in History /Ed. by Roy Porter and Mikuláš Teich. – Cambridge University Press, 1986. – 341 p.
1452. Revolution, Revolt and Reform in North Africa: The Arab spring and Beyond /Ed. by Ricardo Laremont. – Routledge, 2013. – 192 p.
1453. Revolution: Yearbook of the American Society for Political and Legal Philosophy /Ed. by C.J. Friedrich. – N.Y.: Atherton Press, 1966. – 246 p.
1454. Revolutions of the Late Twentieth Century /Ed. by Goldstone, Jack A., Ted Robert Gurr, and Farrokh Moshir. – Boulder: Westview, 1991. – 395 p.
1455. Roberts, M., McCombs, M. Agenda setting and political advertising: Origins of the news agenda. Political Communication. – 1994. – № 11:3. – P. 249-262.
1456. Robertson, R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities /Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. – SAGE Publications Ltd., 1995. – P. 25-44.
1457. Robinson, W.S. The Logical Structure of analytic induction // American Sociological Review. – 1951. – Vol. 16. – № 6. – P. 812-818.
1458. Rossides, D.W. Communication, Media, and American Society: A Critical Introduction. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. – 288 p.
1459. Roth, K.H. Die Nazionalsozialistiche Betriebszellenorganisation (NSBO) von der Gründung bis zur Röhm-Affäre (1928–1934) // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. – 1978. – № 1. – S. 49-66.
1460. Rummel, R.J. Understanding Conflict and War. V. 3. Conflict in Perspective. – Beverly Hills: Sage Publications, 1977. – 200 p.
1461. Russel, D.E.H. Rebellion, revolution, and armed force: a comparative study of fifteen countries with special emphasis on Cuba and South Africa. – Academic Press, 1974. – 210 p.
1462. Sanderson, S.K. Revolutions: a worldwide introduction to political and social change. Studies in comparative social sciences. – Paradigm Publishers, 2005. – 235 p.
1463. Sassen, S. A Sociology of Globalization. – W.W. Norton & Company, 2007. – 250 p.
1464. Saxton, G.D. Repression, Grievances, Mobilization, and Rebellion: a New Test of Gurr's Model of Ethnopolitical Rebellion // International Interactions. – 2005. – No 31. – P. 1-30.
1465. Scherer, K.R. Human aggression and conflict: interdisciplinary perspectives. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1975. – 337 p.
1466. Schumann, H. Nationalsozialismus und Gewerkschaftsbewegung. – Hannover, Frankfurt'M.: Norddt. Verlag-Anst., 1958. – 219 S.

1467. Selbin, E. Modern Latin American revolutions. 2nd ed. – Boulder, CO.: Westview Press, 1999. – 236 p.
1468. Sharp, G. Gandhi as a political strategist: with essays on ethics and politics. – P. Sargent Publishers, 1979. – 357 p.
1469. Sharp, G. The Politics of Nonviolent Action. – Boston: Porter Sargent, 1973. – 902 p.
1470. Shults, E. Revolution Forecasting – Formulation of the Problem // Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change /Ed. by Jack A. Goldstone, Leonid Grinin, Andrey Korotayev. – Springer Nature, 2022. – P. 1025-1035.
1471. Shults, E.E. Contemporary Russian Political Protest. – Moscow: Prospect, 2021. – 112 p.
1472. Shults, E.E. On Classification of Revolutions: An Attempt at a New Approach // Social Evolution & History. – 2019. – No. 2 (Vol. 18). – P. 244–259.
1473. Shults, E.E. Technologies for Managing Radical Mass Forms of Social Protest in Political Struggle. – Moscow: KRASAND, 2022. – 200 p.
1474. Simmel, G. The Sociology of Conflict // American Journal of Sociology. – 1904. – Volume 9, – Issue 4. – P. 490-525.
1475. Skocpol, T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. – Cambridge University Press, 1979. – 407 p.
1476. Smyth, R. Elections, Protest, and Authoritarian Regime Stability: Russia 2008–2020. – Cambridge University Press, 2020. – 268 p.
1477. Sneeringer, J. Winning Women's Votes: Propaganda and Politics in Weimar Germany. – University of North Carolina Press, 2002. – 365 p.
1478. Snow, D.A., Soule, S.A., Kriesi, H. Mapping the Terrain // The Blackwell Companion to Social Movements /Ed. by David A. Snow, Sarah A. Soule, Hanspeter Kriesi. – Blackwell Publishing, 2004. – P. 3-16.
1479. Social Movements: Identity, Culture, and the State /Ed. by Meyer D., Whittier N., Robnett B. – New York, Oxford: Oxford University Press, 2002. – 366 p.
1480. Solares, A.J. Cuba: The Disaster of Castro's Revolution. – Miami: Xlibris Corporation, 2010. – 28 p.
1481. Sorenson, D.S. Transitions in the Arab World. Spring or Fall? // Strategic Studies Quarterly. – Fall 2011. – P. 22-49.
1482. Sorokin, P.A. The Sociology of Revolution. – J.B. Lippincott, 1925. – 428 p.
1483. Staggenborg, S. Social Movements. – Oxford University Press, 2016. – 232 p.
1484. Steger, M.B. The Rise of the Global Imaginary. Political Ideologies from the French Revolution to the Global War on Terror. – Oxford University Press, 2008. – 318 p.
1485. Stephenson, J. Women in Nazi Germany. – Routledge, 2014. – 240 p.
1486. Stone, L. Theories of revolution // World Politics. – 1966. – Vol. XVIII. – № 2. – P. 159-176.
1487. Strauss, A. Qualitative Analysis for Social Scientists. – Cambridge University Press, 1987. – 319 p.

1488. Striefler, H. Deutsche Wahlen in Bildern und Zahlen. – Düsseldorf: Wende-Verlag W. Hagemann, 1946. – 65 S.
1489. Strömbäck, J. Four Phases of Mediatization: An Analysis of the Mediatization of Politics // The International Journal of Press/Politics. – 2008. – Vol. 13, Issue 3. – P. 228-246.
1490. Strömbäck, J. Mediatization of Politics. Towards a Conceptual Framework for Comparative Research // The Sourcebook for Political Communication Research: Methods. Measures, and Analytical Techniques /Ed. by E.P. Bucy, R.L. Holbert. – New York: Routledge, 2011. – P. 367-382.
1491. Stryker, R. Globalization and welfare state // International journal of sociology and social policy. – 1998. – Vol. 18, – № 2-4. – P. 1-49.
1492. Sylvia, J. J., Moody, K. False Information Narratives: The IRA's 2016 Presidential Election Facebook Campaign // Handbook of Research on Deception, Fake News, and Misinformation Online /Ed. by Innocent E. Chiluwa, Sergei A. Samoilenko. – IGI Global, 2019. – P. 326-348.
1493. Takeshita, T. Exploring the Media's Roles in Defining Reality: From Issue-Agenda Setting to Attribute Agenda Setting // Communication and democracy / Eds. M. McCombs, D. L. Shaw, D. Weaver. – Mahwah, NJ, 1997. – P. 15-28.
1494. Tarrow, S. Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics, 3-rd edition. – New York: Cambridge University Press, 2011. – 328 p.
1495. The Arab Spring: New Patterns for Democracy and International Law /Ed. by Carlo Panara, Gary Wilson. – Leiden – Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2013. – 306 p.
1496. The Arab Spring: Will It Lead to Democratic Transitions? /Ed. by Clement Henry, Jang Ji-Hyang, and Robert P. Parks. – Palgrave Macmillan, 2013. – 320 p.
1497. The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization /Ed. by John Foran. – Zed Books, 2003. – 346 p.
1498. The Handbook of Political, Social, and Economic Transformation /Ed. by Wolfgang Merkel, Raj Kollmorgen, and Hans-Jürgen Wagner. – Oxford University Press, 2019. – 632 p.
1499. The Psychology of Fake News: Accepting, Sharing, and Correcting Misinformation /Ed. by Rainer Greifeneder, Mariela E. Jaffé, Eryn J. Newman, and Norbert Schwarz. Routledge, 2021. – 239 p.
1500. Theorising Media and Conflict / eds. P. Budka, B. Brauchler. – New York: Berghahn, 2020. – 350 p.
1501. Theorizing Revolutions /Ed.by John Foran. New York: Routledge, 1997. – 300 p.
1502. Therbom, G. Globalizations: Dimensions, Historical Waves, Regional Effects, Normative Governance // International Sociology. – 2000. – № 15 (2). – P. 151-179.
1503. Thomas, K. Women in Nazi Germany. – London: V. Gollancz, 1943. – 102 p.
1504. Thompson, J.B. Media and Modernity: A Social Theory of the Media. – Stanford University Press, 1995. – 314 p.

1505. Tilly, C. From Mobilization to Revolution. – University of Michigan, 1977. – 510 p.
1506. Tilly, C. Regimes and Repertoires. London, Chicago: – The University of Chicago Press, 2006. – 266 p.
1507. Tilly, C. Social movements, 1768–2004. – Paradigm Publishers, 2004. – 194 p.
1508. Timmermans, A., Breeman, G. The policy agenda in multiparty government: Coalition agreements and legislative activity in the Netherlands // Agenda setting, policies and political systems: A comparative approach /Ed. by Green-Pedersen Ch. and Walgrave S. – The University of Chicago Press, 2014. – P. 86-104.
1509. Tönnies, F. The Present Problems of Social Structure // The American Journal of Sociology. – 1905. – Vol. 10. – № 5. – P. 569-688.
1510. Tullock, G. The Paradox of Revolution // Public Choice. – 1971. – Vol. 11. – P. 89-99.
1511. Turchin, P., Korotayev, A. Population Dynamics and Internal Warfare: A Reconsideration // Social Evolution & History. – 2006. – N 5(2). – P. 112-147.
1512. Tweets from Tahrir. Egypt's revolution as it unfolded, in the words of the people who made it /Ed. by Nadia Idle and Alex Nunns. – N.Y.: OR Books, 2011. – 234 p.
1513. Vartanova, E.L., Dunas, D. V. Gladkova, A. A Media representation of social conflict: approaches to the formation of a theoretical model // Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities. – 2024. – No. 17(10). – pp. 2015-2026.
1514. Vartanova, E.L., Dunas, D.V. Media conflictology as a field of research: working out theoretical approaches // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism. – 2023. – Vol. 28. – No. 4. – pp. 724-733.
1515. Vishnevsky, A. Modernization and Counter-Modernization in Russia // Russia in Global Affairs. – 2006. – Vol. 4. – № 2. – P. 8-22.
1516. Wallerstein, I. Globalization or the age of transition? A long-term view of the trajectory of the world system // Globalization: Critical Perspectives /Ed. by Gernot Kohler, Emilio José Chaves. – N.Y.: Nova Publishers, 2003. – P. 17-28.
1517. Ward, K. Mass Communications and the Modern World. – The Macmillan Press, 1994. – 214 p.
1518. Waves of Protest: Social Movements Since the 1960s /Ed. by Jo Freeman, Victoria Lee Johnson. – Maryland: Rowman & Littlefield, 1999. – 381 p.
1519. Weaver, D.H. Thoughts on Agenda Setting, Framing, and Priming // Journal of Communication. – 2007. – № 57 (1). – P. 142-147.
1520. Weber, A. Soziale Merkmale der NSDAP-Wähler. – Albert-Ludwigs-Universität zu Freiburg, 1969. – 281 S.
1521. Weber, M. The Routinization of Charisma // Theories of Society. Foundation of Modern Sociological Theory. Vol. II. – N.Y.: The Free Press of Glencoe, Inc., 1961. – P. 1297-1304.
1522. Weeks, D. Conflict partnership: How to deal effective with conflicts. – Orange, CA: Trans World Productions, 1984. – 128 p.

1523. Wehler, H.-U. Aus der Geschichte lernen? Essays. – München: Verlag C.H. Beck, 1988. – 323 S.
1524. Wehler, H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 4: Vom Beginn des Ersten Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten 1914–1949. – Bonn: Verlag C.H. Beck, 2009. – 1173 S.
1525. Wehr, P.E. Conflict regulation. – Boulder. Colo.: Westview Press, 1979. – 245 p.
1526. Weitz, E.D. Communism and the Public Spheres of Weimar Germany // Between reform and revolution: German socialism and communism from 1840 to 1990 /Ed. by David E. Barclay, Eric D. Weitz. – N.Y.-Oxford: Berghahn Books, 2009. – P. 275-292.
1527. Welch, D. Propaganda and the German Cinema, 1933–1945. – Bloomsbury Publishing, 2001. – 288 p.
1528. Welch, D. The Third Reich Politics and Propaganda. Second Edition. – London, New York: Taylor&Francis, 2007. – 260 p.
1529. Wickham, J. Working-Class Movement and Working-Class Life: Frankfurt am Main in the Weimar Republic // Social History. – 1983. – № 8. – P. 315-343.
1530. Wright, T.C. Latin America in the Era of the Cuban Revolution. – Greenwood Publishing Group, 2001. – 235 p.
1531. Zald, M.N., Ash, R. Social Movement Organizations: Growth, Decay, and Change // Social Forces. – 1966. – 44 (3). – P. 327-340.
1532. Zald, M.N., McCarthy, J.D. Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays. – New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1987. – 435 p.
1533. Zitelmann, R. Historiografische Vergangenheitsbewältigung und Modernisierungstheorie. Nationalsozialismus; Faschismus, Stalinismus // Diktatur und Emanzipation. Zur russischen und deutschen Entwicklung 1917–1991 /B. Faulenbach und M. Stadelmaier (Hg.). – Essen: Klartext, 1993. – S. 111-135.